

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА РУСИ

Валерий ДЁМИН

Г И П Е Р Б О Р Е Я

Валерий ДЁМИН

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА РУСИ

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ
НА СЕВЕР

СИМВОЛЫ ВСЕЛЕННОЙ

ПОД СЕНЬЮ
АНДРЕЕВСКИХ КРЕСТОВ

В СВЯТИЛИЩЕ
ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Валерий ДЁМИН

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА РУСИ

Москва
«ВЕЧЕ»
2007

ББК 63.3(2)
Д30

2-е издание, исправленное и дополненное

Д30 **Дёмин В.Н.**

Северная прародина Руси / В.Н. Дёмин — М. : Вече, 2007. — 576 с. — (Гиперборея).

ISBN 978-5-9533-2152-5

Откуда ты, русское племя? В разное время на этот вопрос отвечали по-разному. Мнения современных ученых также не совпадают. Доктор философских наук В.Н. Дёмин отстаивает и развивает концепцию Полярной прародины человечества. В книге приводятся разносторонние аргументы и факты в пользу существования в далеком прошлом на Севере высокоразвитой цивилизации, называемой гиперборейской. Полученные выводы были подкреплены сенсационными открытиями в ходе экспедиций на Кольский полуостров.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-2152-5 © Дёмин В.Н., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ВВОДНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	20
ДВА ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ РУСИ	20
АРХЕОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА	27
МИФОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, НАУКА	36
ЧАСТЬ 1	
ДА, МЫ – ГИПЕРБОРЕИ!	46
ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ НА СЕВЕР	46
ЗОЛОТОЙ ВЕК НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ	72
СТРАНА ЛЕБЕДИЯ – ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ДАЛЬ РОССИИ	99
РУСЬ ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ	127
СИМВОЛЫ ВСЕЛЕННОЙ	155

ГЕРМЕС ТРИЖДЫВЕЛИЧАЙШИЙ	179
СТРАНА СТАРИННАЯ – СТОРОНА БЫЛИННАЯ	212

ЧАСТЬ 2

ЗАГАДКИ МИФОЛОГИИ – ТАЙНЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ	230
РУССКИЕ БОГИ	230
ПЕРВОБОГИ	230
БОГИ СВЕТОДАРЯЩИЕ	242
БОГИ ЖИЗНЕТВОРЯЩИЕ	268

ЧАСТЬ 3

КОСМИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА	294
НАРОД И КОСМОС	294
КОСМИЧЕСКОЕ ЯЙЦО	318
КОСМИЧЕСКОЕ КОЛЕСО	347
КОСМИЧЕСКОЕ ДРЕВО	365
КОСМИЧЕСКАЯ КОРОВА (БЫК)	383
КОСМИЧЕСКИЙ КОНЬ	397
МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ	403

ЧАСТЬ 4

ЗДРАВСТВУЙ, ГИПЕРБОРЕЯ!	421
1997 ГОД	422
1998 ГОД	431
ПОД СЕНЬЮ АНДРЕЕВСКИХ КРЕСТОВ	432
В СВЯТИЛИЩЕ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ	439

1999 ГОД	449
НЕВИДИМКА ПОКАЗЫВАЕТ ЛИЦО	449
ТАНЦУЮЩИЕ КАМНИ ГИПЕРБОРЕИ	452
ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЁН?	456
2000 ГОД	460
КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ	460
МАГИЧЕСКИМИ ПУТЯМИ ГИПЕРБОРЕЕВ	463
ВАРЯЖСКИЙ СЛЕД В ГИПЕРБОРЕЕ	465
2001 ГОД	469
2002 ГОД	477
2003 ГОД	486
2004 ГОД	495
2005 ГОД	500
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	502
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	509
ИЗ РОДНИКА ЕДИНОГО	509
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	519
БЫЛ ЛИ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД?	519
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	537
ПРЕВНЕЙШИЕ КОРНИ РУССКОГО ИМЕНИ	537
ЮРА (ЮРИЙ)	537
ВАРЯ	540
ШУРА	542

В.Н. ДЕМИН

КОЛЯ 544

ВОЛОДЯ 546

ПРИМЕЧАНИЯ 548

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 569

...Но ты учишь вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

Александр Блок

ПРОЛОГ

Ранней осенью 1922 года по берегу священного лапландского Сейдозера, в одном из самых труднодоступных уголков Кольского полуострова, пробирался отряд обессиленных людей. Скоро вечер — надо спешить. И вдруг вдали в скользящих лучах солнца проступила гора. На ее отлогом каменистом склоне отчетливо выделялась гигантская — до 100 м — фигура человека с крестообразно раскинутыми руками (рис. 1). Так Александр Барченко увидел то, к чему, быть может, стремился всю свою жизнь. Перед ним был несомненный след, оставленный той древнейшей и давно исчезнувшей с лица земли цивилизации, которую античные авторы именовали гиперборейской: слово указывало на ее местонахождение — за Бореєм — Северным ветром, или просто — на Севере.

Казалось, все силы земли и неба ополчились против горстки смельчаков, задумавших выведать одну из самых сокровенных тайн истории. Проводники-саамы (лопары) с ужасом и мольбой отговаривали их от намеченного маршрута. На обратном пути налетевший вихрь едва не потопил лодку. Физиче-

Рис. 1. Фотография гигантского наскального изображения в районе Сейдозера (Кольский п-ов)

ски ощущалось враждебное противодействие каких-то неведомых природных сил. Но вожатый продолжал двигаться к избранной цели, как Амундсен к своему полюсу.

Из дневника участника экспедиции Александра Кондайна — ученого-астрофизика, близкого друга Барченко, впоследствии разделившего печальную судьбу друга:

«10/IX. «Старики». На белом, как бы расчищенном фоне <...> выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Мотовская губа поразительно, грандиозно красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2—3 шириной, ограниченный справа и слева гигантскими отвесными скалами до 1 версты высоты. Перешеек между этими горами, которыми ограничивается губа, порос чудесным лесом — елью, роскошной елью, стройной, высокой до 5—6 саж., густой, типа таежной ели.

Кругом горы. Осень разукрасила склоны вперемешку кушами берез, осин, ольх. Вдали <...> раскинуты ущелья, среди которых находится Сейдозеро. В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь. Рядом со снегом, там и сям пятнами лежавшим на склонах ущелья, виднелась желтовато-белая колонна, вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы виднеется гигантская пещера на высоте саж. 200, а рядом нечто вроде склепа. <...>

Вечером, после короткого отдыха, идем на Сейдозеро. К сожалению, мы пришли туда после захода солнца. Ущелья уже были закрыты синей мглой. Очертания «Старика» смутно выделялись на белом плафоне горы. К озеру через Тайболу ведет роскошная тропа. Вернее, широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мошенная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Все говорит за то, что в глубокую древность роша эта была заповедной и возвышение в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед «Стариком».

Александр Васильевич Барченко (1881—1938) — одна из трагических и загадочных личностей XX века. Носитель Великой Тайны, он судя по всему, навсегда унес ее в Мир иной. Попытки оставить хоть какую-то информацию для потомков предпринимались. Даже удалось убедить палачей отсрочить исполнение смертного приговора. Ему дали карандаш и уе-систую стопку бумаги, чтобы смертник обстоятельно изложил

все, что знал. А расстреляли на другой день после завершения исповеди. Рукопись немедленно упрятали, да так, что с тех пор ее почти никто не видел. Даже легенду сочинили: дескать, пропало все, когда в трагическом 41-м немцы подошли к Москве и пришлось сжечь архивы НКВД. Верится не очень — больно уж велика была засекреченная тайна!

Теперь можно лишь догадываться, что было в той пропавшей рукописи. Но догадаться в общих чертах можно! О многом Барченко написал еще в своих дореволюционных романах: пещеры в Гималаях и на Русском Севере, подземные хранилища глубочайших тайн мировой цивилизации, замурованные отшельники и т.п. [Беллетристика Барченко была частично переиздана в 1991 г. в издательстве «Современник» его наследниками — сыном и внуком. Им обоим выражаю искреннюю признательность за предоставление фактического материала из семейного архива. — В.Д.]. Описано все в полуфантастических романах Барченко так, как будто автор все видел своими глазами. Впрочем, кто его знает: видел или нет. Ведь сохранилось в протоколах допроса на Лубянке глухое признание: в пору дореволюционных скитаний довелось ему посетить не одну из заморских стран якобы с коммерческими целями. А после революции организовал экспедицию на Кольский полуостров в поисках следов Прародины человечества. И нашел-таки, проложив маршрут таким образом, как будто точно знал, где и что следует искать.

В этом Универсальном Знании как раз вся-то и суть. Ибо Знание сие тайное, сокровенное, эзотерическое, как говорили в старину, да к тому же еще и древнее. Таким же знанием владел и Николай Рерих, когда вместе с женой и сыновьями готовил экспедицию на Алтай, в Тибет и Гималаи. Собственно, искал Рерих в Центральной Азии то же самое, что и Барченко в Русской Лапландии. И руководствовались они, судя по всему, одним и тем же источником, восходящим к масонским, а еще ранее — к тамплиерским архивам, в свою очередь, уходящим своими корнями в древнейшую эпоху. Даже личные контакты между ними, скорее всего, были: в 1926 году в Москве, когда Рерих привозил Послание махатм советскому правительству (еще один из таинственных эпизодов истории, но уже связанный с семьей Рерихов). Барченко убедился лишний раз в своих предположениях, когда неожиданно столкнулся с русским отшельником из глухих костромских лесов — храни-

телем древнего тайного знания. Тот сам под видом юридивого пробрался в Москву, отыскал Барченко и поведал ученому о вешах невероятных (этот факт стал известен и Рериху). Полученную информацию впоследствии предполагалось обсудить с известнейшим бурятским этнографом Цыбиковым, первым россиянином, еще в начале века проникшим в Тибет под видом ламы-паломника. Переписка Барченко с Цыбиковым чудом сохранилась в Государственном архиве в Улан-Удэ.

Из письма А.В. Барченко проф. Г.Ц. Цыбикову 24 марта 1927 года.

<...> Это убеждение мое [об Универсальном Знании. — В.Д.] нашло себе подтверждение, когда я встретился с русскими, тайно хранившими в Костромской губернии Традицию $\overline{\text{ᠭᠢᠯᠢᠨᠰᠢᠶ᠋ᠠ}}$ [Дюн-Хор]. Эти люди значительно старше меня по возрасту и, насколько я могу оценить, более меня компетентные в самой Универсальной науке и в оценке современного международного положения. Выйдя из костромских лесов в форме простых юридивых (ниших), якобы безвредных помешанных, они проникли в Москву и отыскиали меня <...> Посланный от этих людей под видом сумасшедшего произносил на площадях проповеди, которых никто не понимал, и привлекал внимание людей странным костюмом и идеограммами, которые он с собой носил <...> Этого посланного — крестьянина Михаила Круглова — несколько раз арестовывали, сажали в ГПУ, в сумасшедшие дома. Наконец, пришли к заключению, что он не помешанный, но безвредный. Отпустили его на волю и больше не преследуют. В конце концов, с его идеограммами случайно встретился в Москве и я, который мог читать и понимать их значение.

Таким образом, установилась связь моя с русскими, владеющими русской ветвью Традиции $\overline{\text{ᠭᠢᠯᠢᠨᠰᠢᠶ᠋ᠠ}}$ [Дюн-Хор]. Когда я, опираясь лишь на общий совет одного южного монгола, <...> решился самостоятельно открыть перед наиболее глубокими идейными и бескорыстными государственными деятелями большевизма (имеется в виду прежде всего Ф.Э. Дзержинский. — В.Д.) тайну $\overline{\text{ᠭᠢᠯᠢᠨᠰᠢᠶ᠋ᠠ}}$ [Дюн-Хор], то при первой же моей попытке в этом направлении, меня поддержали совершенно неизвестные мне до того времени хранители древнейшей русской ветви Традиции $\overline{\text{ᠭᠢᠯᠢᠨᠰᠢᠶ᠋ᠠ}}$ [Дюн-Хор]. Они постепенно углубляли мои знания, расширяли мой кругозор. А в нынешнем году <...> формально приняли меня в свою среду <...>

Поразительные факты! Барченко (и не он один — существовало целое сообщество хранителей древнего Универсального Знания) имел, читал и понимал древнейшие тексты, написанные «идеографическим» письмом. Более того, похоже, что когда-то существовали фотографии данных текстов. Быть может, они и есть тот заветный ключик, который отомкнет двери в такие тайники седой старины, о каких еще вчера даже не смело мечтать самое необузданное воображение. Что касается Традиции Дюн-Хор, то она означает хорошо известное учение Калачакры.

У Барченко была стройная историософская концепция развития мировой цивилизации, Золотой век ее в северных широтах продолжался 144 тысяч лет и завершился 9 тысяч лет назад исходом индоариев на Юг во главе с предводителем Рамой — героем великого индийского эпоса «Рамаяна». Причины тому были космического порядка: при благоприятных космических условиях происходит расцвет цивилизации, при неблагоприятных — ее упадок. К тому же космические силы приводят к периодическому повторению на Земле «потопов», перекраивающих сушу и перемешивающих расы и этносы. Руководствуясь этими идеями, Барченко сумел организовать экспедицию, которая в 1922 году обследовала глухие районы Кольского полуострова. Главной целью (точнее — тайной подцелью) были поиски следов древней Гипербореи. И нашел ведь! И не только гигантскую черную фигуру человека с крестообразно раскинутыми руками, но и прямоугольно обтесанные гранитные глыбы (а на вершине гор и в болоте — «пирамиды»), вымошенные участки тундры — остатки древней дороги (?) в труднодоступных местах, где вообще отсутствовали всякие дороги. Участники экспедиции сфотографировались у расщелины-лаза, уводящего в глубины земли, но спуститься по нему не решились, так как почувствовали противодействие природных сил. Наконец, своего рода талисманом путешественников стал «каменный цветок» с изображением «лотоса» (?). Барченко многое знал, но немногое имел право сообщить своим спутникам...

К сожалению, результаты изысканий не сделались достоянием широкой общественности, а были засекречены и исчезли в архивах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Барченко обладал экстрасенсорными способностями. Занимался вопросом передачи мыслей на расстояние (кстати, на Кольском п-ве он действовал с мандатом Института изучения мозга и с личного благословения

академика В.М. Бехтерева) и был привлечен к работе в органах госбезопасности, где возглавил сверхсекретную лабораторию оккультного направления. Но и это еще не все. В 1926 году Барченко по личному указанию Дзержинского возглавил совершенно секретную экспедицию в пещеры Крыма. Цель — все та же: поиски остатков древних цивилизаций, которые, согласно концепции русского ученого, владели универсальным Знанием. Но Барченко искал большее: он считал, что древние цивилизации владели тайной расщепления атома, иными источниками энергии, а также действенными средствами психотронного воздействия на людей. И сведения о том не исчезли, они сохранились в закодированной форме, их можно отыскать и расшифровать. Этим не в последнюю очередь и объясняется повышенный интерес к его изысканиям со стороны чекистов и лично Дзержинского. Было ли найдено искомое доказательство? Ответ на этот вопрос сокрыт за семью печатями. Секретные службы всегда умели хранить свои тайны.

Не исключал Барченко и возможности палеоконтактов между древнечеловеческой и внеземными цивилизациями. На сей счет он располагал какими-то особыми сведениями. Одна из скрытых подцелей Кольской экспедиции заключалась в поисках таинственного камня, ни больше ни меньше как с Ориона. Этот камень был якобы способен накапливать и передавать на любые расстояния психическую энергию, обеспечивать непосред-

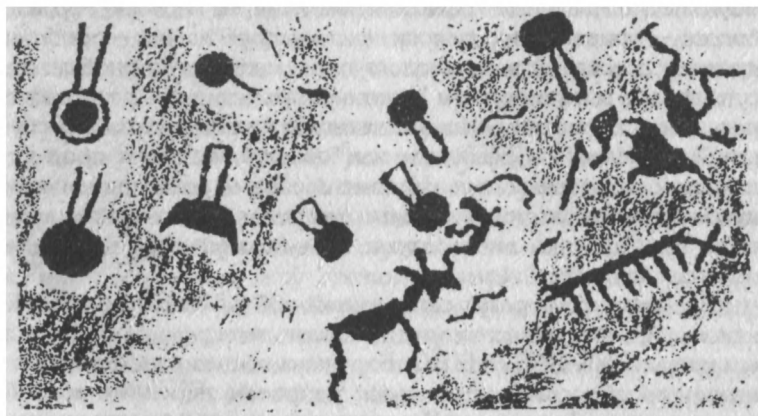

Рис. 2. Петроглифы Онежского озера с космическими мотивами

ственный контакт с космическим информационным полем, что давало обладателям такого камня знание о прошлом, настоящем и будущем. Этот вопрос занимал и академика Бехтерева. Во всяком случае, он был в курсе намерений Барченко и поручил ему заодно специально исследовать таинственное явление «мерячения» — присущего северным аборигенам состояния массового транса, в который они впадали под воздействием различных факторов, в том числе и шаманских камланий. Но не их одних: «мерячение» имело и чисто природную обусловленность, связанную с северными широтами, что требовало изучения и объяснения.

Но не шутка ли все это? Не досужая ли выдумка? Да нет! Ведь неспроста древние авторы, включая крупнейших античных историков, настойчиво сообщают о северном летающем народе — гиперборейцах. Такими, правда, не без иронии, их подробно описал еще Лукиан. Может ли быть такое — чтобы древние жители Арктики владели техникой воздухоплавания? А почему бы и нет? Сохранились ведь во множестве изображения вероятных летательных аппаратов — типа воздушных шаров — среди наскальных рисунков Онежского озера (рис. 2). Есть среди них и предположительное изображение летяще-

Рис. 3. Древнейшее изображение летящего гиперборейца (?) (онежский петроглиф)

Рис. 4. Аполлон летит в Гиперборею (изображение на древнегреческой вазе)

го гиперборейца (рис. 3). Русский фольклор также сохранил немало образов-символов летательных средств: Летучий корабль, Деревянный орел, Ковер-самолет, Ступа Бабы-яги и др. Эллинский Солнцебог Аполлон, рожденный титанидой Лето (ср.: русское «лето») в Гиперборее и получивший по месту рождения один из своих главных эпитетов, постоянно посещал свою далекую родину и прародину практически всех средиземноморских народов. Сохранилось несколько изображений Апол-

Рис. 5. Русские Сирины (резьба, лубок)

Рис. 5-а. Алконост (худ. И.Я. Билибин)
и Гамаюн (худ. В.М. Васнецов)

лона, летящего к гиперборейцам. При этом художники упорно воспроизводили совершенно нетипичную для античной изобразительной символики крылатую платформу (рис. 4), восходящую, надо полагать, к какому-то реальному прообразу.

Думается, не случайно и в северном искусстве сложился настоящий культ крылатых людей. Уместно предположить, что особо любимые и чтимые на Руси образы птицевед Сирина, Алконоста, Гамаюна (рис. 5, 5-а) уходят своими корнями в глубокую гиперборейскую древность — не обязательно напрямую, а, скорее всего, через взаимодействие разных культур, опосредованных в пространстве и во времени. Совсем недавно множество литых бронзовых фигурок крылатых людей, вновь заставляющих вспомнить о гиперборейцах, обнаружено при раскопках святилища на о. Вайгач (рис. 6), расположенном в акватории Ледовитого океана — месте прописки древней Гипербореи.

Но еще раньше множество стилизованных бронзовых изображений птицелюдей было найдено в разных местах Прикамс-

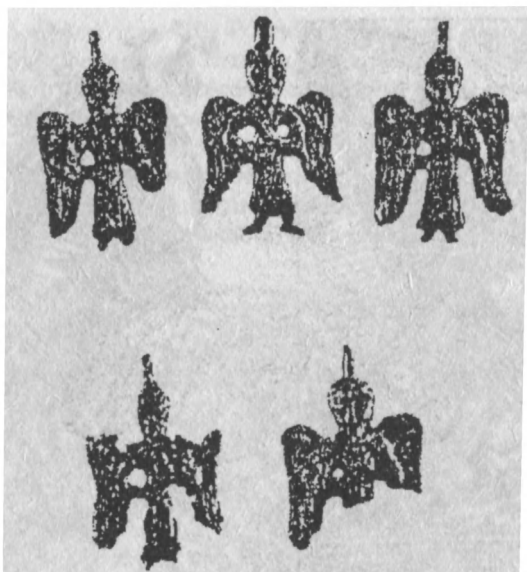

Рис. 6. Бронзовые фигурки крылатых людей (гиперборейцы?) с о. Вайгач

кого региона и Приполярного Урала (рис. 7). Это образцы так называемого Пермского звериного стиля. Почему-то их принято именовать «чудскими древностями» и односторонне привязывать к финно-угорской культуре: раз последними по времени аборигенами здесь являются коми, ханты, манси и другие народы, значит, именно им и принадлежат обнаруженные археологами предметы и изделия. Однако истоки финно-угорских, самодийских, индоевропейских и всех других народов следует искать в нерасчлененном северном Пранароде с единым языком и культурой. Именно в эту гиперборейскую древность уходят и корни Пермского стиля с его крылатыми птицелюдьми, распространенными, впрочем, по всему земному шару — вплоть до Южной Америки и о. Пасхи. Подтверждением тому служат и другие сюжеты чудских (в смысле «чудесных» от русского слова «чудо») сокровищ. Так, повсеместно распространенными являются изображения двоянных солнечных коней (рис. 8), найденных также и в Прикамье. Но доказывает это лишь одно — общемировое происхождение культур и их носителей!

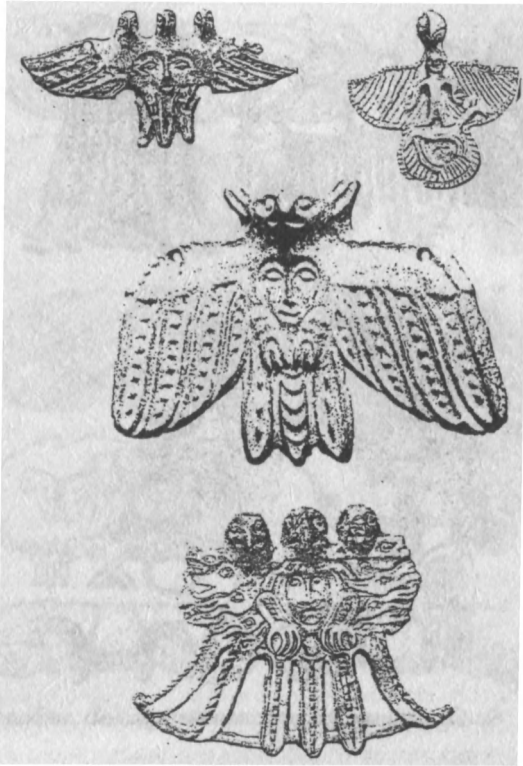

Рис. 7. Литые изображения птицелюдей из Прикамья

Описания «механизма» полетов во множестве сохранились в памяти северных народов в виде устойчивых фольклорных образов, бережно передаваемых из поколения в поколение. Ниже, в основной части книги, будут приведены русские устные и письменные свидетельства. Сейчас же уместно напомнить кульминационный эпизод «Калевалы», где рассказывается о решающем морском сражении между главными героями карело-финского эпоса с противостоящим им народом далекой северной земли Похьёлы за право владения волшебной мельницей Сампо — неиссякаемым источником богатства и процветания. Действие происходит посреди моря-океана. Испробовав все боевые средства против сынов страны Калевы и потерпев неудачу, владычица Похьёлы — ведьма Лоухи — оборачивает

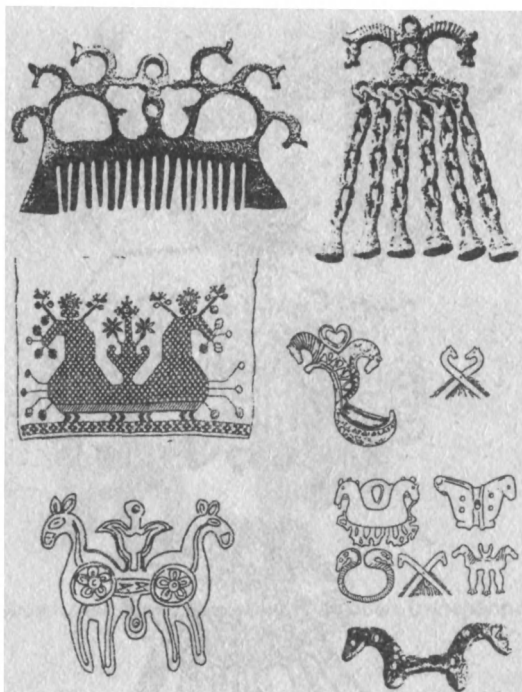

Рис. 8. Сдвоенные фигуры коней у разных народов

ся гигантской птицей — «летучим кораблем». Вот как это выглядело в передаче народных сказителей:

*Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.*

Дополнительным доводом в пользу сказанного может послужить еще один факт, продолжающий «крылатую тематику». Археологов не перестает удивлять обилие так называемых крылатых предметов, постоянно находимых в эскимосских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории

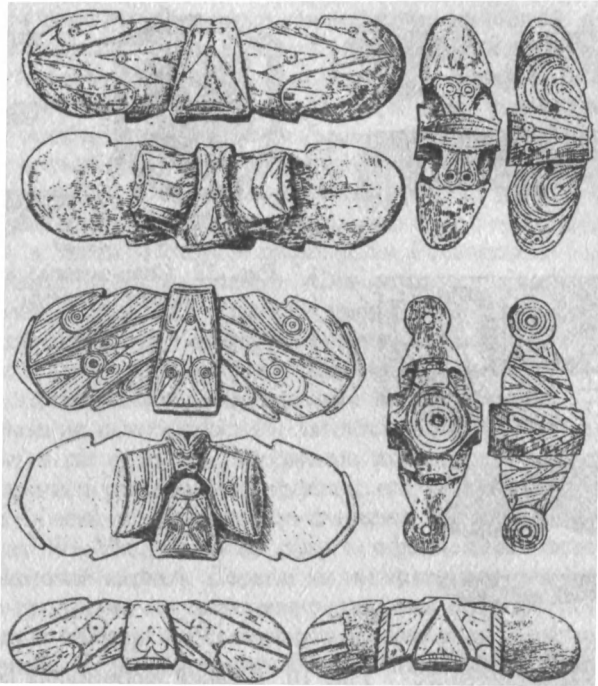

Рис. 9. Эскимосские «крылатые предметы»

Арктики. Вот он — еще один символ Гипербореи! Сделанные из моржового клыка (откуда их поразительная сохранность), эти распростертые крылья, не вписывающиеся ни в какие каталоги, сами собой наводят на мысль о древних летательных приспособлениях (рис. 9).

Впоследствии эти символы, передаваясь из поколения в поколение, распространились по всему свету и закрепились практически во всех древних культурах: египетской, ассирийской, хеттской, персидской, ацтекской, майя и так — до Полинезии (рис. 10). Ныне парящие крылья как подсознательная память о заре человечества стали эмблемой российской авиации и космонавтики (рис. 11).

Таковы некоторые факты и гипотезы. Вопросов больше, чем ответов. Тем не менее логика неопровержима. Она-то — логика научного поиска — и будет путеводной нитью в дальней-

Рис. 11. Современные авиационные эмблемы

Рис. 10. Древние изображения крылатых символов у разных народов

шем путешествии в глубь и даль веков и тысячелетий. Надежные и апробированные методы есть, хотя, быть может, они не столь привычны для читателя. Потому-то и необходимы некоторые предварительные пояснения. С них и начнем...

ВВОДНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

ДВА ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Со времени воинствующих русофобов-норманистов XVIII—XIX веков в исторической литературе насаждается далекая от науки точка зрения, согласно которой собственно русская ис-

тория начинается якобы с призвания варяжских князей, а также с последовавшего вскоре вслед за этим принятия христианства. А до той поры пребывал русский народ, дескать, в диком, варварском состоянии, не говоря уж о том, что славянские племена вообще являются пришлыми на территории, где они обитают в настоящий момент. Укреплению данных идей, весьма далеких от действительности, к сожалению, во многом содействовал *Николай Михайлович Карамзин* (1766—1826), задавший тон в своей «Истории государства Российского» следующей меланхолической фразой: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками»¹.

Отрицание самобытности и автохтонности древней русской культуры, а по существу отторжение древнейших корней русского народа и установление границы его исторического бытия где-то в IX веке н.э. (некоторые снижают эту ограничительную планку до IV—VI в.) было на руку и официальным властям, и представителям церкви. Первых не интересовало что бы то ни было за пределами государственно-правовых структур, а их возникновение однозначно связывалось с появлением первой правящей династии Рюриковичей. Вторых более чем устраивал тезис о дикости нравов и культуры русских людей до принятия христианства. Позиция эта, всячески поощряемая и культивируемая, дожила до наших дней и заняла доминирующее положение в школьных и вузовских учебниках, научной и популярной литературе, в средствах массовой информации и т.д. В результате повсеместно насаждается мнение, что до определенных (указанных выше) временных пределов русский народ как бы вовсе и не существовал, пребывая во внеисторическом состоянии, а когда возник (вроде бы из небытия) на исторической арене, то просто воспринял идеологию, культуру и государственно-правовые традиции, сложившиеся до него и без него.

По счастью, в русской исторической науке всегда была сильна и другая струя. Многие выдающиеся и рядовые исследователи постоянно искали истоки русской самобытности в самых глубинах человеческой истории, не противопоставляя славян древнейшим этносам, жившим на территории современной России, и отыскивая русские корни (и не только их) у народов, испокон веков обитавших на Севере и в других облас-

тях Евразии. Эта традиция восходит к двум замечательным деятелям отечественной науки — *Василию Никитичу Татишеву* (1686—1750) и *Михаилу Васильевичу Ломоносову* (1711—1765). Труды обоих, посвященные древнейшей русской истории, были опубликованы посмертно; первый том «Истории Российской» Татишева, где подробнейшим образом рассматривается генезис русского народа, увидел свет даже на год позже ломоносовской «Древней российской истории...» (хотя и создан был почти на два десятилетия раньше). Однако оба русских ученых независимо друг от друга отстаивали одну и ту же мысль: корни русского народа уходят в глубины тысячелетий и затрагивают этносы, издревле заселявшие север Евразии и известные под разными именами античным и иным авторам (к последним можно отнести составителей библейских книг, арабских, персидских, китайских и других хронистов).

Татишев напрямую вел родословную славян (а следовательно, и русских) от скифов, по современным данным появившихся в Причерноморье ориентировочно в VII веке до н.э., ареал же их расселения распространял далеко на Север и в Сибирь, именую наших далеких северных прапредков скифами [гиперборейскими. Праотцом славян и русских, исходя из данных вавилонского летописца Бероса, Иосифа Флавия и более поздних историков вплоть до анонимного автора «Синописа» XVII века, Татишев считал Мосоха — шестого сына библейского Яфета (Иафета) и внука легендарного Ноя. А.И. Асов удачно объясняет происхождение имени Моск от протославянского и древнерусского слова «мозг»: в устной речи две последние согласные становятся глухими, и все слово звучит как «моск». От имени Мосоха (Моска) впоследствии образовались наименования: Москва — сначала река, затем и город на ней, Московия, московиты, москвитяне, москвичи... Яфет (Иафет) же, сын Ноя, по мнению многих, тождественен греческому титану Япету (Иапету), отцу Прометея, жившему, как и все другие титаны (после поражения от Олимпийцев и временного низвержения в Тартар), на Островах Блаженных, на самом краю Земли, то есть на Крайнем Севере — в Гиперборее (о чем речь пойдет впереди).

Родословная потомков Ноя и основанные на ней легенды были когда-то чрезвычайно популярны на Руси² и породили вереницу апокрифических сочинений. Насчитывается около ста списков подобных «повестей» — преимущественно XVII века; некоторые из них полностью вошли в хронографы и летопис-

цы (например в «Мазуринский летописец»). Публикация данных произведений, исключительно важных для понимания русской предыстории и становления национального самосознания, прекратилась еще в прошлом веке. Современные ученые вообще считают их продуктом чистого сочинительства. Сидел якобы некто (и откуда такой прозорливец взялся?), глядел в потолок и от нечего делать сочинял что в голову придет, а другие потом у него списали. Так ведь получается? Но нет! Безымянные авторы, вне всякого сомнения, опирались на какие-то не дошедшие до нас источники (если не письменные, то устные). Следовательно, ядро этих повестей опирается на действительную историю, хотя и закодированную в виде образов дописменного творчества народных масс.

Историки-снобы подчеркнута высокомерно и чуть ли не с брезгливостью относятся к попыткам свести генезис древних народов к отдельно взятым предкам или родоначальникам, рассматривая это исключительно как акт мифопоэтического творчества. Но факты говорят о другом. Никто ведь не усматривает ничего крамольного в высказываниях типа: «Иван Грозный взял Казань»; «Петр Великий построил Петербург»; «Суворов перешел через Альпы»; «Кутузов разгромил Наполеона». Каждому ясно: хотя речь идет о событиях, связанных с деяниями больших масс людей, символизируют их в каждом конкретном случае отдельные личности. Так было в прошлом, так будет всегда. Кроме того, родословие во все времена начиналось с какой-то точки отсчета, и к ней всегда привязывалось конкретное лицо — пусть даже легендарное.

Татишев не был одиночкой в изучении древнейших корней русского племени. Не менее скрупулезно и панорамно данная проблема проанализирована *Василием Кирилловичем Тредиаковским* (1703—1769) в обширном историческом труде с подробным, в духе XVIII века, названием: «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I о первенстве словенского языка над тевтоническим, II о первоначалии россов, III о варягах-руссах, словенского звания, рода и языка» (СПб., 1773). В этом незаслуженно забытом трактате только вопросу о Мосохе (Мосхе) как прапредке московитов-москвичей посвящено не менее двух десятков страниц. Вывод таков: «...Рос-Мосх есть праотец как россов, так и мосхов... Рос-Мосх есть едина особа, и, следовательно, россы и мосхи суть един народ, но разные поколения... Рос есть собствен-

ное, а не нарицательное и не прилагательное имя, и есть предимение Москово»³.

Тредиаковский, как никто другой, имел право на вдумчивый историко-лингвистический и этимологический анализ вышеоцененных проблем. Всесторонне образованный ученый и литератор, обучавшийся не только в московской Славяно-греко-латинской академии, но также в университетах Голландии и парижской Сорбонне, свободно владевший многими древними и новыми языками, работавший штатным переводчиком при Академии наук в Санкт-Петербурге и утвержденный академиком по латинскому и русскому красноречию, — выдающийся отечественный просветитель стоял вместе с Ломоносовым у истоков русской грамматики и стихосложения и явился достойным продолжателем Татищева в области русской истории.

Помимо завидной эрудиции, Тредиаковский обладал редким даром, присущим ему как поэту, — чувством языка и интуитивным пониманием глубинного смысла слов, что неведомо ученому-педанту. Так, он решительно поддержал и развил мнение, упомянутое еще у Татищева, о русскости древнегреческого наименования «скифы». В соответствии с нормами греческой фонетики это слово произносится, как «скит[ф]ы». Второй слог в греческом написании слова «скифы» начинается с «теть» — Θ в русском озвучивании она произносится и как «ф», и как «т», — причем в течение времени произношение звука менялось. Так, заимствованное из древнегреческого языка слово «театр» до XVIII века звучало как «феатр», а слово «теогония» («происхождение Богов») еще недавно писалось «феогония». Отсюда же расщепление звучания в разных языках имен, имеющих общее происхождение: Фе[o]дор — Теодор, Фома — Том[ас]. До реформы русского алфавита в его составе (в качестве предпоследней) была буква «фита» — Θ, предназначенная для передачи заимствованных слов, включающих букву «тета». И слово «скифы» в дореволюционных изданиях писалось через «фиту». В действительности же «скит» — чисто русский корень, образующий лексическое гнездо со словами типа «скитаться», «скитание». Следовательно, «скифы-скиты» дословно означают: «скитальцы» («кочевники»). Вторично, в качестве позднейшего заимствования из греческого языка, где оно служило названием пустыни, обшая корневая основа «скит» вновь вошла в русское словоупотребление в смысле: «отдаленное монашеское убежище» или «старообрядческий монастырь».

Ломоносов по поводу вопроса: можно ли именовать Мосоха прародителем славянского племени вообще и русского народа в частности — высказался гибко и дипломатично. Великий россиянин не принял бесповоротно, но и не отверг категорически возможности положительного ответа, оставляя «всякому на волю собственное мнение»⁴. Аналогичным образом было расценено и предположение о вероятном родстве московитов-славян с Геродотовым племенем месхов, оказавшихся в конечном счете в Грузии. Что касается самой Геродотовой «Истории», то ее авторитет для раскрытия генетических корней русского племени Ломоносов считал непререкаемым. В концентрированном виде такое же понимание впоследствии сформулировал другой выдающийся русский историк — *Иван Егорович Забелин* (1820—1909): «...Никакая отрицающая и сомневающаяся... критика не может отнять у русской истории истинного сокровища, ее первого летописца, которым является сам Отец истории — Геродот»⁵.

Ныне представление о прямом родстве славянорусов со скифами и другими древними народами Евразии считается не иначе как наивным. Между тем позиция Татишева — Ломоносова — Забелина может быть существенно подкреплена за счет аргументов, заимствованных из исторического языкознания, мифологии и фольклора. Линия, идущая от историков XVII—XVIII веков, была продолжена и закреплена в трудах *Дмитрия Ивановича Иловайского* (1832—1920) и *Георгия Владимировича Вернадского* (1877—1973), написавшего по-английски книгу «Древняя Русь» (1938 г.; рус. издание — 1996 г.), где история русского народа начинается с каменного века и проводится через последующие этапы: киммерийский, скифский, сарматский и т.д. Нельзя пройти и мимо исторических сочинений *Александра Нечволодова* и *Льва Гумилева*. Известный в прошлом археолог и историк русского права *Дмитрий Яковлевич Самоквасов* (1843—1911) также отстаивал скифское происхождение русского народа, а прародину славянорусов именовал Древней Скитанией⁶. Естественно, речь должна идти не об одном только русско-скифском родстве, но и о генетическом единстве множества народов, населявших в древности просторы Евразии.

История не всегда благосклонна к собственным радетелям, подвижникам и летописцам. Примеров тому не счесть. Для русских же поучительна и показательна жизнь и деятельность человека, внесшего неоспоримый вклад в становление и органи-

зацию исторической науки в России. Имя его, мало что говорящее современному читателю, — *Александр Дмитриевич Чертков* (1789—1853). Он обладал одним из самых богатых в России собраний книжных, рукописных и нумизматических редкостей. На данной основе впоследствии была создана и отстроена (дом с легным фасадом в начале Мясницкой улицы) знаменитая частная Чертковская библиотека — бесплатная и общедоступная. Здесь, кстати, до перехода в Румянцевский музей работал Н.Ф. Федоров и здесь же состоялось его знакомство с молодым К.Э. Циолковским: длительное общение в стенах Чертковской библиотеки в 1873/74 гг. оказало решающее влияние на формирование космического мировоззрения будущего основоположника теоретической и практической космонавтики. Бесценное собрание Черткова было подарено Москве, некоторое время пребывало в Румянцевском музее (ныне Российская государственная библиотека), в настоящее время книги находятся в Исторической библиотеке, а рукописи — в Историческом музее.

В последние годы жизни Чертков являлся президентом Общества истории и древностей российских и опубликовал во *Временнике* данного Общества, а также в виде отдельных оттисков (книг) несколько удивительных исторических изысканий: «Очерк древнейшей истории протословен» — (1851 г.), «Фракийские племена, жившие в Малой Азии» (1852 г.), «Пеласгофракийские племена, населившие Италию» (1853 г.), «О языке пеласгов, населивших Италию» (1855 г.). Опираясь на глубокое знание древних языков и практически на все доступные ему источники, Чертков указал на языковое и этнокультурное сродство между славяноруссами, с одной стороны, а с другой, — с пеласгами, этрусками, скифами, фракийцами, гетами, эллинами, римлянами... Однако открытие ученого-романтика, которого можно с полным основанием сравнить с Генрихом Шлиманом, не стало событием в отечественной и мировой историографии — здесь в почете были совершенно иные ценности: эмпирико-позитивистские, вульгарно-социологические, психологические, структуралистские, семантико-семиотические и т.п.

И сегодня время Черткова еще не наступило — проделанная им колоссальная работа ждет и своего продолжения, и своих продолжателей. Впрочем, современный подход требует не выведения славяно-русского языка из пеласгийского или из этрусского и критского, как это было недавно проделано в книге Г.С. Гриневича «Праславянская письменность. Результаты де-

шифровки» (М., 1993), а поиска общих истоков всех индоевропейских и неиндоевропейских языков.

Корни русского языка и русского народа находятся гораздо глубже. Истоки Руси уходят в тысячелетние дали и обнаруживают свои начала в той нерасчлененной этнолингвистической общности, с которой, собственно, и начиналось человечество. Происхождение славян, русских и всех других народов, их языков и культур предстает совершенно в другом свете, если проанализировать общеизвестные факты с точки зрения метода *археологии языка и реконструкции смысла*.

АРХЕОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА

Мировоззрение русского народа уходит во тьму веков и тысячелетий, к тому неведомому времени, когда пестроцвет современных этносов и языков был спаян в единой нерасчлененной этнолингвистической общности племен, обычаев, представлений об окружающем мире и верований. Есть все основания утверждать, что в самых глубинных истоках, на заре становления людского рода все без исключения языки имели общую основу — а следовательно, и сами народы имели общую культуру и верования. К такому выводу приводит, к примеру, анализ самого архаичного и консервативного пласта слов всех языков мира — указательных слов и возникших позже на их основе личных местоимений всех модификаций. Удастся выделить несколько первичных элементов, которые повторяются во всех без исключения языках мира — живых и мертвых, донося до наших дней дыхание Праязыка. Какая-то случайность здесь полностью исключена. О былом единстве языков однозначно говорится уже в Библии, аккумулировавшей в себе древнее знание Востока, Запада, Севера и Юга: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1). В дословном научном переводе это звучит еще более точно: «И были на всей земле язык один и слова одни и те же»⁷. И это не наивная легенда, а непреложный факт.

Неоднократно обосновывался данный тезис и с точки зрения языкознания. Наиболее убедительно это было сделано уже в наше время. В начале XX века итальянский филолог Альф-

дованиям.) В середине века наибольшую популярность получила так называемая «ностратическая» (термин Педерсена), или сибиро-европейская (термин советских лингвистов), теория; в ней идея Праязыка доказывалась на основе скрупулезного анализа крупных языковых семей. (На эту тему было опубликовано несколько выпусков сравнительного словаря рано погибшего ученого В.М. Иллича-Свितыча, дело которого успешно продолжили современные российские компаративисты.) Сравнительно недавно американские лингвисты подвергли компьютерной обработке данные по всем языкам Земли (причем за исходную основу был взят лексический массив языков северо-, центрально- и южноамериканских индейцев), касающихся таких жизненно важных понятий, как деторождение, кормление грудью и т.п. И представьте, компьютер выдал однозначный ответ: все языки без исключения имеют общий лексический базис. (См.: Приложение 1).

Обычно вывод о моногенезе языков вызывает скептическое неприятие специалистов. Однако гораздо более нелепой (если хорошенько вдуматься) выглядит противоположная концепция, в соответствии с которой каждый язык, группа языков или языковое семейство возникли самостоятельно и обособленно, а потом развивались по законам, более или менее одинаковым для всех. Логичнее было бы предположить, что в случае обособленного возникновения языков законы их функционирования также должны были быть особенными, не повторяющимися (гомеоморфно или изоморфно) друг друга. Такое совпадение маловероятно! Следовательно, остается принять обратное. Здесь права Библия, а не ее противники. Как видим, аргументов в пользу языкового моногенеза более чем достаточно.

Всего известно свыше 30 самостоятельных языковых семей — точная классификация затруднена из-за неясности: на сколько обособленных языковых семей подразделяются языки индейцев Северной, Центральной и Южной Америки; в различных энциклопедиях, учебной и справочной литературе их число колеблется от 3 до 16 (причем ряд лингвистов вообще предполагает отказаться от традиционной классификации и перейти к группировке на совершенно ином основании). Языковые семьи не равномошны: например, на языках китайско-тибетской семьи говорит около миллиарда человек, на кетском же языке (обособленная семья) — около одной тысячи, а на юкагир-

ском языке (тоже обособленная семья) — менее 300 человек (и кеты и юкагиры — малые народности России).

Одной из самых больших, разветвленных и всесторонне изученных является индоевропейская языковая семья (рис. 12). Еще в прошлом веке было доказано (и это стало одним из блестящих триумфов науки), что все входящие в нее языки и, следовательно, говорящие на них народы имеют общее происхождение: некогда, много тысячелетий тому назад, был единый пранарод с единым праязыком. Отстаиваемая же в настоящей книге концепция позволяет пойти еще дальше и утверждать: пранарод, праязык и их общая прародина относятся не к одним лишь индоевропейцам, но ко всем без исключения этносам, населявшим Землю в прошлом и настоящем.

Скрупулезная реконструкция смысла исходных общеиндоевропейских и доарийских слов и понятий приводит к границе, которую не принято переступать в современной науке, что, впрочем, свидетельствует о недостаточной развитости последней. Несмотря на геологические, климатические, этнические, исторические и социальные катаклизмы, в результате которых исчезло множество народов, культур и цивилизаций, современному человечеству досталось бесценное богатство в виде языка и системы образов мифологического мышления. Стоит правильно подобрать ключ — и перед изумленным взором откроются бездонные глубины. Правда, придется отказаться от большинства бытующих стереотипов.

Что это означает применительно к языку? За последние два века своего существования сравнительно-историческое языкознание добилось крупных успехов в области систематизации языков и установлении родства между ними в рамках отдельных языковых семей, например индоевропейской, досконально проследило эволюцию фонетических (звуковых), графических (алфавитных), морфологических (словосоставных), лексических (словарных), грамматических и иных форм различных языков. Дальше этого обычно не идут. Более того, исследовательское поле за пределами существующей традиционной границы считается запретной территорией. Но это — всего лишь *Terra incognita*, ждущая своих первооткрывателей. Действовать им придется решительно и не полагаться на эмпирическую ползучую приземленность традиционных методов.

Многого, скажем, достигли этимологи, чья задача: объяснить происхождение конкретных слов, раскрывать их генети-

ческие корни, устанавливать первичную структуру и сходство с лексическими единицами живых и мертвых языков. Этимология — скрупулезная наука: филигранной реконструкции подвергаются, к примеру, звуковой и словообразовательный состав слов с учетом чередования, трансформации и выпадения конкретных звуков. Но в большинстве своем этимологи не стремятся заглянуть далеко вглубь. Индоевропейское языкознание во временном плане доходит до языка священных ведийских текстов и санскрита. Связи же между различными языковыми семьями исследуются очень робко и без надежной исторической базы. Между тем, если исходить из концепции единого происхождения языков мира, — открываются совершенно новые пути осмысления разных языков и далеких друг от друга культур. На смену традиционной *микрoэтимологии*, ориентирующейся на близкородственные языковые связи, приходит *макрoэтимология*, исходящая из древней языковой общности. Для макрoэтимологии традиционный морфологический и фонетический догматизм не играет большой роли, и она допускает лексические и морфологические модификации, незнакомые для микрoэтимологии.

Что же такое археология языка и реконструкция смысла? Нагляднее всего это видно на конкретных примерах. Знакомое и всеми любимое слово «весна» — казалось бы, такое русское-прерусское. Однако оно имеет общее основание с другими индоевропейскими языками и восходит к древним общearийским корням. Достаточно взглянуть на производное от слова «весна» прилагательное «вешний», чтобы увидеть в нем индийского бога Вишну и более общее русское понятие (Все)вышний, обозначающее высшее безначальное божество, олицетворяющее главного властелина Вселенной (на что указывает его местоположение — в «вышине»). По-болгарски и сербохорватски «высокий» звучит как «више» (ср. русскую сравнительную степень «выше»). Не случайно также в эпических песнях Эдды верховный бог древнескандинавского пантеона Один именуется Высоким.

Одним из первых, кто указал на взаимосвязь слов «вышний», «вечный», «веший» и «вешний» с именем индоарийского бога Вишну, был русский писатель и историк-любитель Александр Фомич Вельтман (1800—1870). Он обратил на это внимание в первой же своей исторической монографии «Индо-Германе, или Сайване» (1856 г.). Кроме этого, плодовитый автор-

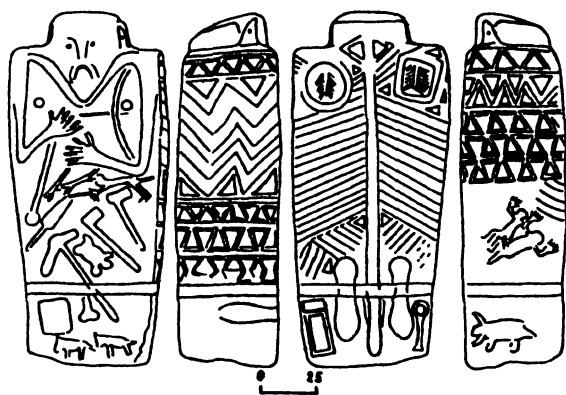

Рис. 13. Керносовский идол (Прото-Вишну)

беллетрист опубликовал еще три собственно исторические книги: «Атила и Русь IV—V вв.» (1858 г.), «Маги и Мидийские Каганы XIII столетия» (1860 г.), «Первобытное верование и буддизм» (1864 г.), где содержится немало более чем смелых и полужантаслических предположений по истории Древней Руси. Интересно также, что и того же происхождения наименование вишни — прежде всего дерева, а затем уже и его ягод. Другими словами, вишня — это дерево Вишну. На юге России и на Украине вишня издавна была почитаемым деревом — в одном ряду с дубом, березой, ясенем, липой. Существовал обычай вырезать посошки и палочки из вишневого дерева. Считалось, что вишневая палка наделена особой волшебной силой, которая к тому же передается от деда к отцу и от отца к сыну.

Тождественность Вишну и Всевышнего однозначно проявляется и в смысловом (семантическом) плане. В переводе с древнеиндийского (ведийского) Вишну означает «проникающий во все», «всеобъемлющий». По индуистским воззрениям, он символизирует энергию, упорядочивающую Космос, и считается «владыкой существования и творения Вселенной»: «Мир возник от Вишну и пребывает в нем. (Вишну) — творец существования и предбытия мира, он — мир»⁸. Именно таким образом Держателя Вселенной, возникший еще в пору индоевропейской общности, рисовался и протославянам. Каменное изваяние Прото-Вишну было обнаружено археологами при раскопках курганов в Днепропетровской области (рис. 13). Оно представляет собой низкорос-

лого лысого и бородатого мужчину (одно из первоначальных воплощений классического Вишну — «лысый карлик»), испещренного со всех сторон петроглифами в виде следов (след — традиционный знак, божественное клеймо Вишну), фигурами людей в сексуальных позах, животных, смыслообразующих орнаментов и информационно насыщенных «черт и резов». В своей совокупности все это вместе взятое и олицетворяет Вселенную⁹.

Между тем у Керносовского идола имеются также хвост и звериные уши (или рога?). Данные аксессуары вполне подходят и к древнегреческому божеству стад, лесов и полей — Пану, имеющему доэллинское и, скорее всего, общеевропейское происхождение. Кстати, и имя Пан родственно имени Вишну, означая «всё». Следовательно, Прото-Вишну тождествен Прото-Пану. Другое дело, что общеевропейское божество, олицетворяющее Вселенную, постепенно видоизменяло свои первоначальные функции — по мере расщепления первичной этнической общности и миграций праэтносов по всей территории Евразии. Если в индуизме бог Вишну сохранил и преумножил верховные и властные функции в составе великой триады Тримурти: Брахма — Вишну — Шива, то в других исторических условиях и иной идеологической доминанты — Олимпийской религии, пришедшей на смену старым доэллинским верованиям, — бог Пан, ранее олицетворявший «Всё», превратился во второстепенное лицо Олимпийского пантеона, хотя никто не отрицал его глубоких корней, уходящих в первозданную природу. Естественно, менялись изображения или изваяния божеств. Прото-Вишну так же мало походит на классические скульптуры вишнуистского канона, как Прото-Пан на образ скотьега бога со свирелью в руке на известной картине Михаила Врубеля «Пан». Художественное воплощение не тождественно заложеному в него смыслу.

Нет сомнения, что понятие «(Все)вышний» перешло в христианскую традицию из глубокой древности. Этимологи выводят слово «весна» из древнеиндийского *vasantas* — «весна»; *vasar* — «рано» — откуда древнеисландское *var* — «весна», латышское и литовское *vasara* — «лето»). Фонетические и лексические закономерности в их историческом развитии лишь частично перекрывают закономерность формирования и передачи во времени (от поколения к поколению) смысла понятий, имеющих словесно-знаковую оформленность, но развивающихся по совершенно иным закономерностям. Филолог может и не

заметить цепочку взаимосвязанных слов: «Вишну» — «вешний» — «весна». Но мимо этого не сможет пройти культуролог, который оперирует не фонетическими, а смысловыми закономерностями, имеющими происхождение более высокого порядка. Из этих соображений вытекает и следующий пример. Фамилия великого русского художника Сурикова происходит от слова «сурик» — краска темно-красного цвета. Но, в свою очередь, понятие «сурик» проистекает от имени древнеарийского красно-солнечного божества — Сурьи (отсюда и наше Красное Солнышко). Бессмысленно искать какие-то аналогии между реальной личностью — Суриковым и Солнцем-Сурьей, но связь этих понятий очевидна, когда речь идет об археологии смыслов, показывающих их полное совпадение.

Ниже будут прослежены неслучайные параллели между древнеегипетской и древнеславянской мифологиями: Солнцегоди Хор (Гор) и Хорс, смертоносный гроб Осириса (Осияного) и Святогора (Светогора), птица Феникс и Финист — Ясный сокол. Но есть еще один общий — более психологический, чем смысловой — аспект сходства мироощущений древних египтян и русских. На него обращал особое внимание *Василий Васильевич Розанов* (1856—1919). Он считал русский «трепет к звездам» чертой, ничего не имеющей общего с христианским миропредставлением («О звездном небе ничего нет в Евангелии»). Истоки русского народного космизма следует искать в Египте и Вавилонии: именно отсюда проистекают звезды на темно-синих куполах некоторых русских храмов, а также подвешенные лампы, имитирующие «висящие» звезды древневосточных святилищ¹⁰.

Итак, видим: единый праязык единого пранарода дал цепную реакцию, в результате которой возникло все лингвистическое многообразие. Значение и звучание многих современных слов (в том числе и в русском языке) уходит своими корнями в общий праязык. Наиболее приближенным к нему по времени и, главное, — уцелевшим по сей день (в виде литературных памятников и составленных на их основе словаря и грамматики) является *санскрит* (собственно древнеиндийским считается язык Вед). Руководствуясь им, а также другими источниками, нетрудно раскрыть корни многих современных понятий.

В санскрите одно из слов для обозначения понятия света: *гиса* («светлый», «ясный») и *гис* («свет», «блеск»). В последующем языковом развитии «шь» и «ц» превратилось в «с» (чередование

согласных и гласных звуков — обычное фонетическое явление даже на протяжении небольших временных периодов) и достаточно неожиданным (на первый взгляд) образом осело в столь значимых для нас словах, как «русский» и «Русь». Первичным по отношению к ним выступает более архаичное слово «русый», прямоком уходящее в древнеарийскую лексику и по сей день означающее «светлый». От него-то (слова и смысла) и ведут свою родословную все остальные однокоренные слова языка. Данная точка зрения известна давно. Еще русский историк и этнограф польского происхождения, один из основоположников отечественной топонимики *Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский* (1784—1825), критикуя норманистские пристрастия и предпочтения Н.М. Карамзина, писал: «Тогда б увидел и сам автор [Карамзин. — В.Д.], касательно Святой Руси, что сие слово не составляет ничего столь мудреного и чужого, чтобы с нормандской стороны, непременно из-за границы, получать оное; увидел бы что оно значит на всех диалектах славянских только цвет русый (blond) и что русая коса у всех ее сыновей, как *Rusa Kosa i Rusi Warkocz* [коса. — В.Д.] у кметей (крестьян) польских равномерно славится. <...> Есть даже реки и горы, называемые русыми»¹¹.

Таким образом, этноним «русский» и топоним «Русь» сопряжены с санскритским словом *гуса* и общеславянским и древнерусским «русый» со смыслом «светлый» (оттенок). Если открыть «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля на слове «Русь», то найдем там аналогичное объяснение: «русъ», по Далю, означает прежде всего «мир», «бел-свет», а словосочетание «на руси» значит «на виду». У Даля же находим еще одно удивительное слово — «светорусье», означающее «русский мир, земля»; «белый, вольный свет на Руси». Здесь не только корневые основы, но и их значения сливаются в одно целое. О распространенности и укорененности понятия «светорусье» можно судить по «Сборнику Кириши Данилова», где эпитет «светорусские могучие богатыри» выступает как норма. Еще раньше (по письменной фиксации) сочетание слов «светлый» и «русский» употребляется в договоре князя Олега с греками 911 г., текст которого включен в «Повесть временных лет».

Классическая схема научного познания очерчена Львом Гумилевым. Любую проблему можно рассматривать по меньшей мере тройко: с точки зрения мышинной норы, с вершины кургана и с высоты птичьего полета. Современная этимология —

в основном взгляд из мышиной норы. Этимологи копали глубоко и обильно, но при этом, как правило, не смотрели вдаль, воображая, что весь мир языка — сплошная мышиная нора. Мало кому хватает фантазии и воображения подняться хотя бы на вершину кургана и тем более достичь высоты птичьего полета. Макроэтимология же позволяет отвлечься от частных, мелких деталей, нудных транскрипций, традиционных подходов, закоряченных схем, ползучего эмпиризма, — и, воспаря ввысь, взглянуть на современную лексику с высот тысячелетий. Безусловно, вероятность погрешности в макроэтимологических изысканиях достаточно велика, но не настолько, чтобы отступить от научности, и не намного выше традиционных микроэтимологических выкладок, учитывая значительную вариативность и гипотетичность последних.

МИФОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, НАУКА

Мифология — всегда мистифицированная и опозитизированная история. И космология! Причем мистификация происходит без всякого злого умысла — вполне естественным путем. При передаче сведений от поколения к поколению в условиях отсутствия письменности (если не выработаны специальные приемы сохранения информации) первоначальные сведения подвергаются неизбежному и произвольному искажению. К тому же в течение веков и тысячелетий этносы (а вместе с ними роды, племена, семьи) распадаются, переселяются с одной территории на другую, а то и вовсе исчезают с лица Земли. Да еще войны и социальные перевороты. Да еще идеологическая или религиозная цензура. Да еще поэты и художники поприбавят. В результате факты и превращаются в мифы.

Значит ли все сказанное, что мифы — сплошная выдумка? Ничуть! Они вполне поддаются научному анализу и реконструкции первоначального смысла. В мифологических сюжетах и образах закодированы и реальные события далекого прошлого, и отголоски стародавних общественных отношений и норм поведения, и представления о мироздании и его законах, и память о катастрофах в истории Земли и великих переселениях народов. Именно в таком смысле следует понимать энергичное утверждение Н.Ф. Федорова: «Мифология не басня, а

истина, действительность, и никогда ее не убьет метафизика»¹². Применительно к истории вообще и русской истории в особенности не менее определенно высказался Г.В. Вернадский: «...Следы древней исторической основы могут легко быть обнаружены под мифологическим покровом»¹³. Не менее определенно высказался П.А. Флоренский: «Легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда — это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная в тип сама действительность». Могу к этому присовокупить еще и афоризм великого Вольтера: «История — это ложь, которую разделяет большинство историков».

Мысль о том, что мифология и фольклор (особенно эпос) — это не что иное, как преломленная сквозь призму народного мирозерцания древняя история, развивалась еще *Якобом Гриммом* (1785—1863) в его классическом и, к сожалению, до сих пор не переведенном на русский язык труде «Немецкая мифология» (1835 г.). Но здесь он вовсе не был оригинален. Существует древнейшая традиция — считать богов, которые впоследствии стали объектом религиозного поклонения, по происхождению своему такими же людьми, как и простые смертные. Подобный подход присущ народам всех континентов, хотя схемы и модели самого обожествления не всегда и не у всех совпадали. И уж, конечно, сказанное никак не относится к позднему монотеизму мировых религий, рассматривающих бога как безличное и достаточно абстрактное Первоначало. Ничего похожего не было ни в египетской, ни в ведийской, ни в шумерской, ни в ассиро-вавилонской, ни в древнекитайской, древнеславянской, древнекельтской, древнегерманской, ацтекской и всем наборе северо-, центрально- и южноамериканских мифологий. Здесь боги изначально выступали как люди, разве что наделенные большими способностями и силой воли.

С наибольшей наглядностью это проявилось в античной мифологии и политеизме. А возникшие позднее распространенные переложения, скажем, древнегреческих мифов не имеют ничего общего с реальными событиями. В настоящее время налицо восприятие мифов исключительно как вымысла — либо художественного, восходящего к Гомеру, либо социологизированного (в плане вульгарного истолкования религии как иллюзорной формы сознания, а то и прямого обмана). Дабы убедиться, что все здесь не совсем так и даже совсем не так,

достаточно обратиться к сочинениям античных историков Диодора Сицилийского (единственный раз переведенного на русский язык в XVIII веке) или Дионисия Галикарнасского (вообще никогда не переводившегося на русский язык, как и вавилонский историк Берос, писавший по-гречески). Все трое излагали историю античных богов в русле реальной человеческой истории. Вот что пишет, к примеру, Диодор об Уране, считавшемся богом Неба, о котором и Гомер, и Гесиод, и другие мифологи не могли сообщить ничего конкретного и вразумительного:

«Повествуют, что первый начал царствовать у них (атлантйцев) Уран, который свел разбросанно живущих людей в городскую ограду, причем они согласились прекратить незаконную и звериную жизнь. Он изобрел употребление и накопление домашних плодов и немало из других полезных вещей. Он овладел большей частью вселенной, по преимуществу — странами к западу и северу. Ставши усердным наблюдателем звезд, он предсказывал многое из того, что должно совершиться в мире. Он ввел для народа исчисление года по солнечному движению, месяцев же — по луне и научил распознавать времена каждого года. Потому-то многие, не зная вечного порядка звезд, удивлялись происходящему по предсказанию; и, с другой стороны, предположили, что сообщавший об этом причастен божественной природе. После его ухода от людей, ввиду его благодеяний и распознавания им звезд, ему стали воздавать бессмертные почести. Его прозвище перенесли на мир; одновременно с тем, что он оказался причастен к восходу и заходу звезд и к прочему, что совершается на небе, как и одновременно с размером почестей, стали чрезмерно расцениваться и его благодеяния. И его навеки объявили вечным царем Всего. <...> Повествуют, что <...> сыновья Урана разделили царство; из них наиболее видными являются Атлант и Кронос. Атлант получил по жребию местности, прилегающие к Океану, и этот народ получил название атлантйцев, и самая высокая гора в этой стране подобным же образом получила название Атланта. Рассказывают, что он точно преподавал [людям] астрономию и первым же дал людям науку о сферах. По этой причине составилось мнение, что весь Космос держится на плечах Атланта¹⁴.

Таким образом, Диодор Сицилийский считал Урана первым царем загадочной страны Атлантиды, исчезнувшей впоследствии в пучинах океана. Именно Уран объединил атлантов «в одно общество или гражданство» (дополнительные слова греческого историка). При этом подчеркивалось: Уран властвовал не только в странах Запада, но и на Севере.

Аналогичным образом представлялся и верховный бог древнегерманского пантеона Один. Первоначально он мыслился в человеческом облике и лишь впоследствии был обожествлен. Дадим слово древнему свидетельству: «Один был великий воин и много странствовал и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и потому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой. Часто он отправлялся так далеко, что очень долго отсутствовал»¹⁵.

В данном же плане нужно рассматривать и закодированное общечеловеческое знание, доставшееся нам от предков и прапредков в виде фольклористики. В научной и учебной литературе в последнее время возобладало мнение о фольклоре как преимущественно об устном народно-поэтическом творчестве, к тому же оторванном от реальной действительности. На самом же деле фольклористика как базисный пласт мировой культуры — явление не просто емкое, но в полном смысле необъятное и неисчерпаемое. Будучи простым и удобным каналом аккумуляции и передачи накопленного за многие тысячелетия опыта и знаний, фольклор (дословно «народная мудрость») вобрал в себя в специфически компактной символическо-образной форме многообразные факты истории, этногенеза, а также связанные с бытовыми традициями, мировоззренческими представлениями, культовыми ритуалами, обрядами, поверьями, пережитками и т.п. Один из основоположников современного традиционализма *Рене Генон* (1886—1951) так оценивал действительное значение фольклора (в его соотношении с мифологией) для познания истории и предыстории: «Народ сохраняет, сам того не понимая, остатки древних традиций, восходящие порою к такому отдаленному прошлому, которое

было бы затруднительно определить и которое поэтому мы вынуждены относить к темной области «предыстории»; он выполняет в некотором роде функцию более или менее «подсознательной» коллективной памяти, содержание которой, совершенно очевидно, пришло откуда-то еще»¹⁶.

Отсюда и фольклористика как наука призвана в полном объеме собирать и изучать различные проявления жизни народа как элемента исторически сложившейся цивилизации. Ни в коей мере не является она исключительно филологической наукой (или частью таковой), напротив, она становится абстрактной и непонятной в отрыве от этнографии, религиоведения, археологии, социологии и философии истории. Попытка представить русскую сказку, былинку, песню, заговор и т.д. вне их обусловленности народным бытием во всех нюансах его исторического развития оборачивается искаженным истолкованием этих ценнейших памятников русской культуры, отразивших все основные вехи ее становления.

У нас ведь как принято относиться к фольклорным произведениям? К сказке, например? Как к чисто развлекательному жанру. А сказке той, быть может, десятки тысяч лет, и донесла она до нынешних дней дыхание наших далеких прапредков, осколки их тотемного мышления, наивно-целостного мирозерцания. Или так называемый обрядовый фольклор, связанный в том числе и с древнейшими народными празднествами: Коляда, Масленица, Кострома, Иван Купала и др. Здесь соединено все — и остатки языческого мировоззрения, и сакральный символизм, и первобытный ритуал, и песни, и танцы, и карнавал. Традиции, возникшие в глубинах веков и тысячелетий, передавались из поколения в поколение, закреплялись в слове и обрядовой символике, демонстрируя нераздельность человека и высших космических сил, проявившихся в смене времен года, дня и ночи, закономерностях движения на небосводе (иллюзорного, как известно) Солнца, Луны, других светил и звезд.

На первый взгляд нет ничего на свете более несхожего, чем наука и фольклор. Но если вдуматься — есть между ними одна несомненно общая черта. Это — способ описания и воспроизведения действительности. И наука и фольклор пользуются одним и тем же *универсальным языком символов*. Символическую форму имеют и логические абстракции, и философские категории, и художественные образы, и мифологические сюжеты,

и фольклорные мотивы (все они облачены в словесно-знаковую, а следовательно — символическую оболочку). Естественные науки предпочитают излагать добытое позитивное знание на символическом языке математики или иным способом — как это имеет место в химических формулах. Может быть, такова вообще природа человека — отражать мир в символической форме? А может быть, сам человек и есть главный символ Мироздания и источник всех прочих символов? Символы не существуют сами по себе, а в качестве таковых они должны быть преломлены через сознание. На Земле человек — главный носитель сознания. Как Микрокосм он создает образ, картину, символ Макрокосма, преломляя его через свое сознание. Следовательно, и сам человек выступает как обобщенный символ Макрокосма, черпая разностороннее знание из объективного мира, ноосферы, книг, иных источников информации.

Человек привержен, привязан к знакам и символам как некоторым обобщающим реальным ориентирам, отторгнутым в субстратной форме от него самого (им самим или объективно вычлененных природой). Человек и человечество просто не могут существовать без знаков и символов, представляя и сам Космос в виде глобального небесно-звездного символа. Ибо то звездное небо, что дано человеку в виде зрительных ощущений: набор структурно-организованных созвездий, изменяющих свое положение в течение ночи и перемещающихся среди них по определенным законам Луны и планет (а днем — Солнца), — все это всего лишь результат местоположения и размещения самого человека на вращающейся планете Земля. Но познает он Большой Космос, отталкиваясь именно от этой картины-символа звездного неба, проникая в глубь Вселенной и открывая ее подлинные законы. Происходит это путем преодоления самоочевидной и чувственно данной картины и построения на основе достигнутых знаний той или иной научной модели, приближающей нас к постижению истины.

Космический знак (как и всякий знак вообще) — всегда некоторое вторичное явление, указывающее на некоторую скрытую первопричину, далеко не всегда явную и доступную непосредственному познанию. В этом смысле непрерывную смену дня и ночи можно рассматривать как соответствующие знаки, указывающие на подлинную причину — вращение Земли вокруг собственной оси. Точно так же циклическая смена времен года (весна—лето—осень—зима) — следствие движения Земли

вокруг Солнца, обусловленное высшими космическими силами. Для людей же смена дня и ночи или смена времен года может выступать в форме определенных знаков, проверенных многократным опытом и служащих точкой отсчета множества других явлений, событий и необходимых действий. Например, спиралевидный орнамент, пронизывающий историю мировой культуры от самых ее истоков, имеет несомненную космическую кодировку. Вопрос лишь в том, воспринял ли человек этот космический символ самостоятельно или же сам Космос обладает неведомыми пока каналами, и по ним передаются и кодируются соответствующие закономерности. Так или иначе, спиралевидные структуры пронизывают не только разумную жизнь на Земле, но и ее бессознательные формы (раковины некоторых моллюсков).

Сущность не только людских отношений, но и отношений всего животного мира — в выполнении разного рода обрядностей. Так считал *Николай Алексеевич Умов* (1846—1915) — выдающийся русский ученый-космист, еще в начале 70-х годов прошлого века, задолго до первых публикаций по теории относительности выдвинувший идею о взаимодействии энергии и массы, а также о том, что энергия пропорциональна массе. Уже животные метят мочой и экскрементами занятую ими территорию. И эти метки выполняют функции знаков-символов, обуславливая поведение животных на помеченной территории. А брачная обрядность в животном мире? То же и у людей, но в их жизни обряды, ритуалы, знаки и символы играют абсолютно решающую роль, особенно с появлением письма, искусства и т.п. Говоря в общих чертах, в общественной жизни роль метки играют и некоторые канонизированные тексты — священные писания, законы, конституции, уставы общественных партий, множество регламентирующих правил и запретов. Все это может действовать и в устной форме. Но превратившись в утвержденный и принятый текст (заново упорядоченная письменная система), они обретают самодовлеющую, автономную самостоятельность, выступая в форме некоторого окончательного критерия для действий людей. Быть может, это незыблемый природно-обусловленный естественно-исторический закон. Космическая упорядоченность проецируется на общественные отношения в виде определенного строя, обязательных запретов и алгоритмов действий, облеченных в некие ритуалы. А это, в свою очередь, невозможно без многоцветной и стро-

гой вместе с тем системы символов, включающих языковые и знаковые формы.

Такой механизм взаимосвязи между Макрокосмом и Микрокосмом, а также в структуре самого Микрокосма, видимо, запрограммирован в законах природы с самого начала и является ее своего рода самоохранительным началом. Человеку изначально раз и навсегда не дано переступить некоторую запретную границу, он обречен представлять (познавать) глубинные законы материи и Космоса только посредством разного рода символов, включая и мысленные абстракции. Выход за этот символический барьер возможен, но только с помощью теоретического воображения, а оно само по себе также представляет лишь оперирование символами. Воображение питает и фольклорные образы, а также символы-мифологемы.

И античный мудрец, и ведийский жрец, и славянский волхв, и современный ученый говорят примерно об одном и том же, пытаясь описать одну и ту же объективную реальность, но используя при этом различные системы символов и построенных на их основе языков. Здесь, кстати, лишний раз подтверждается известный тезис *Алексея Федоровича Лосева* (1893—1988), сформулированный в его классическом труде «Диалектика мифа»: всякая наука сопровождается и питается мифологией, черпая из нее свои исходные интуиции¹⁷. С точки зрения единых закономерностей выражения действительности через символы и постижения действительности через символы современная наука столь же мифологична, сколь научна всякая мифология.

Современные естественно-математические науки, включающие космологию и ее ответвления, ничто без упорядоченных математических символов. Посредством этих символов создается научная картина мира, с их помощью она и прочитывается. Убрать символы — и останется одна пустота, ничто. Следовательно, и тайна космического мышления кроется в символах. Познай их — и ты познаешь все.

Приятно это кому бы то ни было или неприятно, но следует набраться мужества и признать: человек, познавая действительность, практически никогда не имеет дела непосредственно с этой действительностью, но лишь с набором некоторых символов и кодов, включая собственные ощущения, более чем опосредованно данную действительность отражающих. И безразлично, в какой именно форме искажается объективная действительность, представая в мозгу то в виде мифологических кар-

тин и сцен, то в виде поэтических или фантастических образов, то в виде метафизических схем, то в виде математических формул.

Таким образом, каналы символизации и алгоритмы кодировки глубинного смысла бытия и его закономерностей одинаковы как для науки, так и для мифологии. Типичны и возможные искажения при обоих способах осмысления действительности. В результате свободного оперирования символами, знаками, образами, словесными догмами, математическими формулами и теоретическими моделями сплошь и рядом возникают некоторые спекулятивные конструкции, настолько далеко отступающие от отображенной в них реальности, что превращаются в прямую противоположность объективной истине. Гете называл это «ложным светом знаний». «Я проклял знаний ложный свет», — так перевел соответствующую строку из «Фауста» Пушкин. Не менее определенно высказался Байрон в «Манфреде»: наука — «обмен одних незнаний на другие» (перевод Ивана Бунина). Густав Шпет перевел эти слова еще резче:

*Наука вся — невежества обмен
На новый вид невежества другого.*

Столь же безапелляционно высказался о сути псевдонаучного теоретизирования Максимилиан Волошин: «Я призрак истин сплавил в стройный бред».

Другими словами, то, что в общественном мнении считается наукой, на самом деле представляет собой сумму более или менее верных взглядов на определенный фрагмент действительности, событие или проблему. Группа интерпретаторов объявляет собственное видение вопроса истиной в последней инстанции и, обладая монополией на владение и распространение информации, всеми доступными средствами старается утвердить в общественном мнении только свою (а не какую-то другую) точку зрения. Однако в процессе естественной смены поколений (в том числе и ученых) ранее господствовавшая парадигма (то есть некоторая теоретическая модель, объявленная эталоном), как правило, претерпевает существенные изменения, а то и отбрасывается вообще. Это хорошо видно на примере разного рода учебников и справочников: казалось бы, именно в них сосредоточена квинтэссенция последнего слова на-

уки. Но нет — сегодня никто не учится по учебникам, написанным несколько десятилетий назад и тем более — в прошлом или позапрошлом веке. Точно так же спустя некоторое время и на лучшие нынешние учебники (а равно — энциклопедии и справочники) будут глядеть, как на допотопный анахронизм.

Безусловно, как существуют научные факты и истины, так были, есть и всегда будут их правильные истолкования, а также новые эпохальные открытия — все, что составляет гордость человеческой цивилизации и обеспечивает ее непрерывный социальный и научно-технический прогресс. Тем не менее общее количество незыблемых истин, отвоеванных человеком у бесконечно-неведомой природы, более чем ограничено, и обретение их никогда не завершится. В этом, собственно, и состоит суть и смысл научного познания. Все остальное — мифы, беллетристика и околону научные легенды.

Таким образом, всякий миф, фольклорный образ имеют под собой такое же реальное основание, как и научный факт. И заложенный в обычных мифах первоначальный смысл поддается строго научному анализу и реконструкции. Итальянский фольклорист *Джузеппе Питре* (1843—1916) пронизательно напутствовал всех, кто прикасается к неисчерпаемой сокровищнице народного творчества и народной памяти: «Философ, законодатель, историк — всякий, кто хочет понять свой народ до конца, должен присматриваться к его песням, пословицам, сказкам, а также к его поговоркам, отдельным выражениям и словам. За словом всегда стоит его значение, за буквенным смыслом — смысл тайный, аллегорический, под странным пестрым одеянием сказки кроется история и религия народов и наций»¹⁸. Все сказанное относится и к закодированным в мифологических сюжетах и образах сведениям о реальных событиях далекого прошлого, о стародавних общественных отношениях и нормах поведения, об устройстве мироздания, его происхождении и законах, о катастрофах и великих переселениях народов. Рассмотрению этого как раз и посвящена настоящая книга.

ЧАСТЬ 1

ДА, МЫ — ГИПЕРБОРЕИ!

Как не любить свой край северный,
Много ведь чудности в нем, много прелестей:
Зимой-то у нас стоят снежочки белые,
На земле блестят, будто светлы звездочки,
А льды наши зимние блестят, будто браманты,
Морозы выигрывают, будто струны серебряные,
А ночное сияние очень чудное, очень дивное,
Уж мы любим нашу зимушку морозную, студеную.

Марфа Крюкова

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ НА СЕВЕР

Вопрос о глубинных корнях русского народа, других народов Земли всегда волновал русские умы. С него, собственно, и начинается Несторова летопись. Здесь явственно обозначена начальная точка отсчета нового витка истории человечества, последовавшего после глобальной мировой катастрофы, и резкого изменения лика планеты (в Библии данный вселенский катаклизм кратко именуется «потопом»). «По потопе, — сообщает летописец, — трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет»¹. В те времена, как особо подчеркивается в Лаврентьевском и других русских летописных сводах, «был

единый народ». Эти знаменательные слова Начальной летописи по существу представляют собой формулу одного из исходных тезисов настоящей книги, опирающейся на концепцию единого происхождения языков и народов мира.

В дальнейшем, согласно древнейшему летописному своду — «Повести временных лет», Иафет стал родоначальником основной массы европейских народов, включая славяно-русские племена. Данная точка зрения, однако, не является единственной. По-иному излагается предыстория человечества в популярном и достаточно распространенном в средневековой Руси апокрифе, кратко именуемом «Откровение Мефодия Патарского о Мунте сыне Ноевом». Хотя Мефодий епископ Патарский является одним из канонизированных Отцов церкви, принадлежность ему неканонической версии древнейшей истории ортодоксальными богословами отрицается (не говоря уж об ученых-историках), а само «Откровение о Мунте» включено в индекс отреченных (запрещенных) книг.

Как известно, в Библии ничего не говорится о четвертом сыне Ноя, поименованном Мунтом (в некоторых списках апокрифа он назван внуком). Но так как первоисточники библейских текстов давно утрачены, а сами они неоднократно перелдывались, — вполне вероятно, что истинный автор Сказания о Мунте, которое впоследствии Мефодий Патарский включил в свое Откровение, опирался на не дошедший до нас первоисточник. В нем весьма логично представлено послепотопное разделение Земли по четырем странам света: Симу досталась «восточная страна земля» (Восток), Хаму — «полуденная страна земля» (Юг), Яфету (Иафету) — «западная страна земля» (Запад), Мунту — «полуношная страна земля» (Север)².

По апокрифической версии, именно Мунт и был предком всех северных народов, включая и славяно-русские. Иафет же на каком-то этапе присылал к братцу людей для оказания помощи в строительстве северной град-столицы³. Но Мунт был не только прапредком северных народов и устройтелем северных земель. Согласно апокрифу, он стал еще и основателем астрономии как науки и основоположником «острономейной мудрости», то есть, по существу, — космической философии. «Мунт живяше на полуношной стране, и прият дар много и милость от Бога и мудрость острономейную обрете». Первая книга по астрономии также принадлежит Мунту. А составил «сию книгу острономии» Мунт вопреки предостереже-

ниям Архангела Михаила⁴, бросив вызов Божьему посланнику и самим небесам. Тем самым он уравнивал силу человеческого разума с космическими силами и положил начало мировому космозмизму.

От древних мифологических сказаний и апокрифов отталкивался в своей концепции Прародины человечества и великий русский космист Н.Ф. Федоров. Эта тема красной нитью проходит через всю его «Философию общего дела». Федоров выделял два центра мировых цивилизаций: 1) вселенский — полярная гора Меру — ось мира; 2) духовный — Памир — «могила праотца» и бывший рай (Эдем), куда, согласно апокрифическим преданиям, Ной во время потопа вывез тело (или прах?) первочеловека Адама и где «покоятся забытые предки всех арийских и анарийских племен (Иафета, Сима и Хама)»⁵. Оба топонима — Меру и Памир — имеют один и тот же доиндоевропейский корень *mr*, от него образовано и однозвучное русское слово «мир», означающее одновременно и Вселенную, и род людской, и согласие, и справедливость — «меру».

Символ Полярной Отчизны — золотая гора Меру, по древнеарийским и доарийским представлениям, возвышалась на Северном полюсе, окруженная семью небесами, где пребывали Небожители и царил Золотой век (отсюда, кстати, русская поговорка: «На седьмом небе» — синоним высшего блаженства). Гора Меру считалась центральной точкой бесконечного Космоса, вокруг нее как мировой оси вращались созвездия Медведицы, Солнце, Луна, планеты и сонмы звезд. В древнерусских апокрифических текстах вселенская гора прозывалась «столпом в Окияне до небес». Апокриф XIV века «О всей твари» так и гласит: «В Окияне стоит столп, зовется адамантин. Ему же глава до небеси»⁶. В полном соответствии с общемировой традицией вселенская гора здесь поименована алмазной (адамант — алмаз, в конечном счете это — коррелят льда: фольклорная стеклянная, хрустальная или алмазная гора означает гору изо льда или покрытую льдом).

От доиндоевропейского названия вселенской горы Меру и произошло понятие «мир» в его главном и первоначальном смысле «Вселенная» (понятие «Космос» греческого происхождения и в русский обиход вошло сравнительно недавно). Священная гора — обитель всех верховных богов индоевропейцев (рис. 14, 15). Среди них — Митра, один из Солнцегобов (рис. 16), чье имя созвучно с названием горы Меру. Из верований древних ари-

Космическая гора Меру.
Раннесредневековое
изображение

Мировая гора
в мифологии иранцев

Древнерусская миниатюра

Гора Меру в индуистском пантеоне

Вариации на тему Мировой горы, об-
наруженные на неолитической керами-
ке Средиземноморья

Рис. 14. Вселенская гора в представлении разных народов

ев культ Митры переместился в религию Ирана, а оттуда был заимствован эллинистической и римской культурами. Миротворческая роль Митры заключалась в утверждении согласия между вечно враждующими людьми. Данный смысл впитало и имя Солнцебога, оно так и переводится с авестийского языка — «договор», «согласие». И именно в этом смысле слово «мир», несущее к тому же божественный отпечаток (мир — дар бога), вторично попало в русский язык в качестве наследства былой нерасчлененной этнической, лингвистической и культурной общности Пранарода. Но это еще далеко не все. Космизм священной полярной горы распространялся и на род людской: считалось, например, что позвоночный столб играет в организме человека ту же роль центральной оси, что и гора Меру во Вселен-

Рис. 15. Древнерусская миниатюра с изображением Мировой горы

ной, воспроизводя на микрокосмическом уровне все ее функции и закономерности. Отсюда в русском мировоззрении закрепилось еще одно значение понятия «мир» — «народ» («всем миром», «на миру и смерть красна», — говорят и поныне). Следующий смысл из общеарийского наследства — слово «мера», означающее «справедливость» и «измерение» (как процесс, результат и единицу), непосредственно калькирующее название горы Меру.

Разные авторы помещают Прародину индоевропейцев (ариев) в разных местах: Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский — в степях Евразии; Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов — в Передней Азии, на территории, примыкающей к Кавказу, В.А. Саф-

ронов — в Восточной Европе, Ю.А. Шилев — в Причерноморье, Н.Р. Гусева и С.В. Жарникова — на Севере и т.д. Между тем есть достаточно оснований считать Север Прародиной не одних только ариев, но и всех народов Земли. Именно гора Меру, упоминаемая еще в Ригведе и подробно описываемая в Махабхарате, — вселенский символ доиндоевропейских и индоарийских народов — однозначно указывает на истинную прародину человечества — полярные, заполярные и приполярные области современной Евразии, где климат в те далекие времена (примерная начальная точка отсчета — 40 тысяч лет до н.э.), согласно многочисленным научным данным, был совершенно иным. Оттуда постепенно мигрировали прапредки современных народов, составившие ранее единое целое и говорившие на общем для всех языке. Есть ли тому доказательства? Великое множество!

Еще в начале XX века выдающийся индийский ученый и общественный деятель *Балгангалхар Тилак* (1856—1920) выводил родину древних ариев из приполярных областей. Аргументы, приводимые Тилаком, следующие. В древнейших источни-

Рис. 16. Митра, убивающий быка; в левом и правом углу — он же в солнечной и лунной ипостасях (позднеантичный барельеф)

ках, например, в Тайттирии-Брахмане (а также в Авесте) описывается Прародина человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, — что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах. В Ведах же встречаются такие высказывания: «То, что есть год, — это только один день и одна ночь Богов»; «В Меру Боги видят Солнце восходящим только один раз в году». Общие положения подкрепляются более детальными, основанными на точном математическом расчете, свидетельствующем, в частности, что в Ригведе описываются зори более продолжительные, чем они могут быть на юге; там же рассказывается о северном сиянии и летнем поведении Солнца вблизи полюса, когда оно поднимается на максимальную высоту над горизонтом, некоторое время «стоит» на месте, прежде чем начинает опускаться⁷.

Данная концепция вполне совпадает с современными историческими, этнографическими и геологическими предположениями о существовании в далеком прошлом в обширных районах преимущественно Российского Севера огромной приполярной территории Арктиды, изменившей свой природно-климатический облик и в основном исчезнувшей с лица Земли в результате

катаклизмов, включая похолодание и оледенение. Земли эти были заселены протоиндоевропейцами, которые вошли в историю под названием *гиперборейцев*⁸.

Сведения об обычаях и миграциях этих племен сохранились в мировом фольклоре и мифологии. Лучшим подтверждением факта существования Арктиды (помимо геологических данных, полученных при изучении дна Северного Ледовитого океана) являются ежегодные массовые миграции перелетных птиц с Юга на древнюю Северную Прародину и обратно, обусловленные генетически закрепленной памятью, природно-космический механизм которой до сих пор не ясен.

Прошлая жизнь в приполярных областях зафиксирована во многих древних культурах и летосчислениях. Сведения эти самоочевидны и лежат, так сказать, на поверхности, но становятся понятными лишь в свете представлений о полярном происхождении древних цивилизаций. Искомые факты легко обнаруживаются, к примеру, при анализе календарных реформ, проведенных в свое время в Древнем Египте и Древнем Риме. Древнеегипетский солнечный календарь включал первоначально 360 дней. Между прочим, именно отсюда возникло разделение окружности на 360 градусов — как символ годичного круговорота Солнца и по соответствующему числу солнечных дней. Затем, благодаря богу Тоту-Гермесу (подробнее об этом см. далее), было добавлено еще 5 дней. Но откуда могли взяться эти 360 солнечных дней? И на каком основании произведена добавка пяти дней? Все очень просто: некогда, в отдаленном прошлом, прапредки египтян наблюдали солнце 360 дней в году, а несколько дней (а именно — 5), в соответствии с законами движения Земли вокруг главного светила, оно на небосклоне не наблюдалось. Такое (опять-таки в соответствии с законами природы) возможно только в приполярных областях. В ходе этнической миграции праегиптян на Юг старое летосчисление долгое время сохранялось, хотя и противоречило видимым фактам и новым географическим условиям, но затем была произведена коренная реформа календаря.

Еще более серьезной корректировки потребовало первоначальное римское летосчисление. В момент основания Рима и, естественно, до этого события пришлые народы, заселявшие Апеннинский полуостров, начиная с конца 3-го тысячелетия до н.э., пользовались солнечным календарем. Он включал только 10 месяцев и оканчивался декабром, что дословно и означает

«десятью» и, кстати, не воспринимается как нонсенс в современном двенадцатимесячном календаре. Следовательно, до появления в Италии пришлые племена обитали в таких областях, где в течение двух месяцев Солнце не наблюдалось. Такое, как снова нетрудно догадаться, возможно лишь в условиях долгой полярной ночи. Второй после Ромула римский царь Нума Помпилий, которому при помощи нимфы-прорицательницы Эгерии, по словам Плутарха, «открылась небесная мудрость», — исправил анахронизм старого сумбурного календаря и добавил к имевшимся 10 месяцам еще 2 — январь и февраль⁹ (год у этрусков, латинов, сабинян и прочих итальяйских племен начинался так же, как и у древних славян, — с марта месяца).

Полярные реминисценции, как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, обнаруживаются и в Библии. В Книге Исаии говорится об обители (сонме) богов на краю Севера, куда стремился один из возгордившихся и наказанных за это сынов человеческих — Денница, сын Зари (Ис. 14, 13). Северные те боги, по Библии, обитают на священной горе, хорошо известной в индоиранской традиции под названием Меру. В книге Иова подробно и эмоционально описывается полярная ночь: «Ночь та, — да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! О! ночь та — да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселие! Да проклянут ее проклинаящие день, способные разбудить Левиафана! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит: и да не увидит она ресниц денницы...» (Иов 3, 6—9). В Книге Иисуса Навина содержится ссылка на еще более древнюю книгу Праведного, где описывается поведение Солнца в приполярных областях: «Стояло Солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день» (Нав. 10, 13). Данный фрагмент практически полностью соответствует строкам Ригведы: «Свою колесницу бог Солнца остановил посреди неба», где также в метафорической форме описывается полярный день.

А есть ли полярные мотивы в древнегреческих мифах? Не могут не быть, если только прапредки эллинов пришли с Севера и принесли с собой ядро тех сказаний, которые, приспособившись к новым условиям и обрастая массой подробностей, приобрели впоследствии привычный для нас вид. Но сквозь оболочку позднейших наслоений нет-нет да и сверкнет Полярная звезда памяти о далеком прошлом. Так, перед битвой с ги-

гантами Зевс велел Солнцу-Гелиосу, Луне-Селене и Заре-Эос не светить на землю. В небе остались только звезды. Здесь явственный намек: гигантомахия (точнее — события ей предшествовавшие) сопряжена с полночными странами и полярной ночью. Так же в легендах о рождении Геракла различные источники единодушно свидетельствуют: когда Зевс соблазнил Алкмену, их первая брачная ночь ознаменовалась тем, что Солнце трое суток не поднималось над Землей. Такое может случиться только в Заполярье. Следовательно, именно там и происходили описываемые события. И именно туда, на родину предков, неоднократно возвращался величайший герой древности Геракл при совершении некоторых из своих подвигов и при освобождении Прометея. Лишь в эпоху расцвета античной цивилизации первичное ядро северных легенд было трансформировано и приспособлено к условиям Средиземноморья.

Один из крупнейших представителей сравнительного языкознания и сравнительной мифологии *Макс Мюллер* (1823—1900) не без оснований полагал, что в период, предшествовавший образованию современных этносов, каждое слово в первоначальном арийском языке было мифом, каждое имя — образом, каждое существительное — определенным лицом и каждый предлог — маленькой драмой. По этой причине многие языческие боги — индийские, иранские, греческие, германские, славянские и прочие — не что иное, как результат персонификации поэтических обозначений (имен), неожиданных даже для тех, кто их придумал. Интересно взглянуть под данным углом зрения на скупые сведения древних историков, связанные с преданиями о Гиперборее. Естественно, что в Ведах, Авесте, Библии и других древних книгах не содержится упоминаний ни о Гиперборее, ни о гиперборейцах, поскольку это вообще не автохтонные наименования. Дословно этноним гиперборейцы означает «те, кто живет за Бореем (Северным ветром)» или просто — «те, кто живет на Севере». В древнерусской географии также было принято разделение мира по ветрам, и территория современной России обозначалась соответственно по направлению северного ветра. «Благословил есть праотец наш Ной, — сказано в «Мазуринском летописце», — прадеда нашего Иафета частию земли западного всего и северного и полуношного ветров»¹⁰.

О гиперборейцах писали многие античные авторы. Одни подвергали сомнению само существование гиперборейцев ввиду отсутствия достоверных фактов. Так, отец истории Геродот,

хотя и четко помещает их на крайнем Севере на берегах «последнего моря», опасается домысливать что-либо к известным ему фактам, связанным с регулярным принесением даров в храм Аполлона на острове Делос посланцами гиперборейцев. Напротив, другой гигант античности Плиний Старший пишет о гиперборейцах как о реальном древнем народе, живущем у Полярного круга, имеющем древние традиции и генетически связанном с эллинами, а также с культурой и религией всего античного мира — через культ Аполлона.

Плиний Старший — один из самых беспристрастных ученых — старался излагать только бесспорные факты, воздерживаясь от каких-либо комментариев. Вот что дословно сообщал он в «Естественной истории» (IV, 26): «За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона [Северный ветер — синоним Борея. — В.Д.], счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются роши, леса; культ богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости с какой-нибудь скалы они бросаются в море. Это — самый счастливый род погребения... *Нельзя сомневаться в существовании этого народа*» [выделено мной. — В.Д.]¹¹.

Даже из этого небольшого отрывка из «Естественной истории» нетрудно составить ясное представление о Гиперборее. Первое — и это самое главное, — она размещалась там, где солнце может не заходить по несколько месяцев. Другими словами, речь может идти только о приполярных областях, тех, что в русском фольклоре именовались Подсолнечным царством. Другое важное обстоятельство: климат на Севере Евразии во времена расцвета Гипербореи был совсем другим.

Новейшие комплексные исследования, проведенные на севере Шотландии по международной программе, показали, что

4 тысячи лет назад (это — стык 3-го и 2-го тысячелетий до н.э.) климат на данной широте был сравним с нынешним климатом Средиземноморья. Еще ранее российскими океанографами и палеонтологами было установлено, что в 30—15 тысячелетии до н.э. климат Арктики был достаточно мягким, а Северный Ледовитый океан был теплым, несмотря на присутствие ледников на континенте. Примерно к таким же выводам и хронологическим рамкам пришли американские и канадские ученые. По их мнению, во время Висконсинского оледенения в центре Северного Ледовитого океана существовала зона умеренного климата, благоприятная для такой флоры и фауны, которые не могли существовать на приполярных и заполярных территориях Северной Америки.

Косвенным свидетельством в пользу существования в северных широтах древней высокоразвитой цивилизации могут служить находящиеся повсюду мощные каменные сооружения и другие мегалитические памятники, в том числе ландшафтного типа. При зарождении археологии как науки им придавалось исключительно важное значение в понимании далекого прошлого человечества. Так, в северной Шотландии, на Шетландских и Оркнейских островах хорошо известны развалины могучих доисторических башен-крепостей, воздвигнутых задолго до римских и тем более норманских завоеваний¹². Функционально эти башни больше всего напоминают такие же каменные сооружения на Северном Кавказе. А то, что расположены они на самой северной оконечности Британских островов и сориентированы на отражение возможной атаки с Севера, невольно наводит на мысль на их сопряженность с Прародиной цивилизации — Гипербореей. Остатки подобных сооружений обнаружены и на Кольском полуострове.

Несомненно также, что в те далекие времена эллины были близки гиперборейцам и по обычаям и по языку — об этом прямо пишет Диодор Сицилийский (II, 47). Судя по всему, два родственных народа жили когда-то вместе в северных широтах. Затем некоторые обстоятельства (о них речь пойдет ниже) заставили предков эллинов мигрировать на стыке II и I тысячелетий до н.э., вытесняя и поглощая таких же пришлых (но примерно на тысячелетие раньше) завоевателей — создателей эгейской и минойской культуры, строителей величественных каменных сооружений и лабиринтов. Трудно, разумеется, если придерживаться научного подхода, и далее детализировать сведения по той стране, которая уже во времена Геродота была

объектом легенд. Но именно научный подход и позволяет найти некоторые зацепки и провести ряд аналогий. Так, известна карта *Герарда Меркатора* (1512—1594) — одного из самых известных картографов всех времен, опиравшегося на какие-то древние знания, на которой Гиперборея изображена как огромный арктический материк, окружающий Северный полюс и с высокой горой (Меру?) посередине (рис. 17). С другой стороны, древние авторы, и в частности Страбон в своей знаменитой «Географии», пишут об окраинной северной территории, полярной оконечности Земли, именуемой *Туле* (*Тула*). Туле как раз и занимает то место, где по расчетам должны быть Гиперборея или Арктида (точнее Туле — одна из оконечностей Арктиды).

У Страбона, который опирался на не дошедшие до нас тексты предшественников, нет каких-либо подробностей относительно Туле, кроме того, что он (остров) расположен в шести днях плавания на север от Британии и что море там и вся окружающая среда студнеобразные, напоминают тело одной из разновидностей медуз, по-древнегречески называемой «морское легкое». Если точно следовать тексту Страбона, то в использован-

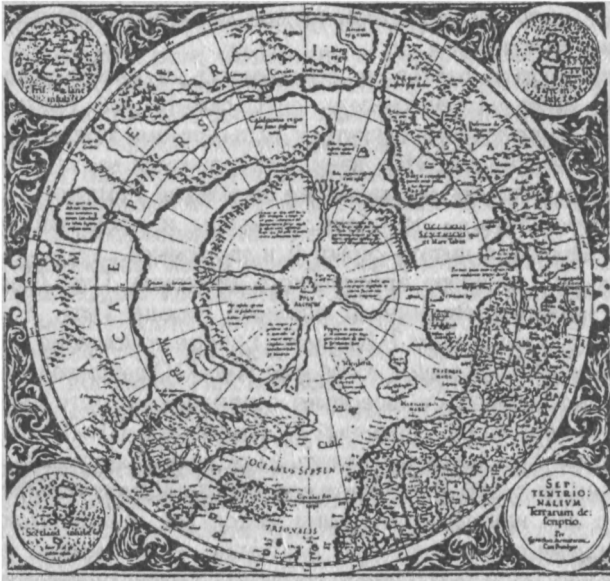

Рис. 17. Гиперборея на карте Г. Меркатора

ном им, но впоследствии утраченном описании плавания Пифея (он, собственно, и посетил таинственную землю, где летом солнце не садится за горизонт по несколько месяцев и столько же продолжается зимняя ночь), приводимые подробности поддаются лишь гипотетической расшифровке. В окрестностях Туле «нет более воздуха, а некое вещество, сгустившееся из всех этих элементов, похожее на морское легкое; в нем, говорит Пифей, висят земля, море и все элементы, и это вещество является как бы связью целого: по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле»¹³. По эзотерическому преданию, столицей легендарной страны Туле был Город Солнца — Гелиополь. Именно с тех пор священное название, превращенное в своего рода символ, начало свое победное шествие по всему миру. Сам топоним греческого происхождения, но он калькирует исконно автохтонные названия. Одна из религиозных столиц Древнего Египта известна под названием Гелиополя. Развалины таких же «гелиополей» — городов-святилищ Солнца разбросаны по всему американскому континенту — от Мексики и Гватемалы до Боливии и Перу. Впоследствии имя Города Солнца как символ достойной и счастливой жизни переключался в тайные учения и утопические доктрины — наиболее известной из них явилась знаменитая книга Томмазо Кампанеллы.

Если других фактов не сохранилось, а материальные памятники либо не распознаны, либо скрыты под арктическим льдом, — остается прибегнуть к испытанному средству — реконструкции смысла. Ибо язык как хранитель мысли и знаний исчезнувших поколений такой же надежный памятник, как каменные мегалиты — дольмены, менгиры и кромлехи. Нужно только научиться читать скрытый в них смысл.

Калькой древнего арктического материка Туле (Тула) является название старинного русского города Тула. Конечно, вряд ли русский город Тула имеет прямое отношение (по принадлежности) к древней Гиперборее (Туле). Однако налицо, если так можно выразиться, довольно очевидное, хотя и косвенное свидетельство: народ, связанный с Гипербореей (Туле), возможно, пришел или был вынужден бежать из легендарной страны, народ, в чьем языке слово «тула» означало нечто скрытое и заветное — он-то и дал наименование тому месту, где впоследствии возник современный город Тула (дословно — «потайное место»).

Именно такой смысл имеет, согласно словарю Владимира Даля, понятие «тула». Это — «скрытое, недоступное место» — «затулье»,

«притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т.п.). Есть и другие русские слова с этим корнем: «туло, туловище» — тело без головы, рук и ног; «туло» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втупка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось наречие «дотла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т.д.

Как видим, имя города Тула имеет богатейшее смысловое содержание. Топонимы с корнем «тул» вообще имеют чрезвычайное распространение: города Тулон и Тулуза во Франции, Тулча — в Румынии, Тульчин — на Украине, Тулымский камень (хребет) — на Северном Урале, река в Мурманской области — Тулома, озеро в Карелии — Тулос. И так далее — вплоть до самоназвания одного из дравидских народов в Индии — тулу. На американском континенте также известен город Тула — древняя столица доколумбова государства тольтеков (на территории современной Мексики), просуществовавшая до XII века н.э. Предположение о лексической и смысловой сопряженности этнонима тольтеков и названия их главного города с легендарной приполярной территории Туле было высказано еще Рене Геноном в его знаменитом эссе «Атлантида и Гиперборея». Тольтекская Тула с ее реставрированными памятниками (включая знаменитую пирамиду Кецалькоатля) — один из известнейших архитектурно-археологических комплексов Нового Света. Однако в данном случае нас интересует этимология тольтекского названия города: 1) восходит ли оно к запредельно древним временам, когда прапредки индейских племен вычленились из общей этнолингвистической массы и начали свое миграционное шествие по американскому континенту, покинув общую прародину всех народов мира (предположительно не ранее 40 тысяч лет до н.э.); 2) принадлежит ли оно исчезнувшему народу, прибывшему с одного из погибших гипотетических материков или архипелагов Атлантиды или Арктиды; 3) является ли автохтонным — с учетом того, что сама культура тольтеков была кратковременной (в пределах трех столетий) и сравнительно поздней.

Но если даже остановиться на последнем возможном объяснении, — нельзя отрицать, что сами тольтеки возникли не на пустом месте и не вдруг — у них были предки и прапредки, в словарном запасе которых непременно были слова с корневой основой «тул[а]», лежащей, кстати, в фундаменте само-

Рис. 18. Прометей
(изображение на вазе)

го этнонима «тольтеки». Кроме того, на месте разрушенной столицы государства тольтеков ранее существовал легендарный город индейцев науа — Толлан (или Тольян), чье название созвучно лексеме «тул». И эту цепочку поколений, тянущуюся в глубь веков, опять-таки можно проследить до 40-го тысячелетия до н.э., то есть до начала распада единой этнолингвистической общности всех народов и языков мира.

* * *

Несмотря на скудные сведения историков, античный мир располагал обширными представлениями и немаловажными подробностями о жизни и нравах гиперборейцев. Солнцелоб Аполлон Гиперборейский — покровитель муз — вдохновил многих поэтов и писателей, дабы воспели они своих северных прапредков. И все потому, что корни давних и тесных связей с гиперборейцами уходят в древнейшую общность праиндоевропейской цивилизации, естественным образом связанную и с Полярным кругом, и с «краем земли» — северной береговой линией Евразии и древней материковой и островной культурой.

Именно здесь, как пишет Эсхил: «на краю земли», «в безлюдной пустыне диких скифов» — по приказу Зевса был прикован к скале непокорный Прометей (рис. 18), который, вопреки запрету, подарил людям огонь, открыл тайну движения звезд и светил, научил искусству сложения букв, земледелию и плаванию под парусами. Но край, где томился терзаемый драконоподобным коршуном Прометей, откуда его не освободил Геракл, — не всегда был столь безлюдным и бесприютным. Все выглядело иначе, когда сюда, на край Ойкумены, к гиперборейцам приходил знаменитый герой древности — Персей, чтобы сразиться с Горгоной Медусой, завладеть ее несущей смерть головой. За то и был он прозван «Гиперборейским», о чем в подробностях поведал Пиндар — величайший эпический поэт Эллады:

Но ни вплавь, ни впешь
 Никто не вымерил дивного пути
 К сходу гипербореев —
 Лишь Персей,
 Водитель народа,
 Переступил порог их пиров,
 Там стожертвенным приношением Богу закалывались ослы,
 Там длящимся весельям и хвалебным словам
 Радуетя Аполлон,
 И смеется на ослиную встающую спесь.
 Не чуждается их нрава и Муза:
 Хоры дев, звуки лир, свисты флейт
 Мчатся повсюду,
 Золотыми лаврами сплетены их волосы,
 И благодушен их пир.
 Ни болезни, ни губящая старость
 Не вмешиваются в святой их род.
 Без мук, без битв
 Живут они, избежавшие
 Давящей правды Немезиды.
 Смелостью дыша,
 Это в их счастливые сборища
 Шагнул, предводимый Афиною,
 Сын Данаи.
 Он убил Горгону,
 Он принес островитянам
 Ту голову, пеструю змеиную гривой,
 Каменную смерть.
 И дивному вера есть, коль вершитель — Бог.

Не иначе — картина Золотого века: равные олимпийским богам гиперборейцы не знают ни нужды, ни войн, ни внутренней вражды, ни болезней, ни смерти. Гиперборея — воистину родина богов, героев и всего человечества. О том же свидетельствует и вышеприведенный отрывок из Плиния Старшего.

Вопрос о подвигах и приключениях Персея интересен не только своей географической привязанностью к гиперборейцам, но и заглубленностью в те пласты древнего мировоззрения, когда действовала совершенно иная по сравнению с классической система мифологических ориентиров. Персей отправился на «край земли», в царство гиперборейцев как на прародину и самих

эллинов, и Олимпийских богов. Там, на Крайнем Севере, обитали потомки титанов первого поколения богов, названных в 37-м Орфическом гимне «исток и началом всего, что смерти подвластно», но побежденных все же Олимпийцами в жестокой борьбе. Там, видимо, и произошла Титаномахия — битва богов и Титанов — ближайших потомков одной и той же матери-Земли — Геи и одного и того же отца Неба — Урана. В действительности же Титаномахия отразила в мифологической форме распад праязыка и столкновение двух тотемных структур — старой и новой, одна из которых, возможно, потерпев поражение, вынуждена была мигрировать на Юг, оставив, однако, потомкам выгодную для себя версию происходивших событий.

Не вдаваясь в перипетии древней войны (ее точные подробности все равно неизвестны), отметим, что титаны и их окружение были изничтожены дважды: первый раз — физически, второй раз — морально. На них была наложена Каинова печать сатанинского племени, им были приписаны все мыслимые и немыслимые грехи. Так, впрочем, было всегда, когда одна религия приходила на смену другой: прежние кумиры в прямом смысле уничтожались, на бывшие верования накладывалось табу, а все, что с ними было связано, извращалось и изгаживалось. Именно так произошло при распаде индоиранской общности. Первоначально у древних индийцев и иранцев были общие боги. После разделения религий и культур одни и те же боги стали восприниматься с противоположными знаками народами, перешедшими во враждебные отношения друг к другу. В индоиранской мифологии существовало разделение мира демонов и богов на *дэвов* и *асуров*. Но если в индийской традиции *деви* — синоним божества, то в иранской интерпретации (а в дальнейшем и у других народов, оказавшихся в орбите персидской культуры) *дэвы* — злобные, кровожадные оборотни, главные враги рода людского. Примерно тот же смысл вкладывают индийцы в понятие *асуров*; зато у древних иранцев *ахуры* — божественные существа, боровшиеся за упорядочение мира и общества против сил хаоса, зла и тьмы, а Ахурамазда — верховное божество зороастрийского пантеона.

По такой же примерно схеме развивались события при становлении олимпийской мифологии. Среди эллинов были распространены три концепции сотворения мира: 1) пеласгийская и 2) орфическая, обе развивавшие общеиндоарийские представления о космическом яйце как первоколыбели богов и людей,

и 3) олимпийская, превратившаяся в официозную религию и идеологию после вторжения эллинов на Балканы.

По олимпийской традиции первоначально существовало четыре поколения божеств. Второе и третье поочередно свергли своих предшественников. Согласно Гесиоду, прародителями всего живого считались Гея-Земля и Уран-Небо. От их брака родились чудовища — сторукие великаны гекатонхейры, одноглазые циклопы, а также титаны и титаниды. Титаны во главе с Кроном (Хроносом) восстали против отца Урана, свергли его после оскопления и стали править миром. Но не вечно. От брака Крона — владыки мира — с сестрой-титанидой Реей родилось пятеро детей. Дабы не допустить своего свержения, отец тотчас же их проглатывал, пока очередь не дошла до последнего — Зевса. Мать-Рейя подменила ребенка камнем, а сына надежно спрятала и вырастила. Возмужав, Зевс освободил из утробы отца своих братьев и сестер и вместе с ними объявил десятилетнюю войну всем титанам. Победа досталась Зевсу (рис. 19), титаны во главе с Кроном были низвергнуты, а миром стал править Зевс и его соратники: братья Посейдон и Плутон, сестра Деметра и супруга Гера. В дальнейшем в число Олимпийских богов были включены дети Зевса от разных жен: Гефест, Гермес, Аполлон, Артемида, Афина, Арес, Дионис, Афродита. Относительно происхождения последней имеется иная, более древняя версия: Афродита — не дочь, а, скорее, тетка Зевса. Она появилась на свет еще до рождения будущего владыки Олимпа: плоть оскопленного Урана упала в море, образовав пену, из нее-то и возникла Пенорожденная богиня.

Спрашивается: какое отношение все это имеет к русскому мировоззрению? А вот какое: подавляющее большинство упомянутых событий, описанных в классической Теогонии, происходило не на Балканах — территории древней и современной Греции, а в местах расселения той части индоевропейской этнической общности, которая впоследствии непосредственно разделилась на прапредков эллинов и прапредков славян. Находился этот

Рис. 19. Зевс
(изображение на вазе)

этнический котел народов в северных широтах Евразии, то есть главным образом на территориях современной России, именуемых в древности Гипербореей. Греки и русские — народы, близкие по генетическим корням и духовному мироощущению; неспроста впоследствии они вновь духовно объединились в православии.

Вообще же вопрос о титанах достаточно запутан и относится к числу «темных». Расхождения по поводу их генезиса существовали уже между Гомером и Гесиодом. По Гесиоду, как уже отмечалось, отец двенадцати титанов и титанид — это Уран-Небо, а мать — Гейя-Земля. В дальнейшем титанами именовались и дети первого поколения, например, Прометей — сын Япета (Иапета) и Климены. У Гомера титаны — дети не Урана и Геи, а Океана и Тетиды — родоначальников всего живущего. (Между прочим, то, что наименование «титаны» образовано от имени матери — Тетиды (Титии), свидетельствует о матриархальности отношений, доминировавших во времена их владычества. Напротив, с воцарением Олимпийцев утвердились отношения патриархальные.) Аполлодор в «Мифологической библиотеке» придерживается версии Гесиода. Впоследствии их точка зрения и была канонизирована, хотя уже многие античные авторы — и в их числе знаменитый философ Гераклит Эфесский — выражали глубокие сомнения в компетенции Гесиода. Это подтверждают и некоторые, как принято выражаться, независимые источники.

Сохранились свидетельства так называемых Сивиллиных книг, некогда обширных мифологических источников древнейшего происхождения. Первоначально Кумская Сивилла принесла последнему царю Древнего Рима Тарквинию Гордому девять священных книг, и уже тогда шесть из них были сожжены. Оставшиеся не раз переписывались, сокращались, пока их окончательно не уничтожили варвары после захвата Рима. Тем не менее некоторые отрывки уцелели, среди них — касающиеся происхождения титанов. Иногда утверждают: перед нами не подлинник, а позднейший пересказ. Ну и что! Ничуть не меркнет заслуга нередко безымянных авторов, сумевших донести до нас голос подлинника, в том или ином виде бывшего у кого-то перед глазами. Ценность первоначальных свидетельств не снижается, оттого что они передаются от поколения к поколению.

В III Сивиллиной книге излагается версия, отличная от общепринятой: титаны вовсе не были Первобогами, а представляли десятое поколение, жившее после потопа (какого по счету потопа — не говорится). Самое интересное, что Титан

в Сивиллиной книге — имя собственное: «И владычествовали тогда Крон, Титан и Япет, названные превосходнейшими детьми Геи (Земли) и Урана (Неба), по причине того, что они были лучшими земными людьми. Вся земля была разделена между ними на три части и каждый владычествовал в своей части бесспорно, ибо отец наложил на них клятву, а дележ был справедливый. Но когда старому отцу пришел конец и он умер, тогда клятва была нарушена постыдным образом, и сыновья заспорили о царском достоинстве и владычестве над всеми людьми. Воевали же (преимущественно) Крон и Титан»¹⁴. Далее подробно рассказывается о перипетиях этой борьбы.

Поражает обыденность и приземленность данной версии: титаны и будущие Олимпийцы оказываются простыми людьми (Зевс, кстати, прозывается Дисом и признается таким же смертным, как все люди, боги и полубоги). Любопытна интерпретация и самого образа Титана: первоначально это брат — соперник Крона и Япета (в Сивиллиной книге — вопреки Гесиоду и Аполлодору — они не называются титанами; зато таковыми именуются 60 сыновей первородителя).

Имеются веские основания предполагать, что Титан — вообще не имя, а прозвище. Исходя из значения древнегреческого слова и близких ему по смыслу слов, «титан» означает: «простирающий руку», «стремящийся», «мыслитель», «властелин», «питатель» («властелин» уместно признать основным смыслом). Точно так же Прометей — сын Япета (Ипета) — не имя собственное, а прозвище: «провидец», «промыслитель», «прозорливец», «ведун» (от слов: «ведать», «проведасть»), то есть из одного ряда с русскими словами: «ведьма» (ж. род), «волхв» (м. род). Крон также в известном смысле прозвище: имена Крон[ос] и Хронос тождественны, а Хронос означает Время. Косвенно это подтверждает и один из фундаментальных памятников мировой историографии — «История Армении» (V в. н.э.). Ее автор — выдающийся сын армянского народа *Мовсес Хоренаци* также опирался на III Сивиллину книгу, но другую ее редакцию, где вместо Крона-Хроноса фигурирует его персидский эквивалент Зрван (Зерван). В древнеиранской мифологии Зрван — Время, являющееся первоначальной мировой субстанцией; отсюда — зерванизм (зрванизм) — самобытная философская концепция, оказавшая непосредственное влияние на зороастризм, маздеизм, иудаизм, гностицизм, каббалистику, а в манихействе Зрван и вовсе является Верховным Богом.

Вообще же имя древнегреческого первобога-титана Крона родственно таким русским словам, как «крона» (дерева) или «корона» (от лат. *corona* — венок). Поэтому изначальный смысл самого имени Крон можно реконструировать как: «верховник», «венценосец». Одновременно в русском языке прижился и вторичный смысл имени Крона — Хронос-Время. Имя Крона, олицетворяющее им онтологическое и историософское значение времени, сохранилось и в современном слове «хроника». Древнее русифицированное его звучание — «кроника», где корневая основа «крон» наличествует в первоизданном виде. Термин «кроника» в различных ее вокализациях был достаточно широко распространен в старинной книжной литературе, где выступал синонимом слова «летопись», обозначая исторические своды — в особенности иноязычные и переводные¹⁵. Из общего корневого гнезда происходят и другие исконно русские слова: глагол «кроить» и существительное «край», восходящее к тому же к авестийскому *karana* — «край», «сторона» (см.: Словарь М. Фасмера).

Несмотря на олимпийский переворот, Крон продолжал почитаться практически во всех странах Древнего мира — от Египта до территорий, заселенных славянами, ибо, по мнению древних, — свидетельствует Плутарх, — «все произошло от Крона и Афродиты»¹⁶, то есть — от всепоглощающего времени и всепобеждающей любви. Древние считали его еще и богом холода и зимы — еще одно указание на полярную прародину. Некоторые авторы прямо называют Крона гиперборейским божеством, владыкой Полюса и полярных стран. Неспроста ведь в отдельных античных источниках современная акватория Ледовитого океана именовалась Кронидским морем. Латинским эквивалентом бога Крона был Сатурн. Именно под этим именем он упоминается как божество славян в книге арабского путешественника Аль-Массуди. В X веке, еще до введения христианства на Руси, он посетил нынешние российские территории, путешествуя по Хазарии и Волжской Булгарии. В одном из славянских Храмов на Черной горе, рассказывает Аль-Массуди в книге «Золотые луга», стоял идол, представлявший Сатурна в образе старца с палкою в руках, ею он разгребал могильные кости мертвых; под правую ногу были изображены разного рода муравьи, а под левою вороны и другие подобные птицы¹⁷.

Ясно, что упомянутое славянское божество Времени и Смерти имело свое собственное имя — в XIX веке его пытались реконструировать известные европейские мифологи. Со

ссылкой на чешские хроники считали, что имя его Ситоврат, созвучное Сатурну и означающее Солнцеворот (или, возможно также, Врата Солнца). Со ссылкой на средневековые латинские словари считали, что звали его Крът (Крет) — созвучно (первые две буквы) имени Крона, а также названию одной из разновидностей сокола — «кречета». Подобной точки зрения придерживался *Якоб Гримм*, проделавший скрупулезный лингвистический анализ данного теонима. В конечном счете родственными имени Крът (Крон) признаются слова с корнем «крес» — («огонь») и «крад-крак», включая название древнего польского города Краков. От себя добавим, не менее созвучен имени Крът и топоним Крит — название средиземноморского острова, очага эгейской цивилизации. Для имени Зевс — низвергателя Крона и других титанов — тоже нетрудно подыскать аналоги в русском языке. Это слово «зёв», и «зов», и сопряженные с ними единоосновные глаголы «зиять», «звать», «зевать». Последний, по *Далю*, помимо общераспространенного смысла, означал также: «кричать», «орать», «реветь». «Зёв — рёв» — вот, вероятнее всего, та смысловая «вилка», которая нашла свое отражение в имени Олимпийского Громовержца.

А какие сведения можно почерпнуть в древнерусских источниках? Крупнейший русско-украинский историк *Николай Иванович Костомаров* (1817—1885) в монографии «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки)» ссылается на хронографы XVI и XVII веков, где записана уже упоминавшаяся легенда о начале Русской земли. Здесь рассказывается о потомках Яфета (Япета) Скифе и Зардане, переселившихся на юг в Причерноморье; в свою очередь их потомки — Словен и Рус вернулись в места прежнего проживания своих предков на Севере (причем случилось сие между 4-м и 3-м тысячелетием до н.э.). Имя Зардан в русских источниках нигде более не зафиксировано. Оно может быть интерпретировано двояким образом: во-первых, с учетом чередования согласных звуков и по аналогии с понятием Зрван, означающим Время и прямым выходящим на его греческий эквивалент Хронос-Крон[ос]; во-вторых, как собственно русское имя, состоящее из двух русских корней «зар» (ср.: «заря») и «дан» (ср.: «данный») — в таком случае Зардан сродни имени Богдан. Думается, однако, что различие между обоими подходами условно, если обратиться к теории единого происхождения языков мира; впро-

чем, общая основа наверняка отыщется уже в общеиндоевропейских корнях.

Сходным образом понятие и слово «титан» образуют общее лексико-смысловое гнездо с исконно русскими словами: «тита» (женская грудь — «титька»), «тётя», «тятя» («тата — отец», откуда и слово «отечество») — все они предполагают некоторую близкородственную основу. По поводу Крона в русских летописях есть еще одно любопытное свидетельство, почерпнутое из византийских хроник, излагавших эллинскую мифологию. В русском Хронографе редакции 1512 года упоминается один из прародителей человечества — исполин Крон, названный так «по имени великой звезды» (то есть планеты Сатурн). Русский хронограф считает Крона дедом великого пророка Зороастра, «рекше зорозвездник, славный перьский звездозаконник».

Остается разобраться с этимологией имени Япет (Иапет) — Яфет (последнее в древности писалось — Афет, в современных изданиях — Иафет). С ним сопрягается имя Ипат — мистически-роковой символ русской истории: с Ипатьевского монастыря началась история династии Романовых, а в Ипатьевском доме в Екатеринбурге она трагически завершилась. Полное имя для Ипата — Ипатий, он же — Евпатий, древнерусское написание — Еупатий (так звали организатора сопротивления Батью в Рязанском княжестве), восходящее к греческому Евпатору, что означает «благородный» (такое прозвище было у знаменитого властителя Боспорского царства Митридата VI). Русское имя Ипат, исходя из греческой первоосновы, также переводят обычно: «знатный», «важный».

Однако нахождение иноязычного эквивалента — лишь первый шаг на пути отыскания истины: корни и греческого, и славяно-русского слов наверняка уходят в более глубокие лексические и смысловые пласты, тем более когда речь идет о легендарном прародителе индоевропейских и прочих народов. Не лишено вероятности, что имя Иапет — обычное прозвище, связанное с древнегреческим глаголом *iapto*, значение которого многопланово: «кидать», «бросать», «низвергать», «произносить», «нападать», «поражать», «носиться», «мчаться», «плясать». Соответственно и Иапет может считаться и Низвергателем, и Мчащимся, и Плясуном, и т.д. Среди неавтохтонных пришлых народов, известных античным авторам, были иаподы, жившие на стыке Балканского и Апеннинского полуостровов, а также иапиги, поселившиеся в конечном счете в Италии, куда они прибыли с

Крита под водительством Иапига, сына легендарного мастера Дедала и неизвестной критянки. Что заставило критян спешно покинуть остров — колыбель доэллинической цивилизации, — об этом история умалчивает. Известно, однако, что сам Дедал был связан с Севером (Арктом), о чем еще будет сказано ниже.

Просматриваются параллели и с русским языком, хотя и носят они гипотетический характер. Так, хорошо известное русское слово «ябедник» в прошлом означало «служитель» и писалось, начиная с «Русской правды» Ярослава Мудрого, «ябет[ь]ник», уходя своими корнями, по мнению большинства специалистов, в скандинавские языки. Впоследствии, но не ранее XVI века, из существительного «ябедник» образовался глагол «ябедничать» со смыслом «доносить», «клеветать», а «ябедник» превратился в «ябеду-доносчика». С учетом взаимопревращаемости согласных звуков «б» и «п» можно допустить форму «япетник», где лексическая основа «япет» обнаруживается очень четко. Кроме того, в русле индоевропейской фонетической трансформации известно превращение «б» в «пф» (или наоборот). Русское «яблоко» имеет общую корневую и генетическую основу с немецким *Apfel*, где «б»=«пф». Отсюда понятно, почему в вокализации имени Япета возможен вариант со звуком «ф» вместо «п». Конечно, созвучность имени-символа Япет-Яфет и древнерусского слова «ябет[ь]ник» может оказаться случайной, но во всякой Истории — в том числе и в истории языка — ничего случайного, по большому счету, не бывает.

Таким образом, многие Олимпийские боги, эллинские герои и связанные с ними сюжеты окрашены в «русские тона». Данный на первый взгляд парадоксальный тезис нужно понимать не в том плане, что эллины произошли от русских (или наоборот), а в том смысле, что предыстория тех и других имеет общие корни и даже ствол: некогда существовал нерасчлененный Пранарод с общим языком и культурами, но в дальнейшем праэтнос расщепился, места расселения изменились, языки обособились. Однако следы былой общности не стерлись. Это — бесспорный факт, и в дальнейшем изложении он неоднократно будет подкрепляться все новыми и новыми аргументами. Еще в прошлом веке вывод о близкородственности древнегреческой и русской народных культур настойчиво пропагандировал выдающийся славист и фольклорист *Петр Алексеевич Бессонов* (1827—1898), а также уже упомянутый А.Д. Чертков. Кроме того, был издан сравнительный словарь А.О. Готтеса «Осно-

вание всеобщей словесности и происхождение русского языка» (СПб., 1844), получивший неоднозначную оценку в научных кругах, но наглядно демонстрировавший сотни параллелей между русским и древнегреческим языками. Ныне к идее совпадения древних и коренных индоевропейских культур с русским мировоззрением и традициями обратились многие современные исследователи (подробнее смотри ниже).

В последнее время принято более внимательно относиться к Библии как к историческому документу. Безусловно, Книга Книг таковым и является. Здесь аккумулировано древнее знание многих народов. И в особенности это касается предыстории. Позволю и я в качестве отправного пункта для объяснения некоторых таинственных явлений доисторического прошлого взять две загадочные библейские фразы из 6-й главы «Бытия». Здесь рассказывается о временах, предшествовавших всемирному потопу, о грехах людских и о том, как «сыны Божьи» (Эрих фон Деникен расценивает их как посланцев иных миров) стали брать в жены дочерей человеческих, и те начали рожать от них детей. Но не к этому сюжету, казалось бы, имеющему непосредственное отношение к палеоконтактам, хотелось бы привлечь внимание. В 6-й главе «Бытия» есть небольшое вставное отступление, которое не имеет никакого отношения ни к предыдущему, ни к последующему изложению. Всего две фразы: «В то время были на земле исполины <...> Это сильные, издревле славные люди» (Быт. 6, 4).

Обычно слова эти воспринимаются как дань уважения фольклору и сказкам о великанах. Но, во-первых, в фольклоре также отображена реальная история, особенно — древняя. Во-вторых, почему бы не посмотреть на сам библейский текст как на историческое свидетельство. Тем более перед нами далеко не единичное свидетельство. Напротив, свидетельств масса — как и заслуживающих внимания фактов. Сошлемся только на два.

В России почти не знают вавилонского историка Бероса (ок. 350—280 до н.э.). Труды его (точнее — дошедшие из них фрагменты) никогда на русский язык не переводились и вообще считаются чуть ли не апокрифическими. Между тем они — один из важнейших источников по древней истории. Сам Берос был жрецом-астрологом, но после взятия Вавилона Александром Македонским и наступления «смутного времени» бежал в Элладу, выучил греческий язык, затем возвратился на родину и написал по-гречески для царя Антиоха I историю Вавилонии, включая

доисторические времена, опираясь при этом на древние, погибшие уже тогда источники. Так вот Берос, описывая допотопную историю Земли, делит населявших ее разумных существ на три категории: гиганты, обыкновенные люди и существа, жившие в море, которые обучили людей искусствам и ремеслам.

Сначала исполины были добрые и славные, говоря словами Библии. Но постепенно деградировали и стали угнетать людей. «Питаясь человеческим мясом, — пишет Берос, — они изгоняли утробные плоды женщин для приготовления кушанья. Блудно сожительствовали с родными матерями, сестрами, дочерьми, мальчиками, животными; не уважали Богов и творили всякие беззакония». Боги за нечестие и злобу затмевали им разум, а под конец решили истребить нечестивцев, наслав на Землю воды потопа. Погибли все, кроме праведника Ноа [библейский Ной] и его семейства. От него и пошел по новой род людской.

Берос описывал события на Ближнем и Среднем Востоке. Но не знал, что творилось на Севере, на Дальнем Востоке и уж тем более — в Америке. А там происходило примерно то же самое. Помимо людей, существовали еще и человекообразные существа исполинского роста. Сначала они были нормальными «людьми», однако постепенно деградировали, превратившись в злобных и кровожадных людоедов. Вот об одном таком обитавшем на территории России уже в историческое время и сохранилось документальное свидетельство. Принадлежит оно Ахмеду ибн-Фадлану, который в 921—922 гг. вместе с посольством багдадского халифа посетил царя волжских булгар, проехав перед тем и по русским владениям. Книга, которую написал ибн-Фадлан, — бесценный источник по истории дохристианской Руси, но интересующий нас отрывок из нее обычно стыдливо замалчивается. А рассказывается в нем ни больше ни меньше как о последнем исполине, проживавшем на волжской территории. Вот о чем поведал арабский путешественник.

Еще находясь в Багдаде, он слышал от одного пленного тюрка, что при ставке владыки Булгарского царства содержится в неволе один исполин — «человек чрезвычайно огромного телосложения». Когда посольство прибыло на Волгу, ибн-Фадлан попросил царя показать гиганта. К сожалению, его не так давно умертвили из-за буйного и злобного характера. Как рассказывали очевидцы, от одного взгляда исполинского существа дети падали в обморок, а у беременных женщин случались выкидыши. Одиचाвший великан был пойман далеко на Севере,

в стране Вису [как считают современные историки, это — летописная весь, жившая где-то в районе Печоры. — В.Д.], и доставлен в столицу Волжской Булгарии. Его держали за городом прикованным цепью к огромному дереву. Здесь же и удавили. Ибн-Фадлану показали останки: «И я увидел, что голова его подобна большой кадке, и вот ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и в таком же роде кости его голеней и обе его локтевые кости. Я изумился этому и удалился»¹⁸.

Перед нами важное документальное свидетельство, беспристрастно подтверждающее то, что хорошо известно из фольклора и мифологии, а также по многим рисункам и изваяниям.

Архаичный пласт древних мифологий скрыт за семью печатями. И все же он поддается смысловой реконструкции. Причем для обоснования его северного происхождения одного лишь культурологического материала недостаточно. Необходимы также антропологические, геологические, климатологические и даже космологические факты.

ЗОЛОТОЙ ВЕК НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ

Гиперборейцы — потомки титанов, свидетели и участники Титаномахии. На это прямо указывают античные авторы: «Гиперборейцы были титанического происхождения... Они выросли из крови бывших прежде титанов»¹⁹. Вспомним, море вблизи Гипербореи именовалось Кронидским, по имени главы «партии» титанов Крона — отца Зевса. Да и сам Крон, если отвлечься от поздней проолимпийской версии о низвержении в Тартар, продолжал властвовать на Островах Блаженных, мало чем отличавшихся от рая земного и расположенных опять-таки на широте Гипербореи. Жизнь на Островах Блаженных, как она представлялась и описывалась античными авторами, почти полностью совпадает с описаниями жизни гиперборейцев.

Как уже упоминалось выше, среди титанов — хозяев Севера Евразии — был и Япет (Иапет), ставший прообразом библейского Яфета, от сына которого — Мосоха (Мосха, Моска) произошли Московиты — жители Москвы и Московии. В античной традиции эта эпоха титанов получила название Золотого века —

царства счастья, добра, справедливости и изобилия. У русского народа память о Золотом веке сохранилась в виде сказочного образа Золотого царства — источника богатства, благополучия и процветания. Знаменитое описание Золотого века дается Гесиодом:

*Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-Повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. В пирах они жизнь
проводили.*

*А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая
богатства...*

В память о Золотом веке справлялись самые веселые праздники древности — дионисии у греков и сатурналии у римлян. Все необузданное веселье рождественских карнавалов, святок, ряжения и колядования с подарками, игрушками, наряжением деревьев (в настоящее время — в основном елки), расцветением огнями — все это идет от дионисий и сатурналий, а еще раньше — от гиперборейских традиций: Золотой век титанов и счастливая жизнь гиперборейцев происходили в одно и то же время и на одной и той же северной территории. Вот еще одно из описаний — в стиле бурлеска — той стародревней жизни предков:

*Там миром дышала природа кругом;
постоянной он был ей стихией.
Не страх, не болезни рождала Земля;
добровольно давала, что нужно.
Там в канавах золотое струилось вино;
с калачами там сайки дрались,
Умоляя тебя: «Что же ты губы надул?
Знай, бери из нас ту, что белее!..»*

*.....
Ни раба там мир не видел,
Ни рабыни никогда...*

Аналогичную картину Царства Света, где обитают блаженные, рисует и средневековый манихейский текст, опирающийся на древнеиранские и иные источники:

*...Там места нет ни злобе и ни козням;
Рождение и смерть, разрушаемое и преходящее —
Всего этого лишено Царство света...
Из сотен потоков, рек, озер и вечно бьющих ключей
Струится живая вода (амброзия), глубокая и чистая,
ароматная и удивительная,
И в ней нельзя ни утонуть, ни захлебнуться;
Нет здесь и наводнения, несущего беду и разорение.
Здесь — драгоценные деревья, растущие в один ряд,
Их драгоценные плоды всегда в соку, не вянут и не гниют,
Все они одинаковой величины и лишены чревоотчины,
Свежи, сочны, обильны, и поистине, вечно существуют.
Драгоценная Страна света беспредельна,
Искать ее край и берег бесполезно;
Поистине, она свободна от малейшего угнетения,
в ней нет нужды и убытка,
Здесь каждый движется, как хочет, живет по своей вольной воле.*

Возникает закономерный вопрос: в какие временные и пространственные параметры укладывается модель Золотого века, а также других периодов древнейшей истории. Попробуем спроецировать высказанные выше предположения на ступени реального исторического процесса в соответствии с современными научными данными, по которым (см., напр., пятитомник «Возникновение человека». М., 1977—1979) о человеке в современном понимании можно говорить лишь применительно ко временному отрезку в 40 тысяч лет, отсчитывая назад от наших дней.

Начало данного сорокатысячелетнего периода знаменует проникновение человека в Северную и Южную Америку, а затем и в Австралию. Переселенцы унесли с собой начатки общечеловеческой культуры, мифологии и мировоззрения, общий языковой субстрат и исходный словарный запас. Распад некогда единого для всех языка к тому времени уже шел полным ходом. Но Евразия еще долго оставалась лингвистически монолитной. Дольше всего сохранялось единство будущих индоевропейских, тюркских и финно-угорских языков; их дифференциация началась, вероятнее всего, где-нибудь после XX тысячелетия до

новой эры. Затем пошел активный процесс обособления индоевропейских этносов и языков.

Существует, впрочем, и иная концепция, популярная в основном в Новом Свете и практически не известная в Европе. Ее разработал выдающийся аргентинский ученый *Флорентино Амегино* (1854—1911). Опираясь на данные палеонтологии и археологии, он выдвинул гипотезу (до сих пор никем не опровергнутую) о южноамериканской прародине человека. Новейшие исследования с применением радиоуглеродного анализа к отдельным останкам древнего человека, найденным на Американском континенте, дали следующие результаты: Южная Калифорния — 50 000 лет, Дель-Мар и Сан-Диего — 48 000 лет, Ла-Джолли — 44 000 лет и Лос-Анджелес — 26 000 лет. Эти данные противоречат господствующей точке зрения относительно заселения Северной, Центральной и Южной Америки. Стартовая планка начала миграционных процессов должна быть значительно снижена, что заставляет по-иному взглянуть также и на социоэтнические и культурно-лингвистические явления, происходившие на евразийских, американских, африканских и прочих территориях.

Известный американский исследователь древнейшей истории Мишель Кремо настаивает на еще более неправдоподобной цифре — не менее 200 миллионов лет! Впрочем, в своей нашумевшей книге (написанной в соавторстве с Ричардом Томпсоном) «Неизвестная история человечества» (М., 2001) он приводит совершенно фантастическую цифру, связанную с находкой в Южной Африке множества металлических шаров, на поверхности которых четко просматривается простенький узор в виде насечек. Найдены эти шары, явно искусственного происхождения, на большой глубине при проведении взрывных работ в геологическом пласте, возраст которого насчитывает 1,8 миллиарда (!) лет. Такова, возможно, нижняя граница существования разумной жизни на Земле...

12 тысяч лет тому назад Земля была уже основательно заселена. Определелись очаги будущих великих цивилизаций — китайской, ближневосточной. Однако на берегах Нила, в Индостане, на Балканах и в Итальянских землях нет еще и намека на те этносы, которым в дальнейшем предстоит создать древнеегипетскую, древнеиндийскую, древнегреческую и древнеримскую культуры. Эти народы появятся в местах своей новой родины постепенно: шумеры — не ранее 5-го тысячелетия до н.э., эгейцы, этруски — не ранее 3-го тысячелетия до н.э. (неред-

ко указывается еще более поздняя дата); эллины и латины — начиная с рубежа между 3-м и 2-м тысячелетием до н.э. Примерно к этому же времени относится начало передвижения протославян и проторуссов, описываемого в самых ранних текстах, зафиксированных на утраченных дощечках Велесовой книги.

Откуда же все они пришли? У каждого народа был свой долгий и трудный маршрут и общее направление миграций, как правило, с Севера на Юг. На то были свои и вполне естественные причины: геофизические катаклизмы и сопряженные с ними глобальные изменения климата, сопровождавшиеся в северных широтах наводнениями и всеобщим похолоданием. Вот как лапидарно описывает Авеста (кстати, название священной книги родственно русскому слову «весть») ситуацию, вынудившую прапредков иранцев покинуть страну Арийан Вэджа (прародину всех ариев) и переселиться с Севера на Юг. Первоначально царили в прекрасной стране покой и блаженство (вспомним Золотой век и Острова Блаженных). Но вот злокозненный Ангара Манью — божество мрака и зла ниспослал на родину ариев жестокую зиму и превратил благодатный край в ледяную пустыню: «Там — десять зимних месяцев и два летних месяца, и они холодны — для воды, холодны — для земли, холодны — для растений, и это середина зимы и сердцевина зимы, — а на исходе зимы — чрезвычайные паводки».

Перекликаются с Авестой и пронзительные строфы русского духовного стиха о светопреставлении:

*Постигла нас тьма несветимая,
Солнце угаси светлая,
Свет свой не яви
На лица земли;
Прежде вечера в часы дневные
Наступила ночь зело темная;
Луча измени естество свое,
Светлая луна во тьму преломися;
Звезды на небеси
Свет свой угаси,
Земля и вода свой плод сократи;
Паде с небес сап горящий,
Пшеницу сломи незрелую...
Перемени море естество свое...
Наступи зима зело лютая,
Уби виноград всезеленый...*

Просто поразительно, как такие стихи — шедевр устного народного творчества (конечно, с поправками и переделками) сохранились на протяжении тысячелетий практически до нынешних времен. При всей несхожести мировоззрений зороастрийцев и русских калек переходящих — хранителей древнейшей культуры и памяти о прошлом — в приведенных песнопениях налицо знания или воспоминания о каких-то стародавних, но конкретных событиях, связанных с неожиданным и резким изменением климата, переходом от тепла к холоду: зело лютая зима на фоне наступления ночи уничтожает виноград, который, оказывается, до климатической катастрофы буйно произрастал на Крайнем Севере, гаснут Солнце и звезды, изменяется естество моря (то есть оно замерзает). Доскональное совпадение с описанием вселенских катастроф в других мифологиях, но с поправкой на «северный коэффициент».

Когда именно случилась эта катастрофа на севере Евразии, установить точно пока не удастся. Можно лишь косвенно судить по волнам миграций и оставленным ими археологическим следам. Память же о вселенском катаклизме, повлекшем за собой Всемирный потоп, сохранилась в преданиях большинства народов Земли. Еще в конце прошлого века американский ученый У. Уоррен в результате исторических и сравнительно-мифологических изысканий пришел к выводу, что у большинства индоевропейских народов сохранились в сказаниях, обрядах, легендах воспоминания о переселении с дальнего Севера и о жизни их предков в северных странах. Обо всем этом поведано в книге с характернейшим названием «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе». Северный полюс, естественно, рассматривался применительно к далекому прошлому.

В те времена картина жизни в приполярных областях значительно отличалась от нынешней, что подтверждается археологическими данными. Достаточно взглянуть на археологическую карту Мурманской области (рис. 20), дабы убедиться: на протяжении многих тысячелетий по берегам океана, морей и рек жизнь здесь была ключом (то же относится и к остальным областям вплоть до Чукотки). Каких-то границ для северной археологии не существует (условно ими можно считать лишь дно Ледовитого океана, куда археологи, к сожалению, пока еще не заглядывали).

В названные пространственно-временные параметры можно вписывать и историю Гипербореи. Считается, что в те да-

легкие времена приполярные территории были сплошь покрыты мощным ледником. То, что ледники периодически наступали и отступали, особых сомнений нет. Весь вопрос в том, когда именно это происходило, сколько времени продолжалось, какую территорию охватывало и с какой частотой повторялось. Известный геолог из Апатитов, специалист по тектонике и автор нескольких монографий, направленных против абсолютизации «ледниковой теории», В.Г. Чувардинский считает, что на Кольском полуострове вообще никогда не было сплошного покровного ледника. Штрихи же и борозды на отполированных поверхностях скал, считающиеся его творением, уходят под вышележащие пласты пород. Другими словами, в данном случае действовал не мифический ледник, а совершенно иные геологические процессы, в первую очередь — (нео)тектонические. Аналогичное происхождение имеют также валуны, которые также принято приписывать леднику. Отсюда имеющиеся на сегодня археологические и иные данные нуждаются в серьезной корректировке господствующей точки зрения. Уточнения также требуют некоторые антропологические, этнографические, исторические и социологические положения.

Русские во всех трех своих ипостасях — великороссы, малороссы и белорусы — никогда не относились к категории «пере-

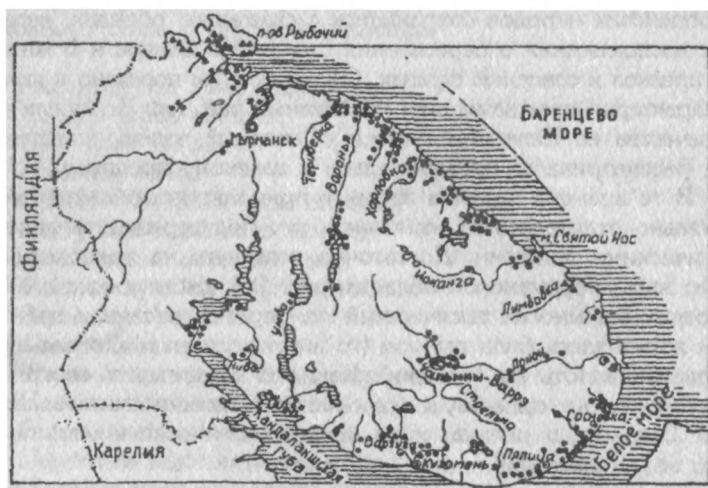

Рис. 20. Археологическая карта Кольского п-ва

кати-поля». Как никто другой привязаны они к земле своих предков. Привязанности этой — десятки, а может даже сотни тысяч лет. Но как совместить исторические реалии с самой непотопляемой догмой нашего времени — так называемой ледниковой теорией? В научной, учебной и справочной литературе господствует непререкаемое на первый взгляд мнение: северные территории Евразии были заселены человеком не ранее XV тысячелетия до н.э., а до того все эти земли были сплошь покрыты мощным материковым ледником, в принципе исключавшим всякую жизнь и миграции. По существу, ледник сковал саму историю!

Однако приведенной абсолютизированной догме противоречат прежде всего археологические данные. Датированный возраст древнейших стоянок в границах постулируемой ледниковой зоны на Севере Евразии начинается с двухсоттысячелетней отметки, а затем плавно и последовательно проходит через все века вплоть до обозримых и отраженных уже в письменных памятниках времен. Например, возраст Бызовской стоянки на Печоре насчитывает по разным данным от 20 до 40 тысяч лет. В любом случае вещественные факты свидетельствуют: жизнь здесь процветала как раз в то время, когда, согласно «ледниковой теории», никакой жизни быть не могло. Таких стоянок и других материальных памятников на севере России сотни, если не тысячи. Итак, налицо вопиющее противоречие. Но если б только одно!

Так, в Восточной Сибири известным археологом Юрием Алексеевичем Мочановым была открыта стоянка Дириг-Юрях — на правом берегу Лены (на высоте 105—120 м) — по течению вверх в 140 километрах от Якутска. По мнению первооткрывателя, Диригская стоянка древнее любой другой подобной во всем мире. В районе же сибирского Дирига, по подсчетам Ю.А. Мочанова*, люди преспокойно обитали и процветали не менее двух с половиной миллионов лет назад (точная датировка колеблется от 3,2 до 1,8 млн лет до н.э.). Естественно, такая хронология логически приводит к выводу о внетропическом происхождении человека и становится дополнительным

* См., напр.: Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Дирига и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск, 1992; Он же. Прародина человечества — Якутия // Мир Севера. 1997. № 1.

аргументом в пользу концепции о Полярной Прародине человечества.

На проблему можно взглянуть, так сказать, и с другого конца. Почему материковое оледенение не повторяется в нынешних, не менее суровых условиях, скажем, в Восточной Сибири, на «полюсе холода». Эти и множество других неоспоримых фактов давно уже заставили усомниться в масштабах и последствиях ледникового катаклизма, постигшего некогда нашу планету. Семь книг, направленных против ледниковой догматики, парализовавшей науку и почище всякого ледника проутюжившей историю, написал академик *Иван Григорьевич Пидопличко* (1905—1975), до конца жизни возглавлявший Институт зоологии Академии наук Украины. Но попробуйте сегодня прочитать эти книги. В Российской государственной библиотеке четырехтомная (!) монография «О ледниковом периоде» (1946—1956) сдана в архив и на руки читателям не выдается. К книгам, где собран и обобщен уникальный геологический, климатологический, ботанический и зоологический материал, опровергающий «ледниковую теорию» в ее нынешнем догматическом виде, нет свободного доступа и в других библиотеках.

Эта трагикомическая ситуация напоминает случай, рассказанный самим автором запретной темы. Когда гляциалисты, т.е. сторонники «ледниковой теории», однажды обнаружили в шурфах вторую ископаемую почву, а согласно их установкам там должна быть только одна, «лишнюю» попросту засыпали, а экспедицию объявили «якобы небывшей». Точно так же замалчиваются неледниковые процессы образования валунных отложений. Происхождение валунов объясняется обычно «утюжкой» льда, хотя в полярных карьерах валуны попадают на значительной глубине. Игнорируется сторонниками абсолютизированных догм и мнение основоположника палеоклиматологии в России *Александра Ивановича Воейкова* (1842—1916), считавшего существование обширного европейского оледенения маловероятным и допускавшего лишь частичность такового на севере Евразии и Америки. Что касается средней полосы России, то здесь Воейков был более чем категоричен: в соответствии с его расчетами ледниковый панцирь на широте российских черноземов автоматически повлек бы за собой превращение земной атмосферы над данной территорией в сплошную ледяную глыбу. Такого, естественно, не было, а потому не было и той картины оледенения, которая обычно рисуется на стра-

ницах учебников. Следовательно, сопоставлять ледниковую гипотезу с известными историческими реалиями необходимо более чем осторожно. Суммируя накопленные факты и подытоживая общее состояние проблемы так называемых ледниковых периодов, И.Г. Пидопличко сделал вывод, что нет никаких фактов — геологических, палеонтологических или биологических, — подтверждающих с логической неизбежностью существование где-либо на Земле в любой период ее развития материкового (не горного) оледенения. И нет никаких оснований для прогноза, подчеркивал ученый, что такие факты будут когда-либо открыты.

Конечно, льды и снега на Севере были всегда, как были там всегда полярные ночи. Были и ледники — особенно горные, но не в тех пугающих масштабах, как пытаются уверить гляциалисты. И уж на северную жизнь это никак не влияло: люди, птицы и звери здесь обитали всегда. Кого-то стужа и бескормица гнала на юг, но к прапредкам русского народа это не относилось. Исконное полярное мировоззрение отложилось в его памяти в бесчисленных фольклорных образах.

На современном этапе развития естествознания продолжается скрупулезный анализ противоречий и нестыковок ледниковой гипотезы. В начале 2005 года научно-популярный журнал «Энергия» решил беспристрастно оценить, с каким багажом пришли нынешние гляциалисты в науку XXI века, опубликовав в двух номерах журнала статью ученого из Московского университета В.Н. Калякина под характерным названием: «Был ли ледниковый период?» Автор удачно систематизировал и суммировал неопровержимые аргументы и факты, опровергнуть которые приверженцы ледниковой концепции не в состоянии.

Единственно, на что они пока горазды, это уклониться от научных дискуссий или перекрыть кислород оппонентам, как это случилось, к примеру, с докторской диссертацией В.Г. Чувардинского, содержащей убедительную критику геолого-морфологических и тектонических аспектов ледниковой догматики: в 2004 году она была официально поставлена на защиту, но в последний момент снята под надуманным предлогом. В Приложении 2 приводятся основные положения и выводы двух статей В.Н. Калякина («Энергия». 2005, № 1—2), которому от себя лично и от имени широких кругов научной общественности хотелось бы выразить искреннюю благодарность за сделанную аналитическую работу.

Что же на самом деле происходило на Земле «в ее минуты роковые»? И как объяснить геологические и климатические аномалии, вне всякого сомнения, происходившие на разных этапах человеческой и дочеловеческой истории? Ключ к разгадке дал еще М.В. Ломоносов в сочинении «Первые основания металлургии или рудных дел» (1763 г.), точнее, в обширном геологическом Прибавлении к нему под названием «О слоях земных». Великого русского энциклопедиста досконально волновал вопрос, откуда на Крайнем Севере России «взялись столь многие слоновые кости чрезвычайной величины в местах, к обитанию им не удобных, а особливо полуночных суровых краях сибирских и даже до берегов пустозерских». То, что климат в приполярных областях был в прошлом жарким, доказывают и находки окаменелых тропических растений.

Но чем же вызваны подобные природные контрасты, задает вопрос Ломоносов, между тем, что было в прошлом, и тем, что известно теперь? Изменением наклона земной оси по отношению к плоскости эклиптики! Вследствие этого полюса, как подтверждают и многочисленные исследования, неоднократно меняли свое положение. Соответственно менялось конкретное местоположение зон с холодным и теплым климатом на карте Земли, и там, где ныне царят льды, снега и долгая полярная ночь, — некогда цвела буйная тропическая растительность и властвовали теплолюбивые животные. Ломоносов ссылается на предания египетских ученых, зафиксированные в «Истории» Геродота, повествующие о том, что эклиптика была в далеком прошлом перпендикулярна к экватору. Русский мыслитель подсчитывает: такое могло быть 399 000 лет тому назад. Это, кстати, почти совпадает с сообщением Диодора Сицилийского, что халдейские астрономы вели летосчисление истории с 403-тысячного года до взятия Вавилона Александром Македонским. «Посему следует, — заключает великий уроженец Русского Севера, — что в северных краях в древние веки великие жары бывали, где слонам родиться и размножаться и другим животным, так же и растениям, около экватора обыкновенным, держаться можно было, а потому и остатки их, здесь находящиеся, не могут показаться течению природы противны»²⁰.

В старых энциклопедиях, учебниках и научно-популярных книгах нередко приводилась карта движения полюсов по полушариям на протяжении всей истории Земли (в виде сплошной

линии и отметками геологических эр). Как было рассчитано еще в прошлом веке, за геологическое время от докембрия и до четвертичного периода северный и южный географические полюса планеты поменялись местами, плавно (а может быть — и не вполне) пройдя вдоль всей поверхности моря и суши.

Можно выявить несколько предположительных причин изменения климата в районе современного Крайнего Севера. «Современного» — потому что в далеком прошлом (впрочем, исторически вполне обозримом) нынешние северные территории могли находиться совершенно в ином положении по отношению к плоскости эклиптики. Имеются два варианта такого возможного смещения — оба естественные. Первый связан с медленным движением оси вращения Земли по круговому конусу, ось симметрии которого перпендикулярна к плоскости эклиптики (с периодом полного оборота примерно в 26 тысяч лет). В астрономии данное природное явление именуется прецессией, и оно неотвратимо, как и само движение Земли.

Второй вариант носит вероятностный характер: положение оси вращения планеты по отношению к плоскости эклиптики может резко измениться вследствие различных космических факторов. Допустим, в Солнечной системе появляется новое массивное тело (например планета, захваченная в ходе галактического движения Солнца среди других звезд). Это существенно изменило бы баланс сил притяжения всей семьи Солнца и могло повлиять на движение отдельных планет и их положение относительно друг друга, включая угол оси вращения по отношению к плоскости эклиптики. Известно, например, что седьмая планета Солнечной системы — Уран практически «лежит» на плоскости орбиты. Гипотетический космический взрыв в пределах Солнечной системы мог бы также существенно повлиять на орбиты различных планет и условия их движения. Такой взрыв в прошлом (как и в будущем) абсолютно не исключен. Во всяком случае, в мифологиях различных народов мира имеется множество смутных воспоминаний о некоей катастрофе, повлекшей за собой светопреставление.

Третья предположительная причина возможного изменения климата на Земле (в том числе и в полярных областях) также носит космический — но еще более вероятностный характер: глобальные геологические и климатические изменения могут зависеть от галактического движения Солнца в направлении созвездия Льва и вращения самой Галактики. Наконец, возмож-

ны температурные колебания на самом Солнце. Этим, однако, не исчерпывается возможность объяснения планетарных катаклизмов. Современная наука пришла к выводу о периодическом повторении на Земле и так называемой геомагнитной инверсии: когда северный и южный магнитные полюса меняются местами. Подсчитано, что за 76 миллионов лет такое случалось 171 раз, а последняя геомагнитная инверсия произошла между 10-м и 12-м тысячелетиями до н.э. Кстати, серьезный вклад в осмысление астрофизического смысла проблемы светопредставления внес Альберт Эйнштейн. В 1953 году он написал предисловие к книге американского историка науки Чарльза Хепгуда, посвященной смещению земной коры, движению литосферы и, соответственно, резкому изменению климата главным образом в районе Антарктического материка. Эйнштейн поддержал данную концепцию, и вот его доподлинные слова: «В полярном районе происходит постоянное накопление льда, который размещается вокруг полюса несимметрично. Вращение Земли действует на эти асимметричные массы, создавая центробежный момент, который передается жесткой земной коре. Когда величина такого момента превосходит некоторое критическое значение, он вызывает перемещение земной коры относительно расположенной внутри части тела Земли...»²¹. Современные геофизики пошли еще дальше: была высказана гипотеза, согласно которой массивное и неуправляемое накопление полярных льдов и их несимметричное расположение по отношению к земной оси может привести к тому, что Земля произведет «кувырок».

Событие, известное из Библии под названием потоп, описано и во множестве других древних источников. В ряде из них прямо указано на главную причину потопы — изменение наклона неба по отношению к земле, что возможно только при смещении земной оси. Древнекитайский трактат «Хуайнаньцзы» повествует: «Небесный свод разломился, земные весы оборвались. Небо накренилось на северо-запад, Солнце, Луна и звезды переместились. Земля на юго-востоке оказалась неполной и поэтому воды и ил устремились туда... В те далекие времена четыре полюса разрушились [похоже, древние китайцы знали о существовании 2 географических полюсов и несовпадавших с ними 2 магнитных. — В.Д.], девять материков раскололись, небо не могло все покрывать, земля не могла все поддерживать, огонь польхал не утихая, воды бушевали не иссякая»²². И Платон в диалоге «Политик» сообщает о стародавних временах, когда закат и восход

Солнца и звезд были обратными нынешнему: они восходили на Западе и заходили на Востоке. Нетрудно догадаться, что подобное возможно лишь при повороте земной оси на 180°. В позднеантичной поэме *Нонна* о Тифоне также говорится о смещении земной оси и перемещении полюса во время светопреобразования, устроенного космогоническим исполином. Но наиболее известен рассказ Геродота, на протяжении многих веков завывавший в тупик историков и астрономов. Со ссылкой на египетских жрецов, которые лично поведали любознательному греку о тайнах древней хронологии, «отец истории» сообщает: за 11 340 лет «Солнце четыре раза восходило не на своем обычном месте: именно дважды восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит»²³.

Теоретически возможно не только изменение наклона земной оси, но и иное ее положение внутри и на земной поверхности (при сохранении прежнего угла наклона по отношению к плоскости эклиптики). А коль скоро земная ось и ее оконечности — географические полюса — не закреплены неподвижно на земном шаре и склонны к блужданиям, то нынешние северные территории, знакомые по карте, могли в прошлом находиться где угодно. Чтобы проиллюстрировать это, достаточно вообразить учебный глобус, проткнутый насквозь длинной спицей. Спица — ось, ее концы — два полюса, которые могут находиться в любом месте, в зависимости от того, как проткнуть глобус. Нетрудно убедиться, что гипотетически Полярная Пра-родина человечества и расположенная в ее центре вселенская гора Меру могли располагаться в любой части евразийского субконтинента — хоть на Урале, хоть на Памире, хоть в Тибете и т.д. Следовательно, и пути миграции праэтносов в результате распада единого некогда пранарода (что совпало к тому же и с описанным геогидроклиматическим катаклизмом) могли быть совсем иными, нежели представляется при изучении знакомых конфигураций на современных картах. Какими именно были эти пути? На данный вопрос науке еще предстоит ответить.

Итак, катастрофы космического масштаба для Земли — явление достаточно заурядное и довольно-таки частое. А смещение земной оси — лишь одно из возможных следствий глобальных катаклизмов. Известный американский ученый российско-еврейского происхождения *Иммануил Великовский* (1895—1979) написал на данную тему шесть книг, объединенных в серию «Века в хаосе». Он скрупулезно исследовал тысячи ис-

точников — исторических, мифологических, геологических, палеонтологических — и пришел к выводу, что планета Венера в семье Солнца — самая младшая. В преданиях многих народов разных континентов сохранилась память о стародавних временах, когда на небе не было ни Утренней, ни Вечерней звезды. И, следовательно, не было никакой Венеры в составе планет Солнечной системы. Она появилась сравнительно недавно (о конкретных датах можно дискутировать) и возникла при столкновении Марса с пролетавшей мимо кометой.

Последовал космический взрыв, сравнимый с мощностью тысяч термоядерных бомб. Но для Земли еще большие катастрофические последствия имел факт перемещения новорожденной планеты на нынешнюю орбиту. Будущая Венера прошла вблизи Земли, что как раз и повлекло за собой смещение ее оси. Следствием же явились грандиозные приливно-отливные океанические волны, несравнимые ни с какими цунами, которые носились по поверхностям материков, сметая все живое и неживое (нетронутыми остались лишь вершины мощных горных систем). Более того, на значительную часть Земли (примерно на треть суши и акваторий рек, озер и морей) обрушились огненные смерчи, в результате которых горели леса, плавилась порода, а сваренные рыбы всплывали кверху брюхом в кипящей воде морей и океанов.

Именно это событие, по мнению Великовского, описано в обобщенно-символической форме в новозаветном Апокалипсисе: «...И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. <...> И поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи (Отк. 8, 10—12).

В дополнение к многочисленным свидетельствам в пользу небывалой космической катастрофы (в частности почерпнутым в преданиях северо-, центрально- и южноамериканских индейцев), собранным И. Великовским и приведенным в его книгах, уместно сослаться и на некоторые недоступные ему источники. По преданиям сахалинских гиляков, во время вышеупомянутого светопрестваления сначала «смоляной дождь обильно лил на Землю. Потом небо прояснилось. Тогда три солнца и три луны родились. Три солнца все сожгли. Было так жарко, что

рыба, выскакивавшая из воды, снаружи запекалась на Солнце. Эта Земля вся сгорела, поломалась. Вода только была. Море кипело, рыба вся, морские звери все умерли...» Примерно в том же духе описывают вселенскую катастрофу амурские гольды (нанайцы): «Вместо одного небесного светила возшло их три, от света стали люди слепнуть, от жажды гибнуть. Солнце жгло так сильно, что земля горела, в реках вода кипела. Когда рыба, играя, выскакивала из воды, то у нее сползала чешуя. Ночью, когда три солнца закатились, появились три луны, и ночь сделалась так светла, что людям не было возможности уснуть».

Другие ученые склонны считать главной виновницей космических бед, постигших когда-то Землю, не кометные козни, а ее спутницу (спутник) — Луну. Общеизвестно, как она влияет на Землю, вызывая приливы. Приливы, в свою очередь, действуют на Луну так, что ее орбита изменяется. Многие астрономы считали, что в результате подобного взаимодействия Луна медленно отдаляется от Земли. Из этого следует, что когда-то в древние времена Луна была гораздо ближе к Земле. Некоторые полагают даже, что Луна первоначально являлась частью Земли и была выброшена из нее очень много лет назад. Более того, указывается область земного шара, где находилась масса, ставшая впоследствии лунной. Это — тихоокеанская впадина. Правда, большинство ученых не принимает данную гипотезу всерьез.

Еще в середине XX столетия немецкий астроном Герстенкорн опубликовал работу, где пришел к выводу, что в те далекие времена, когда Луна была ближе к Земле, угол наклона плоскости ее орбиты к экваториальной плоскости земного шара был больше. А орбита Луны пролегла над полюсами Земли, так что ее можно было бы наблюдать на небе в непосредственной близости от Полярной звезды. А еще раньше Луна двигалась в направлении, обратном направлению вращения Земли вокруг оси.

Из расчетов Герстенкорна следует, что первоначально Луна была планетой, которая двигалась по орбите, очень близкой к земной. Когда-то она настолько сблизилась с Землей, что была захвачена ею, иначе говоря, начала обращаться вокруг Земли. В то время направление движения Луны по орбите было противоположно направлению вращения Земли вокруг своей оси. Поэтому приливы влияли на движение Луны прямо противоположным образом, нежели в наши дни: Луна постепенно приближалась к Земле. В то же время угол наклона плос-

кости орбиты Луны к плоскости экватора становился все больше и больше, и наконец Луна начала двигаться в полярной плоскости, над полюсами Земли.

Наблюдателю тех далеких времен Луна казалась бы обычной планетой, которая иногда выглядит яркой, а иногда тусклой. Однако в один прекрасный день (точнее — ночь) яркость Луны начала возрастать. Луна постепенно приближалась к Земле, ее видимый диаметр все увеличивался и наконец более чем в 20 раз стал превышать современный. Одновременно увеличивались и приливы. Когда Луна находилась в минимальном удалении от Земли, высота приливной волны достигала нескольких километров (некоторые ученые называют цифру — 10 км). Вот еще одно объяснение возможных причин потопов. Можно представить, что творилось на Земле, когда из края в край по ней гуляла 10-километровая волна!

Безусловно, необходимо преодолеть тупик, в котором нечаянно оказалась историческая наука, жестко привязав человеческую предысторию к односторонне и некритически истолкованной ледниковой концепции. В настоящее время отрицается сама возможность существования древнего человека на обширных северных территориях, поскольку они, дескать, были сплошь покрыты ледником. Одновременно этот ледниковый фантом становится и хронологическим ограничителем всей предыстории: миграция древних людей с Юга на Север и их последующее переселение из Азии в Америку могли осуществиться только после 20-го тысячелетия до н.э., то есть после завершения последнего ледникового периода. Вот и получается, что ледниковая концепция в том виде, в каком она доминирует в современной науке, является искусственным тормозом в понимании проблем древней истории и предыстории. Но, во-первых, имеются весомые аргументы, свидетельствующие не «за», а «против» ледниковой теории, суммарно представленные хотя бы в цикле работ И.Г. Пидопличко. Во-вторых, как было продемонстрировано, в прошлом Север мог находиться не там, где он находится сейчас, и, следовательно, все хитроумные схемы и расчеты абсолютизированной ледниковой теории рушатся в одночасье. В-третьих, если с большим доверием отнестись к авторитетному мнению Ломоносова (а он руководствовался как естественно-научными данными, так и хронологией древних астрономов), то начальную точку истории придется сдвинуть в глубь времен на целый порядок. Конечно, цифра в 400 тысяч

лет представляется фантастической, но она взята не откуда-нибудь, а из халдейских летописей.

Но и это не предел. В шкале событий мировой истории имеется еще одна, четко зафиксированная дата, которую не способно вместить воображение современных людей: по скрупулезным вычислениям астрономов и жрецов древних майя история человечества началась в 5 041 738 году до н.э.! Повторяю, речь идет о *реальной истории*, точно такой же, о которой говорит сегодня Мишель Кремо в уже упоминавшейся выше книге. Что же касается летосчисления вообще, то здесь наиболее впечатляющая модель хронологии разработана в Древней Индии. И, надо полагать, индийские брахманы опирались на какие-то более древние арийские и доарийские источники.

Согласно данной, хорошо известной концепции, мироздание, включающее и Землю, и человечество на ней, подчинены раз и навсегда предопределенным циклам. Каждый такой цикл, именуемый *махаяогой* («большой век»), продолжается 4 320 000 лет и распадается на четыре эпохи — *юги*. В течение четырех *юг* (критаюги, третаюги, двапараюги и калиюги) цивилизация постепенно деградирует от золотого века — эпохи всеобщего благоденствия к торжеству «царства зла» — эпохи всеобщего упадка, процветания порока, низменных страстей, лжи, алчности и т.п. Сейчас как раз идет шестое тысячелетие калиюги, но до конца ее еще 426 000 лет. Так что все худшее еще впереди. Лишь по прошествии указанного времени мир вернется в начальную точку, и на Земле вновь наступят согласие и процветание. Но этим космическая цикличность не ограничивается. Нас еще подстерегают вселенские катаклизмы. Правда, очередной ожидается нескоро. 1000 махаяог образуют еще один временной цикл — *кальпу* (или 1 день Брахмы). Когда кальпа заканчивается, на небе появляются, по разным версиям, от 7 до 12 солнц и дотла сжигают все живое и неживое. После чего все начинается сначала. Но на упомянутых вселенских светопрествлениях космические циклы не завершаются. Помимо вселенского «дня Брахмы» — кальпы — есть еще «век Брахмы», который продолжается всего-навсего 311 040 000 000 000 лет. Он тоже имеет начало, конец, повторение и свой вселенский смысл. По окончании «века Брахмы» происходит новый акт творения, и Вселенная обновляется.

Мифология как особая форма осмысления действительности в иносказательной и преувеличенной форме также воспроизводит реальные события, происходившие в дописьменные времена. Это описание и миропонимание были изрядно искажены при устной передаче от одного поколения к другому, а также под влиянием позднейших идеологических факторов. Канва событий, происходивших в Гиперборее и вокруг нее в эпоху Золотого века и будущих олимпийских богов, видится следующей. Жестокая борьба между двумя поколениями отцов-титанов и их детей — будущих Олимпийцев во главе в Зевсом — привела к поражению первых и к уходу последних на Юг: они дошли до Балкан, облюбовали гору Олимп и стали именоваться Олимпийцами (впрочем, Олимпов в древности было известно множество).

Есть ли тому доказательства? Есть! Два бога Олимпийского пантеона — Аполлон и Артемида — дети Зевса от его первой жены титаниды Лето однозначно связаны с Гипербореей. По свидетельству древних авторов и по убеждению древних греков и римлян, Аполлон периодически возвращался в Подсолнечную страну Гиперборею на колеснице, запряженной лебедями. По свидетельству многих источников, гиперборейцы-северяне постоянно приезжали в Элладу с дарами в честь своего бога Аполлона. Имеется и предметная увязка между Аполлоном и Гипербореей. Аполлон — бог Солнца, а Гиперборея — та северная страна, где Солнце летом не заходит по несколько месяцев. Географически такая страна может быть расположена только за Полярным кругом. По наблюдениям А.Д. Черткова, — и они не лишены оснований, в имени Аполлон присутствует в чуть измененном виде тот же самый корень, что и в русских словах «опалять», «опаленный», «опаляющий». Известно древнее написание *Ap̄lun*, что читается: Аплун (Опалун). А в одном из древнерусских списков с перечислением славянских божеств между Перуном и Мокошью значился Аполин — бог Солнца²⁴.

Аполлон — классический Солнцего. Его космическо-звездная сущность обусловлена также и происхождением. Мать Лето родила своего солнценосного сына на острове Астерия, что означает «звезда». Астерией (Звездой) звалась и сестра Лето. Существует версия, что культ Аполлона был повторно занесен в Средиземноморье во времена Древнего Рима. Сюда культ общиндоевропейского Солнцегобога принесли протославянские

племена венедов, основавших и давших названия современным городам Венеции и Вене.

История возникновения и закрепления Олимпийских культов также вполне подтверждает выдвинутый тезис. Один из поздних античных историков и писателей Павсаний (II в. н.э.) в своем знаменитом труде «Описание Эллады» (X, 5, 4—10) приводит следующие удивительные подробности появления одного из главных святилищ Древней Греции — храма Аполлона в Дельфах. Сначала здесь появились гиперборейцы, в их числе был и будущий первый дельфийский жрец, у него, по «странному совпадению», было славяно-русское имя Олен[ь]. Кстати, имя родоначальника всех древнегреческих племен и единого народа — Эллина также представляет собой грецизированную форму общеиндоевропейского слова «олень» и близкого ему по смыслу и происхождению слова «лань». Олен[ь]-гипербореец и его спутники были направлены в Дельфы Аполлоном. Отсюда напрашивается бесхитростный вывод: сам (будущий) бог в то время был далеко — скорее всего, в Гиперборее, откуда выехало посольство. Став пророком и прорицателем, Олен[ь] воздвиг в Дельфах первый храм: сначала деревянный, похожий на лачугу, — пишет Павсаний (его модель, сделанную из воска и перьев, Аполлон впоследствии пошлет в подарок в Гиперборею), и лишь спустя длительное время, после многих пожаров и разрушений отстроили тот каменный храм, жалкие остатки которого сохранились по сей день.

История, пересказанная Павсанием, сохранилась и в виде канонических дельфийских текстов:

*Так многославное тут основали святилище богу
Дети гипербореев, Пегас со святым Агийеем.
Также Олен[ь]: он первым пророком был вешего Феба,
Первый, песни который составил из древних напевов.*

Как видно, тут прямо указано, что культовый и обрядовый канон Аполлона Дельфийского был составлен на основе гиперборейских преданий. Интересен и эпитет Аполлона — «веший», что ставит Олимпийца в один поэтический ряд со знаменитыми героями: вешим Бояном и вешим Олегом. В дальнейшем Олен[ь]-песнопевец передаст искусство стихосложения священных пророчеств в гекзаметрах пифиям — жрицам Аполлона: сидя на треножнике, они предсказывали судьбу в окру-

жении ползающих змей, вдохновенные одурманивающими испарениями или воскурениями.

Сестра Аполлона — богиня Артемида — также неразрывно связана с Гипербореей. Аполлодор (1, IV, 5) рисует ее заступницей гиперборейцев. О гиперборейской принадлежности Артемиды говорится и в древнейшей оде Пиндара, посвященной Гераклу Гиперборейскому. Согласно Пиндару, Геракл достиг Гипербореи, чтобы совершить очередной подвиг — добыть златорогую Киринейскую Лань: «Он достиг земель, что за спиной у ледяного Борей».

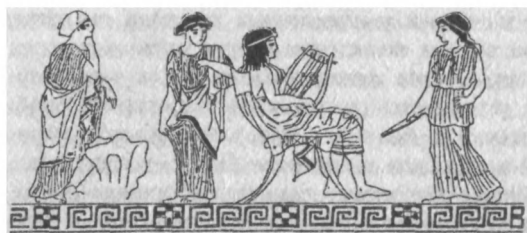
*Там дочь Латоны,
Стремительница коней,
Встретила его,
Пришедшего взять
Из теснин и извилистых недр Аркадии
По указу Еврисфея, по року отца
Златорогую лань...²⁶*

Латона — латинизированное имя титаниды Лето, матери близнецов Аполлона и Артемиды, единственной из титанова племени, допущенной впоследствии на Олимп. Имя Лето и вся история рождения ее детей — лишнее подтверждение и гиперборейских корней древнегреческой мифологии, и ее тесных связей с воззрениями других народов, ведущих происхождение от гиперборейцев. Во-первых, Лето — дочь титанов Коя и Фебы, а место обитания титанов — Север (Диодор Сицилийский прямо указывает, что родина Лето — это Гиперборея). Во-вторых, Лето — не просто имя древнегреческой полубогини, но еще и исконно русское слово «лето», означающее время года (отсюда же «летá» — синоним самого времени). Корневая основа этого слова — общеиндоевропейская. Смысл его многозначен: в том числе — время года между весной и осенью, но и время года, соответствующее непрерывному солнечному дню в приполярных областях. На северную принадлежность понятия «лето» указывает также и то, что при чередовании согласных звуков «т» и «д» (или же «т» можно рассматривать как приглушенный «д») получается «лед».

Но и это еще не все. Корень «лет» лежит в основе целого семейства слов и понятий со смыслом «летать». И вновь напрашивается аналогия с гиперборейцами, как летающим народом. У Лукиана сохранилось описание летающего гиперборейского мага,

посетившего Элладу: на глазах у изумленных зрителей он летал по воздуху, ступал по воде и медленным шагом проходил через огонь²⁷. Летающей была и сама титанида Лето, когда, преследуемая ревнивой Герой, устремилась от границ Гипербореи по всему свету искать прибежище, где бы она могла разрешиться от бремени. Такое место она отыскала на острове Делос, где впоследствии возникло святилище Аполлона, куда гиперборейцы постоянно присылали свои дары. Летающими, естественно, были и дети Лето-Патоны — Артемида и Аполлон. Солнцебог Аполлон Гиперборейский нередко изображался летящим на свою родину на колеснице, запряженной лебедями, или на «аппарате» с лебедиными крыльями (см.: Пролог). А Пиндар прямо называет гиперборейцев «служителями Аполлона» (Pind. Ol. 3. 16—17). Вообще же в представлении эллинов образ Аполлона претерпел существенные изменения. Казалось бы, Солнцебог во все времена был носителем прекрасного, поглощая его в собственном облике, поэзии, музыке. Но нет! Достаточно сопоставить классическое изображение Аполлона с архаическим (рис. 21), более чем далеким от совершенства (с привычно-традиционной точки зрения). Приведенный рисунок борьбы Геракла и Аполлона, быть может, восходящий к их гиперборейскому прошлому, наверняка ближе к первобытным петроглифам, чем к классическим образам. Обращает на себя внимание также тотемная атрибутика: змея и гриб, имеющие в большинстве древних культур — от Сибири до Южной Америки — фаллический смысл.

Лебедь — символ Гипербореи. Морское божество Форкий — сын Геи-Земли и прообраз русского Морского царя сочетался браком с титанидой Кето. Их шесть дочерей, родившихся в гиперборейских пределах. Изначально они почитались как прекрасные Лебединые девы (лишь значительно позже из идеологических соображений они были превращены в безобразных чудовищ — грай и горгон). Дискредитация горгон шла по той же схеме и, видимо, в силу тех же причин, что и приписывание противоположных знаков и отрицательных смыслов при распаде общего индоиранского пантеона на обособленные религиозные системы, когда «деви» и «ахуры» (светлые божественные существа) становятся «дэвами» и «асурами» — злобными демонами и кровожадными оборотнями. Это общемировая традиция, присутствующая всем без исключения временам, народам, религиям. Демонизация политических противников еще совсем недавно выступала в России эффективным средством идеологической борьбы.

Аполлон и музы. Фрагмент изображения на вазе

Борьба Аполлона и Геракла за пифийский треножник

Рис. 21. Классическое и архаическое изображение Аполлона

Как еще иначе объяснить превращение Сталиным бывших соратников по партии в извергов рода человеческого, что незамедлительно повлекло за собой их физическое уничтожение? Что же тогда говорить о глубокой древности?!

Судя по всему, еще до начала миграции протоэллинских племен на Юг у части их произошла переориентация на новые идеалы и ценности. Особенно наглядно это проявилось на примере самой знаменитой из трех горгон — Медузы (Медузы). Как и многие другие хорошо знакомые имена мифологических персонажей, Медуса — это прозвище, означающее «владычица», «повелительница». Дочь Морского царя Форкия, возлюбленная владыки морской стихии Посейдона — прекраснотелая Лебединая дева Медуса властвовала над народами северных земель и морей (как выразился Гесиод, «близ конечных пределов ночи»). Но в условиях господствующих матриархальных отношений Власть не ужилась с Мудростью: соперницей Медузы стала Афина. Скупые осколки древних преданий позволяют восстановить лишь общую канву разыгравшейся трагедии²⁸. Не поделили власти над Гипербореей две девы-воительницы. Борьба была жестокой — не на жизнь, а на смерть. Первым актом уничтожения соперницы стало превращение прекрасной

Рис. 22. Горгионий (щит Афины с головой Медузы)

прекрасной

Лебединой царевны Медусы в отвратительное чудовище с кабаньими клыками, волосами из змей и взглядом, обращающим все живое в камень. Данный акт символизирует, скорее всего, раскол протоэллинического и идеологического единства и отпочкование той части будущих основателей великой древнегреческой цивилизации, которые, возможно, под воздействием природной катастрофы и под предводительством или покровительством деи Афины двинулись с Севера на Юг и в пределах жизни отнюдь не одного поколения добрались до Балкан, где, воздвигнув храм в честь Афины, основали город, и поныне носящий ее имя.

Но женская мстительность не знает границ. Афине было мало морально уничтожить Медусу — ей потребовалась еще и голова соперницы. Вот почему, некоторое время спустя, она отправляет назад, в Гиперборею, своего сводного брата Персея и, по свидетельству многих, сама сопровождает его. Обманным путем Персей и Афина вместе расправились с несчастной Медусой: по наущению Паллады сын Зевса и Данаи отрубил горгоне голову, а Афина содрала с соперницы кожу и натянула на свой щит, в центре которого поместила изображение головы несчастной Морской деи. С тех пор щит Афины носит название «горго-нион» (рис. 22). Лик Медусы украшал также эгиду (доспех или же плащ-накидку), которую носили Зевс, Аполлон и все та же Афина (рис. 23).

Безудержная жестокость Олимпийских богов была на редкость изощренной, хотя, должно быть, отражала самые обычные нормы поведения той далекой эпохи. После канонизации Олимпийцев в памяти последующих поколений элементы кровожадности как бы стерлись. Сладкозвучным и опозитивированным считается прозвище Афины — Паллада. И мало кто вспоминает, что получено оно было на поле битвы, где беспощадная Дева-воительница живьем содрала кожу с гиганта Палласа (Палланта), за что и была присвоена Афине кажушаяся столь поэтической эпитетеса (прозвище) — Паллада. К живодерным ул-

Рис. 23. Изображение Медусы на эгиде Афины (с древнегреческого рисунка)

Рис. 24. Лик Медусы на фронтоне эллинского храма

ражнению прибегали и другие Олимпийцы. Общеизвестно наказание, которому подверг Аполлон фригийца Марсия, вздумавшего состязаться с Солнцегомом в игре на флейте: с соперника также была живьем содрана кожа. Символ поверженной Медусы и в последующие века продолжал играть для эллинов магическую роль. Ее изображения очень часто помещались на фронтонах и резных каменных плитах в храмах (рис. 24).

С точки зрения археологии смысла интерес представляет и корневая основа имени Медуса. Слово «мед» в смысле сладкого яства, вырабатываемого пчелами из нектара, одинаково звучит во многих индоевропейских языках. Более того, близкие в звуковом отношении слова, означающие «мед», обнаруживаются в финно-угорских, китайском и японском языках. Возможно, допустимо говорить о тотемическом значении «меда» или «пчелы» для какой-либо доиндоевропейской этнической общности. (Что касается названий «металл», «медь», всего спектра понятий, связанных со словами «медицина», «медиум», «медитация», «метеорология», «метод» и т.п., имен Медея и Мидас, народа мидян и страны Мидии, а также Митании, то все они взаимосвязаны с общей древней корневой основой «мед».) Таким образом, в словосочетании Горгона Медуса проступают четыре русских корня: «гор», «гон», «мед», «ус» («уз»). Два из них наводят на воспоминания о Хозяйке Медной горы, а горная сущность горгоны приводит к возможному прочтению (или интерпретации): Горыня, Горынишна, хотя индоевропейская семантика корневой основы «гор» («гар») многозначна, да и в русском языке образуется целый букет смыслов: «гореть», «горе», «горький», «гордый», «горло», «город», «горб» и т.д.

Память о Горгоне Медусе у народов, во все времена населявших территорию России, не прерывалась никогда. Змееногая Богиня-Дева, которая вместе с Гераклом считалась греками прародительницей скифского племени, не что иное, как трансформированный образ Медусы. Лучшее доказательство тому не вольное переложение мифов в Геродотовой «Истории», а подлинные изображения, найденные при раскопках курганов (рис. 25). Похожие лики змееногих дев в виде традиционных русских Сиринов встречались до недавнего времени также на

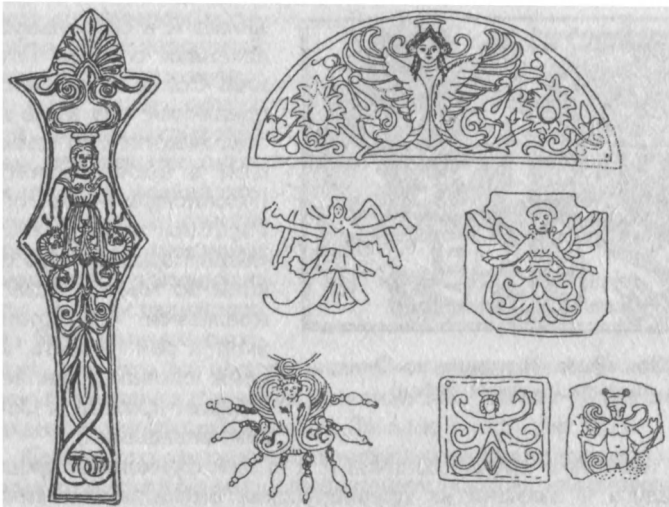

Рис. 25. Скифская Змедева в разных изображениях

фронтонах и наличниках северных крестьянских изб. Одно из таких резных изображений украшает отдел народного искусства Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

В русской культуре сохранилось и другое изображение Медусы: в лубковой живописи XVIII века она предстает как Мелуза (Мелузина) — дословно «мелкая» (см. Словарь В. Даля); вокализация слова с заменой согласных звуков произведена по типу народного переосмысления иноязычного слова «микроскоп» и превращения его в русских говорах в «мелкоскоп». Однозначно связанная в народном миросозерцании с морем, русская Медуса-Мелуза обратилась в сказочную рыбу, не потеряв, однако, ни человеческих, ни чудовищных черт: на лубочных картинках она изображалась в виде царственной девы с короной на голове, а вместо змеевидных волос у нее ноги и хвост, обращенные в змей (рис. 26). Ничего рыбьего в самом образе русской Мелузы-Медусы практически нет — рыбы ее просто окружают, свидетельствуя о морской среде. Похоже, что русская образительная версия гораздо ближе к тому исходному доэллиническому архетипу прекрасной Морской царевны, которая в процессе Олимпийского религиозного переворота была превращена в чудо-юдо. Память о древней эллинско-славянской Медусе сохра-

Рис. 26. «Рыба Мелузина во Окияне живет» (русский лубок)

нилась и в средневековых легендах о Деве Горгонии. Согласно славянским преданиям, она знала язык всех животных. В дальнейшем в апокрифических рукописях женский образ Горгоны превратился в «зверя Горгония»: его функции во многом остались прежними: он охраняет вход в рай (то есть, другими словами, является стражем прохода к Островам Блаженных).

В несколько другом обличии и с иными функциями предстает Медуса в знаменитых древнерусских амулетах-«змеевиках». Магический характер головы Медусы, изображенной в расходящихся от нее во все стороны змеях, не вызывает никакого сомнения: его защитительно-оберегательное предназначение такое же, как и на шите Афины-Паллады или эгиде Зевса. (Сохранившаяся по сей день культурологическая идиома «под эгидой» по существу своего изначального смысла означает «под защитой Горгоны Медусы».) Знаменательно и то, что тайный эзотерический

Рис. 27. Змеевики-амулеты

смысл доэллинических и гиперборейских верований дожил на русских амулетах чуть не до наших дней: точная датировка даже позднейших находок является крайне затруднительной. В христианскую эпоху неискоренимая вера в магическую силу и действенность лика Медусы компенсиро-

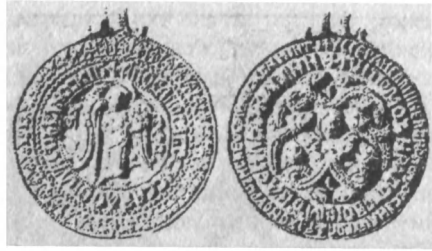

Рис. 27-а. Змеевик
Владимира Мономаха

валась тем, что на обратной стороне медальона с ее изображением помещались рельефы христианских святых — Богородицы, Михаила-Архангела, Козьмы и Демьяна и др. (рис. 27).

До сих пор не дано сколь-нибудь удовлетворительного объяснения происхождению и назначению русских «змеевиков». Современному читателю о них практически ничего не известно: в последние полвека — за малым исключением — публикуется репродукция одного и того же медальона, правда, самого известного — принадлежавшего когда-то Великому князю Владимиру Мономаху, потерянного им на охоте и найденного случайно лишь в прошлом веке (рис. 27-а). На самом деле «змеевиков» (в том числе и византийского происхождения) известно, описано и опубликовано множество²⁹. И с каждого из них на нас смотрит магический взгляд Девы-охранительницы Горгоны Медусы, представляющей собой табуированный тотем.

СТРАНА ЛЕБЕДИЯ — ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ДАЛЬ РОССИИ

Образ Лебединой девы Горгоны Медусы раскрывает наиболее типичные черты тотемной символики — наследия почти что недостижимых глубин человеческой предыстории, сохранившегося по сей день в соответствии с неписаными законами передачи традиций и верований от поколения к поколению. Безвозвратно ушли в прошлое гиперборейские времена — живы, однако, рожденные ими символы. Среди них — лебедь — одна из наиболее почитаемых русским народом птиц. Вместе с со-

колом он стал почти что олицетворением Руси. И не только олицетворением. По свидетельству византийского историка X века императора Константина Багрянородного, сама территория, где жили древние руссы, именовалась Лебедией. Впоследствии это дало право Велимиру Хлебникову назвать новую Россию «Лебедией будущего». Точно так же и славяно-скифы, описанные Геродотом, именовались «сколотами», то есть «с[о]колотами» — от русского слова «сокол». В передаче арабских географов, описавших наших предков задолго до введения христианства, их самоназвание звучало практически по-геродотовски: «сакалиба» («соколы»). Отсюда и знаменитые «саки» — одно из названий славяно-скифов — «скитальцев»-кочевников.

Почему же именно лебедь и почему сокол — две столь разные птицы, друг с другом пребывающие в беспрестанной борьбе? Сокол нападает, преследует; лебедь спасается, защищается. Но всегда ли так? Ничуть! У Пушкина в «Сказке о царе Салтане», целиком построенной на образах и сюжетах русского фольклора, Лебедь-птица добывает и топит злодея-коршуна. В народной символике коршун — ипостась сокола, а все хищные птицы едины суть. В «Задонщине» — Слове Софония-рязанца соколы, кречеты, ястребы совокупно олицетворяют ратников Дмитрия Донского и перечисляются через запятую: «Ужо бо те соколе и кречеты, белозерская ястребы борзо за Дон перелетели и ударилися о многие стада гусиные и лебединые» (а чуть раньше были еще и орлы). Потом это повторит Александр Блок: «Над вражьим станом, как бывало, // И плеск и трубы лебедей». Лебедь также во многом собирательный символ. В русском фольклоре вообще считается нормой нерасчлененный образ «гуси-лебеди». В «Задонщине» они оказались наложенными на Мамаеву орду (рис. 28). Исторически это вполне объяснимо: сходная птицеверинная символика распространена у разных народов.

Откуда же она взялась? Как и другие «вечные образы», русский лебедь и русский сокол — наследие тех древнейших верований и обычаев человеческой предыстории, когда само человечество, его праязык и пракультура были нерасчленены, а вместо современной палитры народов царил мир тотемов, тотемного мышления и тотемных привязанностей. В те далекие времена люди не отделяли себя от природы, видели в животных и растениях себе подобных — защитников и союзников.

Тотем — слово экзотического происхождения, взято из языка североамериканских индейцев, в научный оборот введено

Рис. 28. Битва лебедя и сокола (худ. В. Мелведев)

в XIX веке. А родилось оно в той самой поэтической стране оджибуэв, с упоминания которой (среди прочих) начинается «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло. Переводится «тотем» как «его род» и означает родовую принадлежность, но не по семейным узам, а по объединению себя и своего рода-племени с каким-либо животным, растением, стихией (например водой, ветром, молнией) или предметом (например камнем). Несмотря на кажущуюся нерусскость понятия «тотем», оно созвучно самым что ни на есть русским словам «отец», «отчество», «отчим» и т.п. В собственнo индейской вокализации слово «ототем» («тотем») произносилось как «оте-отем», где «оте» означает «род», а «отем» — местоимение «его» (по совокупности получается «его род»), а индейский корень «оте» полностью совпадает с русским наименованием отцовской принадлежности. Аналогичные параллели нетрудно отыскать и в других индоевропейских и неиндо-

европейских (например тюркских) языках, ввиду былой общности языков, верований, обычаев и, соответственно, тотемов.

Для чего нужны тотемы и почему они появились? Каждому человеку необходимо отличать себя от других. На персональном или семейном уровне никаких проблем не возникает. Но как подчеркнуть свою уникальность и неповторимость на уровне рода, племени, этноса? Вот здесь-то и выработалась традиция различаться по тотемам, связав себя неразрывными узами с миром живой и неживой природы. В прошлом и по существу тотемизм предполагал полную идентификацию с конкретным животным (растением, предметом), включение их в систему «человек-тотем», где они полностью растворялись друг в друге. В этой взаимосвязанной системе тотему отводилась роль оберега: он охранял, защищал человека, помогал ему в трудных ситуациях (отсюда все сказочные животные — помощники). В свою очередь, все тотемические животные и растения табуированы: то, что считалось тотемом, нельзя было убивать, обижать, употреблять в пищу. Тотему поклонялись, ему приносились жертвы, он прославлялся и изображался всеми доступными способами.

Тотемы бывают родоплеменными, половозрастными, семейными и индивидуальными. Наиболее устойчивыми, сохраняющими свои регулятивные функции на протяжении веков и тысячелетий, оказываются клановые и племенные тотемы, их охранительная и объединительная семантика передается от поколения к поколению и на определенных стадиях общественного развития может закрепляться в форме геральдической символики: именно таково происхождение многочисленных львов, орлов и иных животных на государственных и дворянских гербах. До нынешних времен, однако, — если брать историю индоевропейской культурной традиции — сохранилась лишь малая часть тотемической символики прошлого, да и то преимущественно в виде культурных памятников или исторических, беллетристических и фольклорных текстов. Только в памяти, материализованной в рисунках, рельефах, скульптурах или зафиксированных преданиях, сохранились данные о тотемических верованиях древних народов.

Множество пережитков тотемизма отмечено в религии Древнего Египта: десять зверей, птиц, пресмыкающихся, рыб, насекомых, среди которых быки и коровы, козлы и бараны, кошки и собаки, обезьяны и свиньи, львы и гиппопотамы, соколы и ибисы, змеи и крокодилы, скарабеи и скорпионы и т.д. и т.п. На Крите почитался бык и обоюдосторонний топор-секира. Фетишиза-

ция топора как боевого оружия и многофункционального орудия труда была повсеместно распространена среди древнего населения Старого и Нового Света, уходя своими корнями в эпоху каменного, бронзового и железного веков. Славяно-русская культура изобилует не только разнообразными натуральными топорами, возведенными, к примеру, у карпатских славян в особый культ, но также разного рода имитациями в виде украшений-подвесок, амулетов-оберегов (в том числе и солярными знаками) и даже детскими игрушками — все это было широко распространено на Руси вплоть до монголо-татарского нашествия.

В Древнем Риме наиболее экзотическим тотемом был дятел, а наиболее известным — волк (Капитолийская волчица, выкормившая Ромула и Рема). У галлов название племен давалось по именам тотемов — быки, кабаны, вороны. Такой же обычай существовал и у других нецивилизованных народов. Многообразные рудименты тотемизма обнаруживаются в традициях и верованиях Древней Греции. Общим для всех эллинов считалось их происхождение от рыб. Особые тотемы имели отдельные племена и народы: считалось, что мирмодоняне произошли от муравьев, фракийцы и аркадцы — от медведей, ликийцы — от собаки, фивяне — от ласки. Несомненные отпечатки тотемизма носят и предания об оборотничестве, распространенные во всех древних культурах. Животное или растение, в которое обращается мифологический или сказочный персонаж, в конечном счете и может представлять тотем какого-либо конкретного племени, клана, семьи, округа, города или святилища.

Греческая мифология особенно богата превращениями богов и героев в животных, растения и некоторые неодушевленные объекты (камни, скалы, звезды). В мифах и их поэтических переложениях (Овидий написал на эту тему 15 книг, объединенных в знаменитые «Метаморфозы») зафиксированы оборотничества: Зевса — в быка; Гелиоса — во льва, вепря, пантеру; Афины — в оленя, спутников Одиссея — в свиней и т.д. Тотемическое происхождение имеют и атрибуты-символы Олимпийских богов: орел Зевса, сова Афины, лебедь, сокол, дельфин Аполлона, голубь Афродиты, конь Посейдона. Зафиксировано также почитание Геры в виде коровы, а Артемиды — с лошадиной головой (в Фигалии). Тотемическая история эллинов нашла опозитизированное отображение во многих мифологических сюжетах. Без учета тотемного прошлого трудно, к примеру, понять, почему в Древней Греции был столь популярен миф о Калидон-

ской охоте (в ней приняли участие многие из знаменитых героев Эплады). С точки зрения современного читателя охота на кабана — пусть даже очень большого — достаточно заурядное событие. Но если взглянуть на него сквозь тотемическую призму, все предстает в ином облики: Калидонская охота символизирует победу над тотемом вепря (кабана) в период разложения протоэтносов. Хорошо известно, что в древней Европе тотем вепря в наибольшей степени был распространен среди кельтов. Потому-то и в мифе об охоте на вепря за позднейшими наслоениями и дополнениями недвусмысленно просматривается бывшее противоборство между эллинскими и кельтскими племенами и поражение кельтов (тотема вепря) в этой, должно быть, весьма долгой и нелегкой борьбе.

Русская и славянская культура знает тотемизм в основном в форме пережитков, рудиментов, запретов. Данный вопрос был глубоко исследован в ряде фундаментальных работ замечательного русского этнографа и фольклориста *Дмитрия Константиновича Зеленина* (1878—1954): «Тотемический культ деревьев у русских и белорусов» (1933 г.), «Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей» (1935 г.), «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» (1937 г.) и др. У русских отголоски тотемизма сохранились главным образом в обрядовом фольклоре, связанном с почитанием и величанием деревьев, птиц, зверей, в сказках — особенно о животных. Многие традиционные русские образы-символы зверей и птиц несут на себе следы тотемов. Об этом явственно свидетельствуют положительные человеческие черты, которыми народ наделил сказочных животных, а также оберегательные функции, которые они выполняют (первейшее предназначение тотема — оказывать помощь всем, кто находится с ним в социально-родственных отношениях). Среди наиболее популярных персонажей русских сказок — звери (лиса, заяц, волк, медведь, козел, баран, корова, бык и др.), птицы (гусь, утка, петух, курица, ворон, сокол, лебедь и др.).

Древнее тотемическое мышление обнаруживается во множестве популярных русских сказок: «Теремок», «Лиса и заяц», «Кот, петух и лиса», «Котофей Иванович», «Звери в яме» и т.д. и т.п. Содержащиеся в них тотемические реминисценции поддаются восстановлению и истолкованию, хотя и приблизительно, но все же достаточно близкому к первоначальному смыслу. Так, сказка «Зимовье зверей» запечатлела закодированную в образах живот-

ных информацию об объединении миролюбивых оседлых тотемов-кланов ради выживания в условиях наступившей зимы (а, возможно, и неожиданного катаклитического похолодания) и отражения нападения со стороны враждебно-грабительского тотема волков. Перечень зверей в разных вариантах сказки колеблется. Так, в сборнике Афанасьева зимующим тотемам быка, барана, свиньи, гуся и петуха противостоят нападающие на них тотемы лисы, волка и медведя. В бесхитростной сказке «Колобок» закодирована информация о соперничестве тотемов зайца, волка, медведя и лисицы-победительницы за право быть хранителем традиций культа Солнца-Коло, олицетворяемого Колобком, тождественным дневному светилу и по имени и по обрядовым функциям (его съедают, как на Масленицу поедают блины, символизирующие Солнце). Народное творчество — бездонное хранилище неизбежной памяти о русских тотемах — не только в устном (фольклорном), но и в овеществленном виде. Коньки на крышах, петушки на маковках, утицы-солонки, олешки на полотенцах и рубашках — все это отголоски тотемного прошлого, запечатленного в орнаменте, узорах, вышивках, резьбе, росписи.

В волшебных сказках всех времен и народов также аккумулярованы остатки древнейшего мировоззрения. Например, уже упомянутый и широко распространенный мотив оборотничества (превращения человека в животное и обратно), кроме тотемического оттенка, содержит также отголосок народных верований в переселение душ, получивших в дальнейшем развитие в религиозно-идеологических и философских системах — древнеиндийской, древнеегипетской, древнегреческой, древнекельтской и др.

Помимо тотемов-животных, в памяти поколений сохранились образы и тотемов-растений. Наиболее типичными для славянских и других индоевропейских культур являются деревья — дуб и береза. Известна обширная древнекельтская (уэльсская) эпическая поэма «Битва деревьев», воссоздающая столкновение кланов-тотемов, где фигурируют свыше 20 древесных символов:

*...От поступи мощного дуба дрожали земля и небо,
Он втапывал в землю врагов, разя их без счета,
А рядом с ним царственный тис отражал атаки
Врагов, что шли на него, как волны на берег моря;
И груша сражалась там же, обильно кровь проливая;
Каштан состязался с елью в свершенье подвигов ратных.
Бел снег, и чернила черны, и зелены деревья,*

*Спокойны пучины вод с тех пор, как я крик услышал;
С тех пор березы растут в стране этой без опаски,
И тянутся вверх дубы в холмистом Гвархан-Мелдеро.*

У русских есть свой вариант воспоминаний о войне растительных тотемов. Но в отличие от кельтских сказаний он носит не эпический, а сатирический оттенок. Это — знаменитая сказка «Война грибов», где грибы воюют не друг с другом, а с царем Горохом. Поговорка: «При царе Горохе» — тоже рудиментарная память (или архетип коллективного бессознательного) об архаичном прошлом и тотеме гороха. Другие тотемные символы перечисляются, к примеру, в чрезвычайно распространенной на Русском Севере сатирической былине «Птицы», где называются десятки пернатых, многие из них калькируют древние русские тотемы. Былина эта записана во множестве вариантов, но почему-то выпала из поля зрения современных исследователей. В процессе становления славяно-русского этноса многие из былых тотемов стерлись в памяти. Только образ сокола-рерика плавно перешел из родоплеменной в княжескую символику и геральдику, сохранив свое смысловое значение в династии Рюриковичей вплоть до монголо-татарского нашествия.

Тотемический образ сокола — доиндоевропейского происхождения. К тем незапамятным временам восходит и представление о Солнце как Соколе. У русских следы такого древнейшего отождествления обнаруживаются, помимо прочего, в архаичной загадке-поговорке, где Солнце именуется Ясным Соколом, а темная ночь — волком (еще одно доарийское олицетворение, встречающееся у многих и разных народов Земли): «Пришел волк [темная ночь] — весь народ умолк; взлетел

Рис. 29. Солнцебог Хор

ясен-сокол [Солнце] — весь народ пошёл!» Сокологоловым был древнеегипетский Солнцебог Хор (Гор) (рис. 29), этимологически и функционально родственный русскому Солнцебогу Хорсу (того же корня русские слова «хорошо», «хор», «хоровод», «хоромы», «храм»), — что лишний раз доказывает общее происхождение древнейших культур и верований. Между прочим, традиционный круговой обход вокруг буддийской ступы также именуется *хора*.

Точно так же — *хора* — называется еврейский круговой народный танец, по сути и огласовке полностью соответствующий танцу *хоро* у болгар, румын, молдаван, турок и некоторых других народов. У болгар к тому же он называется еще и *коло*, доказывая свою несомненную связь с символикой солнечного круга и языческим Солнцебогом Коло (Колядой). У русских и некоторых других славянских народов данный танец именуется *хороводом* (хотя смысл самого понятия несколько шире). И вообще — рассматриваемая архаичная лексема стала повивальной бабкой термина *хореография* (от лат. *chorea* — «танец», «хоровод»).

Аналогичным образом имя древнеегипетской матери богов Хатхор (пишется *Ht-Ht*) расшифровывается как «дом (обитель) Хора». Хатхор изначально олицетворяла «небо» и изображалась в виде Небесной коровы с солнечным диском между рогов (эллины считали ее также египетской Афродитой — богиней любви). Оттого у нее и имя такое, дословно означающее «небесный дом солнца». В его состав, помимо уже отмеченного теонима Хор(с), входит и другой лексический компонент «хат», созвучный с аналогичными индоевропейскими понятиями. Египетское слово «хат» = «дом» полностью соответствует восточнославянской лексеме для обозначения жилища — «хата». В расширенном смысле то же самое слово входит и в состав названия столицы Хеттского царства XVIII—XII веков до н.э. — *Хатт(усас)*. К тому же протохеттский язык именуется *хаттским*.

Рис. 30. Солнцебог Ра

Но есть еще одна удивительная параллель: в языках различных северных народов «хор» — интернациональное название оленя (например с незначительными фонетическими и смысловыми вариациями — у ненцев, эвенков, якутов, саамов), которое уже давным-давно переняли проживающие на этих территориях русские (см. Словарь В. Даля). В различных языковых семьях первичный ностратический корень «хор» претерпел разнообразные фонетические трансформации: в современных языках он может звучать и как *хар* (у хантов), и как *куру* (у нганасан), *кыр* — (у коми). Из того же лексического гнезда (несомненно имеющего ностратическое происхождение) берет начало и этноним «коряки»: такое объяснение имени этого народа давал еще С.П. Крашенинников в своей прославленной книге «Описание земли Камчатки» (с чем согласился и А.С. Пушкин, сделавший обширные выписки из сего научного труда). Сходство понятия «олень-хор» у северных народов с круговыми аспектами лексем типа «хоро» или имен Солнцебогов Хор (Гор), Хорс, Хормуста становится вполне объяснимым. Если вспомнить, что в архаичной космологии и народной астрономии, восходящих к самым истокам мировой науки культуры, *небесный олень (лось) отождествлялся в одних случаях с солнцем, в других — с Полярной звездой.*

Соколоподобным изображался и другой древнеегипетский Солнцебог — Ра (рис. 30). Солнечный смысл присутствует и в самом слове «сокол»: второй слог «кол», быть может, восходит к имени древнейшего Солнцебога *Колы* (Коляды). Но соколоподобным был и древнеславянский бог огня и света Раг (ср.: чешск. *rahoř*; польск. *ragoř*) — «сокол»; из этой общеславянской основы выводится и имя старорусского князя — Рюрик, который в этом случае, естественно, не мог быть никаким варягом и, видимо, никогда таковым и не был, а также фамилия русского художника и мыслителя — Рерих.

Данная историко-этимологическая концепция восходит к замечательному чешско-словацкому просветителю, поэту, фольклористу, одному из основоположников панславизма *Яну Коллару* (1793—1852). В России горячим пропагандистом этих идей был историк-антиноманист, литератор, театральный деятель и под конец жизни — директор Эрмитажа *Степан Александрович Гедеонов* (1815—1878). В капитальном двухтомном труде «Варяги и Русь» (СПб, 1876, переиздание — 2004) он развил аргументы Коллара. Именно отсюда концепция славянского происхождения Рюрика и Рюриковичей была позаимствована Владимиром Чивилихиным в его романе-эссе «Память», а так-

же Сергеем Лесным в его многочисленных изданных за рубежом работах, посвященных древней истории Руси.

Впрочем, имеется еще одна, более простая версия русской родословной Рюрика и русского же происхождения его имени. Она опирается на северные предания, согласно которым подлинное имя Рюрика было Юрик и явился он в Новгород из Приднестровья. Новгородцы «залюбили» его за ум-разум и согласились, чтобы он стал «хозяином» в Новограде. (Р)Юрик наложил на каждого новгородца поначалу небольшую дань, но затем стал постепенно ее увеличивать, пока не сделал ее невыносимой (что впоследствии усугублялось с каждым новым правителем). Первые летописцы, упоминавшие имя Рюрика, вряд ли опирались на какие-то письменные источники, а скорее всего, использовали устные известия. Постепенно исконно русское имя Юрик, упомянутое в севернорусском предании, оваряжилось. (Продолжение темы см. в Приложении 3.)

Рис. 31. Княжеская символика Рюриковичей.

1 — знак на кирпиче Десятинной церкви; 2—5 — знаки на монетах Владимира Святославича; 6 — монета Владимира Святославича со знаком; 7 — знак на одной из древнейших печатей; 8 — монета Ярослава Мудрого со знаком Рюриковичей; 9 — знак на подвеске, опубликованной Т. Арне; 10 — знак на стокгольмском экземпляре Ярославова серебра; 11, 12 — родовые знаки князей X—XI вв.

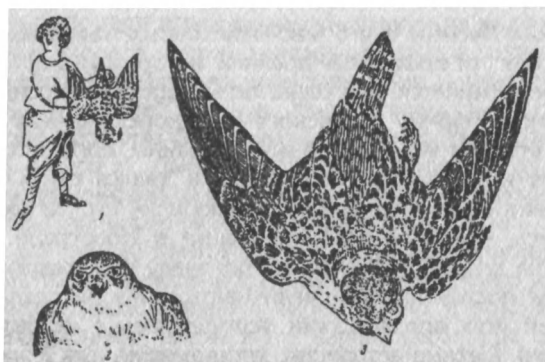

Рис. 32. Сокол-рерик.

1 — сокольник с соколом (миниатюра из охотничьей книги Фридриха II); 2 — голова сокола; 3 — сокол в полете

Еще одним подтверждением смысловой идентичности сокола с русским именем Рарог-Рерик-Рюрик служит княжеская символика рода Рюриковичей (рис. 31). Как известно, она имеет форму трезубца и в этом смысле стала основой украинской государственной геральдики. Между тем существует версия, что знаменитый «трезубец» на самом деле является стилизованным изображением сокола-рерика (рис. 32). Впервые эту гипотезу выдвинул С.А. Геленов, впоследствии она получила дальнейшее обоснование³⁰. Версия выглядит романтической и привлекает горячие читательские симпатии.

Рис. 33. Онежский трезубец

Рис. 34. Этруско-кельтский шлем

Однако символ трезубца, триглава, треножника как выражение священной троичности чрезвычайно распространен в мировой культуре. Выходя за пределы индоевропейской традиции, его можно обнаружить в вариантах, близких к символике киевских князей, и в древних онежских петроглифах (рис. 33), и в этрусско-кельтской

символике (рис. 34), и в китайской каллиграфии, и в гигантских (свыше 200 м) древних рисунках-геоглифах на тихоокеанском побережье Южной Америки (рис. 35), и в шаманских жезлах енисейских остяков (кетов) (рис. 36). Так что какая бы то ни было славянская самостийность здесь ни при чем.

Принадлежность конкретного тотема какому-либо роду-племени или, что одно и то же, принадлежность какого-то семейно-кланового или половозрастного образования конкретному тотему наглядно демонстрирует узнавательно-разграничительную функцию последнего, что помогает узнавать себе подобных или отличать своих от чужих. В частности, это проявляется в особенностях одежды, головного убора, прически, украшений, косметики, татуировок, которые, как показывают данные археологии, в древности были распространены повсеместно. Например, русский женский головной убор кика по форме напоминает птицу, а его название происходит от названия лебединого крика — кика (кикать — «кликать, кричать»). Отсюда древнегреческое наименование лебедя — «Кикн» (так звали и сына Аполлона, превращенного после смерти в созвездие Лебедя). Интересно, что мужской головной убор алеутов, когда они были открыты русскими мореплавателями, по форме также представлял лебединую голову.

Рис. 35. Гигантский рисунок-геоглиф на тихоокеанском побережье Южной Америки

* * *

Тотемические образы гуся, лебедя, селезня (утки), пожалуй, наиболее архаичные в древнем мировоззрении, они связаны с доиндоевропейскими мифами о первородном яйце и птице, творящей мир. В индоевропейской культурной традиции эти представления получили наибольшее развитие в космологии орфиков, впоследствии воспринятой митраизмом в образе Митры-Фанеса, рожденного из космического мирового яйца (напомним, что от имени Митры произошло русское

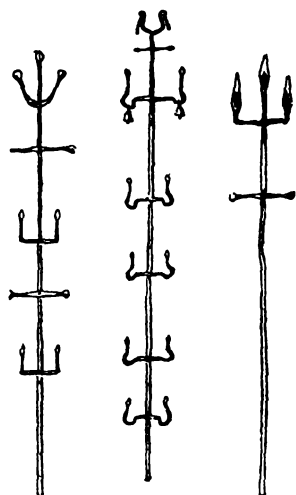

Рис. 36. Кетские (енисейско-остяцкие) шаманские жезлы

слово «мир» в смысле «согласия»). Аристофан, великий древнегреческий комедиограф, иронически относился к философии орфиков, тем не менее в комедии «Птицы» он дал позитивное изложение идей, уходящих в самые глубины космического постижения действительности: «птицы древнее Олимпийцев блаженных», породил их златокрылый бог любви Эрот, сочетавшись с Хаосом. Сам же Эрот, олицетворяющий космическое сексуальное начало, — сын первозданной Ночи и Ветра. Они-то и сотворили Яйцо-первородок, и из него спустя годы «появился Эрот сладострастный» — «в сверкании крыл златых, легконогому ветру подобный». В русском фольклоре смутные воспоминания о золотом космическом яйце закодированы в популяр-

ной сказке про Курочку Рябу и снесенное ею волшебное золотое яичко.

По русскому космогоническому мифу творцом Вселенной был селезень (гоголь-нырок). Он долго плавал по безбрежному океану, потом нырнул, достал со дна песок и сотворил из него весь Мир. Сказание это тесно примыкает к общемировой мифологической традиции, записано в нескольких вариантах, вошло в славяно-русские апокрифы, но почему-то мало известно современному читателю и практически не публиковалось с начала века. Стойкость архаичных сюжетов, связанных с птицами (в особенности с гусями, лебедями и утками-селезнями), просто поражает. Так, популярная русская сказка «Гуси-лебеди» с выслеживанием и преследованием мальчика ведьмой и кульминационным перегрызанием ею дуба самым неожиданным для современного читателя образом повторяет свою сюжетную линию в сказках и мифах южноамериканских индейцев, обитающих в джунглях Амазонки. Разница лишь в том, что южноамериканская ведьма занимается сексуальными домогательствами, а дерево, где спасается герой, пытается перегрызть с помощью зубастых гениталий. По мнению исследователей, в южноамериканском мифе

закодированы некоторые характерные особенности, присущие матриархальным отношениям, и точно такой же смысл был первоначально заложен в русской сказке³¹ (что лишний раз подтверждает общность культурных, мифологических и языковых корней всех народов мира).

Отпечаток тех далеких времен, когда люди величались по тотемам, сохранился в бытине о сыне Ильи Муромца. Звали его Сокольник (Сокольникчком). Данный образ исследован мало, хотя и открывает глубинный пласт русского былинного эпоса. Матерью Сокольника является загадочная Златогорка (Латыгорка) — невенчанная жена Святогора. Великан-богатырь возил ее в хрустальном ларце (рис. 37). Супруга Святогора соблазнила Илью Муромца, плодом этой мимолетной связи и стал Сокольник, встреченный и неузнанный отцом спустя много-много лет. Чудесное рождение Сокольника произошло в краю таинственного Алатырь-камня, близ Студеного моря, то есть на побережье Ледовитого океана. Сын Ильи Муромца сам так говорит о своей отчине и родословной:

Рис. 37. Святогор и Илья Муромец (худ. И.Я. Билибин)

*От моря я от Студеного,
От камня я от Латыря,
От той от бабы от Латыгорки...*³²

Он мог бы еще добавить: «От рода-тотема соколиного», как говаривал о себе один из героев сербского эпоса: «Что ж стрелять мне серого сокола, если сам сокольего я рода?..» Поединок отца с сыном (а главное содержание былин о Сокольнике — его битва с Ильей Муромцем) — смутное воспоминание о противоборстве распавшихся родов-тотемов и месте их расселения — Сибирской украине (древнерусское название Крайнего Севера). В архангельской бытине Илья прямо спрашивает неузнанного сына: которой тот земли, которой Сибирской

Рис. 37-а. «Злата Баба» — Латыгорка (?) на карте Сибири XVI в.

украины? Сказанное косвенно подтверждает и полное былинное имя матери Сокольника — Баба Златогорка. Судя по всему, она и есть прообраз легендарной сибирской Золотой Бабы, выгравированной на некоторых средневековых картах (рис. 37-а) в низовьях Оби. На карте Г. Меркатора Злата Баба (так поименована она в Новгородской летописи) изображена в контексте с очертаниями Гипербореи.

Возможно, что корень «гор» в именах Златогорки и ее супруга Святогора идет от Уральских гор. В конечном же счете Латыгорка — русифицированный и сильно изменившийся в течение тысячелетий образ Латоны-Лето (корневая основа у всех трех имен общая) — матери близнецов Аполлона и Артемиды, всеми корнями своими связанных, как уже говорилось, с северной Гипербореей.

Тотемное прошлое живет и во множестве русских фамилий, восходящих к древним обозначениям тотемной принадлежности людей. Сами фамилии сравнительно недавнего происхождения. У простого люда они появились после отмены в России крепостного права. Речь, конечно, не идет о христианских именах, имеющих, в свою очередь, греческое, римское или библейское происхождение. Если открыть ономастиконы (сборники, составленные филологами на основе анализа разного рода документов прошлого), то обнаружится великое множество тотемных имен, принадлежавших нашим предкам вплоть до Петровской эпохи. Вот лишь некоторые из них, взятые наугад из именословов Н.М. Тупикова («Словарь древнерусских личных собственных имен». СПб., 1903, переиздание — 2005) и С.Б. Веселовского («Ономастикон». М., 1974):

звериные:

Баран, Барсук, Бобр, Бык, Белка, Волк, Выдра, Горностай, Жеребец, Заяц, Зубр, Кобыла, Коза, Козел, Конь, Корова, Кот, Кошка, Куница, Лиса, Медведь, Мышь, Овца, Пес, Свинья, Собака, Соболь, Тур, Хомяк;

<i>птицы:</i>	Воробей, Ворона, Гоголь, Голубь, Грач, Гусак, Дрозд, Дятел, Жаворонок, Журавль, Коростель, Коршун, Кречет, Кулик, Курица, Лебедь, Лунь, Орел, Селезень, Сова;
<i>рыбы:</i>	Ерш, Карась, Рыба, Севрюга, Шука;
<i>растительные:</i>	Береза, Гриб, Груша, Дуб, Калина, Капуста, Крапива, Липка, Мухомор, Осина, Ракита, Репа, Орех;
<i>прочие:</i>	Блоха, Жаба, Жук, Комар, Мизгирь, Муравей, Муха, Паук, Пчелка, Рак, Таракан, Шершень.

Все эти древнерусские имена и прозвища как наследие еще более древних русских, славянских, индоевропейских и доиндоевропейских тотемов стали неотъемлемой стороной современной жизни, войдя в живые русские фамилии.

Откуда же взялось такое множество тотемов, каковы причины их дробления и появления новых? Данные процессы обусловлены вполне понятными, естественными причинами. Человек вообще стремится всячески подчеркнуть свою уникальность, обособить место и условия своего существования, обозначив по возможности разного рода отличительными особенностями в одежде, жилище, манере поведения и общения, а также в символике, наглядно выражающей такие особенности. При смене поколений, распаде этнических структур, обособлении семей каждое новое социально-этническое образование придерживается, как правило, сложившихся и усвоенных традиций, но одновременно стремится к выпячиванию собственных неповторимых черт. При резкой ломке условий жизни, при смене жизненных ориентаций и парадигм отказ от прежних традиций и переход к новым ценностям осуществляется в демонстративно подчеркнутой форме и сопровождается принятием новой символики, в том: числе и в области родоплеменной принадлежности. Отсюда такое обилие и разнообразие тотемов, возникших не враз, а на протяжении веков и тысячелетий.

Рис. 38. Пятиглавый бог индоариев Брахма на лебедь

Рис. 39. Выбеленные фигуры лебедей в древних огневищах

Механизм этого явления, срабатывающий на протяжении жизни нескольких поколений, хорошо иллюстрирует одна мансийская легенда, касающаяся лебедя и его тотемических функций. Лебедь, повествуют сказители, был когда-то человеком, но затем из-за царивших прежде постоянных драк и столкновений он стал просить бога превратить его в птицу. Желание было исполнено, и таким образом появился лебедь. Он же был сначала и царем всех птиц, а орел служил при нем князем. Впоследствии царская власть перешла журавлю, так как лебедь не умел вовремя кричать. И так далее — пока царем не стал орел. Из этой северной легенды совершенно

отчетливо видно, как происходила смена тотемов внутри единой народности при естественной родоплеменной дифференциации, когда попеременно доминировали то одни, то другие тотемы.

Лебедь — священная птица древних славян и индоевропейцев (рис. 38). В местах проживания наших далеких предков (на Полтавщине) археологи раскопали датируемые VI—V веками до н.э. зольники — остатки культовых огневищ, окаймленные вырезанными из земли и раскрашенными в белый цвет 2-метровыми фигурами лебедей (рис. 39). Среди археологических находок в местах расселения западных славян — солнечные колесницы, запряженные лебедями (рис. 40), хорошо знакомые по культу Аполлона. По русским летописям и историческим легендам, сестра трех братьев — основателей Киева звалась Лыбедь. Лебедь одинаково популярен во всех частях света и особенно — на Русском Севере. Недаром Николай Клюев в программном стихотворении «Песни Гамаюна» провидчески провозглашал: «Север — лебедь ледяной».

Образ лебедя в русской и славянской мифологии связан со светлым и радостным началом. Образ, воспетый Пушкиным, — Царевна Лебедь олицетворяет именно такое древнее светоносное божество. Пушкин ничего не прибавил и не убавил к неувя-

дающим народным представлениям о прекрасной волшебной Деве с горящей звездой во лбу, чья вселенская предназначенность выражается в следующих космических функциях:

*Днем свет белый затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.*

Все сказочные фольклорные сюжеты о превращении человека в лебедя, включая классический русский образ Царевны Лебеди, восходят к гиперборейской традиции. Одной из ипостасей Зевса как выходца из Гипербореи, также был Лебедь: в этом обличи он овладел Ледой — в результате на свет появилась Прекрасная Елена — виновница Троянской войны.

Устойчивые представления о Лебединых девах (рис. 41) прослеживаются до самых последних глубин, зафиксированных в литературных и фольклорных источниках. О Форкидах, подобных лебедям, обитающих на краю земли, окутанной вечной ночью, рассказывал еще Прометей в великой трагедии Эсхила. В славянских и германских сказках одинаково распространен образ Лебединых дев, что прилетают к реке или озеру, сбрасывают лебединое одеяние, превращаясь в волшебных красавиц, и купаются в прохладной воде: здесь-то и подстерегает их добрый

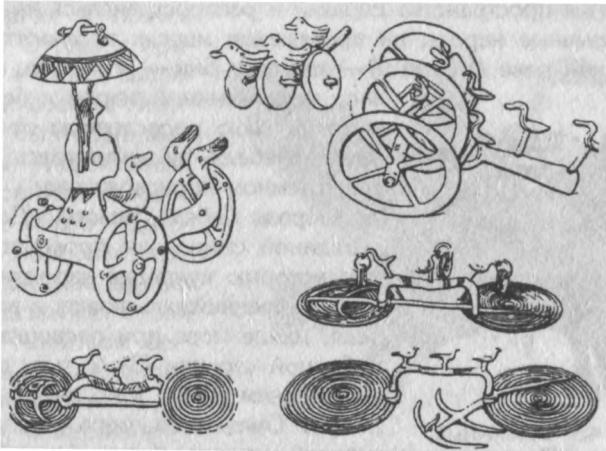

Рис. 40. Колесницы западных славян, запряженные лебедями

Рис. 41. Лебединая дева (худ. Н. Антипова)

Рис. 42. Богиня Лебедь (худ. А. Мелихов)

молодец. Представления, аналогичные индоевропейским, сохранились и у других народов, населяющих Север нашей родины: у ненцев, например, также известен образ богини-Лебеди (рис. 42). Сходные персонажи есть у бурятов, якутов и др. При раскопках знаменитых Пазырыкских курганов на Алтае, относящихся к V—III векам до н.э., в погребальной камере были обнаружены войлочные фигуры лебедей (рис. 43). Все это свидетельствует о том, что гиперборейская лебединая символика охватывала значительные пространства Евразии и распространялась на многие разноязычные народы на протяжении многих тысячелетий. На алтайской реке Лебеди (!) — притоке Бии — и поныне проживает тюркоязычный народ лебединцы, ведущий свою родословную от первопредка Лебеда, не догадываясь даже о его тотемном происхождении.

Рис. 43. Войлочный лебедь из Пазырыкского кургана

Образы Лебеда, Человека-Лебеда и лебединой символики проходят через всю историю культуры народов Евразии: от древнейшего ковша в виде лебеда, найденного при раскопках первобытной стоянки (3—2 тыс. до н.э.) на Среднем Урале (рис. 44) и петроглифов Онежского озера (рис. 45) до нежных античных богинь (рис. 46), воинственных германских валькириий, спо-

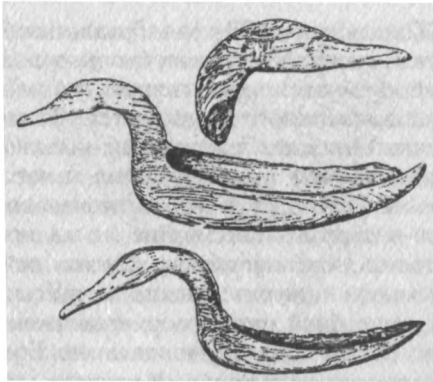

Рис. 44. Первобытная утварь с фигурами лебедей

Рис. 45. Лебеди (онежский петроглиф)

собных превращаться в лебедей (рис. 47) и лебединого рыцаря Лоэнгрин (рис. 48). Средневековые рыцарские легенды содержат немало сведений и смутных воспоминаний о древнейшей истории, включая и гиперборейские времена. В тайных сказаниях Ордена тамплиеров о гибели Атлантиды упоминается гиперборейская раса людей, что пришла с Севера в Эпоху Белого Солнца. Цикл легенд о священном Граале напрямую указывает на волшебную северную страну, где в неприступном замке хранится чудодейственный Грааль, дарующий бессмертие и тайное знание. Оттуда и прибывает в челне, запряженном лебедем, Лоэнгрин — сын хранителя Грааля Парсифаля. В описаниях самого Грааля много разнообразия. В наиболее распространенной версии он представляет собой чашу с напитком бессмертия. Однако в наиболее известном из дошедших источников — монументальной поэме *Вольфрама фон Эшен*

Рис. 46. Афродита на лебеде (изображение на краснофигурном сосуде)

Рис. 47. Валькирия
(худ. К. Васильев)

баха «Парсифаль» (XIII в.) — Грааль изображается в виде камня, излучающего волшебный свет: достаточно глянуть на него, и человеческая жизнь продлится. Такая трактовка сближает Грааль со знаменитым Алатырем-камнем русских легенд и заговоров. Что касается главного назначения Грааля — даровать бессмертие, то данное свойство по своему смыслу близко действию живой и мертвой воды из русских сказок, способной оживлять умершвленных героев. Кроме того, функционально Грааль сходен со знаменитым Кошечевым яйцом: оно не только находилось за тридевять земель в недосягаемом месте, но и обладало живительными свойствами. В одной из сказок, записанных от сибирской сказительницы Н.О. Винокуровой, Орел-царевич после победы над Кошеем оживляет умершвленного отца с помощью Кошечева яйца.

Существует легенда, что древнескандинавские викинги сверяли удачу своих разбойных набегов с полетом лебедей. Так это или не так — теперь проверить трудно. А вот покорителю Сибири Ермаку путь за Урал совершенно точно по лебединой наводке открылся. Народный сказ про то, обработанный Павлом Петровичем Бажовым (1879—1950), называется «Ермаковы Лебеди». Ермак, как известно, — казачье про-

Рис. 48. Лознгрин (худ. Л. Фейнберг)

звище, настоящее же имя, по его собственным признаниям, было Василий, а фамилия совсем тотемного происхождения — Оленин. Так вот, взял однажды мальчик Васютка (будущий Ермак) три яйца из гнезда погибшей лебедихи и подложил их дома под гусыню. Она-то и высидела лебедят, они потом до самой Ермаковой смерти дарили ему удачу: и на россыпи драгоценных самоцветов наводили, и путь в Сибирь указали. «Вовеки бы ему в сибирскую воду проход не найти, кабы лебеди не пособили», — вот какое мнение навсегда укрепилось в народе.

Весь песенно-сказочный фольклор Руси и поэзия России расцветали под сенью лебединых крыльев. Лебединый образ русский человек впитывает с молоком матери, он передается как драгоценная память предков. Когда поэт пишет «О Русь, взмахни крылами!» — у русского читателя, скорее всего, возникает ассоциация птицы-лебедя. Россия — это и есть Царевна Лебедь. В этом возвышенном символе закодированы номинированные элементы древнейшей родоплеменной и социальной организации доиндоевропейских цивилизаций. С самого начала лебедь выступал в качестве священной птицы и соответствующего тотема различных народов и пранародов, находившихся долгое время в стадии нерасщепленной общности и обособлявшихся по мере расселения по бескрайним просторам Евразии (процесс этот занял не одно тысячелетие). В конечном счете у сформировавшихся народов получили окончательную прописку совершенно конкретные образы-символы, ставшие неотъемлемой частью культуры и вошедшие в кровь и плоть народного духа. Тотемические пережитки, связанные с лебедем, по сей день живут в запретах убивать или употреблять в пищу эту величавую птицу. «Не стреляйте в белых лебедей!» — это табу стойко держалось в народных традициях на протяжении многих тысячелетий. По русским поверьям, даже если только показать детям убитого лебедя, то они непременно умрут!

* * *

Тотемические символы неистребимы: передаваясь от поколения к поколению, они живут не только в изображениях, изваяниях, устном и письменном слове, но и в традиционных обрядах. Никакие идеологические доминанты не смогли вытеснить тотемические каноны русской свадебной лирики. Ее главные действующие лица — жених и невеста — именуются по-тотемному: утка да селезень, сокол да лебедь.

*Сокол да Сокол Соколович,
Свет добрый родной молодец...
Летал Сокол по крутым горам,
Искал Сокол лебединые стада...*

*Что, Гоголь мой, Гоголечек?
Был ли ты, Гоголь мой, на море?..*

Белые Лебедки! Где вы бывали?..

Не вылетай, Утица, из-за острова...

И т.д. и т.п. Эта загадочная на первый взгляд свадебная символика уходит своими корнями в те невообразимо далекие времена русской предыстории, когда не было вовсе никакой этнической или языковой расчлененности и тем более — национальной обособленности, и представители одних тотемных родов женились или выходили замуж за иноплеменников иной тотемической принадлежности. Как сейчас говорят: «вышла замуж за русского (татарина, якута, осетина и т.д.)», — так тогда говорили: «вышла замуж за сокола (лебедя, гоголя, ворона, журавля и т.п.), имея в виду принадлежность жениха или мужа к конкретному тотему.

Песен с тотемными отголосками записано великое множество: они не канули в Лету, а по сей день выступают неотъемлемой исполнительской стороной русского свадебного обряда. Естественно, соколами и лебедями, селезнями и утками обрядовый фольклор не ограничивается. Известно, к примеру, множество вариантов шуточной песни про свадьбу совы, что вышла замуж за «белого луня, за милого друга». Здесь тотемная сова заменила традиционную лебедь (утицу), а тотемный сокол превратился в свою более редкую для фольклора ястребиную разновидность — луня. Русские песни сохранили множество свидетельств и о древнейших дендротемах. Знаменитая «Калинка-Малинка» — не что иное, как закодированный тотемный пароль, фиксирующий когда-то конкретную тотемную принадлежность. А рефрен типа «Ой, калина моя! Ой, малина моя!» сродни припевам «Ой, Дид-Ладо!» с призывами к славянским языческим богам Диду и Ладу. Былинный Калин-царь — отголосок все тех же тотемных времен и подчас жестокого противоборства различных тотемов; лишь

впоследствии произошло его совмещение с воспоминаниями о более знакомых по злодеяниям врагах, в основном — о степняках-кочевниках, что веками терзали Русь. Из того же тотемного прошлого и сказочный Калинов мост как символ кланово-племенного рубежа.

С растительными тотемами связано множество обычаев и поверий, доживших до настоящего времени. Испокон веков существовало на Руси поклонение деревьям. Ни одна власть не оказалась в состоянии выкорчевать древнейшие языческие традиции. В прошлом церковные и светские источники постоянно отмечали неискоренимость культа деревьев: то тут, то там древопоклонники молились либо в священных рощах, либо «около куста», либо просто «дуплинам деревянным», либо перед особо почитаемыми деревьями, а ветки обвешивали платками и полотенцами³³. И все это вовсе не дела давно минувших дней. Этнографы регулярно констатируют стойкую и повсеместную веру в целительную и оберегательную силу деревьев³⁴, что наглядно проявляется хотя бы в народном обычае стучать пальцем по любому деревянному предмету, дабы предотвратить беду — отвернуть ее от задуманных планов или благополучного течения дел. Во многих районах — особенно на Севере и в Сибири — деревьям и кустам по-прежнему приносятся плоды, а ветки либо завиваются (как у березы на Семик), либо украшаются лентами. Кое-где до сих пор старые дуплистые деревья считаются наделенными целительной силой: чтобы ею воспользоваться, нужно прислониться к стволу, залезть в дупло или пролезть через него, если оно сквозное.

Семикская обрядность, однозначно связанная с тотемом березы, восходит чуть ли не к эпохе матриархата, являясь эзотерическим женским праздником с сексуально-эротическим оттенком³⁵ и подчеркнутой гадательно-предсказательной направленностью. Охранительная и магическая сила дендрототемов учитывается также в современной свадебной обрядности. И поныне в ряде областей России жив тотемный по своей сути и происхождению предвенчальный обряд, связанный с украшением дерева или куста. Так, в Пензенской области сохраняется архаичный обычай наряжания дерева в доме просватанной невесты. Деревце под обобщенным названием «ёлочка» (хотя в действительности это может быть даже репейный куст) символизирует девичество, с ним совершают различные магические действия, а в некоторых случаях сжигают.

История тотемов — русских и мировых — неисчерпаемый кладезь знаний о далеком прошлом, охватывающем отрезок времени, несоизмеримый с письменной историей. В учебниках и научных книгах обычно описывается история, занимающая 2 тысячи лет новой эры и 3 тысячи лет до новой эры, итого — 5 тысяч лет. Это всего лишь жизнь 150 поколений, если считать по демографическому канону: 3 поколения в столетие. Не так уж и много с учетом того, что сюда умещается вся история мировых цивилизаций, начиная с расщепления арийской этнокультурной общности и становления древнейших государств Индостана, Китая, Двуречья, Малой Азии и Египта. Тотемная же история неизмеримо богаче и шире: 40 тысяч лет (условно) существования человечества, включая и современный этап его развития, — это 1200 поколений. Так не будем обеднять собственную историю! Тем более что тотемное прошлое не исчезло бесследно. Оно живет в современных символах, государственной и сословной геральдике, обрядах, традициях и, наконец, во многих фамилиях, названиях рек, озер, древних городов, селений и просто заповедных мест. По ним-то и удастся расшифровать пути древних миграций и восстановить мысленные контуры заветной страны Лебедии, которую — в честь древних русских тотемов — с неменьшим правом можно было бы назвать и Соколией, и Олений, и Медведией, и еще какой-то волшебной страной, что не отыскать ни на одной карте!

В новейшем — небезынтересном, хотя и спорном — переложении на современный литературный язык «Слова о полку Игореве» («Молодая гвардия». 1995. №1. Перевод В. Молоканова) лебеди и соколы напрямую истолковываются как тотемы. Прав или не прав переводчик, по-новому объясняя значение древнерусских слов и восстанавливая якобы имеющиеся пропуски, — это лишь одна сторона медали. Другая же такова: скрытый смысл или подтекст угаданы правильно. Дословно знаменитый фрагмент из зачина древнерусской поэмы — в отличие от канонических версий — переведен так:

*Помнили ибо народы
древних племен тотемы.
Пускали тогда соколов
десять на стадо лебедей, —
кто догонял (свою лебедь,
тот и женился на ней),
да прежде того песню пел...*

Конечно, понятие «тотем», заимствованное из языка одного из индейских племен, выглядит более чем инородным даже в контексте современного перевода. Однако автору оригинальной интерпретации никак нельзя отказать в достаточной аргументированности. Термин «тотем» возникает в поэтическом переложении знаменитой фразы о вешем Бояне, помнящем «первых времен *усобиць*». В древнерусском тексте стоит «усобиць», но смысл в ту пору данное слово имело двоякий: во-первых, «распря», во-вторых, «особь». В древнерусских текстах можно встретить слово «усобичный» — «родственный», «единоплеменный». Из лексического гнезда однокоренных слов с основами «усоб-особ» вышла целая смысловая цепочка: «особо», «особый», «особенный», «обособленный», «особь», «особа» («лицо»). В сочетании с древнейшим смыслом, означающим «родственность» и «единоплеменность», а также будучи спроецированным на социальные, родоплеменные отношения, слово «усобиць» и позволяет истолковать его как «тотемы»: *особый* род — это и есть тотем.

Но вернемся к Гиперборее. О ней имеется немало прямых и косвенных свидетельств, сохранившихся в разных языках, мифах и фольклоре. Одно из них — история рождения Персея Гиперборейского. «Водитель народа» не просто так отправился в Гиперборею (там его, кстати, обучили летать с помощью крылатых сандалий) — он возвращался на родину предков, где на северной оконечности Ойкумены обитала Горгона Медуса (существует, кстати, обоснованная версия о том, что способность Горгоны Медусы обращать все живое в камень означает не что иное, как способность превращать живых существ в лёд). Персей — сын Зевса. В виде золотого дождя сошел владыка богов на лоно прекрасной Данаи, и у нее родился герой Эллады — Персей. Не станем повторять традиционную версию, заглянем чуть глубже.

Сначала обратимся к сказке. У царевны родился чудесный сын, его вместе с матерью недруги закупили в бочку и бросили в море. Спрашивается: о ком идет речь? 99 процентов русских читателей немедленно ответят: Пушкин — «Сказка о царе Салтане», написанная на основе русского фольклора. Между тем речь идет совсем о другом. У Пушкина родила царица, а вопрос относится к царевне. Царевна эта — Даная, дочь аргосского царя, запертая им в темницу. Но туда проник Зевс, обравшись в солнечные лучи, и от этого света Даная

родила будущего героя Эллады Персея — победителя Горгоны Медусы. Сходный миф обнаруживается и в недрах совершенно иной индоевропейской культуры. В китайских народных поверьях излюбленным образом является Данай Фужень — богиня, помогающая при родах. Образ этот проистекает из цикла сказаний о великой богине Гуань-инь. По преданиям, Данай Фужень родилась от луча света, исходящего из пальца Гуань-инь и попавшего в утробу матери. В русле развиваемой здесь концепции моногенеза всех народов мира, их языков и культур представляется совсем не случайным сходство сюжетов (рождение от луча света) и имен — *Даная* и *Данай* (дословно «большая бабушка») Фужень.

Итак, что же общего между русской сказкой и древнегреческим (а также китайским) мифом? Общая сюжетная основа — объясняют специалисты — бродячий сюжет. Но сюжеты бродили не сами по себе, а по той причине, что бродили люди и народы, их распространявшие. Когда-то был единый пранарод с единым праязыком и едиными правверованиями. Единый очаг культуры находился на Севере Евразии. Затем начались дифференциация и расселение народов, растянувшиеся на тысячелетия. Одни впоследствии оказались в Индостане или Иранском нагорье, другие остановились в ареале от Волги до Одера (Одры), от Черноморско-Кавказских степей до Прибалтики и Волхова (это были предки славян), третьи двинулись на Балканы через Малую Азию и с севера, основав по берегам Средиземного, Эгейского и Адриатического морей древнегреческие колонии и полисы.

Былое же время, когда они тесно соприкасались, и отразилось в дошедших до нас сильно измененных преданиях о Данае или славянской Дане — жене Солнца (она же Дева — божество, олицетворяющее не только Солнце, но и воду³⁶). О Дане современным потомкам древних индоевропейцев известно больше по именам великих славянских рек — *Дон*, *Даная* (Днепр), *Донец*, *Данувий* (Дунай). Но не только в гидронимах сохранилась память о Дане. Спустя тысячелетия в местах ее бывшего почитания, на Дунае, старуха Изергиль поведала молодому Максиму Горькому легенду об огненосном *Данко* и его горящем сердце, которое «пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца».

РУСЬ ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ

Не приходится сомневаться, что древняя Гиперборея имеет непосредственное отношение к древнейшей истории России, а русский народ и его язык напрямую связаны с исчезнувшей гиперборейской цивилизацией. Неспроста ведь Мишель Нострадамус в своих «Центуриях» именовал россиян не иначе как «народом гиперборейским». Быть может, рефрен русских сказок о Подсолнечном царстве, что расположено за тридевять земель, — смутные воспоминания о стародавних временах, когда наши предки соприкасались с гиперборейцами и сами были гиперборейцами. Имеются и более детальные описания Подсолнечного царства. Так, в былине-сказке из сборника П.Н. Рыбникова рассказывается о том, как герой на летающем деревянном орле посещает Подсолнечное царство:

*Прилетел он в царство под солнышком,
Слезает с орла самолетного
И начал по царству похаживать,
По Подсолнечному погуливать.
Во этом во царстве Подсолнечном
Стоял терем — золоты верхи,
Круг этого терема был белый двор
О тых воротах о двенадцати,
О тых сторожах о строгих...³⁷*

Другое свидетельство, зафиксированное многими авторами, в том числе Н.М. Карамзиным, А.Н. Афанасьевым и А.А. Коринфским, касается легендарного Лукоморья. Оказывается, это не сказочная страна, невесть где расположенная, а древнее Северное царство, где люди на два месяца впадают в зимнюю спячку, чтобы проснуться к возвращению весеннего Солнца³⁸.

И совсем уж невероятную картину рисовали русские поморы, издревле промышлявшие на самой крупной островной территории России — Новой Земле, по-северному — Матке (откуда и поэтическое название пролива — Маточкин Шар). Еще в XIX веке среди стариков живы были сказания о новоземельских ледяных городах, церквях и замках. Вот один из записанных рассказов очевидца (!): «Посреди Матки <...> города есть, не нашим земным городам чета. Церкви в эфтом городу ледяные, дома тоже. А живут там на просторе, в таком захо-

лустье, куда живой душе не добраться, все охотнички да ловцы, что на Матке [исчезли]... Видел я, братцы, великое чудо. Быд-то висит посреди Матки гора ледяная, а на эфтой горе всё церкви да церкви, и сколько эфтих церквей, поди, не сосчитать, — одна другой выше, одна другой краше. Колоколенки — словно стеклянные, тонкие да прозрачные такие. И только я стою, вдруг со всех эфтих колоколен звон поднялся. Я обмер да скорее назад».

Продолжение темы неожиданным образом обнаруживается в преданиях российских саамов (лопарей) — древнейшей коренной народности Европейского Севера. О лопарской легенде поведал *Василий Иванович Немирович-Данченко* (1845—1936) — некогда весьма популярный и плодовитый писатель, чье собрание сочинений насчитывало 50 томов. Он еще в конце XIX века пешком исходил чуть ли не всю Русскую Лапландию, написал об увиденном несколько сочувственных книг, одну даже детскую, «для народа и школ», с трогательным названием «Лопь белоглазая». По саамской версии, древний народ, что раньше обитал на Севере, погрузился на дно океана и там продолжает жизнь. Под водой, как и наверху: те же горы, леса, бродят звери, летают птицы. «Чудь подземная» (точнее было бы сказать, «подводная») — так собирательно назван исчезнувший народ — пасет под водой не только оленей, но и моржей, тюленей, разводит вместо коров дельфинов, отбиваясь от нападения акул с помощью огромных железных луков и каменных стрел. Своеобразная полярная версия известной легенды о Невидимом граде Китеже, с той лишь разницей, что речь идет о целом народе, погрузившемся вместе со своими городами в пучину Ледовитого океана и продолжающем там прежнюю жизнь.

В русских народных преданиях живет также память о «дивных народах», обитающих под землей на краю света. Известны разные версии этой легенды, одна даже вошла в канонический сборник сказок Афанасьева, хотя к сказке в собственном смысле данного слова имеет отношение самое незначительное. В русском народном сознании древний сюжет о подземных жителях смешался с библейскими «Гогами и Магогами» и Александром Македонским: он-то якобы и загнал свирепых врагов в глубь земли. Но они живы до сих пор и вырвутся на свободу перед самой кончиной мира.

Представление о подземном царстве имеет древнейшие корни. И не только сказочные или мифологические. В преда-

ниях о людях (или человекоподобных существах), обитающих в недрах Земли: Хозяйка Медной Горы, Подземная чудь, Агартха — северная Шамбала. Сведения на сей счет сохранились и в русских летописях, где они излагаются как сами собой разумеющиеся факты. Так, в Начальной летописи под годом 1096-м (6604) Нестор воспроизводит свою беседу, надо полагать, с приезжим новгородцем:

Теперь же хочу поведать, о чем слышал 4 года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они взамен дадут меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север».

Повесть временных лет (перевод).

Сохранились в народной памяти также смутные воспоминания и о так называемой ледниковой эпохе, точнее о катастрофическом похолодании, постигшем Гиперборею. Выдающийся чешский поэт, историк и фольклорист Карел Яромир Эрбен (1811—1870) свидетельствует, что хрустальная или стеклянная гора славянских сказок есть не что иное, как образ ледяной горы³⁹, трансформировавшийся в сознании людей, а также при устной передаче от поколения к поколению (в чешском фольклоре известен и город Ледян — сродни русскому Леденцу, что значит «ледяной»). Чтобы убедиться в правомочности данного вывода, достаточно еще раз внимательно просмотреть волшебную русскую сказку «Хрустальная гора». Здесь тридцатое царство наполовину втягивается в хрустальную гору (что наглядно воспроизводит действие наступающего ледника). Но главное в другом: чтобы спасти гибнущее царство и заточенную в хрус-

тальной горе царевну, герой, победив змея о двенадцати головах, «разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко, зажег и отнес к хрустальной горе — гора скоро растаяла». Растопить подобным образом, как нетрудно догадаться, можно только лед и никак не хрусталь (стекло).

В славянском фольклоре имеются и другие любопытные подробности, касающиеся стеклянной горы. На ее вершине растет чудесная яблоня с золотыми молодильными яблоками. Стережит ее беспощадный сокол (!), сметающий вниз всякого, кто пытается одолеть скользкие как лед склоны. Потому-то все подножие стеклянной горы сплошь усеяно человеческими костями. Герой одной карпатской сказки сумел перехитрить кровожадного сокола — носителя тотемной символики; с помощью рысьих когтей он незаметно поднялся на вершину и отсек хищному стражу волшебной горы ноги. Кровь пролилась вниз, и все жертвы безжалостной птицы ожили. Обо всем этом можно узнать из сборника «Повести и предания народов славянского племени» (СПб., 1840), изданного ныне совершенно забытым этнографом и историком *Иваном Петровичем Боричевским* (1810—1870). Русские исследователи фольклора справедливо усматривали в сказочной стеклянной (хрустальной) горе отголоски общеарийской мифологии — воспоминания о вселенской горе Меру⁴⁰.

В известной словацкой сказке о солнечном коне также подробно описывается полночная страна, где люди приспособлялись к ночной жизни среди гор и боролись с тьмой с помощью волшебного коня с Солнцем во лбу. Как бы ни трансформировался сказочный сюжет за свою долгую жизнь — он неоспоримо свидетельствует об одном: далекие предки словаков и, надо полагать, предки всех славян знали о такой стране за Полярным кругом, где царит долгая ночь и бушует нескончаемая буря.

Современное русское слово «буря» имеет древнеарийские корни: *bhurati* в древнеиндийском означало — «двигается», «вздрагивает», «барахтается». Но в достопамятную старину «буря» проносила и писалась как «боуря» (с юсом малым на конце). Вот он и Борей — северный ветер, а значит, бореи — те, кто с бурей дружит (или спорит). Известен синоним «ураганного ветра», одного корня со словом «буря». Это — «бора»: так именуют ураган на море и турки, и итальянцы, и русские. Но, вопреки безапелляционному утверждению этимологов (и в частности такого авторитета, как М. Фасмер), в русский язык слово «бора» никак

не могло попасть из турецкого, так как турки появились на берегах Черного и Средиземного морей сравнительно недавно и, скорее всего, сами заимствовали данное понятие у аборигенов.

Сказанное подтверждают и данные германо-скандинавской мифологии. Первобогом-праородителем древних германцев и скандинавов, согласно Старшей и Младшей Эдде, был Бури, а его сыном — Бор (Бёр) — отец Одина, главы пантеона северных богов. Рождение Бури сопряжено с мировым катаклизмом, когда Север «заполнился тяжестью льда», что сопровождалось его таянием и неотвратимым потопом. Из гигантской ледяной глыбы (айсберга?) в течение трех дней и родился Бури с помощью космотворящей коровы Аудумлы. Она паслась на льду, облизывая соленые (морские?) ледяные глыбы, подобные камню. К концу первого дня на вершине одной из глыб появились волосы, на другой день — целая голова, а к концу третьего дня могучий титан Бури родился окончательно.

Согласно Татишеву, в утраченной Иоакимовской летописи упоминается князь Буревой, отец легендарного Гостомысла, правивший в Новгороде до появления Рюрика и упорно боровшийся с варяжской агрессией. Корень «бор» древнейшего, вероятно, доиндоевропейского происхождения. Он образует любопытное лексико-смысловое гнездо, позволяющее судить и о многообразии функций, проецируемых и на бога Борей. Прежде всего, бор — это «хвойный, преимущественно сосновый, лес». У болгар, сербов и хорватов «бор» означает «сосну». Но не только у славян: название народа «буряты» дословно означает «лесные» и по смыслу смыкается с русским «бор» — «лес». Затем ряд однокоренных слов: «борьба», «борец», «брань» («боронь» — в смысле «битва» и в смысле «ругань»), «оборона», «борзой», «борозда», «борона», «борода», «боров», бородавка», «борщ», «собор», «боркан» («морковь»), «борт» (в смысле «борта лодки, корабля»). Разветвленность смыслов — лучшее доказательство древности исходного слова. Кстати, о Сивке-бурке — откуда такое словосочетание? Если Сивка (светлая), то почему Бурка (темная)? Не зебра же ведь это, у которой полоска — черная, полоска — белая. Все дело, оказывается, в том, что прозвище Бурка первоначально звучало как Бурька. А если взглянуть на его истоки, то обнаруживаются явственные следы Борей. Обратившись темногривым жеребцом, бог — покровитель Севера — оплодотворил двенадцать кобылиц и стал отцом двенадцати чудесных жеребят, что могли летать по поднебе-

сю над землей и морями. Такими их описывал еще Гомер в «Илиаде» (XX, 220—230):

*Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.*

Точно так же описывается полет волшебных коней в русском и славянском фольклоре, где прозываются они Сивками-бурками, Бурушками-косматушками, что в конечном счете значит — Бурьки-Борейки. Не случайно и мифический летучий конь алтайских сказаний также зовется *Буура*. Между прочим: до сих пор имеет распространение славянская фамилия Борейко (вспомним героя-поручика из романа А.Н. Степанова «Порт-Артур»).

У ираноязычных осетин в их знаменитых нартских сказаниях также действует могучий богатырь по имени Бора. Повествуется о его встрече со счастливым в духе Золотого века морским народом — донбеттырами («дон», как уже было продемонстрировано, — общеиндоевропейское понятие для обозначения любых водных объектов). Бора пришел в их страну, минуя царство ночи. Там он нашел огненное озеро (читай — море) с загадочным хрустальным образованием на самом дне (в фольклоре хрусталь — коррелят льда). Вот как описывает древний сказитель тектоническую битву огня и льда:

*Вертящийся хрусталь на самом дне
Кремень огромный точит в глубине
И высекает пламенные искры
Движением молниеносно-быстрым.
А озера бушующего дно
Как будто светом дня озарено...*

Воистину картина вселенской катастрофы. Как явствует из фольклора, первоначально нарты жили не в горах, а в пределах морских просторов — они часто упоминаются в осетинских сказаниях. По преданию, нарты вообще были потомками Морского царя — Донбеттыра.

Нельзя не вспомнить и древнегреческое название Днепра — Борисфен. А европейские мореплаватели, добравшиеся в XVII веке до устья Печоры, столкнулись на побережье Север-

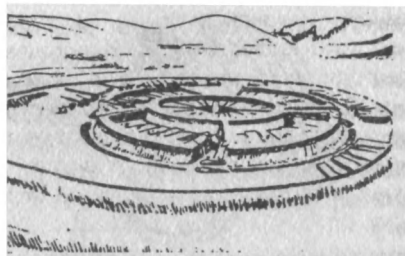
ного Ледовитого океана с туземцами-борандийцами. Да и в названии северо-восточной страны скандинавских саг, именовавших регион от Беломорья до приполярного Урала Бьярмой (*Biarmia*), улавливается искаженное имя Борей. Крылатый чернобородый бог Борей считался эллинами сыном Астрея (Звездного неба) и Эос (Утренней зари) (рис. 49). По Диодору Сицилийскому, потомки Борей — Бореады (их не следует смешивать с его сыновьями Калаидом и Зетом — участниками похода аргонавтов) были владыками (царями) главного города Гипербореи и хранителями сферического (!) храма — святилища Аполлона, куда Солнце-бог прилетал каждые 19 лет.

Рис. 49. Борей
(прорисовка изображения
на древнегреческой вазе)

В русском фольклоре есть сказочный Буря-богатырь — чем не Борей? В афанасьевском сборнике сказок Буря-богатырь — не просто могучий исполин — он еще и Коровий сын: корова слизала остатки (помои) от златокрылой шуки, которую приготовили на обед бездетной царице. Буря-богатырь сражается на знаменитом Калиновом мосту поочередно — с шестиглавым, девятиглавым и двенадцатиглавым змеями — сыновьями Бабы-яги (они же чуда-юда — мосальские губы). Здесь же и волшебная яблоня, и Сивка-бурка, и утка, что кличет беду, и свинья-оборотень (да и сам Буря-богатырь оборачивается тотемным соколом), и Морской царь с золотой головой, которую отрывают и используют для распутывания злых козней (вспомним титана Форкия — Морского старца, обитавшего близ Гипербореи). Все это гиперборейская закодированная символика — она еще ждет своей расшифровки.

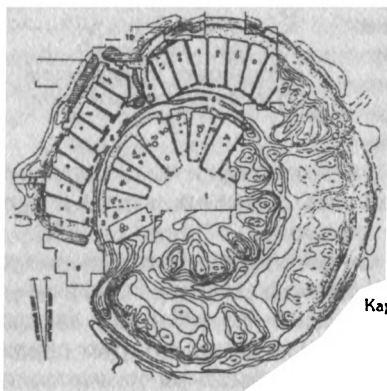
В индоевропейское лексическое гнездо с корневой основой «бу(р)» входят слова со смыслом «буйный», означающий: 1) «яростный», «бурный»; ср.: буйная удаля, буйные ветры, Буй-Тур Всеволод в «Слове о полку Игореве», буйвол = дикий (буйный) бык (вол); 2) «плодоносный», «обильный» (ср.: буйная — растительность, лес, травы, хлеба, пшеница, рожь, овес). В этом ряду и знаменитый символический образ русского фольклора — *остров Буян*,

Поселение Аркаим. Реконструкция.
Рисунок Л.Л. Гуревича

Аркаим с высоты птичьего полета.
На снимке видны квадраты
раскопа 1987 г.

Карта и схема раскопа поселения Аркаим

Рис. 50. Аркаим (Челябинская обл.)

присутствующий как в сказках (присказках), так и в магических заговорах, что свидетельствует о глубочайшей древности самого образа. Но чтобы произвести его полную смысловую реконструкцию, необходимо подняться на высоту птичьего полета.

В современном обыденном понимании буян — это человек, склонный к буйству, попросту — скандалист. Не так в прошлом, когда слово «буян» означало совсем другое. В «Слове (Молении) Даниила Заточника» (XII в.) буян — это гора (холм), а за буйном кони пасутся: «Дивиа за буйном кони паствити». Исторический анализ дает целый букет значений слова «буй» и производного от него «буян»: 1. Высокое место: гора, холм, бугор; глубокое место в море, реке, озере — стремнина, пучина, быстрое течение; множество рыбы, косяк, стая; 2. Открытое место: 2.1. для построения кумирни, то есть языческого (позже — православного) храма; 2.2. Для княжеского суда или менового

торга (позже его вытеснил «базар» — тюркское слово, заимствованное во время монголо-татарского нашествия); 3. Кладбище, погост⁴¹. Те же значения (среди прочих) находим и в народных говорах. Так, в Ярославской, Тульской и Тобольской губерниях под «буйном» еще совсем недавно подразумевали «открытое возвышенное пустое место, не защищенное от ветра».

Древнейшая корневая основа «бур» подтверждает свое первоначальное значение и в ныне употребляемой лексике. Каждому, например, известно, что название города Петербурга образовано от имени апостола Петра (а не царя, как полагают некоторые) и германоязычного слова *burg* — «город». Но не каждый знает, что современное «бург» восходит к индоевропейскому праязыку, где «бур» нередко превращалось в «пур», также означавшее «крепость» (один из эпитетов грозного бога Индры в Ригведе — «разрушитель пуров»). Между прочим, древнеегипетская идеограмма, обозначавшая «дом», тоже читалась как *rg* (гласные звуки в египетской письменности не употреблялись). Археологи считают, что типичным образцом архаичных «буров-пуров» могут служить недавно открытые в Челябинской области кольцеобразные крепостные постройки Аркаима.

Около десяти лет тому назад научная общественность была потрясена открытиями на южноуральской реке Синташте, где были обнаружены остатки мощных древних поселений с развитой добычей руды и выплавкой металла. Как и водится, все произошло совершенно случайно. Десятилетиями никто не обращал никакого внимания на близлежащие холмы. Но когда задумали возвести плотину, что влекло за собой затопление обширных площадей, — пригласили археологов и... Мир вздрогнул от нечаянной сенсации! Настоящая уральская Троя! Кольцевидные (можно даже сказать — раковинообразные) крепостные валы (рис. 50), образующие сооружение, похожее на недостроенную Вавилонскую башню, шахты, плавильные печи, фундаменты рухнувших жилых и хозяйственных построек, подделки и утварь — все это позволило связать находки с продвижением на Юг во 2-м тысячелетии до н.э. еще не полностью расчлененных индоевропейских племен.

По имени расположенной поблизости горы новонайденное археологическое чудо получило звучное название — Аркаим. С тех пор здесь полным ходом идут комплексные исследования. Есть ли вероятность, что в спиралевидной форме Аркаима заложен какой-либо космический смысл? Есть! И потому,

что многие аналогичные постройки древности имели астрономическое предназначение (шумерские и вавилонские зиккураты, храмовые комплексы аштеков и майя). И потому, что алгоритм спирали лежит в самом фундаменте Мироздания (торсионные поля, генетический код, спиральные галактики и т.п.).

По всей видимости, к праязычному «пур» восходит название *пурпурного* цвета, образованного от финикийского названия пурпуриноносной морской улитки, из которой добывалась самая популярная в Древнем мире краска. Так что русская тяга к красному (синониму «прекрасного») имеет глубочайшие исторические корни, откуда, собственно, и пошли червонные шиты, плащи и красные стяги, реявшие и на Куликовом поле, и над поверженным рейхстагом. Применительно же к нашей теме первоначальное значение слова «бур» («город», «крепость») вполне соответствует искомому смыслу названия острова Буян.

Выявление архаичных значений помогает разгадать глубокий смысл мифологемы остров Буян. Это — не просто гора на острове, а, скорее всего, гористая земля посреди пучины (стремнины) Моря-Окияна, где близ города-крепости раскинулось разгульное торжище и откуда торговые гости — соловьи будимировичи — развозят по всему свету товары — рукотворные и нерукотворные (последние известия и новости). И здесь снова и неизбежно напрашивается аналогия с Гипербореей — Северной территорией в акватории Ледовитого океана.

В сказочном обликии остров Буян — прежде всего средоточие тех самых волшебных сил, общение с которыми способно повернуть течение жизни в какую угодно сторону, изменить судьбу и победить враждебные происки. Отсюда остров Буян — непрременный символ магических актов: он присутствует в качестве обязательной формулы в заговорах и заклятиях — без обращения к Буяну колдовские акты не имеют никакой силы. И тут сквозь поэтическую сказочную пелену до нас доносится дыхание древней прародины, исчезнувших языческих обрядов, жреческой и шаманской магии, позволяющей напрямую общаться с высшими космическими силами — вплоть до временного слияния с космическим началом.

Самый выдающийся собиратель, систематизатор и исследователь русского фольклора *Александр Николаевич Афанасьев* (1826—1871), которому Отечество обязано поклониться до самой земли, разъяснял: на острове Буяне сосредоточены все могучие грозные силы, все мифические олицетворения громов,

ветров и бури; тут обретаются: и змея всем змеям старшая, и веший ворон, всем воронам старший брат, который клюет огненного змея, и птица-буря, всем птицам старшая и большая, с железным носом и медными когтями (напоминающая собой чудесную Стратим-птицу, всем птицам мать, что живет в Океане-море и творит своими крыльями буйные ветры), пчелиная матка, всем маткам старшая. От них, по мнению народа, как от небесных матерей, произошли и все земные гады, птицы и насекомые. По свидетельству заговоров, на этом же острове восседают и дева Заря, и само Солнце⁴². Остров Буян — средоточие всех творческих сил природы, их вечно полный и неисчерпаемый источник. Он — часть той первородной Земли, которую породил Океан — мать и отец всех морей.

Не надо думать, что народная память об острове Буяне была локализована в пространстве и времени. Еще в начале нынешнего века провинциальный священник Алексей Соболев записал во Владимирской губернии множество заговоров с такими закодированными подробностями о легендарном острове, которые неизвестны по другим, в том числе и классическим, источникам. Вот лишь два фрагмента из опубликованных записей:

«На море, на Кияне, на острове на Буяне стоит дуб честной, на том дубу 70 гильев, на тех гильях 70 гнездов, на тех гнездах 70 орлов; Киян-море разливалось, орлы крылами отбивались, когтями отребались, носами отплеывались от врага-супостата...» (В другом заговоре поминаются одни из самых древних тотемных образов — утка да селезень.)

«На море, на Кияне, на острове на Буяне упыри оживали волос-волосатик на хрестьян пушали. Вышел волос в колос, начал суставы ломати, жилы прожигати, кости просверляти, раба Божьего такого-то иссушати. А я тебя, волос-волосатик, зачинаю, словом крепким-накрепким наставляю: иди ты, волос-волосатик, к острову Буяну, к Латырю камню, где хрешенные человеки не ходят, живые не бродят; сядь на свое место — к упырям лихим в кресло. Покорись моему приказу, крепкому-накрепкому заговору-наказу...»⁴³

* * *

Где же расположен этот «чудный остров» русских заговоров сказок и былин? Есть ли в русском фольклоре намеки на его месторасположение? Отчасти ответ на поставленный воп-

рос уже дан. Догадаться не так уж и трудно. Откроем самый знаменитый первопечатный сборник русских былин и песен, собранных Киришей Даниловым. Первой здесь помещена былина о Соловье Будимировиче, плывущем в Киев на Соколке-корабле из заморских неведомых стран, — шедевр устного народного творчества.

*Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова
Молода Соловья сына Будимировича.*

Искомые ключевые слова здесь: название заморского (заокеанского) города — Леденец и имя главного героя — Соловей. Былина из сборника Кириши Данилова вдохновила в свое время Пушкина — он заимствовал название города Леденца для «Сказки о царе Салтане». Ритмика «Сказки» продиктовала Пушкину ударение на последнем слоге, и в этом варианте почти сто процентов читателей воспринимали название города как образованное от названия конфетки-сосалки.

Ритмика былины о Соловье Будимировиче иная: она требует ударения на первом слоге. При этом сам собой обнаруживается и действительный смысл названия города, образованного от слова «лёд». Леденец — значит Ледяной. Город с таким названием (тем более имеющим обобщенно-символический смысл) не может находиться на юге, хотя по традиции или инерции постоянно делаются попытки переместить Леденец далеко на юг и даже отождествить его с Венецией, исходя из имеющегося в одном из вариантов былины иного звучания и написания — Веденец (в последнем случае логика диктует иную интерпретацию названия: образование его от слов «ведать» («знать»), «Веды»; в этом случае Веденец — «город знания, ведовства»). Южная версия сюжета былины о Соловье Будимировиче рассыпается в прах, если обратиться к поморскому

варианту старины, приводимому Борисом Шергиным, где прямо поется: «Из-за моря, моря Студеного» (то есть имеется в виду Северный Ледовитый океан).

Это же подтверждает и общеславянская фольклорная традиция. В древних сказаниях сербов и болгар фигурирует Ледяной град, соответствующий русскому Ледяному городу — Леденцу. Первоначально же эти города отождествлялись с Ледяным островом или Ледяной землей⁴⁴. В какой-то мере смутные воспоминания о Прародине, скованной льдом, присутствуют и в магических повторах архаичного заклинания: «...Стоит в подсеверной стороне ледяной остров; на ледяном острове ледяная камора; в ледяной каморе ледяные стены, ледяной пол, ледяной потолок, ледяные двери, ледяные окна, ледяные стекла, ледяная печка, ледяной стол, ледяная лавка, ледяная кровать, ледяная постеля, и сам сидит царь ледяной»⁴⁵.

Считается, что былины так называемого Киевского цикла о знаменитых русских богатырях были созданы близ Киева же, а затем распространены на Север, где и сохранились чуть ли не до наших дней. А на родине своего рождения былины эти были якобы утрачены. Это маловероятно. Если самые древние, наполовину языческие песни и сказки на территории бывшей Киевской и Галицкой Руси живы до сих пор, то почему исчезли былины?⁴⁶ А может, так: былины (старины), за малым исключением, возникли как песенные рассказы северян о том, что происходит на юге России? Свидетели тех событий приходили на Русский Север и напевно рассказывали о виденном и слышанном.

С другой стороны, северные былины, а точнее — старины, содержат множество намеков на незапамятные времена. Многие из этих намеков перекочевали из древнейших устных преданий, передававшихся из уст в уста и постепенно переиначившихся на новый лад. Так, несомненно древнейшего происхождения в былине о Соловье Будимировиче повторяющийся во многих других текстах известный закодированный рефрен космического содержания:

*Чудо в тереме показалось:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.*

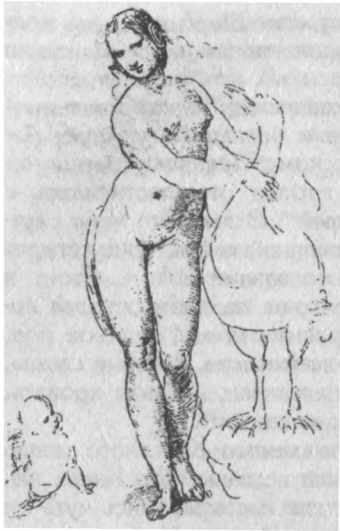

Рис. 51. Леда и Лебедь
(худ. Рафаэль)

Говоря современным языком, описанное больше напоминает обсерваторию или планетарий, чем русский терем. Известен и прозаический вариант описания «чуда в тереме». Самая ранняя, «доафанасьевская» публикация популярной русской сказки «Семь Симеонов» в сборнике, изданном в 1841 г. И.П. Сахаровым, содержит драгоценные подробности, отсутствующие в других записях. В воображении читателя воспроизводится все тот же необыкновенный терем в тридевятиом царстве, куда попадают братья, переплыв Окиян-море глубокое: «Как и тот ли терем изукрашенный был красоты несказанная: внутри его, терема изукрашенного, ходит красно солнышко, словно на небе. Красно солнышко

зайдет, молодой месяц по терему похаживает, золоты рога на все стороны покладывает. Часты звезды изнасеены по стенам, словно маков цвет. А построен тот терем изукрашенный на семи верстах в половиною; а высота того терема несказанная. Кругом того терема реки текут, молоком изнаполненные, сытой медовой подслащенные. По всеим по теим по рекам мостички хрустальные, словно жар горят. Кругом терема стоят зелены сады, а в зеленых садах поют птицы райские песни царские. [Ни дать ни взять, еще одна картина Золотого века на Крайнем Севере, но только теперь в передаче русского сказителя! — В.Д.] Во том ли тереме все окошечки белостекольчатые, все дверцы чиста серебра. Как и на тереме-то крышечка чиста серебра со маковкой золотной, а во той ли маковке золотной лежит дорог рыбий зуб. От красна крылечка белостекольчатая лежат ковры самотканые, а по тем коврам самотканым ходит молода княжна, Елена Прекрасная».

О Елене Прекрасной вообще разговор особый. Она — героиня не одних только древнегреческих легенд, но и русских сказок, куда, надо полагать, попала не потому, что русские сказители слышали о Гомере, а потому что и у «Илиады», и

у русского фольклора в данном плане был один общий источник, восходящий к гиперборейским временам. Дочь Леды и Зевса, явившегося к ней в образе Лебеда (рис. 51) — носителя древнего доиндоевропейского тотема, виновница Троянской войны, выплывшая из яйца, снесенного матерью. Уже одно это свидетельствует о доэллинском происхождении образа Леды и ее детей: как уже говорилось, по древнейшим космогоническим представлениям считалось, что все живое появилось из яйца (отсюда в конечном счете и популярная латинская поговорка *ab ovo* — «от яйца», то есть «с самого начала»). В имени Леды, тайной возлюбленной Зевса-Лебеда, закодировано северное происхождение и самой легенды и ее образов. В основе имени Леды лежит корень «лёд».

Рис. 52. Снегурочка
(худ. Н. Антипова)

Леда дословно означает «Ледяная» — далекий прообраз Снегурочки. Имя самой Елены, как и этноним «эллины», восходит к названию тотемного животного евразийских народов «олень»: первоначально оно звучало как «елень» и произошло от другого всем хорошо знакомого слова — «ель», «ёлка» (в древнерусских текстах и вплоть до XIX века греки-эллины именовались «елины»).

В прошлом, когда племенная принадлежность, родственные связи и брачные союзы обозначались по тотемам, лебединая ипостась Зевса, в соответствии с реконструкцией первоначального смысла, не могла означать ничего другого, кроме принадлежности к тотему лебеда. Сказание о Леде появилось во времена, когда греки и славяне представляли этническую целостность, а их языки были нерасчлененными. Предание о Ледяной царевне могло родиться лишь в тех климатических зонах и, соответственно, географических территориях, где льды играют не последнюю роль. Понятно, что это не могла быть территория Древней (или современной) Греции. Следовательно, образ Леды возник в северных широтах, задолго до переселения прапредков эллинов на Балканы.

По происхождению образ древнегреческой Леды более всего близок любимой героине русского фольклора Снегурочке и Белоснежке германоязычных народов, хотя за тысячелетия функции и роли их значительно изменились. Любопытно, что в одном из вариантов сказки о Снегурочке (рис. 52), записанном *Иваном Александровичем Худяковым* (1842—1876) в Нижегородской губернии (некоторые мотивы из этой записи использовал и А.Н. Островский при создании своей знаменитой литературно-драматической версии), Снегурочка попадает в заточение к Бабе-яге и ее спасает бык, несмотря на преследования ведьмы⁴⁷. Здесь прослеживается еще один известный сюжет: похищение Европы Быком-Зевсом и сокрытие финикийской царевны от ревнивой супруги Геры. Древнейший индоевропейский сказочный мотив (который можно проследить и за пределами индоевропейской традиции) в дальнейшем настолько изменился, что древнегреческие мифологические персонажи Европа — Зевс — Гера превратились в русском фольклоре в Снегурочку — Быка — Бабу-ягу.

Интересно, однако, внимательней присмотреться к параллели Снегурочка — Европа. Образ Европы гораздо глубже расхожей истории о похищении наивной царевны похотливым Зевсом в образе златошерстного быка со светящейся звездой во лбу. По мнению главного российского авторитета в области античной мифологии А.Ф. Лосева, Европа — древнее хтоническое божество, «образ ее объединяет весь Космос (включая небо, землю и подземный мир)». Так, в Сидоне (Малая Азия) Европа отождествлялась с Селеной (Луна) и Астартой (планета Венера). После брака с Зевсом на Крите супругом Европы-Луны стал царь Астерий (Звездный). Но еще Павсаний раскрывал подлинный смысл образа Европы. Как космическое божество она выступает под именем Деметры — одной из самых почитаемых Олимпийских богинь. Великая Мать-Земля, «всех богов и людей Матерь» — вот кто такая в конечном счете Европа. И при том — Сумеречная, Темная, Ледяная, то есть северного происхождения. Ледниковая Исида — удачно назвал ее Д.С. Мережковский⁴⁸. И вновь последовательность в рассуждении привела нас к северной («ледяной») теме и образам.

Что касается дочери Леды и Лебеда, то здесь уместно привести некоторые подробности. Елене Прекрасной покровительствовал Гермес, он унес ее в Египет и спрятал там до окончания Троянской войны у Протея — вешего бога-оборотня (от его имени произошло слово «фараон»). А в Троию вместо новой жены

Парис якобы привез призрак из эфира — такова была изощренная месть Геры. Злокозненная супруга Зевса не могла простить троянскому царевичу Парису его выбор Афродиты как наикрасивейшей богини. Данная версия подробно изложена в трагедии Еврипида «Елена». Но и Геродот авторитетно утверждает: когда ахейцы штурмом взяли Трою, Елены там не оказалось. Эту загадочную проблему «отец истории» самолично обсуждал с египетскими жрецами, подтвердившими на основании собственных сведений, что жена Менелая на протяжении всей Троянской войны скрывалась в Египте. По-разному освещают различные источники и последующую судьбу Елены Прекрасной. У античных авторов можно узнать, что после смерти Елена соединилась с Ахиллом, и произошло это где-то в Скифских пределах, куда переселились душа сына Пелея и Фетиды, бывшего по происхождению скифом. Место посмертной жизни главных героев «Илиады» — остров Левка, что означает «Белый»⁴⁹. Это, по разъяснению комментаторов, — один из островов Блаженных, где, как известно, обитали титаны и царил Золотой век.

В конце XIX века получила достаточное распространение гипотеза о северном происхождении сказаний Троянского цикла. Ее популяризаторы — немецкий ученый Э. Краус и польский писатель А. Немецкий — считали, что в основу Гомеровых поэм положено некоторое первичное мифологическое ядро, относящееся к доэллинской истории. Кстати, имя самого Гомера также допустимо истолковать как прозвище, подразумевающее этническую принадлежность. Этноним «гомер» упоминается в Библии и, по единодушному признанию историков, обозначает киммерийцев — соперников скифов на просторах европейских степей и лесостепей. Мог ли быть Гомер киммерийцем или их потомком? Вполне — подобно тому, как Пушкин, например, был потомком абиссинцев (эфиопов), оставаясь при этом величайшим русским поэтом. В Гомеровой «Одиссее» (XI, 12—19) содержится чрезвычайно важный рассказ о стране киммерийцев, расположенной *на берегу океана*. Одиссей приплыл туда и посетил один из киммерийских городов в разгар полярной ночи, описанной Гомером вполне профессионально: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к зем-

ле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (подстрочный перевод В.В. Латышева).

Даже из небольшого приведенного отрывка следуют по меньшей мере два бесспорных вывода: во-первых, Гомер прекрасно представлял, что такое полярная ночь; во-вторых, маршрут плавания Одиссея был далеко не таким простым, как обычно рисуется в распространенных комментариях. Не касаясь всех перипетий десятилетних странствий Одиссея, напомним только, что, помимо киммерийцев, он посетил также расположенные на Севере владения бога ветров Эола и семь лет провел на острове Огигия на краю Океана (или в его центре), принадлежащем нимфе Калипсо, дочери титана Атланта (по другим версиям, Океана или же Солнцебога Гелиоса), прижив с ней четверых детей. Каким образом очутился Одиссей после сожжения Трои на самом краю Ойкумены, с точки зрения здравого смысла объяснить нелегко. Скорее всего, в текст Гомеровою «Одиссеи» были вмонтированы более ранние сказания и вписаны в общую сюжетную линию.

История самой Трои, разрушенной ахейцами, также оставляет многие вопросы без ответа. Этимологически название знаменитого города-крепости происходит от общего для многих индоевропейских языков наименования цифры «три» и по смыслу могло означать что угодно: «третья», «тройная», «тройственная» и т.п. Название Трои могло происходить от прозвища трехглавого или трехликого божества, у разных индоевропейских народов именуемого по-разному: у индийцев — Тримурти, у славян и балтов — Триглав-Троян, которого помнит еще

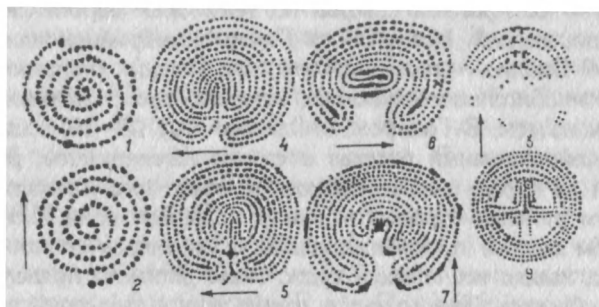

Рис. 53. Соловецкие лабиринты.

1, 7, 9 — Большой Заяцкий остров; 2, 4, 6, 8 — Большой Соловецкий остров; 5 — Анзер

«Слово о полку Игореве». Наконец, есть еще одна версия. Дело в том, что Трояны — собирательное имя трех братьев в славянском фольклоре. Так, Троянами были упоминаемые в «Повести временных лет» три брата — основатели Киева: Кий, Шек и Хорив. По общему имени братьев — Трояны — в украинских легендах зафиксировано и древнее название Киева: он прозывался точно так же, как и малоазийский Илион — Троя. От имени Киева-Трои и братьев Троянов образовались и другие общезначимые понятия русской духовной жизни: Троянова земля — Русская земля, Трояновы века — русская старина, Троянова тропа — исторический путь русской жизни, то есть древняя русская история. Названия Троя и близкие к нему по звучанию чрезвычайно распространены в русской и украинской топонимике. Собственно Троя есть на Полтавщине, но уже Трояновка встречается и под Полтавой, и на Волыни, и в Калужской области, а Трояново — в Орловской и Херсонской областях, Троян — в Крыму и Бессарабии и т.д.

• • •

Но вернемся, однако, к Соловью Будимировичу. Само имя Соловей, как и название одноименной птицы, также тотемно-космического происхождения: в нем закодировано наименование дневного светила — Солнца, и у всех слов общий корень — «сол». Русский былинный эпос знает двух Соловьев: один — загадочный Соловей Будимирович из таинственной заморской страны — герой положительный; другой — не менее таинственный Соловей-разбойник — герой с отрицательным знаком. Нас здесь, однако, интересует не оценочный аспект (который, кстати, может меняться под воздействием изменяющихся исторических условий), а генетически-смысловой. Совершенно очевидно, что Соловей-разбойник с его нечеловеческим свистом, преклоняющим «темны лесушки к земле», — носитель бурового, буйного начала, что логически соотносит его с островом Буяном, источником всех буйных сил.

Имя Соловей наводит также на гипотетическое предположение о возможном местонахождении города Леденца и острова Буян. Есть в Белом море известный архипелаг, знаменитый своими культурно-историческими и духовно-символическими традициями. Это — Соловецкие острова. Название Соловки — исконно русское, оно содержит в себе все ту же основу «сол», уходящую своими корнями в гиперборейскую старину, когда границы между индоевропейскими и неиндоевро-

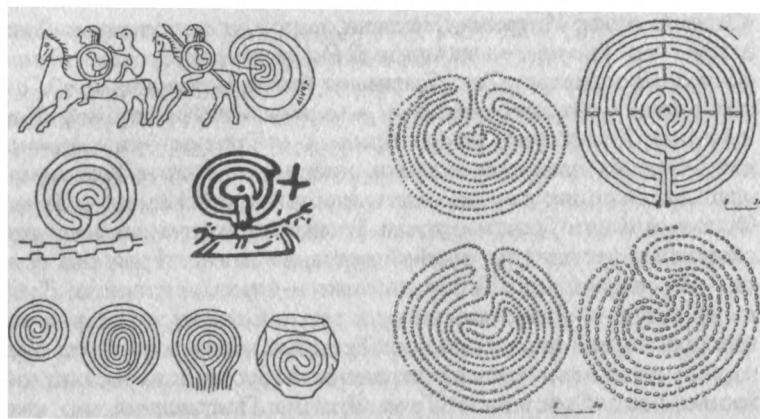

Рис. 54-а. Лабиринты Беломорья

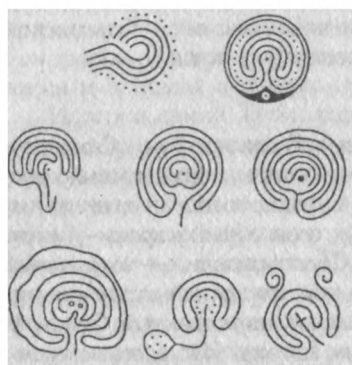

Рис. 54. Разнотипные лабиринты Евразии

пейскими языками были более чем размыты. Если топоним «Соловецкие острова» подвергнуть анализу с точки зрения археологии смысла, то этимология наименования самих островов особых сомнений не вызывает: оно образовано от слов «соловей», «солнце». Первоначально, быть может, так и звучало — Соловейские острова и означало: «Солнцем овевянные» или «Солнцевеющие», если судить по аналогии со смыслообразованием таких слов,

как «суховей» или «выюговей». В древности солнечный смысл распространялся на обширные северные территории. В одной из рукописных Космографий XVII века приводится второе название Мурманского студеного моря (Северного Ледовитого океана) — *Соловецкая пучина*. Не приходится сомневаться, что и земли посреди и по берегам этой пучины также именовались Соловецкими (Соловейскими). Вот и найдено исконное (автохтонно-негреческое) имя Гипербореи, называвшейся так в честь дневного светила — Солнца — и сохраненной в коллективной памяти русского народа в виде фольклорного образа Подсолнечного царства — синонима полуношных стран, где

полгода — ночь, а полгода — день (царство же Подсолнечное потому, что оно к Солнцу ближе всех).

Комплексная экспедиция Русского географического общества в течение нескольких лет на рубеже XX и XXI столетий проводила исследования на Соловецких островах под «гиперборейским углом зрения» и пришла к выводу об **искусственном происхождении** многих из расположенных тут природных объектов. Предоставим слово самим руководителям экспедиции — С.В. Голубеву и В.В. Токареву:

«Первое, на что мы обратили внимание, оказавшись на Соловках, были совсем не загадочные лабиринты и бесчисленные каменные могильники, тут и там сосредоточенные по вершинам и склонам острова. Нас поразили совершенно ровные, как будто проложенные бульдозером террасы гор Сигнальная и Сопка, находящиеся на Большом Заяцком острове. Многие из этих террас покрыты галереями каменных могильников, другие поросли травой и стлаником, некоторые зачем-то покрыты камнями примерно одного размера. Эти террасы, на наш взгляд, искусственного происхождения, и созданы они были исключительно для культовых целей, которым служил весь этот островной храмовый комплекс. <...>

Говоря о рукотворном происхождении Соловецких гор Секирной и Голгофы, мы опираемся на обобщенные результаты визуальных геолого-геоморфологических исследований. В первую очередь, в рельефе этих гор выявлены пропорциональные, геометрически правильные формы, четкая ориентация склонов по сторонам света. По характеру слагающего материала они соответствуют составу близлежащих отложений.

Так, Секирная представляет собой в плане подошвы горы вытянутый каплевидный эллипсоид, ориентированный высокой и крутой частью на север, а низкой и узкой — на юг. Крутизна её склонов достигает 35—40 градусов, длина основания около 1200 метров, а высота от подошвы 60 метров. Это явно подработанное в рельефе, насыпанное или досыпанное из подручного окрестного материала четвертичных (ледниковых) отложений сооружение имеет, вероятно, очень древний возраст. Об этом свидетельствует перекрытие их склонов слоем пылеватых песков морской трансгрессии, на основании чего можно отнести их происхождение к допотопному времени, датируемому не менее 11,5 тыс. лет до н.э.

Подобные рукотворные песчано-каменные насыпи, расположенные в разных местах Соловецкого архипелага, открыты и описаны Соловецким обществом краеведов в 20—30-х годах XX века. Одна такая насыпь в районе озер Варваринское и Лопушечное, описанная в 1934 году П.К. Казариновым, видным сибирским ученым и краеведом, работавшим в лагерьной библиотеке СЛОНа, имеет вид крутого усеченного овального конуса высотой около 20 метров и окружностью основания 54 метра, крутой стороной, обращенной на восток и горизонтальной верхней площадкой 6х6 метров. Нам, в процессе поисковых работ, удалось выявить еще несколько искусственных эллипсовидных и террасовидных насыпей высотой от 3 метров и более в разных частях архипелага.

Известна преемственность, с которой святилища новой религии занимали места предыдущей. При этом древние капища либо уничтожались, либо их фрагменты или они целиком включались в комплекс новых святынь и использовались новой религией. Свято место пусто не бывает. Строительство монастырских скитов на вершинах Секирной и Голгофы, где отправлялись культовые обряды древности, тому подтверждение. Были ли сооружены эти гигантские холмы людьми, что это были за люди и, наконец, что там внутри? Эти загадки вряд ли удастся решить в ближайшее время. Все эти объекты требуют трудоемких и кропотливых исследований, на которые уйдут годы, прежде чем они дадут результат, подобный раскопкам в долине Бруна-Бойн. Не окажутся ли строители Ирландских и Соловецких сооружений представителями одной и той же древней цивилизации, исчезнувшей с лица земли, вследствие быстрого затопления суши и резкого похолодания, наступившего в результате грандиозной космической катастрофы, отголоски которой (как Всемирный потоп) описаны в легендах и преданиях многих народов мира.

Или, может, это часть сооружений описанной античными историками цивилизации Гипербореи, существовавшей на севере в условиях уникального теплового природного оазиса, подобного описанному выдающимся ученым-геологом В.А. Обручевым в «Земле Санникова». Накапливая крупицы историко-географических фактов, мы все более уверенно склоняемся к тому, что таинственная страна Блаженных располагалась именно на Русском Севере, а Соловецкие каменные лабиринты и гигантские земляные сооружения (не меньшие, чем считающиеся самыми большими и древними Ирландские) и есть часть ее проявления.

*И последнее. Несомненно, совпадения в знаниях астрономии, пирамидостроительстве, искусстве бальзамирования и пр. в Старом и Новом Свете отнюдь не случайно. Все это возможные отголоски сакральных знаний жрецов древнего Северного морского народа, оказавшегося разбросанным после вселенской катастрофы по разным сторонам света**.

Известны разные попытки найти автохтонное название древней Гипербореи. Рене Генон, например, допускает два возможных варианта: либо *Сирия* — от имени арийского Солнцебога Суры [отсюда же русские птицедевы *сирины*. — В.Д.], либо просто — Борейская земля, исходя из архаичного содержания эллинского и доэллинского имени Бор, которое выводилось из названий тотемов: кельтского «вепря» и германского «медведя» [немецкое слово «медведь» звучит как «беер», откуда, кстати, и русское слово «берлога». — В.Д.]. Таким образом, по второму варианту, предложенному Геноном, автохтонное название Гипербореи должно было быть или Земля вепря, или Медвежья земля.

О культурной древности русских Соловков свидетельствуют имеющиеся там каменные лабиринты (диаметром до 5 м), наподобие тех, что разбросаны по всему Северу Европы с перекочкой в крито-микенскую (знаменитый лабиринт с Минотавром), древнегреческую и другие мировые культуры. Предлагалось немало объяснений, касающихся предназначения соловецких каменных спиралей: могильники, жертвенники, макеты рыболовных ловушек. Последнее по времени: лабиринты — модели антенн для связи с внеземными или параллельными цивилизациями (см.: *Никитин А.Л. Древние лабиринты — радари иных миров // Наука и религия. 1996. № 7*).

Есть все основания утверждать, что Соловецкий монастырь — краса и гордость современных Соловков — построен на месте древних дохристианских святилищ. Известный искусствовед и исследователь древнерусской культуры проф. *Вера Григорьевна Брюсова* поделилась с автором личными впечатлениями о своих многочисленных поездках на Север: у нее сложилось твердое убеждение, что многие православные культовые постройки возведены на месте древних языческих капищ. Данные

* *Голубев С.В., Токарев В.В. В поисках Гипербореи. Кн. 1. СПб., 2004. С. 45, 93—95.*

Рис. 55. Алтайский петроглиф

Рис. 56. Погребальная маска со спиралевидным орнаментом (Восточная Сибирь)

наблюдения подкрепляются и другими свидетельствами. В Швейцарии в одной из деревень есть католическая церковь, построенная в XII веке на месте, где с незапамятных времен находился каменный столб — менгир. Строители церкви не уничтожили древний священный камень, наоборот — включили его в комплекс христианского храма. Теперь этот сравнительно невысокий (около 1 м над землей) менгир из песчаника возвышается внутри церкви рядом с алтарем.

У Соловья-разбойника, помимо прозвища, было, как известно, и отчество — Рахманович. Оно приводит к еще одной любопытной аналогии. Рахманы — загадочные персонажи древнерусских сказаний. Они — обитатели Островов Блаженных на краю Океана — последнего прибежища титанов, хорошо известного из древнегреческой мифологии. Конечно, в специфических русских условиях сказания эти за многие тысячелетия существенно трансформировались. Древнерусская литература знает по меньшей мере два сюжета, связанных с рахманами. Первый — «Слово о рахманах и предивном их житии», где описывается жизнь долгожителей-рахманов, полная изобилия и радости. Их остров на краю Океана якобы посетил Александр

Рис. 57. Лабиринт в штате Невада (США)

Рис. 57-а. Спиралевидные рисунки южноамериканских индейцев

Македонский во время похода на Индию. В данной связи принято считать, что рахманы — это индийские жрецы брахманы. Но имеется и второй источник, гораздо более распространенный среди древнерусских книжников, где никакая Индия не упоминается. Те же Острова Блаженных и царящая там райская жизнь подробно описаны в апокрифе, известном под названием «Хождение Зосимы к Рахманам» (в обиходе — просто «Зосима»). Здесь рассказано, как к пустыннику Зосиме после 40-дневного поста явился ангел и указал путь к далекой земле Блаженных, отделенной от грешного мира глубокой, как бездна, рекой, недосыгаемой ни для птиц, ни для ветра, ни для Солнца, ни для дьявола. По волшебному дереву, склонившемуся перед отшельником, Зосима переправился через реку и очутился в стране Блаженных, в русском апокрифе она описывается в духе классического Золотого века с поправками на христианские представления о праведности⁵⁰.

Обитатели той блаженной страны — рахманы — живут в своей неприступной земле без греха, верные завету праотца Рехома, не испытывая ни в чем никакой нужды. Безмятежно течет их праведная жизнь: нет у них числа лет, «но все дни еси аки един день еси». В данном пассаже налицо несомненные полярные реминисценции: скрытые в иносказательную форму представления о долгом полярном дне, объединяющем много обычных дней. Далее Зосима повествует о том, как рахманы встречают день своей смерти. Описание это живо напоминает рассказы античных авторов о кончине гиперборейцев.

О таинственных северных морских святилищах естественного или искусственного происхождения сохранились свидетельства и в других древнерусских источниках. Так, в известном памятнике XIV века — «Послании Василия Новгородского ко владыке Тверскому Феодору о земном рае» рассказывается о том, как две лодки из Новгорода долго носило ветром по Студеному морю, пока не прибило к высокой горе. «И видеша на горе той... свет бысть в месте том самосиянен, яко не моши человеку исповедати; и пребыша долго на месте том, а солнца не видеша, но свет бысть многочастный, светлюся паче солнца, а на горах тех ликования много слышахут, и веселия гласы вешающа»⁵¹. Кормчий велел одному из спутников взобраться по мачте на скалу (высокий берег?), что тот проделал и, увидев нечто необыкновенное наверху, с радостным возгласом исчез за каменным гребнем. То же произошло и со вторым посыльным. Тогда привязали третьего веревкой за ногу и стащили вниз после того, как он обозрел сияние за береговым кряжем. К несчастью, третий моряк оказался мертвым, и новгородцы в страхе и панике спешно покинули загадочный остров.

Наконец, еще одно, сравнительно недавнее и неожиданное свидетельство о Гиперборее обнаружилось в переписке Николая Клюева. За год до расстрела он сообщает о невесте какими судьбами попавшей к нему берестяной книге, где упоминаются древнерусские сведения о Гиперборее: «...Я сейчас читаю удивительную книгу. Она писана на распаренном берёсте [от слова «берёсто». — В.Д.] китайскими чернилами. Называется книга Перстень Иафета. Это не что другое, как Русь 12-го века до монголов. Великая идея Святой Руси как отображение церкви небесной на земле. Ведь это то самое, что в чистейших своих снах провидел Гоголь, и в особенности он — единственный из мирских людей.

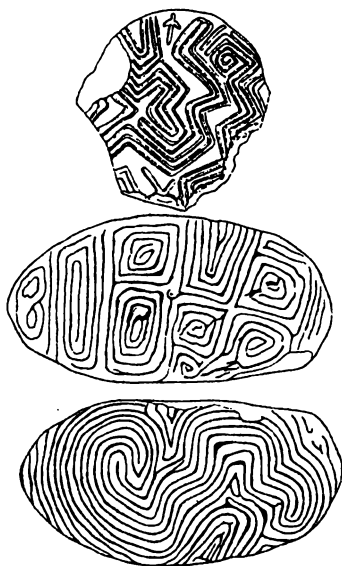

Рис. 58. Изображения австралийских лабиринтов

Любопытно, что 12-м веке сорок учили говорить и держали в клетках в теремах, как нынешних попугаев, что теперешние черемисы вывезены из Гипербореев, т.е. из Исландии царем Олафом Норвежским, зятем Владимира Мономаха. Им было жарко в Киевской земле, и они отпущены были в Колывань — теперешние Вятские края, а сначала содержались при киевском дворе, как экзотика. И еще много прекрасного и неожиданного содержится в этом Перстне. А сколько таких чудесных свитков погибло по скитам и потайным часовням в безбрежной сибирской тайге?!»⁵²

Рис. 59. Татуировка маори

Здесь каждая фраза — клад. Пусть даже утраченная рукопись XII века переписана в более поздние сроки, — но какие удивительные подробности: и о дрессировке сорок, и о привозе северных инородцев ко двору Владимира Мономаха (как позже испанцы привозили из Нового Света индейцев для показа своим королям). Но главное — сохранившаяся память о Гиперборее (не важно, как она на самом деле именовалась и как соотносилась с помянутой Исландией — историческая Арктида-Гиперборей охватывала и Исландию). Знаменательно и сопряжение Гиперборейи с Яфетом-Япетом, что тоже совсем не случайно.

К Гиперборее и Арктиде имеет также несомненное отношение знаменитый миф о Дедале и Икаре. Нельзя не обратить внимания на то, что в имени Дедал — общеиндоевропейская корневая основа «дел», непосредственно составляющая русское слово «дед», родственное и всем другим славянским языкам. Искусный строитель и мастер Дедал построил критскому царю Миносу легендарный лабиринт, где был в конечном счете и заточен (после многих перипетий, связанных с царицей Пасифаей — дочерью Солнца-Гелиоса). Дедал сделал крылья себе и своему сыну Икару и они оба бежали из темницы, «путь небывалый держа к студеным звездам Медведиц», так обозначает их маршрут Вергилий в «Энеиде»; в другом переводе: «Необычайным путем он к Ар-

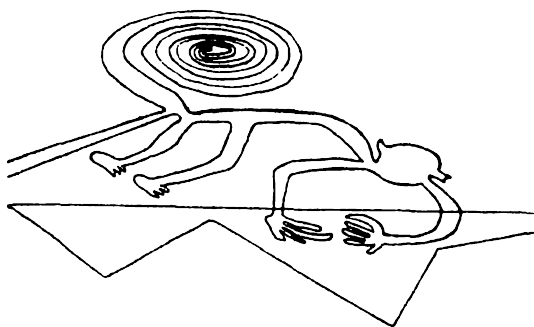

Рис. 60. Гигантский рисунок в пустыне Наска (Южная Америка)

ктам выплыл холодным» (VI, 16). Иными словами, Дедал с Икаром направлялись на Север, к Гиперборее — родине лабиринтов, откуда, вероятнее всего, и были прапредки эгейцев (а затем и эллинов): двигаясь с Севера на Юг, они повсюду оставляли знаки лабиринтов и спиралей, в том числе — в украшениях и орнаменте (так называемый спирально-меандровый стиль — символ целой культуры). Но полет отца и сына оказался неудачным.

Икар погиб, а Дедал приземлился на острове Эвбея, посвятив свои крылья Аполлону. Остается еще раз напомнить об умении гиперборейцев летать: через них Дедал мог овладеть техникой полета. И ведь именно на территории древней Гипербореи до сих пор сохранились каменные лабиринты — прообразы критского лабиринта.

Кстати, в легендах о Дедале присутствует и спираль как пароль узнавания и символ лабиринта. Скрываясь от Миноса, Дедал оказался на Сицилии, в те времена она именовалась Сиканией, а ее жители — сиканами. Между тем Минос в погоне за Дедалом повсюду возил с собой закручен-

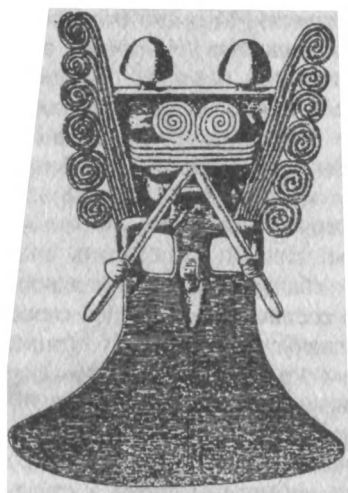

Рис. 61. Фигурка индейского божества

ную спираль в виде морской раковины, обещая большую награду тому, кто проденет в нее нить. Царь сиканов Кокал, спрятавшийся Дедала, сумел предложить решение, естественно, подсказанное ему хитроумным беглецом. В глухом конце раковины было просверлено отверстие и смазано медом. С другой стороны к приманке пустили муравья, обвязанного паутиной, который насквозь прошел через спираль раковины. Задача Миноса была решена. Но владыка Средиземноморья тотчас же догадался, что Дедал находится где-то рядом: только он знал искомый ответ. И все же Дедал не вернулся назад в темницу, так как царя Миноса сварили в кипятке во время купания. Этот мотив в сильно видоизмененной форме сохранился и в русском фольклоре, откуда его заимствовал П.П. Ершов, используя в сказке «Конек-горбунок», где царь также сваривается в кипятке.

СИМВОЛЫ ВСЕЛЕННОЙ

Теперь вновь обратимся к Соловецким спиралевидным лабиринтам. Можно ли понять и расшифровать их подлинный смысл и назначение? Начнем с того, что каменные спирали (рис. 53) — лишь часть общих мегалитических комплексов, находящихся на Соловецких островах. Аналогичные спиралевидные изображения встречаются и в других частях Северной Европы⁶⁸, включая Россию (рис. 54, 54-а). Лабиринты и спирали или их изображения зафиксированы на всех континентах: в Африке (где в Египте их описал еще Геродот, но встречаются они и в Сахаре, и в Заире, и далее — до самого Юга), в Азии (рис. 55, 56), в Америке (рис. 57, 57-а) и в Австралии (рис. 58), вплоть до Новой Зеландии, где спиралевидный орнамент обнаруживается в татуировках маори — коренного населения этой далекой южной страны (рис. 59) (впрочем, оно появилось там сравнительно недавно — в начале нынешнего тысячелетия, мигрировав из Океании). В ином облики предстает спиральный символ Древней Прародины в Южной Америке: помимо традиционного орнамента, он зафиксирован также в виде гигантского изображения обьяны со свернутым в спираль хвостом (рис. 60) — один из многочисленных и неразгаданных древнейших рисунков в пустыне Наска. Рядом с этими хорошо известными, но до сих пор не объясненными наукой рисунками имеется множество собствен-

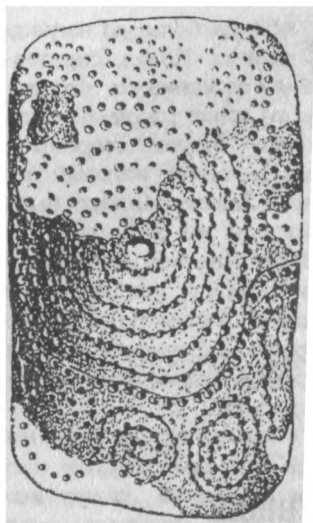

Рис. 62. Первобытная сакральная спираль на пластине из мамонтовой кости

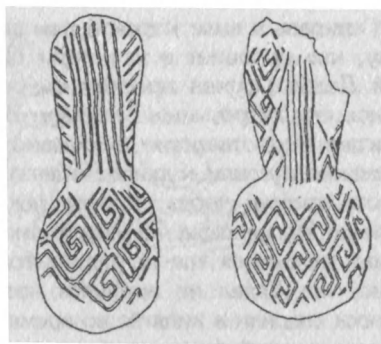

Рис. 63. Спиралевидно-меандровый орнамент на первобытных фигурках

но спиралей — огромных и находящихся несколько в стороне от песчаной картинной галереи.

В Андах обнаружен огромный обтесанный 20 000-тонный каменный блок (размером с 4-этажный дом), сплошь покрытый спиральями, — его

происхождение и назначение также никто не в состоянии объяснить. В Северной и Центральной Америке аналогичная ситуация: спиралевидный мотив фигурирует в самых разнообразных формах. Его своеобразным символом могут служить спиральные завитки в виде «бараньих рогов» на громадных головных изваяниях главного бога многих доколумбовых цивилизаций — Кецалькоатля (Пернатого Змея), известные по знаменитому храму-пирамиде в мертвом городе Теотиуакане (Мексика). Спиралевидные мотивы в искусстве индейцев Южной Америки зафиксированы также в культурах майя, Тайрона (Колумбия) и Чавин (Перу) (см., напр., рис. в кн.: Исчезнувшие народы. М., 1987. С. 126—127, 138).

Для полноты картины можно дать еще одну иллюстрацию — золотую статуэтку индейского Птицебога-спираленосца, играющего на флейте: в качестве жертвы она была брошена когда-то в священный колодезь Чичен-Ица (Мексика, п-ов Юкатан) и извлечена оттуда археологами (рис. 61). Как нетрудно убедиться, американский спиралевидный узор мало чем отличается от аналогичных орнаментов Старого Света.

Все это само по себе является лучшим свидетельством в пользу общего происхождения культур Древнего мира. Меандрово-спиралевидные изображения восходят ко временам палеолита: одна из древнейших спиралей, выбитых на бивне мамонта и имеющих космическое содержание, найдена на территории Западной Сибири (рис. 62). Аналогичные спиралевидные (меандровые) мотивы запечатлены на стилизованных статуэтках, обнаруженных при раскопках Мезинской стоянки на берегу реки Десны (рис. 63). Известны и более поздние каменные памятники с мотивом лабиринта, обнаруженные в Псковском и Тверском краях (рис. 64).

Рис. 64. Древнее изображение лабиринта на камне из Тверского края

В дальнейшем меандрово-спиралевидная тематика, в которой закодирован глубочайший и древнейший вселенско-космический смысл, трансформировалась в самых неожиданных формах. Имеются во множестве рельефные изображения Горгоны Медузы со спиралевидными завитками волос. Известны позднеантичные скульптуры Юпитера-спираленосца (рис. 65). Тот же мотив и даже поза повторяются в чудом уцелевшей бронзовой средневековой статуэтке литовского языческого бога Перкунаса (коррелят и синоним русского Перуна) — он точно так же держит в руке пучок спиралей. Спирали запечатлены на капителях античных колонн (ионический ордер) (рис. 66), в прическе древнего кельтского божества (рис. 67) и т.д. и т.п. В древнерусских украшениях спирали постоянно встречаются в виде височных колец и подвесок (рис. 68). Точно такая же спиральная конфигурация у некоторых древнегреческих фибул (застежек) и в орнаменте древнескандинавских диадем (полукорон). Некоторые из

Рис. 65. Юпитер-спираленосец (позднеантичная статуэтка)

Рис. 66. Капитель колонны ионического ордера

XVIII век с множеством выкованных больших и малых спиралей — числом до 20 (рис. 69). Спиральный орнамент был широко распространен в русских традиционных вышивках — на полотенцах, передниках, подолах рубах и т.д. (см. фото в кн.: *Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как этнографический источник. М., 1978. С.95, 103, 131*). Приверженность народных мастеров к мировой художественной традиции позволила уверенно говорить о «русских меандрах» (см.: *Виолле-ле-Дюк. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность. М., 1879. Здесь же приводятся образцы русских меандров*).

Рис. 67. Древнекельтское божество

золотых украшений, найденных Шлиманом в Трое (браслет, брошь, закладки), сплошь испещрены мельчайшими спиральями высокохудожественного исполнения.

В коллекциях Русского музея (Санкт-Петербург) и Музея народного искусства (Москва) экспонируются изумительные по технике исполнения кованые сечки XVII—

XVIII веков с множеством выкованных больших и малых спиралей — числом до 20 (рис. 69). Спиральный орнамент был широко распространен в русских традиционных вышивках — на полотенцах, передниках, подолах рубах и т.д. (см. фото в кн.: *Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как этнографический источник. М., 1978. С.95, 103, 131*). Приверженность народных мастеров к мировой художественной традиции позволила уверенно говорить о «русских меандрах» (см.: *Виолле-ле-Дюк. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность. М., 1879. Здесь же приводятся образцы русских меандров*).

Спиралевидная символика, почерпнутая прапредками русского народа в общекультурном источнике далекой Прародины, практически нетронутой дожила до нынешних времен (см., напр., фото в кн: *Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. Рис. 48, 51, 63, 64, 67 и др.*). Новгородский головной убор с многовитковыми спиральями (с лицевой стороны их 8) представлен на редкой фотографии в альбоме «Русский народный орнамент», изданном фотографом-эмигрантом *Юрием Новоселовым* в Риге в 1928 году. В целом же спиралевидные мотивы в древнерусской и сопряженных с ней культурах разносторонне пред-

Рис. 68. Древнерусские спиральные височные кольца

Рис. 69. Русская кованая сечка со спиральями

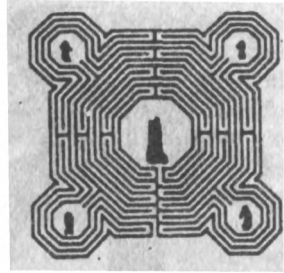

Рис. 70. Изображение лабиринта на полу готического храма

ставлены на рисунках, фотографиях и прорисовках в известных монографиях *Б.А. Рыбакова* «Язычество древних славян» (М., 1981. С. 90—91, 155, 159, 165, 167, 253, 345, 499, 509, 517) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987. С. 199, 715). В данных книгах большинство солярных и астральных прорисовок заимствовано из фундаментального и не имеющего других аналогов фотографического свода *А.А. Бобринского* «Народные русские деревянные изделия» (Вып. 1—12. М., 1910—1914). Здесь содержится множество и других иллюстраций с космической и праотеческой символикой, украшавшей русскую утварь и предметы домашнего обихода: прялки, ковши, спинки скамей, кроватей, тележные борта, дуги, киты, клиросы и др.

И это — лишь малая часть из поистине неисчерпаемого культурного наследия наших предков и прапредков. Спиралевидные знаки и символы, запечатленные только на предметах древнего славяно-русского быта, исчисляются многими десятками и сотнями (см., напр.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 72—73, 210—211, 229, 233, 249, 281, 283, цветные вклейки между С. 96 и 97, 112 и 113). Особенно привлекает насыщенностью двусторчатых спиралей (8 двойных и 2 одинарные) металлическая фибула из Мартыновского клада, найденного на реке Рось (см. фото в кн.: *Очерки истории СССР (III—IX вв.)*. М., 1958. С. 754). Правда, вопрос о принадлежности данной фибулы именно славяно-русским (антским) мастерам

Рис. 71. Бронзовая фигурка
идола-спираленосца верхом на
волке (Сев. Урал)

остаётся открытым, так как аналогичные застежки известны и в античной традиции: они находились, к примеру, при раскопках в Керчи (Пантикапее) (см. фото в кн.: Известия государственной академии материальной культуры. Вып. 100 // Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н.Я. Марра. Вклейка между с. 592 и 593).

Имеются достаточные основания считать отголоском древних меандрово-спиралевидных традиций переплетенный орнамент, чрезвычайно популярный в

древнерусской резьбе (по дереву и камню), в буквицах и миниатюрах рукописных книг (см.: История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. М., 1870). В свою очередь, орнамент подобного типа сопрягается с обычным бытовым плетением (например корзин) и плетением, имеющим магический или ритуальный смысл.

И так продолжалось на протяжении многих веков и тысячелетий. Спиралевидные коды передавались от поколения к поко-

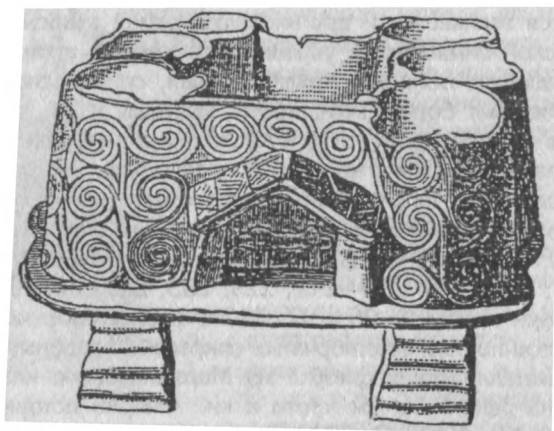

Рис. 72. Модель древнего храма со спиральями

лению, от народа к народу, от мировоззрения к мировоззрению, от религии к религии. Так, в Констанце (Румыния) существует старинный православный храм, где фреска Страшного суда обрамлена все тем же меандрово-спиралевидным орнаментом. Мозаичные лабиринты выкладывались также на полу некоторых готических соборов (рис. 70). Не может не удивить и бронзовая фигурка древнего божества со спиралью на груди, сидящего верхом на волке; она найдена на территории России, в Прикамье, и хранится в Историческом музее в Москве (рис. 71). Нет сомнения в тотемическом содержании данной композиции. Фантазировать насчет ее первоначального смысла затруднительно. Зато нет сомнения: перед нами первообраз известного сказочного сюжета об Иване-царевиче и Сером Волке.

Исключительный интерес представляет хранящаяся в Мюнхенском музее урна в виде модели древнего храма, фасад которого украшен спиральями (рис. 72). Макеты святилищ были чрезвычайно распространены в Древнем мире: по свидетельству Павсания, одна из моделей Дельфийского храма, сделанная из пчелиного воска и перьев, была в свое время послана Аполлоном в качестве дара на его историческую Прародину — Гиперборею (Павсаний, X 5, 5). Представляется, что в случае спиралевидной символики на фасаде вышеупомянутого индоевропейского (а возможно — и доиндоевропейского) храма ее смысловая нагрузка сродни той, которую несут кресты на церквях и полумесяцы на мечетях. Космическая кодировка спиралевидных символов и лабиринтов не вызывает сомнений. Впрочем, крест и полумесяц в дохристианскую и домусульманскую эпоху также выступали в качестве космических символов: Солнца и огня (крест), Луны (серп).

Наиболее близкое к истине объяснение смысла и назначения Соловецких лабиринтов (как, впрочем, и всех остальных, разбросанных по Северу Европы) дал известный в прошлом отечественный историк и популяризатор науки, в течение многих лет возглавлявший русский астрономический и природоведческий журнал «Мироведение», *Даниил Осипович Святский* (1879—1940). По его мнению, ходы лабиринта, заставлявшие путника долго и тщетно искать выход и наконец все-таки выведившие его наружу, являются не чем иным, как символизацией блуждания Солнца в течение Полярной полугодичной ночи и полугодичного дня по кругам или, вернее, по большой спирали, проектируемой на небесный свод. В культовых лабирин-

тах, вероятно, устраивались процессии, чтобы символически изобразить блуждание Солнца, подобно тому, как и в позднейших культурах совершаются торжественные процессии, вокруг храма или алтаря. Соловецкие и прочие лабиринты не только служили для хождения внутри них, но также выступали и в качестве схемы-напоминания для ведения магических хороводов. Подковообразные лабиринты, тип которых часто встречается на Соловках, вполне могли кодировать движение Солнца в высоких широтах по большей части круга, остающейся над или под горизонтом в период летнего или зимнего солнцестояния. Гипотеза о связи лабиринтов с астральным культом была выдвинута в Германии в 1891 г. Эрнестом Краусом, считавшим спиралевидные мегалиты остатками храмов в честь Солнечного божества, но с полярными представлениями о нем, перенесенными на юг в глубокой древности с далекого Севера⁵⁴.

В свете сказанного особый интерес представляют русские спиралевидные (навивающие) хороводы, исполняемые исключительно женщинами во время семикских гуляний. Танцевальный ритуал так и называется — «Навивать». Сначала девушки ходят по кругу, затем круг разрывается и один его конец останавливается, а другой продолжает ходить и постепенно завиваться вокруг неподвижно стоящей девушки. При этом поется песня (в этнографических записях прошлого века она не сохранилась). Когда пение заканчивается, хоровод полностью завивается в спираль. В завершение всего кто-то из стоящих с краю шутя толкает сгрудившихся девушек, и они со смехом падают на траву⁵⁵. Можно предположить, что последний акт символизирует окончание какого-либо цикла (возможно, природно-небесного или жизненного) и начало следующего. Тем самым в спиралевидных семикских хороводах сохранились сакральные рудименты древнейших ритуалов.

В научной литературе менандры и спирали считаются разновидностью одного и того же древнего символа, глубинный космический смысл которого неоднократно подчеркивался как отечественными, так и зарубежными авторами⁵⁶. Древнейшие верования, восходящие к гиперборейским и доиндоарийским временам и запечатленные в каменных спиральных-символах, впоследствии получили отголоски и в христианской традиции. Так, мозаичные лабиринты воспроизводились на полу средневековых католических храмов (наиболее известный из них — собор во французском городе Аррасе), и от верующих требовалось

преодолеть замысловатый путь на коленях. Точно так же и спор старообрядцев с никонианцами, как следует совершать обход в храме — по Солнцу (посолонь) или навстречу Солнцу, уходит своими корнями в языческую древность.

В целом вся мировая культура (в Европе — вплоть до раннего Средневековья, пока здесь окончательно не восторжествовал крест) пронизана спиралевидным символом Полярной Прародины — Знаком Вселенной (так как в нем отражено в обобщенно-схематической форме движение светил на Северном небосклоне). Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любой из альбомов, посвященных искусству древности. Так, в антологическом томе «Искусство Древнего Востока» (М., 1968), входящем в многотомное издание «Памятники мирового искусства», на цветной суперобложке и черно-белой фотографии (табл. 192) головы статуи Гудеа, правителя шумерийского Лагаша (XXII в. до н.э.), хранящейся в Лувре, видно, что его диадема плотно покрыта пятью рядами спиралей. В ассирийском и древнеиранском искусстве спиральные завитки перемешаются на бороды и прически: статуя царя Ашшурнацирапала из Британского музея в Лондоне (табл. 232), изваяния и рельефы царя Дария I и его гостей (табл. 281, 294, 295, 297), крылатые быки (шеду), стоявшие у входа во дворец Саргона II в Дур-Шаррукине (табл. 243) и персидских царей в Персеполе (табл. 305).

Многочисленные иллюстрации, связанные со спиралевидным орнаментом, нетрудно отыскать в других изданиях, посвященных истории древнего искусства. Для русского читателя вполне доступен, например, 1-й том «Всеобщей истории искусств» (М., 1956) (см. табл. 22, 253, 254, 255-а, 278, 315, 324-б, 360, 380-а, 381). Последние две иллюстрации относятся к древнекитайскому искусству, где спиралевидный орнамент был также чрезвычайно популярен и распространен. К сожалению, иллюстрации разбросаны по различным малодоступным для российского читателя изданиям (на китайском и других иностранных языках). Достаточно показательным примером может послужить сосуд времен иньской династии в виде слона, все тело которого испещрено спиральями (см. фото в кн.: *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 222). А характернейшим примером древнеиндийских спираленосных рельефов могут служить оконечности знаменитых буддийских врат в Санчи, на которых помещены 6—8-витковые спирали — по шесть на каждой арке (торане) (см., напр.: *Сидорова В.С.* Скульптура древней Индии. М., 1971. Табл. 52, 53, а также цветное фото на суперобложке).

Археологи и этнографы, выявившие спиралевидную орнаментiku вплоть до Австралийского и Южноамериканского материков, пытались увязать ее происхождение исключительно с эпохой бронзового века. Действительно, если открыть только один том наиболее полного свода памятников данной эпохи на территории нашей страны, то спиралевидный орнамент или поделки с его изображением обнаруживаются повсюду — от северных рубежей России до берегов Амура⁵⁷. Трудно, однако, согласиться с жесткими временными рамками появления и распространения спиралевидной символики. Кроме того, она имеет значительно более глубокий, чем это принято считать, вселенский смысл, обусловленный как древним космическим мировоззрением (первобытным космоизмом), так и неизвестными пока законами распространения и материализации космической информации. Так, неповторимые в каждом отдельном случае дактилоскопические рисунки на подушечках пальцев человеческой руки имеют спиралевидную форму. То, что по этим узорам можно определить судьбу человека, увидеть его прошлое и будущее, известно было еще астрологам, магам, хиромантам и гадалкам древности. Весь вопрос в том, как сделать репрезентативными интуитивные догадки и утверждения, как установить коррелятивную или функциональную зависимость между информацией, пронизывающей Вселенную, и ее генетически обусловленными следами на пальцах человека, как расшифровать содержащийся в дактилоскопических спиралях код.

* * *

Спираль — один из глубочайших символов Вселенной. И Космос сам испещрен и пронизан спиралями — спиральными галактиками и вакуумными квантовыми вихрями. Спираль — единый код единого мира, заложенный Матерью-природой в фундамент всего живого и неживого. Вспомним знаменитую двойную спираль Уотсона-Крика — молекулярную модель генетического кода: без него невозможна преемственность поколений, передача наследственных признаков от родителей к детям. Но если спуститься глубже, почти на самое «дно» материи, то и там обнаруживаются аналогичные закономерности. По новейшим данным российских ученых (Г.И. Шипов, А.Е. Акимов и др.), «последней» природной стихией, лежащей в основе мироздания и уже используемой на практике, выступают так называемые торсионные («скрученные») поля, допускающие мгновенное распространение

любой информации. Эти поля кручения связывают воедино все уровни природной иерархии и позволяют естественным образом объяснить многие доселе непостижимые чудеса. Согласно торсионной теории, Вселенная как «Супер-ЭВМ» образует с человеческим мозгом своеобразный биокомпьютер, работающий в соответствии с торсионными законами, то есть, говоря без затей, по принципам все той же скрученной спирали. Неспорно, видно, философы-диалектики всех времен в один голос утверждали: природа, история, род людской и отдельные индивидуумы развиваются по спирали. Вот почему нет сомнения, что между спиральными закономерностями Космоса и спиралевидным узором на человеческих пальцах существует прямая или опосредованная связь. Дактилоскопические отпечатки воочию символизируют единство Макрокосма (Вселенной) и Микрокосма (Человека). Весь вопрос, как наперед прочесть свою судьбу, неотделимую от судьбы мироздания. На пальцах каждого из нас — зашифрованный код бесценной и неисчерпаемой информации о прошлом и будущем.

Всеобщая спиральная запрограммированность неизбежно проявляется и в духовной жизни людей, в их быте, обрядах, традициях, обычаях и верованиях. По древнейшим представлениям индоевропейцев, человеческое существование — не что иное, как нить жизни, что прядет богиня Судьбы (у многих народов их три: мойры — у эллинов, парки — у римлян, норны — у скандинавов; такие же три богини Судьбы известны и у древних славян). Но что такое нить, как не вытянутые в спираль льняное волокно или шерстяной волос, скрученные при прядении! Спираль — только беспорядочную — образуют и нити в клубке (недаром он несет столь значимую магическую нагрузку в русском фольклоре, особенно в волшебных сказках, помогая герою в преодолении самых непреодолимых препятствий).

По народным представлениям, смерть — обрыв нити жизни. Потому-то столь трепетным было во все века у всех народов отношение к богине Судьбы, прядущей нити человеческих жизней, — Вечной Пряхе, по словам Александра Блока. Ее предназначения «кажут Солнцу путь», ей подвластны сами боги, бессильные изменить уготовленное Судьбой. От древнего языческого мировоззрения по сей день сохранились в русском обиходе выражения: «нить жизни», «нить судьбы», «узловой момент», «завязка», «развязка». Сюда же примыкает «повитуха», «повивальная бабка» (от слова «вить»), которая перевязывала *ловитью* (скру-

Рис. 72а. Богородица с веретеном (Софийский собор в Киеве)

ченной нитью) пуповину новорожденного, соединяя его тем самым с космической нитью жизни. Прялку и веретено как приспособления для скручивания спираленитей можно смело назвать первой моделью Космоса. Многие русские прялки изукрашены резьбой и рисунками Вселенной, Солнца, Луны, звезд, их символического движения по небосклону. Это — космизм народный, породивший впоследствии и серьезные философские обобщения. Так, в «Государстве» — великом произведении великого Платона — подробно описывается модель мироздания в виде светового веретена Ананки (Необходимости).

В результате беспощадной борьбы с язычеством, когда деревянные идолы сжигались, а каменные дробились на мелкие куски, не осталось сколь-нибудь достоверных изображений древнерусских дохристианских богов. Однако новая религия была вынуждена не только искоренять старую, но и приспособливаться к ней. Так

пережили тысячелетия многие архаичные праздники: Коляда, Святки, Масленица, Ярило, Купало, Семик и др., уходящие своими корнями в древнейшие пласты общеславянских и общеиндоевропейских ритуалов. Некоторые языческие боги оказались замещенными новыми христианскими персонажами и святыми: Илья-пророк заменил Перуна, место Велеса занял Святой Власий. Даже день рождения Иисуса Христа, о дате которого в Евангелиях ничего не сказано, был приурочен решением Вселенского собора к соответствующему дню декабря (по старому стилю), так как народ традиционно отмечал в это время праздники, связанные с рождением языческих богов — Осириса и Диониса, или же справлял сатурналии в память о Золотом веке — царстве Сатурна (Крона), отголоском чего в конечном счете являются и русские зимние Святки в честь позабытого древнего Солнцегога Колы-Коляды с непременно колядованием (сбором даров) и распеванием архаичных колядок. Но и образ древнерусской богини Судьбы не исчез бесследно. В киевском Софийском соборе сохранилось изображение

Богородицы с веретеном (рис. 72-а), вне всякого сомнения, навеянное более ранними дохристианскими представлениями о Небесной Пряхе и Великой Праматери.

Соловецкие лабиринты, к которым мы вновь возвращаемся, характерны еще тем, что рядом с ними находятся горки (пирамидки) камней. Вопрос о них особый: отдельно, без лабиринтов, они встречаются по всему миру и также свидетельствуют об общей древней традиции. Удивительно, что вообще сохранились эти каменные спирали-лабиринты и пирамидки на Русском Севере. Знание, заключенное в них, было давным-давно утрачено, ключ к их расшифровке потерян. Мало кого они интересовали, и никто не догадывался об их истинном назначении; хорошо хоть не тронули эти «бесовские следы». Впрочем, последнее утверждение не вполне точно. Просуществовав тысячелетия, каменные лабиринты и пирамидки Большого Соловецкого острова, где расположен монастырь, были уничтожены и полностью исчезли где-то в 50-е годы. Однако по настоянию историков, археологов и краеведов они были вскоре восстановлены по сохранившимся планам и картам, но уже в виде имитации. Уже в XIX веке соловецкие монахи были убеждены, что лабиринты были сложены по указанию Петра I. Настолько коротка человеческая память, если ее не культивировать и не передавать целенаправленно от старших поколений к младшим.

Соловецкие лабиринты наиболее известны и показательны по своей сконцентрированности и относительной доступности. Но это вовсе не единственные мегалитические объекты Русского Севера. Каменные спирали распространены вплоть до самого побережья Северного Ледовитого океана. На Кольском полуострове к настоящему времени найдено и описано множество каменных лабиринтов: в Кандалакше, на реках Поной, Варзина и Харловка, в бухте Вяшина. Описанный лабиринт в устье Колы был разрушен еще при постройке Кольского острога. Точно так же были варварски уничтожены еще несколько лабиринтов. Все известные кольские лабиринты расположены на берегу моря, как правило, за первым — наиболее древним — береговым валом, от современного уровня воды его отделило еще несколько береговых валов, фиксирующих процесс отступления моря. Профессор Н.Н. Гурина, посвятившая изучению арктических лабиринтов всю жизнь, отвергает саму возможность сближения критских и северных мегалитов. Эта категорическая точка зрения аргументируется абсолютно беспомощно.

Критяне, дескать, не могли посещать Кольский полуостров, так как им потребовалось бы несколько лет, чтобы по Атлантическому океану в обход Скандинавии достичь Баренцева моря, хотя Одиссей, как известно, добирался до Итаки не менее 10 лет. И наконец, чисто психологический «довод»: «Надо хотя бы на минуту представить себе жителей Средиземного моря, пробирающихся по скалам Кольского полуострова, чтобы понять фантастичность такого представления»⁵⁸.

Однако ни к какой фантастике прибегать не придется, если только встать на почву реальности и представить процесс распространения лабиринтов в обратном порядке — не с Юга на Север, а наоборот — с Севера на Юг. Действительно, сами критяне — создатели Эгейской цивилизации — вряд ли посещали Кольский полуостров, хотя полностью это не исключено, так как он входил в зону Гипербореи, имевшей постоянные контакты со Средиземноморьем. Зато прапредки критян и эгейцев наверняка обитали на севере Европы, включая Кольский полуостров, где оставили сохранившиеся по сей день следы-лабиринты, прообразы всех последующих сооружений подобного рода.

Путь «из варяг в греки» был проложен не на грани 1-го и 2-го тысячелетий н.э., связав ненадолго Скандинавию, Русь и Византию. Он существовал испокон веков, выступая естественным миграционным мостом между Севером и Югом. Двигаясь по нему постепенно с Севера Евразии, древние этносы, прапредки тех, кто создал мировые цивилизации, достигли некогда и Индостана, и Ирана, и Малой Азии, и Ближнего Востока, и Средиземноморья, и Северной Африки.

Солнечно-полярное значение северных лабиринтов наводит также на мысль о родстве закодированного в них смысла с топонимикой Кольского полуострова. Коло — древнейшее доиндоевропейское и индоевропейское название Солнца (одновременно Кол — одно из народных названий Полярной звезды). От имени астрального божества, которому поклонялись древние аборигены Кольского полуострова и небесно-космическую символику которого они запечатлели в спиралевидных знаках каменных лабиринтов, и произошло название реки Колы, давшей впоследствии имя всему краю. На Русском Севере есть также две реки с одинаковым названием и корнем — Колва: в Пермской области — приток Вишеры и в Ненецком НО — приток Усы. А в Баренцевом море хорошо известен остров Колгуев. И так — вплоть до Колымы. Слова с корневой основой «кол» встречаются и в фин-

но-угорских языках. Любопытно, что и название родины Ломоносова — Холмогоры (древнерусское — Колмогоры) происходит от древнечудского наименования данной местности *Кольм*⁵⁹ — оно созвучно исконно русскому слову «холм», но генетически восходит к той общей доиндоевропейской лингвистической основе, которая связана с постоянно рождающимся и умирающим светилом Солнцем-Коло (отсюда, кстати, и финское *kalma* — «смерть», «могила», и имя древнеиндийской богини смерти — Кали).

Но и это еще не все. В боливийских Андах, к югу от священного озера Титикака, на высоте 4 тысяч метров расположен знаменитый храмовый комплекс Тиауанако, посвященный богу Солнца. Он открывается циклопическими, вытесанными из одного монолита Вратами Солнца с барельефом дневного светила. Уже инки — тоже солнцепоклонники — задолго до вторжения на их территорию испанских конкистадоров не знали, кем был построен поднебесный Солнечный город. Не помнят этого, естественно, и индейские аборигены, не имевшие письменности. Но поражает другое: индейцы аймара — исконные обитатели Андской области и молчаливые стражи Вечного города Солнца (им современный мир обязан культурой картофеля) — имеют еще одно, более древнее, название — *колья*. А их обширная страна, охватывающая ныне территорию Боливии, Северного Чили и части Аргентины, именовалось в старину *Кольяо*, со столицей *Хатунколья*⁶⁰. Во всех трех словах и невооруженным глазом явственно различается архаичный корень «кол», что недвусмысленным образом свидетельствует о былом этнолингвистическом и культурно-мифологическом единстве всех народов земли.

Этимологически и семантически корневые основы древнего праязыка «кол» и «кал» тождественны. Богиня Кали — грозное и губительное проявление космической энергии, ипостась непрерывного процесса смены миров, существ и судеб, возрождения жизни через смерть (по имени Кали, кстати, назван один из главных городов Индии — Калькутта). Потому-то санскритское слово *kala* имеет тройственный смысл и означает не только «смерть», на также «время» и «судьбу». Отсюда природно-циклическая и календарно-временная сущность Солнца-Колы совершенно органично увязывается еще одним древнеиндийским божеством — богом времени Калой, от имени которого в дальнейшем произошли латинские слова «календы» (название первого дня месяца в лунном календаре древних римлян) и само понятие «ка-

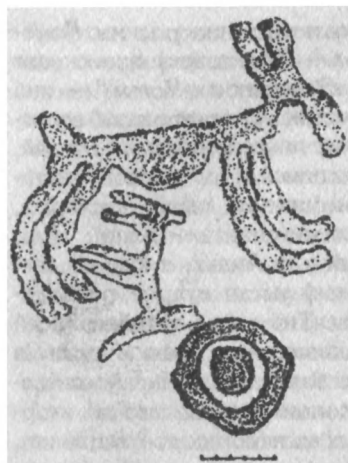

Рис. 73. Древний петроглиф с символическим изображением Солнца (Кольский п-ов)

лендарь». Все эти смыслы неизбежно вобрало в себя и Коло-Солнце, олицетворяющее Колесо Времени (в древнеиндийском мировоззрении оно именовалось Колесом Калы) — символ Вечного Возвращения в постоянной борьбе между Жизнью и Смертью. Мистический смысл солярного умирания и возрождения особенно усиливался на Севере, где Солнце надолго исчезало в полярную ночь и также надолго возвращалось в полярный день. Не случайно поэтому среди петроглифов Кольского полуострова, обнаруженных на реке Поной, находится древнейшее изображение Колы (рис. 73), к тому же вполне соответствующее древне-

египетскому иероглифу (кружок с точкой посередине), обозначающему Солнце. Практически в том же начертании данный символ в качестве исходной основы входил в древнекитайское (иньское) письмо и в трансформированном виде сохранился в написании современного китайского иероглифа. Это — факт исключительной важности: археологические и археографические памятники однозначно подтверждают генетическое родство доиндоевропейской, протокитайской и древнеегипетской культур. Небезынтересно, что сходным образом (малый круг в большом) изображается и гора Меру (на некоторых буддийских мандалах). Впоследствии солнечный символ через древнюю и средневековую астрологию был воспринят современной наукой и используется в современной астрономии в том же значении, что и в наскальных рисунках Гипербореи: ☉.

Древний символ Коло-Солнца (кружок с точкой посередине) сохранился и в оленьих клеймах-тамгах народов Севера, заселивших полярные и приполярные территории позже, после постигшей эти края климатической катастрофы. Сакральный знак Солнца, родственник древнеегипетским и древнекитайским иероглифам, зафиксирован русскими колонистами в самых ранних из дошедших до нас документальных источниках по культуре и хозяйственной

жизни вогулов (манси) и енисейских остяков (кетов)⁶¹. В наскальных изображениях (петроглифах) Урала также был зафиксирован древний символ Солнца. Есть он также и на чукотских рисунках. Из других северных народов солярно-кружковую символику активно используют эвенки, коряки, ительмены, долганы, алеуты и особенно — эскимосы.

Вообще же древний солнечный символ получил широчайшее распространение во всех частях света и практически на всех отрезках исторического развития, начиная с каменного века. Из древних культур, помимо египетской и китайской, следует отметить еще древнеперсидскую и эгейскую, а также другие древнеевропейские культуры — вплоть до Британских островов и Ирландии. На Американском континенте солярная символика зафиксирована, в частности, в Древней Мексике и современном Перу — наследнике культуры инков; в Африке — в древнем Бени-

Рис. 74. Ио и Исида

не и во многих современных государствах. Все это подтверждено скрупулезным статистическим подсчетом⁶². Этнографы и археологи в подавляющем большинстве воздерживаются от объяснения причин столь глубокой внедренности солярно-циркульной символики в мировую культуру. Действительно, без опоры на концепцию единой Прародины и единой Пракультуры трудно объяснить столь стойкую повсеместную привязанность к кружковому орнаменту и циркульной символике аборигенов Европы и Азии, Северной и Южной Америки, Африки и Океании. Среди народов России кружково-циркульный орнамент распространен в виде вышивок, резьбы, росписи и т.п. не только на Севере, но и в Сибири и на Дальнем Востоке (якуты, буряты, ульчи, алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы), в Поволжье (татары, мордовцы, удмурты и др.).

Естественно, популярны солярные символы и в русском орнаменте, где точка встречается как в круговом, так и в ромбическом обрамлении (кстати, в последнем случае это полностью совпадает с соответствующим древнекитайским иероглифом). Солярные знаки зафиксированы на вышивках, предметах и изделиях из кости, дерева, металла — на украшениях, перстнях, подвесках, пряслицах, игральных костях и т.п. В начале XX века при углублении русла реки Десны был найден ствол древнего дуба, инкрустированный в его нижней части четырьмя челюстями дикого кабана. Костяные амулеты сплошь испещрены магическими знаками — спиральями и солярными кружками с точками посередине (см. фото в кн.: *Болсуновский К.В. Памятники славянской мифологии. Вып. 2. Перунов дуб. Киев, 1914. С.13*). Запоминается также подвесной гребень X—XI вв. с двумя смотрящими друг на друга Солнечными конями — на каждом из них по 17 солярных знаков.

Множественность солярно-кружковых знаков на фигурках — характерная черта древнерусского декоративно-прикладного искусства. В музеях страны хранятся мелкие бронзовые изделия, относящиеся к первым векам нынешнего тысячелетия, из Смоленщины, Приладожья, других краев и областей: утки, гуси, собачки, зайцы, разные «неведомые звери» — сплошь испещренные солнечными и иными «небесными» символами. До недавнего времени в Архангельской губернии (Холмогоры) процветал косторезный промысел по изготовлению орнаментированных ларцов, украшенных резными кружками с точками посередине. Наконец, нельзя не отметить, что древние (язычес-

кие) славяно-русские святилища в проекции сверху также представляли собой громадный круг с «точкой» (идолом или костром) посередине. Любопытно, что культовые сооружения точно такой же конфигурации и с множеством костров — но в виде изгородей из срубленных молодых деревьев и кустов — отмечены этнографами также у североамериканских индейцев⁶³.

Итак, налицо тождественность славяно-русской солярной символики с древнеегипетской иероглификой. Какие еще свидетельства или хотя бы намеки имеются в истории мировой культуры в пользу контактов между Крайним Севером и Египтом? И есть ли они вообще? Есть! Вспомним хотя бы классический древнегреческий миф о скиталице Ио. К ней, дочери Аргосского царя Инаха и жрице Геры, воспылал страстью Зевс-громовержец. Чтобы скрыть возлюбленную от ревнивой супруги, владыка Олимпа обратил девушку в белую корову. Но Гера разгадала уловку, завладела коровой и велела стеречь ее тысячеглазому Аргусу, сыну Геи-Земли. Гермес, по наущению Зевса, убил Аргуса камнем и освободил Ио. Гера же в отместку натравила на царевну гигантского овода (по другим версиям — шершня), и тот начал преследовать несчастную жертву. Преследуемая жалящим насекомым Ио достигла северной оконечности земли и очутилась в окутанной мраком стране скифов и киммерийцев (Аполлодор, II 1,3), где на берегу океана был прикован к скале непокорный Прометей. Этому событию посвящен центральный эпизод трагедии Эсхила (вслед за Ио здесь появляется и Гермес).

По комментариям одного из древних схолиастов, дедом Ио был титан Иапет (Иафет) (см.: *Р. Грейвс. Мифы Древней Греции.* М., 1992. С. 151), брат Прометея. Существует также версия, что отцом Ио был сам Прометей (см.: *Ф. Любкер. Реальный словарь классической древности.* СПб., М., 1888. С. 515). Но Эсхил не разделяет ни ту и ни другую точку зрения. Так или иначе, Ио появилась в исконном краю титанов — на Крайнем Севере — не случайно. По существу, она пришла на родину своих предков и всех яфетических народов. Провидец-Прометей предсказал Ио ее великую судьбу: она станет родоначальницей великих племен и героев, среди них будут и египетские фараоны, и Геракл, которому суждено освободить Прометея, и Персей, который несколько поколений спустя придет в те же северные края, чтобы сразиться с Горгоной Медузой, за что получит прозвище Гиперборейского.

То, что события «Прометей Прикованный» разворачиваются на Крайнем Севере, доказывает и маршрут, начертанный Прометеем опекаемой девушке: через территории северных народов к Кавказу, оттуда — к названному в честь Ио Босфору («Коровий брод») и Ионическому морю и, наконец, — на побережье Африки, где на Берегу Нила будет положено начало египетскому народу и всей древнеегипетской цивилизации. Согласно Аполлодору, сын Ио Эпаф (будущий бог — Бык Апис) основал Мемфис — столицу Древнего царства, дочь Ливия дала названия части африканского Средиземноморья, а правнук Египет стал родоначальником и страны, названной в его честь, и народа, ее населяющего. Одним из внуков Ио был Бел (сын Ливии и бога Посейдона), ставший родоначальником всех семитских народов и верховным аккадским божеством, ему соответствует славянский Белбог (корень русского слова «белый» восходит ко временам неразделенной языковой общности). В самом же Египте Ио будет впоследствии обожествлена как верховная «рогатая» богиня Исида (рис. 74), ее рога олицетворяли небесный месяц (Луну). Кстати, Плутарх подтверждает, что Исида (то есть Ио) была дочерью Прометей (см.: *Плутарх. Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977, № 3. С. 250*). Так беглянка Ио оказалась связующим звеном между Крайним Севером и Египтом. А ее маршрут с Севера на Юг — это миграционный путь древних поколений, ставших основателями средиземноморских и переднеазиатских цивилизаций.

Размышления о судьбах протоегиптян, мигрировавших в Средиземноморье с Севера Евразии не ранее 4-го тысячелетия до н.э., приводят к неотвратимому вопросу: раз нильские солнцепоклонники и строители пирамид некогда отпочковались от единого праязыка с единой пракультурой, — значит, непременно должны сохраниться реальные и неопровержимые свидетельства, доказывающие этот факт. А может быть, сами пирамиды являются моделью и материализованным символом чего-то такого, что связано с древней Прародиной? Например, вселенской горы Меру? Как же это проверить? Нет ничего проще: достаточно заглянуть в любое пособие по древнеегипетскому языку, найти иероглифическое написание слова «пирамида» и выявить его современную вокализацию!

Общеизвестно, что в русский язык слово «пирамида» попало из греческого, а эллины заимствовали его непосредственно от египтян. По-гречески оно звучит *piramis* (окончание *da* по-

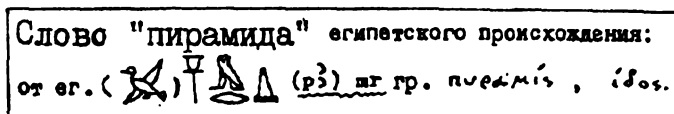

Рис. 75. Древнеегипетское и древнегреческое написание слова «пирамида»

является в винительном падеже). А как в первоисточнике? Откроем на соответствующей странице единственный отечественный учебник Н.С. Петровского «Египетский язык» (1958) и... (рис. 75). Здесь сердце не может не дрогнуть! Нет, не потому, что в иероглифическое изображение пирамиды входят тотемные знаки утки (селезня — творца Мира?), совы (олицетворения мудрости; возможно, что и само понятие мудрости — София первоначально звучало как «Совия») и самой пирамиды. Ошеломляет другое: корневая основа египетского слова «пирамида» звучит как *mr*. С учетом отсутствия гласных в иероглифическом письме это тождественно доиндоевропейскому названию священной горы Меру и, соответственно, — емкому русскому понятию Мир, означающему и Вселенную, и народ, и согласие, и справедливость — «меру».

И снова *mr* — таинственное созвучие, пронизавшее века и тысячелетия! Правда, в иероглифическом оригинале к корневой основе *mr* добавлена еще приставка *pa*. В итоге получается *ramir* — Памир. Круг замкнулся: идея о функциональной идентичности и этимологической общности древних эзотерических понятий горы Меру и Памирских гор, впервые высказанная Н.Ф. Федоровым, находит прямое подтверждение в египетских иероглифах. (Отметим также, что в Афганистане имеется горная система Паропамиз, известная с глубокой древности и созвучная топониму Памир: именно здесь, как сообщили зороастрийские маги Александру Македонскому во время его похода на Индию, некоторое время было прибежище титана Прометей; этот факт содержится в «Географии» Страбона.)

Таким образом, вселенская гора Меру, олицетворяющая Прародину всех мировых цивилизаций, получила свое рукотворное воплощение в тысячах моделирующих ее пирамид Старого и Нового Света. В культурах Ближнего Востока, Египта, ацтеков и майя, других доколумбовых цивилизаций Америки они представлены в классической своей форме — в виде искусственных каменных сооружений. Что же касается других индоевропейских

и неиндоевропейских этносов и культур, то здесь символ горы Меру нашел свое законченное воплощение в насыпных пирамидах — курганах, разбросанных повсюду на необъятных просторах Евразийского материка от Тихого до Атлантического океана и сочетавших в себе погребальные и ритуальные функции. Между прочим, в Приазовье обнаружены курганы с пропорциями, в точности соответствующими некоторым египетским пирамидам. Знает Северная Евразия и каменные пирамиды: совсем недавно одна такая (правда, не слишком больших размеров) была обнаружена на Алтае; она была доверху занесена речным песком, и археологам пришлось немало потрудиться.

Нельзя пройти мимо еще одного аспекта проблемы. По Рене Генону, треугольник (читай: пирамида в плоскостной проекции) — символ Полярной горы (иероглиф Полюса). Более того, данный символ образует основу начертания начальных букв некоторых древних алфавитов. В данном смысле и русское «А», восходящее к греческой «альфе» (а та, в свою очередь, — к финикийскому первообразу), своей остроугольной, направленной вверх формой как раз адекватно и воспроизводит архаичную символику Вселенской горы Меру⁶⁴.

Промчались тысячелетия, исчезли с лица земли многие народы, увяли культуры. Но Слово оказалось нетленным и неуязвимым для всепоглощающего Хроноса-Времени. От поколения к поколению, от прапредков к нам с вами, а от нас в необозримые дали Будущего передается устно и письменно древний символ Полярной Прародины, закодированный в звукосочетании *mr*: доарийская гора Меру — Памир («Крыша мира») — египетские и другие пирамиды — смыслозначимое русское слово «МИР», такое же неисчерпаемое и космически-ёмкое, как сам объективный Мир.

Заканчивая этимологический анализ, нельзя не обратить внимания, что в греческом языке лексема *pir* (как бы случайно оказавшаяся в составе слова *piramis* — «пирамида») означает «огонь», а *pira* — «жертвенный костер», отсюда весь набор современных научных — в основном химических — терминов с исходной основой «пиро-» (наиболее известные из них — «пиротехника» и «пироксилин»). Представляется более чем вероятным, что и русские слова «пир», «пиршество», вопреки существующим объяснениям этимологов, скорее всего, ведут свое происхождение от протолексемы, означавшей в нерасчлененных еще протославянских и протогреческом языках — «огонь». Именно у огня (костра, очага) совершались древние коллективные трапе-

зы, на огне зажаривались туши диких домашних животных, варились пища в огромных котлах — такие можно увидеть в древнехранилище Государственного Эрмитажа. И так далее. В современных языках древние протолексемы продолжают жить полнокровной, но вполне самостоятельной жизнью. На протяжении многих тысячелетий, нередко в фонетически и морфологически измененном виде они медленно дрейфовали внутри языков, отпочковывавшихся от первичного праязыка, обретая все новые и новые смыслы. Пример семантического дрейфа: «огонь» (греч.) — «пир, пиршество» (рус.) — всего лишь одна из великого множества подобных смысловых метаморфоз. Но это уже совершенно другой вопрос. Таковы в целом неисповедимые пути передачи через века и тысячелетия закодированной в языке, знаках и символах (в том числе и в материализованных моделях) ёмкой и никуда не исчезающей информации.

Неисчерпаемое многообразие смысловых значений и их оттенков, заключенных в древнейшей корневой основе *mr*, в данном плане особенно показательны. В русском языке, помимо уже неоднократно упомянутых многозначных понятий «мир» и «мера», восходящих к своей смысловой праматери — горе Меру, есть немало и других слов, содержащих корень *mr*. Прежде всего это лексическое гнездо, связанное со словом «море». В различных языках корневая основа *mr* соединена с разными гласными звуками. Так, латинская вокабула *mare* («море») несомненно взаимосвязана с многозначной лексемой *mar* в санскрите. А немецкое *Meer* — «море» по всей вокализации практически совпадает с названием самой горы Меру. В русском фольклоре «морской аспект» общеиндоевропейского и доарийского мировоззрения закодирован в архаичной сказке о Марье Моревне, в заговорах про Море-Окиян и т.п.

С лексической и семантической связкой «Меру — Мир» сопряжены и другие русские слова, где наблюдается чередование гласных звуков, но остается неизменным лексический субстрат *mr*. Это хорошо видно на примере лексического ряда, связанного со зловещим словом «смерть»: «умереть» — «умирать» — «мертвый» — «мор» (гласные звуки меняются, словесно-смысловая единица *mr* остается неизменной). В древнеславянской и древнерусской мифологии смерть была персонафицирована и именовалась Марой-Мораной. Еще сравнительно недавно в русских деревнях практиковался архаичный обряд отпугивания Смерти-Мораны, неоднократно описанный этнографами. В уроч-

ную ночь старые и молодые женщины, вооруженные метлами, кочергами, ухватами и прочей утварью, гонялись по огородам за невидимым призраком и выкрикивали проклятия в адрес Мораны. Обряд этот связан с поминовением умерших родственников на Радунищкой неделе, которая начинается, как известно, с воскресного дня, именуемого Красной горкой и открывающего начало весенних поминок и одновременно — предстрадных свадеб. Необычное название — *Красная горка* — не правда ли? Откуда такое? Да все оттуда же — из далекой Полярной Прародины. Красная горка — ритуально-обрядовый символ [Пре]красной горы Меру — олицетворения торжества Жизни над Смертью и вечного круговорота умирания и воскрешения. Исконно русское слово «мор», то есть «смерть», по корневой основе полностью совпадает с латинским *mors, mortis* и с древнегреческим «*морос*», также означающим «смерть» (и, кроме того, «часть», «жребий», «судьбу»). Любопытно и другое: слово, которым эллины называли смерть, по вокализации своей абсолютно идентично русскому слову «мороз» (в живой речи произносится с глухим «с» на конце). Вряд ли кого удивит, что в представлении наших предков мороз ассоциировался со смертью. Вполне возможно, данное совпадение смыслов — следствие климатических катаклизмов, вынудивших когда-то праэтносы современных народов покинуть свою Полярную Прародину.

Анализ языка и реконструкцию смысла применительно к горе Меру можно продолжать до бесконечности. Нельзя, к примеру, пройти мимо того факта, что синонимом Золотой горы в санскрите является слово *sumeru*, означающее также «наилучший», «высочайший», «красивый». Это древнеарийское слово легко увязывается с этнонимом «сумеры» — так первоначально звучало название древнего народа «шумеры», основавшего в Месопотамии одно из первых на земле государств.

Для дальнейшего изложения несомненный интерес представляет наличие корневой основы *mr* в имени римского бога Меркурий. Между прочим, по-кельтски Меркурий звался *Мирдин*, который в более поздней вокализации превратился в *Мерлина* — знаменитого героя-волшебника средневекового цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Логично предположить, что имя покровителя торговли образовано от соответствующих латинских слов: *merx* — «товар», *mercare* — «торговать», *mercator* — «купец» и т.п.

Однако не менее вероятно и предположение, что все эти слова и имена, в свою очередь, замыкаются на некоторую более архаичную первооснову — *mr*, в конечном счете восходящую к названию горы Меру. Впрочем, скорее всего, Меркурий — действительно, «торговое прозвище» бога, имевшего первоначально несколько тотемных имен и еще больше подтотемных и посттотемных прозвищ. Установить это достаточно просто, так как римский Меркурий является мифологическим коррелятом одного из самых древних, развитых и загадочных культов, известных также под именами эллинского Гермеса и египетского Тота.

ГЕРМЕС ТРИЖДЫВЕЛИЧАЙШИЙ

Для дальнейшего проникновения в глубинный смысл древнейших верований и первобытного мировоззрения немаловажно осознать, что лабиринты и другие мегалиты совсем не случайно представляют собой сооружения из камня. Скальная природа Севера — праматерь еще одной древнейшей традиции. Именно к Каменному веку восходят представления и о *боге Камня*. От тех времен по сей день дожил магический ритуал — зарывать в основание возводимого дома, храма, других сооружений «*закладной камень*» — отголосок былого почитания Камня как божества-охранителя. У многих народов считалось, что без жертвы богу Камня и Матери-Земле долго не простоят ни дом, ни крепость, ни башня.

По античной традиции хорошо известно, что хранителем камней считался бог *Гермес* — синтетический образ, впитавший в себя черты божеств разных религий и ведущий свое происхождение из доэллинской истории. Отцом Гермеса был Зевс, матерью — титанида (нимфа) Майя, дочь титана Атланта (уже это одно указывает на северное происхождение Гермеса). По Диодору Сицилийскому, у Майи, кроме шести сестер, был еще и таинственный брат Геспер, который (ни больше ни меньше), подобно библейскому Еноху, вознесся на небо, другими словами, улетел в Космос. Античные источники в один голос называют и точный адрес, куда отправился Геспер: это — Венера, поименованная у эллинов звездой Геспера (лишь много позже стала она звездой Афродиты и, соответственно, Венеры — у римлян). Из контекста «Исторической библиотеки» вытекает, что все семь сестер,

включая будущую мать Гермеса, звались атлантидами и были тесно связаны с легендарной страной того же названия.

Что касается ее северной принадлежности, то об этом прямо говорит Аполлодор, отмечавший в своей «Мифологической библиотеке», что Атлант проживал в стране гипербореев (I. IV, 11). А уже в XVIII веке французский астроном, академик трех академий Жан Сильвен Байи (1736—1793) доказал строго научным методом, что погибшая платоновская Атлантида тождественна Гиперборее, и в настоящее время следы ее следует искать за Полярным кругом и в акватории Северного Ледовитого океана.

Здесь приведена всего лишь одна из версий родословной Гермеса, почерпнутая в основном из позднейших литературных источников и утвердившаяся в различных справочниках и энциклопедиях как чуть ли не единственно возможная. В действительности уже в античную эпоху наблюдается очевидная разно-

Рис. 76. Изображение Гермеса в разные эпохи

голосища относительно происхождения загадочного бога. Цицерон, к примеру, насчитывал пять разных Гермесов (Меркуриев), об-нажая тем самым путаницу в отношении места его появления на свет, родителей и шествия по материку с Севера на Юг (бесспорной является только конечная точка — Египет). Древнейшим, по мнению Цицерона, является тот Гермес, у которого «позорно похотливая природа, так как он возбудился при виде Прозерпины». Это, безусловно, тот самый Гермес, чьим олицетворением, как будет показано дальше, стал возбужденный фаллос. Его родителями, согласно Цицерону, были само Небо и ясный День⁶⁵ (у греков и римлян День женского рода).

По греческо-римской традиции (римское имя Гермеса — Меркурий) на сына Зевса и Майи было возложено множество обязанностей. Гермес — вестник богов; он мгновенно появляется повсюду, летая с быстротой мысли благодаря золотым крылатым сандалиям. Гермес получил их от Персея, а тот, в свою очередь, от титанид-грай в Гиперборее. Кроме того, у Гермеса еще два крыла на головном уборе (рис. 76). Всего крыльев получается шесть: по паре на сандалиях и два на голове. Впоследствии эта шестикрылость оказалась перенесенной на иудаистические и христианские образы шестикрылых серафимов. Гермес-Меркурий — покровитель торговли и путников, воров, мошенников и хитрецов, а также хранитель сновидений и проводник душ умерших в царство мертвых. Из-за близости к потустороннему миру Гермес считался основателем оккультных наук, тайного знания, покровителем колдунов, магов, волшебников. В данной связи возникло представление о Гермесе Трисмегисте (Триждывеличайшем) — основоположнике науки всех наук — герметики (герметизма), предшественницы концептуально-смысловой базы всего многообразия возникших впоследствии конкретных наук и философии. Общеизвестно, что как покровитель интеллектуально-духовной жизни и «управитель всеми языками» Гермес считался тождественным египетскому богу Тоту (предшествуя, в мнении древних египтян, ему по времени своего происхождения).

От имени Гермеса произошло название «герма» (переводится как «груда камней», «каменный столб»). В Древней Греции и ее колониях существовал тщательно разработанный ритуал изготовления герм (рис. 77). Они устанавливались на дорогах для указания расстояний и представляли собой закругленный столбовидный стержень с тщательно обработанной головой и подчеркнута вы-раженным мужским половым органом — фаллосом в возбужден-

Рис. 77. Гермес и их изготовление

ном или спокойном состоянии. Но задолго до того, как прапредки эллинов переселились на Балканы, каменные столбы (менгиры) — итифаллические изваяния в честь бога Гермеса — устанавливались по всей территории Евразии (рис. 78, 79). Другие виды мегалитов — дольмены — имитировали женские половые органы и предназначались для ритуала магического соития. Отверстие в каменной камере предназначалось для проникновения солнечного или лунного света, в данном случае солнечный или лунный луч символизировал космический (мужской) детородный орган, проникающий в каменное лоно с целью астрального совокупления (для имитации имелся также и каменный аналог светового фаллоса, как это практиковалось у адыгских и других народов Кавказа). Сохранились также свидетельства о том, что древние кельты отправляли танцевально-оргастический культ вокруг каменных менгиров-фаллосов.

Все это — отголоски древнекаменного века, когда мать-пещера, спасительница и охранительница не одного поколения пещерных людей, ассоциировалась также и с женской утробой, куда после долгой ночи проникали пронизывающие мрак солнечные лучи, олицетворявшие фаллосы. Большинство мегалитических памятников (как естественных, так и искусственных) символизируют соответствующие аспекты ожесточенного противоборства матриархата и патриархата, завершившегося гармоническим единством и взаимотерпимостью полов. О конкретных деталях и перипетиях былого великого противостояния современной науке

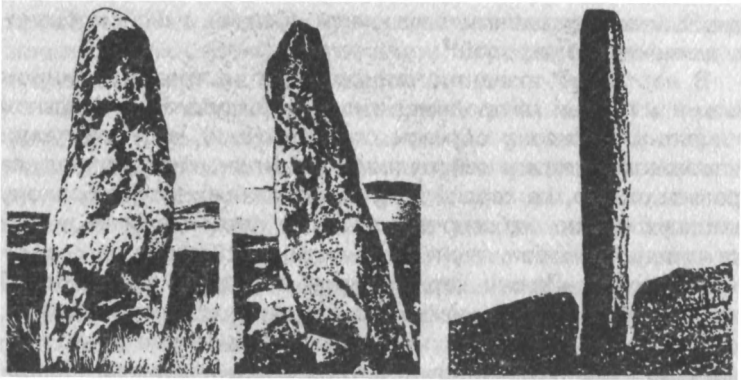

Рис. 78. Менгиры
в Западной Европе

Рис. 79. Древний менгир
на Северном Кавказе

практически ничего не известно, за исключением косвенных данных археологии, фольклора и этнографии. Лишь немые каменные свидетели недвусмысленно напоминают о страстях, кипевших повсюду много тысячелетий тому назад. Да «ворота» при въездах в поселения (особенно в сельской местности), вроде бы несущие чисто эстетическую нагрузку (ибо ничего не запирают), а на самом деле являющиеся отголоском древнейших матриархальных времен и имитирующие в вещественно-символической форме то, что всегда в первобытном сознании олицетворяла пещера, а именно — *vagina*. Кроме того, Природа и Космос также мыслились как детородные первоначала, обуславливающие сексуальное поведение всего живого и в особенности людей⁶⁶.

Именно в космическо-небесных силах видели первоисточник сексуальной энергии — мужской и женской. В наибольшей степени данный аспект был развит в тайных оргиастических мистериях и ритуалах; их естественными декорациями и выступали древние рукотворные мегалиты. По более поздним христианским канонам полая любовь считалась чем-то греховным, требующим очищения и жесткой регламентации. Однако в народных традициях, в архаичных заговорах и заклинаниях, несмотря на преследования со стороны церкви и властей, оставалась неискоренимой языческая вера в тайные, главным образом — небесные, силы — первооснову всей гаммы любовных чувств. Александр Блок, написавший о поэзии русских заговоров и заклинаний главу для «Истории русской литературы»,

называл это постоянным ошущением древней душой любовного единения с природой⁶⁷.

В народном сознании таинственная и правящая миром сила — могучая и которой «нет конца» — связывалась в основном с понятным каждому образом огня (пламени), его качествами и производимыми им действиями: «А жги ты, сила могучая, ее кровь горючую, ее сердце кипучее на любовь к полюбовному молодцу». Стихия небесно-космического огня, хранящая в себе все потенции любви, теснейшим образом сопрягается с силами небесными. «Зажечь горячую кровь и ретивое сердце», чтоб кипели они да горели, можно лишь встав «под утреннюю зарю, под красное солнце, под млад месяц, под частые ярые звезды». При этом поминается и Остров Буян, и древняя Прародина мировых цивилизаций с полярной горой Меру посреди Вселенной: «Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменная...»⁶⁸ Неспроста ведь звезды в приведенных языческих заклинаниях не какие-нибудь, а *ярые*. Ярь — одна из точнейших характеристик той необузданной и огненной силы космического Эроса, что, как увидим дальше, одинаково проявлялась в эллинском и доэллинском Гермесе и русском Яриле.

В связи с вышеизложенным знаменитый древнебританский кромлех Стоунхенджа также можно интерпретировать с точки зрения его эротико-оргастических функций. Каменные фаллосы особенно хорошо видны на ранних рисунках герметического святилища Стоунхенджа (рис. 80). В таком случае главную окружность кромлеха в виде проемов в каменных монолитах можно рассматривать как обобщенный символ женских

Рис. 80. Стоунхендж

гениталий. Что касается солярно-астральных функций Стоунхенджа, то они вполне могли иметь такую же сексуально-культурную нагрузку, как и кавказские дольмены.

Огромные каменные менгиры, наподобие тех, что повсюду встречаются на Севере Европы, можно встретить и в других местах. Фаллоподобные камни внутри и рядом со святилищами — повсеместное явление мировой культуры, молчаливо свидетельствующее о былой борьбе за утверждение патриархальных отношений. При утверждении и экспансии мировых религий вновь создаваемые храмы нередко воздвигались на месте прежних святилищ, символизируя тем самым окончательное сокрушение прежнего культа. При этом камни как объект языческого поклонения или составные части культовых сооружений, как правило, сохранялись и вмонтировались в сооружаемые христианские храмы. В конце XIV века посланец Тевтонского ордена граф Конрад Кибург посетил Литву, в то время сравнительно недавно порвавшую с язычеством. Известен подробный дневник этого путешествия. В частности, немецкий лазутчик описывает кафедральный собор в Вильне, воздвигнутый на месте языческого святилища с использованием его каменных стен и, быть может, других элементов, например, множества массивных столбов внутри храма. Отмечается также, что алтарь намеренно был установлен в том месте, где когда-то горел неугасаемый огонь Перкунаса (литовский эквивалент русского Перуна). В окрестностях Вильны граф также встречал повсюду разрушенные каменные святилища язычников, посвященные разным божествам, на их месте строились христианские храмы⁶⁹. Под собором Святого Стефана в Вене и поныне существуют катакомбы с остатками языческого алтаря. Точно так же испанские конкистадоры после разгрома империй ацтеков и инков воздвигли католические соборы в Мехико и Куско на месте разрушенных до основания храмов Солнца.

Как отмечают авторитетные историки русской церкви, фаллоподобные камни, наряду со священными деревьями, долгое время сохранялись вблизи православных храмов — особенно в сельской местности. Правда, постепенно древнеязыческие камни стали связывать с культом христианских святых, а фаллообразные столбы — «дополнять» до фигуры креста⁷⁰. Древнее почитание камней в скрытом виде сохранилось и в самом христианстве. Святые места в Иерусалиме, связанные с Распятием и Воскресением Христа, объединяют несколько священных камней:

Голгофу — скалу, где покоился исполинский череп Праотца Адама, окропленный кровью Спасителя; сам гроб Господень, представляющий узкую каменную пещеру и камень близ нее, на котором сидел ангел, возвестивший о Воскресении Христа.

В русской житийной литературе отмечены далеко не единичные факты поклонения камням, — как правило, большим. Еще в прошлом веке в Одоевском уезде Тульской губернии окрестные жители «клали требы» двум большим камням, прозванным Баш и Башиха⁷¹. Столбы — объекты поклонения православного люда — не обязательно и не всегда были каменными. Польский путешественник и дипломат Эрих Лассота, направленный в конце XVI века императором Священной Римской империи к запорожским казакам, обнаружил огромный культовый деревянный столб не где-нибудь, а в одной из пещер Киево-Печерской лавры (!), возле каменной гробницы великана-богатыря Чоботка, прозванного так за то, что сумел перебить нападавших врагов сапогом-чоботом. Вопрос о тождественности Чоботка и Ильи Муромца (на чем настаивают некоторые ученые) остается открытым, так как, по свидетельству все того же Лассоты, могила Ильи находилась совсем в другом месте — в разрушенном приделе Софийского собора. «Против того алтаря [где похоронен Чоботок. — В.Д.], — описывает польский путешественник, — стоит деревянный столб во всю высоту пещеры, такой толщины, что человек может обнять его руками. Рассказывают, что человек, страждущий тяжкою болезнью, излечивается, если, быв привязан к этому столбу, проведет ночь в таком положении»⁷².

Культ камней и фаллических стел в виде обтесанных столбов с закругленной верхней частью играл главенствующую роль и в верованиях древних семитов, а также других народов, живших в Месопотамии, Финикии, Палестине и т.д., в том числе — у древних евреев и арабов. Библия наполнена упоминаниями о каменных фетишах, впоследствии вытесненных и искорененных иудаизмом, христианством и исламом (хотя намек на «каменное происхождение» сохранился в одном из главных эпитетов древнееврейского бога — Скала Израиля). Точно так же и у арабов до возникновения ислама камни были одним из главных объектов поклонения. Один из них — так называемый «черный камень» (предположительно метеоритного происхождения) до сих пор остается одной из важнейших мусульманских святынь, хранящихся в кубическом храме Каа-

ба в Мекке. Но и сохранившиеся древние фаллические столбы, именуемые «массеба», продолжают служить у арабов объектом суеверного почитания (фото одного из таких фаллических менгиров выше человеческого роста см. в кн.: *Ранович А.Б.* Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937. С. 109).

Арабский историк VIII века н.э. *Ибн аль-Кальби* в свое время написал целый трактат «Книга об идолах», где подробно описал древние камни-фетиши, которым поклонялись арабы. Впоследствии множество таких камней было обнаружено при археологических раскопках — особенно в Палестине. Аль-Кальби сообщает предание о возникновении каменных идолов. Первым, кого создал бог, был Адам. Когда он умер, сыны Шета (Сифа) похоронили его в пещере на горе Нод. Но один из сынов — Кабиль (Каин) — вырезал изображение бога из камня для жертвоприношений. А затем сделал еще 5 изваяний своих сородичей, положив тем самым начало поклонению каменным идолам⁷³.

Следы фаллического культа зафиксированы и в другом конце Евразии — в Китае. Так, в святилище (храме) бога земли — покровителя одной из общин — находился древний каменный столб, его ритуальные функции были сходны с теми, что известны из древнеегипетской и древнееврейской религии. По мнению ряда ученых, древнекитайский каменный столб-фаллос олицетворял мужское плодородие и сексуальную потенцию⁷⁴. На остальных континентах и в других областях земного шара также сохранились каменные фаллические изваяния, что само по себе свидетельствует о значительной древности культа: общие в далеком прошлом верования были разнесены по всему свету по мере распространения миграционных волн некогда единого пранарода (поклонение Гермесу в этом смысле — лишь один из их отголосков, причем достаточно поздний). В качестве иллюстрации приведем лишь один рисунок менгиров, находящихся на островах Фиджи в Океании (рис. 81) и особенно интересных тем, что на них изображены солярные знаки.

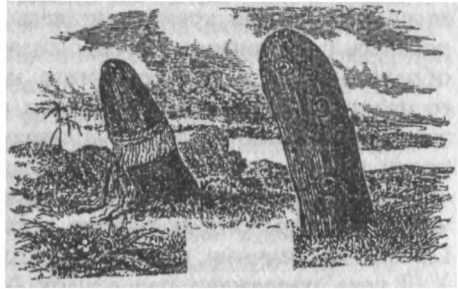

Рис. 81. Менгиры с солярными знаками (о. Фиджи)

Существует множество объяснений сути и назначения мегалитических сооружений во всем их разнообразии. В прошлом доминировали культово-оргиастические истолкования древнекаменных комплексов: кромлехи именовались храмами, дольмены — гробницами, менгиры — кумирами. Ныне возобладал естественно-научный подход: в кромлехах усматривают древние обсерватории, в дольменах — астрономические и физические приспособления, геомагнитные и чуть ли не физиологические установки⁷⁵. Но одно не противоречит другому.

Сексуально-оргиастический смысл мегалитов неразрывно связан с их космической предназначенностью, включая и геофизические аспекты. Ибо, в соответствии с наидревнейшими представлениями, Космос во всех его ипостасях и есть первоисточник сексуальной энергии, как в масштабах Вселенной, так и в ее проекциях на каждого отдельно взятого человека. Такое понимание уходит своими корнями в самые глубины попыток обобщенного осмысления законов природы. Древнекитайское, древнеиндийское, древнеегипетское, древнегреческое, древнеримское и другие древние мировоззрения опирались именно на такую картину мира, где божественный Эрос выступал если не первой, то, во всяком случае, одной из главных космогонических потенций. Впоследствии данные воззрения были восприняты в ряде философских учений. Типичным образцом может служить теория Эроса у Платона, где всепронизывающая сексуально-творческая космическая энергия упорядочивает Вселенную, создает богов и людей.

Отголоски древнего языческого миропонимания пронизывают все жанры русского фольклора и связанных с ними обрядов. К сожалению, данная сторона традиционной народной жизни длительное время считалась непристойной и игнорировалась по религиозным, идеологическим или цензурным соображениям. Исследования этого мощнейшего и древнейшего пласта народной культуры если и проводились, то их результаты намертво оседали в архивах. Публикации были крайне редки и, как правило, сопровождалась купюрами или отточениями. Лишь в последнее время положение изменилось и изучение эротического фольклора попало в правильную колею. Появились научные издания текстов, многие из которых с XVIII века пролежали под спудом (например некоторые песни из «Сборника Кирши Данилова»), не говоря уж о «заветных» записях П.В. Киреевского, П.И. Якушкина, В.И. Даля,

А.Н. Афанасьева, Д.К. Зеленина, Н.Е. Ончукова, братьев Соловьевых и других.

Собиратели и исследователи русского фольклора тонко чувствовали сексуально-космическую направленность запретной народной поэзии и прозы. Применительно к специфике Русского Севера это было суммировано этнографом *Александром Исакиевичем Никифоровым* (1893—1942): «Мир и человеческая жизнь полны сексуальности... Пол — та внутренняя солнечная энергия, которая и творит и поддерживает все живое. Но эротика — это отраженный солнечный свет. Эротика — это болезненное лунное сияние, иногда красивое, иногда жутко-зловещее, но всегда не греющее и иногда ведущее к ужасам ночных мракков и тайн. И любопытно, что северная древняя, насыщенная до отказа солнечной сексуальностью, совсем почти чужда лунной эротике»⁷⁶.

Впрочем, выводы относительно сексуально-солнечной ориентации северян понять нетрудно. Солнце на Севере — не просто дневное светило, оно знаменует возвращение тепла и жизни после продолжительных зимних ночей. Но видится и другое: древняя борьба между солнечным и лунным культами в эпоху распада доиндоевропейской этнокультурной общности, что, быть может, наложило отпечаток на традиции Русского Севера. Победивший солнечный культ древних праариев до сих пор жив в обычаях, народных верованиях и устном творчестве их далеких потомков.

* * *

Вернемся вновь к каменным мегалитам, распространенным повсюду в Евразии — от Кавказа до Алтая. Так, в Абаканской степи была целая аллея из десятков циклопических менгиров, олицетворяющих мощное мужское начало (впоследствии они были развезены по музеям). В Армении культовые камни-фаллосы встречаются в натуральном исполнении.

Известна еще одна разновидность каменных сооружений — *сейды*. Их особенность — водруженный на вершине дополнительный камень. Возникновение подобных нерукотворных скульптур геологи пытались объяснить результатами таяния ледника: над вмерзшим в лед каменным столбом оказывается валун, после стаивания льда он, дескать, опускается и остается на вершине столба. У саамов — самого северного народа Европы, издревле обитающего здесь, несмотря ни на какие природные катаклизмы

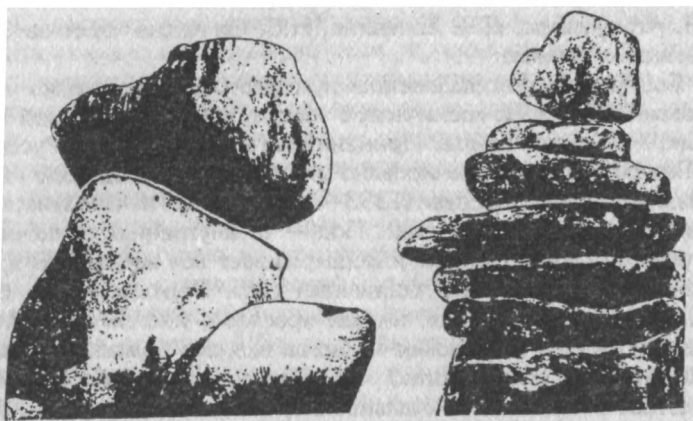

Рис. 82. Саамские сейды — «летучие камни» (Кольский п-ов)

и климатические отклонения, — сейды испокон веков являются объектами поклонения, им приписывается магическая сила и даже способность летать.

Конечно, поклоняться можно и камням самим по себе — для этнографов это не в новинку. Но вот что интересно: у российских саамов есть священный сейд, на вершину которого водружены — один на другой — несколько камней (рис. 82), что уже никак не припишешь капризам тающего ледника. Следовательно, напрашивается иное объяснение: поклонение сейдам — отголосок древних верований строителей мегалитических сооружений. Подтверждением тому могут служить точно такие же «сейды», обнаруженные российскими археологами на Памире в начале нынешнего столетия. Испокон веков священные камни служили у горных таджиков объектами суеверного почитания, им поклонялись и приносили жертвы в соответствии с традициями предков. Ислам оказался не в состоянии выпеснить древний культ. Некоторые из священных камней представляют собой поставленные друг на друга хорошо подогнанные скальные обломки достаточно правильных форм (возможно, искусственно обтесанные) или же груды булыжников, наваленных на большой валун (см. фото в кн.: Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа: Очерки быта по путевым заметкам. М., 1908. Табл. XIV—I, XX—2). Но и это еще не все. Свидетельствует геолог Ариадна Готфридовна Кондияйн (сноха Александра Кондияйна, обосновавшего

маршрут экспедиции Александра Барченко и участвовавшего в ней в качестве астрофизика, — отрывок из его дневника приводился в Прологе): «Я много лет проработала на Русском Севере и знаю: в Приполярном Урале немало гор, на вершине которых водружены огромные одиночные камни» (об этом она поведала автору в личной беседе). Аналогом составных каменных сооружений, отмеченных у саамов, памирских таджиков и других народов, выступают гигантские истуканы острова Пасхи, на их головы также водружались огромные каменные наверхия, впоследствии сброшенные. В эпоху, соответствующую по современной номинации каменному веку, сейды занимали место в одном ряду с менгирами, дольменами, кромлехами — их эзотерический смысл раскрыт выше. Как и все прочие мегалитические объекты, сейды в прошлом были связаны с культом бога Камня (или Прото-Гермеса).

Вообще же лопарский (саамский) сейд — это прежде всего дух (или же нераспознанное природное явление?). Обычно он поселяется в камне. Но совсем не обязательно. Описано немало сейдов — обитателей деревянных предметов или же сделанных в виде деревянных идолов. Еще в XVII веке шведский путешественник Иоганн Шеффер в фундаментальном труде «Лаппония» описывал лопарские сейды, сделанные из березы. В XIX веке о самом процессе изготовления сейда-идола из деревянного комля подробно рассказал известный финский этнограф и лингвист Александр Кастрен.

И наконец, имеется еще один тип каменных изваяний. Это хорошо известные каждому так называемые «каменные бабы» («бабами» они могут считаться весьма условно, так как среди них встречаются мужские «особи» с подчеркнуто выраженными мужскими гениталиями) (рис. 83). Раньше их присутствие отмечалось повсюду (и не только в России, а по всей территории Евразии — от Южной Франции до границ Китая и Монголии). Но постепенно они были беспощадно уничтожены (в основном по наущению церкви — как языческие бесовские истуканы). Там, где их в XVIII веке во множестве видел знаменитый географ и путешественник *Петр Симон Паллас* (1741—1811), они уже отсутствовали спустя столетие. По свидетельству русского этнографа *Вадима Васильевича Пассека* (1808—1842), только на его памяти в одном имении помещицы Шидловской (Харьковская губ.) безжалостно истребили 30 каменных «баб». К середине XIX века их осталось около 650;

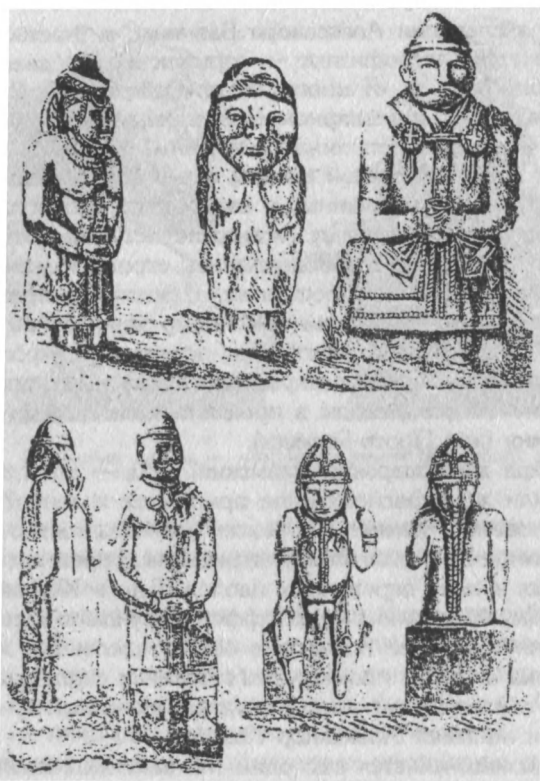

Рис. 83. Каменные «бабы»

в послереволюционное время XX века почти все они были развезены по музеям.

Утвердилось мнение, что «бабы» оставлены в степи кочевниками, по мнению проф. С.А. Плетневой, преимущественно половцами. Но не все так просто. Ареал распространения каменных изваяний значительно шире традиционных мест обитания кочевников, охватывал лесостепь и даже часть лесной полосы в Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерниях. Еще в XIX столетии одна такая «баба» в виде вооруженного воина с шишаком на голове и копьем в руке стояла на кургане, сохранившемся прямо в одном из дворов Рязани⁷⁷, где никаких половцев отродясь не бывало (затем, надо полагать, она попала в музей).

Кроме того, у кочевников не культивировалась техника обработки камня, тем более — огромных глыб (когда по указанию церковных властей решили выкопать «бабу», что стояла в имении богдана Хмельницкого в селе Субботово и к которой он любил привязывать польских пленных, то оказалось, что вручную с ней ничего поделать нельзя — так глубоко уходило туловище в землю). Наконец, зафиксированы факты культового поклонения каменным «бабам» со стороны славянского населения, что доказывает их древнеязыческое происхождение, не имеющее никакого отношения к каким-либо кочевникам.

Вот что сообщали русские этнографы полтора-два столетия тому назад. В Харьковской губернии к каменной «бабе» приносят больных детей. В галицком Покутье есть двулицая (!) каменная «баба»: одни считают ее образом Леля и Полеля, а другие — Дажьбога и Лады. Крестьяне соскабливают часть камня и употребляют его как лекарство. Во время засухи кладут эту «бабу» на землю, чтобы пошел дождь, а в чрезмерно дождливую погоду ставят головой вверх. Называется эта двойная баба «кумы», что объясняется так: кум и кума, возвращаясь из церкви после окрещения ребенка, согрешили, вступив в плотскую связь, и потому окаменели (в действительности налицо древняя каменная герма типа «двуликого Януса» и, скорее всего, относящаяся к тому времени, когда прапредки этрусков или другого будущего италийского племени мигрировали с Севера на Юг).

Но продолжим анализ этнографической информации. На Толстой могиле близ Запорожья стояла каменная «баба», люди приписывали ей таинственное магическое влияние, за что по приказу местных властей «баба» была свалена на землю. В 1833 и 1834 годах случилась большая засуха и в результате — полный неурожай и голод. Народ в надежде, что «баба» поможет, поставил ее на место. Тогда начальство велело отбить у изваяния голову⁷⁸. Так печально заканчивалась история каменных мегалитов, до того простоявших в этих местах, быть может, не одно тысячелетие. Поклонение каменной «бабе» зафиксировано также И.Е. Забелиным, который вел раскопки Чертомлыцкого кургана близ Никополя. Здесь же находилась каменная «баба», и к ней местные жители испокон веков ходили на поклон ради исцеления от всяких болезней. Есть все основания вписать древние каменные изваяния, прозванные в народе «бабами», в общемировую герметическую традицию. Даже если какая-то часть истуканов и принадлежит кочевникам, то и это вовсе

не исключает наличия в их верованиях следов былых герметических представлений, восходящих ко временам языкового, культурного и этнического единства.

• • •

По-разному можно интерпретировать и само имя Гермеса. Если отталкиваться от доказанной языковедами версии, что корень «гер» первоначально звучал как «яр» (откуда имя богини Геры, сестры и супруги Зевса, тождественно протославянской Яре⁷⁹), то первый слог в имени Гермеса звучал также «яр» и означал либо «ярый» («яростный»), либо «яровой» («весенний»), либо то и другое одновременно. Вместе с тем русское слово «яр» [йар] по своей этимологии легко сопрягается с древнеиндийской лексической основой «арья» (откуда и «арии», и «арийцы»). Традиционно данное слово переводится как «благородный». Однако в действительности это позднейший смысл, почерпнутый из жреческих комментариев к Ведам. В самих же Ведах, где это слово встречается более 60 раз, оно означает «хозяин», «скотовод-земледелец», «член кочующего племени» (от глагольного корня «рь(ри)» — «передвигаться, идти, кочевать»⁸⁰).

Нетрудно определить и значение второго слога имени Гермес — «мес». Общее значение индоевропейской корневой основы *mes* — «луна», «месяц» (см. Словарь М. Фасмера). Отсюда русское и общеславянское слово «месяц» для обозначения и ночного небесного светила — луны на ущербе, и части (времени) года. Следовательно, имя Гермес в протославянском варианте звучало как *Ярмес* и означало «Яровой (весенний) месяц». С этим придется согласиться, если учесть также, что мать Гермеса — титанида Майя — в древнеримской традиции являлась богиней Весны и покровительницей плодородной земли. От ее имени ведет и свое русское название самый светлый и буйный (ярый) весенний месяц май. В древнегреческой традиции титанида Мая превратилась в звезду, вместе с сестрами вознеслась на небо и стала старшей в созвездии Плеяд. А Гермес сделался Лунным богом. Между прочим, в шумерской вокализации последний слог имени великого героя древности — Гильгамеша звучал как *-мес*, схема словообразования аналогична имени Гермеса и несомненно восходит к доиндоевропейскому названию Месяца — Луны на ущербе.

Подтверждение вышепредложенной трактовки (Гермес — Ярый Месяц) находит и в древнеегипетской интерпретации образа Гер-

меса, который напрямую повлиял на возникновение культа бога Тота — патрона науки, тайного знания и интеллектуальной жизни. Египтяне также считали Тота Лунным богом, изображали его в виде лунного диска и именовали: «Месяц-Тот, бог великий, владыка неба, царь богов»⁸¹. Впрочем, изображения Тота и вокализация его имени претерпели значительные изменения. Специалисты-египтологи до сих пор спорят, как имя бога звучало на самом деле (русское Тот происходит от латинского *Thoth*), а некоторые египтологи производят его от коптского слова, означающего «северный ветер», то есть соответствующего греческому Борею (а здесь уж прямая связь с Гипербореей). Дошедшие изображения Тота также весьма различны — от канонического ибиса (позднейшая версия) до сокола (кобчика)⁸² (рис. 84), что вполне соответствует и древнейшему тотемному смыслу, и астральной традиции, существовавшей по всему миру, — отождествлять небесные светила Солнце и Луну с соколом. Кроме того, Тот-Сокол — несомненный носитель архаичных тотемных пережитков и отголосков тех древнейших времен, когда сокол был символом многих родоплеменных структур доиндоевропейских и досемитско-хамитских этнических общностей. Между прочим, имя Тот неразрывно связано с греческим *theos*, означающим, как хорошо известно, «бог». Это доказал еще *Джамбаттиста Вико* (1668—1744), одним из первых в Новое время применивший метод историзации мифов. По-египетски имя Тота-Гермеса звучало Теут, и именно оно, согласно Вико, породило греческое *theos*⁸³.

Индоевропейская и семито-хамитская мифология в конечном счете восходит к единому источнику. Это прекрасно понимали, к примеру, в Древнем Египте и Элладе, когда отождествляли египетских и греческих богов, называя их одними и теми же именами, точнее, к одному и тому же богу применялось одновременно и греческое и египет-

Рис. 84. Бог Тот-Гермес
в облике сокола
(с египетского подлинника)

ское имя. (Традиция эта сохранилась и в древнерусской литературе: в Ипатьевской летописи боги с греческими именами считаются египетскими.) Поэтому и неудивительно, что в античных источниках недвусмысленно намекается на участие Гермеса в египетской теогонии. Причем участие его было решающим, и в конечном счете он оказался стоящим у колыбели всех главных египетских богов второго поколения. Эту историю подробно излагает Плутарх в известном трактате «Об Исиде и Осирисе». Суть версии, изложенной Плутархом (а, надо полагать, он опирался на не дошедшие до нас первоисточники), вкратце такова. Нут (Небо) тайно сожительствовала с Гебом (Землей). Об этом узнал Ра (Солнце) и проклял ее, чтобы она не могла родить ни в одном месяце. Тут-то и вмешался Лунный бог Тот (Месяц) — Гермес. Он влюбился в богиню Нут (Небо) и стал ее супругом. Чтобы обойти проклятие Солнца-Ра, Тот-Гермес поступает, как и полагается богу мудрости и хитрости. Он сыграл в шашки с Луной-Селеной, выиграл у нее пять дополнительных календарных дней и прибавил их к тремстам шестидесяти дням египетского календаря. На самом же деле, как было показано выше, исправление календаря было обусловлено тем, что прежний (полярный) календарь не вписывался в условия новой африканской родины — Египта, куда переселились прапредки египтян и родоначальницей которых была несчастная возлюбленная Зевса — Ио. В итоге возник известный нам календарный год. Ра оказался посрамленным, а в пять сотворенных из лунного свечения дополнительных дней Гермес-Тот дал возможность трехмужней супруге произвести на свет пять богов. Это: 1) Осирис-Дионис — Властелин всего; 2) Хороерис (Старший Хор) — Аполлон (другой Хор — младший — тоже был солнечным богом, но только от брака Осириса и Исиды); 3) Сет (погубивший Осириса); 4) Исида-Соколица и ее сестра; 5) Нефтида — Влажная (откуда, кстати, происходит русское слово «нефть»). (Считалось, что только Исида была дочерью Тота-Гермеса, а Осирис — сыном Ра-Солнца.)

Не вдаваясь далее ни в содержание трактата Плутарха, ни в перипетии древнеегипетской мифологии, отметим лишь две параллели с русским фольклором, свидетельствующие об общих корнях славянской и эллинско-египетской мифологии. Первая напрашивающаяся сама собой аналогия между Гермесом-Тотом — творцом календаря и русским владыкой годового цикла, чей образ сохранил Владимир Даль. В народном представлении календарно-

упорядоченная стихия представляла в виде волшебного Старика-годовика с его световыми птицами. В передаче Владимира Даля народные поверья о хозяине циклического времени предстают в следующем варианте. «Вышел старик-годовик. Стал он махать руками и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз. Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы. Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь. Махнул старик-годовик четвертый раз — и полетели еще три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы. А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — черная. Махнет птица раз — станет светлым-светло, махнет другой — станет темным-темно». Столь причудливым образом трансформировался образ верховного бога — творца мирового круговорота — в народном сознании.

Вторая аналогия связана с историей Осириса. Злой Сет изготовил красивый сундук по росту Осириса и обманным путем принудил брата лечь в этот гроб; крышка была немедленно захлопнута, и Осирис оказался не в силах поднять ее. Этот сюжет с сундуком и крышкой удивительно совпадает с русской былиной о смерти в каменном гробу богатыря Святогора. К тому же и имена обоих мифологических героев восходят к общему доиндоевропейскому корню, означавшему «Свет-сияние»: Осирис — (Осиянный) — Свето(гор).

Функции Гермеса-Яра однозначно прослеживаются у русского Ярилы — весеннего языческого божества с гипертрофированно подчеркнутыми мужскими половыми признаками (подробнее см. во 2-й части). Русский Ярила олицетворял Солнечное божество, в то время как его прообраз — эллинский Гермес в поддающемся расшифровке значении — прежде всего Лунный бог. Вопрос о солнечных и лунных божествах в известной мере неисчерпаем. В Древнем мире Луна по своему значению нередко опережала Солнце. Еще Плутарх отмечал: «Солнце из созвездий второе после Луны»⁸⁴. Измерение времени и биологических циклов по фазам Луны было столь же жизненно важно, как и его измерение по суточному (кажушемуся) движению Солнца и смене дня и ночи. Соответственной была роль лунных и сол-

нечных богов. В Двуречье, к примеру, главенствовали первые, в Египте — вторые. Астрально-космическая сущность Гермеса, его далеко не первое место в Олимпийском пантеоне свидетельствуют, что в эллинской идеологии на каком-то этапе произошла смена приоритетов. Лунные божества никогда полностью не утрачивали своего значения, но на передний план постепенно выдвинулись Солнцебоги в лице всесильного Гелиоса и могучего стрелометателя Аполлона. Есть свидетельства, что Горгона Медуса изначально выполняла лунные функции, а ее отсеченная голова символизировала Луну⁸⁵. В этом смысле победа над Медусой Персея — сына Солнечного света (Золотого дождя, — обличия Зевса, ниспавшего на Данаю) — демонстрировала торжество солнечного культа над лунным.

Отголоски доиндоевропейских и древнеарийских лунарных обычаев и ритуалов известны в среде русского народа во все времена его истории. Повсеместно бытовало поверье: если к растущему Месяцу вынести или вывести ребенка, тот непременно тоже станет лучше расти (судя по всему, дети при этом распеленовывались или обнажались). Лунарная регламентация хозяйствования и быта проникала во все поры народной жизни, что распенивалось официальной церковью, как рецидивы язычества и проявление многобожия. Начиная с расцвета русской грамотности в XI—XII веках сохранилось множество гневных запретов на сей счет и предреканий кары небесной. Вот одна из таких церковных инвектив XVII века, касающихся Месяца: «Мнози неразумны челоvenceы, опасливым своим разумом веруют в небесное двизание, рекше во звезды и в месяц, и разчитают гаданием, потребных ради и миролюбивых дел, рожение месяцу, рекше — молоду; иние ж усотряют полного месяца, и в то время потребнай своя сотворяют; иние ж изжидают ветхаго месяца... И мнози неразумнии челоvenceы уверяют себе тшетную прелестью, понеже бо овии дворы строят в нарожение месяца; инии же храмины созидати начинают в наполнение месяца; иние же в таж времена женитвы и посягания учреждают. И мнози баснословием своим по тому ж месячному гаданию и земная семена насаждают и многие плоды земная устроят...»⁸⁶

Наряду с упомянутым гаданием по Месяцу и согласовани-ем с лунными фазами больших и малых дел — с тех же самых времен сохранилась челобитная, в которой доносится царю о разных видах идолопоклонства, в том числе и о прямом поклонении Месяцу (новолунию), что влекло за собой жесточайшие

последствия — вплоть до смертной казни, не говоря уже о полном наборе изощренных пыток. Однако, вопреки всем усилиям и репрессиям властей и церкви, «неразумны человецы», как и во времена Лунного бога Гермеса, продолжали действовать в соответствии с тем, что месяц посулит или подсказет, опираясь тем самым на установки древней запретительно-разрешительной магии. Среди земледельческих табу хорошо известны запреты сеять или сажать во время новолуния. В эту же пору запрещалось рубить деревья — особенно для постройки (иначе быстро все сгниет). Напротив, резать скот и колоть свиней рекомендовалось в полнолуние⁸⁷. Кстати, и в наши дни, в полном соответствии с древними лунными поверьями, публикуются так называемые лунные календари, справочники и таблицы, где садоводам и огородникам по дням расписываются рекомендации по посадке, уходу и сбору урожая любых сельскохозяйственных культур в зависимости от фаз Луны. С научной точки зрения даваемые советы обычно объясняются силами тяготения, хотя это всего лишь часть возможных объяснений. Необходимо учитывать всю сумму космических факторов, связанных с лунными фазами, — как явных, так и скрытых.

Дедовские, идущие от арийских и доарийских времен обычаи и верования продолжали методично передаваться от поколения к поколению. Еще недавно смоленские крестьянки, становясь лицом к молодому Месяцу, обращались к нему, быть может, с теми же самыми словами, что и их пра-, пра-, пра- (и так до сотого или трехсотого поколения) прабабки: «Месяц, Месяц молодой! Табе рог золотой, табе на увеличение, а мне на доброе здоровье!» Даже опара для блинов считалась подвластной Месяцу. И на сей счет сохранилось заклинание, считалось, что без него опара не поднимется, а блины не получатся: «Месяц, ты Месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару». И вообще, по стойкому представлению, Месяц от рождения до полнолуния обеспечивает счастливые дни и особенно — на самой ранней фазе. Подобное поверие существует и поныне: кто в шутку, а кто и всерьез по-прежнему полагает, что если только что народившемуся месяцу показать «денежку», то непременно прибудет или увеличится богатство. И тотчас же на ум вновь приходит Гермес (протославянский Яр Месяц) — покровитель торговли и богатства.

Возможно, что в отдельных случаях вообще не было жесткой дифференциации солнечных и лунных функций. В ту отда-

ленную эпоху, когда индоевропейские и другие народы представляли единое целое по языку, культуре и верованиям, Гермес-Яр олицетворял космическое сексуальное начало, реализующееся в энергии солнечного, лунного и звездного света и соответствующее мужской половой потенции. Вот почему многочисленные мегалитические символы Гермеса — гермы-фаллосы разбросаны по всей территории Евразии, а сексуальная магия, связанная с Луной (Месяцем), еще до недавнего времени сохранялась в практике чукотских шаманов. Среди разнообразных заклинаний и обрядов, описанных *Владимиром Германовичем Богораз-Таном* (1865—1936), пожалуй, глубже других поникшего в первобытные пласты палеоазиатской мифологии, — есть и такой. Для придания своим магическим действиям особой силы и неотвратимости шаман должен был раздеться донага, выйти из яранги ночью при лунном свете и обратиться к ночному светилу со следующими словами: «О, Луна! Я показываю тебе тайные части своего тела. Прояви сожаление к моим гневным помышлениям. Я не имею от тебя тайн. Помоги мне...» Заклинания сопровождались экспрессивной жестикуляцией. Приводится и чукотский рисунок голого шамана, молящегося Луне⁸⁸.

Исходя из сексуально-эротических функций Гермеса, его имя сохранилось в русском языке в виде ненормативного слова, образованного от первого слога греко-латинской вокализации имени бога — *Hermes* (Хер). В немецком языке, напротив, получила закрепление властительно-господствующая сторона некогда единого для германских и славянских народов понятия: в немецком языке слово *Herr* означает «господин». Одновременно имя Гермеса входит и в само название народа — «германцы» и в обобщенное наименование страны — Германия. В современном русском обиходе также до сих пор сохранились имена греческого происхождения, образованные непосредственно от имени Гермеса: [Г]Ермолай (переводится «народ Гермеса») и устаревшее Гермоген (переводится: «ведущий происхождение от Гермеса»).

Славяне не утратили памяти и собственно о божестве Гермесе. Отголосками древнейших верований может служить, к примеру, практикующийся и поныне среди сербов и болгар обряд вызывания дождя, известный как похороны Германа. Герман — славянизированное имя Гермеса — представляет собой изготовленную по магическому рецепту глиняную куклу с несоизмеримо большим фаллосом — неотъемлемым атрибутом

Гермеса. Символические похороны итифаллической фигуры сопровождаются всеобщим оплакиванием: считается, что обилие слез непременно обернется обилием дождя⁸⁹.

Но Гермес оставил о себе и другую память — не менее великую и столь же вещественно ошутимую. Гермес-камнеохранитель, как уже отмечалось, неразрывно связан с рукотворными каменными изваяниями, рельефами и сооружениями, а также с нанесенными на них символами и знаками. Поэтому загадочные лабиринты (спирали) и пирамиды из камней (северные современницы или предшественницы египетских, мексиканских и юкатанских пирамид) однозначно увязываются с личностью (или образом) Гермеса с учетом поправок на время его существования и деятельности в тех или иных регионах. Скорее всего, просветительские функции Гермеса и его имя в различных трансформациях передавались от поколения к поколению. И тот Гермес-Яр Гиперборейский, чьи следы или символы сохранились на Севере в виде спиралевидных лабиринтов и миниатюрных пирамид, — не тождествен абсолютно (в физическом воплощении, времени жизни и фонетически-звуковом произнесении имени) Гермесу-Тоту Египетскому, причастному к великим пирамидам, и к средиземноморским лабиринтам, и к тому тайному знанию, которое распространилось по всему миру.

Спиральные изображения — рисованные или рельефные — необязательно воспринимать исключительно как плоскостные. Спираль-лабиринт может представлять собой объемный конус: ее витки уходят вниз, чтобы сойтись в общей точке. Если смотреть на такую объемную спираль сверху и со стороны широкого витка, то общая картина представится в виде проекции — плоскостной спирали. С другой стороны, если взглянуть на объемную конусообразную спираль сбоку, то ее очертания будут соответствовать герметическому знаку, прообразом которого стал спиралевидный жезл Гермеса — кадуцей. Почему понятие «лабиринт» связано с Гермесом? Потому что, по мнению исследователей-языковедов, слово «лабиринт» — не только догреческого, но и доиндоевропейского происхождения. *Labra* означает «камень», а камень — первосимвол и олицетворение Гермеса. Отсюда, кстати, попавшее в русский язык через Византию и сохранившееся по сей день название «лавра» — «монастырь [построенный из камня]». *Labra* означает также и «пещеру»; следовательно, наименование Киево-Печерская лавра соединило в себе оба древнейших смысла — «пещеру» и «камень».

Следы герметического тайного знания обнаруживаются в самых невероятных местах и самым немислимым образом. Так, имя матери Гермеса — титаниды Майи — в санскрите звучит как *maia* и означает: 1) «силу волшебства», «магию», «колдовство»; 2) «иллюзию», «обман» (и колдовство, и обман — главные качества Гермеса). Интересно также, что в дальнейшем Майя — как положительная магическая сила и иллюзия одновременно — продолжает играть богородческие и боговоспитательные функции: древняя и современная индийская традиция знает целых трех Май: 1) Майю (воплотившуюся в Дургу) — воспитательницу Кришны; 2) Майю (воплотившуюся в Рати) — жену бога любви Камы; 3) Майю — мать великого Будды. Естественно, в этих образах Майи нетрудно уловить глухие отголоски прежних доиндоарийских смыслов, сближающих современные верования с незапамятными общими воззрениями.

Тайные герметические знания сохранились и в русской культуре, начиная с ее народных истоков. Что такое безобидный рефрен русских сказок «Близко ли далеко, низко ли высоко»? Это переосмысленная в народном сознании знаменитая формула «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу»⁹⁰. Точнее, и у народной присказки, и у средневекового герметического текста был один общий древнейший источник. В дальнейшем общее и тайное знание трансформировалось следующим образом. В виде рефрена «Ни далеко — ни близко; ни высоко — ни низко» (общеславянский вариант первичной магической формулы) оно вошло в фольклор. При этом рассказчик и слушатели понятия не имели о происхождении и первоначальном смысле, который предполагал (и сохранил) ответ на поставленный вопрос: «ни высоко и ни низко, а все — едино суть: все вещи произошли от Единого и через посредство Единого». С другой стороны, переходя от жреца к жрецу, от мага к магу, от человека к человеку, от народа к народу и от эпохи к эпохе, тайное древнейшее знание дошло до нас в виде лапидарного герметического текста «Изумрудной скрижали», имеющей несомненные параллели с великой китайской «Книгой перемен» («И цзин») и некоторыми даосскими трактатами. Аналогичные мысли содержатся и в Упанишадах:

Неподвижное, единое, оно — быстрее мысли <...>

Оно движется — оно не движется, оно далеко — оно же близко, Оно внутри всего — оно же вне всего.

В Гиперборее пересеклись пути Гермеса и Аполлона Гиперборейского. Точнее, с Гиперборей, собственно, и начиналась история их взаимоотношений. Потому что не успела титанида Майя разродиться будущим покровителем всех интеллигентов, колдунов, воров и торговцев, — как он тотчас же украл пятьдесят коров из стада Аполлона⁹¹ (хорош же был в ту пору Аполлон — скотовладелец и скотопас). Вора он нашел с помощью гадания. Несмотря на отчаянные заперательства, Аполлон разоблачил сводного брата и пошел на мировую только при посредничестве отца Зевса. Ради окончательного примирения Гермес в обмен на коров подарил Аполлону, лиру, которую сам придумал и сделал, натянув струны на пустой панцирь черепахи. Но и это еще не все. Гермес стал пасти коров, полученных от Аполлона, и изобрел свирель, чтобы не было скучно. Новый музыкальный инструмент тотчас же приглянулся Аполлону, и он принялся его выпрашивать. Гермес согласился отдать свирель в обмен на золотой жезл и обучение искусству гадания. Сделка состоялась, и Аполлон передал секреты и искусство гадания младшему брату (Аполлодор, III, 10, 3). Таким образом, действительным отцом магии является Аполлон, а Гермес всего лишь его восприимчик.

Вообще же то, что известно современному читателю об Олимпийских богах, является на 99 процентов результатом позднейших литературных обработок и конъюнктурных переосмыслений. Уже Гомер практически ничего не знал об истинном генезисе эллинских богов, принимая их такими, какими они представлялись во время его жизни. Эллыны вообще во все времена удивительно равнодушно относились к своей первоначальной истории и практически ничего достоверного не знали ни о собственных глубинных корнях, ни об исходе из мест прежнего пребывания. Даже Солон — один из самых выдающихся государственных деятелей и основоположников эллинской цивилизации — вынужден был расспрашивать египетских жрецов о ранних этапах жизни собственного народа. А те ему попеняли: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллыны, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!.. Все вы юны умом, ...ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени»¹⁰⁷. Классическая поэма Гесиода «Теогония» («О происхождении богов») кое-что проясняет, но, скорее, в виде намеков, созда-

вая в целом символическо-аллегорическую картину мира Олимпийских небожителей. Истину можно установить лишь на основе исторических и мифологических сопоставлений (то есть путем углубления в доэллиническую историю и анализа всей системы индоевропейской и пограничных с ней мифологий). Системный анализ и раскодирование образов-символов приводят к качественно иным результатам, нежели те, что известны по «Илиаде» и «Одиссее» и тем паче — по позднейшим суррогатам.

Не имея ни цели, ни возможности анализировать с этой точки зрения всю систему Олимпийских мифологических образов, продолжим рассмотрение лишь тех из них, что имеют явное отношение к предыстории Прото-Руси — точнее даже, тех территорий, где впоследствии образовалось Российское государство и закрепилось русское народонаселение. Несколько тысячелетий назад из этих мест на юг мигрировали предки эллинов, унеся с собой мифологические предания и образы, которые когда-то во многом были общими для всех индоевропейских народов, но в дальнейшем развивались вполне самостоятельно, обрастали разного рода литературными подробностями и поэтическими преувеличениями, — все более отрываясь от первичных корней, уже практически забытых ко времени Гесиода и Гомера. Итак, что же получается в «сухом остатке», если попытаться выявить глубинный смысл и функции бога Гермеса (в том виде, как его знала нерасчлененная индоевропейская этническая общность)? Английский знаток античной мифологии Роберт Грейвс (1895—1986) считает, что Гермес первоначально даже не был богом, а всего лишь «тотемной силой фаллического каменного столба или пирамиды. Такие столбы отмечали центр, вокруг которого исполнялись органистические танцы»⁹³.

Сохранились и скудные свидетельства античных авторов, в частности — Цицерона в трактате «О природе богов» (III, 23; 59—60), что Эрос (первый из богов, появившийся из Мирового космического яйца — так считали орфики) на самом деле был сыном Гермеса. Добавим, как уже указывалось, что культ Гермеса Фаллического был распространен практически на всей территории Западной и Восточной Европы, включая места расселения славянских и проторусских племен.

На Руси поклонение срамным частям человеческого тела и связанные с ними обычаи и высказывания всегда преследовались официальной церковью как грубый языческий пережиток.

ток. Однако вовсе не архаичными или относящимися неизвестно к каким временам предстают эти, оказывается, весьма распространенные еще сравнительно недавно обряды, уходящие своими корнями в глубины матриархата и патриархата, — в тексте древнерусского толкования Слова св. Григория-богослова «О том, како погани суще языци кланилися идолам». Обругав по-матерному «эллинов окаянных» за то, что те поклонялись фаллосам, и помянув недобрым словом болгарских богомилов за аналогичный грех, — русский комментатор не забывает и про соотечественников, тоже не слишком отстававших от греческих и болгарских греховодников: «Словене же на свадьбах въкладываюче срамоту и чесновиток в ведра пьют»⁹⁴.

Сексуально-эротическая символика свадебного обряда в далеком и недалеком прошлом зачастую приобретала подчеркнута натуралистические формы. Вопреки церковным и нецерковным запретам, архаичные ритуалы продолжали существовать. Так, в белорусских деревнях чуть ли не до середины нынешнего века практиковался свадебный «столбовой обряд». Суть его в совер-

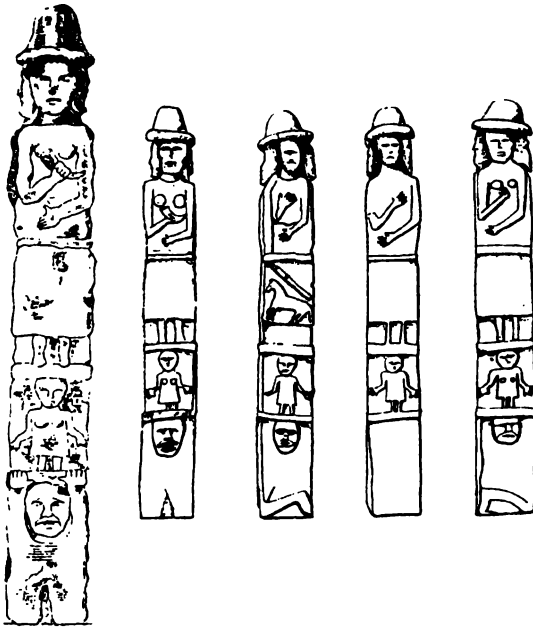

Рис. 85. Збручский идол

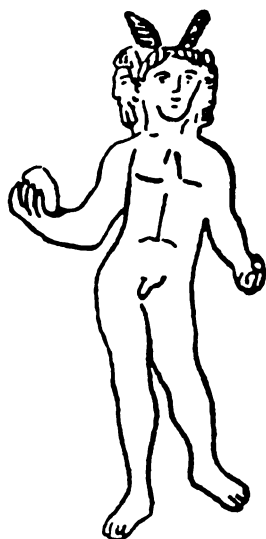

Рис. 86. Четырехликий Гермес

шении некоторых ритуальных действий «у столба» внутри избы; деревянный столб в данном случае как раз и имитирует фаллос¹¹⁰.

Фаллический смысл имеет и знаменитый Збручский идол, найденный в Прикарпатье (река Збруч — приток Днестра). Это — настоящая славянская герма, со всеми необходимыми атрибутами (рис. 85). Четырехликость — одно из ипостасей бога Гермеса, известная как в натуральной (рис. 86), так и в символической форме. Это обусловлено тем, что Гермес как покровитель путников, паломников и путешественников олицетворял и четыре страны света, и четыре направления пути, и перекресток четырех дорог. Вот почему классическая герма, устанавливаемая обычно на перекрестках, была обтесанной с четырех сторон. Поэтому-то четырехгранен и Збручский идол.

Символические герметические памятники найдены повсюду в Восточной Европе. При раскопках близ утраченной Десятинной церкви в Киеве в начале XX века был обнаружен каменный жертвенник Гермеса с четырьмя характерными выступами (рис. 87)⁹⁶. Этот исключительно интересный и важный в историко-культурном отношении памятник был, к сожалению, вскоре вновь засыпан, так как находился на месте частного владения. Когда же спустя полвека археологи попытались вновь раскопать алтарь, то обнаружили только бесформенную груду

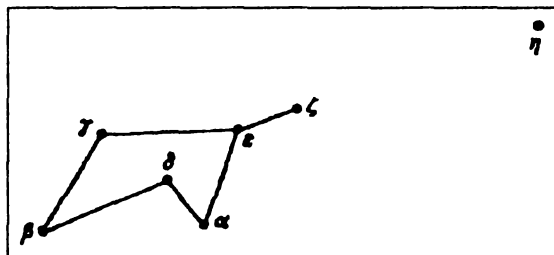

Рис. 86-а. Созвездие Большой Медведицы 100 тысяч лет тому назад

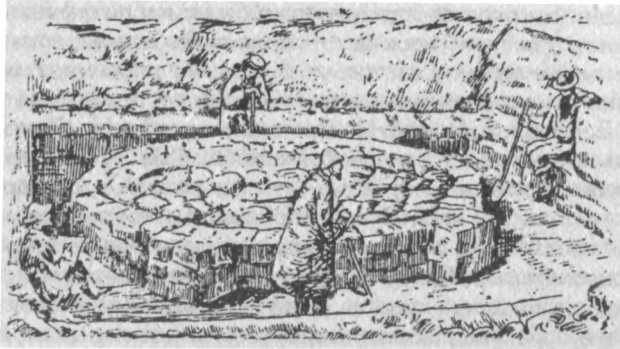

Рис. 87. Жертвенник Гермеса в Киеве

из глыб песчаника. В виде древнейшего украшения миниатюрный черырёхлопастный символ найден также в Прикамском регионе, в настоящее время он хранится и экспонируется в археологической коллекции Государственного Эрмитажа.

• • •

Северные мотивы навевает и название родины Гермеса — Аркадии, исторической местности в Древней Греции, олицетворявшей счастливую страну (невольно напрашивается аналогия с другой «счастливой страной» — Гипербореей). Современное имя Аркадий, образованное от названия этой страны, во всех объяснительных словарях так и переводится — «счастливый». В действительности же корень здесь совсем иной. Тонкий знаток и известный популяризатор античной культуры *Фаддей Францевич Зелинский* (1859—1944), глубоко исследовавший проблему герметизма и генезис самого Гермеса, отмечает, что историческая Аркадия, символом которой считалась высочайшая гора со снеговой вершиной — Киллена, была страной суровой, с продолжительными и многочисленными зимами, с горами, покрытыми дремучими лесами, где водились дикие звери, особенно медведи. Последним якобы она и обязана своим именем *Arkadia* — от греч. *arkos* = *arktos* — медведь⁹⁷.

Между прочим, астрономы рассчитали, что 100 000 лет назад расположение звезд в созвездии Большой Медведицы было иное: своим очертанием оно напоминало не «ковш», а именно медведя, причем — медведя белого, арктического, вытянувшего морду к медвежонку (рис. 86-а).

Однако представляется, что сближение названия страны Аркадия с понятием «медведь» — лишь часть истины, если учесть, что медведи бывают не только бурые, но и белые, северные. Неспроста и главные созвездия Северного полушария именуется Большой и Малой Медведицей; последнюю Вергилий в «Георгиках» называет Гиперборейской (III, 381). А Пиндар прямо увязывает Аркадию с землями, что «за спиной у ледяного Борейя», то есть с Гипербореей. Вспомним, кстати, что и Рене Генон предлагал в качестве одной из возможных реконструкций самоназвания Гипербореи — Медвежья земля.

Все эти медвежьи сюжеты из легендарной предьстории имеют глубокие архаичные корни, в которых сплелось реальное и мифическое: Аркадия и до-Аркадия, Зевс и Лето, Аполлон и Артемида, холодный Север и Девкалионов потоп, кровавые человеческие жертвоприношения и ритуальное людоедство, массовое истребление людей и тотемическое оборотничество. Начнем с того, что родоначальником аркадского племени считается Аркад (Аркас) — сын Зевса и нимфы Каллисто, входившей в ближайшее окружение Артемиды и давшей, как и все, обет безбрачия. Но воспитала Аркада, как сообщает Аполлодор, нимфа Майя — мать Гермеса, обитавшая, как мы помним, в северных краях. По существу, Аркад стал жертвой инцеста, так как Каллисто была правнучкой Зевса: тремя поколениями ранее он вступил в любовную связь с Ниобой и стал отцом Пеласга — легендарного предводителя пеласгов, народа, переселившегося на Балканы задолго до появления там эллинов. Этноним «пеласги» образован от слов, означавших либо «аист» (тотем!), либо «море», либо то и другое. По имени легендарного племени назван и полуостров Пелопоннес, куда к своим дальним родичам впоследствии пришел Аркад, дабы научить пеласгов хлебопашеству и шерстопрядению и дать новое имя местности — Аркадия.

История пяти поколений от Ниобы до Аркада окрашена в кровавые тона. Первая трагическая жертва в этом скорбном ряду — Ниоба (Р. Грейвс переводит ее негреческое имя как «снежная» — еще один прототип русской Снегурочки). От законного супруга Ниоба имела многочисленное потомство (античные авторы называют цифру от 12 до 20 детей). Но неосторожно оброненное слово по поводу малолетности нимфы Лето привело в необузданную ярость ее детей: Аполлон и Артемида хладнокровно расстреляли из лука всех сыновей и дочерей Ниобы, и та, не перенеся горя, обратилась в камен-

ный столб (отголосок миропредставления людей каменного века и одно из первых объяснений происхождения менгиров). Вне всякого сомнения, здесь налицо отголоски древнейшей доэллинической истории, наглядно демонстрирующей нравы тех времен. Судьба Ниобы — лишь первый акт разыгравшейся трагедии. У ниобида Пеласга был сын Ликаон — человек коварный и нечестивый. Он стал царем и от 50 разных жен прижил множество сыновей и нимфу Каллисто, она-то и родила от Зевса — своего прадеда — легендарного Аркада. Однажды, желая испытать владыку Олимпа, Ликаон велел резать мальчика и попытался накормить Зевса жарким из его собственного сына. Громовержец распознал кровавую ловушку, испепелил нечестивца, превратил его в волка, а сына Аркада воскресил.

В наказание же за нанесенное оскорбление и за все людские грехи разгневанный Зевс решил заодно уничтожить человеческий род и ниспослал на Землю ужасающий потоп. После него, по распространенной версии, уцелел лишь сын Прометея Девкалион и его жена Пирра: титан-богоборец научил их, как построить «ковчег», а потом возродить человечество. Одним из детей Девкалиона был Эллин — родоначальник четырех древнегреческих племен — золийцев, дорийцев, ионийцев, ахейцев. Впрочем, позднейшие мифологи явно сгустили краски: жизнь на Земле полностью истреблена не была, и, пока Девкалион возрождал человечество в одном месте, в другом, явно полностью не пострадавшем от потопа, Аркад просвещал потомков Пеласга и закладывал основы аркадской культуры. За его матерью Каллисто также по пятам следовала беда. Артемида не простила ей потерю девственности (между прочим, чтобы обманным путем овладеть нимфой, Зевс принял облик Аполлона, так что вопрос: чей на самом деле сын Аркад — остается открытым). В свою очередь, Гера, как всегда, принялась преследовать очередную пассию своего любвеобильного супруга. Чтобы защитить возлюбленную, Зевс обратил нимфу в медведицу. Но это помогло ненадолго: однажды ее чуть не убил на охоте собственный сын Аркад, а вскоре Каллисто настигла стрела мстительной Артемиды. Окончательная же точка была поставлена Зевсом: он отправил мать и сына на небо, превратив их в созвездия Большой и Малой Медведицы (по другой версии, Аркад стал Арктуром — самой яркой звездой Северного полушария). Круг замкнулся: мать и сын вернулись на Полярную Прародину.

Итак, *Arktos* имеет смысл более глубокий и явно указывает на Север, в Арктиду (не совпадавшую с современной Арктикой, а просто означавшую Северную территорию). Вполне возможно, что эллины, переселившиеся на Балканы, назвали новую страну в память о былой Прародине. Наподобие того, как первооткрыватели новых земель и первопоселенцы новых местностей в сравнительно недавнее время давали наименование в честь старых земель и городов: Новая Зеландия, Новый Орлеан, Новый (Нью)-Йорк и т.д.

На северное местоположение Перво-Аркадии указывает и древнеаркадский космогонический эпос, сохранившийся в герметических текстах. Здесь упоминается былая жизнь аркадцев в условиях долгой северной ночи, непрерывно длящейся месяцами, когда «ночь непрестанно текла, не сменяясь дня появлением». Оказавшись в Средиземноморье, аркадцы — выходцы из Аркта — не забыли о приполярных особенностях дня и ночи, хотя и не могли дать этому феномену правильного объяснения. Согласно аркадской мифологии, именно Гермес, а не кто-то другой является родоначальником всего человечества.

На Аркадию перенесен был и эпитет «счастливый» в память о счастливой Гиперборее-Арктиде, истинной родине Гермеса. Именно эта страна не раз поминается в позднейших герметических текстах, но уже в связи с послепотопными временами, когда Север в результате мировой катастрофы оказался скованным льдом и Аркт стал именоваться «ледовитым». Гермес знал об этом:

*Знал, что бесплодна там почва, корой ледяною покрыта,
И неспособна взрастить человеческий род...*

Не так было раньше, когда Гермес сначала вместе с Зевсом, а затем в одиночку занимался созданием Вселенной. В герметических текстах, обильно цитируемых Ф.Ф. Зелинским, Гермес так и именуется — «Устроитель Вселенной». Вот лишь некоторые из его деяний:

*...Сын всеродителя Зевса
Первым эфир лучезарный, чудесную света обитель,
В дивное двинул вращенье вокруг обновленной природы.
Этим он создал небесную твердь; в украшение небу
Создал он семь поясов; к поясам этим семь он приставил
Духов-властителей звезд, что блужданием рок направляют,*

*Плотно, один под другим, поясами друг друга касаясь
И загорелись повсюду на тверди небесной светила.
А посреди, на устоях он землю воздвиг нерушимы,
Землю стезею наклонной он оси скрепил неподвижной,
Что от палящего юга ведет к ледовитому Аркту.
Здесь он рекой-океаном сухой материк опоясал
Бешеной, вечно мятежной, меж двух половин его вдвинув
Средний залив, что с заката до дальних пределов востока
Тянется, сильной плотиной высоких берегов укрепленный,
Так вокруг суши — сестры необъятной тесьмой разлилася
Влага, блуждающих волн и ветров вековая обитель;
Ось же земную с обоих концов оба полюса давят...*

Сыну своему Гермесу Зевс обязан личным спасением и сохранением власти над миром. Это случилось, когда Гея-Земля в отместку за избиение Олимпийцами ее детей Гигантов произвела на свет еще одно чудовище — змееногого и змеерукого исполина Тифона. По другой версии его матерью была Гера: в отместку за рождение Афины без своего участия Гера решила отомстить Зевсу и обратилась за помощью к свергнутому Крону, тот дал ей два яйца, оплодотворенных собственным семенем; в результате в мир явился Тифон. Его ужасная голова касалась звезд, огромные крылья затмевали Солнце, из глаз полыхало пламя, а из глотки летели огненные камни. При виде огнедышащего чудища, олицетворяющего необузданную природную стихию, Олимпийские боги бросились бежать и укрылись в Египте, где каждый превратился в какое-либо животное: Зевс — в барана, Аполлон — в ворона, Дионис — в козла, Гера — в белую корову, Артемида — в кошку, Афродита — в рыбу, Арес — в вепря, Гермес — в ибиса и т.д. (так эллины объясняли происхождение древнеегипетского звероморфного пантеона; в действительности же здесь называются древние, по большей части доиндоевропейские, тотемы). Тифон настиг Зевса и в поединке сумел отобрать у владыки Олимпа его ритуальное оружие — кремневый серп, им когда-то был оскоплен Уран-Небо (еще одно яркое напоминание о древнекаменном веке). Тифон одолел Кронида (единственный случай такого рода), связал его, вырезал сухожилия на ногах и бросил в глубокую пещеру. Казалось, власти богов-олимпийцев пришел конец. Но нет — Гермес хитростью выкрал Зевсовы сухожилия, спрятанные в медвежью шкуру, вживил их отцу, и воспрянувший Зевс сразил Тифона

молниями и навсегда низвергнул его под Землю. С точки зрения обосновываемой здесь полярной концепции происхождения мировой цивилизации эта история интересна еще и тем, что, по мнению исследователей, Тифон является персонификацией Севера (Роберт Грейвс¹¹³) и титаном (Макс Мюллер¹¹⁴), так как этимологически наименования Титан и Тифон тождественны.

Действительные смысловые и этимологические корни наименования Арктики-Аркта-Арктиды (а также Аркадии) кроются в доиндоевропейских глубинах. Слово *арка* в санскрите — один из синонимов Солнца и бога Солнца (кроме того, означает еще: «луч»; «гимн», «песнопение», «певец»). Следовательно, и Арктика (Аркт) и Аркадия по своему первоначальному смыслу — Страна Солнца (Подсолнечное царство русских сказок и легенд). Приполярная страна — Арктика запомнилась нашим доиндоевропейским предкам прежде всего как царство света и Солнца. Древнеиндийское (ведийское) и санскритское происхождение названия Арктики — лишнее подтверждение теории Б. Тилака о Полярной Прародине индоевропейцев. Итак, греческое слово *arktikos* означает «северный», а санскритское слово *arka* означает «солнечный». Археология смысла как комплексный метод исторического анализа приводит к неоспоримому выводу: на начальном этапе расчленения индоевропейской языковой и культурной общности понятия «северный» и «солнечный» были тождественными. Корневая основа «арк» имеет еще один глубокий смысл. В латинском языке *arcanum* означает «тайна», *arcanus* — «тайный», «скрытый», а в культовом и религиозном плане — «сокровенный», «таинственный», «хранимый в тайне». Все тот же корень «арк{т}», уводящий и в Арктику, и к Гермесу, если вспомнить, что тайное знание, оставленное Гермесом, именуется «арканы», Великие арканы Таро. Тайное совмещено с нордическим. Арктика — это всегда тайна.

СТРАНА СТАРИННАЯ — СТОРОНА БЫЛИННАЯ

Русские былины — кладезь народной памяти. В них отражены все основные вехи русской истории и предыстории. Еще сто — двести лет тому назад бушевали нешуточные страсти вокруг вопроса о смысле былин, источниках их происхождения и событиях, в них отображенных. Теперь страсти понемногу улег-

лись. Под воздействием вненаучных факторов в учебниках, энциклопедиях, справочниках, большинстве монографий и популярных книг как-то сама собой утвердилась обедненно-односторонняя точка зрения, согласно которой былины так называемого киевского цикла (за исключением разве что сказаний об архаичных богатырях — Святогоре, Волхве Всеславьевиче и Микуле Селяниновиче) отражают исторический период от Крещения Руси равноапостольным князем Владимиром до монголо-татарского нашествия, а былины так называемого новгородского цикла воспроизводят в эпической форме повседневную жизнь разных народных слоев той же и еще более поздней эпохи. На самом деле не так все просто. События последнего тысячелетия (начиная с Владимира Святого и даже Олега Вещего), угадываемые в былинах, — всего лишь обрамление, фон да еще позднейшие дополнения сказителей, вовсе не ведавших, что истинное содержание былин относится ко временам на порядок более ранним, включая как предысторию самого русского народа, так и предысторию тех протославянских, протогерманских, протокельтских, протогреческих, протороманских и т.п. протоплемен, когда все они находились в составе постепенно распадающейся индоевропейской этнической, языковой и культурной общности.

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере смысловой реконструкции некоторых классических и, казалось бы, совершенно бесспорных образов, таких, например, как былинный князь Владимир Красное Солнышко. Считается чуть ли не само собой разумеющимся, что в красносолнечном князе народ опозитизировал крестителя Руси Владимира Святого, присовокупив к нему некоторые черты Владимира Мономаха. Достижения и выводы таких выдающихся отечественных мифологов, как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, П.А. Бессонов и другие, при этом, как правило, игнорируются. Между тем еще в XX веке было совершенно определенно установлено, что во многих былинах можно выявить несколько исторических пластов, и самый древний из них уходит в глубины общеиндоевропейского прошлого. Это как раз нагляднее всего и видно на примере анализа образа князя Владимира, данного Федором Ивановичем Буслаевым (1818—1897) в его классическом труде «Исторические очерки русской народной поэзии и искусства». Безусловно, нет никакого сомнения, что былинный Владимир Красное Солнышко на завершающем этапе

развития данного образа присовокупил многие черты двух стольнокиевских князей. Но сделано было это на уже имевшейся устойчивой фольклорной основе. Таким первичным и древнейшим ядром, как установил Буслаев, является архаичный образ древнеславянского и древнерусского Волота Волотовича, фигурирующего в качестве ведущего «вопрошателя» уже в русском мифологическом компендиуме, именуемом Голубиная книга, а впоследствии расшепившегося на былинных героев Волхва Всеславьевича (легендарного Вольгу) и Владимира Красное Солнышко¹⁰⁰.

Волот — древнерусское слово, означающее «великан». В конечном счете данный мифологический образ является общемировым и восходит к сказаниям разных народов об исполинах, некогда населявших Землю. Как и у них, у русского Волота обнаруживается также и космогонический аспект, в чем нетрудно убедиться при лингвистическо-смысловом анализе имени Владимир, в котором закодированы древнейшие представления о великанах-волотах. Древнерусская форма имени — Володимир. Волот здесь фигурирует в превращенном виде: перед звуком — согласный «т» заменился на «д». А первоначально было — Волот Имир. Имир — гигантский вселенский великан скандинавских сказаний, из его расчлененных частей был создан весь Мир (понятие «мир» как раз и содержится в имени Имир). Вот как повествуется об этом в Младшей Эдде: «Сыновья Бора убили великана Имира... Они взяли Имира, бросили в самую глубину Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни — из передних коренных его зубов и осколков костей... Из крови, что вытекала из ран его, сделали они океан и заключили в него землю. И окружил океан всю землю кольцом, и кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть»¹⁰¹.

В русской мифологической традиции отзвуки этого сюжета однозначно просматриваются в стихах о Голубиной книге, где все богатство видимого мира истолковывается, как части некоего космического божества:

*Белый свет от сердца его,
Красно солнце от лица его,
Светел месяц от очей его,
Часты звезды от речей его...*¹⁰²

Другой вариант Голубиной книги (всего их известно около тридцати) имеет следующее продолжение с учетом христианизированной «правки»:

*Ночи темные от дум Господних
Зори утрени от очей Господних,
Ветры буйные от Свята Духа.
Дробен дождик от слез Христа,
Наши помыслы от облац небесных,
У нас мир-народ от Адамия,
Кости крепкие от камени,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда наша от черна моря¹⁰³.*

Общеиндоевропейская корневая основа, закрепившаяся в древнескандинавском имени Имир, обнаруживается и в современном русском слове «имя», а также в глаголе «иметь». Этот корень содержится в имени древнеиранского первочеловека Йимы. По иранским преданиям, Йима — создатель мировой цивилизации, спасший человечество от потопа, обрушившегося на Землю после жесточайшей зимы. При Йиме в подвластных ему странах восцарил Золотой век, красочно описанный Фирдоуси в «Шахнаме». Но в конце жизненного пути Йиму, как и великана Имира, ждало расчленение: он был распилен пополам собственным братом-близнецом.

Таким образом, не подлежит сомнению, что некоторые общие для древних индоевропейцев космогонические представления преломились впоследствии и в древнеиранском Йиме, и в древнескандинавском Имире, и в древнерусском Волоте Имире (Владимире). Эпитет последнего — Красное Солнышко — практически представляет собой калькированное воспроизведение мифологических представлений древних арийцев о Красносолнечном боге Сурье, а вовсе не является результатом всенародной любви, выразившейся якобы в ласкательном прозвище киевского князя, ни в одной летописи не зафиксированного. Знаменательно и не случайно также, что в миропонимании древнерусского человека представление о Волоте ассоциировалось с титаном Кроном. «Крон гигант бе, рекше человек волот», — читаем в одном из Азбуковников XVII века.

Выявление и раскрытие архаичных пластов в структуре русского эпоса ни в коем случае не принижает самобытность и

полнокровность его героев. Смешно было бы, к примеру, отрицать центральную роль в устном народном творчестве колоритного образа *Ильи Муромца*. К тому же известно, что у него был реальный прототип среди деятелей Киевской Руси. Еще в XVI веке иностранные путешественники описывали разрушенную киевскую церковь, где когда-то была гробница знаменитого богатыря — сподвижника Владимира Святого, жившего в X веке. Правда, многие оспаривают конкретную пространственно-временную привязку этих сведений, исходя из того, что Православная церковь 19 декабря (по старому стилю) отмечала «память преподобного отца нашего Ильи Муромца, в двенадцатом веке бывшего», моши которого покоятся в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры¹⁰⁴. В настоящее время мумия былинного богатыря находится там же. Совсем недавно украинские ученые произвели ее вскрытие и тестирование. Было установлено, что захоронение относится именно к XII веку. Судмедэкспертиза подтвердила также, что примерно до 33 лет русский исполин «сидел сиднем», страдая редкой болезнью гипофиза (акромегалический синдром), не позволявшей ему ходить. А погиб Илья, скорее всего, от удара копья в сердце: в этой части сохранился характерный продольный след.

Все сказанное, однако, не означает, что цикл преданий об *Илье Муромце* сложился на пустом месте. Стоит пристальней приглядеться — и тотчас же проступает пласт более древних архаичных воззрений. Первым актом становления *Ильи Муромца* как святорусского богатыря (после пролога исцеления его каликами перехожими) было восприимствование силы и получение благословения на жизненные и ратные подвиги от старейшины богатырского пантеона великана *Святогора*. Прежде чем отправиться в Киев ко двору князя Владимира, Илья держит путь на Север, в Каменную страну, где живет Святогор. В прозаическом пересказе былины, по записям П.Н. Рыбникова, край, где повстречались два русских богатыря, поименован Северными (то есть *Северными*) горами¹⁰⁵. По некоторым версиям, имя наибольшего богатыря звучит как *Светогор*. Да и горы, где он обитает, названы Светлыми¹⁰⁶. В старинных памятниках северной Новгородской Руси (XIV—XVII вв.) под словом «камень» подразумевали горы вообще и Уральский хребет — в частности. Все это лишь усиливает аргумент в пользу северного места действия былин *Святогорова* цикла.

Акт передачи силы и старшинства от Святогора к Илье носит ритуально-мистический характер: Святогор лежит в каменном гробу, из которого ему уже не суждено подняться (что, как уже говорилось, полностью совпадает с сюжетной линией мифа о смерти Осириса), и в этот момент «пошла из него да пена вон». При помощи этой таинственной «пены» и совершился акт передачи силы от одного богатыря к другому:

*Говорил Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Дак ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильного могучего богатыря.*

Пребывание Ильи на Святых (Светлых) горах было достаточно продолжительным. Богатыри много и плодотворно общались:

*Ездили они по щелейкам [щелейки — «скалы» — В.Д.],
Разъезжали тут оны да по Святым горам,
Ездили оны по многу времени,
Ездили оны да забавлялись...¹⁰⁷*

Один из Святогоровых эпизодов заслуживает особого внимания: Святогор знакомит Илью со своим отцом, таким же исполином — только слепым («темным»). Ему даже боязно было подать руку. Потому-то Святогор и посоветовал «крестовому брателку» протянуть отцу не руку, а раскаленный кусок железа. Старик спокойно схватил железо, сдвинул и проговорил: «Крепка твоя рука, Илья. Хорош ты богатырек!»¹⁰⁸ Впоследствии Илья еще раз навестит слепого старика-волота по просьбе умирающего Святогора, чтобы получить от отца «вечное прощенье». Но в данном случае нас интересует, так сказать, интэрьер первой встречи Ильи с отцом Святогора. Где можно раскалить кусок железа? Есть только одно пригодное место — кузница. Следовательно, Святогор и тем более его безымянный отец (в некоторых былинах содержится намек на его имя — Колыван, несомненно восходящее к имени доиндоевропейского Солнцегобога Коло-Коляды) причастны к священному месту многих древних мифов — волшебной кузнице и ее обитателям — ковачам, свирепым и негостеприимным — как характеризовал

их Прометей у Эсхила, очерчивая несчастной беглянке Ио путь с Севера на Юг. Такие древнейшие кузницы воссоздаются и в одном архаичном древнерусском заговоре, где поминается фольклорный коррелят Гипербореи — остров Буян: «На море на Окияне, на острове на Буяне стоят три кузницы. Куют кузнецы на четырех станках»¹⁰⁹.

Сакральная кузница почти что роковым образом привязана к циклу былин о Святогоре, о чем свидетельствует также и сказание о его женитьбе. Текст сохранился только в прозаическом пересказе; в нем место действия поделено между Сиверными (Северными) горами, где находится волшебная кузница, Поморским царством, где живет невеста богатыря-волота (на Севере оно может располагаться только на берегу Ледовитого океана или его морей), и Святыми (Светлыми, то есть Подсолнечными) горами, где живет сам исполин. А начинается сказ со знаменитой встречи Святогора с Микулой Селяниновичем и его сумочкой переметной. Хранилась в ней тяга земная, да не далась она Святогору: как ни тужился великан — не смог даже приподнять той сумы. Захотел он тогда узнать про свою судьбу и что ему на роду написано. Микула предсказывать ничего не стал, но зато подсказал, что надобно делать. Далеко на Северных горах «под великим деревом» (отголосок мировой легенды о Космическом древе) стоит кузница, в ней кузнец-провидец кует два тонких волоса и знает все про судьбу каждого (знаменитый обшеславянский всезнающий Дед Всевед). Добрался Святогор до вешего ковача, тот ему все и поведал. В Поморском царстве найдет богатырь свою суженую, она вот уже как тридцать лет «лежит в гноише», покрытая коростой. Нашел Святогор ту страдалицу — тело от струльев, что «кора еловая». Подумал: «На что нужна такая жена». Ударил ее мечом в грудь и ускакал. Хорошо, что денег не забыл оставить. А девица тем временем очнулась и превратилась в неописуемую красавицу. На деньги, оставленные вероломным женихом, разбогатела и поплыла «по славну по синю морю» к «городу великому» на Светлых горах, где и нашла Святогора. Тот ее не узнал, но тотчас же влюбился, и в урочный час стала красавица его женой. А как повел богатырь новобрачную к супружескому ложу да увидел шрам-рубец от своего же меча, то сразу обо всем догадался и, главное, понял: не уйти никому от своей судьбины¹¹⁰.

Кузнецы, по древней мифологической традиции, как правило, наделены космогоническими чертами. Классический при-

мер — северный ковац Ильмаринен из карельских рун и финских песнопений, соединенных впоследствии в связный и литературно обработанный текст «Калевалы». Как и небесные кователи других мифологий, Ильмаринен выковывает небесный свод, звезды, солнце, месяц, а также плуг и меч. Многие события карело-финского эпоса происходят в далекой и таинственной северной стране Похьёле — одновременно и враждебной героям, и средоточия всех культурных и материальных благ. Аналогия между небесным кузнецом Ильмариненом и сюжетной линией «Илья Муромец — отец Святогора» не случайна. Не случайна и созвучность имен Илья — Ильмаринен. Последнее — от финского *ilma* — «воздух», «небо». Первое — христианизированное имя библейского происхождения; от имени пророка Илии, означающего «мой бог» и восходящего к другим именам древних семитских богов: угаритскому Илу (так же звали и древнеегипетского верховного бога), финикийскому Крону — Эл и др. По-аккадски, например, в «Эпосе о Гильгамеше» *ilu* также означает бог. Данный корень фигурирует и в индоевропейской мифологии: Ила — ведийская богиня жертвенного возлияния и молитвы, Иллуянка — хеттский дракон, победивший бога грозы, и др. Наконец, нельзя не заметить, что в исконном названии легендарной Трои — Илион присутствует все тот же корень «ил».

Итак, совершенно очевидно, что корневая основа «ил» имеет фундаментальное значение в индоевропейской, финно-угорской и семитской мифологии и восходит к той эпохе, когда между соответствующими протоэтносами, их языками и культурами не существовало непроходимой грани. Представляется достаточно вероятным, что образ русского былинного богатыря Ильи Муромца как раз и совместился с более древним мифологическим героем, древнее имя которого оказалось созвучным новому христианизированному имени. Во всяком случае, углубленный лексический и смысловой анализ свидетельствует в пользу такого предположения. Кто был этот древний герой? Какой культуре принадлежал? Какие напластования отделяют его от современной эпохи? Возможно, дальнейшие изыскания дадут ответы на поставленные вопросы.

Кстати, прозвище знаменитого русского богатыря, как оно представляется нынешнему поколению читателей и слушателей, вовсе не является каноническим. Уже упоминавшийся выше польский путешественник Эрих Лассота, который побывал в XVI веке на месте захоронения Ильи, называет его Моровля-

нином. В ряде былинных записей он именуется Муриным или Муровичем, что крайне озадачивало исследователей былевого эпоса. Ныне не подлежащим сомнению считается объяснение прозвища Ильи от названия города Муром, в окрестности которого расположено село, где родился русский богатырь. Это — явно позднейшая версия, «отредактированная» каликами перехожими. Если же идти в глубь веков с учетом зафиксированных неканонических прозвищ Ильи, то придется принять во внимание, что город Муром поименован так по самоназванию финно-угорского племени муромы, жившего в тех краях. Но в основе этого этнонима лежит корень «мур», имеющий наидревнейшее происхождение и в одних языках означающий «море», а в других языках «траву». Отсюда русская «мурава», а от нее — «муравей», имеющий в том числе и тотемную значимость (вспомним описанное Аль-Массуди языческое славянское капище с изваянным идолом в виде старца, окруженного муравьями, а также легендарный народ *мирмидонян* — дословно «муравьиные», — который их вождь Ахилл привел с Севера к стенам осажденной Трои). Наконец, в основе основ обнаруживается все тот же доиндоевропейский корень *mr*, давший жизнь и названию вселенской горы Меру, и египетским пирамидам, и ёмкому русскому слову «мир», и множеству аналогичных слов в других языках.

* * *

Высказанные соображения во многом относятся и к другим героям русского эпоса. *Павел Николаевич Рыбников* (1831—1885) — один из первооткрывателей неисчерпаемого мира северных былин — предполагал, что даже самые простые и житейски приземленные герои русского фольклора в действительности имеют древнейшее происхождение, уходящее в индоевропейскую и доиндоевропейскую культурную и мифологическую общность. Так, Рыбников считал, что Соловей Будимирович много древней Ильи Муромца. Выше было уже проиллюстрировано: так оно на самом деле и есть. Множество убедительных аргументов в пользу архаичности основных героев русского былевого эпоса привел известный деятель отечественной культуры *Владимир Васильевич Стасов* (1824—1906). Проанализировав целый ряд малодоступных русскому читателю иностранных источников, он на конкретных примерах доказал, что корни большинства персонажей русских былин уходят к самым истокам мировой культуры и истории.

Например, хрестоматийная фигура удалого новгородского купца *Садко*, которого постоянно пытаются принизить до заурядного ушкуйника периода феодальной раздробленности Руси, на самом деле родствен героям древнеиндийского эпоса, а также легенд тибетцев, индонезийских даяков и индейцев Северной Америки, где развивался мотив встречи с Морским царем, искупительной человеческой жертвы и т.п.¹¹¹.

То, что *Садко* — древнейший мифологический персонаж, подтверждает и былина, где он действует совместно со Святогором, более того, Святогор живет у *Садко*, купца богатого, и именно от него отправляется в свой последний смертный путь (См.: *Онежские былины*, записанные А.Ф. Гильфердингом. Т. 2, № 119). Вывод, однако, В.В. Стасов делает более чем странный и не вяжущийся с его патриотической позицией: все русские былинны богатыри — и старшие и младшие — не самобытны, а заимствованы у других народов, сопредельных с Древней Русью (скажем, в *Илье Муромце* Стасов усматривал главным образом черты иранского богатыря, наподобие героев «*Шахнаме*» и положенных в ее основу древних персидских сказаний). Но здесь русский критик ошибался. Собрав и введя в научный оборот Монблан нетривиальных фактов, он не сумел правильно их осмыслить. Искать заимствования чего бы то ни было у кого бы то ни было в эпосе, фольклоре, мифологии — дело вообще довольно-таки бесперспективное. Правильным было бы говорить об общем происхождении и общности в далеком прошлом всех языков, культур, верований, обычаев, традиций, сказок, легенд и их персонажей.

Более плодотворный путь археологического анализа былин избрал другой, уже упоминавшийся выдающийся деятель отечественной культуры — П.А. Бессонов, блестящий филолог-славист, этнограф и фольклорист. Ему принадлежит издание самого полного до сих пор сборника русских духовных стихов под названием «*Калики перехожие*» (М., 1861—1863), куда включено, помимо прочего, 16 вариантов Стиха о Голубиной книге. По поручению Общества любителей российской словесности Бессонов выпустил в свет былины и песни из собраний П.В. Киреевского и П.Н. Рыбникова, что само по себе явилось крупнейшим событием в литературной жизни России. Оба издания Бессонов снабдил собственными обширнейшими комментариями — они-то и вызвали полное непонимание и резкое неприятие (традиция эта по инерции сохраняется и по сей день). Что же произошло? А дело все в том, что Бессонов попытался отыскать

корни русских былин и сказок в древнегреческой (в основном) мифологии. Например, у героев популярной сказки «Семь Симеонов» он отыскивает и демонстрирует функции Олимпийских богов: Симеон-корабельщик = морской владыка Посейдон, Симеон-вор = вороватый покровитель торговли Гермес, Симеон-всевидящий = провидец Зевс, Симеон-стрелок = стрелометатель Аполлон¹¹² и т.д. — настоящий Русский Олимп. Научная общественность и читающая публика к такому повороту была не подготовлена, и концепция Бессонова попросту выпала из общей линии развития отечественной фольклористики и этнографии. А жаль — русский профессор во многом был прав, хотя многие его гипотезы действительно оказались натянутыми. Почти пророчески он предвидел: «...Русский народ, в связи с прочими славянами, даже в остатках своего творчества... передал повесть своего бытия доисторического глубже, выразительнее и обильнее многих современных народов Европы. Здесь всего ближе мы можем сравнить его с Грецией. Вот достойное поле для тысячи будущих русских мифологов и улика для настоящих...»¹¹³

Логика рассуждений Бессонова достаточно показательно раскрывается на примере анализа былинного образа *Чурилы Пленковича* (на первый взгляд побочного и второстепенного), с которым связаны два сохранившихся сюжета: в одном случае он неожиданно появляется близ Киева, и былина подробно описывает его богатство и молодечество; в другом случае разудалый герой соблазняет молодую жену старика Бермяты (Ерма) и платится за это своей собственной головой. Но Бессонова интересует не сюжет, а необычное имя — Чурила. Впрочем, корень «чур», лежащий в его основе, в русском языке известен хорошо. Выше уже подробно говорилось о гермах — долговременных каменных изваяниях, разбросанных по бескрайним просторам Евразии от тундры до южных степей. Однако этносы, обосновавшиеся в лесных краях, использовали менее трудоемкий и общедоступный материал для изготовления межевых и дорожных знаков. Они вытесывались из дерева и назывались чурбаками. Этими обрубками стволов (чурбаками) обозначались границы племенных и родовых владений. В первобытном сознании славянороссов они получали магическое и запретительное значение и кратко именовались «чурами». В словаре В. Даля дается такая расшифровка данного слова: грань, граница, рубеж, межа, край, передел, мера (наречие «чересчур», означающее «сверх меры», еще недавно писалось «через чур»).

В седые времена уходит и заклинательный смысл слова «чур», когда с помощью его произнесения пытались отвести возможные неприятности: «чур меня!», «чур-чур!», «чур не я!». В этих и других сакраментальных восклицаниях зафиксирована бессознательная вера в охранительную силу и заступничество со стороны исчезнувшего божества — символа меры и справедливого дележа. «Чур пополам!», «Чур одному — не давать никому!», «Чур вместе!» — здесь уже явственно проступает имя того, в ком видели гаранта справедливого раздела находки, добычи и т.п.

Имя этого древнего языческого божества — Чур (рис. 88), и оно является одним из русифицированных прозваний эллинского бога Гермеса. В системе древнерусских и общеславянских верований Чур жил вполне самостоятельной жизнью, лишь по функциям своим и смыслу напоминая о том давно прошедшем времени, когда происходило первоначальное расщепление индоевропейских языков, этносов и культур. П.А. Бессонов совершенно точно указывал на несомненный факт сходства между русским заклинанием при объявлении личных прав на находку или добычу — «Чур вместе!» и его древнегреческим смысловым эквивалентом, дословно переводимом как «Гермес общий!». Между прочим, в старину у русских поморов «чурами» звались каменные отмели (другими словами, здесь просматриваются «каменные корни» понятия «чур»). Кроме того, по мнению специалистов-филологов, в древности слово «чур» у восточных славян и болгар означало *penis*¹¹⁴, что равнозначно первоначально-исконному смыслу итифаллического культа Гермеса.

Итак, Чур семантически тождествен Гермесу. Все это позволило выявить герметические мотивы в образе русского песенно-былинного молодца Чурилы Пленковича. Естественно, Чурила — не прямая калька бога Гермеса, а всего лишь воспроизведение некоторых его наиболее характерных черт — как они сохранились в памяти народа и трансформировались в беспомысленном искажении при устной передаче от старших к младшим).

Рис. 88. Языческое божество Чур (худ. Н. Антипова)

В чем же проявляется герметическая сущность русского былинного героя? Во-первых, в сохранившихся представлениях о Гермесе (Яром Месяце) как летающем боге. В разных вариантах былины о Чуриле можно встретить такие характеристики:

*Под ним травка-муравка не топчется,
Лазоревый цветочек не ломится...
Под пяты пяты воробей пролетел...*

Эти и другие характеристики наводят на мысль, что Чурила не ходит по земле, а летает невысоко над ней. Во-вторых, герметические черты Чурилы проявляются в ярко выраженной сексуальности данного образа (по аналогии с богом Возбужденного Фаллоса — Гермесом и русским Ярилой). Не могут отвести от Чурилы глаз ни молодые женщины, ни старухи. Девушки аж мочатся под себя от вожделения (при этом в оригинале употребляется крепкое нецензурное выражение). Не устояла перед сексуальными чарами Чурилы и сама княгиня Апраксия. Прохождение Чурилы и его окружения перед восхищенной толпой вообще весьма похоже на традиционное народное Ярилино шествие. В-третьих, в былинах обнаруживаются черты Гермеса как Лунного бога. Терем Чурилы описывается следующим образом:

*Да все в терему-де по-небесному,
Да вся небесная луна-де принаведена была...*

В одном из вариантов именно былины о Чуриле полностью воспроизводится знаменитый фрагмент «чуда в тереме», процитированный выше. В-четвертых, постоянно подчеркивается, что Чурила носит золотой колпак, похожий на головной убор Гермеса; к тому же перед ним еще и несут подсолнечник (это уже намек на ярильные особенности). Есть немало и других штрихов.

Почему же не называется само имя Гермеса? Потому что в древнерусском миропредставлении оно претерпело определенные изменения, в том числе и языковые. Кроме того, подлинное имя эзотерического существа, тем более бога, по правилам магической и шаманской практики, не обязательно должно было произноситься вслух: оно табуировалось, замещалось другим вербальным эквивалентом. Впрочем, имя Гермеса все же всплывает в былинах о Чуриле, но несколько неожиданным

образом: старика — соперника Чурилы, у которого тот соблазнил молодую жену, в разных текстах зовут по-разному — чаще всего Бермята или Пермьята, но в ряде случаев — Ерма. Ерма (или Ермий) — это русифицированное имя Гермеса. Отсюда и имя (точнее прозвище) завоевателя Сибири Ермака (символично и знаменательно, что имя всемирного покровителя путешественников досталось русскому землепроходцу).

Но почему же имя Гермеса расщепилось на два прямо противоположных образа? Таковы перипетии устного народного творчества: память о доисторических временах доходит в искаженном, подчас неузнаваемом виде. Былое представление о древнем герое может и раздвоиться (это случается не так уж и редко и даже получило специальное наименование — дубликация), и, как эхо в горах, многократно повториться с разных сторон. Кроме того, учитывая, что у большинства древних богов (особенно у эллинских и египетских) бывало до нескольких десятков прозваний (напомним, что только Гермес-Тот имел 170 разных имен), вполне уместно предположить, что сказанное распространялось и на верования протославян — прапредков русских. В этом смысле Чур мог бы быть истолкован как Деревянный (Древесный, Лесной) Гермес, точно так же, как Яр-Мес[яи] выступает Гермесом Лунным, а Her[mes] — Гермесом Фаллическим.

Память о гиперборейской Прародине русского народа сохранилась не только в былинах. В середине XIX века записано предание о предках вятичей, поселившихся по берегам одноименной реки еще в те незапамятные времена, когда, согласно легенде, на Руси не было царей и князей, когда она управлялась своими родоначальниками. Предводительствовал русскими переселенцами богатырь по имени Оноха. Он и двенадцать его братьев построили городище, а в нем — большой дворец. Но пришельцы не были первыми на Вятской земле. Здесь давно уже проживал богатырь Никулица с красавицей дочерью. К ней-то и посватался Оноха. Никулица выдвинул коварные и заведомо невыполнимые условия: добыть «с заката» (т.е. от Солнца) камней-самоцветов, что дают негасимый свет ночью и днем. Оноха остался заложником, а его братья поскакали догонять Солнце. Назад поспеть нужно было к утру — иначе Оноху повесят (по другой версии — посадят на кол) и вороны его расклюют, а братья-богатыри окаменеют. К несчастью, так и произошло. Солнечные осколки-самоцветы братья раздобыли, но назад к двенадцатым петухам не успели и превратились в камни. Хит-

ростью Онохе удалось вырваться из плена, бежать вместе с названной невестой в свой город-крепость. Однако и Никулица с дружиной не дремал: на быстролетных крылатых конях беглецов настigli и Оноху сожгли на том месте, где схватили, а кости закопали вместе с солнечными негасимыми самоцветами.

Такова вкратце канва легендарных событий, сочетающих и волшебную сказку, и былину, и глубочайшую архаику каменного века, летающих гиперборейцев, солнечный культ и 12-месячный годовой цикл (12 братьев — знаменитые славянские 12 Месяцев). Пересказанный сюжет был чрезвычайно популярен среди местного населения. Повсюду распевали песню про богатыря Оноху — ее наизусть знали каждый крестьянский мальчик и каждая крестьянская девочка, подчеркивал автор публикации в «Вятских губернских ведомостях» за 1861 г. № 1. (Продолжение этой истории можно прочитать в моей книге «Русь гиперборейская».)

Кто же такой Оноха и к какому времени следует отнести его появление на территории, вплотную примыкающей к Русскому Северу? Легенда наверняка восходит к отголоску каменного века — Святогорову циклу русских сказаний, и богатырь Никулица — вятский неидеализированный прообраз былинного Микулы (Никулы) Сеяниновича. Но есть ли в мировом фольклоре параллели для загадочного Онохи? Есть! — давным-давно определили исследователи: русский Оноха — никто иной, как ветхозаветный и апокрифический Енох (Энох)¹⁵. Оноха (или в более привычной вокализации — Аноха) — в прошлом весьма распространенное на Руси имя, о чем свидетельствует фамилия многочисленных современных Анохиных. В народном истолковании «аноха» — «простака», «недоумок» (см. Словарь В. Даля). Вместе с тем в народе однозначно представляли, что Аноха — это библейский Енох Праведный, которого бог вознес на небо. В быту так и говорили — Аноха-праведник (известны и другие поговорки: «Время плохо — стал указчиком Аноха»; «Аноха Оноху, да впряг в соху» и др.).

Особой популярностью среди всех слоев населения пользовался ветхозаветный апокриф «Книга Еноха Праведного». Или, как она именовалась в одном из списков XIV века: «От книг Еноха Праведного, пореже потопа, и ныне жив есть», откуда следовало, между прочим, что библейский праведник, поведавший о космических странствиях и «всем неизреченном и неисследованном мире», здравствует и поныне. В «записках» Еноха, переданных людям, настолько подробно, детально и нату-

ралистично описано вознесение живого человека в занебесные сферы, что это дало основание некоторым популяризаторам заявить, что библейского патриарха в Космос забрали два инопланетянина, описанные в апокрифе как «два мужа огромные», ранее на земле не виданные — с горящими лицами, огненным оперением и золотыми (солнечными) крыльями. Во время своего путешествия Енох посетил семь космических сфер, познакомился в внезапными мирами и механизмом управления Вселенной, узнал законы движения звезд и планет, воочию увидел вселенские чудеса — вплоть до сферического «светлостояния» в виде огненных колес. Сказания о межзвездных скитаниях Еноха Праведного не могли не пробудить в душе космического мироощущения. Подача материала от первого лица только усиливала это чувство у читателей и слушателей разных эпох и народов: «Меня окружили облака и туманы; движущиеся светила и молнии гнали меня, ветры ускорляли течение мое; они вознесли меня на небо. Я достиг стены, построенной из кристалла; колеблющееся пламя окружало ее; я вошел в это пламя. Я приблизился к обширному жилищу, построенному из кристалла. Стены, как и фундамент этого жилища, были из кристалла, а свод его состоял из движущихся звезд и молний...»¹¹⁶ Сквозь образную символику здесь явственно просматриваются и позитивные факты.

Как же в таком случае Енох-Аноха оказался на Вятской земле? Все очень просто: библейские книги (особенно Книга Бытия) при их составлении опирались на более древние, в том числе и «гиперборейские», источники. То же относится и к апокрифической «Книге Еноха Праведного». Это ведь только для ортодоксальных богословов она представляется ложно-«отреченной». С непредвзятой и исторической точки зрения описание космического путешествия Еноха — такой же бесценный источник культуры, как и любая другая древняя — каноническая или неканоническая — книга. И в ней в мифологизированной форме содержатся сведения об одном из праотцов современных этносов — Енохе-Анохе, к тому же тесно связанном с северной Прародиной. Русская же интерпретация об Онохе-вятиче вообще «заземляет» допотопную историю, привязывая ее к территории современной России и позволяя спроецировать ее на те времена, когда существовал единый Пранарод с единым Праязыком. А место его обитания именовалось Соловейской землей — Гипербореей.

Под воздействием космических сил и ударами стихий русская и мировая Гиперборея канула в Лету, оставив о себе смутные воспоминания в памяти народов, либо являющихся прямыми потомками и наследниками Счастливой страны, либо живших по соседству и соприкасавшихся с древними хранителями и носителями высоких знаний и культуры, включая астрономические представления и космическое мировоззрение. Рядом обитали иные племена — их уровень развития был значительно ниже. Именно о них нам известно по результатам многолетних археологических раскопок. Соприкасающиеся разноуровневые цивилизации — не сообщающиеся сосуды. Высокоразвитые достижения современной технически развитой цивилизации и сегодня не оказывают непосредственного влияния на уровень развития, обычаи, культуру и мировоззрение племен, обитающих где-нибудь в джунглях Амазонки или Новой Гвинеи (хотя случаи эпизодических контактов между дикими аборигенами и цивилизованными путешественниками оставляют след в памяти тех и других). Так было и в прошлом.

Мировосприятие первобытного человека конечно же отличалось от мифологизированной идеологии более развитых цивилизаций и культур, соседствовавших с первыми. Далеко не всегда удавалось выразить развитое мировоззрение адекватным способом. Помноженное на примитивную технику, это приводило к результатам, которые воспринимаются современным человеком неоднозначно. Примером могут служить наскальные рисунки, обнаруженные на берегах Онежского озера. Богатство впечатлений первобытного художника-наблюдателя не вмещают скудные возможности изобразительного материала. События же, требовавшие своего отображения в наскальных рисунках (петроглифах), воистину космического масштаба (рис. 89).

Гиперборея — древнейшая цивилизация Земли — оказала решающее влияние на все последующие социокультурные процессы, положив начало как протоиндоевропейской, так и неиндоевропейским общностям и культурам. Ее история стала также и началом предыстории русского народа. После гибели Гипербореи наши прапредки постепенно расселились по просторам Восточной Европы, не менее двух раз побывали в Передней Азии, достигнув Египта (в библейские времена и на волне скифского нашествия), с гуннами дошли почти до Атлантического океана и вернулись назад, основали мощнейшее государ-

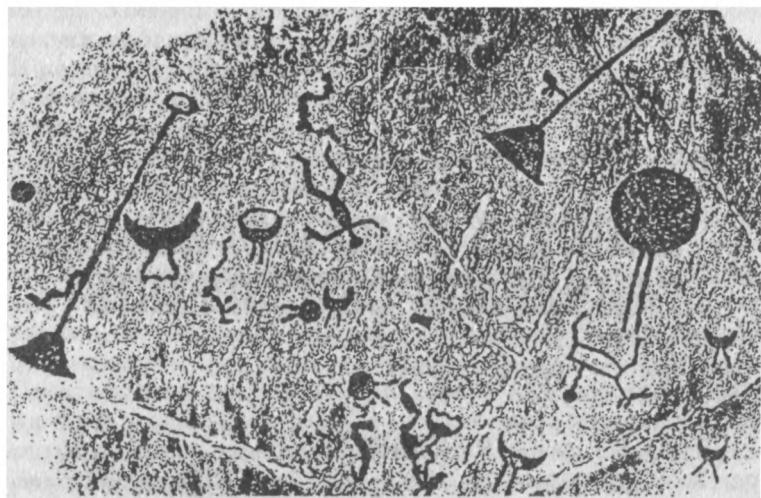

Рис. 89. Онежские петроглифы

ство средневековой и новой истории — Россию, вновь заселили и освоили Север Евразии и Сибирь. Русские всегда и вновь возвращаются на родину предков.

К сожалению, потомки не всегда помнят заветы прошлого, особенно если утеряны традиции передачи опыта и знаний от поколения к поколению. В древности существовали профессиональные хранители знаний и памяти народной — жрецы, старейшины рода, рапсоды, скальды, сказители и т.д. Впоследствии появились письменные тексты. Но они ничто без живого озвучивания и истолкования. Тексты египетских фараонов и Бехистунская надпись Дария мало говорят созерцающим их праздным туристам, хотя высечены в камне на века и тысячелетия.

ЧАСТЬ 2

ЗАГАДКИ МИФОЛОГИИ — ТАЙНЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

РУССКИЕ БОГИ

Я вижу призрак Световита
Меж облаков,
Кругом него — святая свита
Родных богов...

Константин Бальмонт

Из дальних Сварога садов
Плывет пресветлый бог богов!

Николай Клюев

ПЕРВОБОГИ

В древнерусском мировоззрении, прямом наследнике предшествующих эпох, впитавшем многие черты и образы общечеловеческой культуры, существовало множество божеств, с именами которых связывался Космос, его устройство и происхождение.

Во всех древних мифологиях таких богов, как правило, бывало несколько и каждый выполнял определенную функцию, и лишь по деяниям их всех вместе можно было составить представление о целостном мире во всех его проявлениях. Между богами существовала строгая иерархия. Однако чем дальше в глубь времен, тем более размытой и противоречивой становится жесткая субординация. На ранних стадиях боги и богоподобные существа нередко ведут борьбу не на жизнь, а на

смерть. Именно в результате такой смертельной войны появляются победившие и поверженные или подчиненные боги. В целом это отражало тысячелетние перипетии родоплеменной и этнической борьбы, которая получала конкретное отображение в борьбе идеологий в их мифологической оболочке.

Само слово «бог» древнейшего происхождения: исходный корень легко обнаруживается в санскрите, где *bha* означает: «звезда», «созвездие»; «светило», «солнце», а *bhāga* — «счастье», «благополучие»; «красота», «любовь». Отсюда и русское слово «богатство» как выражение достояния и счастья (в последующей интерпретации — даруемых богом). Отсюда же такие старинные, вышедшие из употребления русские слова, означающие «красоту», как «баса» — «краса», «баской» — «красивый». Первоначально древнеарийский корень *bha* соединял в себе значение «света» и «речи». По разысканиям крупнейшего русско-украинского языковеда и мифолога *Александра Афанасьевича Потебни* (1835—1891), именно от древнеиндийской корневой основы *bha* в значении «речь» произошли многие русские слова с корнем «ба»: «баить» — «говорить», «баюкать», «баюн», «бас» — «низкий голос», «басить», «басня», «басма» — «заговор», «бахарь» — «говорун», «балагурить», «балагур». Кстати, само древнеиндийское слово *bhāga*, от которого ведет родословную русское слово «бог», означает также «женские половые органы», а образованное от него словосочетание «бхагяджня» обозначает соответствующий обряд и ритуальные церемонии, посвященные женским гениталиям, что является несомненным отголоском матриархальных отношений, древнейших верований и поклонения Великой Матери¹.

Кого считать верховным богом древних славян, а затем и русских язычников? И был ли такой бог? Введение христианства на Руси полностью подорвало прежние тысячелетние верования и в прямом физическом смысле уничтожило все материальные памятники языческой старины. Восстанавливать их приходится путем комплексной реконструкции, аналогий с родственными культурами, опираясь на скурые свидетельства некоторых письменных источников. Так, католические миссионеры оставили описания дохристианских божеств и обрядов балтийских славян, впоследствии поголовно истребленных в ходе немецкой экспансии. Характерно, что древнеславянские идолы по замыслу повторяли известные трехголовые и многоглавые индуистские божества (что свидетельствует об общем ис-

Рис. 90. Каменные идолы.
1 — Новгородская обл.,
2 — Слоним; 3 — Псковская
обл., 4 — Себеж; 5 — Акули-
нино, Московская обл.

точнике их происхождения). Аналогичные идолы встречались и у древних германцев, в частности у скандинавов.

Сохранилось несколько подобных свидетельств. Одно из них — знаменитое описание дохристианского славянского святилища на острове Рюген близ побережья Балтийского моря — приводит И.Е. Забелин в Приложении к своему капитальному двухтомному труду «История русской жизни с древнейших времен». Описание это полностью приводится в книге Герхарда Меркатора — «Космография», написанной в XVI и изданной в XVII веке. Забелин придерживался точки зрения, не разделяемой ныне большинством ученых, согласно которой Рюген (Ругия) —

это и есть древнее Русия (чередование «г»→«з»→«с» здесь, как в средневековом названии Риги — Риза (Рыза)*. Вот лишь малый фрагмент из обширного отрывка, переведенного на архаический русский язык: «В том же граде три божницы были наполнены идолов, а над всеми начальнейший был Святывит; а иной идол был о семи лицах на единой главе; той опоясан сьедьмою сабли, а в левой руке имел меч голой. Идол тот

* Задолго до основания современной Риги на ее месте в устье Двины (гидроним также чисто славянского происхождения, первоначально звучавший как *Дивина*) существовало поселение славянского племени *ругов* (так на Западе долго, даже еще и во времена Киевской Руси, звали *русов*), в честь которого и сам славянский город именовался — *Руга*. Когда в 1201 году вторгшиеся рыцари-меченосцы (которые вскоре объединились вместе с тевтонами в Ливонский орден) стерли с лица земли славян-автохтонов, они построили на месте уничтоженного славянского поселения крепость с созвучным названием — *Рига*. При этом в самом центре средневековой Риги еще некоторое время сохранялся район *Русендорф* (что в переводе с немецкого означает — *Русская деревня*).

толст и высок и пригож, называли его Мартом (Марсом)... Другой идол имел на главе пять лиц без сабель и без меча, того называли Смирением... Третий идол имел на главе 4 лица, а пятое на персях; левую рукою держался за верх главы, на правое колено приклякнул; того идола называли богом царства того; имя ему было Поренитум².

К несчастью, до наших дней не сохранилось ничего из этой былой красоты и великолепия. Каменные изображения славянских идолов, изредка находимые в земле, примитивны и невыразительны (рис. 90) (быть может, они не имели вообще ритуального назначения, а выполняли роль указательных, пограничных, межевых или памятных знаков). Подлинные же изображения настоящих русских, славянских, а также, кстати, германских и скандинавских богов до нас не дошли, так как были уничтожены христианскими миссионерами. Кроме того, дерево, из которого они были сделаны, весьма непрочный материал и сохраняется в течение веков и тысячелетий только в особых условиях. Представление о том, как мог выглядеть пятиглавый русский бог, можно составить по аналогии с пятиглавым индуистским Брахмой (см. рис. 38), восседающим на лебеде, священной птице гиперборейцев. Своими корнями он уходит в тот общий индоарийский источник, откуда вышли все славянские и индийские боги.

Современная художница Надежда Антипова предприняла попытку воссоздать образы древнеславянских богов — пятиглавого Поренута (рис. 91) и семиглавого Руевита (рис. 92) — оба они входили в языческий пантеон балтийских славян. Ниже приводятся и другие иллюстрации Н. Антиповой, которой я приношу искреннюю благодарность за использованные рисунки, заимствованные из кн.: Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995.

Место пребывания богов — небо во всей своей космической

Рис. 91. Поренут
(худ. Н. Антипова)

Рис. 92. Руевит
(худ. Н. Антипова)

красоте и неисчерпаемости. Оно — обитель Солнца, Луны, мириад звезд, утренней и вечерней зари, чудесных и обыденных явлений — северного сияния, падающих и светящихся метеоров, радуги, молнии и грома, ветра, облаков, туч, низвергающих дождь, снег, град и т.п. Это — самоочевидный факт, не требующий для своего осмысления особых умственных усилий. Но во всякое время, на протяжении веков и тысячелетий, небесное величие внушало восхищение, трепет, а подчас и страх, становилось объектом суеверного почитания и религиозного преклонения.

В рукописном служебнике с тревником XVI века содержится вопрос, который духовник должен был задавать на исповеди: «Кля-

нялся чему от твари: солнцу, или звездам, или месяцу, или заре?»³ Приведенные слова исповедника неотвратимо свидетельствуют о том, что еще в эпоху Ивана Грозного, от которой нас отделяют какие-то 12 поколений, наши предки по-прежнему поклонялись Солнцу, Месяцу, звездам и заре, а официальная церковь усматривала в этом прямую угрозу собственной идеологии.

Спустя некоторое время, уже в пору правления новой династии, в челобитной, поступившей из Белгородчины на имя царя Алексея Михайловича, сообщалось: «...Сходятся многие люди мужского и женского пола позором, и в ночи чародействуют, солнечного восхода, первого дни луны смотрят, и в громовое громление на реках и озерах купаются, чают себе от того здоровья, и прочие всякие бесчинства делают»⁴. Как видим, в XVII веке по-прежнему сохраняются рецидивы языческого поклонения Солнцу и Луне, а также богу-громовержцу, коим на Руси считался Перун. Ответом на процитированный донос явился специальный царский указ, установивший наказание не только за волхование и чародейство, но и за пение «на улицах и на полях богомерзких и скверных песен», под

которыми подразумевалось классическое народное обрядовое и лирическое творчество.

Между прочим, сразу же за появлением царского указа, как правило, следовали жестокие репрессии. В сборнике, откуда заимствован вышеприведенный царский рескрипт, опубликованы и другие документы, красноречиво свидетельствующие о последствиях конкретных мер, принимаемых местными властями по отношению к приверженцам исконно народных традиций. Один из документов озаглавлен так: «Сыск о жестоких пытках над стрелецкой женой, обвинявшейся в чародействе». В следующем документе просто констатируется смерть во время пыток обвиняемого в чародействе. Многих из обвиненных в чародействе после допросов «с пристрастием» сжигали на костре или в срубе. Чтение сохранившихся челобитных — занятие не для слабонервных. Одно бесспорно: искусство русских «заплетных дел мастеров» мало чем уступало западноевропейским инквизиторам.

Гигантское естественное театральное действие, ежедневно, ежечасно, ежеминутно разыгрываемое Матерью-природой на небесах, имело своих постоянных героев, наделенных особыми чертами характера и собственными именами. Небо во всех своих ипостасях и личинах (а не только в виде одной лазури) всегда считалось и почиталось как всеобъемлющий бог, космических масштабов, охватывающий все живое и неживое и проявляющий на собственном теле-пространстве различные знаки, символы, заклятия и письмена.

В заговорах и заклинаниях русский человек (как, впрочем, и любой человек вообще) нередко не просто призывал на помощь космические силы, но как бы сам стремился раствориться во вселенской стихии, уподобляясь небесным явлениям и как бы обретая их потенции. В конце XIX века были опубликованы образцы подобных заклинаний, заимствованные из судебных материалов (судных дел) XVIII века, но, вне всякого сомнения, имеющие более древнее происхождение. Вот подлинные слова заговора: «...Облакаюся в облак свете и попяшуся светлою зарею, обычуся частыми звездами, украшаю себя от какова (макова?) цвету, дай же мне, Господи, красоту светлого солнца, зрение от облака-света, очи от быстры реки; дай же мне, Господи, силу от сильных то (туч?) грозу, от грозная тучи страх, от страшного грома храбрость, от буйного ветра быстрость»⁵. Залогом неотвратимости исполнения заклинания может выступить космическая пятерница — «красное солнце и

Рис. 93. Сварог
(худ. Н. Антипова)

светлый месяц, белая заря и светлая луна и частые звезды».

В народном мировоззрении небо вообще являлось одним из синонимов Космоса. Именно такое разъяснение содержится и в словаре Владимира Даля: небо — это бесконечное пространство, «вся ширь и глубь Вселенной». Но не только в народном миропредставлении — в науке и в философии понятия «Космос», «Вселенная», «Небо» на протяжении двух

последних тысячелетий употреблялись как идентичные. Самый знаменитый космологический трактат древности, принадлежащий Аристотелю и породивший необозримое количество подражаний и комментариев, называется «О Небе». Здесь неоднократно повторяются дефиниции, вроде следующей: «...Мы имеем обыкновение называть Небом [мировое] Целое и Вселенную»⁶, а термины «Небо» и «Космос» используются как синонимы.

В славянской мифологии небо как выражение космической полноты и безбрежности олицетворял бог *Сварог* (рис. 93) — одна из центральных фигур древнерусского пантеона. Его происхождение теряется в глубине веков, однако этимологические корни обнаруживаются в санскрите, где *svar* означает и «небо», и «солнце», и «солнечный свет». От исходной корневой основы — множество производных слов, среди них наиболее созвучное русскому Сварогу — *svar-gá*, означающее также «небо»; оно же — рай Индры, расположенный на вершине горы Меру, один из семи миров, в который переселяются души умерших праведников.

К этому ряду примыкают близкие по смыслу слова с корнем «вар», первоначально имевшим в древнерусском языке значение «жар», «зной», а также «кипящая вода, смола», — отсюда слово «варить» и все от него производные. Но здесь сама собой напрашивается аналогия, точнее, несомненная связь древнеарийского корня «вар» с именем величайшего из богов ведийского пантеона — Варуны — вседержителя Вселенной и самодержца над миром и людьми, главного из адитьев. Варуна — несомненно один из источников представлений о законах Вселенной у потомков древних ариев, его черты нашли отражение в божествах неба и света в славянской мифологии. Кос-

мические же функции Варуны вкратце таковы: он — тот, кто сотворил мир и удерживает его, он заполняет воздушное пространство, расширяет землю, укрепляет Солнце, измеряет Землю Солнцем, поднимает на небо; небо и земля подвластны ему; день и ночь — его одежда. Варуна дал движение Солнцу; оно его глаз; сам он тысячеглаз.

Сварог — отец Солнца и олицетворяющего его Дажьбога. «...Сего ради прозваша и бог Сварогъ, — отмечает Ипатьевская летопись (1114 г.), — и по семь царствова сынъ его именемъ Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ». Ипатьевская летопись именует Верховное древнерусское божество Отцом Сварогом, выводит его из Древнего Египта и отождествляет с античным богом Гефестом (Феостом). Отсюда Сварог — не только бог Неба, но и властелин Огня. По Ипатьевской летописи, Сварог (Феост) научил людей ковать оружие (до той поры они бились камнями и палицами) и установил цивилизованные морально-правовые нормы, в частности моногамию в брачных отношениях: «...Установил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного мужчину выходить; если же кто нарушит этот закон — ввергнут его в печь огненную. Того ради прозвали его Сварогом и почитали египтяне». Здесь налицо прямое и внятное указание как на контакты между египтянами и праславянами, так и на общие корни их верований (о чем более подробно речь пойдет дальше).

Десять веков христианизации практически полностью вытравили имена старых языческих богов. И все же еще в конце XIX века на юге России отмечались Зворожины (Сварожины) — совместная трапеза вокруг специально вырытого овального рва, с поминанием предков и прославлением за чашей с хмельным медом давно забытого бога Сварога: «Щоб добра була Зворожина!». Обряд предполагал избрание ведуньи — З(а)ворожьей Бабы, которая гадала всем желающим, предсказывала будущее и рассказывала детям сказку про волшебный языческий рай — Ирий.

*А та Птица всем Птицам Птица!
А куда она летит, туда и все.
А летит она в Ирий славный,
а перо у нее не простое,
а Золотое!*

Крестьяне в этом краю звали созвездие Стожары — Зворогами⁷. Из сказанного также видно, что исконно русские слова «ворожить», «ворожба», «ворожея» одного корня с именем Сварог и связаны с ним функционально.

Имя Сварог происходит от того общеарийского корня, который получил в санскрите звучание *içvara*: 1) «бог», «все-вышний»; 2) «господин», «повелитель»; 3) «хозяин», «владелец»; 4) «супруг» (от *iç* — «владеть», «властвовать», «управлять», «мочь»).

Некоторые исследователи настаивают, что изначально Сварог именовался Исварог (что полностью соответствует древнеарийскому корню). Можно и дальше предположить, что в процессе языковой эволюции и разделения народов общеарийское понятие божества — Исвара соединилось с общеславянским именем Рарог («огонь» и, кроме того, «сокол»). Получилось Исвара Рарог (бог Огонь), что в дальнейшем превратилось в более краткое имя — Сварог.

Интересна трансформация образа главного небесного бога и его имени в мифологиях разных народов по мере их разъединения и самостоятельного развития. Общеарийский корень *var* и его модификации присутствуют в именах трех небодержателей древнеславянского, древнеиндийского и древнегреческого пантеона: Сварог — Варуна — Уран. Этимолог без труда констатирует здесь постепенную утрату первоидуших согласных и чередование гласных в корневой основе. Культуролог и метаисторик обратят внимание прежде всего на смысловую идентичность всех трех понятий-имен, несмотря на последующую дифференциацию функций.

Человеческая жизнь, по мнению наших предков, с момента рождения зависела от того, что написано в «небесно-звездной книге». Сохранившееся по сей день выражение «родиться под счастливой звездой» — вовсе не результат поздних заимствованных астрологических поверий, а исконно русское понимание неотделимости жизни индивида от космической жизни звезды. В старинных свадебно-обрядовых песнях пелось: «звезды ясные, сойдите в чашу брачную». Это значит, что счастье супружеской жизни представлялось предопределенным звездами. И не только счастье в смысле «совет да любовь», но и главное — в смысле многолетнего брака, нетрудных (и не дай бог — смертельных) родов.

В народном миропонимании издревле существовало сокровенное слово для обозначения всего круга небесных и земных

явлений, которые впоследствии были объединены под заимствованным из греческого понятием «Космос». Русскими синонимами данной общенаучной категории выступало не только понятие «мир», но и «лад». Лад — исконно русский Космос.

Само понятие Космос-Лад многозвучно и многозначно. Однокоренные слова и имена раскрывают полифункциональность древнего божества. В песенном обрядовом фольклоре до наших дней сохранился архаический рефрен «Дид-Лад», который современными слушателями воспринимается чуть ли не как междометие:

*А мы просо сеяли, сеяли
Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли.*

На самом деле перед нами древнейшее обращение (звательный падеж) к общеславянскому богу Ладу. Верховный владыка Солнца и Неба величался *Дедом (Дидом) Ладом* (рис. 94) (отсюда и обращение — *Дид Лад*о). Отголоски былых верований о небесно-солнечном деде по имени Лад бытовали среди крестьян еще в XIX веке⁸.

Наряду с мужским божеством в славянской мифологии известна и богиня любви Лада (рис. 95), а Дид считается ее сыном. Имеются описания ее изображений (впоследствии уничтоженных при введении христианства): молодая прекрасная женщина с золотоцветными волосами и венком из роз, одетая в русскую одежду, опоясанная золотым поясом и убранныя жемчугами, за руку она держала младенца — бога любви Пеля⁹. В литовской мифологии и фольклоре также известна богиня Лада или *Диди Лада (Великая Лада)*¹⁰ (*did* — в литовском языке — корень в словах, означающий «большой, великий»).

Следовательно, русский Космос в древности через верховных богов Лада и Ладу мыслился как единство порядка и любви. Но «лад» в понимании наших предков означал также и «красоту»

Рис. 94. Дид
(худ. Н. Антипова)

Рис. 95. Лада
(худ. Н. Антипова)

(см.: «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля); отсюда: «ладный» — «красивый», «милый», «любимый». Корень «лад» образует также слова со смыслом «владеть», «власть». Кроме того, слово «ладно» в древнерусском понимании означало также «равно», «одинаково» или, говоря научно-философским языком, — «тождественно». Все эти смыслы неизбежно впитывало в себя и понятие русского Космоса-Лада, которое распространялось на всю жизнь. Василий Белов совершенно справедливо и исключительно точно — в духе традиционного русского мирозерцания назвал свою известную книгу очерков народной эстетики и исконных обычаев — «Лад».

Археология языка предполагает археологию смысла и связи между смыслами, что, в свою очередь, влечет за собой мысленную реконструкцию той невообразимо далекой эпохи, когда человечество (или цивилизованная часть его) представляло собой нераздельное целое — с единым языком, единой культурой, едиными ценностными ориентациями в виде религиозных традиций и морали.

Поясним сказанное вначале на примере интересующего нас слова «Лад», означавшего на некоторых (но далеко не на всех) этапах общеславянского развития понятие «Космос». Слово «лад» (или слова с этим корнем) означает в ряде языков (словацкий, ирландский, древнерусский) другое понятие, близкое лишь по созвучию, — «лед». Налицо взаимотрансформация звуков «а» и «е». Слова «лад» и «лед», таким образом, оказываются генетически взаимосвязанными. Другими словами, на каких-то очень древних этапах развития нерасчлененной индоевропейской общности они обозначали группу близких по смыслу понятий, которые впоследствии в процессе возникновения самостоятельных языковых, этнических и культурных структур дифференцировались и трансформировались.

Наконец, нельзя не коснуться одной из древнейших славяно-русских морфем, в которой, по мнению ряда самобытных маргинальных мыслителей (С. Дружинин, Е. Гиреевский, Я. Абрамов)¹¹, сокрыто имя архаичного доязыческого божества. Звали его *Раз* (*Рас*). (На этой основе С. Дружинин даже основал движение «разовцев», к которому примкнуло несколько единомышленников.) Не приходится сомневаться, что «раз» («рас») — одна из широко употребительных морфем. Она так или иначе присутствует более чем в 350 словах русского языка. И еще около 3000 слов содержат ее в трансформированном виде: раз(с)→роз(с)→рез(с)→риз(с).

Еще более поражает смысловая емкость и полисемантность слова «раз». «Единица», «начало счета», «фиксация временного мгновения» — эти значения понятия «раз» общеизвестны. Но морфема «раз» («рас») входит еще и в состав таких смыслозначимых понятий, как «разум», «разить», «разинуть», «разница», «разлука», «расти», «растение» и т.п. Расценивать ее только как вспомогательную приставку (префикс) было бы неверно. Археология языка и реконструкция смысла указывают на глубокие корни данного архаичного слова.

Высказывалось, между прочим, вполне обоснованное мнение, что морфема «рас→рос» сопряжена и с этнонимом «росс» — *русский* (откуда ведет свое происхождение и название страны — *Россия*). Но первичным все же следует считать имя Первобога *Раза* (*Раса*), сохранившегося в языке в виде на первый взгляд ничего не значащей лексемы. На самом же деле *Раз* (*Рас*) открывает целый ряд доязыческих божеств, память о которых сохранилась исключительно в языке и фольклорных текстах. Среди них — *Чур*, *Дид*, *Лад*, *Коляда*, *Ярило*, *Купало*.

Хотя смысловая нагрузка древних морфем и лексем могла быть совсем иной, нежели сейчас, все же по сегодняшним значениям можно уловить и тот смысл, который слова и имена имели в далеком прошлом, включая и нерасчлененное языковое единство. В русском языке морфема «раз», когда она выступает в форме префикса, имеет явственно выраженный расширительно-разделительный смысл. Вместе с тем отдельное слово «раз» означает «единицу» — монистическую по самой своей природе. Отсюда и гипотетическое божество *Раз* должно, так сказать, по определению выступать в качестве символа доязыческого единобожия, предполагая одного-единственного бога. А время, когда в мире господствовал *Раз*, с достаточной сте-

пенью условности может быть названо «языческим прамонотеизмом»¹². Интересно, что в санскрите корневая основа *gas* выступает в смысле «владычества»: *rastra* — это и «господство», и «государство», и «народ».

БОГИ СВЕТОДАРЯЩИЕ

В архаическом сознании явления окружающего мира (включая, естественно, и космические) преломлялись особым образом и, не имея природно-закономерного объяснения, осмысливались в мифологическом ключе. Вместе с тем именно древнему человеку было в значительной степени присуще наивно-целостное понимание окружающего мира как неотъемлемой части Вселенной. *Мирча Элиаде* (1907—1986) — крупнейший западный исследователь донаучного мировоззрения свидетельствует, что человек архаического общества (в отличие от современного) «ощущает себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами»¹³.

Тем не менее любые образы и сюжеты народной мифологии имели под собой реальную, зачастую — обыденную основу. Так, ежесуточная смена дня и ночи воспринималась как борьба света со тьмой. К световой стихии относилось все, что связано со световым началом — от звезд на ночном небе и отождествляемых с ними планет (блуждающие звезды), Луны и Солнца, — до земного и небесного огня (молнии, зори, зарницы, радуги и др.). При этом свет олицетворял, как правило, светлое начало, которое всегда побеждало темные силы (в народном сознании весна всегда победительница зимы, хотя о последней не говорят, что она побеждает лето). Впрочем, есть и исключения. Комет (хвостатые, косматые звезды) всегда боялись. Боялись, но по-другому, огня (хотя он и сжигающе-пожирающ, но зато и освещал в темноте, отогревал в холоде, защищал от диких зверей, помогал в приготовлении пищи). Угрожающие же свойства огня нашли отражение в представлении об адском огне (геенне огненной).

Природно-циклические ежегодные изменения, известные как времена года, испокон веков приписывались Солнцу. Оно — одно из главных божеств любого народа во все эпохи. Как правило, Солнечных богов было несколько. Точнее, у Солнца, как и

всякого другого великого бога, было множество имен-эпитетов, каждое из которых имело вполне самостоятельное значение с неизменным сокровенным смыслом. Например, в индуистской традиции — наследнице ведийских верований — насчитывается 108 сакральных имен Солнца, обозначающих обособленную астрально-космическую сущность¹⁴. Аналогичная ситуация наблюдается и в других архаичных культурах — варьируется лишь общее количество солнц. Так, по древнекитайским мифам, первоначально существовало 10 Солнц, 9 из них впоследствии поразили из лука Великий Стрелок И (что, возможно, символизировало победу новой идеологии над старой).

Таково представление, получившее отражение в письменной, достаточно поздней традиции. А еще раньше предки древних китайцев, как, впрочем, и многих других народов, считали, что солнц вообще-то ровно столько, сколько наступает дней, то есть каждый день восходит новое Солнце. В китайском языке даже для обозначения разных понятий «день» и «Солнце» используется одно и то же слово «жи». В древнеегипетском письме идеограмма, означающая «Солнце», также служит одновременно и для обозначения «дня».

Отсюда вытекает, между прочим, что исчисление суточного времени можно вести не только в «днях», но и в «солнцах», и вместо привычного по нынешним меркам утверждения: «прошло столько-то дней» — вполне можно сказать: «прошло столько-то солнц». Эти-то солнцедни, по-видимому, и запечатлены в так называемом ромбическом орнаменте. Встречающиеся повсеместно как на древней керамике, так и на современных вышивках ромбические сетки с точкой внутри каждого ромбика, скорее всего, есть солярно-календарные знаки, связанные с женской ипостасью дневного светила*, а вовсе не картина засеянного поля, как это видится некоторым современным исследователям. Вот наиболее распространенный ромбический орнамент:

* В других своих работах я неоднократно отмечал, что в древнем матриархальном мировоззрении Солнце выступало не только в мужском, но и в женском облике. В русском народном представлении — это Матушка Солнышко с мужем Ясным Месяцем. Что касается ромбической символики, то, согласно общемировой традиции, ромб — один из двух знаков (наряду с треугольником) для обозначения женского естества. При этом «чистый» ромб символизирует девственность, а ромб с точкой — дефлорацию и потерю девственности. (Подробнее об этом в последующих книгах настоящей серии.)

Причин, объясняющих такое представление, несколько. Во-первых, объективно единое и единственное светило обрело множественность в зависимости от своего суточного и годового поведения. Считалось, что зимнее Солнце не тождественно весеннему и, соответственно, летнему, что у дневного Солнца есть ночной двойник, который светит под землей, когда первое скрывается за горизонтом (рис. 96). Нетождественными считались также утренняя и вечерняя Зори, утренняя и вечерняя звезды (Венера). Полная Луна и Месяц в большинстве древних мировоззрений также считались разными светилами.

Во-вторых, уместно предположить, что в условиях непрерывного распада и обособления родоплеменных общностей каждая из вновь образованных кланово-этнических единиц предпочитала внести элемент особенности и неповторимости применительно к своему верховному божеству, дабы и объект поклонения был бы не таким, как у соседей-соперников. Отсюда испокон веков на разных территориях и в разных храмах или святилищах у одного и того же божества (в том числе и у Солнца) были различные эпитеты, со временем превратившиеся в самостоятельные имена.

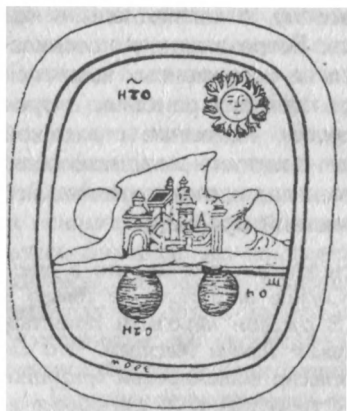

Рис. 96. Древнерусское изображение дневного и «ночного» Солнца

Христианство, которое пришло на Русскую землю тысячу лет тому назад, застало здесь веру в разных языческих Солнцебогов. Главными из них были три — Дажьбог, Хорс и собственно Солнце, которое в ряде местностей сближалось с Ярилой, а на Севере — с Колой. Представление о трех Солнцах было настолько стойким и обыденным, что проникло даже в церковную литературу. В знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. XI в.) говорится о свете *Тресолнечного божества*, а в одной из богослу-

жебных миней того же времени оно именуется *Тресветлым Тресолнцем*. Но вернемся к дохристианской эпохе.

Дажьбог (рис. 97) — сын Сварога, поэтому иногда именуется просто Сварожич. По смыслу и этимологии он — бог Дающий, Дарующий. Славянское имя его восходит к санскритскому *da* («дающий», «наделяющий»). Русские летописцы совершенно справедливо отождествляли его с эллинским богом Солнца — Гелиосом. «Слово о полку Игореве» называет Дажьбожьими внуками всех русских людей.

Рис. 97. Дажьбог
(худ. Н. Антипова)

Что касается второго бога солнечного пантеона — *Хорса*, то здесь прослеживаются более глубокие и неожиданные связи. Об этом уже говорилось в 1-й части, где на примере развития и распространения тотема сокола была продемонстрирована прямая этимологическая и культурологическая связь между древнерусским и древнеегипетским Солнечными божествами — Хорсом и Хором (Гором).

Само имя Хорс на первый взгляд представляется непривычным и даже чужеродным для русского языка. Но это не так. Лежащий в основе имени бога корень прочно прижился в современном языке: «хорошо», «хоромы» (производное слово — «храм»), «хоробрый» («храбрый»), «хоровод», «хоругвь», «хорониться», «хорохориться» и др. Тот же корень входит также в название южнославянского народа хорваты, которые переселились на Балканы уже в новую эру. Аналогичным образом словенцы, находившиеся в составе Австро-Венгрии, именовались хорутанами. В честь Солнца бога и Хорса именован древнерусский крымский город — Хорсунь (Корсунь). Греки называли его Херсонес, отталкиваясь, по-видимому, от исконно русского наименования, хотя корень «херс» общеиндоевропейского происхождения (к нему восходит имя бога Гермеса — Hermes). Более того, он уходит в глубь доиндоевропейского прошлого и обнаруживается хотя бы в семитских языках. Так, библейская гора в Египте, близ которой Моисей пас овец и где ему впервые в пыла-

юшем терновом кусте явился бог, — именуется Хорив (Исх. 3.1 и посл.) — по названию нагорья в Синае, а, по мнению некоторых богословов-комментаторов, вообще синонима горы Синай (см. Толковую Библию, т. 1). Общеизвестно, однако, из Несторовой летописи, что имя одного из трех братьев — легендарных основателей Киева — тоже было Хорив. Удивительное это совпадение свидетельствует прежде всего о том, что в основе созвучия древнерусских и древнееврейских слов лежит один и тот же доиндоевропейский и досемитический корень «хор», восходящий к общему праязыку, где он охватывал совокупность понятий, относящихся к Солнцу, свету и благу («хорошо!»). Поэтому-то данная корневая основа так часто встречается в теонимах различных религий и культур. Помимо вышеупомянутых, можно также вспомнить этрусскую богиню Хорту (и этрусский город того же названия)¹⁵.

К этому же этимологическому гнезду относятся слова с корнем «хар» (с учетом чередования гласных «о» и «а»). Вспомним Харит — благодетельных древнегреческих богинь милости и добра, дочерей Солнцебога Гелиоса (вот он искомый солнечный смысл). Того же корня устаревшее русское слово «харный», «гарный» (см.: украинское «гарний»), означающее «хороший», «красивый». Строго говоря, по своему происхождению слова «хороший» и «харный» однокоренные. Отсюда же слова «ухарь» и «харя» с диаметрально противоположными смыслами (последнее первоначально не имело ругательного смысла и означало «маску», «личину»). К этому же этимологическому гнезду, возможно, относятся слова «харчи», «характер», а также название города Харьков, причем вполне допустимо, что вторая его часть в украинском произнесении Харь-ків образована, как и название Киева, от имени древнерусского князя — Кия.

Что касается происхождения имени Хорс и соответствующей лексической основы, то их нетрудно установить путем сопоставления с соответствующими санскритскими словами. Аналогичный корень фигурирует в новоперсидских словах, обозначающих «сияющее солнце» и «петух». Персидское обозначение обожественного сияющего Солнца — *Xuršēt*. По сообщению Плиния, скифы персов именовали хорсарамы (*Chorsaros*). Отсюда же и ираноязычные названия Хоросан, Хорог, Хорезм. Этот топонимический ряд может быть продолжен и в других пространственно-временных измерениях: достаточно вспомнить название столицы древнего тангутского государства — Хара-

Хото, разрушенной дотла Чингисханом, или манчжуро-китайский город Харбин. В последнем случае топоним скорее всего сопряжен с именем верховного божества монгольских народов — Хормустой. Как небесное божество он неразрывно связан с Солнцем, а этимологически с русским Хортом, с древнеегипетским Хором и т.п.

В древнерусских текстах встречаются намеки на еврейское происхождение имени и самого бога Хорса. И не только потому, что в еврейских словах встречается созвучный корень. В одном из вариантов апокрифической «Беседы трех святителей» Перун называется эллинским богом, а Хорс — жидовским. Комментируя данный пассаж, И.Е. Забелин писал: «Это [жидовство Хорса] подает намек на самое место, где существовало поклонение Хорсу, именно у хазар, перешедших потом в Моисеев закон и оттого известных больше под именем жидов хазарских»¹⁶. Вполне возможно, что так оно и было: Хорсу поклонялись и хазары¹⁷, и славяне. А обусловлено это было общими истоками их культур, верований и в конечном счете — языков. Подтверждение тому не одни русско-хазарские контакты и свидетельства современных им авторов. Оно обнаруживается и в культурах многих древних цивилизаций, их космических воззрениях и языках.

Солнечный пантеон древнерусских божеств не был неизменным. В разное время, на разных стадиях разделения славянских народов количество верховных существ, сопряженных с Солнцем, менялось. Не менялось, однако, солярное мировоззрение русских людей. Арабские путешественники, побывавшие на славянских территориях задолго до введения христианства, застали и описали храмы Солнца, предназначенные не только для культовых отправлений, но и для астрономических наблюдений¹⁸. Однако почитание Солнечного семейства богов, которым пронизана вся жизнь русского народа, уходит корнями в незапамятные времена, к самым истокам становления древнерусской, древнеславянской и древнеарийской народности. Солнечные сюжеты обнаруживаются в древних захоронениях, а также на предметах (керамика, украшения), добытых при археологических раскопках в местах традиционного обитания славян.

Солнце было не просто почитаемым божеством. Оно вошло составной частью в родоплеменные отношения. Еще в XII веке русские люди продолжали считать Солнце космическим членом своего рода, именуя себя внуками Дажьбога, что нашло

отражение в «Слове о полку Игореве». Четыре князя — участники похода — именуется здесь просто «четыре Солнца». Те же представления запечатлены в фольклоре. В сказке из сборника А.Н. Афанасьева «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» Солнце сватается к одной из девушек и берет ее в жены, а тесть навещается к зятю-Солнцу в гости (родственные отношения также налицо). Посещают Солнце и его небесный дворец и другие герои, как, например, в сказке о Солнцевой сестре: «Подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал: «Солнце, Солнце! Отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем».

А русские дети еще в начале нынешнего века помнили доставшееся им от пращуров древнее представление о родственных узях человека и Солнца:

*Дедушка-солнышко,
выгляни в окошечко, —*

поется в бесхитростной детской песенке.

О стойкости древних космологических поверий свидетельствуют этнографические исследования, проведенные в еще до революции среди крестьян Тульской губернии на границе с Миенским уездом Орловской губернии. По общему мнению, Солнце — женское лицо. Оно ездит днем по небу на ложе, устроенном из звезд (по другой версии — летает на собственных крыльях). Одежда его разноцветная и вся усыпана звездами. На ночь Солнце уходит в свой дом, где у него есть мать, братья и сестры. Они сменяют Солнце при обходе неба, так как имеют такую же огненно-световую природу. Солнце, как женское лицо, ночью ездить боится, поэтому его сменяет братец-месяц. Если ночью все люди спали и везде было смирно, то утром Солнце взойдет радостное, веселое — и день будет хороший. Если же народ вел себя ночью несмирно, то Солнце встанет пасмурное и днем будет плохая погода. (Здесь в наивной форме народного космизма содержится представление о взаимообусловленности состояния солнечной активности и поведения людей.) Некоторые утверждают, что Солнце не летает, а ездит на огромном коне, от которого происходят свет и теплота¹⁹.

Одно из древнеиндийских имен Солнечного божества — Савитар (*savitár*). В данной ипостаси Солнце выступало в качестве животворящей силы, творящей законы, которым подчи-

няются все живые существа. В конечном счете путем метаморфоз звучаний и смыслов образовалось русское слово «сивый», означающее «сияющий», «ясный» (эквивалентом русского «ясного сокола» в сербском фольклоре выступает «сивый (сияющий) сокол с золотыми перьями»). У славян известна была также богиня Сива, однако каких-либо развернутых сведений о ней не сохранилось. Одни знатоки мифологии отождествляют ее с богиней Живой²⁰, другие (исходя из смысла «седая», «белая») — с Селеной-Луной. С именами древнеиндийского бога Солнца Савитара и древнеславянской богини Сивы (Сеvy), по всей вероятности, так или иначе связано и название части света — Север. Если так, то данный факт служит лишним подтверждением теории Тилака о полярном происхождении индоарийских народов и полярной родине Вед. Имя Сива с учетом его смысловой нагрузки является также составной частью прозвища Солнечного коня Сивки-бурки.

Наиболее приемлемой, хотя и достаточно неожиданной представляется версия, согласно которой имя Сивы этимологически связано с именем знаменитого индуистского божества — Шивы²¹, происходит от него по смыслу и функциям. Санскритское слово *śiva* (Шива) имеет следующие смысловые значения: «дружественный», «добрый», «благосклонный», «целебный», а также означает «благо» и «счастье». Следовательно, все эти лексические значения по определению, так сказать, должны были быть экстраполированы на функциональные особенности славянского божества — Сивы. Однако и собственные неповторимые качества, выражающие единство созидательных и разрушительных сил в универсуме и поглощение космической энергии, — неизбежно должны были наложить отпечаток на богиню Сиву. Отпечаток этот не мог не быть диалектически противоречивым и в силу происхождения самого образа Шивы, его истоки уходят в доарийские времена и верования коренных народов Индостана, создавших цивилизацию задолго до вторжения индоарийских племен, которые поглотили культуру своих предшественников и заимствовали из нее множество образов и идей. Впрочем, если исходить из теории общего происхождения языков и культуры народов мира, — соприкосновение мифологий и идеологий существовало задолго до того, как протоиндоевропейские народы пришли в движение и распространились по всей Евразии. Так что вопрос о том, что первично и что вторично в мифологии, остается открытым. Кос-

венным подтверждением связанного являются имена верховных божеств у других народов: урартский бог Солнца *siwini*, хеттский бог *šiu-šnuš* и др.

Другие ведийские боги также не исчезли бесследно из памяти русского народа, сохраняясь в словах, несущих подчас иную смысловую нагрузку, но тем не менее указывающих на древнейший первоначальный смысл. Во вводной части уже говорилось об этимологическом и семантическом родстве слов и понятий Вишну и (Все)вышний. Аналогичным образом имя еще одного великого бога индоариев Индры сохранилось в русском фольклоре в форме фантастического Индрик-зверя — согласно Голубиной книге он «всем зверям отец».

Несомненный отпечаток общеарийских и доарийских верований и обрядов несут на себе знаменитые древнегреческие, а затем и древнеримские прорицательницы сивиллы (сибиллы). По античной традиции они считались пришлыми с Востока и владели всей мудростью мира, включая знание будущего. Имя сивиллы объединяет в себе образы сразу двух славянских божеств — Сивы и вилы. Вилы — славянские феи, прекрасные девушки с распущенными волосами и птичьими крыльями. Их главные функции — помогать обиженным, лечить людей и предсказывать будущее. Трансформация образа птицедев в русском фольклоре шла в двух направлениях: в сказках распространен мотив о птицах, обернувшихся девушками (и наоборот), в легендах же и сказаниях образ вил слился с близкими им по смыслу образами веших полуптиц-полудев — Алконоста, Сирина и Гамаюна. Что касается архаичности имени сивиллы и связи его с доарийской традицией, то здесь представляется весьма вероятным этимологическое родство фонетического варианта имени сибилла и названия страны — Сибирь. Единая корневая основа «сиб» свидетельствует не только об общем происхождении, но и месте (территории) этого общего происхождения. В этом смысле топоним Сибирь может быть интерпретирован как «страна сибилл» или место, где обитают сибиллы-шаманки, а само слово «сибилла» будет означать «сибирячка» в его древнем звучании.

Предлагаемое объяснение происхождения названия Сибирь несколько не противоречит общепринятому. Согласно существующей этимологической и топонимической концепции слово «Сибирь» тюркского или же монгольского происхождения. Однако, судя по всему, название «Сибирь» уходит своими корня-

ми в те времена, когда протоиндоевропейские, прототюркские и протомонгольские языки не были расчленены и представляли единое целое. Корневая основа «сев-сив» обнаруживается и в самом понятии Север (первоначально — Сивер, так это слово звучало в русских былинах и поныне звучит в украинском языке и некоторых русских диалектах).

Рис. 98. Световит
(худ. Н. Антипова)

В древнерусском понимании мироустройства вселенский свет отделен от солнечного. «...В народном понимании существуют отдельно солнце и белый свет, как освещенное небо, вся Вселенная...» «Свет на всю Вселенную есть свет неосызаем, неисповедим... никто же бо может указать образа свету, но токмо видим бывает». Солнцу же отведена второстепенная роль субъекта света: «Вещь бо есть солнце свету, осияя всю Вселенную». Солнце как бы украшает собою светлый мир, но не является первоисточником «неисповедимого» света»²². Свет вселенский, небесный, носителем которого выступает Сварог, — первичен, ему принадлежит первородство в солнечносветовой иерархии. Все остальное находится в подчинении светового космического начала. Светобог — распространенное явление в древнеславянском мире. Общеславянским богом света был Световит (Святовит) (рис. 98), о котором уже говорилось в 1-й части в связи с происхождением культа Гермеса, восходящего к доарийской истории и верованиям нерасчлененных народов Евразии. Четырехликий фалло-герметический Световит смотрит в четыре страны (стороны) света, как бы распространяя на них свою власть. Одновременно он и средоточие, куда сходится с четырех сторон весь свет. Символика всесветности потрясает по своей простоте и емкости. Несомненный этимологический интерес представляет и вторая часть имени верховного Светобога. Корень «вит» имеет тот же смысл и происхождение, что и латинский *vita* — «жизнь» (а также «человеческий род» — «живущие»).

Известны и другие древние божества света. Из письменных источников практически ничего не известно о Белбоге (рис. 99). Между тем божество это, известное у южных славян (а также у кельтов) с тем же корнем — Белин(ус), вне всякого сомнения,

Рис. 99. Белбог
(худ. Н. Антипова)

связано со светом. Неотъемлемый эпитет света — *белый* (одинаково относящийся к свету и как природному явлению, и как к окружающему миру и Вселенной). В современном языке произошло определенное смещение в значении понятия: «белый» прежде всего относится к соответствующему цвету, краске, хотя и здесь не утратило первоначального смысла — «светлый». Есть все основания полагать, что тот же смысл присутствует в топонимах древних городов Белгород и Белград («город света») и названии одного из ответвлений древнерусской нации — белоруссы. В таком случае речь может идти о древних центрах со святилищами света и о народе, связывающем свое происхождение или верования со светом. Особых сомнений

происхождение русского слова «белый» не вызывает — по заключению языковедов оно исконно родственно древнеиндийским *bhās*, *bhati* («блеск», «свет»), последнее означает также «знание». В древних языках (например в древнеисландском) слово «бел» употребляется также и в значении «огонь».

Однако этимологические изыскания приводят к еще более интересным языковым параллелям. У древних неиндоевропейских народов — шумерийцев, вавилонян, ассирийцев, оказывается, тоже было верховное божество по имени Бел с теми же функциями, что и Бел индоевропейцев. В шумеро-аккадской мифологии Бел выступает и как собирательное имя для главных божеств — творцов Вселенной. В соответствии с этим и центральное божество вавилонского пантеона — бог Солнца и главный покровитель города Вавилона — Мардук именовался греками Белосом. В космической битве Солнцегоб Мардук-Белос победил Тиамат — воплощение первозданной тьмы и мирового хаоса. Интересно, что русское слово «тьма» оказывается созвучным шумеро-аккадскому имени Тиамат, имеющему прак-

тически тот же самый смысл. От общесемитского Бела в дальнейшем возник хорошо известный читателю культ Ваала (Баала) — бога плодородия и войны в Палестине, Сирии, Финикии, а затем через Карфаген распространившегося по всему Древнему миру — от Египта до Испании. Его отголоски слышатся и в русском слове «балда». Другое имя, образованное от древнесемитского Бела путем многочисленных исторических и лингвистических трансформаций, — Вельзевул (имя дьявола, вошедшее в русский язык через древнееврейский). Все это лишний раз доказывает общность древних культур.

Содержание понятия «свет» не менее емко и многогранно; помимо собственно физического смысла, слово «свет» означает и весь окружающий мир вообще: «весь свет», «целый свет» (интересен устойчивый фразеологический оборот «свет во всей Вселенной», где свет выступает в качестве космообразующего начала мироздания). Применительно к человеческому обществу слово «свет» употребляется в различных смысловых оттенках: «высший свет» (отсюда понятие светский), «полусвет» и др. Где, в каком еще языке сыщешь имя Светлана (в старину известны были и мужские имена — Светлан, Светозар, сказочный Световик)? Или употребление слова «свет» в иносказательном смысле: свет ты мой ясный, свет очей моих, светик, мой свет? Космическая приобщенность, неотделимость от видимого мира небесных явлений отразилась и в ласкательных опозитизированных именах, сохранившихся до наших дней: «солнышко», «звездочка», «зоренька», «месяц ясный». Можно, не колеблясь, утверждать: вся жизнь, душа и плоть русского человека с младенческих лет и до самой смерти была насквозь пронизана светом — в прямом и переносном смысле. Окружающий мир во всех его знакомых проявлениях именовался «белым светом». Антиподом этого света был «тот свет», пугающий и манящий своей неизведанностью и запредельностью.

Животворящий свет не только олицетворял светлое космическое начало, но и связывал воедино весь пантеон языческих божеств. И не только языческих. Древнее обожествление света переросло в новое религиозное миропонимание, которое немисливо без таких словосочетаний, как «божественный свет». Важнейшее понятие любой религиозной системы «святой» образовано от слова «свет» и впитало в себя его содержание.

Метафоричность философской и богословской символики, которая выступает, по существу, как опозитизированный язык науки, выразилась также в таких фундаментальных понятиях,

как «свет истины», «свет знания» и производимого от них «просвещения», означающего процесс приобщения каждого к сокровищнице человеческого опыта — интеллектуального, нравственного, эстетического, хозяйственного, технического, военного, охотничьего и т.п. Великая миссия аккумуляции такого опыта и передача его настоящим и будущим поколениям принадлежит просветителям. Точно так же творческие акты в познании, открытия, результаты художественного поиска характеризуются емкими словами — «озарение», «вспышка».

Само слово «свет» древнейшего происхождения и восходит вместе с аналогичными понятиями других индоевропейских языков к санскритскому слову *śvetā* (читается и произносится как «швьета») и означает «белый», «светлый», «блестящий», отсюда и русское слово «цвет».

Такая поливариантность значений понятия «свет» и множественность разнокоренных слов, приведших к своеобразной лексической «цепной реакции», объясняются той объективной обобщающе-смысловой ролью, которую всегда играл свет в жизни людей. Любая единичная вещь или группа предметов воспринимается как нечто обособленное, отдельно взятое. И только свет (как, впрочем, и тьма) является таким безлико-всеобщим началом, которое мгновенно охватывает, обволакивает, объемлет весь вешный мир, представляя в виде естественной, доступной каждому, хотя и неизведанной природной стихии. О древности и значимости понятия «свет» для народного миросозерцания свидетельствует также поговорка — клятва со следами заклинания: «Чтоб мне свету белого не видеть!»

Наряду с общеиндоевропейскими корнями и словами «свет» и «бел» в русском языке глубоко укоренилась еще одна близкая по смыслу лексическая основа — «яс», в первоизданном виде присутствующая в словах «ясный» и «яшень». Понятие «ясный» имеет двоякое значение: 1) «чистый», 2) «понятный» и восходит к санскритскому слову *yaas* — блеск (ср. укр. «яскорка» — «искорка»). В процессе языкового развития корень «йас» («яс») трансформировался в «ас» и «ес». В этих обличиях он встречается в таких, к примеру, архаичных словах, как «есень» («осень») — откуда фамилия Есенин; «яство» («пища»), этимологически связанное с глаголом «есть» («кушать»). Одно из названий «ячменя» — «ясмень» (откуда: «ясничек» — ячменный хлеб и «ясник» — ячменное вино).

Не меньший интерес представляет смысловая нагрузка, которую носил корень «яс» на разных исторических этапах. Прежде

всего обращает на себя внимание устойчивое сочетание прилагательного «ясный» с существительным «сокол», символизирующим издревле Солнечное светило. «Ясный сокол» — не просто поэтический образ, в нем закодированы древнейшие представления и о Солнце, и о Солнцебогах, и о магической связи людей с космическими законами. В сказках и былинах ясный сокол — оборотная ипостась героев, приобщающая их к иному — неземному и нечеловеческому — миру: на оборотничестве построены сказки о Финисте — Ясном соколе (или, как она оригинально именуется в варианте, записанном И.А. Худяковым в Рязанской губернии, сказка о Фенисто-ясно-сокол-перышке), а также былина о Вольге (Волхе Всеславьевиче).

Одно из древних названий сокола — «ясмен» (см. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля). Корень «яс» входит и в название «ястреб» — другого рода хищных птиц, по виду наиболее близких к соколам и в древности, видимо, понятийно объединявшихся. Общеиндоевропейский корень «*yas*» обнаруживается в словах «асы» — древнегерманские боги, Ясна — главная часть Авесты, ясы — древнерусское название Осетии, Яссы — название города в Румынии на территории, где пересекались исторические пути славянских и романских народов — двух ветвей некогда единого индоевропейского пранарода. Наконец, отзвуки древнего космического миропредставления слышатся в исконно народном понятии «ясочка» — звездочка.

Имелись и другие божества, чьи светозарные функции ставят их в один ряд Светобогов. Их соподчинение в настоящее время установить трудно. Однако нетрудно доказать, что такие древнерусские и общеславянские боги, как «Дый» (упоминается в «Хождении Богородицы по мукам») и Див из «Слова о полку Игореве», этимологически восходят к имени древнеиндийского бога неба Дьяуста (*dyāus* — «день», «сияющее дневное небо»).

В древнерусских мифологических и фольклорных представлениях известную роль играла такая женская ипостась светлого Дня, как утренняя заря (и звезда — одновременно), *Денница*. Известно также понимание Денницы как падающей звезды (именно звезды, поскольку представление, и тем более правильное истолкование явления метеоритов, относится к более позднему времени). Так, в сборнике XV века «О земном устроении» имеется отдельная глава «О денницах», описывающая падающие звезды, истолкованные как обломки небесного огня.

Рис. 100. Дева
(худ. Н. Антипова)

Как и древнее «солонь», образ Денницы характеризует космическое животворящее начало, заключенное в свете, олицетворением которого выступает брачная пара День и Денница (Свет околоземный и Свет космический). Но скорее всего, если восходить к праславянским общеарийским верованиям, все космические явления (включая землю, воду, небо, огонь) можно представить как самозарождающиеся из света. Вячеслав Иванов считал Денницу мифологическим существом мужского рода и отождествлял его с христианским и дохристианским Люцифером — одной из ипостасей Дьявола, однако дословно означавшим «Носитель света» (его сотканную из противоречий

суть искателя истины гениально раскрыл Байрон в мистерии «Каин»). По Вяч. Иванову, Денница — фосфорически светящийся дух — первомятажник, внушающий человеку гордую мечту богоравного бытия; это тот самый «печальный демон — дух изгнания», который «сиял» Лермонтову «волшебной-сладкой красотой»²³.

В русском мировоззрении почитание женского космического начала в форме *Девы* (рис. 100) имеет длительную историю: от сказочных Птицедев до Пречистой Девы — светлого и светоносного божества, впоследствии растворенного в культе Богородицы — хранительницы и покровительницы Руси, избравшей Россию своим последним домом. Имя Дева не могло не быть в центре мифологического и религиозного притяжения хотя бы потому, что оно — одно из древнейших и важнейших понятий индоевропейской культуры. Как известно, в санскрите *devá* означает «бог», «жрец»; «владыка», «царь», а также: «небесный», «божественный». Соответствием *devī* — это «богиня».

Отголоски такого небесно-божественного смысла сохранились в однокоренных словах и словосочетаниях «диво», «диво дивное». *Див* — одно из древнерусских мифологических су-

шеств, действует как персонаж в «Слове о полку Игореве», предупреждая русских воинов об опасности и одновременно предрекая беду. Кроме того, в древнерусской мифологии было известно женское божество — *Дива*. Итак, Дева в широком смысле — великий охранительный и вдохновляющий символ русского народа. В древнерусском миропредставлении в соответствии с индоевропейской и общемировой традицией Пречистая Дева — воплощение вселенского и солнечного света одновременно: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12, 1).

Ближайшая стихия, родственная свету, — *огонь*. Элементарный опыт свидетельствует: свет бывает без огня, огонь без света — никогда. Следовательно, свет обладает некоторой самостоятельной сущностью, хотя и предполагает обычно наличие какого-либо источника; чаще всего им выступает огонь. Отсюда и древние мифологические представления о космическом огне: он тесно взаимосвязан с космическим светом, но не обязательно ему предшествует. Иногда и тот и другой выступают как тождественные начала. В позднейшем миропредставлении под влиянием христианской эсхатологии космический огонь изменил объем и содержание своего понятия: он переместился в преисподнюю и начал носить в основном устрашающую функцию «геенны огненной», ожидающей грешников в аду.

Слово «огонь» («огнь») родственно имени древнеиндийского бога огня Агни (*agni* — «огонь»). В Ригведе — древнейшем своде обрядовой поэзии — значительная часть гимнов посвящена богу огня — Агни. Почему — догадаться нетрудно. В нелегких и некомфортных условиях переселенческой жизни огонь (особенно по ночам) оставался той рукотворной стихией, которая давала тепло, свет, защиту от диких животных и жар для приготовления пищи. Огонь же был и стихией, имевшей нерукотворное происхождение (молнии и другие небесные явления, лесные и степные пожары, вулканическая лава и т.д.). Ни в первом, ни во втором случае не требовалось специальных скульптурных или живописных изображений огня, поскольку он всегда был рядом перед глазами. Лишь впоследствии, когда одно из арийских племен завоевало Индостан, подчинив аборигенов и создав в условиях оседлого образа жизни уникальную древнеиндийскую культуру, — появилась возможность

и необходимость воссоздавать образ бога огня — Агни в виде скульптурных изваяний.

В древнерусском языке имеется еще одно название огня — «крес». Корень сохранился в слове «кресало» (вышедшее из употребления приспособление для добывания огня), а также в серии понятий: «красный», «краса», «красивый», «красота», «прекрасный», «краска». С существительным «крес» тесно взаимосвязан глагол «кресать» или «кресить», означающий одновременно: «высекать огонь» и «воскресать (оживать)». «Игорева храброго полку не кресити», — трагически заключает безымянный автор «Слова о полку Игореве». Нетрудно истолковать лексическое и смысловое происхождение таких важнейших для русского мирозерцания слов как «воскрешать» и «воскрешение» — они имеют древнейшее дохристианское происхождение и связаны с культом огня и его ролью в первобытной жизни. При высекании огонь-крес всегда как бы воскресал заново, потому-то слово кресить обозначало сразу два понятия — «высекание» и «воскресение». Само слово «крес» и этимологически связанные с ним понятия типа «красный — красивый» близки по смыслу и происхождению с церковнославянским «крада», что означает «костер», «огонь», «жертвенник». (В русском языке слово не употребляется, однако корень сохранился в словах с иным смыслом: «украдкой», «украденный» — от глагола «красть».) Общий корень здесь вполне уместен: огонь-крес способен и украшать (красить — к тому же красным пламенем), и красть (сжигать дотла так, что не останется никаких следов, т.е. сгораемая вещь исчезает, крадется). Общинеоевропейский корень «крес» обнаруживается и в имени Крез (произносится [kres]) — так звали последнего царя древней Лидийской державы (VI в. до н.э.), чье имя вошло в поговорку: «богат, как Крез».

Напрашивается семантическое различие между понятиями «огонь», с одной стороны, например, берущего начало от санскритского *agni* и, видимо, означавшего естественный огонь, сохраняемый в углях, и, с другой стороны, понятием «крес», вероятнее всего означавшим искусственный огонь (т.е. полученный путем высекания), жертвенный огонь. В этом случае ближе всего по смыслу и звучанию для слова «крес» окажутся слова *krati* («жертва», «сила», «мощь», «действие» и др.) и *krudā* («жертвоприношение», «жертвенный обряд»; «действие», «работа», «труд» и др.).

Есть также достаточно оснований предполагать, что от слова «крес» образовано и понятие «крестьянин», означавшее перво-

начально не столько огнепоклонников, сколько людей, расчищавших землю под пашню путем огневания — выжигания лесных участков. Поздняя традиция производит «крестьян» от «христиан», а корень слова усматривает в понятии «крест». В такой трактовке «крестьяне — это крешеные люди, но тогда непонятно, почему, скажем, князья и дружинники, крестившиеся на Руси прежде смердов и простого люда, не именуются крестьянами (крешеными).

Скорее всего, само понятие «крест» (пересечение двух предметов) происходит от понятия «крес» (огонь) — отчего оно так быстро и органично прижилось на Руси. Такую этимологическую зависимость можно объяснить по-разному. Известны, например, крестообразные поминальные курганы, на вершинах которых возжигался священный огонь; существовали жертвенники огня с крестообразной символикой. Крест считается общемировым символом (горящего) Солнца. Наконец, существует древнейший обычай получения живого огня путем коллективного действия. В заповедном месте на землю укладывалось сухое бревно, перпендикулярно к нему ставилось другое сухое заостренное бревно (в итоге получался крес), которое и вращалось с помощью веревок достаточным количеством людей (рис. 101).

В стародавние времена огонь таким способом получали и без коллективных усилий — с помощью двух сухих палочек (дошечек), располагаемых крестообразно. Данный факт, известный из истории материальной культуры народов всех континентов (включая австралийцев и индейцев обеих Америк), давно привел ученых к выводу, что крест испокон веков и задолго до возникновения крестьянства символизировал огонь²⁴.

Рис. 101. Добывание священного «живого» огня

Неудивительно поэтому, что и в древнерусском наречии «крес» (огонь) и «крест» оказались однокоренными. В данном случае налицо этимологическое доказательство. Но имеются еще археологические и этнографические аргументы, разделяемые рядом ученых. Фигура креста очень распространена в древнейшей орнаментике и символике — археологи обнаруживают ее практически во всех культурных слоях. Известны также дохристианские вырезанные из камня или выдолбленные кресты. Что касается крестообразного расположения деревянных орудий при добычании огня трением, то высказывалось следующее соображение: поскольку искра появлялась на перекрестии двух кусков дерева, постольку именно крест стал символом света. Крестопересечение деревянных палочек (дошечек) могло иметь самую разнообразную форму: т-образный и крючкообразный кресты, свастика. Последняя также стала в символике древнейших народов символом Солнца, света и жизни.

Древний обычай добычания огня — сакральный и чудодейственный — оказался чрезвычайно живучим, поскольку с ним связывалось общение с высшими силами. В романе *Николая Семеновича Лескова* (1831—1895) «На ножах» описывается, как крестьяне целой деревни с помощью «живого огня» пытаются предотвратить массовый падеж скота — «коровью смерть». Поражает и то, с какими подробностями и мастерством описывается это чисто языческое действо, и то, насколько посвященными оказались десятки людей, участвовавших в столь неординарном полумистическом акте, — каждый знал свое место и отведенную роль, включая и действия по сохранению тайны, колдовские заклинания и т.п. (надо полагать, что Лесков — один из самых честных русских писателей — знал, что писал).

По свидетельству этнографов уничтожение «коровьей смерти» с помощью небесного «живого огня» было распространено повсеместно. Помимо воскрешения древних навыков, этот первобытный обряд приоткрывал завесу и над первобытными верованиями, стержнем которых являлось единение с астрально-космическими силами. Живой огонь обладал чудодейственными качествами, защищавшими ото всех напастей, потому что, по народным представлениям, происходил от самого Солнца. Чтобы получить «живой огонь», необходимо совершить определенные магические действия, которые, собственно, и составляли суть коллективного обряда. Добыть солнечную силу, стать космическим посредником между неземной энергией и ее земным

проявлением можно только путем *вращения* бревна, жерди, поскольку само Солнце представлялось вращающимся огненным небесным колесом.

Представление об огне как о космическом начале и важнейшей природной стихии плавно переходило в увязывание со свойствами огня состояний и характеристик самого человека. Представление об огне в народном мирозерцании всегда предполагало сексуально-эротический подтекст: любовная страсть наделялась огненным смыслом, а понятия «любовь» и «огонь» сближались. Отсюда все известные устоявшиеся обороты, которые в старину (да и не только в старину) отнюдь не воспринимались исключительно как поэтические эпитеты, а выступали как существенные аспекты духовной жизни и мира человеческих чувств: «огонь желания»; «пожар любви»; «огонь в глазах, сердце, крови»; «пожар в душе»; «вспыльчивость»; «пылкость»; завершение жизни (смерть) истолковывается по аналогии с огнем — «угасание». А.А. *Потебня* выводит из понятий «огонь», «жечь», «гореть», «печь» целую группу понятий, связанных с жизнью и человеческими чувствами: «поживать», «пожирать», «жажда», «жадность», «желание», «желанный», «жалость», «печаль», «горе», «горечь», «гнев»²⁵.

Но в обряде обретения «живого огня» закодирован еще один важный мифологический смысл, раскрывающий суть древнейших миропредставлений. Считалось, что огонь побеждал смерть подобно тому, как он побеждал мрак. В первобытном мировоззрении понятия смерти и мрака (ночи) практически были идентичны. Это отразилось в древнерусских однокоренных словах: «мор» (смерть) и «морок» (мрак, ночь). Слово «морока», имеющее в наше время лишь один смысл — «затяжное, хлопотное дело, канитель», еще в XIX веке сохраняло первоначальное значение «мрак» (см.: «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля). В подобном же облики соответствующая лексическая основа предстает и в других языках индоевропейской группы: от санскритского *māra* — «смерть», а также «убивающий», «уничтожающий» (в буддийской мифологии Мара — божество, персонифицирующее зло и все, что приводит к смерти живые существа) — до французского «кошмар». В конечном счете санскритское *māra* восходит к общиндоевропейской и доиндоевропейской корневой основе *m̥r*, входящей в наименование священной вселенской горы Меру (о чем подробно говорилось в 1-й части).

Рис. 102. Морена
(худ. Н. Антипова)

В славянской мифологии смерть была воплощена в образах богини *Морены* (Марены, Мараны) (рис. 102) (о ней также речь уже шла выше) и множестве злокозненных духов, порожденных ночью под общим именем «мары» (или «моры» — один из них всем известная русская кикимора). Морена играла исключительно важную роль в языческом мировоззрении и сложившихся на его основе ритуалах и празднествах. Это связано с вселенским обликом смерти (как ее понимали наши предки). Смерть отдельного человека — странное, но в общем-то частное дело. Гораздо значительней смертное начало в Природе: смерть света, Солнца, дня и наступление ночи; смерть животворных времен года — вес-

ны, лета, осени — и наступление зимы. Морена как раз и олицетворяла такое всеобщее умирание в природе. Но она не могла выступать в роли необратимой судьбины, ибо на смену ночи всегда приходит новый день, всегда всходило Солнце, а после холодной зимы опять наступает весна. Морена — воплощение смерти, сама такой смерти избегнуть не могла.

Считалось также, что смерть Смерти (Морены) можно было ускорить с помощью огня и света и в конечном счете победить. Люди всегда старались участвовать в этой космической битве жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла. Древние магические обряды, сопровождавшие народные праздники, — лучшее тому свидетельство. Один из самых древних, красочных и сохранившийся в основных чертах донныне праздник Ивана Купалы еще сравнительно недавно сопровождался изготовлением соломенного наряженного чучела, которое так и нарекалось — Мореною. Морена сжигалась в священных купальских кострах, через которые обвязаны были перескочить все участники купальского праздника. Чем выше прыжок (чем ближе к небесно-космическим высотам), тем действеннее сила огня,

передаваемая человеку и оберегающая его от смерти, болезни, нечистой силы и прочих напастей. В ряде областей Морена заменялась деревом Марины, вокруг которого совершались купальские обряды. То, что пугающее и не для всех знакомое имя Морены переименовывалось на более знакомую Марину, в порядке вещей. Но при этом Марина не утрачивала своей злокозненной и смертоносной сущности, о чем, кстати, свидетельствуют былина о Добрыне Никитиче и злой девке Маринке (ранее бывшей, скорее всего, Мореною).

Иванов день — праздник огня и Солнца. Июль — макушка лета — в старину именовался кресник (по имени огня — Крес). Сам же праздник Ивана Купалы посвящен летнему солнцевороту, когда Солнечное Колесо-Коло, достигнув высшей точки на небе, начинает «обратный путь». По сути своей это — праздник космический, ибо связан с астрологическими закономерностями — движением Земли и Солнца, обуславливающих в конечном счете смену времен года.

Астрально-космическое содержание купальских обрядов обусловлено также и тем, что огонь священных костров необходимо было получить животворящим способом, то есть путем магического приобщения к солнечно-космической энергии, а сами костры предпочтительно было разжигать на возвышенностях, горах или курганах, то есть как можно более приближенно к миру небесному. По свидетельству очевидцев, купальские огни, зажигаемые в Иванову ночь на Карпатах и Судетах в Польше и Чехии, представляют великолепное и торжественное зрелище на пространстве в несколько сот верст²⁶.

Христианство приспособилось к древнейшему языческому празднику, связав его с именем Иоанна Крестителя (отсюда Иванов день). Однако второе имя — Купало (рис. 103) — никакого отношения к христианству не имеет. В имени Купало — два пласта: более поздний, связанный с водной стихией и словом «купать(ся)», и более древний, первичный, связанный с огненно-световой стихией и словом «купава»,

Рис. 103. Купало
(худ. Н. Антипова)

что означает «белый (цветок)», а «белый» в древнерусском представлении — синоним света.

В восточноевропейских средневековых документах, относящихся к запретам празднования Иванова (Янова) дня у чехов и словаков есть прямые указания на то, что почитание огня и костров неотделимо от культа общеславянского бога Световита (Свановита)²⁷, о котором уже говорилось.

С Мореною-смертью, с Мореною-морозом (ночью) связаны и светлые солнечные праздники встречи Весны. Здесь ненавистнице жизни также уготавливается сжигание. В весенних календарных обрядах Морена выступает еще в одном своем смертоносном обликии — в виде зимы, мороза. Древнерусская форма слова «мороз» — «мразь», от него более широкое понятие — «мразь» — не только в смысле «мерзости» — слово того же корня — но и в смысле природно-погодной характеристики (ср. «изморозь», «моросить»). Сжигание Морены в виде соломенного чучела происходило и на Масленицу. Древние языческие корни этого буйного и веселого праздника не только в огненном действе, но и в массовом поедании блинов, символизировавших Солнце: тем самым каждый человек как бы приобщает себя к соляриной природе, часть которой он просто-таки физическим образом растворял в себе. Во время огненных действий существовал также обычай (неповсеместный) катать зажженные колеса, которые также символизировали горящее Солнце.

Соломенные и деревянные чучела, олицетворяющие древних славяно-русских богов, сжигались и в процессе других народных праздников. К наиболее известным относятся праздники Костромы (женское воплощение плодородия) и Ярилы (мужское воплощение плодородия). Оба праздника связаны с весенним пробуждением, летней победой Солнца и света над зимним холодом и мраком, с животворящими процессами в природе. Как и в купальских празднествах, огонь играет здесь центральную роль. Имя *Кострома* вроде бы само указывает на свое происхождение — Костровая (мать?), хотя в самом обряде чучело Костромы чаще всего топится в реке или разрывается на части.

Итак, космическая сущность огня в представлении народа была связана с его неотделимостью от света и Солнца, молнии и звезд. Огонь — источник тепла, которое помогает победить зиму и знаменует приход весны и лета. Но тепло как неотъемлемый атрибут огня — одновременно и животворящая

сила (без тепла и семя не прорастает, и птенцы из яиц не появляются). В огненном горниле плавился металл, обжигались посуда и кирпичи. Огонь очищал от болезней и порчи. И главное, огонь — помощник в выпечке хлеба и приготовлении пищи. Эта жизненно важная функция огня тесно переплеталась с его космической предопределенностью в форме вечности. «Вечный огонь» столь же древнее понятие, как и сам человек разумный. Помимо священнодействия и магического обряда — получения «живого огня» существовала строго соблюдаемая традиция поддерживать и сохранять огонь — в пещере, в очаге, в печи. Это таинственное качество восприимчивости и непрерывного возрождения порождало представление о бессмертии самого огня, о его вечности. Субстанция огня представлялась неуничтожимой, одной и той же на фоне постоянно меняющейся природы. Огонь и вечность стали синонимичными понятиями. А вечность — это лик Космоса.

Есть в преданиях русской старины еще один загадочный световой образ, имеющий явно космическую причастность — *Бел-горюч камень*. Первоначальный смысл слова «Бел-горюч» — сияюще-горящий или светоогненный. Но огненно-световой природой не ограничиваются особенности этого чудо-камня, он еще и средоточие всех сил небесных (читай — космических, тем более что в одном из вариантов Голубиной книги так и сказано: он связан со всей Вселенной). В Голубиной книге, как и в других источниках, Бел-горюч камень имеет собственное имя — Алатырь и назван отцом всех камней:

*Белый латырь-камень всем камням отец,
Почему же он всем камням отец?
С-под камешка, с-под белого латыря
Потекли реки, реки быстрые,
По всей земле, по всей вселенную,
Всему миру на исцеление,
Всему миру на пропитание.*

Народ хорошо знал об этом неземном всеисилии огненно-го Бел-камня, дающего могучую силу, излечивающего от всех болезней, кормящего и поящего. Существовало поверье, что можно перенять эту чудодейственную силу, приобщиться к все-ленскому источнику энергии с помощью особых заклинаний. Сохранился вариант одного из таких заклинаний: «На море-оки-

яне лежит бел-алатрь камень, а на камне сила небесная. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: силы небесные! пошлите свою помощь и силу на наш скот — милый живот — в чистое поле, в зеленые луга, в темные леса».

А.Н. Афанасьев, который приводит текст заговора (а также вариант из Голубиной книги) во 2-м томе «Поэтических воззрений славян на природу», считает слово «Алатырь» хотя и древним, но не поддающимся расшифровке. Между тем ключ к расшифровке напрашивается сам собой. Имя алатырь созвучно с хорошо известным ритуальным понятием «алтарь» и восходит к древнейшей эпохе, когда камни играли роль жертвенников. Автор самостоятельно пришел к данному выводу, однако при подготовке данного издания с удовлетворением обнаружил, что аналогичная идея была выдвинута задолго до него, еще в конце прошлого века академиком Веселовским (см.: *Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха, статья III: Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Граале.* СПб., 1881. С. 25). Впрочем, высказывалось и резко отрицательное мнение: о фонетической невозможности происхождения названия камня Алатыря из слова «олтарь» (см.: *Бодуэн де Куртенэ — Фасмер. Камень латырь и город Алатырь // Известия Отделения языка и словесности Академии наук.* 1914. Т. XIX. Кн. 2). Однако возражения основываются на традиционных ползуче-эмпирических методах анализа индоевропейских и околоиндоевропейских языковых связей без учета возможности макроэтимологического анализа и вскрытия глубинных языковых пластов, таких, например, как взаимосвязь между корнями «лат» — «лад» — «лед». В этом смысле слово Алатырь напрямую связано с исконно народным космическим понятием Лад. Само понятие «алтарь» ни в коем случае не является позднехристианским, а имеет древнее происхождение, корни которого уходят в гиперборейские времена (об этом, в частности, свидетельствует однозначная привязка Алатырь-камня к легендарному острову Буяну — смутному воспоминанию о гиперборейской Прародине). Священный камень не терпел глумления: как известно, былинный удалец Васька Буслаев поплатился за неуважение к святыне: решил перескочить через нее не передом, а задом — «да расколел свою буйную голову и остался лежать тут до веку».

С небесно-огненно-световой стихией связаны еще два древнерусских божества — *Перун* (рис. 104) и *Стрибог* (рис. 105).

Оба знамениты необычайно: первый — как наиболее упоминаемый (и проклинаемый) в дошедших письменных источниках; второй — по поэтическим строкам «Слова о полку Игореве» о ветрах, Стрибожьих внуках, что веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Отсюда делался поспешный вывод, что Стрибог — он и есть бог Ветра. Однако «Слово» не дает оснований для такого прямолинейного заключения. Безымянный автор именует Ветры внуками Стрибога, то есть он является только прародителем, хотя и связан с буревой и молниевой стихией.

Рис. 104. Перун
(худ. Н. Антипова)

Настоящий же бог грозы, грома и молнии — Перун, классический бог-громовник, русский аналог Зевса-громовержца. Как верховное божество дохристианской Киевской и Новгородской Руси Перун считался также покровителем князя и его дружины, принимая на себя одновременно и функции бога войны.

Рис. 105. Стрибог (худ. Н. Антипова)

Рис. 106. Радегаст
(худ. Н. Антипова)

Не стоит тешиться заблуждением, что вера в Перуна сама собой сошла на нет после того, как Владимир Святой повелел разрушить все языческие святилища, а деревянное изваяние Перуна бросить в Днепр. Еще в XIV веке священнослужители продолжали жаловаться: «Но и ныне по сукраинам молятся ему, проклятому богу Перуну»²⁸. А у болгар почитался и в XVIII веке: во время засухи для вызывания дождя практиковалось некое языческое действие с ряжением молодежи и хождение по домам с пением, прославляющим Перуна в надежде, что он как владыка грозы, молнии и грома ниспошлет на страждущую землю долгожданный дождь.

Бог войны известен в древнеславянском пантеоне и под другими именами, упомянутыми различными латинскими авторами. У некоторых славян (оборитов, моравцев, словаков) это был, к примеру, *Радегаст* (рис. 106), и по внешнему виду и по своему прямому назначению очень близкий богу войны древних германцев и скандинавов.

БОГИ ЖИЗНЕТВОРЯЩИЕ

Одним из верховных божеств и родоначальников древнерусских и древнеславянских богов был *Род* — прародитель мира и человека, божество всей природы и плодородия. Он олицетворял Космическую Жизнь во всем богатстве оттенков. Человеческий род ведет свою родословную от верховного божества — *Рода*. Имя владыки мира было настолько смыслозначимым, что по сей день живет в русской речи. Как бог Род породил все живое и неживое во Вселенной и саму Вселенную, так слово

(корень) «род» породило целую семью однокоренных понятий, имеющих непреходящее значение для русских людей: «родина», «природа», «народ», «род» (семья, племя, династия), «родня», «родичи», «порода», «родник», «родить», «рожать», «урожай».

Какого-либо антропоморфного изображения бога Рода не сохранилось. Изображение объектов и их атрибутов, близких по функциональному назначению к функциям древнеславянского бога Рода, возможно, осталось в многочисленных скульптурах, мелкопластичных поделках и амулетах, в форме мужских и женских гениталий, имеющих непосредственное отношение к половой жизни и продолжению рода. Кроме того, Родом считалась некая внутренняя духовная и генетическая связь между близкими и дальними родственниками. Бог Род — хранитель родственных уз и выразитель семейной любви и пламенного братства (рис. 107). Он же — распорядитель Книги судеб, откуда поговорка: «Что на роду (Родом) написано — того не миновать никому!»

Как уже говорилось, в процессе длительного исторического развития общие в прошлом слова и корни подвергаются в различных языках значительным изменениям. Сплошь и рядом наблюдается чередование или утрата гласных или согласных звуков. Однако даже по прошествии многих тысячелетий в языках давным-давно разделившихся народов, живущих подчас далеко друг от друга, общая лексическая основа легко узнаваема — особенно если выстраиваются этимологические цепочки или составляются сравнительно-объединенные словеснокорневые гнезда. В этом легко убедиться при этимологическом анализе имени Род. Обратимся к санскриту и древнеиндийской мифологии. В прямом звучании здесь нетрудно обнаружить близкие по смыслу слова: Родаси (*ródasi*), — богиня, олицетворяющая молнию

Рис. 107. Род
(худ. Н. Антипова)

(жена бога Рудры); *ród-as* — «небо и земля» вместе взятые; *roda* — «воплль» (от боли), ср.: «роды», сопровождающиеся криком.

Абсолютные лексические и семантические совпадения обнаруживаются и при обращении к древнегреческой мифологии. Разные античные авторы по-разному сообщают о детях всемогущего владыки морей Посейдона, названных совершенно по-русски: дочь Рода — от nereиды Амфитриты (Аполлодор 1, 4, 6) и сын Род — от самой Афродиты (Диодор Сицилийский IV, 6). Для эллинов это была такая давняя давность, что они не помнили ничего, кроме имен да некоторых важнейших генеалогических связей. Так, Рода стала супругой бога Солнца Гелиоса и нарожала ему кучу детей да еще дала свое имя одному из самых островов Средиземноморья — Родосу.

Но нас-то здесь в первую очередь волнует другое: явно досредиземноморское и абсолютно полное совпадение эллинских и проторусских божеств, поименованных Родами. Не приходится сомневаться, что их корни уходят в глубины общих этнокультурных пластов. В таком случае к той же эпохе следует отнести и их родителей — Посейдона, Афродиту, Амфитриту. Здесь воображение способно разыграться необычайно. Но пора и ему дать успокоение.

Другой разительный пример — вдохновитель постройки Вавилонской башни и властитель нерасчлененных народов — Немврод. Так как в конечном счете он явился виновником утраты этнической однородности и единого праязыка, Данте в «Божественной комедии» обрек его на вечные муки и поместил в колодце гигантов в 8-м круге Ада. Библия упоминает о нем очень глухо и называет Нимродом; в самом сюжете о Вавилонском столпотворении он вообще не присутствует. Агада (ветхозаветные устные предания евреев) сообщает, что Нимроду достались по наследству кожаные одежды Адама и Евы. Вообще же он был внуком Ноя и сыном Хама. Самые подробные сведения о Немвроде дает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях». В русских апокрифах он звался еще короче — Неврод. С точки зрения археологии языка и реконструкции смысла не может не вызвать интереса второй слог в имени ветхозаветного патриарха, понятный без перевода и объяснений. Вряд ли это случайное совпадение, на чем тотчас же начнут настаивать ученые педанты. Перед нами опять лишний аргумент в пользу былой общности языков и культур.

Фонетические трансформации в процессе развития и дифференциации языков привели к чередованию гласных «о», «а», «у» и согласных «д» и «т» (какие из них были изначально первичными, определить чрезвычайно сложно). В результате корень «род» превращался в новые лексические основы «руд» и «рад», последняя же фигурировала в форме «рат». В итоге получаем целый набор на первый взгляд разрозненных, но на самом деле взаимосвязанных понятий. Корень «руд» легко просматривается в слове «руда». В прошлом оно означало «кровь» («От чего кровь-руда наша?» — спрашивается в Голубиной книге). От него образовались слова: «рдеть» («краснеть») и «рдяный» («алый»). В санскрите также четко просматривается понятие *rudhira* («кровь»; «красный», «кровоавый»). Но главное — в ведийском контеоне действует свирепый бог Рудра — носитель разрушительного начала во Вселенной, супруг богини Родаси и претеча великого Шивы.

Корень «рад» лежит в основе таких слов, как «радость», «рада» («совет»), «радетель» (от «радеть» — «заботиться»), «радуга», «радение» («страдание», в том числе «коллективное религиозно-обрядовое действие»), «радуница» (древнейший обычай поминания умерших на могилах). Сюда же примыкают древнерусские имена Радомысл, Радогост, Радим (производное от Радимир). Последний явился родоначальником восточнославянского племени радимичей. Ср. также: наименование древнего литовского княжеского рода — Радзиллы и южнославянские женские имена Рада, Радмила. Современное имя Родион греческого происхождения: считается, что оно ведет свое происхождение от названия средиземноморского острова Родос; но, как только что было продемонстрировано, в основе этого наименования лежит общеиндоевропейский корень «род» — как и в названии балканского горного массива Родопы. Из древнегреческой мифологии известно также имя Радаманта — сына Зевса и Европы, самого справедливого из всех людей. Он же — сопрестольник Крона, как именуется его Пиндар, — царствует на Островах Блаженных, «овеваемых вельнями Океана (Ледовитого), где нескончаемо длится Золотой век.

В санскрите слова со значением «радости» находим в словах с глухим согласным звуком на конце («д»→«т»): *rata* («удовольствие», «наслаждение»); *rati* («радость», «наслаждение», «покой»); (Рати — супруга бога любви Камы); *ratha* («радость», «наслаждение»). Одновременно *ratha* означает «воина (сражающегося

на колеснице), «воителя» и «героя». Это значит, что русские слова «рать» и «ратник» берут начало отсюда и из общего для них и санскрита источника.

Какие же выводы следуют из краткого этимологического экскурса и исторических аналогий? Прежде всего обнаруживаются мифологические пары противоположных по функциям богов Рудра и Родаси: разрушительного космического начала, с одной стороны; Рати — вместе с Камой выражающая радость и любовь, как вселенские силы, с другой стороны. Фонетические трансформации общей лексической основы «руд» ↔ «род» ↔ «рад» ↔ «рат» и стоящие за ней значения содержат намек на древнейшее мирозерцание арийских и доарийских племен. Цепочка взаимосвязанных понятий: «небо и земля» ↔ «рождение человека и родовые узы» — главные из всех человеческих связей. Носителями всех названных качеств у древних индийцев оказываются генетически и этимологически родственные боги: Рудра, Родаси, Рати.

В древнерусском и древнеславянском пантеоне находим аналогичные созвучные имена богов со сходными или смешенными функциями: Род и рожаницы — женские ипостаси, Рода (при общем корне «род» в результате чередования согласных «д» перешло в «ж»). Более подробные сведения о роли рожаниц сохранились в южнославянском фольклоре. Так, по сербским верованиям, за судьбу ребенка отвечают четыре рожаницы: первая — Поренут, охраняет ребенка, пока он находится во чреве матери; вторая — Злата Баба [интересно сопоставить ее с русской северной Златой Бабой и Златогоркой Святого-рова былинного цикла. — В.Д.], помогает при родах; третья — Жижя, покровительствует ребенку во время кормления грудью; четвертая — Жива, прядет ему жизненную нить, которую обрывает неумолимая Морзана²⁹.

Итак, исходя из версии, что древнеславянское верховное божество Род является естественным продолжением протоарийских верований (развитием которых у древних индийцев стала ветвь Рудра, в дальнейшем ставшего ипостасью Шивы, — Родаси), — попробуем определить смысловые характеристики и возможные функции древнерусского первобога. Главные эпитеты Рудры в Ригведе — этого «рыжего кабана с заплетенной косой», который «сверкает словно яркое солнце, словно золото»: «блистающий», «свирепый», «буйный», «убивающий»; далее, если исходить из значения слова *raúdrá* (относящийся к Рудре): «страшный», «ужасный», «дикий», «необузданный», «гневный»;

сюда же можно присовокупить и значение других однокоренных слов: «кровавый», «вопящий».

Надо полагать, большую часть перечисленных свойств следует отнести и к богу Роду. Но Род, как и его прообраз — Рудра, не есть носитель одних лишь негативных (разрушительных и угрожающих) качеств. Верховное космическое существо, почитаемое как хранитель самого святого в жизни рода, не может носить один лишь отрицательный заряд. Во все века, у всех народов такое божество — средоточие необузданных сил хаоса и упорядочивающих потенций Космоса. Оно — в одном лице: ужас и радость, кара и милость, раздор и согласие, разрушение и созидание. Неспроста исходное санскритское слово *ród-as*, однокоренное имени русского бога, означает «небо и землю вместе взятые». Следовательно, и бог Род (олицетворявший крепость и благополучие проторусских племен) не мог не выполнять тех функций, которые вытекают из значения однокоренных слов: «радетель», «радость», «рада» («совет», «согласие»). Вместе с тем все эти качества не есть нечто безжизненно вялое: радеть (заботиться) и достигать согласия можно и жесткими методами, а радость нередко бывает буйной. Точно так же акты, связанные с продолжением рода, представляют собой неистовство и буйность как кульминацию эмоционального напряжения.

Как верховное божество (что присуще всем без исключения мифологиям) бог Род неизбежно выступает в форме космического жизнепорождающего начала. Космос — это всегда рождение и устойчивая преемственность в связях. Человеческая жизнь во всем многообразии ее отношений — неотъемлемая частица Космоса, повторяющая его законы. Родовые узы — главное, что всегда позволяло человеку утвердить себя как человека, приобрести опыт и навыки, сохранить традиции, обычаи, зачатки идеологии и морали. Бог Род — та незримая сила, которая скрепляла отношения близких и дальних родственников и задавала ориентиры поведения. Родственные узы — не только сиюминутные отношения множества лиц, живущих повсюду в данный момент. Родственные узы — временная категория, опрокинутая в прошлое и спроецированная в будущее.

Хранителем этой объективной временной преемственности поколений и выступает бог Род. Как и другие аналогии божества индоевропейцев, он несет ответственность за весь процесс космического зарождения и, главное, за ту генетическую

Рис. 108. Рожаница
(худ. Н. Антипова)

упорядоченность сменяющих друг друга поколений, без которой вообще немислимо устройство общественной жизни. Отсюда космизм как представление о закономерной упорядоченности всех сфер общественной жизни распространялся на политические, правовые и нравственные отношения. Такой подход и понимание неизбежно обнаруживаются во всех социально-этических концепциях древности, в том числе и получивших письменное закрепление — от Законов Ману и Артхашастры до Кодекса Юстиниана и Русской Правды.

Неизменными спутниками главного древнего божества русского народа — бога Рода выступают Рожаницы (рис. 108). Они олицетворяют женское жи-

вотворяющее начало и почитались в народе, начиная с позднего каменного века, откуда дошли их глиняные изображения. В дальнейшем — практически до наших дней — сохранились обычаи чтить рожаниц. Раньше им приносились символические дары, устраивали в их честь массовые рожаничные трапезы, изображали рожаниц различными способами, в том числе и с помощью вышивки. Традиции вышивки, орнамента, узоров передавались от поколения к поколению точно так же, как и русская речь, устный фольклор, хозяйственные навыки. В стилизованных, хотя и весьма натуралистических вышитых изображениях рожаниц воспроизводится процесс родов — жизненно важный акт продолжения человеческого рода и одновременно великое таинство природы (рис. 109). Отсюда космический смысл всего связанного с рождением и сотворением. Отсюда же дожившее до XX века сближение рожаниц со звездами.

Рожаящая женщина — повсеместно распространенный сюжет, встречающийся в Старом и Новом Свете. Достаточно упомянуть найденную в Малой Азии (Чатал-Хююк) глиняную статуэтку рожаящей богини (6-е тысячелетие до н.э.), а также изображение

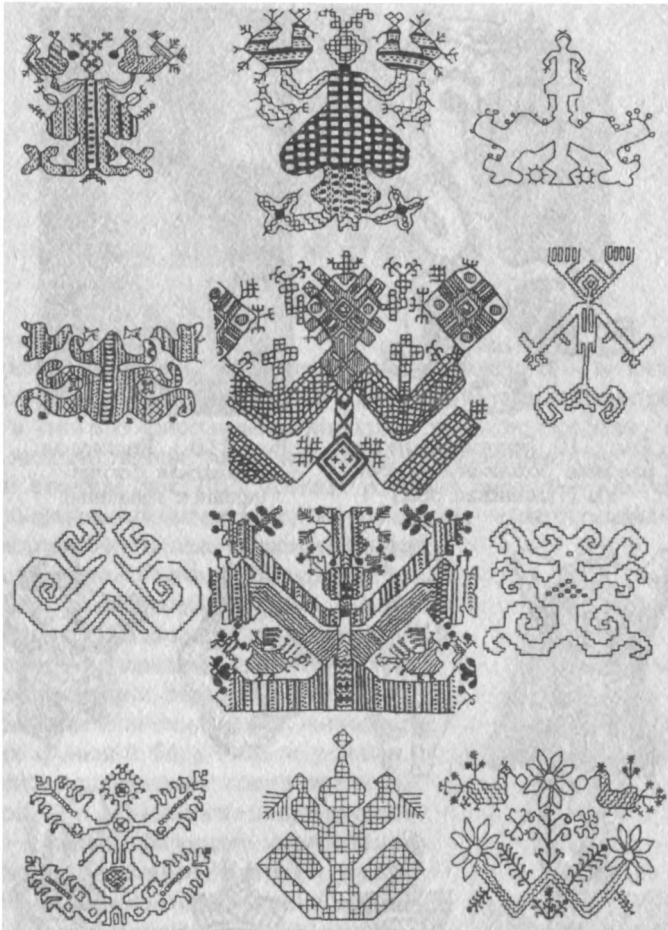

Рис. 109. Изображение рожаниц на русских вышивках

рожающей северной женщины (X—XII вв.) (рис. 110) или ацтекской богини (XIV в.) (рис. 110-а), скульптурное изображение которой воспроизведено на знаменитой фреске Диего Риверы и т.п. Культ русских рожаниц неразрывно связан с общечеловеческим культом Великой матери, повсеместно распространенным по всему Древнему миру. Прообразы Великой матери встречаются во всех древнейших цивилизациях, включая протославянскую (рис. 111),

Рис. 110. Бронзовое изображение рожаящей женщины (Тюменская обл.)

Рис. 110-а. Рожаящая ацтекская богиня (древнее изваяние)

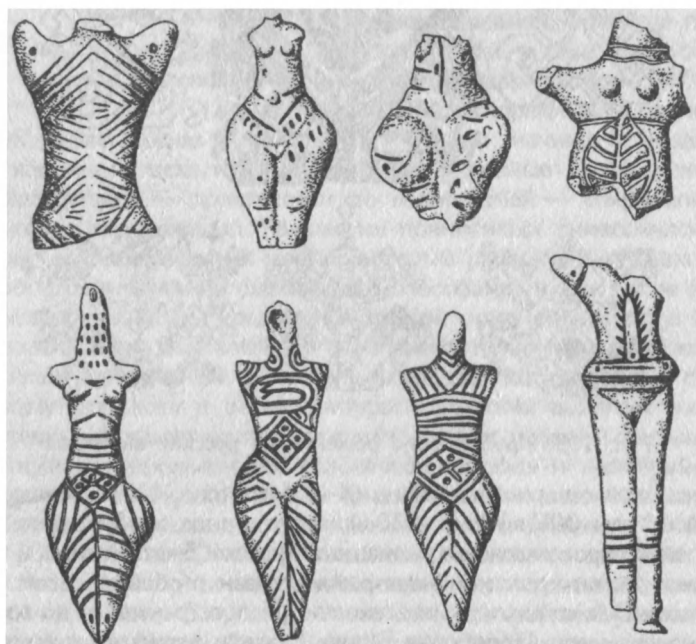

Рис. 111. Древние керамические изображения Великой матери

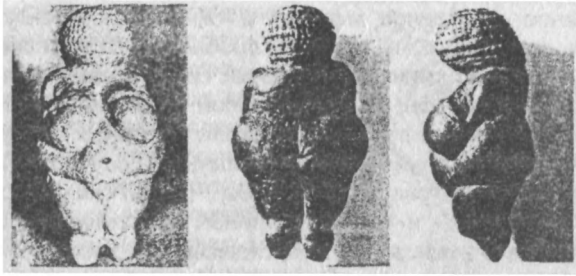

Рис. 112. Первобытные скульптуры Великой матери

и уходят в самые глубины человеческого прошлого — вплоть до палеолита. Символика Великой кормящей матери просматривается в гипертрофированных женских признаках (особенно груди) многочисленных каменных статуэток, найденных на территории Евразии (рис. 112). Каждая из таких «венер» — обобщенно-собираТЕЛЬНЫЙ символ женского естества — деторождения и детокормления. В дальнейшем символика материнского начала претерпела изменения. Была канонизирована, к примеру, многогрудость, что нашло свое законченное воплощение в классическом образе Артемиды Эфесской (рис. 113).

Важным для понимания жизнетворящих функций бога Рода и рожаниц является истолкование космогонических мифов — и в частности индоевропейских — как обобщенного опыта половой жизни, процесса зачатия и родов. С этой точки зрения космогония вообще сродни эмбриогонии, поэтому каждый человек носит в себе подсознательные сведения о собственной эмбриональной жизни, появлении на свет в процессе родов, а космогонический миф дает людям возможность косвенным образом снова пережить — через макроскопическую проекцию — свое прошлое внутриутробное состояние и соответствующие ощущения³⁰.

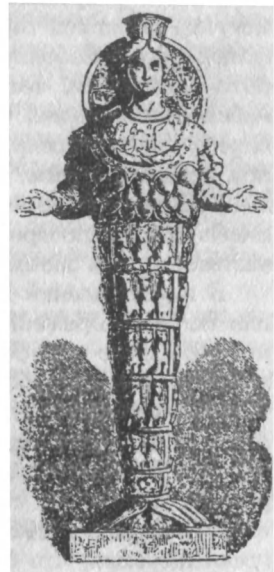

Рис. 113. Артемида Эфесская (античная скульптура)

Перенос на Космос выводов из житейского сексуального опыта — это лишь одна сторона проблемы. Вторая же состоит в том, что в космическо-небесных силах видели и первоисточник сексуальной энергии — мужской и женской. В наибольшей степени данный аспект был развит в тайных оргиастических мистериях и ритуалах, а впоследствии получил отражение в многочисленных трактатах о любви — китайских, индийских, японских, арабских и т.п. По канонам христианским половая любовь всегда считалась чем-то греховным, требующим очищения и жесткой регламентации. Однако в народных традициях, несмотря на преследования со стороны церкви и властей, оставалась неискоренимой языческая вера в тайные, главным образом — небесные силы, которые якобы и обуславливали всю гамму любовных чувств, управляя ими как в положительном, так и в отрицательном направлении.

В народном сознании таинственная и правящая всем миром сила — могучая и которой «нет конца» — связывалась в основном с понятным каждому образом огня (пламени), его качествами и производимыми им действиями: «ажги ты, сила могучая, ее кровь горючую, ее сердце кипучее на любовь к полюбовному молодцу». Стихия огня, скрывающая в себе все потенции любви, теснейшим образом сопрягается с силами небесными. «Зажечь горячую кровь и ретивое сердце», чтоб кипели они да горели, можно лишь встав «под утреннюю зорю, под красное солнце, под млад месяц, под частые ярые звезды». (При этом поминается и древняя Прародина мировых цивилизаций с полярной горой Меру посреди Вселенной: «Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменна...»³¹

В представлении многих народов Небо — не только часть или полное выражение Космоса, но и активная сторона космогонического или теогонического процесса. В большинстве древних культур Небо имело мужское обличие (редкое исключение — древнеегипетская мифология, где Небо — Нут — женского рода), оно наделялось мужской потенцией и представлялось с ясно выраженной мужской атрибутикой. В связи с распространенными сказаниями о браке Земли и Неба Млечный Путь представлялся фаллосом Небесного бога. Так, древние греки полагали, что Млечный путь — гигантский фаллос бога Урана. Отголоском общеарийских воззрений может служить русская народная сказка из сборника «Русских заветных сказок» А.Н. Афанасьева о волшебном кольце, благодаря кото-

рому фаллос героя вытягивается на семь верст и достигает неба³². Аналогичные мотивы обнаруживаются в символике погребальных курганов, где наряду с отдельными небесными светилами воспроизводится весь Млечный Путь в виде гигантского детородного члена (рис. 114).

Впрочем, имеются и другие объяснения и соответственно народные наименования Млечного Пути. У индоевропейских народов со времени, зафиксированного в Гомеровой «Одиссее», небесная река из звезд именуется Повозкой (или Возом, или Телегой).

Названий Млечного Пути множество и у каждого народа — самые разные, только в польском языке их зафиксировано около сотни. У северных народов Млечный Путь — Лось, хотя у финно-угорских суоми, карелов, мордовцев, марийцев, коми, удмуртов, манси — это Путь Птиц (Путь Диких Гусей, Журавлиная Дорога). У некоторых славянских народов Млечный Путь именовался точно так же: Гусиная (Журавлиная) дорога. Тюрки, арабы, иранцы, армяне, албанцы, венгры и балканские славяне именовали Млечный Путь — Дорогой, устланной соломой, тунгусские народы — Лыжным следом, чукчи и коряки — Пыльной рекой; корейцы — Серебряной рекой; китайцы, японцы, вьетнамцы — Небесной рекой и т.д.

Укоренившееся в современном русском языке и обиходе название Млечного Пути несомненно сопряжено с древними мифологическими представлениями о сказочной Молочной реке или благословенной стране, где текут молочные реки (Беловодье).

Интерес Голубиной книги к вопросу о происхождении утренней и вечерней зари обусловлен тем, что в общеарийской мифологической традиции зори представлялись плодом соития Неба и Земли (сама заря, то есть покраснение неба, воочию демонстрировала такой процесс соития).

В славянской и всей индоевропейской культуре особенно развит и распространен был культ утренней Зари (рис. 115), предвозвестницы дневного света (рассвет). По древнеиндийской

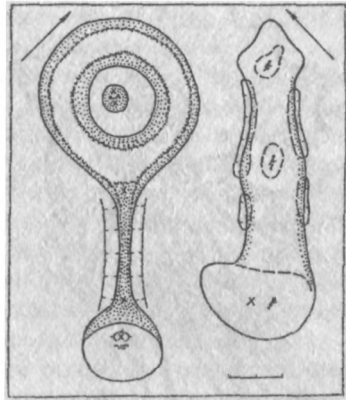

Рис. 114. Фаллическая символика курганов

Рис. 115. Заря
(худ. Н. Антипова)

традиции Утренняя заря (богиня Ушас) — дочь неба. В славянском фольклоре утренняя заря зовется Оком (или окном) Божиим. «Зори утренни от очей Господних», — подтверждает Голубиная книга. Отсюда понятна однокоренная родственность слов «заря-зори» с лексическим гнездом: «взор»; «зоркий»; «зрак», «зреть», «позор», «зариться». Иначе: слова, означающие небесный или огненный свет (ср.: «зарев»), родственны словам со смыслом «видеть-глаз».

В русском языке и народно-поэтических воззрениях понятия «зари-зорьки» относятся к числу наиболее стойких и укоренившихся: от ласкательного эпитета «зоренька ясная» и сказочных

имен Заря-богатырь, Иван-Зорькин (ср. также кличку животных — Зорька) до древнейших присловий и заговоров.

Владимир Даль приводит пример подобных народных представлений. Так, о Солнце говорили: «По заре зарянской катится шар вертлянский — никому его не обойти, не объехать». Сохранился также текст заговора, с которым нагая бабка обносит нагого младенца вокруг бани. «Заря, зарина, заря скорина, возьми с раба Божия младенца зыки и рыки дневные и ночные». По народным поверьям, жизнь ребенка с момента рождения зависит от животворящей силы зари.

У восточных славян и русских Утренняя Заря, прогонявшая Ночь, считалась Девой-воительницей, Победительницей Тьмы и одновременно — Матерью Солнца, которое она в прямом смысле рожала каждый божий день, подобно тому, как птица сносит яйцо. Такое представление восходит к самым глубинам протоарийского мировоззрения, впоследствии расщепившегося на самостоятельные, но во многом переkreшивающиеся индоевропейские мифологии. Рудиментами первичного мирозерцания (в Ригведе оно представлено концентрированно в виде богини Утренней Зари — Ушас) можно считать такие русские сказочные образы, как Ненаглядная Красота, Марья Моревна,

Царь-Девица, которые первоначально, как доказал А.Н. Афанасьев, были тождественны богине Утренней Зари.

В фольклоре сохранились и другие осколки древнейшей общеиндоевропейской мифологемы: Заря — мать, Солнце — сын или дочь. «Без утренней зорюшки солнышко не взойдет», — гласит пословица. В Архангельской губернии записан заговор, обращенный к ночному небу и утренней заре: «Заря-зорница, красная девица, сама мати и царица, светел месяц, часты звезды... Среди ночи приди ко мне хоть красной девицей, хоть матерью-царицей». В новгородской Хлудовской псалтири конца XIII века есть миниатюра: огнеобразная дева несет в руках Солнце, имя ее, как гласит подпись, «Зоря утренняя»³³.

Представление о жизнедарящей роли зари уходит своими корнями в самые глубины протоиндоевропейских верований. В Ригведе собрано около 20 гимнов, посвященных богине утренней зари Ушас — создательнице света, воспламеняющей своими лучами Небо, своего отца, с которым богиня находится в кровосмесительном браке (слияние зари и неба воспринималось как акт совокупления). Ушас олицетворяет вечный свет, который был, есть и будет и если исчезает ночью, то на время; Ушас — гарант его неизбежного возрождения (в этом смысле в Ригведе она именуется «знаменем бессмертия»).

Отзвук имен светозарных божеств слышится в культурах разных эпох и народов: пророк Заратуштра (греч. Зороастр); женские восточные имена — Зара, Зарема, Зарина. Были попытки сблизить с общеиндоевропейскими корнями «зор — зар» (ср. укр. зирка — заря) имя древнеегипетского бога Осириса (Озириса), истолкованное как Зарид, т.е. Озаренный или Осиянный. Взаимодействие между индоевропейской и семитско-хамитской культурами и мифологиями на разных отрезках исторического развития бесспорно. Бесспорны также древние контакты между этносами. Так, статуэтка Осириса была найдена в Томской области (а статуэтка Амона — в Пермской области)³⁴. Что касается генеалогической связи, то следует отталкиваться от подлинного древнеегипетского звучания имени бога Осириса. В европейские языки вошел его древнегреческий эквивалент, который на древнеегипетском языке прочитывается как Усир (это при том, что в древнеегипетском письме гласные звуки отсутствуют).

Если сблизать смысловое значение имени Осириса с озаренностью, то тогда напрашиваются и некоторые фонетические

параллели: древнеегипетское имя Усир созвучно с древнеиндийским Ушас, а последнее приводит к русскому «ужас», что объяснимо только в том случае, если исходить из общеизвестных функций бога Осириса как владыки Царства мертвых, царя Преисподней и главного судии на Страшном суде. Все становится на свои места, если вспомнить, что зори бывают как утренние, так и вечерние: первые приносят нарождение дневного света, а последние — его смерть. Можно подобрать еще одно объяснение тому на первый взгляд необъяснимому факту, почему имя богини Утренней Зари — Ушас превратилось в русский «ужас»: это — инцест (кровосмесительный брак) дочери с отцом — ужасное и преступное прелюбодеяние с точки зрения развитых родовых отношений.

Космическую сущность любви, о чем писали многие мыслители Запада и Востока, — в лапидарной форме выразил Данте: «Любовь, что движет солнце и светила». В русском народном мировоззрении (как и в мировоззрении других народов) обнаруживается иной аспект данной темы: сам человек оказывается сыном или дочерью небесных светил, тем самым образуя с ними небесно-космическую семью.

Впечатляющим носителем жизнетворящего начала природы выступает хорошо известный древнерусский и общеславянский бог — *Ярило* (рис. 116), олицетворявший мужское естество и весеннее плодородие. Имя Ярилы, воплощавшего яростное детородное (сексуальное) начало, одновременно сливалось с понятием «яркий», «яр», «яровой» (весенний). В конечном счете и сам бог и его имя восходят к гиперборейским временам общеиндоевропейской этнической нерасчлененности и сопряжено с именем и функциями бога Гермеса («ярого месяца», о чем уже говорилось в предыдущей главе).

Весенний праздник Ярилы, детально описанный этнографами, по существу являлся исторической трансформацией на славянской почве хорошо известного дионисийского культа с непристойным органистическим действием. Аналогичным образом непереманным атрибутом русского Ярилы был подчеркнута большой фаллос, сделанный из полена, а само празднество завершалось имитацией полового акта. В данной форме он является отголоском тех далеких древнеиндоевропейских верований, в соответствии с которыми для достижения плодородия и получения высокого урожая требовалось оплодотворить женщину на вспаханном поле.

Рис. 116. Ярило (худ. Н. Антипова)

Несмотря на подчеркнuto непристойный характер, Ярилин праздник отмечался в России повсеместно еще в начале XX века, правда, не в одни и те же дни. Вот доподлинные свидетельства современников. В Костроме отправляли похороны Ярилы во Всесвятское заговенье. Старик, одетый в изодранное платье, нес в гробу куклу Ярилы в виде мужчины с выпяченными наружу естественными частями. Пьяные женщины провожали куклу с рыданиями, а потом зарывали в землю. В Галиче и Кинешме Костромской губернии представителем Ярилы выбирали старика, уплаивали вусласть и забавлялись над ним. (Все это отголоски древних дионисийских необузданных празднеств, неперменным атрибутом которых было бесконтрольное употребление опьяняющих напитков.) Девушки устраивали вокруг пьяного деда, персонифицирующего Ярилу, веселые хороводы.

В Тверской губернии в первое воскресенье после Петрова дня девушки и парни собирались плясать и веселиться в честь Ярилы. Матери охотно отпускали своих дочерей на это гулянье поневеститься. Женихи высматривали невест, а невесты женихов. Общение носило более чем вольный характер.

Во время разгула любовью занимались под ветвистыми деревьями. В некоторых местностях Казанской губернии поселяне обоего пола плясали в честь Ярилы на полях, где перед этим окропляли скот священной водою.

В Воронеже в Ярилин день люди всех возрастов и обоих полов, нарядившись как в самый большой праздник, собирались с рассветом дня за городом на большой площади. Из числа мужчин выбирали Ярилу, наряжали его в пестрое платье, украшали цветами, лентами и бубенчиками, лицо нарумянивали. Дети возвещали шествие Ярилы барабанным боем. Начинался всеобщий разгул, который обычно завершался страшным кулачным боем (заметим, что кулачный бой — одна из древнейших ритуальных игр индоевропейцев)³⁵.

Русский корень «яр» происходит от древнеарийского «ар» и обнаруживает свои следы в глубинах тысячелетий и в культурах различных народов: арии, Арджуна (один из главных героев «Махабхараты»), Иран (русифицированное название страны: первоначально Арьянам — «страна ариев»); Аргус — древнегреческий тысячеглазый великан, персонифицирующий звездное небо; Арес — древнегреческий бог войны; Ярри — хеттский бог войны; Эрос (Эрот) — древнегреческий бог любви, одно из четырех космических первоначал.

Эрос и Ярила — разнозвучащие имена (с единой корневой праосновой) общего праиндоевропейского божества, почитавшегося нашими далекими прапредками в те стародавние времена, когда и протоэллины и протославяне были слиты в единый пранарод с единым языком и верованиями. Лишним подтверждением тому служит происхождение имени Геры — древнегреческой богини, супруги Зевса. Яростно-мстительная и необузданно-вспыльчивая натура Геры — точное воплощение ее первобожественной сущности, связанной с яростью как космическо-природно-человеческой стихией. Но и само имя Геры первоначально звучало как Яра. Славянские имена Ярослав, Ярополк, Яровит генетически являются однокоренными имени Гера; точно так же и имя самого знаменитого древнегреческого героя Геракла генетически является однокоренным имени Ярилы и созвучным (фонетически и семантически) славянскому Ярославу.

Нет сомнения, что имена и древнегреческого Ареса (сына Геры), и хеттского Ярри возникли из одного и того же языкового и мифологического субстрата. Хетты — исчезнувший

индоевропейский народ, живший во 2-м тысячелетии до н.э. в Малой Азии, на территории современной Турции. Русское и общеславянское слово «хата» («дом») родственно аналогичному понятию в хеттском языке: корень входит в название самого народа — с учетом чередования гласных «о» и «е», а столица Хеттского государства, напомним еще раз, именовалась Хатт(усас). Рядом с хеттской в Месопотамии существовала и развивалась шумерская и аккадская (ассиро-вавилонская) культура. Шумерийцы говорили на языке, происхождение которого точно не установлено. Язык ассирийцев и вавилонян был семитским. Поэтому исключительный интерес представляет сходство и несомненное родство имен индоевропейских богов войны, хеттского — Ярри (Иарри) и древнегреческого Ареса с аккадским богом войны Эрром (Ирром). В конечном счете последний оказывается генетически родственным русскому Яриле.

Космическая сущность бога Ярилы обнаруживается при проекции календарно-обрядовых функций на природно-циклические процессы, которые, как известно, обусловлены космическими причинами: движением Земли вокруг Солнца при вращении самой Земли, что создает соответствующую картину звездного неба; движением Солнца относительно других звезд и наоборот, скрытых галактических факторов, и растянутых во времени соответствующих физических процессов, неизбежно влияющих и на земную жизнь.

Власть богов над пространством и временем предполагала управление циклическими изменениями в природе: сменой времен года, месяцев, недель, суток, дня и ночи — что все вместе и порознь увязывалось с круговоротом движения Солнца, Луны, планет и звезд. Отсюда вытекают и более обобщенные, по существу философские, представления о «вечном возвращении», т.е. возрождении времени, и циклических круговоротах во Вселенной. Все это в конечном счете привязывалось к космогоническому природотворческому акту, и в зависимости от биокосмических ритмов строились как летосчисление, так и вся хозяйственно-бытовая жизнь: сельские работы, охота и рыболовство, водная навигация, праздники и обычаи³⁶. В свою очередь исчисление суточного, недельного, месячного и годового времени возможно лишь на солнечно(лунно)-световой основе: световые циклы — объективный базис всякого календаря.

В индоевропейских языках есть группа понятий для обозначения годовых и вообще — временных циклов, в основе которых лежит древнейший корень «яр» («йар», «азр»)³⁷. Он образует древнеиранское (авестийское) слово «год», лежит в основе древнегреческого понятия, означающего «время года», и безо всяких изменений воспроизводится в современном немецком языке: «йар» (*Jahr*) «год». В древнерусском языке слово «яра» означало лишь одно время года — весну, но в реконструированном прославянском языке этим словом обозначался целый или, как говорили в народе, круглый год (кстати, одно из точных определений цикличности времени и изменений в природе). Отсюда и происходит имя древнерусского весенне-солнечного и жизнеродного божества Ярилы — хозяина времени и зачинателя года. Весной начинается пробуждение природы и отсчет нового естественного жизненного цикла, устроителем и распорядителем которого выступает Ярило.

Современное русское слово «год» также древнейшего происхождения. Его лексическая основа восходит к санскритскому многозначному слову «gó», в первую очередь служащему для обозначения понятий «бык» и «корова» (это значение сохранилось в современном русском языке «говядина», образованного от устаревшего ныне «говядо», означавшего всякую крупную рогатую скотину — быка, вола, корову), а также в производном от «говядо» и ставшем бранным слове «говно». Но санскритское «gó» означает также «звезды» и «лучи света» (и кроме того, «речь» — откуда русское «говорить»), что, несомненно, раскрывает его космические корни и делает понятным астрально-циклическое происхождение самого слова «год».

С неотвратимым воздействием неведомых космических сил (в том числе и астрально-природных циклов) связано понятие «рок», имеющее временное происхождение (ср.: «срок»). В древнерусском языке оно означало не только «судьбу» (как это имеет место в современном языке), но и «год» (в украинском языке это значение сохранилось и поныне). Этимологически понятие «рока» восходит к санскритскому слову «гас», где оно означает в первую очередь «созидать», «творить», «создавать», «устраивать», «упорядочивать», что в целом соответствует пониманию Космоса как упорядочивающего начала. Но космическая сущность рока предполагает наличие в нем неких непреодолимых законов в виде неизбежной судьбы. Роковая предопределенность — это вовсе не божеское предначертание. Это — несравненно большее, глубин-

ное и непостижимое. В мифологической традиции против рока и судьбы бессильны любые боги. Вселенская неотвратимость рока определяет жизнь людей и ход истории. Как и другие космически насыщенные категории, рок связан с речью или ее эквивалентами. Само слово «речь» является производным от однокоренного ему слова «рок» (ср.: «реку», т.е. «говорю», «пророк»). К этому же лексическому гнезду примыкают слова «рокот» и «рык».

Известна и смягченная трактовка образа Ярилы, сближение его с богами солнечного пантеона и даже отождествление с Солнцем, как это сделано в весенней сказке А.Н. Островского «Снегурочка». Великий русский драматург опирался на нижегородскую трактовку языческого мифа о Яриле — боге Солнца, любви и плодородия. Дожившая до наших дней легенда гласит: в стародавние времена Земля пребывала во мраке и стуже, но пришел бог Ярила и озарил ее своим светом, согрел своим теплом. Тогда-то и родился из недр Земли Человек. Был он сначала несмышленищем, пока не просветил его разум Ярила своей молнией. С тех пор и стал человек властелином во Вселенной³⁸.

В своем беллетризованном переложении древнерусских легенд и преданий Островский использовал образ и другого славянского божества — *Леля*, придав ему чисто человеческие черты. О *Леле* слышали очень многие, но подробностей не знает толком никто. Бесспорно лишь одно: *Лель* — бог любви. Далее мнения расходятся. Одни уподобляют его мальчику, наподобие греческого Эрота или римского Амура-Купидона; вырстая, *Лель* превращается в *Полеля*. Другие склоняются к признанию в далеком прошлом развитого культа бога любви, сведения о котором оказались начисто утраченными. Третьи вообще считают *Леля* литературным вымыслом, берущим начало от мифологов польского Возрождения и Просвещения.

Действительно, прямых летописных свидетельств о *Леле* не сохранилось, есть лишь косвенные — фольклорные и лингвистические. Например, хорошо всем знакомый припев русских и других славянских песен «люли-люли» восходит к первоформе «ой, лелю!», где «лелю» — звательный падеж от имени *Лель*. Его-то, бога любви, и призывают поющие и танцующие. Точно так же русское слово «лелять» означает высшее проявление любви и нежности.

Древним народом, заложившим вместе с пеласгами и эллинами основу греческого этноса, были лелеги. Страбон на-

зывает лелегов кочевниками, по пути их передвижения всюду оставались курганы. Они были союзниками троянцев и разделили с ними горечь поражения. В наименовании народа «лелеги» явственно проступает имя бога Леля. Данная корневая основа обнаруживается и в других словах, в частности — в названиях птиц: русск. «лелек, лелька» — козодой; укр. «лелит» — сова; польск. «лелит» — сова, сыч; турецк. «*lailäk*» — аист. Хорошо известны также русские женские имена Лёля и Пляля, и их вовсе необязательно трактовать, как уменьшительные от общеевропейского имени Елена.

Несомненные функции животворящего плодородия обнаруживаются и у знаменитого русского «скотьего бога» *Велеса* (*Волоса*), покровителя стад и символа неотделимого от их количества богатства. Относительно происхождения его на первый взгляд простого имени за последние два столетия было выдвинуто немало версий³⁹. Однако, несмотря на оригинальность некоторых соображений, не приходится особенно сомневаться в тесной связи имени Велеса со смысловым и лексическим гнездом, куда входят слова «велеть», «повелевать», «великий» и их дальнейшие трансформации «воля», «владение», «власть», «вельми» и т.д. В конечном счете Волос-Велес оказывается семантически сопряженным с понятиями «вол» («бык») и «волот» («великан»). Кроме того, совсем неслучайным представляется и корень «лес» во втором слоге имени «скотьего бога». Возможно прочтение «в[еликан] лес[а]» — или «лесной великан». Не исключено, что здесь оказались наложенными друг на друга несколько смыслов.

Любопытно, что от имени бога Волоса образовано одно из русских народных наименований созвездия Плеяд — Волосыни. Волосыни — дочери Волоса-Велеса. Тем самым обнаруживается космоургическая и звездно-творительная сущность «скотьего бога». Одновременно прослеживаются параллели с другими образами индоевропейской мифологии. Как известно, эллинская история Плеяд насыщена самыми неожиданными событиями и перипетиями. Уже говорилось, что одна из семи Плеяд была титанида Майя — мать Гермеса. Нелишне однако напомнить: сами Плеяды — дочери титана Атланта. А раз в более поздней славяно-русской версии Плеяды-Волосыни — дочери Волоса-Велеса, то значит, в отдаленном прошлом, на стадии нерасчлененных еще культур, у Атланта и Велеса был единый прообраз. Целью настоящей главы не является разработка темы легендарной Атлантиды и ее сопряжения с Гипер-

бореей. Тем не менее мысль о былой тождественности великана Атланта и волота Велеса напрашивается сама собой.

Единение с Вселенной осуществлялось для русских людей не только в мире жизни, но и в мире смерти, через который пролегла дорога в мир бессмертия. По представлениям наших предков, связь человека с космической стихией после смерти усиливалась, поскольку он естественным образом переходил из одной жизни в другую — более высокую, переселяясь из земной среды обитания в неземную — космическую. Для этого умершему, в соответствии с незыблемым ритуалом, создавались все необходимые условия: сооружалось жилище-хоромина (гроб или подземный сруб); давался «в дорогу» набор необходимых предметов (высокородным усопшим — еще и животные, а в ряде случаев — умерщвленные слуги и наложницы); разжигались погребальные костры, помогающие душе умершего переселиться в мир иной (в дохристианские времена предки славян и русов сжигали усопших или погибших на погребальном костре или в погребальной ладье — в современном похоронном обряде отголоском древних традиций служит огонь поминальной свечи), насыпались на местах захоронений курганы (их имитацией и поныне остается надмогильный холм).

Древние ритуальные курганы, сохранившиеся повсюду на просторах Евразии, подверглись доскональному изучению учеными и представляют собой огромный интерес с точки зрения исторической космогонии и астроархеологии. В этих «пирамидах степей», как и в настоящих пирамидах Востока и Америки, закодированы древнейшие представления об устройстве Вселенной и о пути, по которому человек переселяется в мир небожителей. Вопреки расхожему мнению, курганы и пирамиды предназначались вовсе не для того, чтобы не тревожить усопших, уберечь их от возможного покушения со стороны живых (большинство египетских пирамид, как известно, были опустошены еще в древности — ни колоссальные глыбы, ни изощренные лабиринты и ловушки не могли послужить помехой для еще более изощренных грабителей). Действительный смысл кургана (пирамиды) — приблизить погребенного к небу, воздвигнуть мост для общения со Вселенной. Курган — это стартовая площадка в Космос, но не для живых, а для умерших.

Археолог Ю.А. Шилов в увлекательной книге «Космические тайны курганов» раскрывает представления наших пращуров о Вселенной и судьбе человека в земной и последующей жизни

на богатом фактическом материале, в том числе по результатам археологических раскопок курганов группы Высокой могилы, в которых он сам участвовал. Автор именует обнаруженных погребенных прапредков «космическими странниками» и даже «пракосмонавтами», ибо водруженные над ними курганы действительно можно назвать прямым трамплином в Космос.

Один из курганов Высокой могилы, относящийся к доскифским древнеарийским временам (автор разделяет точку зрения ряда ученых о прародине индоевропейцев в Прикубанье и Причерноморье)⁴⁰, имеет крестообразную форму: в черноземный круг вписан желтогрунтовой крест (рис. 117). Крест как древнейший символ, олицетворяющий Солнце, встречается повсеместно в сотнях вариантов в десятках разнообразных культур. Выше говорилось о его происхождении. Археологическим подтверждением повсеместного распространения древнего креста в местах расселения праславян являются его многочисленные изображения на керамике, а также в виде рисунков, выдолбков, резных камней и кости. И вот — крестообразный курган.

От Солнца-кургана отходят двенадцать лучей, по числу месяцев года. Это и символ Вселенной, и своего рода календарь. Дороги-лучи были ориентированы, и каждая из них связана с определенной датой (зимней, весенней, летней, осенней). Само погребение находится в зимнем секторе Солнца-Вселенной. Погребение — сенсация: в головах нашего предка — семиколесная (!) повозка (число «семь» священо в русской, славянской и других индоевропейских культурах, в прошлом оно имело также и магический смысл). Каждое из семи колес повторяет одно из направлений тех дорог, которые связаны с весной и летом (что символизирует переход от смерти-зимы к весне-воскресению). Этот переезд на магической семиколесной повозке осуществляется в пламени погребального костра по звездным путям, под покровительством Солнца (общеарийский образ огненной колесницы)⁴¹.

Русский народ свято верил, что жизнь каждого человека продолжается и после смерти. Представления о загробной жизни — это не дань позднейшей христианской традиции, а древнейшие верования, корни которых уходят в глубины тысячелетий. Славяне испокон веков признавали, что душа имеет самостоятельное бытие, может отделяться от тела после смерти, некоторое время пребывать на месте, где произошла смерть, а затем переселяться в «мир иной». Отсюда все древ-

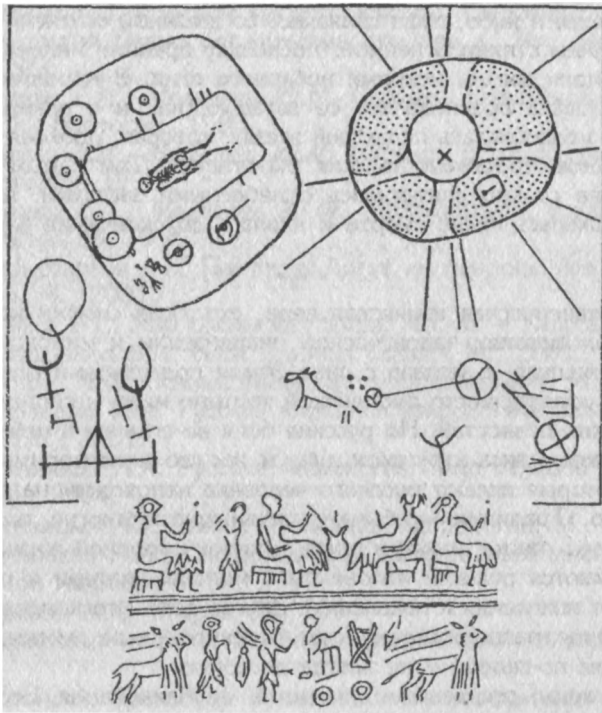

Рис. 117. Космическая символика курганов

ние традиции, связанные с похоронами и проводами покойников, а также сохранившиеся по сей день обычаи отмечать девятый и сороковой день после смерти (когда душа окончательно расстается с прежним местом пребывания).

По представлениям славян, душа может временно покидать тело и во время сна. Так, сербы и черногорцы убеждены, что в каждом человеке обитает дух, которого они называют «ведогонь», и что дух этот может покидать тело, объятые крепким сном. Природа души — огненная. Потому-то по древнейшим представлениям считалось, что она улетает в небо вместе с пламенем погребального костра. Как жизнь невозможна без света и тепла, так и душа — частица того небесного огня, которая сообщает очам — блеск, крови — жар и всему телу — внутреннюю теплоту⁴².

Улетая в небо, душа сливалась со звездной стихией — продолжением стихии огненной, поскольку древние индоевропейцы считали звезды искрами небесного огня. В народных преданиях душа сравнивалась со звездой, как и с пламенем, а смерть уподоблялась падающей звезде, которая, проходя сквозь воздушное пространство, как бы угасает. Тем самым жизнь человека стойко связывалась с небесными звездами, где она продолжалась после смерти и длилась до скончания веков.

* * *

Древнерусская языческая вера, уходящая своими корнями к самым истокам человеческой цивилизации и мировой культуры, рухнула и исчезла с лица Земли под ударами новой религии, уступив место библейской картине мира и системе христианских ценностей. Но русские боги не сгинули в небытие — они сохранились в русском духе и тех его неповторимых чертах, которые делают русского человека непохожим на любого другого. Традиции и обычаи, сложившиеся многие тысячелетия назад, также вошли в плоть и кровь народной жизни. Они впитываются русским человеком с молоком матери и передаются от поколения к поколению. Другое дело, что каждое новое поколение распоряжается этим неисчерпаемым духовным богатством по-своему и не всегда достойно.

За годы, прошедшие с момента опубликования 1-го издания моей книги, увидело свет немало публикаций разной степени достоинства, связанных со славянской и русской мифологией, где по-разному систематизируется пантеон древних языческих божеств. Среди них:

Асов А.И. Славянские боги и рождение Руси. М., 1999.

Белякова Г.С. Славянская мифология. М., 1995.

Бычков А.А. Энциклопедия языческих богов: Мифы древних славян. М., 2001.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.

Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.

Влескнига I. «Влесова книга», литературный перевод ее текстов *Н.В. Слатина*. (Влесова книга, русский язык и русская история). Омск. 2000.

Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. Ростов н/Д, 1996.

Гаврилов Д. Аполлон Гиперборейский, Свентовит Арконский и другие Белые боги индоевропейцев // Мир истории. 2002. № 6.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий. Н. Новгород, 1995.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия славянской мифологии. М., 1996.

Гудзь-Марков А.В. Пантеоны богов индоевропейцев и прапантеон. М., 2001.

Казаков В.С. Мир славянских богов. Москва — Калуга, 2002.

Калашников В.И. Боги древних славян. М., 2001.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.

Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Т. 1. СПб., 2001.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.

Наговицын А.Е. Тайны славянской мифологии. М., 2003.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.

Серяков М.Л. Сварог. М., 2004.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004. (Издание продолжается).

Соболев А.Н. Мифология славян: Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 1999.

Телегин С.М. Мифология восточных славян. М., 1994.

Тулаев П.В. Родные боги // Наследие предков. 1997. № 3.

Он же. Семья гиперборейских богов // Варвары. М., 1999.

Чудинов В.А. Славянская мифология и очень древние надписи. М., 1998.

Щербатов В.И. Асгард — родина богов. М., 2000.

Однако отдавая должное усилиям вдумчивых российских исследователей, их оригинальным интерпретациям и нетривиальным выводам, я все же позволил себе оставить здесь ту структурную схему древнерусского пантеона, которая сложилась у меня в 80—90 годы истекшего столетия, и сохранил ее в настоящем издании такой, какая она была и есть...

ЧАСТЬ 3

КОСМИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Рокот веков.
Топот подков.

Марина Цветаева

НАРОД И КОСМОС

Вся жизнь цивилизованного и нецивилизованного человека неотделима от окружающей его Вселенной, пронизана связью с ней от рождения до смерти. Русский народ здесь не исключение. Более того: необъятные просторы Русской земли, распахнутость звездного неба, постоянная устремленность к открытию новых земель и вообще всего нового сделали русского человека особенно восприимчивым и предрасположенным к миру космических явлений. Именно данная особенность позволила одному из главных русских космистов Н.Ф. Федорову говорить о том, что ширь Русской земли порождает ширь русской души, а российский простор служит естественным переходом к простору космического пространства, нового поприща для великого подвига русского народа. А это вселенское поле деятельности не имеет границ!

Среди тысяч и тысяч находок, обнаруженных недавно при раскопках «русской Трои» — Аркаима, особенно впечатляет одна — фигурка нашего древнего предка, устремившего задумчивый взор в небо (рис. 118), в Космос, туда, где ходят дневное и ночные светила, где попеременно рождаются день (свет) и ночь (тьма), где распростила свои бесконечные крылья сама Вселенная. Не приходится сомневаться, что наших пращуров обуревали те же мысли, которые сравнительно недавно были

в концентрированном виде сформулированы в «Завещании» Павла Флоренского: «...Почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или на лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря — выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится». С этими пронзительными словами вполне созвучно четверостишие замечательного философа и поэта Арсения Чанышева, написанное чеканным классическим слогом и перекликающееся с «Завещанием» Флоренского:

*Чаше на небо гляди темной безоблачной ночью!
Звездною пылью тогда густо покрыт небосвод.
В каждой пылинке громадный мир заключен.
Бесконечность
Стала наглядной... Как жалок день, что прошел в суете!*

Думается, аркаимский звездный мечтатель на 4 тысячи лет предвосхитил вдохновенные слова русских космистов. Воистину его образ — овеществленная «память сорока веков», о которой когда-то пророчески писал Валерий Брюсов! Но исчерпывается ли обозначенным сроком возраст космизма вообще и русского космизма в частности? Ведь человечество по своему происхождению космично изначально. Оно — закономерный продукт эволюции Вселенной. Жизнь на Земле галактик. *Homo sapiens* — Человек разумный — это всегда *Homo cosmicos* — Человек космический.

Человеческая жизнь, по мнению наших предков, с момента рождения зависела от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими чуть ли не с молоком матери. Каждый хотел бы родиться под счастливой звездой. Вся жизнь в нашей душе звучит древний оберег-заклинание, ставший впоследствии словами известного романа: «Гори, гори, моя звезда...» Гаснет она — обрывается нить жизни, и человек умирает. Выдающийся мифолог, собиратель и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев отмечал: «Каждый человек получил на небе *свою звезду*, с падением которой прекращается его существование; если же, с одной стороны, смерть означалась падением звезды, то с другой — рождение младенца должно было означаться появлением или возжением новой звезды, как это засвидетельствовано преданиями

Рис. 118. Статуэтка человека, смотрящего в небо (Аркаим, Челябинская обл.)

индоевропейских народов. В пермской губернии поселяне убеждены, что на небе столько же звезд, сколько на земле людей¹.

Поразительно, но свыше двух тысяч лет до этой записи, сделанной в пермской глухомани, подобные же взгляды высказывал Платон: число душ в Космосе равно числу звезд и распределено по одной на каждой звезде (Тимей, 41e). В свою очередь, мысль, сформулированная Платоном, вполне соответствует «звездной философии» египтян, изложенной, к примеру, в так называемых «Драматических текстах».

Вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах была присуща всем славянским народам. По стойкому убеждению русских, украинцев, белорусов, южных и западных славян Солнце, Луна, Земля, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе и счастье или несчастье в супружеской жизни. Женитьба и замужество, в представлении славян да и других народов, заранее предопределена и даже записана в воображаемой небесной книге. Юноша в мужья и девушка в жены предназначаются Судьбой — неотвратимым небесно-космическим Роком. От имени неотвратимой Судьбы возникли и понятия «суженый», «суженая», имевшие магическое значение; само слово заставляло юношу и девушку покоряться судьбе².

Представления о жизненности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими «небесными» законами — неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации.

После распада единой праиндоевропейской этнической и языковой общности из нее выделились самостоятельно народы — носители новых языков и культур (данный процесс занял много тысячелетий). Но каждый народ (впоследствии —

нация) продолжал хранить в своем мировоззрении остатки былых представлений и верований. Арийское наследство, принесенное славянами (а в дальнейшем — русскими) на евразийскую почву, сохранялось в форме стойких мифологических воззрений, игравших, по мнению И.Е. Забелина, роль первобытного познания природы и даже первобытной науки. В этом горниле зарождался и оформлялся изначальный народный космизм. «Язычник, — отмечал Забелин, — яснее всего постигал и понимал одну великую истину, что жизнь — есть основа всего мира, что она разлита повсюду и чувствуется на каждом шагу, в каждой былинке... Во всем живом мире господствует и повсюду является такое же человеческое существо, как он сам. Он сознавал, что весь видимый мир от былинки до небесного светила одухотворен тою же человеческой душою, ее мыслью, ее чувством, ее волею»³. Отсюда: не только животные и растения, но и самые камни мыслили, чувствовали, говорили таким же понятным каждому человеческим языком.

Говорящие и чувствующие предметы, стихии, растения, животные, сохранившиеся по сей день в сказках, песнях, эпосе, — это не плод наивного вымысла, а результат глубочайшего проникновения в таинство окружающего мира и осознания неразрывного с ним единения. Недосягаемая всеобъемлющая Вселенная порождала не страх и ужас, а укрепляла чувство космического родства и, следовательно, обережения и заступничества от любых враждебных и злокозненных сил. Пробуждение этих защитных функций природно-космического Универсума достигалось с помощью разного рода магических обрядов и действий. Тем самым весь окружающий человека видимый и невидимый мир — от Солнца и звезд до листика и травинки — оказывался одушевленным и одухотворенным, замыкаясь в единое и неразрывное целое с самим человеком.

Христианство с трудом преодолеvalo (и никогда до конца не сумело преодолеть) веками и тысячелетиями формировавшееся космическое мировоззрение народов, населявших Россию. Несмотря на драконовские меры и инквизиторскую политику, церкви никак не удавалось выправить то, что дается самой природой. Ни инородцы, ни русское население никогда не расставалось с вселенско-языческим отношением к окружающему миру, подразумевающей себя его неотъемлемой частичкой. Дьявольской называет анонимный и первый русский космологический трактат XII века «Слово о силах небесных» неискоренимо-стойкую веру

людей «в Солнце, и в Месяц, и в Звезды, а иныя в реки, и в источники, и в древа... и в огонь, и в звери, и в иныя вещи многообразныя»⁴.

Мифологическое сознание не есть нечто нерасчлененное, аморфное — таким оно предстает по прошествии веков и тысячелетий, когда на него не сходит его прежнее идеологическое значение, влияние на повседневную жизнь утрачивается, а остатки ранее господствующего мировоззрения оседают в фольклоре. Безусловно, современному человеку трудно судить, к какому именно неведомому прошлому принадлежит тот или иной сказочный или эпический образ (особенно если речь идет об архаичных пластах). Но положение не безнадежно — тем более иных путей для установления истины нет. *Фольклор — это закодированная в устойчивых художественных образах и символах родовая коллективная память народа.* Задача проницательного читателя и слушателя — научиться расшифровывать этот код.

Стоит посмотреть под этим углом зрения на жалкие осколки некогда величественного и неприступного монолита — и в бесвязных или случайных на первый взгляд образах песен, сказок, былин, загадок, пословиц, заговоров, заклинаний и т.п. проступают отзвуки данных эпох и верований. Кому не известны, скажем, хрестоматийные причитания, перекочевавшие в детский фольклор:

*Костры горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати.*

Для современного человека, оторванного от исконных древних корней, это — всего лишь плач братца Иванушки, обернувшегося козленочком.

В действительности же здесь отголосок древнейшей эпохи, практиковавшей жертвоприношения, — причем не одних животных, но и — увы — человеческие. Приведенное четверостишие — дошедший сквозь тысячелетия вопль обьятой ужасом жертвы. Ужас этот был так велик, что он повергает в трепет и современного читателя (слушателя) — особенно ребенка. Представляется, что и рифмованные строчки причитания сохранились от тех невообразимо далеких дней (счет может идти на многие тысячелетия) практически в неизменном виде.

Чтобы понять это, не требуется применения какого-то особого научного метода или инструментария. Достаточно захотеть увидеть то, что само по себе самоочевидно. При анализе фольклорно-мифологического материала не требуется усложнять или затуманивать самые простые вещи. Так, при анализе древнейшего космического мировоззрения излишне надуманной и искусственной выглядит широко распространенная интерпретация известного английского этнографа и исследователя первобытной культуры *Эдуарда Тайлора* (1832—1917). По его утверждению, популярная французско-немецкая сказка о Красной Шапочке (ее литературная обработка есть и в сборнике Шарля Перро, и в сборнике братьев Гримм) относится к солярным мифам о восходе и закате Солнца, где Красная Шапочка олицетворяет дневное светило, которое проглатывает чудовище-оборотень, принявшее облик волка. Исчезновению (затмению) Солнца приходит конец, когда охотники убивают Волка и вспарывают ему брюхо. Аналогичным образом Тайлор интерпретировал русскую народную сказку о волке и семерых козлятах, где последние якобы символизируют лишние

Рис. 119. Голубиная книга (худ. Н.К. Рерих)

Солнца (первоначальная множественность солнц — одно из устойчивых мифологических представлений), которые проглатывает волк, оставляя одно-единственное⁵.

Подобную космогоническую реконструкцию можно продолжать как угодно долго и подвести под нее чуть ли не весь фольклор, наподобие того, как в XIX веке мифологическая (метеорологическая) школа в фольклористике ухитрилась подвести под атмосферные и небесные явления любое фольклорное произведение и весь пантеон индоевропейских богов. Например, просто напрашивается на космологическую интерпретацию европейская сказка о Белоснежке (Снегурочке), изгнанной из дома злой мачехой и повстречавшей семь гномов. В русской народной версии Белоснежка становится царевной, а место гномов занимают богатыри или даже добрые разбойники. Интерес с космологической точки зрения тут представляет число покровителей преследуемой злыми силами (мачехой) героини. Традиционно их семь, но во многих вариантах фигурирует число двенадцать, как, скажем, в первоначальной записи текста услышанной сказки, которую сделал Пушкин⁶ (в стихотворной обработке богатырей стало семь). Если при этом Белоснежка (Снегурочка) олицетворяет Луну, то двенадцать ее братьев-защитников — это двенадцать лунных месяцев. В известной словашкой сказке об изгнанной падчерице и двенадцати братьях-месяцах последние так и названы своими именами.

Допустимо истолкование семи богатырей (гномов) как семи небесных светил (больших и малых), доступных наблюдению невооруженным глазом и известных всем древним народам: Солнце, Луна, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Меркурий. В таком случае Белоснежка-Снегурочка или замещающая их безымянная царевна — реминисценция (т.е. смутное воспоминание) о древней богине Земле (Мать Сыра Земля, Деметра), над которой восходят и ходят все семь светил. Подобная интерпретация вполне допустима. Но она должна быть комплексной и зависеть не только от развитости воображения, но и от суммарного учета всех имеющихся данных — истории (включая археологию), языкознания, мифологии и искусства.

Испокон веков русские люди не просто созерцали окружающую их Вселенную, скрупулезно вели счет времени по движению Солнца, Луны и других небесных светил, фиксируя накопленный опыт в знаниях о календарных циклах, временах года, их особенностях и последовательности. Русского человека все-

гда волновали и более фундаментальные, философские вопросы: о происхождении Вселенной (Белого света), звездного неба, Солнца, Луны, Земли. Как правило, они задавались в поэтично-образной, подчас — иносказательной форме. Примером может служить знаменитый русский «духовный стих» о начале всего сущего, именуемый Голубиной книгой, о котором уже неоднократно упоминалось. В начале своего творческого пути *Николай Константинович Рерих* (1874—1947) создал картину «Голубиная книга» (рис. 119), где в обобщенно-символической форме попытался воссоздать образ вселенской книги, упавшей с небес (из Космоса) и включавшей в себя всю мудрость мира.

Опровергая ходячие представления об отсутствии у русского народа склонности к умозрительному мышлению, один из пионеров изучения народного мировоззрения и быта — *Николай Иванович Надеждин* (1804—1856) ссылался именно на Голубиную книгу, как на ярчайший пример космогонической культуры. Голубиная книга — своего рода квинтэссенция древнейшей народной мудрости, содержащая в себе ответы на вопросы, «смело посягающие на то, что, по нынешнему распределению знания, относится к высшим умозрительным задачам — природоведения вообще, и в частности — земледения!»⁷.

Первая запись «Стиха о Голубиной книге» (всего известно свыше тридцати вариантов) содержится в знаменитом «Сборнике Кириши Данилова». Здесь, несомненно, сохранились отзвуки самых глубоких времен, доходящих до источника, общего и для индийских Вед, и для русского фольклора. Недаром заветная книга, о которой пели сказители, именуется «голубиной», то есть «глубинной» (что означает одновременно и «древняя» и «мудрая»). О языческом происхождении легенды о Голубиной книге свидетельствует написанное в XIII веке житие Авраама Смоленского, который был обвинен в ереси за чтение и почитание «глубинных книг». Однако Голубиная книга менее всего является объектом внимания одной лишь ученой книжности. Главными пропагандистами и распространителями былинно-песенного и апокрифического знания на Руси были калики перехожие, бродившие по городам и весям. Через такое подвижное «средство массовой информации» народ приобщался к древней и высшей мудрости.

Вот широко известный перечень вопросов из Голубиной книги:

*От чего зачался наш белый свет?
От чего зачалось сол(н)цо праведно?
От чего зачалось светел месяц?
От чего зачалось заря утрення?
От чего зачалась и вечерняя?
От чего зачалась темная ночь?
От чего зачались часты звезды?*

В белорусском фольклоре также обнаруживаются следы древнего мировоззрения, родственного русской Голубиной книге. В песне о Севрюке встречаются практически те же космогонические вопросы, но только в более мягкой и лирической постановке:

*Ой, кто ли того не знал,
Как наш белый свет настал?
Как и солнушко взошло,
Как и яркий мясячко,
Как и часты звездочки,
Как и темны хмароньки,
Как и сильны дождички⁸*

Ответы на эти вопросы давались разные — в разные времена и у разных народов. В индоевропейской традиции очерчен некоторый общий круг вопросов и ответов, который варьируется в разных мифологиях и культурах, сохраняя при этом общее ядро. Достаточно обратиться к индоиранским истокам. Так, в Авесте — священной книге зороастризма — содержится примерно тот же перечень вопросов, что и в Голубиной книге.

Древнеиранская Авеста помогает прояснить многие вопросы, относящиеся к протославянскому мировоззрению и праславянскому языку. Ко времени формирования Авесты и зороастрийской религии (X—XII вв. до н.э.) завершился активный распад индоевропейских племен и возникновение на общей некогда основе самостоятельных народов с самостоятельными языками, но эти новые этнические и языковые образования не столь далеко отстоят от некогда общего источника знаний и верований. В Авесте сформулированы следующие вопросы: «Кто (является) первоначальным творцом Истины? Кто установил путь солнца и звезд? Кто (тот), благодаря которому луна прибывает и убывает? ...Кто поддерживает снизу землю и облака от падения,

кто (поддерживает) воды и растения? ...Какой умелый (мастер) создал свет и тьму, какой умелый (мастер) создал сон и бодрствование?» Эти вопросы из недошедших частей Авесты, известных историкам по более поздним пехлевийским текстам⁹.

Как отвечали древние индоарии на занимавшие их вопросы, видно из их священной книги — Ригведы.

*Не было ни-сушего, и не было сушего тогда.
 Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
 Что двигалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой?
 Что за вода была — глубокая бездна?
 Не было ни смерти, ни бессмертия тогда.
 Не было ни признака дня (или) ночи.
 Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно,
 И не было ничего другого, кроме него.*

В мировоззрении древнего человека Вечно-космическое постоянно сливалось с Бренно-повседневным. Дикое — с точки зрения современного понимания — обычаи переплетались с возвышенными и вдохновенными знаниями о Вселенной, кодировались в устойчивых образах и символах для передачи от поколения к поколению. В данном плане показательна судьба одной совершенно нетипичной для славянских традиций «людоедской песни», уцелевшей несмотря ни на какую политическую, идеологическую и морально-этическую цензуру и какими-то неисповедимыми путями дошедшей практически до нынешних времен. Записанная и опубликованная в в Курской губернии писательницей Н.С. Кохановской, эта страшная песня повергла в шок читательскую публику, а развернувшаяся полемика обнаружила среди прочего достаточную распространенность каннибалистского текста в разных областях России. В песне беспристрастно рассказывается про то, как жена вместе с подружками съела собственного мужа да еще попотчевала страшным угощением мужнину сестру, подзадоривая ее загадками:

*Я из рук, из ног короватъ смошу,
 Из буйной головы яндову скую,
 Из глаз его я чару солью,
 Из мяса его пирогов напеку,
 А из сала его я свечей налью.
 Созову я беседу подружек своих,*

*Я подружек своих и сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую.*

*Ой, и что таково:
На милом я сажу,
На милова гляжу,
Я милым подношу,
Милым потчеваю,
Аи мил пер'до мной,
Что свечюю горит?*

*Никто той загадки не отгадывает.
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его:
— «А я тебе, братец, говаривала:
Не ходи, братец, поздним-поздно,
Поздним-поздно, поздно вечером».*

Никто не сомневался в глубокой архаичности женских причитаний, но никто не мог толком объяснить их истинного смысла. Крупнейший русский философ и поэт *Алексей Степанович Хомяков* (1804—1860), посвятивший данному вопросу специальную заметку, уловил в русской песне древнюю космогоническую тайнопись по аналогии с древнеегипетскими, древнеиндийскими и древнескандинавскими мифами. Более того, он назвал странную песню «Голубиной книгой в ее окончании». Чем же руководствовался Хомяков и каков ход его рассуждений?

Мыслитель-славянофил напоминает, что северная мифология и космогония строила мир из разрушенного образа целовеческого — из частей великана Имира, растерзанного детьми Первобога Бора. В восточных мифологиях и космогониях Вселенная также строилась из мужского или женского исполинского образа — в зависимости от того, кто был убийца-строитель — мужское божество или женское. В ходе дальнейшего космогонического процесса кости поверженного великана делались горами, тело — землей, кровь — морями, глаза — светоносными чашами, месяцем и солнцем. В соответствии с канонами и традициями мифологической школы в фольклористике, Хомяков делает предположение, что та же схема действовала и в славяно-русской мифологии, что получило отражение и в Голубиной книге и «людоедской песне» (последняя — один из осколков древней мифологии, который при достаточном воображении можно сопрячь с некоторыми устой-

чивыми образами русского фольклора). По Хомякову, мифологические рассказы при падении язычества теряли свой смысл и переходили либо в богатырскую сказку, либо в бытовые песни, либо в простые отрывочные выражения, которые сами по себе не представляют никакого смысла. Таково, например, знаменитое описание теремов, где отражается вся красота небесная, или описание красавицы, у которой во лбу солнце (звезда), а в косе месяц. Точно так же из ряда вон выходящая каннибалистская песня, резюмирует Хомяков, «есть, по-видимому, не что иное, как изломанная и изуродованная космогоническая повесть, в которой богиня сидит на разбросанных членах убитого ею (также божественного) человекообразного принципа... Этим легко объясняется и широкое распространение самой песни, и ее нескладница, и это соединение тона глупо спокойного с предметом, по-видимому, ужасным и отвратительным»¹⁰.

Необычное превращение в русской «людоедской» песне образа-символа Вселенского великана — лишь одно из многих его расщеплений в мировой мифологии после выделения самостоятельных народов, языков и культур из единого в прошлом Праэтноса.

Так, древнекитайский Первопредок-исполин Пань-гу, родившийся из Космического яйца, считается творцом Неба и Зем-

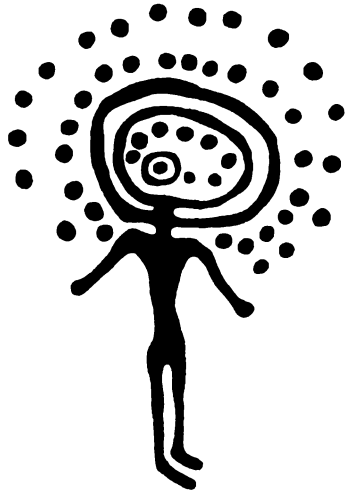

Рис. 120. Древнее астральное божество (петроглиф)

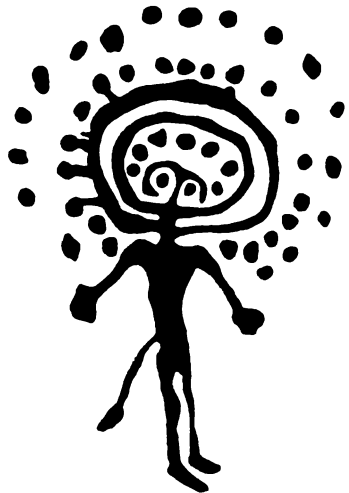

Рис. 121. Древнее астральное божество (петроглиф)

ли. 18 тысяч лет он, подобно эллинскому Атланту, продержал небо на своих плечах, вырастая ежедневно на 1 чжан, то есть около 3 метров (подсчитано, что за все время жизни он вырос до размера в 90 тысяч ли, то есть примерно 45 тысяч километров). Но главные космические превращения начались после смерти Пань-гу. В полном соответствии с древнейшими общемировыми представлениями, из частей его тела образовалось все богатство поднебесного и наднебесного мира. Последний вздох Вселенского исполина сделался ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — Солнцем, правый — Луною, туловище с руками и ногами — четырьмя странами света с пятью знаменитыми горами, кровь — реками, жилы — дорогами, плоть — почвою, волосы на голове и усы — звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле — травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг — металлами, камнями и минералами, пот — дождем и росой¹¹.

В знаменитой древнеегипетской Книге мертвых части тела усопшего, перенесенного в загробный мир, идентифицируются с определенным богом, а если взять еще глубже, — с конкретным тотемом, так как в животноподобии многих египетских богов наглядно закрепилось их тотемное происхождение. Вот небольшая характерная иллюстрация такого распределения тела по богам, взятая из 42-й главы Книги мертвых (в оригинале текст сопровождается виньетками с изображением богов):

«...Лицо мое — это лицо Диска [Ра-Солнце. — В.Д.]. Глаза мои — это глаза Хатор [Небесная Корова]. Уши мои — это уши Ап-уата [бог с головой шакала — коррелят Осириса]. Нос мой — это нос Кхенти-кхаса [бог — покровитель и владыка города Летополиса]. Губы мои — это губы Анпу [Анубис с головой шакала — Владыка загробного царства]. Зубы мои — это зубы Серкет [богиня-Скорпион]. Шея моя — это шея богини Исиды. Ладони мои — это ладони Ба-неб-Татту [Властитель Татту с головой барана — коррелят Осириса]. Руки мои — это руки Неиты, госпожи Саиса [богиня охоты и ткачества]. Мой позвоночник — это позвоночник Сути [бог-«чужестранец» Сет — брат Осириса и его убийца]. Фаллос мой — это фаллос Осириса. Почки мои — это почки Повелителей Кхер-аха. Грудь моя — это грудь могущественного бога Ужаса. Живот мой и спина — это живот и спина Секхет [богиня Сохмет — «Могучая», покровительница фараонов и медицины — с головой льви-

цы). Ягодицы мои — это ягодицы Глаза Гора [Хор-Солнце]. Бедра мои — это бедра и ноги Нут [Небо — олицетворение Космоса]. Ступни мои — это ступни Птаха [бог земли и плодородия]. Пальцы мои и кости ног — это пальцы и кости ног Живых богов. Нет ни одной части моего тела, которая не была бы частью тела того или иного бога. Бог Тот [Гермес] защищает мое тело со всех сторон, и я есть Ра [Солнце] день за днем¹².

Сходные аналогии проводятся и в других источниках: например, в древнеегипетских же Текстах пирамид и в одном из Лейденских папирусов. Но не только у египтян был распространен древний сюжет. В устных талмудических сказаниях (неканонических ветхозаветных преданиях евреев) знакомое космическое клише перенесено на Первочеловека Адама, который первоначально имел вселенские размеры, заполняя собою весь мир, и лишь после грехопадения Бог уменьшил раз-

Рис. 122. Вселенский человек Пуруша (женская ипостась). Нижняя часть тела соответствует семи нижним мирам, средняя часть тела — земному миру, а верхняя часть тела — десяти небесным мирам

меры Праотца рода людского. Когда Адам лежал, рассказывается в фольклорном предании, голова его находилась на крайнем Востоке, а ноги — на Западе; когда же он встал, созданный по образу и подобию Божьему, то все твари почитали его творцом, равным Богу. Ангелы сказали: «В мире двоевластие», и тогда Бог уменьшил размеры тела Адама¹³. Подобные же мотивы обнаруживаются и в мусульманских легендах, изложенных, к примеру, в поэме великого суфийского мыслителя *Джалаледдина Руми* (1207—1273) «Масневи», написанной на основе ближневосточного фольклора. У Руми бог творит Адама из праха, а Дьявол проникает через раскрытый рот внутрь Первочеловека и обнаруживает там «Малый мир», подобный «Большому миру». Голова Адама — небо о семи сферах, тело его — земля, волосы — деревья, кости и жилы — горы и реки. Как в природном Мире — четыре времени года, так и в Адаме — жар, холод, влага и сухь, заключенные в черной и желтой желчи, флегме и крови. А связанный со сменой времен года кругооборот природы подобен кругообращению пищи в теле Адама. И т.п.

Впоследствии популярный сюжет общемирового фольклора проник в русские «отреченные книги» — апокрифы и стал известен под названием «Вопросы, от скольких частей создан был Адам». Здесь Первочеловек рисуется по аналогии с Голубиной книгой, но как бы с обратным знаком: тело — от земли, кости — от камней, очи — от моря, мысли — от ангельского полета, дыхание — от ветра, разум — от облака небесного (Небо — синоним Космоса), кровь — от солнечной росы¹⁴. Впрочем, с точки зрения единства Макро- и Микрокосма — центральной идеи всего русского космизма — направленность вектора «Человек — Вселенная» не имеет принципиального значения.

Рис. 123. Изображение великана Пуруши на трипольском сосуде

Вселенский Первочеловек-исполин — одна из устойчивых мифологем мирового фольклора и человеческой предистории — запечатлен во множестве древних изображений. Выразительные рисунки на скалах сохранились, к примеру, на традиционных путях древнейших миграций на территории современного Казахстана — близ Алма-Аты (рис.

120) и в Прикаспии (рис. 121). На обоих петроглифах (вообще же известно множество вариантов) изображено Космическое существо, окруженное светилами; такие же космические символы и внутри его головы, образованной небесными сводами. По-видимому, существовал некоторый единый шаблон для изображения Вселенского Праотца или Праматери (у китайцев это — супружеская пара первопредков — Фу-си и Нюй-ва). Классический Вселенский Первочеловек индоариев — Пуруша — также представлялся и мужчиной и женщиной (рис. 122). Известны и протославянские изображения Пуруши (рис. 123). Сказанное удивительно подтверждается, если сравнить первобытные наскальные рисунки Казахстана с космическими мотивами русских вышивок, где также изображено Вселенское существо (мужского или женского рода) в обрамлении небесных светил (рис. 124). При этом звезды выглядят вполне естественно, а часть из них, как и на центрально-азиатских петроглифах, образуют лицо Первочеловека. Ромбовидная звездоликость, тождественная ромбовидному орнаменту, распространенному во многих культурах, свидетельствует о небесно-космической сущности ромбической символики с матриархальным уклоном, вопреки мнению некоторых маститых исследователей, усматривающих в ней засеянное поле или засаженный огород.

Безусловно, в общем и целом космическое мировоззрение русского народа в его исконно-древнем выражении неотделимо от тех общеарийских и доарийских представлений, ко-

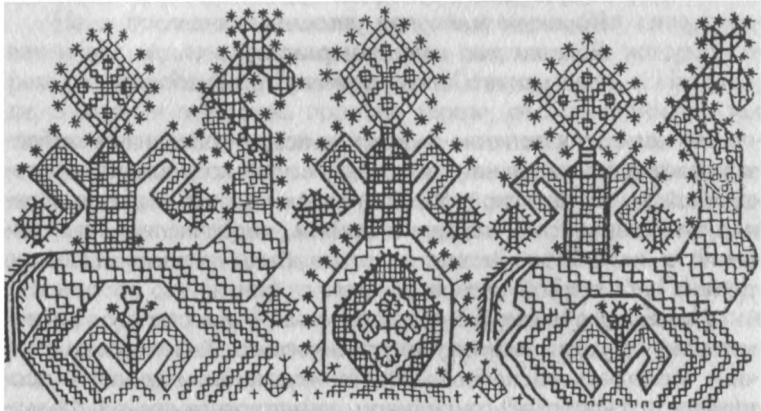

Рис. 124. Космический великан-волот на русской вышивке

торые образовали дух мировых цивилизаций. Отзвуки былых космических воззрений русского человека сохранились и в мистических стихах сектантов старообрядцев. Достаточно вчитаться в некоторые из сохранившихся в церковных архивах песнопения, дабы убедиться, что в их основе лежит не какая-то умозрительная христианская символика, а что ни на есть живое и полнокровное древнее миропредставление, сродни индоарийским огнепоклонникам. Вот образец такого духовного стиха из дореволюционного архива Соловецкого монастыря:

*У нас было на сырой земле,
Претворилися такие чудеса,
Растворилися седьмые небеса,
Сокатилися златые колеса,
Золотые, еще огненные.
Уж на той колеснице огненной
Над пророками пророк сударь гремит,
Наш батюшка покатывает.
Утверждает он святой Божий закон.
Под ним белый храбрый конь.
Хорошо его конь убран,
Золотыми подковами подкован,
Уж и этот конь не прост,
У добра коня жемчужный хвост,
А гривушка позолоченная,
Крупным жемчугом унизанная;
Во очах его камень-маргарит,
Изо уст его огонь-пламень горит...*¹⁵

Во всех этих огненно-золотых и конно-колесничных образах закодировано знание, восходящее еще ко временам индоевропейской этнической общности евразийских народов. Знания эти хранились в народной памяти, передавались от поколения к поколению и впоследствии были переосмыслены в тайной мистической поэзии русских сектантов.

Никакого религиозного содержания — ни старого, ни нового, ни ортодоксального, ни еретического — нет также в зачине хлыстовского песнопения, пронизанного народным космоизмом и скорее всего целиком заимствованного из фольклора.

*Красно солнышко восходит на сырую землю
И тьму ночи рассевая, а день предвешая
Лучами своими озаряет, все оживотворяет,
Всем живущим возвешает, светом освещает,
Теплотою согревает, на твердь поспешает,
На небесном своде будет, всех земных разбудит¹⁶.*

Стойкий интерес к небесно-космической проблематике постоянно держался у русских людей на протяжении тысячелетий. Во все времена тянулся русский народ к космическому знанию, черпая его из любых источников, в том числе — и заимствованных. В данной связи весьма показателен и поучителен один эпизод из русской истории, мало освещенный по тем или иным причинам в современной литературе. Он касается того всплеска интереса к переводной астрономической и астрологической литературе, случившийся в XV веке и неотделимый от тех центристремительных тенденций, которые характеризовали общественную и духовную жизнь России при создании единого государства во главе с Москвой. Раньше основным каналом проникновения ученой книжности на Русь была Византия, но после взятия Константинополя турками в 1453 году и падения Византийской империи в традиционных центрах русской книжности и культуры стали появляться и переводиться многие из популярных на Западе и Востоке сочинений не только научной, но и околонуточной тематики — астрологических, предсказательных, гадательных и прочих книг.

Не в последнюю очередь данный интерес был стимулирован и тем серьезным идеологическим потрясением, которое пережила православная Русь в конце XV века, когда в Новгороде, а затем и в Москве, подобно заразе, распространилась так называемая ересь «*жидовствующих*», охватившая самые различные слои русского люда. Борьба с ересью потребовала мобилизации всех духовных сил лучших представителей православной церкви, что было особенно трудно, так как поначалу на закордонную пустышку клюнул и отнесся к ней не без благосклонности сам Великий князь Московский Иван III. По счастью, Государь всяя Руси был быстро образумлен и направлен на путь истинный главным ниспровергателем ереси «*жидовствующих*» *Иосифом Волоцким* (1439/40—1515).

А начиналось все просто и невинно. Находясь под непрекращающимся давлением Москвы и изнемогая от внутренних

противоречий, одна из антимосковских группировок, ориентированных на Литву, пригласила в 1470 году в Новгород литовского князя Михаила Олельковича. В его свите прибыл и ученый-астролог, иудей-караим, уроженец Кафы (ныне Феодосия) по имени Схария (Захарий Скара). Князь Михаил вскоре возвратился домой, а Схария не только остался, но и пригласил из Литвы еще двух ученых евреев. Вместе они-то и развернули в Новгороде тайную еретическую пропаганду — сначала среди православного духовенства, а затем и среди мирян, загипнотизировав всех своими пророчествами и посулами.

Отчего же вдруг возник такой повальный психоз и православные люди враз клюнули на иудаистическую казуистику? Причин тут много, но воздействовали они комплексно. Первая причина — политическая: боязнь московской экспансии и неприятие всего московского (отсюда — постоянные заигрывания с неправославными соседями, в том числе с Речью Посполитою, Ливонией и Швецией). Вторая причина — гуманистическая: русские всегда тянулись к новому знанию, а ученые иудеи привезли в Новгород последние достижения европейской науки и множество доселе неизвестных на Руси книг по астрономии, астрологии, логике, гадательной практике и т.п. Наконец, третья причина, обусловившая массовый интерес к пропаганде Схарии и его приверженцев, — эсхатологическая, связанная с ожиданием в скором времени конца света и Страшного суда.

По христианскому летосчислению в 1492 году наступала 7-я тысяча лет от библейского Сотворения мира (5508 лет до Рождества Христова + 1492 года после Рождества Христова = 7000 лет). Мистическая, идущая от язычества вера в тайный смысл цифры 7 привела христианский мир к выводу: близится день Страшного суда, мир движется к своему концу. В православных пасхалиях исчисление празднования Пасхи — Воскресения Христова доводилось только до 1491 года, а применительно к роковому 1492 году делались приписки: «горе, горе достигшим до конца веков» или «зде страх, зде скорбь, аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конце явится, в нем же чаем и всемирное твое пришествие».

Светопреставления ждали со страхом и трепетом, оно казалось неотвратимым, была даже объявлена точная дата — в ночь на 25 марта 1492 года. И вот в этой обстановке полной обреченности и безнадежности вдруг появляются три ученых еврея, которые, опираясь на Тору и Талмуд, заявляют: по иуда-

истическому летосчислению от Сотворения мира и до Рождества Иисуса из Назарета, объявленного впоследствии Христом, прошло вовсе не 5508 лет, а всего лишь 3761 год. Следовательно, до конца мира еще очень и очень далеко, и как тут не посмеяться над «пужанием» православных священников и монахов и не усомниться в истинности христианских догматов.

И православные новгородцы, а вслед за ними и москвичи, досель слыхом не слыхавшие ни о какой талмудической или каббалистической премудрости, с ходу отказывались от символа веры и догмата Святой Троицы (по иудаистическим канонам признается только бог отец — Яхве; Христос же был простым смертным, подделом распятым, истлевшим и никогда не воскресавшим; ну а Святой Дух — всего лишь «сотрясение воздуха», то есть дыхание). Это только один из шестнадцати еретических тезисов, отстаиваемых «жидовствующими», которые были подвергнуты беспощадной богословской критике Иосифом Волоцким в его известнейшем и обширнейшем сочинении, получившем название «Просветитель».

Некоторые из «жидовствующих» дошли до того, что начали настоятельно требовать совершить над ними обряд обрезания, чему, однако, воспрепятствовали их еврейские наставники, опасаясь возможных репрессий. Последние не заставили себя ждать. Ересь была изобличена, осуждена высшим церковным судом и люто подавлена: еретиков хватали, зверски пытали и в большинстве своем сжигали на костре. Судьба самого Схариин неизвестна: по одним сведениям он был сожжен с группой новгородцев, по другим — ученому смутьяну удалось бежать в Крым¹⁷.

Ересь искоренили, но книги, завезенные схарианцами в Россию, с тех пор получили здесь постоянную прописку, содействуя расширению кругозора русских людей¹⁸. И в первую очередь это относится к литературе космическо-астрологического содержания. К собственно литературе «жидовствующих» относятся переводные трактаты: «Космография», «Логика», «Тайная тайных», «Лунник» и знаменитый «Шестокрыл». Но сюда же примыкают и другие переводные книги того же жанра, внесенные в православный индекс запрещенной литературы, именуемый «Список книг истинных и ложных»: «Мартолой» (иначе: «Астролог», «Астрономия»), «Звездочтец 12 звезд», «Альманах», «Аристотелевы врата», «Луцидариус», «Попаточник», «Рафли» (здесь же фигурируют: «Громник», «Молнияник», «Колядник», «Месяц окружится», «Сонник», «Зелейник», «Чаровник и др.).

В средневековой Руси имело хождение несколько переводов книг с одним и тем же традиционным названием «Космография», среди них — по меньшей мере 4 авторской принадлежности, связанные с именами западноевропейских ученых докоперниковского периода — Бельского, Ботера, Ортелиуса и Меркатора. «Космография», которую пропагандировали «жидовствующие», несколько отличается от других книг с тем же наименованием: она более «космична», в то время как ее одноименницы более «географичны». Тем не менее все они опираются на одну и ту же теоретическую базу — Птолемею систему мира.

«Космография» «жидовствующих» состоит из 4 глав и описывает 9 небесных кругов. «Книга сия делится на 4 главизны: 1. что есть круг, что есть тычка (точка) круговая, что есть снур, что есть пятка, а колко кругов небесных, а каков образ земский; 2. о крузех судна сего, его же сьокружаем на подобие небесное; 3. о восходе и зьходе о зодейском и о розни дневной и ношной и о иклемех земских; 4. о качестве и (?) образа небесного, и о бегу седми планит, и о приводе солнечном и лунной гибели [«гибель» — «затмение». — В.Д.]. Кругов же небесных 9: тот, што нет у нем звезд, ...а седм планит, каждая у своем небе. 1. планита Крон (Сатурн); под тою же Зевес (Юпитер); а под тою Аррис (Марс); под тою Солнце; а под тою Авфродис (Венера); а под тою Ермис (Меркурий); а под тою Луна; она меньше усех... Земля бо у самой середине неба, а не выходит николиже из мestyца своего. Верху же ея вода, а покрыла ей мало не две доли; а из верху ея ветер; и он же имае трое прирождение. Перво же сее, што от земли, волгко и тепло. Облаки же усходят от земли коль высоко, как морская глубина. Огнь же коль [или: коло? — В.Д.] ветру, волны до самого неба. Усие же небеса один ув одном, как цибуля»¹⁹. Такова была теоретическая основа докоперниковских Космографий, имевших достаточное распространение среди русских книжечеев.

Нельзя не согласиться с Д.О. Святским, что если «Космография» была как бы теорией «звездозрительной прелести» (или «бесобязни»), как именovali астрономию противники «жидовствующих» и других еретиков, — то *практикумом* по тем же вопросам служил легендарный и таинственный «Шестокрыл». Собственно, загадочного в этом небольшом трактате, представляющем шесть лунных таблиц (отсюда и название — «Шестокрыл»), не так уж и много. Таблицы эти, или «крылья», имеющие, вне всякого сомнения, древнейшее происхождение, были сведены воедино в XIV веке

итальянским евреем Иммануэлем бен Якобом. С древнееврейского же трактат спустя век был переведен на русский (в русском переводе сохранилась еврейская терминология, в частности — в названиях двух знаков Зодиака).

Таблицы «Шестокрыла» чем-то напоминают кроссворд (рис. 124-а) и позволяют путем элементарных математических приемов, а также вождением пальца по горизонтали и вертикали точно вычислять фазы Луны и предстоящие лунные затмения. В тексте так и сказано:

«Заведи палцами от ширины страницы и от должины страници, штоб ся на одной строце споткали». Как действовать дальше — видно хотя бы на примере 1-го «крыла». «Крыло первое. Аще хошеши ведати поновления [новолуния] ровное [точное] или противление [= противостояние, то есть полнолуние] ровное, которому месяцю коли схочешь, поиди собе к левому крилу <...> а всякий круг <...> держит 19 год, а тый 19 год словеть круг лунный <...> Возьми туо строку всю, а еще возьми числа против лета (года), <...> а еще возьми собе числа против того месяца, што ты ищешь ему поновления или противления, простым против простых, прибыточным против прибыточных да пиши собе дроби против дроби [минуты дуги], ступли против ступли [градусы], зодии против зодии, да протягни под тыми чертку, да избери их [подведи черту и сложи] <...> После яко заберешь всех числ и подпишешь под чертою, выйdet тебе окомигненья поновление или противление ровное» [«окомигнение» — «во мгновение ока». — В.Д.]²⁰.

Вся ересь «Шестокрыла» заключалась в том, что расчеты в нем даны в соответствии с иудейским летосчислением, а не византийским, принятым на Руси: разница в 1748 лет и позволяла отодвинуть светопреставление аж в 4-е тысячелетие от Рождества Христова. Значение же «Шестокрыла» в духовной жизни русского народа не ограничивалось приобщением его к достижениям научной мысли Запада и Востока на уровне XV века. Корни «Шестокрыла» уходят в самые глубины чело-веческой культуры и истории. Лунное «звездопрельщение» напрямую замыкается на тысячелетние герметические традиции, а наименование «Шестокрыл» — случайно или нет — сливается с образом шестикрылого Лунного бога Гермеса-Тота (два крыла на знаменитом «колпаке» и по два на каждой сандали).

19-летний лунный цикл, зафиксированный и рассматриваемый в «Шестокрыле», заставляет вспомнить о священном числе Аполлона: именно через каждые 19 лет индоарийский и славяно-эллинский Солнцегоб возвращался в Гиперборею. Мистическая символика «Шестокрыла» совпала и с иудаистическо-христианскими представлениями о шестикрылых серафимах. Мистическо-предсказательная насыщенность древнего космоистского учения привела к тому, что память о «Шестокрыле» и знания о нем надолго сохранились в устных преданиях русских старообрядцев: именно так узнал о таинственной книге еще в детстве Николай Клюев.

Русская и славянская мифология, более-менее сохранившаяся в устном народном творчестве, которое начало записываться и научно анализироваться сравнительно недавно, обнаруживает несколько слоев и архетипов (в представлении современного читателя совершенно перемешанных), что соответствует не просто разнородности во времени, но прежде всего разным формационным и цивилизационным реалиям. Можно выделить шесть таких мифологических архетипов, причем по мере языковой и этнической эволюции каждый предшествующий уровень не отбрасывался, а сохранялся, вписываясь в новую систему миропонимания.

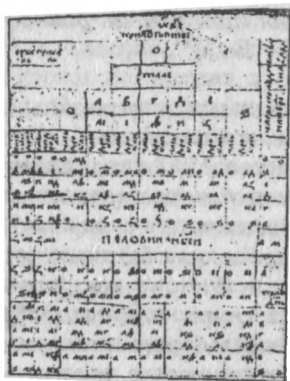

Рис. 124-а. Фотографии листов из рукописи «Шестокрыла»

1. Эпоха Космического яйца
2. Эпоха Космического колеса (Солнца)
3. Эпоха Космического древа
4. Эпоха Космической коровы (быка)
5. Эпоха Космического коня
6. Эпоха Космизированной земли (Матери Сырой Земли).

Формационно-экономически перечисленным эпохам соответствуют разные хозяйственные уклады: охота и собирательство; пастушество и скотоводство; коневодство; земледелие. Почти все эти уклады связаны с оседлым или переселенческим образом жизни; в свою очередь миграция может быть ограниченной или непрерывной, пешей или колесной. Охотники и земледельцы ведут сравнительно оседлый образ жизни, мигрируя только после истощения угодий. Скотоводы и коневоды менее привязаны к постоянному месту жизни, хотя в конечном итоге предпочтение отдается стойловому животноводству. Лишь в эпохи великих переселений народов (а нас здесь интересуют арийские и доарийские времена) огромные массы людей и животных устремлялись в избранном направлении, на много десятилетий превращаясь в скитальцев и кочевников.

Предложенная ниже классификация сугубо приблизительна и заведомо неполна. Не упомянут, к примеру, такой важнейший вид первобытной деятельности, как рыболовство и связанная с ним целая система мифологических сюжетов и образов. Правда, в русской фольклорной и околофольклорной традиции они сохранились в сильно измененной форме, превратившись в волшебные образы-символы исполнителей любых пожеланий главного героя: чудесной щуки (сказка «По щучьему велению») или золотой рыбки (сюжет, наиболее известный в стихотворном переложении Пушкина, хотя существуют записи его финских вариантов). Между тем корни легенд о рыбе, исполняющей любые желания (первоначально — маленькой рыбки, но по ходу действия вырастающей в большую рыбу), уходят в самые глубины индоевропейской и доиндоевропейской культуры. По крайней мере уже в Яджурведе сохранился рассказ о пойманной маленькой рыбке, которая обязалась исполнять все желания Прародителя людей — Ману, а когда он выкормил ее и превратил в большую рыбу, она в знак благодарности спасла Первочеловека от потопа.

В виде развернутой стихотворной и вставной повести о рыбе — исполнительнице желаний — та же история передается

в Махабхарате (Книга третья. Лесная). Кстати, уже здесь встречается такое устойчивое словосочетание, как «водная царица», которая у Пушкина превратилась в пресловутую «владычицу морскую». Аналогичным образом обстоит дело и с другой исполнительницей желаний — Царевной-лягушкой. В предысторических глубинах она смыкается с классической космогонической лягушкой, сотворившей мир (мифология коми), Солнце (алтайская мифология) или Луну (знаменитая трехлапая китайская жаба).

В русской мифологии также сохранились предания, если же не полностью космогонические, то во всяком случае имеющие прямое отношение к земным катаклизмам и к происхождению рода людского. По поверьям русских крестьян, «Лягушки — это бывшие люди, затопленные Всемирным потопом; у них, как и у людей, по пяти пальцев на руках и ногах — четыре долгих и один коротенький; придет время, и они снова станут людьми, а мы, ныне живущие, обратимся в лягушек». Известна и христианизированная версия этой, несомненно, доарийской легенды. Еще сравнительно недавно костромские крестьяне рассказывали, что лягушки — это «детки Адама и Евы», которые в раю «наделали много детей». Но когда Бог спросил их: «Сколько?» — испугались сказать правду и показали ему лишь «малое количество», а об остальных умолчали. «Эти-то скрытые перед Богом дети и обратились в лягушек».

Явным особняком стоят самые мудрые из всех мифологических персонажей — змии и драконы. Однако всех их — и рыб, и земноводных, и пресмыкающихся — при желании можно совместить с архетипом яйца, так как икра рыб и амфибий — это всего лишь разновидность яиц, а змеи, как и птицы, вообще являются яйцекладущими.

КОСМИЧЕСКОЕ ЯЙЦО

Космическое яйцо — один из наиболее архаичных космологических архетипов, повсеместно распространенный у индоевропейских, семитско-хамитских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, китайско-тибетских, полинезийских, африканских, индейских и других народов, что само по себе свидетельствует не только об их тесном взаимодействии, но и о былом родстве и общих мифологических воззрениях. Согласно мифопоэтической

традиции многих народов из мирового (космического) яйца возникает вся зримая Вселенная, мир богов и людей. В европейской традиции данная концепция в наиболее развитой форме представлена у орфиков — последователей мифического Орфея.

Космическое яйцо древних мифологий имеет вовсе не метафорический, а реальный вселенский смысл, что косвенно подтверждают древнеиндийские и индуистские астрономические трактаты, именуемые «сиддханта». В самом древнем из них, предположительно написанном 5 тысяч лет тому назад, говорится о яйце Браммы — месте обитания Верховного божества: оно представляет собой шар из звезд поперечником свыше 18 квадриллионов (18×10^{15}) йоджан²¹, то есть около 4 тысяч световых лет, что соответствует размерам некоторых галактик. Уместно предположить, что в русле общеарийской идеологии, носителями и хранителями которой были профессиональные жрецы (впоследствии это — брахманы у индийцев, маги у иранцев, друиды у кельтов, волхвы у славян и т.д.), были распространены именно такие представления о Вселенной в виде Космического яйца, как это описывается в сохранившихся, к счастью, хотя и сильно «брахманизированных» письменных источниках. Ибо у всех других индоевропейских народов (включая и недошедшие части древнеиранской Авесты) систематизированные космологические знания были утрачены после уничтожения или вымирания языческих жрецов, не сумевших оставить преемников и обеспечить передачу древнейшего знания последующим поколениям.

В ведийской космогонии мировое яйцо — золотое. Это — то самое золотое яичко, которое сносит Курочка Ряба в известной русской сказке (здесь весь мифологический антураж испарился, остался только закодированный образ-символ, передаваемый от поколения к поколению и усваиваемый ребенком чуть ли не одним из первых).

Расшифровка закодированной архаичной символики сказки о золотом яичке дана еще в знаменитом эссе Максимилиана Волошина «Аполлон и мышь» (1911), которое в свое время пленило о Павла Флоренского (он так и написал: «плененный... мышью — Священник Павел Флоренский»). Все дело в том, что и мышь и золотое яйцо — аполлонийские образы. Издревле известен культ Аполлона Сминфея (Мышиного) (см., напр., Илиада, 1, 37—42), впитавшего память о древнейших исторических событиях, истинный смысл которых был неясен уже во времена Гомера.

Странное прозвище Аполлона предполагало победу над мышами. Победителем мыши, наступившим на нее стопой, изображен Солнцебог в известной скульптуре Скопаса. В память этого совершенно непонятого с точки зрения современного обывателя события жрецы Аполлона держали при храмах белых мышей. На монетах троядской Александрии и о. Тендоса фигура мыши выбивалась перед фигурой сидящего или идущего Аполлона. А в храме, посвященном «Мышиному» Аполлону в Тимбре, совершались человеческие жертвоприношения²².

Аполлон — бог Солнца, а золотое яйцо — его символ. Знаменитая коллизия ныне детской русской сказки: «мышка бежала, хвостиком махнула — яичко упало и разбилось» — закодированная информация о борьбе Солнца с Мышью, в которой Аполлон первоначально терпит поражение, так как олицетворяемое им золотое яйцо оказалось разбитым. Волошин блестяще проанализировал на первый взгляд незамысловатый сюжет русской сказки с символистской точки зрения, выявив глубинный смысл борьбы жизни со смертью: «Нет сомнения, что золотое яичко, снесенное рябою курочкой, — это чудо, это божественный дар. Оно прекрасно, но мертво и бесплодно. Новая жизнь из него возникнуть не может. Оно должно быть разбито хвостиком пробегающей мышки для того, чтобы превратиться в безвозвратное воспоминание, в творческую грусть, лежащую на дне аполлонийского искусства. Между тем простое яичко — это вечное возвращение жизни, неиссякаемый источник возрождений, преходящий знак того яйца, из которого до времени возникает все сущее»²³.

Но Волошин и другие комментаторы прошли мимо другого — этносоциального — смысла борьбы Аполлона с Мышью, заключающегося в древнейшем противоборстве между двумя первичными родоплеменными общностями на стадии расщепления и обособления языков и культур. В этом смысле Мышь — тотем той доиндоевропейской этносоциальной структуры, которая противостояла родоплеменной структуре, связанной с Аполлоном, тотемом которого был Лебедь.

Первоначально победил этнос, чьим тотемом была Мышь. Возможно и даже скорее всего эта победа выражалась не в физическом истреблении людей или целого народа, а в вытеснении аполлонийской родоплеменной общности с ранее занимаемых северных территорий, что в конечном счете привело к продвижению и переселению прапредков эллинов на

Балканы. В итоге же Аполлон и аполлонийцы могли считать себя победителями, ибо восторжествовала Жизнь, сохранилась Культура и возникла новая Религия. Потому-то Аполлон Сминфей представлялся эллинам Победителем Мыши и изображался наступившим на нее пятой.

Заставляет задуматься и установленный учеными еще факт, что мышь выступала в качестве тотема у семитских племен²⁴. Не свидетельствует ли это, что борьба Аполлона с Мышью (а быть может, тотемов Белой и Серой Мышей) отражает эпоху первоначального разделения индоевропейцев и семитов и вычленения их из некогда единой этнической общности? Что касается русского народа, то отголоски тотемических верований, связанных с мышью, сохранились и по сей день в некоторых обычаях и фольклорных сюжетах. Так, элементы принесения в жертву прослеживаются в поговорке, сопрягаемой с зубной болью или удалением молочного зуба: «Мышка-мышка, возьми зуб!» Оберегательные функции, присущие всякому тотему, явственно проступают в популярном сюжете русской сказки, где мышка помогает падчерице спастись от медведя: бегаёт от него с колокольчиком при игре в жмурки, где ставкой является жизнь («Поймаю — съем!»).

Еще один отголосок древнейших космологических представлений, закодированных в русских сказках, — яйцо, в котором сокрыта Кошечья смерть, а точнее — тайна бессмертия. Еще один популярный сюжет русского фольклора — золотое, серебряное и медное царства, каждое из которых возникает из яйца (и может опять в него вернуться).

Представление о Вселенной, как Космическом яйце, не было случайным. С точки зрения обыденного восприятия звездное небо окружает Землю, как скорлупа окружает содержимое яйца. Остальное также нетрудно домыслить: яйцо возникает не само по себе, а сносится несущей, значит, и у Космического яйца должен быть свой Творец; яйцо существует не ради самого себя, а для произведения потомства, — значит, и Космическое яйцо — порождающее средоточие жизни и всего многообразия мира.

В древних культурах яйцо олицетворяло также Солнце как источник весеннего возрождения и творческих сил природы. В русских сказках, по мнению некоторых исследователей фольклора, Солнце принимает зооморфный образ Жар-птицы, которую похищают силы Тьмы или Зимы в образе колдуна или царя-чародея; однако Жар-птица успевает снести золотое яйцо — источник последующей жизни, света и тепла.

Потому-то среди многих народов распространены сказки о яйце как источнике жизни и Вселенной. Из глубокой древности идет обычай одаривать друг друга яйцами и величать их в священных песнопениях. Древнеримский обычай красить яйца Плутарх объясняет тем, что яйцо изображает творца Мира, в себе его заключающего. У персов также был известен обычай приветствовать друг друга подарком в виде яиц, окрашенных в разные цвета. Яйца клали в храмах, закапывали в тех местах, где предполагалось строительство (существует предание, что Неаполь построен на яйце).

В иконографии Древнего Египта нередко встречается изображение яйца как атрибута бога. Так, Солнцегос — Пта изображался с яйцом, символизировавшим Солнце: считалось, что Пта катает свое яйцо-Солнце по небу (любопытно совпадение имени древнеегипетского божества Пта(х) и русского слова «птаха», что отнюдь не может считаться случайным совпадением — их роднит не только общее звучание, но и общая атрибутика, какой является яйцо).

В мифологии полинезийцев видимый мир олицетворяет курица, в которой скрывался создатель мира бог Тангароа, впоследствии вышедший из яйца. Обломки этого яйца образовали полинезийские острова. Отголоски подобных космологических воззрений есть и в славянском фольклоре: по одному из вариантов украинской сказки, человек в войне птиц и зверей помог первым и в награду получил яйцо, в котором заключался целый Мир (царство).

Архаичная символика яйца в виде скорлупной полусферы явственно обнаруживается в формах некоторых традиционных жилищ — многообразных *юртах*, эскимосских снежных хижинах *иглу*, легких тропических куполовидных постройках (например у зулусов в Африке или у колумбийских индейцев в Южной Америке). К тому же в преданиях этих народов происхождение, конструкция, ориентация по частям света и внутренний интерьер таких жилищ однозначно связывается с космическими представлениями. Впоследствии космоархитектурная символика была перенесена на купола церквей, мечетей, гробниц, некоторых буддийских ступ и т.п.

Индоевропейская традиция (включая славянскую и русскую), выводящая миротворение из золотого космического яйца, восходит к арийским и доарийским временам. В Законах Ману — одном из самых известных древнеиндийских литературных ис-

точников — космогенез начинается с истечения мужского семени в первичный океан. В результате появляется золотое яйцо — местопребывание творца-прародителя Брахмы. Он-то и разделяет яйцо надвое: верхняя половина — небо, нижняя — земля, а между ними — воздух. Божественное прозвище Брахмы было — Лебедь-Калаханса (поэтому и космическое яйцо считалось лебединым). В санскрите *kala-hansa* обозначает и лебедя и гуся. Из последней части санскритского слова путем сложных трансформаций возникло и русское «гусь» (ср.: немецк. *Gans* — «гусь»). Отсюда же и устойчивое словосочетание русского фольклора «гуси-лебеди». Интересно, что и название первичного космогенного океана сохранилось в современном языке в разных облициях. В Законах Ману он именовался Нара (*pārā*) — «воды». К данной лингвистической основе восходят русские слова: нырять, нора, понурый, нерпа (норпа), нарвал, а также множество разноязычных названий, связанных с водными источниками: реки в Индостане (притоки Инда); Нара (приток Оки) в Подмосковье, Нарва (Норова) — река и город.

Вообще же лексема «нар» и именно в своем «водном значении» — одна из древнейших и широко распространенных на земле. Корни ее уходят в доарийское и явно гиперборейское прошлое. Помимо чисто индоевропейских гидронимов *Нарев* (приток Вислы), *Нарочь* (озеро в Белоруссии), *Наррагансетт* (залив Атлантического океана), *Нарын* (река в Киргизии), норвежского города *Нарвик*, — можно привести такие северные топонимы, как *Нарым* в Приобье (откуда — *Нарымский край*) и *Нарым-Булак* в Забайкалье, *Нарьян-Мар* на Печоре, *Норильск* на Таймыре (в названии этого современного города произвольно заложена архаичная евразийская лексема «нор», означающая либо «болото», либо «наполненный водоем»). Таким образом, Нарым в Западной Сибири и Нарын в Киргизии — отнюдь не случайные совпадения гидронимов, а неизбежные и закономерные отголоски продвижения гиперборейских мигрантов с Севера на Юг. В монгольском языке *нор* означает «озеро», но гидронимы с такой огласовкой встречаются повсюду: достаточно вспомнить озеро *Неро* в Европейской части России, где расположен город Ростов Великий, или правый приток Индигирки *Нера* (кстати, и название самой восточносибирской реки образовано с помощью ностратической корневой основы «инд»).

Безусловно, неоспоримое свидетельство древнейшего почитания у славян яйца как символа жизнепреemptственности и кос-

мического возрождения — это обычай крашения и расписывания яиц. Обычай, в настоящее время увязанный с христианской Пасхой, в действительности уходит в самые дальние глубины этнической истории славян и индоевропейцев. Археологи находят писанки (расписные яйца) в древних курганах; в форме народного декоративного искусства они широко распространены у восточных славян, особенно у украинцев.

Писанки донесли до наших времен свидетельство о древнейших космологических и космогонических представлениях. На яйцах воспроизводились солнечные и звездные знаки, а также более обобщенные символы, например трезубец (при направленности острия вверх он означал мужчину, человека и месяц; при положении острием вниз означал небо и облако), а также свастика (символ творческого активного начала жизни и огня). Звезды изображались восьмиконечными (что соответствовало небесным светилам) и пятиконечными (что соответствовало древнеарийскому символу Вселенной). Треугольник острием вверх испокон веков означал Шиву, а треугольник в обратном виде — острием вниз — Вишну; вместе они и составляли пятиконечную звезду, символизировавшую космическое единение²⁵.

Закодированная формула «мир-яйцо» была настолько стойкой и неискоренимой, что пересилила христианскую догматику и проникла в церковную литературу — сначала в Византии, а затем и на Руси. В одной старинной рукописи читаем: «О яйце свидетельство Иоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яйцу — скорлупа аки небо, плева аки облаца, белок аки вода, желток аки земля²⁶».

Почему же священное и магическое значение приписывалось именно птичьим яйцам (хотя в природе известны яйца насекомых и рептилий, а млекопитающие, включая человека, наделены женскими яйцеклетками и мужскими семенниками)? При этом птичьи яйца почитались не всякие, а только тех птиц, с которыми человека связывали бытовые или магические отношения. Из верований разных народов известно отождествление птиц с душами людей. Многие птицы почитались как священные. Но в космогоническом плане творцами Вселенной (или уже земного мира) выступают, как правило, утки или гуси (лебеди).

Наиболее распространенным сюжетом является Сотворение мира уткой, плавающей по безбрежному Мировому океану. В одних вариантах (русский, мордовский, марийский, волжско-булгарский) утка (гоголь) достает кусочек земли со дна пер-

вичного океана и творит земной мир. Изображения этого акта встречаются на многочисленных древних украшениях и орнаментах — вплоть до трансформированного образа в узоре на белокаменном Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском (1236 г.). По другому варианту, дошедшему через карело-финский эпос «Калевала», космическая утка сносит шесть золотых яиц, роняет их в океан-море, а затем:

*Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось,
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе...*

В космогонии Древнего Египта (гермопольская версия) бытовал аналогичный сюжет — только вместо утки выступал белый гусь Великий Гоготун: он снес яйцо, из которого родился бог Солнца, рассеяв тьму и хаос, что свидетельствует об общих мифологических воззрениях тех пранародов, которые положили начало и древним египтянам, и древним индоевропейцам, и древним финно-угорцам.

По древнеегипетским представлениям, изначальное Космическое яйцо было невидимым, так как оно возникло во тьме до Сотворения мира. Из него в образе птицы появилось солнечное божество, которое так характеризуется в подлинных текстах: «Я — душа, возникшая из хаоса, мое гнездо невидимо, мое яйцо не разбито». В других текстах голос космотворящей птицы — дикого гуся Великого Гоготуна — прорезал бесконечное безмолвие хаоса, «когда в мире еще царила тишина». По одним источникам, яйцо несло в себе птицу света, по другим — воздух. В «Текстах саркофагов» говорится, что оно было первой сотворенной в мире вещью.

*Слава тебе, Атум, я — Два льва [Шу и Тефнут],
дай мне благоприятное дыхание твоих ноздрей,
ибо я яйцо, пребывающее в Небытии.*

*Я страж Великой опоры, отделяющей Геба [Землю]
от Нут [Неба]. Я дышу дыханием, которым дышит он,
Я тот, кто соединяет и разделяет, ибо я окружаю яйцо —
властелина вчерашнего дня.*

Изначальное Космическое яйцо, согласно древнеегипетским текстам, содержит воздух и может считаться Великой опорой, разделяющей землю и небо и одновременно соединяющей их. Космическое яйцо, содержащее дыхание, побеждает «вчерашний день» — время хаоса и небытия.

Птица, которая выступает творцом (демиургом) мира у разных народов, иногда меняет свое обличие. У североамериканских индейцев тлинкитов — это ворон, у якутов — ворон, утка и сокол, у некоторых австралийских племен — орел-сокол²⁷.

В русской традиции Птица-Космотворец — как правило, селезень (гоголь) или изредка какая-либо другая водоплавающая птица (например лебедь). Народ свято хранил в памяти наидревнейшие представления о Сотворении мира. П.Н. Рыбников в середине прошлого века записал краткий христианизированный вариант доарийской легенды у крестьян Заонежья (сам текст является типичным образцом народного двоеверия):

«По досюльному Окиян-моря плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По Божию повелению, по богородицыну благословению, Сатана выдзынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, шильев и высоких гор. И ударил Господь молотком в камень и создал силы небесные; ударил Сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война; по началу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались банниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками»²⁸.

Подробнейший анализ древнерусских, древнеславянских и других космогонических легенд дан в фундаментальном исследовании

довании академика А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха»: XI. Дуалистические поверья о мироздании (СПб., 1889); XX. Еще к вопросу о дуалистических космогониях (СПб., 1891).

Древнейшие доарийские представления об участии птицы (утки) в Сотворении мира сохранились в космогоническом апокрифе XVII века из библиотеки Соловецкого монастыря. Текст христианизирован, но в нем настолько явно присутствует добиблейский пласт, что в результате действующими лицами оказываются два Бога — христианский и дохристианский, выступающий в виде птицы — Селезня (гоголя). Поле действия апокрифа — мир до сотворения, когда в нем не было ничего, кроме воды (первичный космический океан), по которому и плавала божественная птица. «И рече Бог: ты кто еси? Птица же рече: аз если Бог... Бог же рече: ты откуда бо? Птица же рече: от вышних. И рече Бог: дай же ми от нижних. И понре птица в море и согна пену, яко ил и принесе к Богу и взя Бог ил в горсть и распространи сюду и овоюду, и быть земля...»²⁹. Интересно, что дохристианский Бог-Птица оказывается более могущественным, чем библейский Бог. Первому, а не второму дано достать и принести землю со дна океана. И именуется Бог-Птица в апокрифе Вышним (аналогично общеарийскому Вишну). За что библейский Бог, согласно апокрифу, и наименоывает своего конкурента Сатанилом, которого «престал над звездами», а там он «воевода небесным силам, надо всеми старейшина».

Данный сюжет, где народная космогония перемешана с библейской, встречался и фиксировался повсеместно — от Севера до Юга. Апокриф — сказание о творении мира уткой-гоголем — имел широкое хождение на Руси, куда он попал из Болгарии (интересно, что в самой Болгарии обнаружен лишь один-единственный оригинальный список, в то время как в России известно их несколько). Однако было бы неверно ограничивать легенду о Боге и Сатаниле одной лишь библейской традицией, как это делали некоторые исследователи. Апокриф, как будет видно ниже, опирался на древнейшие космогонические представления, прямого отношения к Библии не имевшие. Повсеместность распространения легенды о творении мира при участии птицы — практически на всех континентах земли — лучшее тому доказательство.

Свидетельством о нехристианском и дохристианском происхождении анализируемой легенды являются также описания

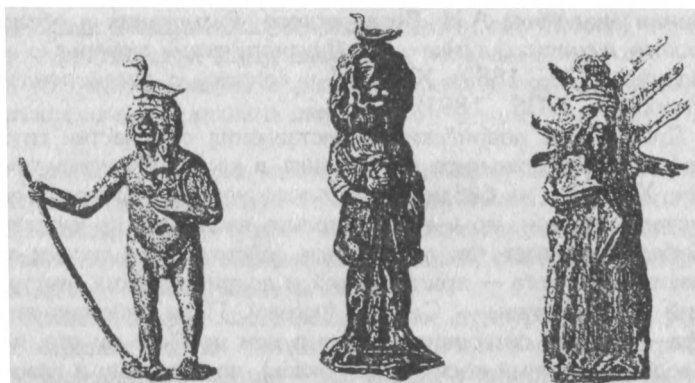

Рис. 125. Утраченные скульптурные изображения славянских языческих божеств

и изображения славянских идолов. Некоторые из них, найденные случайно при земляных работах, срисованные, но впоследствии безвозвратно утраченные, — представляют собой существо мужского рода с уткой на голове (рис. 125). Думается, что это и есть тот самый Селезень (Гоголь), которого позднее христианские ортодоксы, искоренявшие язычество, отождествили с Сатанилом, ведущим свое начало от иудаистическо-христианского Сатаны.

Древнее космогоническое представление о творении мира птицей было чрезвычайно живуче среди славянского населения России. Ввиду исключительной важности данного текста, уходящего своими корнями в гиперборейские времена, приводим наиболее подробную из его записей — как она сохранилась в памяти русского сказителя. Текст записан от 79-летнего тюменского крестьянина Д.Н. Плеханова П.А. Городцовым.

Сотворение мира

«Изначала веков ничего не было: — ни неба, ни земли, ни человека, а была только одна вода, вода без конца и края и без дна, а поверх воды была тьма тьмушая — безпросветная тьма. И по этой воде плавал в лодочке Бог Салаоф. Плыл однажды Бог Салаоф в лодочке и сплюнул на воду слинку [т.е. слюну. — В.Д.] и вот — в том месте, где он сплюнул слинку, появился сам сатана Сатаниил, в человеческом образе. И как только сатана появился, так сейчас же вступил в раз-

говору с Богом, он сказал Богу: Я — брат твой. Возьми меня с собою в лодочку. — В лодочке хватило места и для двоих и потому Бог сказал сатане: — Садись. — Сел сатана в лодочку вместе с Богом и поплыли дальше. Плыли-плыли, Бог и говорит сатане: — Хочу я сотворить землю. Нырни, сатана, в воду и достань оттуда земли». — Сатана обернулся птицей гоголем и нырнул в воду. Но пред этим сатана не благословился у Бога и потому труд его остался безуспешным.

Долго сатана гоголем погружался в воду, но все-таки не мог добраться до дна и не мог захватить земли, выбился сатана из сил и вынырнул обратно и сказал Богу: — Не мог я добраться до дна и не достал земли. — Тогда Бог опять сказал сатане: — Ныряй второй раз и достань из воды земли. — Сатана оборотился птицей гагарой и вторично нырнул. Но и на этот раз он не благословился, и потому он опять не достал дна и не добыл земли, хотя и нырнул глубже прежнего. Вынырнул сатана из воды и сказал Богу: — Не мог я достать земли и не мог добраться до дна, хотя нырнул куда как дальше прежнего. — Тогда Бог сказал сатане: — Ты потому не можешь достать земли, что ныряешь не благословясь. — Благословись у меня, тогда достанешь дно и принесешь земли. Ныряй в третий раз». Сатана на этот раз благословился у Бога, а затем оборотился птицей соксуном [особая порода широконосых уток. — В.Д.] и нырнул в третий раз. На этот раз сатана без труда достал дна, забрал он себе в клюв земли и принес ее Богу и сказал: — Вот я принес тебе земли.

— Давай сюда землю, — сказал Бог и взял землю из клюва птицы соксуна. Но сатана не всю землю передал Богу, и небольшую часть он утаил у себя в клюве. И думает сатана: — Сотворит Бог себе землю, а я увижу, как он это делает, и по его примеру сотворю свою особую землю.

Взял Бог землю и повелел из водной глубины явиться трем китам. И вот явились три кита, таких больших, что станешь на головы, так конца хвостов и не увидишь. Киты установились головами вместе, а хвостами в разные стороны. Тогда Бог положил землю себе на ладонь, а другою ладонью стал мять землю и сдавливать ее. Мял, мял Бог землю и сделал из нея вроде небольшой круглой и совершенно ровной лепешки; эту лепешку-землю Бог положил на головы трех китов, и земля стала расти, росла-росла и покрыла собою всех трех китов и все продолжала расти. Трем китам стало уже

не под силу держать землю, и тогда Бог повелел явиться из водной пучины еще четырем китам и держать землю. Явились четыре кита, сомкнулись они головами с первыми тремя, а хвостами раскинулись в разные стороны и стали держать землю. С того времени и до наших дней земля держится на семи китах.

В то время как росла и ширилась земля на китах, — росла и ширилась также земля, оставшаяся во рту у сатаны, так что сильно раздуло щеки у сатаны. Бог это заметил и спрашивает сатану: — С чего это у тебя щеки-то раздуло? — И сатана должен был сознаться: — Виноват! Прости Господи: я утаил во рту немного земли.

— Выплывай землю изо рта! — приказал Бог. И сатана стал выплевывать землю. И там, где сатана плюнет, — появляются всякие дикие и нечистые места, — горы и овраги, лесные трущобы, кочки и болота. До этого же земля была ровна и чиста и во всех отношениях прекрасна. Так Бог сотворил землю и весь мир.

Когда творение земли завершилось, тогда Бог задумал отдохнуть. Вытащил он лодочку из воды на землю, перевернул ее вверх дном, а сам улегся около лодочки и скоро уснул крепким сном. Сатана, при виде уснувшего Бога, замыслил недоброе дело, — он задумал погубить Бога. Сатана думал так: — Брошу я соннаго Бога в воду и утоплю его, и тогда — земля будет моя и лодочка будет моя.

Взял сатана Бога и понес его к берегу. Но по мере приближения сатаны к воде земля перед ним все росла и ширилась, а вода перед ним все убегала да убегала. Так сатана и не мог донести Бога до воды. Повернул тогда сатана в другую сторону и понес Бога к другому берегу земли, думал, не удастся ли бросить Бога с другого берега земли. Но и там повторилась та же история. Тогда сатана положил Бога на прежнее место, около лодочки, как будто бы он и не касался Бога.

Земля и поныне держится на семи китах и висит на воде. Земля продолжает расти и теперь, — и когда она вырастет и увеличится настолько, что и семь китов не в состоянии будут держать ее, — тогда киты уйдут в воду; земля разсыплется и провалится в водные бездны. Тогда и наступит конец мира. Говорят, что это время уже недалеко».

Известны и другие варианты. Один из них — более лаконичный — записан в конце прошлого века в Смоленской губернии собирателем русского и славянского фольклора В.Н. Добровольским. В записи и публикации неутомимого этнографа зафиксирована драгоценная деталь. Черт выступает в образе лебедя, и Бог заставляет его трижды нырять на дно моря за песком, чтобы сотворить сушу⁷³. Здесь же приводится еще одна редкая русская космогоническая легенда о происхождении Луны из Солнца. «Прежде было два солнца, но Бог, разгневавшись на одно из них, наслал змея, который так высосал солнце, неудобное Богу, что оно стало совершенно бледным — и зовется оно с тех пор уже месяцем и светится только ночью»⁷⁴. Понятно, что на протяжении тысячелетий в процессе этнической дифференциации многие первоначальные мифологические сюжеты и образы трансформировались, обрастали новыми подробностями или, напротив, утрачивали старые. Однако исходные моменты народная память удерживала цепко.

Теперь уже трудно установить, какой космогонический образ древнее — утка (гоголь) или лебедь. Скорее, и тот и другой выступали тотемами различных родов или племен. Несомненно одно: древнейшие представления о Сотворении мира на стадии недифференцированной культурной и языковой общности народов Евразии были связаны с водоплавающей птицей и первичным Океаном, который в конечном счете является космическим океаном. Для подтверждения сказанного приведем еще раз финский — теперь прозаический — вариант легенды о Сотворении мира.

Был гоголь на море; вместо воздуха был только туман. Дух сатана является гоголю: «Для чего ты здесь на море?» Гоголь сказал: «Я птица водяная, ведь мое место на море». — «Но что же ты здесь на море, когда нет земли?» — «Где же взять землю, раз она вовсе не существует!» — «Земля ведь находится на дне моря. Раз ты водяная птица, сходи за землю на дно». Гоголь погружается на дно моря и несет земли в клюве. У него осталось ее мало, так как вода смыла часть ее. Дух сатана говорит: «Сходи еще раз, принеси побольше». Гоголь принес еще. «Сходи еще и приучись носить побольше». Гоголь сходил третий раз и принес еще больше. Они сделали себе участок земли на море и начали жить там.

Очутился дух Божий среди них. «Откуда у вас здесь земля?» — «Гоголь сходил на дно моря». — «Начнем вместе творить, раз у вас есть земля...» Злой дух взял земли в рот, отделяя часть ее для своей земли. Бог все говорит: «Должно быть больше земли, так как здесь она еще не вся». Злой дух клянется: «Больше нет». Бог настаивает на своем и говорит: «Открывай рот». Там и нашли землю. «Смотри, здесь ведь есть земля; для чего ты клялся, что ее нет?» Тот выплевывает землю на север, где из нея стали расти камни, скалы, горы³².

Отголоски древнейших представлений о Космическом яйце находим и в некоторых украинских космогонических сказаниях⁷⁶ (а архаичный украинский фольклор — он одновременно и фольклор Киевской Руси, то есть всех населявших ее народов — великороссов, малороссов и белорусов). Так, по одной из легенд, Земля, Солнце, Луна и звезды образовались из первичного шара (аналог Космического яйца). Из яиц же появляются и люди. После изгнания из рая Бог повелел Еве каждый день нести столько яиц, сколько в тот день людей умрет. И так — вечно. А Бог берет те яйца, делит каждое на две половинки и бросает на землю. Из одной половинки родится мальчик, а из другой девочка. А потом они подрастают и женятся. Но иногда бывает, что одна половинка яйца падает в море, а другая — на землю или какой-нибудь зверь съедает одну из половинок. И тогда человек, родившийся из уцелевшей половинки яйца, остается без пары и всю жизнь ходит неженатым парубком или незамужней дивчиной³⁴.

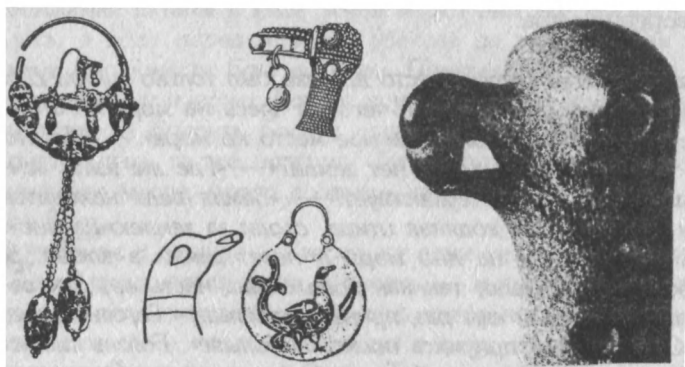

Рис. 126. Различные изображения птицы, творящей мир

У других народов Евразии также распространен сюжет о нырянии на дно моря (океана) с целью сотворения земли, что лишний раз доказывает близость и бывшее единство верований и культур. У марийцев в этой роли выступают легендарные Юма (бог) и Керометь (Сатана), у мордовцев — Чам-Пас (бог) и Мастер-Пас (Шайтан), у алтайцев бог принимает облик двух черных гусей, а на дно моря ныряет гагара. Хорошо известна обработанная для детей Виталием Бианки сибирская легенда о птице-чемге-Люле, которая трижды ныряет в глубины океана, чтобы добыть земли: всем она достала, а себя обделила. Сюжет обретения земли птицей нашел отображение в древнем народном искусстве — как русского, так и сопредельных народов (рис. 126).

Космогоническое сказание о появлении земли из моря, откуда ее достают животные, чрезвычайно популярно среди народов мира. Евразийскому варианту, где главным героем выступает птица, противостоит американо-индейский вариант (ирокезское предание), где звери и птицы оказались бессильными, а землю со дна моря добывает жаба-лягушка³⁵. Всесилие лягушки наводит, кстати, на мысль о сходстве данного образа с известной русской сказкой о Царевне-лягушке. С другой стороны, в версии сказки, записанной на Севере И.В. Карнауховой, вместо Царевны-лягушки фигурирует Свет-Луна — мифологический персонаж, несущий явную космическую нагрузку.

Космическая оберегательная сила яйца и его магическое значение явственно прослеживается в некоторых сказках, древняя мифологическая подоплека которых как-то упускалась из виду специалистами. В сказке, записанной на русском Севере Е.В. Барсовым, рассказывается о девушке с одной ступней золотой, другой — серебряной, которая стала царицей, обращенной ведьмой в утку с одним крылом золотым, а другим серебряным. После встречи с мужем-царем, когда он плюнул три раза, утка родила от той слюны двух мальчиков-самобратов и отдельно — волшебное яйцо. Говорящее яйцо (известен вариант, где оно золотое) охраняет братьев от всех козней ведьмы-мачехи, но когда они забывают о наставлениях матери-утки, яйцо, ранее предупреждавшее братьев обо всех опасностях, испекается в горячем песке и замолкает, а те погибают. Счастливое окончание этой сказки записал И.А. Худяков в Нижегородской губернии. Золотая утка приносит живой и мертвой воды, оживляет детей, принимает человеческий вид

и вновь становится женой царя. Интересно, что царица, которая сначала была простой девушкой, имела золотую и серебряную ступни (что в славянском фольклоре соответствует солнечному и лунному свету), стала золотой уткой (вариант с золотым и серебряным крыльями).

Сюжет о золотой утке, несущей золотые яйца (вариант: одно золотое, другое — серебряное), широко известен среди русского населения. Он был настолько популярен, что в XIX веке повсеместно распространялся в виде лубочного издания. В афанасьевском сборнике приводятся два варианта сказки про утку с золотыми яйцами. В одной из них есть словесная формула, которая звучит как заклинание: «Есть зеленый луг, на том лугу береза, у той березы под корнями утка; обрубь у березы коренья и возьми утку домой, она станет нести тебе яички — один день золотое, другой день серебряное». В другой сказке из афанасьевского сборника рассказывается о Царевне Серой утке, но такой, что сродни Жар-птице. Обернувшись уткой, девушка «все царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется!». Материально-вещественным закреплением памяти тех давних — не веков — тысячелетий стала традиция делать деревянные ковши для воды (вина, пива, меда, браги) в виде утки (рис. 127).

Таким образом, архетип яйца и сотворившей его птицы прослеживается на протяжении всей истории русского мировоззрения. Сохраняясь долгое время в сакральных народных

Рис. 127. Русский ковш в виде утки

обычаях и обрядах, они перешли частично впоследствии в духовно-мистическую поэзию русского сектантства — хлыстов и скопцов. Сектанты вообще считали себя и именовали птицами райскими: «все райские птицы — братцы и сестрицы». Но образ этот был совмещен также и с образами Святого Духа, Матушки Богородицы, Батюшки Сына Божьего, слетающих с неба в виде птиц. «Сманить с неба птицу», по терминологии сектантов, значит привлечь бога на землю, войти с ним в благодушное общение на радении. Сектантский пантеон представлен и в виде птицы вообще («прилетела райская птица — сама матушка царица»), и в виде конкретных разновидностей птиц: Сын Божий — сокол или орел, Святой Дух — соловушко, сектантские пророки — гулюшки-голубки. В свое время именно эти пророки воспользовались древней поэтической версией народного космизма, системой его образов и приспособили их к новой религии (аналогично тому, как в свое время христианство в целом, а на Руси особенно приспособлялось к неискоренимым языческим обычаям и традициям).

Древнейшими символами русского народного мировоззрения и его космоустремленности являются мифологические птицы русского фольклора: Гамаюн, Алконост, Сирин (см. рис. в Прологе), Феникс, Жар-птица и Стратим-птица. Наиболее древний и смыслообразующий образ *Гамаюна* — птицы вещей с человеческим (женским) лицом. Название-имя образовано от общеславянских слов «гом» («гам», ср. «шум-гам»), «гомон». Раньше так и писалось — Гомоюн («гомююн», по Владимиру Далю, — это «заботливый, усердный, трудолюбивый, смирный человек» или же напротив — непоседа, живчик, крикун, хлопотун). Исходя из перечисленных смыслов, Гамаюн-птица — значит вещунья, говорунья, глашатай, вестник древних языческих богов, хранительница тайн прошлого, настоящего и будущего Земли, Мира и Вселенной. Именно такой образ воспроизведен реставратором древнерусской мифологии А.И. Асовым в литературно-художественно воссозданных «Песнях птицы Гамаюн» и «Звездной книге Коляды».

Алконост и *Сирин* — две райские птицы с женскими лицами — излюбленные образы русского народа. Их изображение можно встретить и на древних украшениях, и на лубочных картинках, и в резьбе по дереву, и в творчестве многих русских художников и поэтов. Имена Алконоста (птица радости) и Сирин (птица печали) толкователи обычно возводят к византий-

ским источникам и древнегреческим образам: образ Алконоста проистекает якобы из мифа об Алкионе, превращенной богами в зимородка, а образ Сирина восходит якобы к легендарным сиренам, зачаровавшим своим пением еще Одиссея.

Однако и трактовка генезиса имени Алконоста, и трактовка образа Сирина нуждается в значительных уточнениях. Говоря об Алконосте, уместнее всего вспомнить миф об Алкионее — самом могучем из крылатых гигантов, рожденных богиней земли Геей от капель крови бога неба Урана. Как и Антей, он черпал свою бессмертную силу от Матери-Земли, и так же, как и Антея, его хитростью победил Геракл: оторвал исполина от родной земли. С точки зрения корней русского фольклора интерес представляет отнесенность образа Алкионей к тому плысту общиндоевропейской мифологии, когда она была слабо расчлененной, а ее события разворачивались на далеком Севере. Второе существенное обстоятельство — крылатость Алкионей: на знаменитом Пергамском алтаре погибающий Алкионей с распростертыми крыльями — центральная фигура. Впрочем, не лишено вероятности, что более поздний образ русской птицедевы Алконоста впитал в себя черты и Алкионей и Алкионы (Альционы).

Одновременно Алконост — звездно-космическая птица. Это связано как с традицией древнегреческой мифологии помещать многих своих героев после смерти на небо в виде различных звезд и созвездий, так и с общеславянскими верованиями, согласно которым крылатые девы (у сербов, хорват, болгар и некоторых других народов — это вилы) живут на небесах, где строят дворцы из облаков и водят хороводы между звездами (они же научили и людей хороводным танцам — коло)³⁶. Астрально-космическая природа Алконоста запечатлена и в его изображениях на одной из стен Дмитриевского собора во Владимире, а также на монетах Великого князя Рязанского Василия Иоанновича, где священная птица славян, символизирующая неумиращую память о древних временах Радости и Блаженства, представлена между двумя звездами.

«Сирин» — вообще русское слово, означающее сову, филина или особый вид длиннохвостой совы, похожей на ястреба и ведущей как ночной, так и дневной образ жизни. (В этом смысле слово «сирин» — одного корня с понятиями «сирый», «серый».) Сова — одна из священных птиц, почитавшаяся индоевропейскими и другими евразийскими народами как птица

Рис. 128. Архаичное изображение Афины и ее тотемного символа — совы

мудрости. Именно в такой ипостаси выступает сова как спутница и атрибут Афины-Минервы (рис. 128). Среди знаменитых томских петроглифов (писаниц) самым запоминающимся является тотемное изображение совы. Тотемический культ совы или человекосовы был широко распространен в Древнем мире (рис. 129) и по всей северной Евразии.

Гиперборейское прошлое этих краев помогает установить генетические исторические корни Афины-Паллады. Многочисленные бронзовые изображения прото-Афин найдены в Прикамье на территории древней Бьярмии и Гипербореи. Впрочем, возникновение культа человекосовы и других человекоптиц относится к временам, когда культурно-религиозной дифференциации практически не было, а картина расселения народов была принципиально иной.

Тотемическая сопряженность Афины и символизировавшей ее птицы достаточно убедительно подтвердилась при археологических раскопках на месте легендарной Трои в Малой Азии, когда было обнаружено множество сосудов, маленьких каменных и глиняных изваяний в виде стилизованной совы, а также сотни

Рис. 129. Древняя ближневосточная богиня в окружении тотемных сов

черепков с изображением сов, имеющих человеческий рот. Генрих Шлиман совершенно правильно истолковал эту совиною изобразительную доминанту. Афина как покровительница Трои и троянская заступница первоначально имела совиною голову; потому-то и гомеровский эпитет Паллады — «глаукопис» следует переводить не «голубоглазая» и не «сверкающая очами», а «совоокая» или «совьеглазая». (Между прочим, в другом сопряженном с Афиной эпитете — София, Софья — при желании можно уловить звучание «совья» и производные слова «совесть», «совет».) Впоследствии слитный образ Афины-Совы был разделен, и птица превратилась в спутницу богини.

Во времена Шлимана не было еще распространено понятие «тотем» во всем богатстве его социально-этнических функций. Поэтому, опираясь на современную этносоциологию, вполне уместно предположить, что Афина-Сова была не просто покровительница троянцев. Вероятно, что в далекие до-троянские времена она была предводительницей или вдохновительницей тех фракийско-фригийских племен — будущих основателей Трои, которые когда-то мигрировали с Севера на Юг и тотемом которых (во всяком случае, какой-то части из них) была Сова.

Представляется, что образ Сирина в русской мифологии следует понимать с учетом всех древних традиций. Даже сирена — далеко не чисто греческий образ, древность происхождения и хтоническая сущность возводят его к арийским и доарийским временам.

Есть достаточно оснований полагать, что Сирин — образ не вторичный, а первичный. Слишком глубокий смысл заложен в этом древнем слове-имени. По сей день существует страна Сирия, еще раньше была Ассирия. Культ великого бога египтян Осириса сопрягается с самой почитавшейся ими звездой — Сириусом. Во всех перечисленных наименованиях корень «сир» — и не случайно. Требуется лишь определить, с какого звена начинается вся цепочка. Во всяком случае, далеко не первым в ней представляется эллинизированное название звезды Сириус («знойный», «сверкающий»). В Древнем Египте он отождествлялся с созвучным ему Осирисом, странствующим богом, который, по Плутарху, прежде чем обосноваться в Египте, обошел весь мир с просветительской миссией. Однако, помимо этого, известны обозначения Сириуса по имени бога Тота, а также собственно астронимы — Сотис, Сигор, Сати, Тайот.

Последнее имя означает «пес» в соответствии с расположением Сириуса в созвездии Большого Пса.

По тому же признаку образовано латинское название Сириуса — *Canicula*, что означает «собачка» (от *canis* — «собака»). Отсюда же произошло и современное, всем хорошо известное слово «каникулы», что связано с той исключительной ролью, которую играл Сириус в летосчислении Древнего Рима, а еще раньше — Древнего Египта, где появление Сириуса на ночном небосклоне означало наступление Нового года и очередного разлива Нила (20 июля по Юлианскому календарю). С этого времени начинались самые жаркие дни, и в римских школах объявлялись каникулы, названные так по имени *Canicula* — «собачка»-Сириус.

Сириус наблюдается лишь в южных краях, в северных широтах его не видят и не знают. Однако здесь имеется немало понятий со сходным звучанием. Что это значит? Только одно: более древнее северное понятие в процессе длительных миграций этносов было позже перенесено на другие объекты. Так тотемное, то есть социально значимое имя Сирий могло быть вполне экстраполировано на хозяйственно и календарно значимый космический объект — звезду Сириус, а впоследствии, по мере продвижения мигрантов к устью Нила, — и на бога Осириса, тождественного, по представлению древних, с Сириусом. Кстати, среди «народов моря», вторгнувшихся в Египет в 1198—1167 гг. до н.э. и упоминаемых в древнеегипетских папирусах, были загадочные «сирдана» (обратим внимание на два русских корня), давшие к тому же название древней и современной Сардинии. Древним римлянам, между прочим, были известны мифические Серийский океан и Серийская страна. Такое название появилось потому, что древние римляне, соприкасаясь с китайцами, именовали тех «серами» — от искаженного китайского слова «сир», означавшего «шелк»³⁷. Небезынтересно также, что на побережье Арктики бытуют легенды о человекообразных существах «сиртя», которых якобы можно встретить и по сей день (так именуют мифических аборигенов ненцы, сам народ пришлый, переселившийся на Крайний Север сравнительно недавно).

Корневая основа «сир» сопрягается и с древнейшими индоевропейскими словами, означающими «сырой» («влажный») (ср.: «сыр-бор»), и с древнерусским языческим названием рая — «ирий». Может быть, отсюда у наших предков-христиан возникло

стойкое мнение, что все языческое очень тесно связано с сирийским. По старорусским представлениям дьявол олицетворял не одни только темные силы ада, но и противостоящее христианству языческое мировоззрение. Потому-то в старых переводных и оригинальных рукописных текстах неоднократно повторяется, что дьявол говорит по-сирийски³⁸. А в знаменитом сказании «О письменах» черноризца Храбра вообще утверждается, что Бог первоначально сотворил именно сирийский язык, на котором говорили Адам и Ева.

В Велесовой книге описывается, как наши предки, преодолев снега и льды, проникли через Ирийские горы в Сирийскую землю, где были наречены скифами. Ясно, что земля, где господствуют снега и льды, никак не может быть ни Сирией, ни Ассирией. Точно так же совсем ни к чему отождествлять Двуречье и Семиречье, упомянутые в Велесовой книге, с Месопотамией или Северным Казахстаном; это могут быть сочетания каких угодно рек в каком угодно месте. Сирия Велесовой книги никакая не средиземноморская или переднеазиатская страна, тем более что здесь же рассказывается об основании Новгорода на берегу Ильмень-озера. В Велесовой книге речь вполне может идти о некоей стране Сирина, символом которой и стала птица Сирин, постепенно распространившая свою семантику с Севера на Юг.

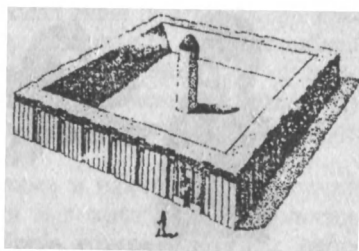
Смысловая нагрузка понятия «сирин» становится еще более определенной, если вспомнить, что в русском языке есть целая группа слов (ныне малоупотребительных) для обозначения ледяной корки; это — «серен» — «ледяной наст» и ряд диалектизмов для обозначения замерзшего твердого снега: «серена», «серень», древнерусск. — «серень». Небезынтересные reminiscencies обнаруживаются и в популярном среди древних греков и римлян мифе о нимфе Сиринге. Она стала объектом вожделений и домогательств со стороны козлоногого бога Пана, сына Гермеса. Образ Пана древнейшего общеиндоевропейского и доиндоевропейского происхождения. Непроста также и имя его означает «все»; в смысле «господин» оно сохранилось в чешском, польском, украинском, белорусском, а оттуда — и в русском языках. В древности образ Пана не лишен был и космического звучания. У античных авторов сохранилось обращение: «О, Солнце-Пан!», так же именовали его римские жрицы-весталки и легендарный Орфей. Спасаясь от преследования Пана, нимфа Сиринга бросилась в реку Ладон и обратилась в трос-

тник. Не найдя возлюбленную в зарослях тростника, Пан срезал несколько тростиннок, сделал из них свирель, и с тех пор в ее звуках слышится печальный голос Сиринги (по-латыни *syrinx* означает и «тростник», и «свирель»).

Птица *Феникс* — не менее древний образ русской и мировой мифологии, впитавший в себя черты древнегреческих, византийских и более древних восточных сказаний — египетских, финикийских, ассирийских. Античные авторы — от Геродота до Овидия — называли родиной Феникса Египет, где действительно существовал культ «Огненной» птицы (рис. 130). Живет она много сотен лет, но перед смертью сжигает себя в гнезде. И здесь же из пепла рождается новый Феникс — символ космогоничного вечного возвращения.

В известной переводной древнерусской естественно-научной энциклопедии «Физиолог» говорится: «Феникс красна птаха есть паче всех... [далее — перевод на современный язык]. Обитает же Феникс близ Индии, около Солнечного города. Возлежит он лет пятьсот на недрах ливанских без еды. Питается же от Святого Духа. И по пятьсот лет наполняет крылья свои благовониями. И бьет в било иерей Солнечного города, и та птица идет к иерею и входит в церковь... И превращается птица в пепел. А назавтра приходит иерей и находит птицу в виде маленького птенца. А через два дня он находит ее зрелой, какой была раньше...»³⁹ (рис. 130-а).

Подтверждением древнейшей общности корней, связующих русскую народную и переднеазиатско-средиземноморскую куль-

Реконструкция художником первоначального вида Храма феникса в Гелиополе с колонной Атума, на которой располагался Бенбен

Рис. 130. Египетский Феникс

Рис. 130-а. Древнерусское изображение Феникса

туру, служит популярная сказка «Перышко Финиста — Ясна сокола». Герой сказки — добрый молодец-оборотень — объединяет в себе два исходных начала: 1) солнечного (ясного) сокола и 2) птицу Феникс, к которой в конечном счете восходит имя Финист. Оно связано со Средиземноморьем и непосредственно через названия страны Финикии и народа финикийцев (откуда финиковая пальма и финики).

Древние представления о Фениксе не ограничиваются легендами, известными еще Геродоту. Апокрифическая литература донесла до нас образ космического Феникса, летящего впереди Солнца и охраняющего людей от его испепеляющих лучей. Об этом говорится в старославянских «Книге тайн Еноха» и «Апокалипсисе Варуха», восходящих к несохранившимся греческим апокрифам. Вот как описывает космического Феникса книга о Варухе:

«Впереди Солнца летит птица величиною как девять гор — крылья ее от востока до запада. Птица эта — хранительница мира, она распростирает свои крылья и заслоняет огненные лучи Солнца. Если бы она не заслоняла солнечных лучей, то ни род человеческий и никакая тварь не могла бы стерпеть солнечного пламени; Бог повелел этой птице служить всей Вселенной до скончания века. На правом крыле этой птицы находится огромная золотая надпись такого содержания: «не

земля меня родила, не небо, но родил меня престол отца». Имя этой птице — Феникс... На рассвете раздается звук, подобный грому: это ангелы отворяют 365 врат, и отделяется свет от тьмы. Тогда Феникс, став в Океан-море, куда камень идет три года, возглашает: «Светодавче, пошли свет твой миру. Тогда пробуждаются петухи на земле и поют...»⁴⁰

Тесная связь Феникса с петухами и намеки на его впечатляющие размеры обнаруживаются и в китайской мифологии. Если верить древним комментаторам, «спереди Феникс напоминает лебедя, со спины он похож на единорога... У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, подбородок ласточки, петушиный клюв»⁴¹. Но самый древний из дошедших мифологических компендиумов (все остальное, как известно, было уничтожено еще во времена Цинь Шихуана) — «Книга гор и морей» — отдает предпочтение петушину облику Феникса. Что касается его размеров, то о нем можно судить по знаменитой поэме Цюй Юаня «Лисао» («Скорбь») — предтечи Овидиевых «Скорбных элегий», где описывается воображаемый полет на чудо-птице:

*На Феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бренным миром я взмываю ввысь.*

.....
*И приказал я Фениксу: в полете
Ни днем, ни ночью отдыха не знать.
Поднялся ветер, зашумела буря,
И облака приветствовали нас.*

(Перевод Анны Ахматовой)

Считалось, что китайский Феникс приносит в Поднебесную мир и покой. Для Конфуция он был символом счастья и удачи.

Один из самых популярных образов в русской мифологии — *Жар-птица* (рис. 131) — не просто волшебное сказочное существо, но олицетворение огненно-световой стихии и, следовательно, закодированного в ней космоторящего начала Вселенной. Жар-птица не водится где попало и не сидит в кустах за забором. Изредка прилетает она из-за синя моря и, как правило, быстро возвращается назад, в чудесную страну, где жизнь течет по отличным от земных законам. Местонахождение той страны — тоже закодировано в устойчивых сказочных образах и понятиях.

Рис. 131. Жар-птица (худ. И.Я. Билибин)

Случается, что в сказках ее роль низводится до похитительницы чудесных яблок, но прилетает она из «тридесятого царства» (смутная память о Гиперборее) и в конечном счете восходит к тем птицам, которым, по представлению древних, были обязаны своим сотворением и вода, и суша, и люди, и звери.

Генетически и этимологически образ Жар-птицы восходит к индоарийским и доарийским представлениям о космотворящей роли птицы и «огненной» первосушности Вселенной. Слово «жар» в имени чудесной птицы выступает в своем первоначальном смысле — «сияние», «горение» (от древнеиндийского «гарас» — «огонь», «пламя»: путем чередования согласных «г» и «ж» оно и образовано). (Отсюда: Жар-птица — такой же древний огненно-сияющий образ, как и вся группа солнечных и световых существ всемирной мифологии, уходящей корнями в космические представления древнего пранарода, говорившего на общем праязыке и имевшего устойчивую систему знаний об устройстве и эволюции мироздания.) С учетом чередования согласных «ж» и «г» понятия «жар» и «гарь» имеют общую генетическую и смысловую основу. Ту же корневую основу имеет и имя царя птиц индуистской мифологии Гаруды, ездового животного бога Вишну (вспомним общеарийского Вышнего и общесла-

вянского Вешнего). Гаруда — имеет солнечно-световую природу, его сияние ослепительно даже для богов. В отличие от русских птицеведов Гаруда изображается в виде существа с человеческим туловищем, крыльями и орлиной головой с клювом (рис. 132).

Есть свой Гаруда и в русской мифологии, но в волшебных сказках он действует как исполинская безымянная птица, которая спасает героя — выносит его из Подземного царства на Белый свет. Здесь тоже своя космическая символика: Подземное царство в русской сказке — совсем не обязательно бездонная темная яма. Это скорее место, куда на ночь заходит Солнце, обратная, так сказать, сторона Земли при условии, что она представлялась плоской. Потому-то отождествляется иногда это Подземное царство с Золотым (Солнечным) или Серебряным (Лунным).

Рис. 132. Гаруда
(индийская миниатюра)

Функционально и по смыслу к Жар-птице и ее доарийскому прообразу, из которого вышел индийский Гаруда, примыкает также и самая таинственная и самая могучая птица русской мифологии — Стратим (Страфил). Такое различие объясняется искаженным переводом с греческого языка, где это слово означает «птица» (отсюда же происходит название «страус», но в русский язык оно попало уже опосредованно — через немецкий). «Стратим-птица — всем птицам мать», — утверждает Голубиная книга. И это неспроста. Стратим-птица — прародитель и владыка всего птичьего мира — обитает посреди моря-океана. Стоит ей встрепенуться, и налетает буря. Она же способна укротить шторм, а на ночь прячет под крыло Солнце, чтобы утром вновь подарить его миру. Может спрятать под крыло и Землю, спасая ее от бед вселенских. Поутру она возвещает о начале утра, и по ее знаку по всей земле начинают петь петухи. Эти подробности сообщаются в различных вариантах Голубиной книги.

Представленные выше мифологические персонажи так или иначе отображают древнейшие пласты человеческой предистории, когда Птица занимала главенствующее положение в иерархии природных и космических сил. Ее символом, сохранившим первоначальную смысловую насыщенность вплоть до наших дней, выступает не только Яйцо, но и *Перо* — необременительный и впечатляющий спутник человеческой жизни. Нет такого этноса — даже в самом глухом и Богом забытом уголке земли, — где бы перо считалось зряшным отбросом и не было бы окружено множеством легенд и поверий. В разных культурах и на разных этапах их развития Перо символизировало Воздух, Ветер, Свет, Высоту, Полет, Легкость, Сухость, Пустоту и в конечном счете замыкалось на такие узловые понятия, как Творец Вселенной, Слово, Истина. У североамериканских индейцев великолепные головные обрамления из перьев символизируют, помимо всего прочего, и Великого Духа Вселенной. Но почти такой же смысл вкладывали в Перо и древние египтяне, у которых знак пера означал «Создателя форм всех вещей». Перья являются неременным атрибутом головных уборов главных египетских богов — Осириса, Амона-Ра, Хора, Шу, Птаха и др. Отличительным символом богини Истины Маат — жены Тота-Гермеса — также выступает Перо. Испокон веков оно означало принадлежность к высшей власти — политической и духовной. В традиционных общественных структурах Африки, Северной, Центральной и Южной Америки, Азии, Австралии, Океании (включая Новую Гвинею) вожди, шаманы, колдуны и поныне предпочитают перьевое одеяние. Есть все основания предполагать, что перья в одежде и особенно в головных уборах играют роль своеобразных антенн, способствующих улавливанию импульсов биосферы и энергоинформационного поля Вселенной. Скорее всего, именно перья-антенны помогают птицам так хорошо ориентироваться по магнитному, гравитационному и другим физическим полям при перелетах на дальние расстояния и при весенне-осенних миграциях из одного полушария Земли в другое.

К сожалению, перо — один из самых недолговечных и уязвимых для стихий материалов. Поэтому о «перьевой культуре» индоевропейцев — какой она была в древности — мы можем судить главным образом по сведениям, сохранившимся в мифологии (крылатые божества), фольклоре (птицедевы и птице-

мужи)*, этнографии (многочисленные обряды и обычаи). Интересные свидетельства оставили и античные историки. Так, Павсаний сообщает, что первая модель Дельфийского храма была сделана из перьев, и Аполлон послал ее в качестве подарка на свою историческую родину — в Гиперборею. В русском фольклоре также сохранилась память о тех временах. В волшебных сказках Перо Жар-птицы несет гораздо большую смысловую нагрузку, чем сама птица: оно не просто источник ослепительного огня и света, но и носитель света истины и правды (напоминая тем самым своими функциями Перо богини Истины Маат). Центральную роль играет Перо и в архаичном сюжете о Финисте — Ясном соколе: именно оно — волшебное перышко — превращается попеременно то в живого молодца, то в его тотемную ипостась — сокола.

КОСМИЧЕСКОЕ КОЛЕСО

Обожествление и космизация колеса объясняется естественными причинами: два главных небесных светила — Солнце и Луна имеют круглую форму. Кроме того, с субъективной точки зрения движущегося наблюдателя кажется, что небесные объекты крутятся; кажущееся это вращение убыстрится по мере увеличения скорости наблюдателя. Поклонение космическому колесу в виде Солнца и Луны намного древнее появления вешного колеса и использования его в хозяйственном обиходе (колеса повозок и телег, колеса прялки, мельницы, жернова, гончарный круг и т.д.). Возможно, именно наблюдение за естественными небесными «колесами» (и поклонение им) привело к открытию того колеса, которое, войдя в практику, произвело настоящую революцию в хозяйственной жизни и в быту.

Вместе с тем в мировой традиции колесо выступает символом всего мироздания, а не одного только Солнца или Луны. Колесо олицетворяет вечные круговороты в Макро- и Микрокосмосе, вечное возвращение «на круги своя» в природе и человеческой жизни. Этимологически это закрепилось в понятии «коловорот» = «солнцеворот» = «возвращение Солнца», а так-

* Гиперборейское истолкование этих феноменов см. в моей книге «В поисках колыбели цивилизации» (М., 2004).

же в народном астрониме Кол, в ряде областей означавшем Полярную звезду. В последнем случае представление о небесном неподвижном Коле предполагает вращение вокруг него звездного небосклона.

Все это нашло отражение в мифологии и в фольклоре. В древнеиндийском мифе громовержец Индра с помощью колес от колесницы Солнцегоба Суры побеждает злокозненного демона. Солнечное колесо Балсага из осетинских нартских сказаний перебивает колена непобедимого богатыря Сослана. На территории России следы поклонения солнечному Колесу прослеживаются со времен каменного века. При раскопках палеолитической стоянки Сунгирь близ Владимира (бассейн реки Клязьмы) были найдены солнечные диски из бивня мамонта (рис. 133).

Достоен неподдельного изумления факт, что подобный же символ Солнца в виде рельефа изображен на торце каменной гробницы Ярослава Мудрого в Софии Киевской. Впрочем, дохристианская языческая символика, как известно, в наименьшей степени пострадала от преследования церкви (наиболее характерный пример — традиционный орнамент в вышивках, резьбе, росписи и т.п.).

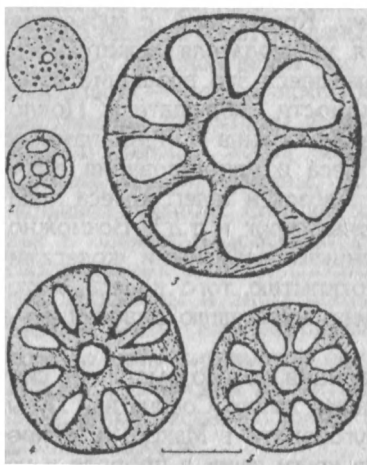

Рис. 133. Соляные диски из бивня мамонта.

- 1 — со стоянки Сунгирь;
2—5 — из погребений на Сунгире

В популярной русской сказке о Еруслане Лазаревиче богатырь встречается с волшебным царем Огненным Шитом — Пламенным Копьем, который ни в огне не горит, ни в воде не тонет, своих врагов он испепеляет негасимым пламенем. Здесь Огненный Шит в руках у царя олицетворяет Солнце, а Пламенное Копье — молнию, и сказочный царь, таким образом, соединил в себе функции двух древних божеств — солнечного и громово-молниевое. В одной из русских сказок, по свидетельству Афанасьева, таким Огненным Шитом, что палит на все четыре стороны, владеет Баба-яга, устрашая своих врагов.

С философско-мировоззренческой точки зрения космическое колесо символизировало не одни только дискообразные светящиеся объекты, движущиеся по небу. Космическое колесо — еще и обобщенный образ вечного круговорота во Вселенной, цикличности времени, проявляющейся в смене дня и ночи, а также времен года — весны-лета-осени-зимы. Отсюда такое знакомое с детства и вместе с тем древнейшее словосочетание — круглый год.

Древнерусское и общеславянское наименование колеса — коло. Кроме того, есть все основания полагать, что одним из древних имен Солнца также было Кол(о). Наиболее веский довод в пользу такого предположения — древний праздник в честь зимнего солнцестояния — Коляда и соответствующее ему имя языческого бога. Про него еще Гоголь писал в «Ночи перед Рождеством»: «...Был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, ...от того пошли и колядки».

Имя языческого Солнцегога, как уже говорилось ранее, нашло отражение и в названиях реки Колы и Кольского полуострова. Можно вспомнить также коло — хороводный танец на Балканах (у болгар и румын он именуется также хоро и хора — с употреблением другого «солнечного» корня «хор»). В этот же ряд следует поместить сакральные и, несомненно, древнейшие понятия «колдун», «колдовать», «колдовство», хотя в позднейшем понимании они и необязательно должны относиться к Солнцу. Значение округлости как отличительного качества колеса наложило отпечаток и на другие русские слова: «кольцо», «кольчуга», «колесница», «колымага», «колодец», «колыбель», «калач», «колобок», «колган» (примитивная посуда), «колоброд», «около» и др. (ср. также иноязычное «колье», кольцеобразное значение которого доказывает, что корневая основа «кол» имеет древнее индоевропейское происхождение).

С достаточной вероятностью уместно предположить, что корень «кол» в слове «сокол» (его глубинная этимология во многом неясна) тоже не случаен, если учесть, что образ сокола отождествлялся с Солнцем не только у древних славян, но и в египетской мифологии, а также в мифологиях других народов.

Олицетворением Солнца в конечном счете были и знаменитые циклопы (киклопы) (в переводе с греческого — «круглоглазые») — дети Неба-Урана и Земли-Геи. Единственный огромный глаз циклопа как раз и символизировал Солнце. Известна версия — и она была достаточно распространенной в

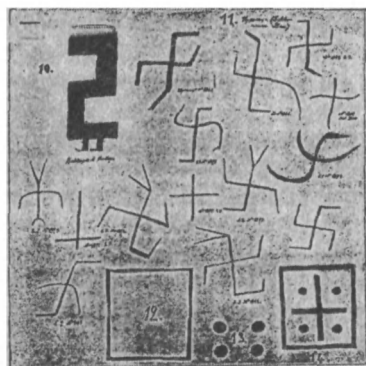

Рис. 134. Солярные знаки на древнерусских пряслицах

являются древнейшими символами Солнца, а также огня. Точно такие знаки обнаружены археологами на славянских пряслицах⁴³ (рис. 134). Если Афина — дочь Солнечного Циклопа, то вполне естественна и сопутствующая ей символика. Впрочем, возможны и иные объяснения. Известны попытки интерпретировать свастику как стилизованное изображение птицы⁴⁴ (рис. 135). Если согласиться с данной версией, то Афина попросту становится в один ряд со всеми Птицедевами Евразии и Гипербореи. Солнце же сливается с образом птицы, как это было в Древнем Египте.

античные времена, — что Афина-Паллада была дочерью вовсе не Зевса, а циклопа Бронта (Грома). Связь Афины с циклопами подтверждают также орфические тексты (переведены на русский язык А.Ф. Лосевым): именно они научили Афины и Гефеста «всем искусствам, которые небо содержит»⁴².

В таком случае становится понятным смысл архаических изображений Афины в плаще, усыпанном свастиками. Последние, как известно, яв-

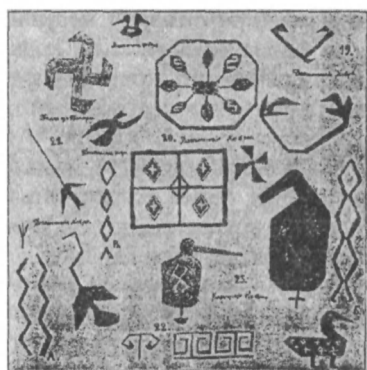

Рис. 135. Древняя солярная орнаментика

Лишь в позднейшей интерпретации Гомера циклопы превратились в кровожадных людоедов. Через рассказ о спутниках Одиссея, которых сожрал циклоп Полифем, искаженный образ небесных великанов внедрился и в сознание современного читателя. Сохранился и истинный смысл понятия «циклоп»; слово-корень «цикл», означающий «круг», в самых различных смыслах вошел в повседневный обиход, науку и технику. У наших предков было более правильное представление о циклопах как могучих сынах неба. Известна гравировка на древнерусском браслете, изображающая одноглазого циклопа-Солнце, натурально рождающегося из лона Небесной зари (рис. 136). Данный сюжет повторяет представление древних египтян о рождении Солнца-Ра Небом-Нут (рис. 137). Древнее общечеловеческое представление о небесно-солнечных закономерностях, движении солнечного светила по небосклону сохранилось в мировоззрении всех народов.

Эта идея воплощалась также и в народном орнаменте, связанном с кругом или колесом. Так, на лопатках прялок изображалась Земля, освещенная Солнцем. На двух боковых «серьгах» лопаток помешали восходящее и заходящее Солнце, а его дневной путь отмечался различными солнечными знаками в верхней части прялки, расположенными как бы по дуге небосвода (рис. 138). В центре прялки помешалось или огромное Солнце, или же ис-

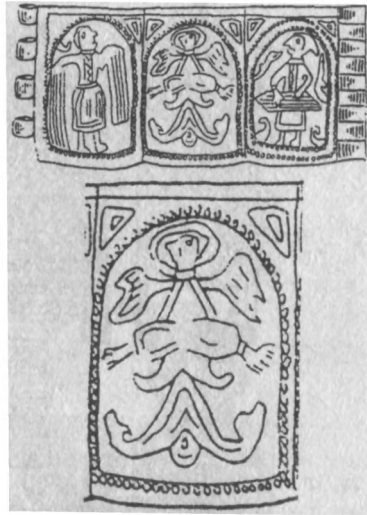

Рис. 136. Древнерусское изображение Зари, рождающей Солнце

Рис. 137. Египетская богиня Нут, рождающая Солнце

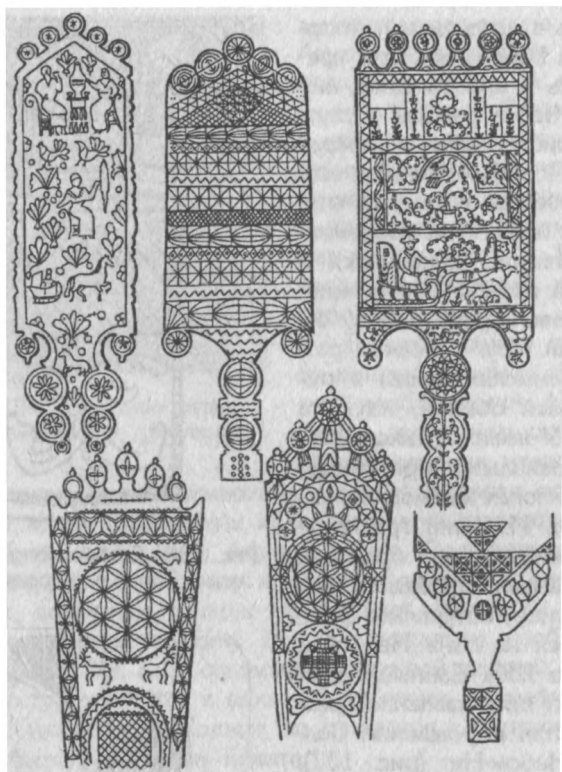

Рис. 138. Русские прялки с изображением круговорота Солнца

кристая композиция из пятилучевых розеток, символизирующих «белый свет»⁴⁵, то есть всю Вселенную (рис. 139).

Солярные (солнечные) мотивы из глубин веков дошли до наших дней также в виде вышивок, кружев, украшений, росписи посуды, резьбы по дереву, оконным наличникам, внутреннего убранства покоев и т.п. (рис. 140). Русский дом — это целая избяная Вселенная, отразившая в народной памяти Большой Космос, со всех сторон окружающий людское племя, и глядящая на него тысячью глаз звезд и светил.

Космические знаки и символы несут двоякую нагрузку: во-первых, выражают непосредственную причастность человека к космической стихии и, во-вторых, что вытекает из первого, —

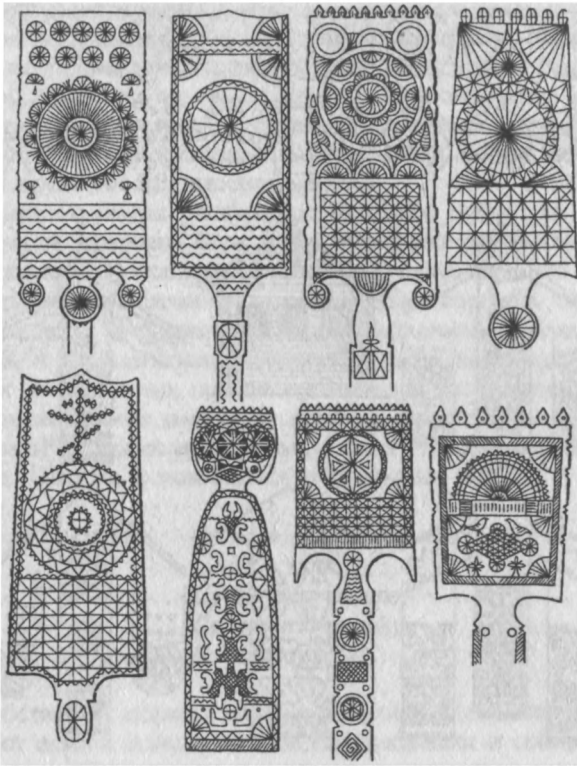

Рис. 139. Прялки с изображением Вселенной

защищают человека силой космического огня и света от темных и враждебных поползновений. Таковы «громовые или солнечные знаки» — колеса (розетки) с шестью спицами (их количество может быть иным), которые вырезались над дверями, на матице, наличниках, мебели, утвари.

Своими корнями солярно-космическая символика уходит в самые глубины общечеловеческой истории и культуры. Среди северных петроглифов, то есть Гиперборейского порубежья, выделено множество имеющих солярное и лунарное значение.

В процессе межэтнических контактов протославяне соприкасались с китайцами, которые обратили внимание на обычай наших предков катать зажженное колесо по снегу. Обмотан-

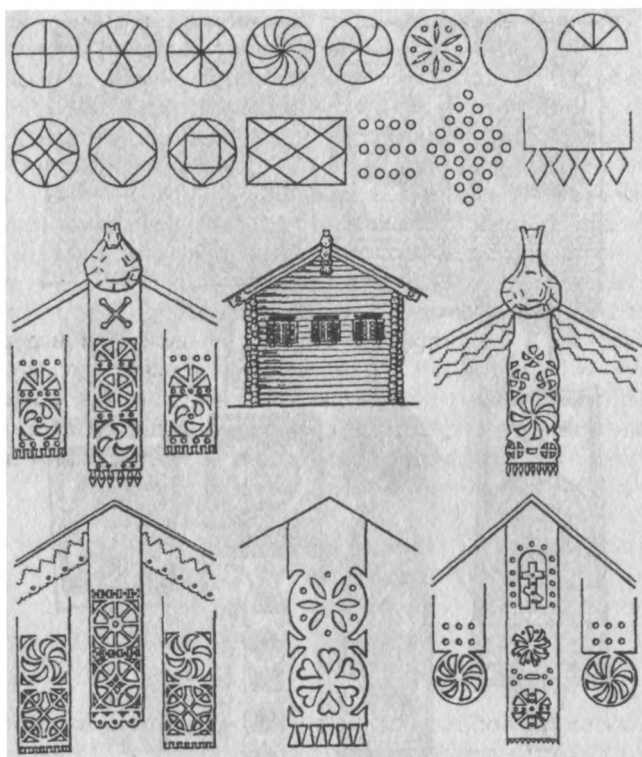

Рис. 140. Солярная символика в убранстве русского дома

ное колосьями коло просмаливалось, затем его зажигали и так огненный символ Коло-Солнца катали, проткнув палку во втулку, по снегам, заставляя их таять⁴⁶.

Этот архаичный обычай, связанный еще с доарийским и постарийским культом Солнца, сохранился и в традиции зажигания колес во время самых буйных языческих праздников — на Масленицу при встрече весны и на Ивана Купалу в день летнего солнцестояния. Обычай этот — один из неотъемлемых элементов незыблемых обрядовых традиций. Другой неотъемлемый элемент тех же традиций — обрядовые песнопения.

Обрядовая поэзия, которая еще недавно была неотторжимой частью русской жизни, ныне воспринимается по большей части как архаический памятник народной словесности. Ранее

крестьяне пели древнейшие песни, уходящие в языческое прошлое, не задумываясь над их истинным смыслом. Современный читатель, полностью утратив исполнительскую и ритуальную культуру, имеет тем не менее счастливую возможность вдуматься в казалось бы простенькие строки (записанные, к счастью, подвижниками-фольклористами) и обнаружить в них нетронутые пласты древнейшего мировоззрения.

Одним из самых устойчивых по своим традициям праздников в честь древнего бога Колы выступает святочная Коляда. С Рождеством Христовым она совпала чисто случайно — в действительности же связана с зимним солнцеворотом, поворотом зимы на лето. В Коляде все дышит архаикой — и игриша, и гадания, и переодевания (ряжение), и песнопения-колядки. Уже в играх на святочных посиделках поминаются (в названиях игр) главные священные животные древних славян: гусь, бык, кобыла (лошадь)⁴⁷. Играют и в «блины», а блин — традиционный символ Солнца. Оно же и поминается в святочных песнях.

*Солнце греет,
Солнце греет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську.*

Собственно, обряды колядования, когда ряженая молодежь ходит от дома к дому, распевая песни-колядки и собирая дары-угощения за свое усердие, и все тексты древних игровых песнопений насквозь космоцированы. Достаточно приглядеться к наиболее известным текстам, приводимым, как правило, во всех сборниках русского обрядового фольклора. Вот лишь несколько примеров, взятых наугад из рассчитанной на массового читателя книги «Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия» (Л.: Художественная литература, 1984).

*...Красны девушки
Сочили, искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко ни далеко,
Ни близко ни далеко
На семи столбах;*

*Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит...
Во этом во тыну
Стоит три терема
Златоверхие:
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы детушки.*

Триада Солнце-Месяц-Звезды присутствует во множестве колядок, иногда просто составляя пассивный фон театрализованного игрища, иногда же называясь в качестве его активных участников:

*Ой, будет к тебе
Троечко гостей.
Первые гости —
Жаркое солнце,
Другие гости —
Ясен месяцко,
Третье гости —
Дробен дождичек.*

Здесь чувствуется позднейшее нечаянное исправление «звезд» на «дождичек» по аналогии «часты звезды — частый дождь». Случается, однако, что уточнение и исправление, неизбежные в устном народном творчестве, не модернизируют колядку, а усиливают ее космическое содержание.

*Свети, свети, месяц,
Частые звезды,
Соборная церковь.*

Здесь соединенные в неразрывное смысловое триединство месяц, звезды и собор только подчеркивают соборно-космическую значимость святочного действа.

На Коляду прославляли зимнее Солнце-Коло, повернувшее от зимы к лету. На Масленицу его провожали и встречали новое весеннее Коло (Ярило нижегородских сказаний). То, что в обоих случаях речь идет об одном и том же Коло, но в разных ипостасях — зимнем и весеннем — доказывает бытовавший еще в XIX веке обычай «петь Коляду» на Масленицу. В масленичных колядках, тексты которых сохранились, так же, как и в святочных, величаются хозяин, хозяйка и их дети, живущие в трех златоверхих теремах и попеременно сравниваемые с Красным Солнышком, Светлым Месяцем и Частыми Звездочками.

Архаика колядок обнаруживается еще и в том, что в их устойчивых образах явственно проступает предшествующая эпоха Космического яйца: в святочных песнопениях помимо космическо-небесных светил доминируют птицы: гуси-лебеди, ясны соколы, серы утушки. Вообще мифологические доминанты могут быть привязаны к той или иной исторической эпохе более менее условно. Любая из предшествующих эпох сохраняется в следующих за ней. В результате происходит перемешивание, пересечение и даже слияние образов, появившихся в разное историческое время. Так произошло соединение крыльев и солнечного полета и возникновение нового символа — Крылатого (солнечного) диска, распространенного в Древнем Египте, Двуречье, Иране, Малой Азии, откуда через хеттов и Византию символика в сильно изменившейся форме попала на герб России в виде двуглавого орла с распростертыми крыльями.

Коляда — ликующе бесшабашный праздник с элементами карнавала. Но не всегда он был веселым и безобидным, а колядки — шуточными, задорными припевками. Чудом сохранившаяся русская колядка из собрания *Ивана Михайловича Снегирева* (1793—1868) — убедительное свидетельство тому:

За рекою, за быстрою, ой, колядка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,

*На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни колядушки.
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит,
Хотят козла зарезати!..⁴⁸*

Приведенный отрывок недвусмысленно свидетельствует: в древности празднование Коляды на Руси сопровождалось кровавыми жертвоприношениями, которые постепенно были вытеснены символическими дарами в честь бога Колы (Коляды).

Однако у вышеприведенной колядки есть еще и окончание, живо напоминающее сказку о сестрице Аленушке и братце Иванушке, превратившемся в козленочка. Жалобы девушки, утопленной в сказке ведьмой, неожиданным образом переносятся на брата Иванушку:

*Ты, братец Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпрыгнуть,
Горюч камень
К котлу тянет,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой, колядка! Ой, колядка!*

Особый интерес здесь представляет устойчивое словосочетание «пески сердце высосали». По объяснению Снегирева, в нем изображено жертвоприношение, когда кровь жертвы изливалась на специально насыпанный песок (что до недавнего времени еще практиковалось у северных народов). Тот факт, что жутковатая идиома превратилась в невинную поговорку, свидетельствует, во-первых, о древности самого обряда, а во-вторых, о перемещении в нем человеческих и животных жертвоприношений. Сама колядка вроде бы свидетельствует о вытеснении человеческого жертвоприношения козлиным, но из контекста так и проступает ужас человека, обреченного на заклятие (к тому же и названного по имени). Вспомним, для примера, что еще незадолго до испанского завоевания ацтеки

только в один праздник плодородия вырезали в качестве жертвы Солнцу сердца у 20 тысяч (!) обреченных.

Летом 1907 года немецкий историк О. Шрадер по приглашению российских коллег посетил Олонешкую губернию. Более всего он был поражен архаикой одного на первый взгляд заурядного обычая: русские крестьяне в так называемое баранье воскресенье, приуроченное к Ильину дню, повсеместно резали жертвенных барашков. Мясо заколотых животных относилось на берег озера и варилось в 12 котлах (исключительно мужиками, женщины к жертвенному таинству не допускались)⁴⁹. Схема ритуала та же, что и в приведенной выше колядке, разница только в приносимых жертвах. Профессор Бреславльского университета сразу же уловил главное: следы русского северного обряда теряются в самых отдаленных глубинах индоевропейской древности.

Сам по себе характер жертвоприношения менялся в течение веков и тысячелетий. Человеческие жертвы повсюду заменялись животными, растительными плодами или иными дарами, хотя еще в начале XX века среди некоторых народностей Русского Севера еще бытовало мнение, что человеческая жертва намного действеннее животной. Русский фольклор также хранит память о трагических ритуалах. В былине о Садко разбушевавшуюся морскую стихию пытаются умиловить путем принесения жертвы по жребию, который, как известно, достался самому Садко.

Из поколения в поколение, из года в год — и так на протяжении многих веков да и тысячелетий — колядующие внушали каждому хозяину, что его дом — частица Вселенной, что все люди — в родстве с Солнцем, Месяцем и частыми звездами. И та звезда, которую несли в обязательном порядке впереди группы ряженных песенников, лишь после введения христианства стала называться Вифлеемской звездой (слабая смычка с новым для древних славян праздником Рождества). А до этого она олицетворяла древнее божество — Коло. А рукотворный лик Колы — расписной круг с зубцами одинаково соответствовал и Солнцу, и звездам (одним из древних народных названий Полярной звезды, главного ориентира северного неба, было Кол, сопряженное с именем бога Колы).

В архаичном миропонимании не только славян, но и прибалтов (например латышей) Солнце зачастую имеет женский род. Древнерусское женское название Солнца — Солонь встреча-

ется в самой древней из дошедших русских рукописных книг — Остромировом Евангелие (в современном языке известно малоупотребительное слово «посолонь», что означает «по Солнцу»). По русским народным поверьям, Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности (об этом же говорит популярная загадка. Что такое: красная девушка в окошко глядит? — Солнце).

В тайных и, несомненно, древнейших заклинаниях великороссы обращались к дневному светилу: «Матушка, красное солнце!» Сохранилась в записи XIX века значительная по своему космическому мироощущению песня липецкой девушки (Тамбовская губерния), которая перечисляет свою астрально-космическую родословную, подчеркивая неотделимость человека от Вселенной:

*Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светел Месяц,
Братцы у меня — часты Звездюшки,
А сестрицы — белы Зорюшки.*

Тема — достаточно распространенная в русской обрядовой поэзии. Купальская песня крестьян Смоленской губернии доносит до нас ту же архаику древнего космического мировоззрения, когда человек мыслил себя полноправным членом небесно-космической семьи.

*А я роду хорошего...
А я роду богатого...
А мой батька — ясен месяц...
Моя матка — красное солнце...*

Женская природа Солнца легко прослеживается и в сказочном образе Царь-девицы. Она — всеильная солнечная дева (в сказке Ершова «Конек-горбунок» она — сестра Солнца); живет за морем-океаном или огненной рекой; владеет чудесным дворцом, из окон которого видна вся Вселенная; от ее взоров нельзя спрятаться ни в облаках, ни на суше, ни под водой. Другое ее имя — Царевна Солнце. По старым русским представлениям Солнце (Солонь) находится в брачных отношениях с Месяцем. Если в сказках и песнях говорится: звезды — дети, Солнце

(мать) и Месяц (отец), то в более общем плане это означает: звезды возникли из световой стихии, олицетворением которой выступали самые яркие (светлые) небесные объекты — Солнце и Месяц.

Один из вариантов произнесения (и написания) древнего слова «солонь» — «солунь». Высказывалось интересное соображение, что здесь объединены два брачующихся божества: Солнце + Луна (Со + лунь) = Солунь. Звезды — дети, рожденные от этого брака. Стойкие дохристианские представления о космических семейных узах не в силах были искоренить никакие последующие религиозные доминанты. Через обрядовую поэзию, святочные песни, бесхитростные на первый взгляд стишки неискоренимое языческое мирозерцание дожило до наших дней в форме колыдок:

*Что светел-то месяц —
А и наш-то он.
Как и красно солнце —
Хозяюшка его.
Как и часты звезды —
Его детушки...*

Древний брачный символ двух светил — Солнца и Месяца — пронизал века и тысячелетия и поныне живет в русском декоративном искусстве.

Семейно-генетическая связь между людьми и небесными светилами прослеживается в русском фольклоре в обратном направлении. В записанной И.А. Худяковым в Нижегородской губернии сказке Луна и Звезды выступают как дети, их похищают Духи-Вихрии и уносят на небо в серебряный и золотой дворцы, откуда их освобождает брат Иван-царевич с помощью Царь-девицы, олицетворявшей Солнце, и 12-главого Змея. Интересно, что это одна из немногих (если не единственная) русская сказка, где Змей выступает в качестве положительного персонажа — не как злобный антагонист главного героя, а как его помощник, хотя в мифологической традиции в целом змей (дракон) обычно наделяется чертами мудрости и в конечном счете восходит к творяще-упорядочивающему космическому началу.

Память о древнейшем солярном культе, восходящем к гиперборейским временам, прочно запечатлелась в ритуале рус-

ского северного хоровода (впрочем, не только русского и не только северного). Закодированная солнечная символика и мантрика оказалась столь живучей и неуязвимой по той простой причине, что ее как-то упустили из виду многочисленные религиозные, идеологические и политические конкуренты, покушавшиеся прежде всего на вербальные (словесные) формы народного мировоззрения (без особого успеха, правда) да материальные воплощения древних культов. Вот почему и поныне, как много тысячелетий тому назад, на Русском Севере водят все те же архаичные хороводы, главный смысл которых — бессознательно выразить свое почтение к языческому богу Солнца — Коле.

Вот как выглядит этот древний ритуал в современном исполнении в Мезенском крае близ Белого моря. Две девушки — хозяйки праздника — ставят остальных девушек в ряд друг за другом и связывают их платками. Впереди ставятся запевалы, которых иногда приглашают из других деревень. Затем девушки обходят кругом всю деревню, обязательно по движению Солнца. Запевалы поют три строго определенные «круговые» песни, исполнявшиеся только раз в году, в этот праздник; остальные девушки идут молча и только красуются. После «круга» начинается всеобщее исполнение игровых хороводных и плясовых песен⁹³.

От имени Колы-Солнца произведено и русское слово «колокол». Это священное рукотворное ритуальное изделие испокон веков известно среди народов Евразии. Сохранились дополнительные свидетельства арабских авторов об использовании славяно-руссами колоколов задолго до принятия ими христианства. Так, Аль-Масуди в своих «Золотых лугах» сообщает о славяно-солнцепоклонниках: «Они имеют многие города, также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком»⁹⁴. Жаль только, что арабский географ не говорит, что это были за церкви (и в честь какого бога звонили там колокола).

Употребленное здесь в переводе слово «церковь» абсолютно неясного происхождения. Этимологи пытались объяснить его, опираясь на греческую лексику, — успехом это не увенчалось. Между тем в русском слове «церковь» — «-овь» — явное окончание (ср.: «кровь», «морковь», «свекровь» и др.). В таком случае «церк» — всем хорошо известный «цирк», то есть «круг» (с чередующимися «и» и «е»). И сразу все становится на свои места: понятие «церковь» дохристианского происхождения и пер-

воначально означало «округлый храм», «круговое капище». Раскрытые археологами древнеславянские святилища как раз и представляют собой такие огороженные по кругу сооружения — цирки (рис. 141). Кроме того, напомним: античные источники сообщают о существовании в Гиперборее сферических (!?) храмов.

Наконец, нельзя еще раз не напомнить, что славяно-русские святилища-цирки (церкви) в проекции сверху представляют собой огромный солярный знак ☉ или ☉ и изоморфны египетскому и древнекитайскому иероглифам, обозначающим «Солнце».

В народном космическом мировоззрении древнее имя Колы было перенесено на другие космические объекты и Вселенную в целом. Так, в переводе XV века [Псевдо]Дионисия Ареопагита космическая небесная сфера именуется: «огньственная и боговидная Кола». С незапамятных времен именем Колы прозывалось в народе созвездие Большой Медведицы (другие тотемные названия — Медведь и Лось), а также самый главный и ярчайший компонент Малого Ковша — Полярная звезда. Именно к привычным народным названиям звездного неба прибегает Афанасий Никитин, обнаруживший в далекой Индии иное расположение знакомых созвездий: «Во Индии же бесерменской, в великом Бедере смотрит есми на Великую ночь на Великий же день: Волосыни да Кола в зорю вошли, а Лось головою стоит на востоке» (текст приводится по «Русской хрестоматии» Федора Буслаева).

Всеобъемлющее космическое содержание понятия Колы естественным образом обусловлено его первоначальными значениями: «колесо», «воз», «телега», «колесница» и связанными с ними Космическим быком (коровой) и Космическим конем (о чем речь пойдет ниже). Кроме того, понятие Колы всегда

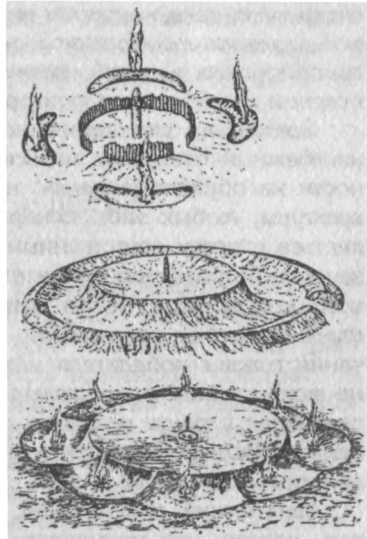

Рис. 141. Русские языческие циркообразные святилища

обозначало также «круг» и «круговорот» и в этом смысле символизировало необратимое течение времени, замкнутые циклы природных явлений, смену времен года и человеческих поколений, циклическую повторяемость в жизни людей⁵².

Вселенская закодированность природных циклов наложила неизбежный отпечаток на всю круговую символику, и в частности на обрядовые венки, неотделимые от истории мировой культуры, любых эпох и народов. В венках из цветов, трав, листьев и веток естественным образом соединилась символика вечного возвращения растительной жизни и небесно-космического круговорота, тайна жизни и тайна смерти. Магические функции венков чрезвычайно разнообразны: величальная (увенчание головы победителя или надевание цветочной гирлянды на шею); дожиночная, связанная с завершением сбора урожая; свадебная (откуда возникло само понятие «венчание»); погребальная (похоронные венки, надеваемые на усопшего или возлагаемые на могилу) и т.д.

Магический смысл имеет уже сама форма венков — круг, тор, колесо, что полностью соответствует магической семантике Солнечного Коло и распространяется на другие круглые предметы с отверстием посередине: кольца, обручи, звенья цепи, навершие ключей, выпечку — калачи, бублики, баранки и т.п. С оберегательными свойствами круга связано множество древних ритуалов: очерчивание кругом как защита от невзгод и несчастий, доение или процеживание молока сквозь венки, а также пролазание, протаскивание, наблюдение, переливание, умывание, еда и питье — и все через венки.

Вера славян в волшебную силу венка наглядно проявляется в их полифункциональном использовании в архаических празднествах — святочных, масленичных, троицких, купальских. Так, купальские венки — неотъемлемый атрибут языческих игрищ. Сплетенные венки, в том числе — из дубовых или кленовых листьев — надевали на голову; на заключительном этапе обряда их чаще всего уничтожали: сжигали на костре, бросали в воду, в колодец, забрасывали на дерево, относили на кладбище. Часть венков сохраняли, используя затем для лечения, защиты полей от градобития, относили в огороды против вредителей. Повсеместно практиковалось гадание по венкам: их бросали в реку и по движению в воде пытались узнать судьбу; оставляли на сутки во дворе, примечая, чей венок завянет (тому грозит несчастье); подкладывали на ночь под

подушку, чтобы увидеть вещей сон. Купальские венки, как и троицкие, использовались для защиты дома, скота, посадок: их вешали над дверями, клали на грядки, надевали на рога коровам «против ведьм» и т.д. и т.п.⁵³.

КОСМИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Архетип Космического дерева, олицетворяющего вечно возрождающуюся потенцию Вселенной, столь же древен, как и образ Космического колеса. Но если последнее только фиксирует повторяемость и цикличность вселенских событий, то растение раскрывает их во всем многоцветии и развитии. Колесо лишь монотонно вертится или катится, дерево же появляется из семени, растет, обретает сложную и постоянно меняющуюся структуру (корни, ствол, ветви, листва, плоды) и наконец умирает, оставляя после себя потомство. Дерево — зримый символ развития, чья древность доказывается степенью распространенности на всех континентах Старого и Нового Света (рис. 142, 143) (в отличие от последующих эпох, связанных с образами Космической коровы и Космического коня, о которых индейцам обеих Америк ничего не известно, поскольку они переселились в Новый Свет задолго до начала одомашнивания лошадей и крупного рогатого скота, а бизон, как известно, одомашнен не был).

Заведомо неполная схема деления начальных этапов развития общества по векам: каменный, бронзовый, железный (а также легендарные — золотой, серебряный, медный), вне всякого сомнения, должна быть дополнена и «Деревянным» (Дендрическим) веком. К сожалению, дерево — материал недолговечный, поэтому вещественных памятников от той далекой эпохи сохранилось мало. Нетленными оказались лишь духовные памятники, закрепленные в памяти народа в форме кодированных текстов, передаваемых от поколения к поколению. Среди них и мифологема Космического дерева.

По древнетибетским мифологическим представлениям, известным как добуддистская «религия бон», изначально в мире существовали одни только деревья и не было животных. Символ всего живого — Космическое дерево — прорастало сквозь три главных мира — царство богов, земную область людей и

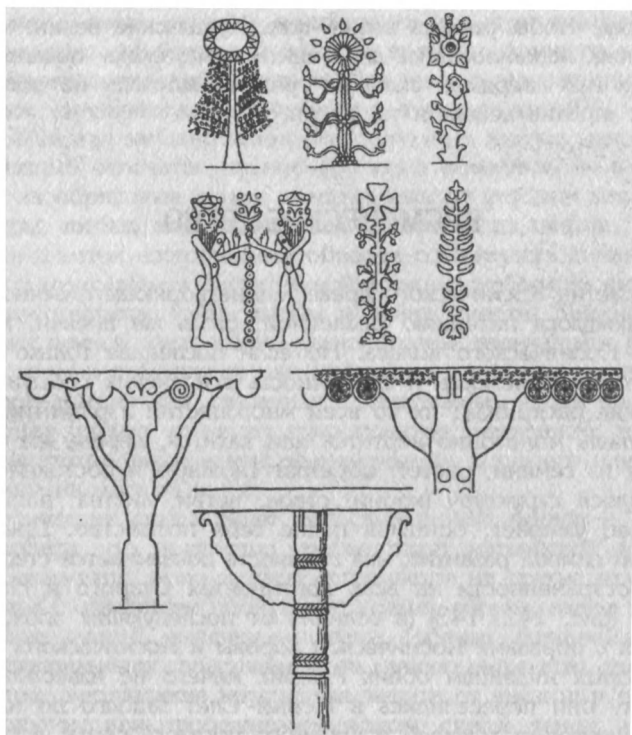

Рис. 142. Мировое древо в культурах разных эпох и народов

нижний мир духов, — соединяя Вселенную в неразрывное целое⁵⁴. Здесь налицо абсолютизация своего рода дендрической картины мира, которая, надо полагать, соответствовала определенной стадии развития человеческого общества.

Образ Мирового (Космического) древа проходит через историю всех древних цивилизаций — древнеиндийской, древнекитайской, древнеегипетской, шумеро-аккадской, ассиро-вавилонской, хеттской, древнееврейской, древнеиранской, ацтекской, инкской. Этот же символ сопровождает верования и миропредставления многих оседлых и кочевых народностей Евразии, островитян Полинезии, Индонезии, индейцев обеих Америк и некоторых аборигенов Африки. В русском космическом мирозерцании Древо жизни трансформировалось в

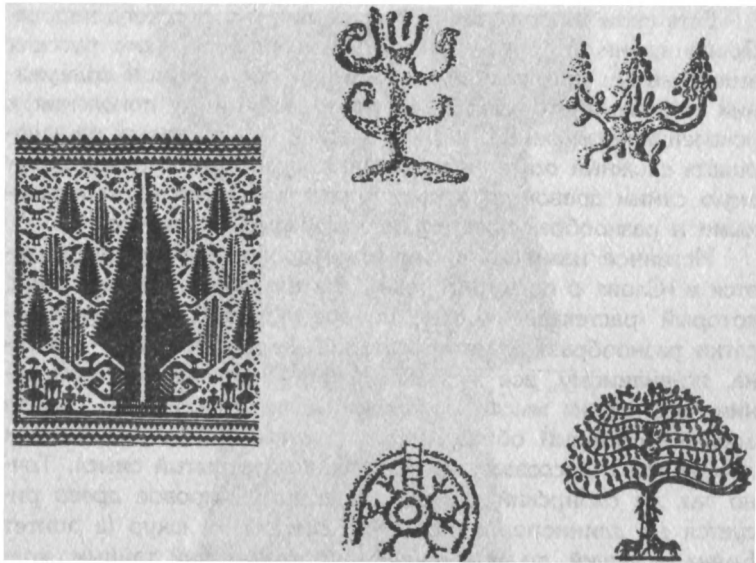

Рис. 143. Различные изображения мирового древа

фольклорный образ дуба, растущего на острове Буяне (символ Гипербореи) посреди Океана-моря. «На Море-океане, на острове Буяне стоит дуб зеленый...» (вариант: ни наг, ни одет) — таков зачин многих русских заговоров и сказок.

Практически у каждого народа имеется изображение Мирового древа, или Древа жизни (что в нашей интерпретации одно и то же). Богатейший иллюстративный материал — почти тридцать рисунков и фотографий, заимствованных из культурного наследия разных эпох и цивилизаций всех континентов земли, дается в энциклопедии «Мифы народов мира» (статьи «Древо мировое», «Древо жизни», «Древо познания»).

Одним из самых ранних изображений Мирового древа на территории нашей родины, относящимся еще к эпохе Гипербореи, является, пожалуй, один из петроглифов Онежского озера. Рисунок объединяет сразу два космических сюжета: миротворящую птицу (гуся или лебедя) и жизнедающее древо. Этот лебедь, сидящий на древе, и его глубочайший вселенский смысл могли бы вполне стать символом древнего космизма, предшествовавшего философско-научному.

Есть свои изобразительные традиции и у русского народа. Древо жизни (Мировое древо) — излюбленная тема русских вышивальщиц, которые знать не знали об истинном содержании замысловатого узора. Но передаваемый от поколения к поколению незыблемый мифологический код позволяет расшифровать сложный орнамент, объединяющий Жизнь, олицетворяемую самим деревом, и Космос, представленный многочисленными и разнообразными солярно-астральными знаками.

Истинное назначение символа Мирового древа раскрывается в «Слове о полку Игореве», где поминается веший Боян, который «растекался мыслью по древу». Хотя существуют десятки разнообразных интерпретаций данного образа, — истина, по-видимому, все же заключается в буквальном толковании «растекания мысли по древу», если принять, что символ древа — опорный образ мысли, помогающий сказителю или прорицателю воссоздать закодированный скрытый смысл. Точно так же сибирский шаман, у которого Мировое древо рисуется на длиннополом костюме, сшитом из шкур (а эпитет Бояна — веший, то есть «ведающий, владеющий тайным, колдовским знанием», напрямую сближает его с древними языческими жрецами и шаманами), впадал в экстаз, сообщает за гипнотизированным слушателем о своем путешествии (полете) по стволу и ветвям древа в скрытые, недоступные непосредственному созерцанию миры (рис. 144).

Собирательный образ Космического древа в представлении всех славянских народов рисует древнее предание, сохранившееся среди южных славян. Вот оно:

«Ось мира есть святое дерево — ясень. Его высокая вершина превышает горные вершины и шесть небес и поднимается до седьмого неба, по которым в своих светлых палатах пребывает верховный бог Сварун [Сварог. — В.Д.]. Насколько вершина ясеня, дерева мира, высока, настолько корень его глубок; корни его простираются по всему подземному царству Чернобога. Корень его четверолапый: один корень идет на юг, второй — на восток, третий тянется к северу, четвертый — к западу. Под ясенем простирается земля. Мелкие сережки в его ветвях — солнце, месяц и звезды. Так ясень связывает подземное царство, землю и небо. Из-под дерева мира бьет ключ чистой, живой воды, которая оздоравливает и воскрешает из мертвых. У ключа сидят три предсказательницы,

Рис. 144. Мировое древо на шаманском kostome

верные прислужницы. Одна знает, что было, другая — что будет, а третья — то, что есть. Они решают, чему быть. Больше того — определяют всякому его судьбу: хорошую или плохую. Так они, обещая и жизнь и смерть, трудятся над возникновением жизни»⁵⁵.

В поэтической форме космический смысл, закодированный в мифологеме Мирового древа, проникновенно раскрыл Вячеслав Иванов:

*Так Древо тайное растет душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвой звездоокой:
Се Древо Жизни так цветет душой одной.*

Но еще Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» на-поминал: «Есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дере-во, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником...» Здесь Ми-ровое древо представлено как космическая дорога богов.

Множество подобных легенд собрано и опубликовано А.Н. Афанасьевым во 2-м томе «Поэтических воззрений славян на природу» — от устных сказаний до письменных апокрифов. В апокрифической беседе Панагиота с Фрязином Азимитом (по рукописи XVI в.) космическое мировое древо описано следую-щим образом: «А посреди рая древо животное, еже есть боже-ство, и приближается верх того древа до небес. Древо то зла-товидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех деревьев и плоды тоже; исходит от него сладкое благоуханье, а от корня его текут млеком и медом 12 ис-точников».

Молочный источник (река) около огненного златовидного древа, достигающего небес, это смутный намек на Млечный путь — звездный Стержень видимого Космоса — и одновременно воспоминание о Стране Блаженных — Гиперборее. По убеж-дению представителей европейской мифологической школы в фольклористике, к которой принадлежал Афанасьев, — Мировое древо вообще является символом небесно-космической иерар-хии мира. Оно повернуто кроной к земле, а ствол и корни уходят в неоглядные дали Вселенной (рис. 145). Видимая вер-шина, с точки зрения мифологов, — это доступные земному наблюдателю тучи и облака. Мнение достаточно распро-страненное, в XIX веке оно доминировало. Но традиции подобных взглядов уходят в самые глубины народного мирозерцания. Один из самых известных и древнейших русских заговоров гласит: «На море на Океане, на острове на Кургане стоит бе-лая береза, вниз ветвями, вверх кореньями». Имеется значи-тельный соблазн интерпретировать причудливый образ пред-ставленным из Космоса. Сверху с точки зрения космонавта (тем более неземянина) деревья представляются перевернутыми: ближе к наблюдателю находятся ветви и крона, дальше — корни; отсюда образ — корнями вверх (хотя верх и низ с космичес-кой точки зрения — понятия сугубо относительные).

В действительности же смысловая нагрузка, закодирован-ная в символе Мирового древа, является совершенно иной. Мировое древо служит обозначением космического жизненно-

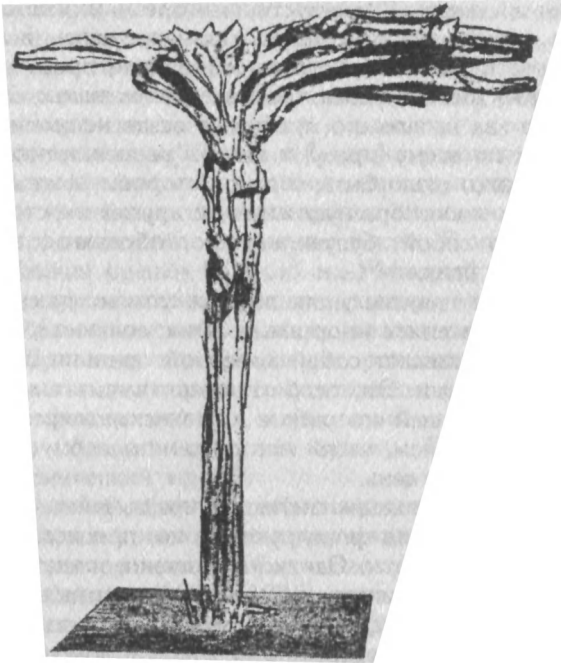

Рис. 145. Мировое древо — корнями вверх

го процесса, направленного из прошлого через настоящее в будущее. Корни такого древа — в прошлом, а крона — в настоящем; вот почему из быстротечного «теперь» оно представляется растущим вверх (на самом деле — уходящим вглубь).

Следовательно, Мировое древо — код для обозначения временных процессов, суть которых невозможно выразить на языке Евклидовой геометрии; сам же трехмерный (объемный) или двухмерный (изобразительный) образ Мирового древа — символ, опорный образ мысли, помогающий человеку проникнуть в суть и в глубь объективной реальности. В наибольшей степени это относится к явлениям жизни, которые и не обрисовать иначе, как в форме пространственно-плоскостного (или объемного) образа. Потому-то оно и именуется Древом жизни.

Устойчивый этот образ, проходящий через историю всех эпох и мирозерцания всех народов, получал и философс-

кую интерпретацию. В частности, неоплатонистская концепция эманации [истечения] однозначно связывает явление активности жизни и понятие первожизни с образом древа. «...[Представляй себе] жизнь огромного древа, обнимающего собою все, в то время как начало его пребывает везде неизменным и нерассеянным по всему [древу] и как бы расположенным в корне. Это начало, стало быть, с одной стороны, дает древу всеобъемлющую многообразную жизнь, с другой же стороны, остается самим собой, будучи не многообразным, а началом многообразия [жизни]»⁵⁶.

Вообще же понятие эманации для славяно-русского мировоззрения не является инородным заимствованием. Напротив, эманация представляет собой коренной принцип древнейшей славянской религии. Это особо подчеркивалось еще Н.И. Костомаровым в ранней его работе «Славянская мифология»⁵⁷, не потерявшей, впрочем, своей историко-методологической актуальности и по сей день.

Представить эманацию наглядно чрезвычайно трудно, поскольку органы чувств фиксируют не сам процесс, а лишь некоторые его результаты. Однако в сознании имеются механизмы для воссоздания интегративных схем мировых эманационно-жизненных явлений, так как человек сам есть феномен и венец жизни. Делается это, как правило, с помощью устойчивых и закодированных образов, вроде Древа жизни. Но имеется еще один канал, хорошо знакомый и доступный каждому, позволяющий непосредственно соприкоснуться с процессами, по сути своей являющимися эманационными. Это — музыка, музыкальная гармония, музыкальный лад.

Даже если взять простейшую мелодию, то последовательное соединение во времени различных звуков дает картину гармонического явления, проистекающего из глубины души (при творении музыкального произведения или мысленном его воспроизведении), голоса, музыкального инструмента или их совокупности (оркестра). При этом речь идет не о процессах чисто физических (звуковые колебания в виде упругих волн) или физиологических (работа голосовых связок в сочетании с дыханием). Никакими колебаниями молекул (или атомов), физическим описанием движения звуковой волны невозможно раскрыть (или воссоздать) сущность музыкальной гармонии, ее восприятие в форме целостного музыкального образа или творческого акта, приведшего к его созданию. Все это возни-

кает на иных природно-духовных уровнях, соединяется на иных невещественных принципах и прорывается в обыденный мир по неизвестным современной науке каналам. В песне данный процесс соединен со словом. Да и само слово имеет то же космическое происхождение, что и музыка.

Древние мыслители Запада и Востока учили о космической сущности музыки и ее влиянии на структуру Космоса. Стройная и последовательная теория о космической природе музыки существовала в древнем Китае. В известном памятнике «Люйши чунцю» (III в. до н.э.) говорится о космогоническом процессе, порождающем первозвук, который возникает при образовании неба и земли, возникновении Космоса из Хаоса. При этом звук или звуки, рождающиеся в самый момент космогенеза, а затем сопутствующие каждому новому циклу космического времени, гармоничны с момента своего зарождения, образуя мелодию и музыку. Телом же музыки является космический эфир⁵⁸.

О музыкальной гармонии небесно-космических сфер учили пифагорейцы и средневековые чернокнижники. Величайший русский композитор конца XIX — начала XX веков *Александр Николаевич Скрябин* (1872—1915) считал, что музыка пронизана космическим звучанием и что посредством музыки человек способен проникнуть в глубочайшие тайники Космоса.

Это подтверждается и данными современной науки, согласно которым любые музыкальные инструменты являются голографическими воспроизводящими устройствами и через их посредство воспроизводится как общая голограмма Вселенной, так и ее отдельные голографические матрицы⁵⁹. Другими словами, музыка напрямую связывает слушателей с Космосом и его гармонией.

Сказанное относится к сущности и ритмике танца. Известный английский физиолог и исследователь искусства Х. Эллис трактовал танец как часть космического целого и проявление общей гармонии Вселенной: «Мы совершенно правы, когда рассматриваем не только жизнь, но и всю Вселенную как танец». Танец, по Эллису, «это внутреннее и совершенно определенное проявление общего ритма, того самого общего ритма, которому подчиняется не только жизнь, но и вся Вселенная, если, конечно, можно позволить себе так именовать сумму тех космических влияний, которые доходят до нас из Вселенной»⁶⁰. К этому необходимо добавить,

что всякий танец сопровождается мощным выделением энергии, и эти групповые или индивидуальные энергетические «всплески» напрямую корреспондируются с энергоинформационным полем Вселенной.

Итак, Космос и Жизнь нераздельны. А потому нераздельны жизнь и музыка, жизнь и песня. Когда говорят: душа или сердце поет, подразумевается, что в этом песнопении проступают черты космической гармонии. Само понятие «музыкальный лад» несет космический отпечаток, ибо в русском языке и в древнерусском понимании понятия «лад» и «Космос» тождественные. Тождественность Жизни и Космоса символизирует Мировое древо. Следовательно, оно же символизирует неразрывность триады-кода «Космос-жизнь-песня (музыка)». Недаром говорят: русская душа — как русская песня. Русская душа космична, потому что космична русская песня. И наоборот: русская песня космична, потому что космична русская душа.

Поклонение деревьям в далеком прошлом также было неотделимо от народной музыки, песнопений и обрядовых танцев. Отголоски некоторых из стародавних традиций сохранились и поныне: они живут, например, в украшении елок (изредка — и иных деревьев) на Рождество и Новый год.

Обычай украшать деревья и приносить им жертвы уходит своими корнями в доарийское прошлое и существовал у многих народов разных континентов. Древние руссы, например, поклонялись дубам, обвешивали их стрелами, кусочками хлеба и мяса. По свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, на острове Хортица у днепровских порогов рос один из таких священных дубов — объект обязательного поклонения для русских, спускавшихся вниз по Днепру. Здесь, помимо даров, приносили в жертву живых петухов⁶¹. Известно также, что петух как провозвестник Солнца нередкое само это дневное светило и олицетворял. Такое сугубо языческое представление сохранялось на протяжении многих тысячелетий и просочилось даже в христианскую литературу. В определенной мере об этом свидетельствует соловецкий апокриф XIV века «О всей твари», где поминается космическо-солнечный кур (петух) с головой до небес: «Есть кур, ему же глава до небеси, море до колена. Егда же солнце омывается в Кияне, тогда же Акиян всколебается и начнут волны кура бить по перью, — он же <...> речет кукареку»⁶².

Вообще же петух — тотемно-магическая птица и несет двойную нагрузку — положительную и отрицательную. С одной стороны, его крик прогоняет нечистую силу и вредоносные ночные призраки; с другой стороны, петух сам может навлечь беду, если не соблюсти некоторые обязательные условия (например, нельзя долго держать одного и того же петуха, его обязательно нужно через год-другой зарезать, иначе непременно случится несчастье в доме (пожар), в семье (болезнь), с хозяином (смерть) и т.д.).

Священный дуб славян, кстати, сохранился до нынешних времен и является мемориальным памятником историко-культурного заповедника на острове Хортица. Что касается магической триады: «дуб-петух-небо», то она закодирована в известной русской сказке о петухе и жерновах. Обронил старик желудь, и вырос из него мгновенно до самого неба исполинский дуб. Влез старик по волшебному дубу на небо (олицетворяющее Вселенную), походил по нему и нашел петушка (возможно, в данном конкретном случае олицетворяющего Солнце). Петушок дарит старику волшебные жеровки, способные накормить кого угодно, а затем спасает их от похитителя. Сам петушок тоже волшебный: он и в огне не горит, и в воде не тонет.

Поклонение дубам — древнейшая индоевропейская традиция, распространенная повсеместно, где произрастали эти лесные великаны и долгожители. Из античной истории и поэзии хорошо известна священная дубрава Зевса Додонского. Додонский оракул был основан пришлыми пеласгами в Эпире на севере Балканского полуострова (почему Гомер и называет Зевса Пеласгийским), но вскоре приобрел всеэллинскую значимость⁶³. О нем с величайшим почтением говорится в «Илиаде». Додонские жрецы предсказывали судьбу и предначерчивали линию жизни по шелесту листьев священного дуба. Именно в покорности додонским прорицаниям упрекает скиталицу Ио Прометей в Эсхиловой трагедии:

*Там шелестом чудесные дубы
Тебе вещали прямо без загадок,
Что Зевсовою будешь ты женой...*

Кстати, память о Додоне сохранилась и в русском фольклоре и его использовал Пушкин в «Сказке о золотом петушке».

ке», наименовав так злополучного царя (изменив, правда, гласную в первом слове с «о» на «а». В действительности царь Додон — это более чем смутное и сильно видоизмененное воспоминание о былом владыке — Зевсе Додонском.

Но дуб — лишь одно из священных деревьев русского народа. Своеобразным символом России выступает белая береза. С березой связан и главный весенне-летний праздник. С момента введения на Руси христианства он приурочивается к Троице (пятидесятый день после Пасхи). Последняя (седьмая) неделя после Пасхи именовалась Семиком и на нее приходились так называемые зеленые Святки. Именно этот краткий период характеризуется самым богатым циклом песен, игр, хороводов, гаданий, предсказаний. Одна из самых знаменитых русских народных песен «Во поле березонька стояла» с повтором:

*Некому березку заломати,
Некому кудряву заломати, —*

относится именно к семикско-троицким хороводным песням. Их христианская номинация чисто условная. На самом деле это самый что ни на есть древнеязыческий праздник. «Березку заломати» требовалось для того, чтобы сломать (иногда ломалась только макушка) и принести в дом, украсить его снаружи и внутри. Или чтобы поставить на видном месте и украсить лентами, бусами, платками. Или походить с ней по улице. Устраивалась и трапеза, главным блюдом была яичница, она символизировала в неосознаваемой форме древние забытые представления о Космическом яйце и Солнце, которое олицетворял желток.

Гораздо чаще березку украшали прямо в лесу. И там же одновременно завивали и развивали ее ветви (откуда один из припевов «Дубинушки»: «Разовьем мы березу, разовьем мы кудряву»). Девушки плели венки и гадали о будущем. С утра до ночи водились женские хороводы. Праздник был исключительно женский, уходящий своими корнями в матриархальную старину; мужчины к нему и близко не подпускались, лишь позднее нравы несколько смягчились. Праздновалось само таинство жизни, носителем которого являлась женщина. И березка символизировала это таинство, выступая как подлинное Древо жизни.

Пик неформальных семикско-троицких празднеств приходился на Духов день. Вопреки общеизвестным религиозным толкованиям, именно в этот день до предела обнажалась подлинная подоплека древних языческих обрядов и их ярко выраженной сексуально-оргиастическая сущность. До недавнего времени истинный смысл троицкой обрядности был известен ограниченному кругу людей: непосредственным участникам, наблюдателям и этнографам-фольклористам. Последние, однако, не могли опубликовать собранные сведения из-за их откровенной «срамоты». Лишь в самое последнее время в печати стали появляться тексты языческого происхождения, записанные в Смоленской, Калужской и других областях⁶⁴.

Срамные троицкие песни, исполняемые исключительно женщинами, носили вызывающе похабный характер и сопровождались плясками со столь же выразительной жестикуляцией. О матриархальных пережитках свидетельствует также и неперенное изготовление чучела бабы с подчеркнуто большими грудями. Оно делалось из двух березок, обряжалось в платье, украшалось лентами и в долгом шествии с песнями и танцами относилось к реке, раздевалось и топилось. Это языческое шествие с трясучкой и ловлей мужчин (!) во многом напоминает аналогичные ритуальные действия, устраиваемые во время античных дионисий и вакханалий.

В синтетическом образе греко-римского Диониса-Вакха — бога вина и веселья — отчетливо прослеживается и дендрическая (древесная) сущность этого общеиндоевропейского культа. Сохранились многочисленные и подробнейшие свидетельства о разнuzданных народных празднествах в его честь. Несмотря на более чем прохладное отношение со стороны официальных властей и жречества, дионисии и вакханалии были чрезвычайно популярны и живучи в среде широких масс. Традиции прадионисийской культуры с неперенными элементами карнавальности сформировались задолго до появления прапредков эллинов и италийцев в Средиземноморье и до последнего времени обнаруживались и в славяно-русских обычаях.

Дионис — один из самых поздних Олимпийских богов. К сонму небожителей он был приписан едва ли не самым последним. По версии позднейших мифографов, рождение Диониса — случай из ряда вон выходящий. Неистошимая на изощренную месть ревнивая Гера решила извести Семелу — очередную пассию любвеобильного Зевса — и надоумила доверчивую

фиванскую царевну попросить владыку Олимпа явиться перед ней во всем своем божественном величии. Зевс предстал перед возлюбленной, которая была уже на шестом месяце беременности, в клубке сверкающих молний и вмиг испепелил ее. Недоношенного ребенка владыка Олимпа успел выхватить из пламени и зашить к себе в бедро. Через три месяца родился здоровый сын — будущий бог Дионис.

Между тем к моменту складывания Олимпийской религии и ее временного торжества культ Диониса был уже чрезвычайно распространен в Малой Азии да и по всему Европейскому континенту. Правда, имя у бога было иное: «иноименный Пра-Дионис», как нарек его Вячеслав Иванов во всемирно известной монографии, посвященной данной проблеме.

Что же отличает индоевропейского Пра-Диониса от эллинистического Вакха? Дионис-Вакх — классическое божество, связанное с вином и виноградом как главным продуктом виноделия. Однако виноград произрастает исключительно в теплолюбивых странах. В северных же регионах в культ был введен его дендрический коррелят — плющ. Судя по всему, в символике прадионисийства и дионисийства плющ появился гораздо ранее виноградной лозы. Им обвит священный посох Диониса, увенчанный сосновой (или еловой) шишкой и именуемый тирсом (рис. 146).

Тирс в отдельности также являлся объектом поклонения и символизировал стилизованный возбужденный фаллос. В Древней Греции повсеместно распространено было примитивное изображение Диониса Дендрита в виде фаллоподобного деревянного столба — символа плодородия. В русском фольклоре память об этом обычае сохранилась в известной присказке-докуе: «Жил-был царь, — у царя был двор, — на дворе был кол, — на колу мочало... Не начать ли сказку сначала?» Старожилы глухих уголков северного края свидетельствуют, что у местных охотников, промысляющих вдали от посторонних глаз, и по сей день сохранился обычай ставить где-нибудь на лесной заминке деревянный столб — олицетворение тайных плодородных сил, способствующих удачной охоте. Дионис, как и Гермес, — итифаллическое божество («итифаллический» означает «относящийся к прямостоящему фаллосу»). Только Гермес выражал возбужденный фаллос в камне (гермы и менгиры), а Дионис — в древовидном посохе (тирс и обтесанный кол посреди двора). Можно предположить, что в архаическую эпоху

Рис. 146. Дионис с тирсом в руке (изображение на вазе)

древней истории каменная и деревянная атрибутика соответствовала различным родоплеменным и общинным тотемам.

Впоследствии каменная и деревянная специфика тотемических культов сошла на нет, в ряде случаев произошло слияние одних и тех же функций, в частности — Гермеса и Диониса. Так, на острове Делос сохранились остатки храмового комплекса в честь Диониса-Итифаллического. Изваяние — чисто символическое — в виде гигантского фаллоса, водруженного на отесанный постамент, на котором сохранился еще и рельеф в виде птицы с фаллоподобной головой⁶⁵. Скульптура сильно повреждена: все относящееся к фаллическому культу было безжалостно уничтожено как несовместимое с идеологиями новых религий — христианства и ислама — по мере их победоносного распространения в Средиземноморье, Западной, Восточной и Северной Европе, на Ближнем Востоке и во всем мире.

Характернейшая отличительная черта дионисийского культа — необузданные оргии с бесконтрольно-сексуальным финалом (на Руси это именовалось «свальный грех»). Кроме того, в античной Греции, Риме и подвластных им странах дионисии и вакханалии сопровождались неумеренным винопитием. Сверх того, особенно там, где виноград не произрастает, опьянение достигалось наркотическим путем. К наркотикам примешивался и плющ, который был возведен в ранг обожествленного растения. Он же выступал одним из основных эпитетов и даже синонимов Диониса: сказать Дионис и Плющ считалось одним и тем же.

Однако воздействие снадобья, приготовленного с примесью плюща, было во много раз сильнее и опаснее, чем вина. Человек попросту безумел, терял рассудок и контроль над своими поступками, превращался в кровожадного убийцу. Шествия и радения одурманенных наркотиком толп сопровождались дикими конвульсиями и бессвязными выкриками, преследованием и растерзанием всего живого.

Особенно неистовствовали женщины, прозванные менадами (буквальный перевод — «безумствующие»). Наркотическое снадобье они вводили прямо во влагалище и превращались в сексуально необузданных фурий. Полуобнаженные, едва прикрытые звериными шкурами, увитые плющом и обвешанные задушенными змеями, со спутанными волосами и искусственными фаллосами в руках, которые впоследствии трансформировались в ритуальные свечи, — менады с дикими воплями носились по лесам и горам, преследуя мужчин, и, насладившись с ними, разрывали их на части, пили кровь своих жертв, а также растерзанных живьем животных. Тем самым они как бы приобщались к телу и крови самого [Пра]Диониса, который, по наиболее распространенной версии, был растерзан титанами, а куски его тела оказались разбросанными по всей земле, и лишь Зевсу удалось оживить собранные части. Кстати, активное вмешательство титанов в земную жизнь Диониса — лишнее подтверждение глубокой древности и архаичности последнего.

Античные источники отмечают многоликость бога Диониса. По позднейшей эллинистической традиции он отождествлялся с многими другими богами⁶⁶. Но первоначально выступал мифологическим эквивалентом Солнцебога Аполлона. Как

уже говорилось, по представлениям древних, существовало минимум две ипостаси Солнца — дневная и ночная. Когда Солнце садилось за горизонт, считалось, что оно уходит под землю и превращается там в особое ночное светило. Дионис как раз и олицетворял такое ночное Солнце — в отличие от Аполлона, олицетворявшего дневное.

Зимой Солнце «прячется под землей» дольше, чем летом. Потому-то именно зимой (декабрь — январь) отмечались (малые) дионисии и вакханалии, от которых берут начало европейские новогодние карнавалы с их обязательным наряжанием деревьев. В ареале расселения славян прадионисийские и дионисийские новогодние празднества соединились с чествованием Коляды — Космического колеса Колы с уже описанными выше ряжеными и колядованием. По аналогии с дневным и ночным Солнцем Коло (Коляда) может быть расценено как зимнее Солнце, в таком случае Ярилу можно считать весенним Солнцем, а Купалу — летним.

Любопытно, что на Русском Севере зимние святки и связанное с ними колядование именуются *Виноградьем*, которое входит в припев колядок. И это там-то, где никакого винограда и в помине нет! Но, может быть, он раньше здесь произрастал? Когда климат был совсем иной? А нерасчлененная гиперборейская культура сформировала культ [Гра]Диониса!

Культ растительности, деревьев и «священных рош» сохранялся в России вплоть до XX века, повсеместно — на Севере, частично — в других областях, например, в Тверском крае. Этнографами задокументировано: «священные роши» и отдельные почитаемые деревья «не шевелили», то есть их запрещалось рубить. Другими словами, на них как память о древних тотемах распространялось «табу». Считалось, что нарушение запрета чревато многими несчастьями.

В конце XIX века близ Череповца Вологодской губернии был отмечен следующий случай. Крестьянин, который вопреки запрету начал пережигать уголь в священной роше, внезапно ослеп, что немедленно посчитали мезьей деревьев человеку⁶⁷.

Неискоренимое двоеверие русских людей выражалось также и в том, что, как правило, в «священных рошах» ставился крест, а то и часовня, где непременно развешивались полотенца с магическим орнаментом. Сюда же приносили дары: шерсть,

масло, лоскутки ткани. И здесь же резали кур — явный рудимент языческих верований и отголосок древних жертвоприношений. Впрочем, обычай этот сохранялся на протяжении всего христианского периода истории России. Еще в XIII веке анонимный автор жаловался, что «даже попове и книжницы» веруют в Перуна и Хорса, «подкладывают им требы [жертвы. — В.Д.] и куры им режут»⁶⁸.

Первобытно-языческая вера в природно-жизненную силу растительности как высшее Божественное начало по сей день сохранилась в традиционном марийском культе деревьев и празднествах, отмечаемых в священных рощах. Так, во время праздника поля по окончании посевной в дубовую рощу близ Йошкар-Олы верующие приносят жертвенные блины, творог, мед, крашенные яйца и т.п., устраивают коллективную трапезу и моления, обращенные к Солнцу. Сходные обычаи существуют и у других коренных народов России.

В древности же они были распространены повсеместно. Древние германцы верили, что в каждом дереве, кусте, цветке живет особый дух растительности — покровитель всего живого. Ритуалы и жертвоприношения, связанные с растительным миром, призваны были содействовать увеличению урожая, повышению производительности и плодоношения. М. Элиаде суммировал некоторые общие моменты, выработанные индоевропейскими и неиндоевропейскими народами на протяжении многих тысячелетий. Вера в дух деревьев выражалась в: 1) мифологической тенденции сравнивать Космос и человека с Мировым деревом, 2) традиции связывать судьбу человека с жизнью дерева, 3) населении деревьев добрыми и злыми духами, 4) обычае наказывать преступников возле дерева.

В процессе дальнейшей эволюции религиозных верований наблюдение за растительностью, «засыпающей» зимой и пробуждающейся весной привело к возникновению представлений об умирающем и воскресающем Боге. Непрерывность и повторяемость жизненного процесса, неотвратимость жизни и смерти и преодоление смерти через жизнь — все это обобщено и в символе-коде Древа жизни. Обретя его и впитав — сознательно или бессознательно — его содержание, человек сам как бы растворялся в данном символе, а вернее — самом вселенском течении жизни, которое отображено в образе Мирового дерева.

КОСМИЧЕСКАЯ КОРОВА (БЫК)

Культ коровы и сопряженный с ним культ быка характеризует ту стадию в развитии человеческих цивилизаций, когда она перешла к высокопродуктивному (мясо и молоко) животноводству, связанному в конечном счете с оседлым образом жизни. Культ быка, возможно, предшествует культу коровы и относится к переходному периоду от промысловой стадии охоты на дикого быка (тура и зубра — в Евразии, бизона — в Северной Америке) к одомашниванию (при этом приручен был только строго определенный вид — зубр и бизон так и остались дикими животными). Кроме того, Эпоха быка (коровы) непосредственно сопрягается с Эпохой колеса, так как одомашненный бык был основной тягловой силой в растянувшейся на века и тысячелетия миграции индоарийских, семито-хамитских и других народов. А впоследствии он стал (наряду с конем) одной из главных тягловых сил при пахоте (что относится уже к более поздней стадии развитого земледелия).

В эпоху первобытного переселения протозтносов колесо как средство передвижения соперничало с полозьями. В условиях северных и средних широт Евразии это соперничество сменилось устойчивым балансом: летом использовался воз (телега) с колесами, зимой — сани с полозьями. (В раннюю историческую эпоху сани использовались и зимой и летом, а приоритет саней перед колесными средствами передвижения зафиксирован в некоторых древних похоронных обрядах.) Что касается индоевропейской миграции, то своими успехами она обязана главным образом колесу. Мобильные орды индоариев, погруженные со всем скарбом на везы с впряженными быками, представляли несокрушимую силу для слабо защищенных аборигенов. Везы выстраивались в линию, быки опаивались возбуждающим напитком (предположительно из мухоморов), и эта лавина, сметая все на своем пути, устремлялась вперед. По крайней мере так арии завоевывали Индостан, сокрушив предшествующую оседлую цивилизацию.

Случалось в критические минуты, что к бычьим хвостам привязывали паклю, поджигали и выпускали обезумевших и разъяренных животных на врага. Эта древнеарийская тактика, основанная на использовании быков в наступлении и обороне (когда защитная линия по окружности составлялась из возов), практиковалась очень долгое время: ее использо-

вали табориты во время Гуситских войн, запорожские и другие казаки.

Культ быка и его атрибута в виде черепов, масок и изображений уходит в самую глубину веков. Глиняная модель храма, украшенная бычьими рогами, найдена при раскопках поселения Трипольской культуры на реке Рось (4-е тысячелетие до н.э.). В Туве на скалах Вижиктич-Хая близ поселка Кызыл-Мажалык обнаружены петроглифы Солнечных быков, все тело которых испещрено солярными знаками⁶⁹. Среди многих солярных петроглифов, обнаруженных в урочище Тамгалы близ Алма-Аты, есть изображение Солнцебога, стоящего на быке⁷⁰ (рис. 147). Аналогичная атрибутика известна и в других культурах (рис. 148).

И действительно, данные сравнительного языкознания доподлинно свидетельствуют, что по крайней мере в рамках ностратических языков культ быка и соответствующая лексика,

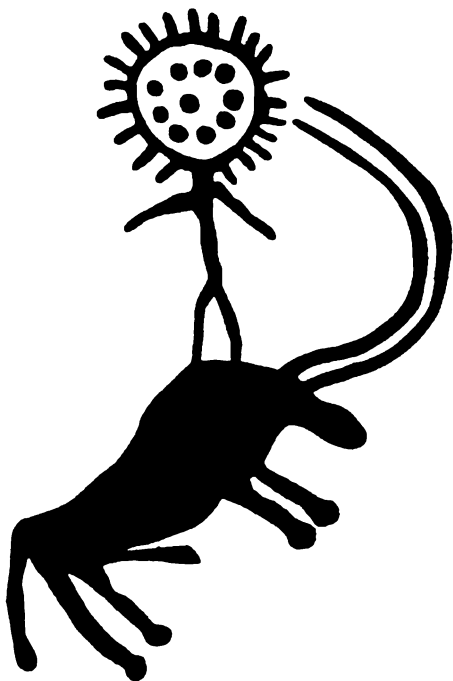

Рис. 147. Солнцеголовое божество на быке

свидетельствующая об его обожествлении, уходит своими корнями в эпоху этнолингвистического единства. Это хорошо просматривается на примере русского и других славянских языков, где сохранилась архаичная лексема для обозначения «быка» — «бугай». Здесь корневая основа «буг» синонимична слову и понятию «Бог» (на их тождественности, как уже говорилось, настаивал один из крупнейших русских филологов академик А.А. Шахматов). С другой стороны, точно такой же корень «буг ↔ бог», означающий «бык» встречается в некоторых тюркских языках — древних и современных (см. словарь Фасмера), что доказывает его былую общность с индоевропейскими языками. В отмеченном плане несомненный интерес представляют два топонима, имеющие тюркское происхождение. Речь идет о городах *Бугульме* (татарские корни) и *Бугуруслане* (башкирские корни). Корневая основа «буг» здесь означает «бык-производитель», но слово «буга» применяется также в качестве пожелания своему ребенку силы и могущества (см.: *Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 2001. С. 83*).

В названии города *Бугуруслан* вдумчивого исследователя не может не привлечь и вторая часть слова — «руслан», имеющее, несомненно, гораздо более широкое значение, чем известное русское имя, и указывающее на своеобразный симбиоз тюркских и индоевропейских (славянских) языков.

Обожествление быка и коровы, обращение их в культ неизбежно означало и надделение их космическими функциями. В древнем Двуречье, Средней Азии, Индии и Иране бык олицетворял Лунное божество. В древнегреческой мифологии Луна также символизировала быка или корову. В первую очередь

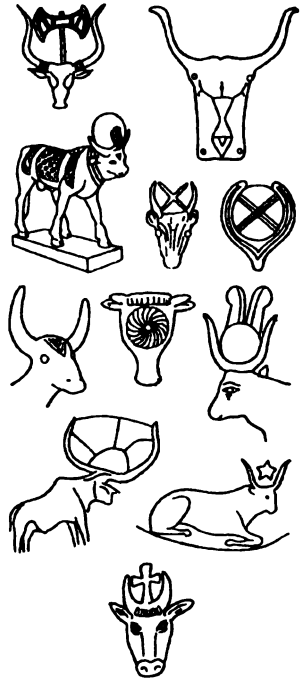

Рис. 148. Древние изображения священных быков

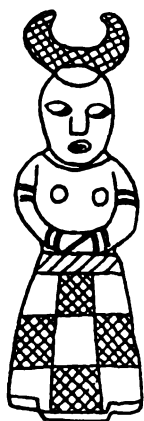

Рис. 149. Древнекитайская лунная богиня (источник: Исторические рисунки. Пекин, 1997. На китайском языке)

это объясняется тем, что лунный серп по своей естественной форме более всего напоминает коровьи (или бычьи) рога. Именно поэтому эллиническая богиня Луны — Селена представлялась передвигающейся по небу в колеснице, запряженной коровами. Известно также изображение Селены с коровьими рогами (храм в Элиде). Фактически такие же изображения известны и в древнекитайской культуре (рис. 149).

Этимологически русские слова «луна» и «месяц» восходят к праиндоевропейскому прошлому. Особый интерес представляет практически полное сходство этрусско-латинской номинации и символики со славянской традицией. Так, из древнеримской мифологии известна богиня Ночного света, которая именовалась точно так же, как и в русском языке, — Луна (по ее имени был назван также этрусский город в Лигурии). Впоследствии это архаичное божество было вытеснено культом Дианы (римский коррелят греческой Артемиды), и к ней перешли все лунные функции прежних богов. Однако одержав очередную идеологическую победу, новая религия оказалась не в состоянии, как это обычно и случается, вытравить из памяти народа древнюю космическую кодировку, сохранившуюся в языке и обычаях. Практически до падения Римской империи римская знать (и в частности сенаторы) носила на башмаках пряжки в виде полумесяца, которые так и назывались — *lunula*. Эти «лунулы» в точности соответствовали древнерусским амулетам-лунницам, просуществовавшим до первых веков христианства (рис. 150). Идентичные по внешнему виду и сходные этимологически, «лунулы» и «лунницы» различались лишь своим предназначением: первые служили пряжками, вторые — подвесками.

Но и это еще не все. Некоторые виды русских праздничных женских головных уборов — кокошников также имеют форму лунного серпа, обращенного «рогами» вниз. «Лунарные» кокошники и по сей день продолжают жить в торжественном убранстве женщин-костромичек и владимирок — хотя бы в

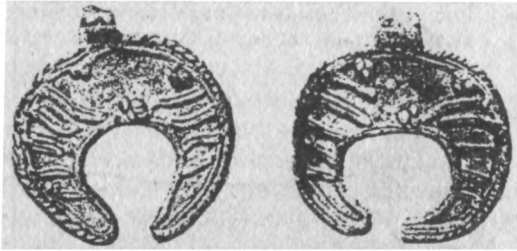

Рис. 150. Русские лунные амулеты

ритуально-свадебных или танцевальных обрядах. Корнями же своими они уходят в доиндоевропейскую древность.

Так, на юге современного Китая проживает самобытная народность *мяо*, говорящая на языке, ничего общего не имеющем с китайским. Среди 5-миллионных *мяо* особой известностью пользуются так называемые «рогатые мяо», сохранившие множество архаичных традиций, уходящих корнями в глубокую древность. Во время народных праздников женщины-мяо надевают роскошные головные уборы в виде месяца рогами вверх (наподобие только что приведенного изображения древнекитайской лунной богини). Женские головные уборы украшены также множеством вышитых спиралей, а на сельских площадях, где совершаются древние обряды и происходят ритуальные танцы, выкладываются фигуры в виде классических лабиринтов. Кстати, к собственно китайской (ханьской) традиции относится приготовление в Праздник середины осени, совпадающий с полнолунием, особых ритуальных пряников, кои так и называются — «лунники» (подробнее см. в моей книге «Русь сакральная»). Не это ли лишнее подтверждение былой общности мировых культур?

Неспроста ведь и силуэт уже другого — высокого кокошника один к одному повторяет контур островерхих индуистских головных уборов с той лишь разницей, что в Индии, Индокитае и Индонезии ими обрамляют голову не только женщин, но и мужчин.

В шумерийской интерпретации бык отождествлялся со всем небом. Аналогичную смысловую нагрузку несет египетский образ-символ Небесной коровы, олицетворявшей Вселенную (рис. 151). В древнеегипетской мифологии ее супруг — Небесный бык Апис оказывается на втором месте, но также активно участвует в

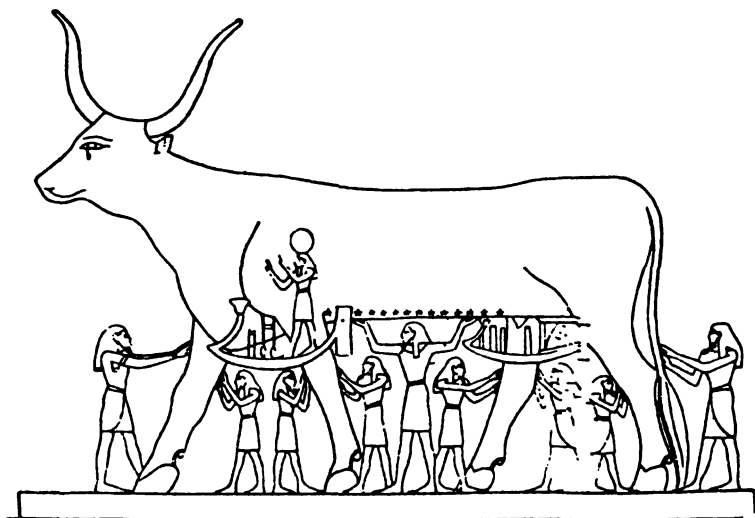

Рис. 151. Древнеегипетская корова, олицетворяющая Вселенную

мироустройстве. Апис оплодотворяет Небесную корову, и у них рождается Золотой теленок — Солнце. Поэтому Апис, поклонение которому было возведено в ранг государственной религии, чаще всего изображался с солнечным диском между рогов (рис. 152). Атрибутика Небесной коровы (рога) и ее сына Солнца (диск) впоследствии были перенесены в качестве неперенных символов и на одну из самых популярных и почитаемых богинь Древнего мира — Исиду, которая, как правило, изображалась с коровьими рогами и солнечным диском между ними.

Как уже подробно говорилось в 1-й части, мифологическим коррелятом Исиды является другая коровьеголая дева — Ио, скитавшаяся по всей Земле от Крайнего Севера до берегов Нила, где она и нашла свое последнее прибежище и стала родоначальницей всех египтян.

Небесно-космические корни обнаруживаются и в знаменитых скульптурных изображениях крылатых быков во дворцах ассирийского царя Саргона II в Дур-Шаррукине и персидского царя Ксеркса в Персеполе. В древнейших цивилизациях долины Инда культ быка был широко распространен до вторжения туда арийцев (известны изображения рогатого бога — так называемый Прото-Шива). Но с появлением индоарийцев

Рис. 152. Священный солнцебык Апис

в Индостане культ быка еще более усилился — с ним связаны образы многих богов ведийского пантеона.

Античная культура — крито-микенская, древнегреческая, древнеримская — неотделимы от мифов и обрядов, связанных с быком. В быка превращается Зевс. В качестве жертвы быка приносили Юпитеру. У древних славян существовал точно такой же обычай: согласно Прокопию Кессарийскому (VI в. н.э.), славяне жертвовали быков богу — «творцу молний». Впоследствии обряд заклания приурочивался ко дню Ильи-пророка, который, как известно, просто заменил вытесненного бога-громовержца Перуна.

Архетипы космических быка и коровы закодированы и в образах русского фольклора. Архаичные верования отложились и сохранились в известной русской сказке об Иване Быковиче — волшебном герое, обладавшем даром оборотничества и контактировавшем с традиционными персонажами русской мифологии (Чудо-юдо многоглавое, Баба-яга, безмянное чудовище, наподобие Вия, которому веки вилами поднимают). Космическая символика закодирована в некоторых солярно-астраль-

ных образах этой сказки. Во-первых, герой сказки, хотя и Быкович по отчеству, но родила его корова-мать от златоперого ерша, поев остатки от царского обеда. Золотая же рыбка — всего лишь трансформированный образ Солнца — но не того, что на небе, а того, что отражается в воде (море, реке, озере) и кажется золотой рыбкой в глубине (нашим предкам оптические законы физики известны не были). Во-вторых, Иван Быкович занят поиском Царицы Золотые Кудри и женится на ней. Царица эта звездно-небесного происхождения: под конец сказки она обращается звездой и прячется на небе среди своих сестер. При помощи друга-звездочета Иван Быкович возвращает ее назад: «Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась Царицею Золотые Кудри».

В ряде сказочных вариантов Иван Быкович именуется Иваном Коровым Сыном, что не только соответствует действительной сюжетной канве, но и отражает определенную стадию социально-экономического быта русского народа, когда корова-кормилица сравнивается по своему значению с тягловым быком, а при замене последнего конем вообще выдвигается на передний план. Как и во многих мифологических и архаических религиозных системах, корова у славян — символ плодородия, изобилия и благоденствия, а бык — символ могущества и богатства. Традиция возвеличивания образа коровы, восходящая и к древнеегипетской мифологии, и к ведийской, а затем и индуистской религии, где корова до сих пор священное животное, — эта традиция закрепилась и в русском народном миросозерцании и сохранилась вплоть до нынешних времен, оказав, в частности, воздействие на творчество новокрестьянских поэтов — С. Есенина и Н. Клюева.

Происхождение слова «корова» не имеет среди филологов общеприемлемого объяснения и признается всеми этимологами как исключительно трудное. Представляется, что ключ к его объяснению содержится в некоторых несомненных русских параллелях, имеющих к тому же явную космическую направленность. Есть два исконно русских слова, позволяющих расшифровать смысл, закодированный в слове «корова». Во-первых, это однокоренное ныне выходящее из употребления слово «корочун», означавшее в прошлом зимнее солнцестояние, после чего зима поворачивала к лету. Видимо, в этом смысле «корочун» означал смерть зимы, что

и дало второе значение самого слова — «внезапная смерть», сохранившееся по сей день — при утрате первоначального смысла. Итак, в связке однокоренных слов «корова — корочун» значение Солнца присутствует, хотя и в закодированном, но в прямом смысле.

В другом слове — «каравай» (ранее писалось и произносилось — «коровай») солярный смысл присутствует в снятом виде. Генетическая связь между словами «корова» и «коровай» сомнений не вызывает, более опосредована и скрыта связь между караваем и Солнцем, но и ее установить не так сложно. Каравай — первоначально неперменный элемент свадебного обряда (известны красные караваи, прямо олицетворявшие Солнце). В некоторых русских диалектах невеста называлась коровой, откуда коровой — невестин хлеб, ибо призван был магически обеспечить плодovitость невесты и благополучие семьи. При этом бык олицетворял жениха. Популярная детская игровая песенка (несомненно древнего происхождения) с припевом «каравай, каравай, кого хочешь выбирай» также предполагает перемещение по кругу.

Все вышесказанное наводит на единственно возможное предположение, что корневая основа «кор» в однокоренных словах «корова», «корочун» и «коровай» связана по смыслу и происхождению с корневой основой «хор», где «к» и «х» — трансформирующиеся согласные звуки. Это доказывают и варианты русского слова «хоровод» — «коровод» (В. Даль) и «корогод» (М. Фасмер), означающий круговой танец (ср. «корона» — кольцообразный головной венец, от латинского слова, означающего «венок»). Ну а как уже говорилось выше, в древнеславянских обрядах хороводы были связаны с культом Солнца; и один из Солнцегогов именовался Хорсом.

Допустимо также провести параллель между русским понятием «корова» во всех его мифологических и обрядовых смыслах, с одной стороны, и с другой — одним из имен греческой Персефоны — богини царства мертвых, дочери Зевса и Деметры, супругой Аида. Второе, не менее известное имя Персефоны — Кора, что дословно означает «девушка», «дева», «девственница». Здесь напрашивается прямая аналогия с нарицательным именем русской невесты — «корова» и первоначальным смыслом имени греческой Кору — «дева-девственница». Оба слова оказываются близкими по смыслу и этимологически родственными.

Рудименты древнего поклонения (космическому) быку сохранились в народе вплоть до XX века. Исследователи русского фольклора Б.М. и Ю.М. Соколовы сообщили в предисловии к своему сборнику «Сказки и песни Белозерского края» о бытующем среди новгородских крестьян языческих обычаях. В храмовый праздник 8 сентября и церкви села Пречистого крестьяне приводят «обещанный» скот. На паперти, в особо для этого устроенном месте, одного быка торжественно закалывают; мясо варят и тут же угощают им нищую братию. С поправками на время здесь несомненный отголосок того самого древнейшего обряда, о котором упоминается в известной присказке: «На Море-океане, на острове Буяне — стоит дуб зеленый, под ним бык печеный, в нем нож точеный...»

Корни же данного обряда уходят в доиндоевропейскую и индоевропейскую древность, когда бог-громовержец (Индра, Зевс, Юпитер, Перун) или отождествлялся в какой-либо своей ипостаси с быком, или же очень тесно привязывался к коровье-бычьим мифологическим сюжетам, а ритуал во многом сводился к принесению соответствующей жертвы.

Одним из первых и великих — по ведийским канонам — подвигов древнеиндийского громовержца Индры было возвращение коров, похищенных таинственным племенем паниев, обитавших на краю света (Крайнем Севере?) за рекою Раса. (Здесь «пан» и «рос» («рас») — общеиндоевропейские корневые основы, сохранившиеся по сей день в русском языке, в том числе и в наименовании «Россия».)

Критский Зевс и вся крито-минойская и микенская культура неотделимы от образа священного быка. Эта традиция, хотя и в сильно трансформированном виде, долго сохранялась и в русской культуре и верованиях, где дохристианский громовержец Перун был аккуратно замещен библейским громовержцем Илшей-пророком, чей образ, в свою очередь, восходит к древнесемитскому верховному богу Илу — властителю молнии и грома.

В честь бога-громовержца (неважно, как прозывался он у разных народов на протяжении тысячелетий) и приносились в жертву быки на Русском Севере еще в конце XIX века. Вот как описывает обряд жертвоприношения быка среди крестьян Олонецкого края один из замечательных русских этнографов и фольклористов *Елпидифор Васильевич Барсов* (1836—1917), особо подчеркивая, что весь ритуал, несмотря на участие в

нем православного священника, калькирует обряд в честь языческого громовержца Перуна, замененного Ильей-пророком.

Испокон веков бытовал среди олонецких крестьян обычай убивать в честь Ильи-пророка заветного быка. Более того, именно с этого момента велся отсчет всех времен года (что лишний раз свидетельствует о глубочайшей древности самого обряда). В урочный час приводили к церкви одного или нескольких «завиченных» (заветных) быков. Если жертвенных животных было несколько, то бросали жребий, кому из них быть первым. Хозяин избранного быка, получив благословение священника, отрезал у жертвы кончик правого уха и передавал его в часовню. Затем быка отводили на поварню, убивали, разрубали и варили большими кусками (от 4 до 8 фунтов), при этом мясо прикрепляли к краям котла ивовыми прутьями. Голову и бульон отдавали нищим, а правую заднюю ногу на причет церковный. По окончании вечерни или обедни священник с причетниками освящал жертву, и народ тотчас же бросался делить ильинскую жертву. Поделив ильинское мясо, все отправлялись на луг, где устраивалась общая трапеза. Кости сохранялись — они считались приносящими счастье и увеличивающими (утраивающими) богатство⁷¹. В описанном обряде причудливо переплелись и ужились языческие и православные обычаи.

Е.В. Барсов обнаружил и описал (правда, не столь подробно) также и следы почитания древнеславянского божества Велеса (Волоса). Волос (в конечном счете от слова «вол») — скотий (и в первую очередь — бычий и коровий) бог. После введения христианства был, по сходству имен, отождествлен со св. Власием, считавшимся покровителем скота, а в Олонецком крае так и именовавшимся богом коров.

Подобные жертвоприношения — и не одних только быков — в прошлом многократно описывались в русской литературе, локализовываясь в основном в северных областях. Совсем не случайно, что жертвенный обряд с быком перемеживался при этом с жертвоприношением оленя⁷². Это наверняка объясняется особенностями тотемных предпочтений на разных стадиях развития протославянских и индоевропейских этносов. Вполне естественно предположить, что культ дикого оленя предшествовал культу одомашненного быка (коровы). Логика же тотемной памяти иррациональна: в преемственном коллективном сознании сменявших друг друга поколений два древних тотемных

символа — олень и бык — слились в единый образ тура-оленья: еще совсем недавно в южнорусском фольклоре жива была песня про «дивное зверье тура-оленья»⁷³.

Любопытно также, что в древнерусском языке долгое время сохранялась архаичная вокализация слова «олень» — «елень», в котором явственно просматривается его происхождение от слова «ель», «елка» (получается: «елень» — это ельниковый зверь, то есть тот, что живет среди елей). Но еще более знаменательно, что в то же самое лексическое гнездо входит и слово «елин», что в древнерусском языке означало «эллин». Точно так же оно звучало и в древнегреческом языке и, вероятнее всего, в том же самом смысле — с учетом того, как об этом подробно говорилось в 1-й части, что прапредки эллинов пришли на Балканы с Крайнего Севера, постепенно мигрировав через лесные массивы Европы. Из этого же лексического гнезда вышли исконно русские слова «елань» («лесная прогалина» или «луговая равнина») и образованное от первого — «лань» («дикая коза»).

Память о тотемном праиндоевропейском и постиндоевропейском прошлом явственно просвечивается в былине «Два тура и турица». Удивительно также, что сохранилась она и была записана в конце прошлого века среди терских казаков. Содержание этой редкой былины на первый взгляд самое что ни на есть приземленное: подгулявшие накануне казаки вышли поутру опохмелиться за городскую стену и вдруг увидели двух золоторогих туров. Здесь в бытовую часть повествования вклинивается архаично-сказочная вставка, в которой рассказывается, как два тотемно-ритуальных быка (откуда их златорогость) плывут к гиперборейскому острову Буяну:

*Да бежали туры во сине море,
 Да спускались туры в море по брюхо,
 Забивали туры морду по уши,
 Достовали туры ключевой воды;
 А напившись туры в море поплыли.
 Переплывши туры Океан-море,
 Переплывали туры на Буян-остров,
 Там встречала их родная матушка,
 Молодая турица златорогая,
 Златорогая да одношерстная...*

Сюжет о двух турах и турицах золоторогих известен и в северных записях — и, в частности, во вступлении к одному из вариантов былины о богатыре Василии Игнатьевиче и Батыге. Но в записи А.Ф. Гильфердинга отсутствует наиболее древний и интересный мотив, связанный с островом Буяном.

Космическая же атрибутика быков-оленей («быков» — в данном случае «самцов») легко обнаруживается, к примеру, в двух славянских песнях — болгарской и русской, где привязка к устойчивым астральным символам оказывается практически идентичной. В болгарской песне:

*Сделал его бог оленем
с ясным Солнцем на челе,
с месяцем на груди,
с частыми звездами по телу.*

В русской вятской свадебной песне, сохранившейся в до-революционном архиве:

*Ой, был я у Дуная на березке...
пил олень воду, а сам выграл...
ой, на правом бедре млад светел месяц,
ой, на левом бедре красное солнышко,
ой, насупротив оленя заря утренняя,
ой, по оленю частые звезды⁷⁴.*

Древний в основе своей доиндоевропейский образ волшебной коровы и ее небесно-космических атрибутов пронизывает весь русский сказочный фольклор. В концентрированной форме он отразился в известной сказке о Крошечке-Хаврошечке — шедевре русского устного народного творчества. Чудесная корова — помощница преследуемой девушки — гибнет в результате злых козней, из ее костей (вариант — из кишок) вырастает волшебная яблоня с серебряными ветвями и золотыми листьями (в русской сказке лишь в этом отдаленный намек на космические цвета — солнечно-золотой и серебряно-лунный).

Совершенно недвусмысленные космические реминисценции обнаруживаются в таком же сюжете о волшебной корове (в вариантах — быка) в белорусской сказке, записанной в Витебской губернии Е.Р. Романовым. Сказка интересна редким в славянском фольклоре нюансом: отец после смерти жены

пытается жениться на собственной дочери. Но мать из могилы советует дочери выдвинуть условие: пусть отец сперва справит платье «как на небе звезды, как на небе месяц» (вот они космические реминисценции!). Второе условие тоже связано с Космосом: отец обязан был справить повозку и коней, как звезды и как месяц. По счастью, кровосмешительства не произошло — да такое с точки зрения позитивной народной морали, закреплявшейся в фольклоре, и не могло случиться (что вообще-то не исключало случаев инцеста). По третьему условию, выдвинутому сиротой по совету матери (из могилы), отец должен жениться на вдове с тремя дочерьми (в популярном варианте — Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка). Дальше сюжет разворачивается по знакомой схеме: мачеха с дочерьми пытается извести падчерицу, но той помогает волшебная Коровка Буренька. Когда мачеха с помощью дочерей выследила Корову, она велит ее зарезать. Но падчерица, по совету матери, находит зернышко в кишках зарезанной коровы, сажает, и из него вырастает яблоня — одно яблоко золотое, другое серебряное, которые никому не даются (золото и серебро здесь, как и полагается, олицетворяют Солнце и Луну). Да и падчерица между тем продолжает разезжать в платье, как звезды и месяц на небе, и в такой же повозке с конями. (Здесь, несомненно, смутное воспоминание о космических колесницах древнеарийских богов, сохраненное в народном сознании и фольклоре.) Увидел ее в таком виде царский сын и влюбился. Падчерица пытается скрыться, но царевич разливает на ее пути растопленную смолу, в которой увязает один башмачок. Его стали примерять девишкам по всему царству, при этом мачеха подсекла пальцы своим дочерям, а падчерицу спрятала под корыто. Царевич находит свою суженую и женится на ней. Казалось бы, все — но нет. Когда у молодой царицы родился ребенок, мачеха превратила падчерицу в лису и подменила собственной дочерью. В конце концов обман разоблачается: муж увидел, как лиса сбрасывает шкуру, чтобы покормить своего ребенка. Шкура сжигается, и наступает неотвратимое возмездие: мачеху и ее дочь — царицу-самозванку привязывают к конским хвостам и пускают в чисто поле⁷⁵.

Последовательный и тесно увязанный между собой ряд архетипов, запечатленных в русском фольклоре, естественно продолжает следующий космический символ — *Конь*.

КОСМИЧЕСКИЙ КОНЬ

Почти все космические функции коня удачно соединены в классической литературной сказке Петра Павловича Ершова «Конек-горбунок», бережно и скрупулезно использовавшего образы русского фольклора. Два небывалых коня золотогривых, их мать — волшебная кобылица, умчавшая Иванушку к поднебесью, и, наконец, чудесный Конек-горбунок, уносящий своего хозяина еще дальше — к небесным светилам.

Здесь сконцентрированы древние верования о космической предназначенности коня. В индоевропейской традиции бог Солнца неотделим от солнечных коней или солнечной колесницы, на которой он ежедневно объезжает небо с Востока на Запад. Гимны Ригvedы славят солнечного бога Сурью:

*Запряг (Сурья) семь чистых
Дочерей колесницы солнца.
На них, самозапрягающихся, ездит он (1, 50, 9).*

.....
*Благодатные рыжие кобылицы Сурьи,
Яркие, пестрые, вызывающие восторг,
Достойные поклонения, поднялись на спину неба.
В один день они объезжают небо и землю (1, 115, 3).*

В современном литературном переводе гимны Ригvedы, обращенные к Сурье, звучат так:

*...Семь кобылиц
по крутым небесам
влекут твою
колесницу.
Пламенноласый
ты тьму сжигаешь
радостно и легко,
И все, что дышит,
видит и слышит,
к свету —
к тебе стремится.
О славный Сурья,
о наш Солнцебог,
о Видящий далеко!..⁷⁶*

Конь в Ригведе представляется рожденным из океана с крыльями сокола или вытесанным богом из Солнца (1, 163, 1—2).

Древним индийцам вторили древние иранцы:

*Мы молимся Солнцу,
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры⁷⁷.*

Древнегреческий бог Солнца Гелиос перемещается по небу в колеснице, запряженной четверкой коней (рис. 153), что соответствует либо четырем странам света, либо четырем временам года. В одной же из польских сказок Солнце ездит в алмазной двухколесной повозке, запряженной двенадцатью золотогривыми конями (сивками), что соответствует двенадцати месяцам в году. В огненной колеснице по небу разъезжает и грозный славянский бог Перун — породитель молнии, дождя и грома. Впоследствии в народном представлении эти функции были целиком перенесены на Илью-пророка, также объезжающего небо на конской упряжке.

Небесный конь — неразлучный спутник и другого космогонического общеславянского бога — Световита. По свидетельству латинских средневековых авторов-очевидцев Гельмольда и Саксона Грамматика, у балтийских славян при арконском

Рис. 153. Солнцегод Гелиос на священной колеснице

храме содержался в большом почете белый конь, посвященный Световиту, а возле огромного скульптурного изображения этого бога висели седло и удила. Ездить на Световитовом коне было строжайше запрещено, дотрагиваться до него — тоже. Только жрец имел право выводить и кормить священного коня. Народ верил, что Световит садился ночью на своего небесного коня и, устремляясь в небо на врагов славян, истреблял их дотла⁷⁸.

Конь — устойчивый образ народного искусства. Многочисленные и разнообразные изображения солнечных коней встречаются в русском орнаменте, резьбе, утвари (рис. 154). Летящие и скачущие до небес кони — излюбленные образы русского фольклора.

В народной памяти древние представления о солнечном золотом коне сохранились также в виде мнения о солнечных зайчиках, как о кониках, что солнышко выпускают. Кстати, и о зайце — древнейшем тотеме праиндоевропейцев и всех народов земли. Заяц и кролик — древнейший магический (а во многих случаях демонический — откуда поверье: встреча с зайцем приносит несчастье⁷⁹) фольклорный персонаж народов Европы, Азии, Африки и обеих Америк. Космические реминисценции, связанные с зайцем, прослеживаются и в русском фольклоре.

Помимо солнечных зайчиков, доживших и до наших дней, заяц отождествлялся и с месяцем. В одной детской народной песенке он так и именуется — Заяц-Месяц:

*Заяц-Месяц
Сорвал травку,
Положил на лавку...*

С детства и навсегда врезаются в память завораживающие строки, дошедшие из незапамятных времен и звучащие как заклинания:

«Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет».

«Сивка-Бурка, Вешая Каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

«В правое ухо влезь, в левое вылезь — станешь таким красавцем, каких свет не видывал».

Рис. 154. Конек-охлупень на крыше русской избы и различные изображения коней на утвари

Космические реминисценции проступают и в сюжетах о конях, скачущих до неба, и в сюжетах о героях, рожденных от лошади. Так, в известной сказке об Иване — Кобыльниково сыне, записанной в Сибири в начале века¹²³, спутниками и помощниками героя выступают Иван — Солнцев сын и Иван — Месяцев сын.

В русском фольклоре и народном мирозерцании с единственностью коня и Солнца связаны другие известные образы и имена. Так, сказочный конь Сивка-Бурка (или в сказках других славянских народов — Солнечный конь, Конь-солнышко), вне всякого сомнения, олицетворяет дневное светило. Его имя также восходит к протоиндоевропейским верованиям (богиня Сива ↔ бог Шива).

В одной из самых емких по мифологической закодированности сказок из афанасьевского сборника (№ 104) о Василисе Прекрасной приоткрываются древнейшие представления русского народа о слитности смены дня и ночи с космическими всадниками: День ясный — «сам белый, одет в белом, конь под ним белый и сбруя на коне белая»; Солнце красное — всадник «сам красный, одет в красном и на красном коне»; Ночь темная — «опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне».

Мифологические солнцобразы не просто вошли в плоть и кровь народного мирозерцания — они стали неотъемлемой частью народного искусства и повседневного быта. Конские головы, укрепляемые на краю крыш, символизируют солнечную колесницу (в развернутых сюжетах вышивок, росписей и резьбы эти кони, как правило, изображаются вместе с Солнцем). В композиции русской избы кони, устремленные в небо, как бы уносят весь дом в космические дали. Солнце присутствует здесь же в разных украшениях — оно неотделимо от этого полета, более того — это как бы модель солнечной колесницы, запряженной деревянными наверху конями. Навершие крыши, называемое охлупень (от слова «охлуп» — «крыша», «кровля»), необязательно делалась в виде коня. На Русском Севере были также распространены охлупни-утицы. Утка, водружавшаяся при этом на конек, раскрывала еще более глубинные пласты народного мирозерцания: она символизировала ту самую Праматерь-утку, которая, по общему представлению многочисленных народов Евразии, сотворила землю и весь мир.

Современное русское «конь» — сокращенное от древнерусского «комонь». «Комони ржут за Сулою», — навсегда врезаются в память фраза из «Слова о полку Игореве». Общеиндоевропейская линия развития этого понятия содержится в санскритском *áṅva* — «конь». Корень этот сохранился в старорусских словах «орать» — «пахать», «орало» — «соха», «оратай» — «пахарь». Солнечный аспект обнаруживается в собирательном имени древнегреческих богинь — Оры, они отвечают за смену времен года и заботятся о божественных колесницах. По Велесовой книге, один из обожествленных прародителей древних руссов звался Ореем (Орем). (А.И. Асов так и переводит это имя: Арий). Корень здесь, хотя и сродни санскритскому *áṅva* («конь») и родственным ему древнерусским «оралу» и «оратаю», но непосредственно восходит, как, скажем, и имя древнегреческого героя Ореста, к общеарийскому понятию *arjá* — «благородный» (откуда и само понятие «арий», «ариец»). Наконец, вспомним, что один из санскритских синонимов названия Солнца — *arká*.

Эти понятия, как и образованные от него имена, несравненно более древнего происхождения, чем гнездо слов, связанных с понятием коня. Одомашнивание лошади современные историки относят к 7-му тысячелетию до н.э., а первые документированные (в том числе и археологические) факты существования культа коня у племен, населявших территорию нашей родины, относятся к концу 4-го тысячелетия до н.э. Времена же существования общего праязыка и последующей его дифференциации — значительно более ранние, не совпадающие с эпохой приручения лошади.

Архетипы космических животных, выступавшие опорными точками народного мировоззрения и неисчерпаемыми источниками духовных сил, пронизали в дальнейшем всю русскую литературу — поэзию и прозу. Собирательный образ, объединивший в себе одновременно коня, птицу и Русскую землю, — это «птица-тройка» из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Русь — устремленная в будущее, но не стремящаяся оторваться от своего прошлого «птица-тройка». Русь — Мать-родина соединяется в представлении русского человека с Матерью Сырой Землей. Это — следующий и последний архетип народного мирозерцания, уходящий своими корнями к самым истокам общечеловеческой культуры.

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ

Космос — это не только далекие звезды, ослепительное Солнце и таинственная Луна. Космос, точнее частичка его — это и сама Земля, физически и космологически неотделимая от всей Вселенной. Человек — сын Матери-Земли. Он неразрывно связан с ней тысячами невидимых нитей с момента рождения и до момента смерти. Но сын Земли — значит и сын Космоса, значит он сам — частичка этой Вселенной: Солнечной системы, Земли, Галактики. В философском плане такая проблема рассматривается в форме традиционного вопроса о единстве Макрокосма и Микрокосма. Однако интуитивно данный научный факт осознавался и на донаучном уровне. Мифологизированное мировоззрение сформировало образ Великой матери, которая в народном сознании сливается в конечном итоге с Матерью Сырой Землей (рис. 155).

Бессознательное поклонение Матери-Земле и беспрекословное ее приятие как Великого материнского первоначала

Рис. 155. Мать Сыра Земля (худ. Н. Антипова)

уходит корнями в доисторические времена, в ту пору, когда женщина была и прародительницей и вершительницей судеб рода. Данная эпоха, растянувшаяся на тысячелетия, нашла свое отражение в многочисленных изображениях женщин, олицетворявших великое материнское начало (рис. 156). Земля представлялась живым и жизнедарующим началом, поскольку она плодоносит так же, как плодоносят животные или растения. Отсюда распространенные во многих древних (и не только в древних) культурах сопоставления плодоносящего поля и деторождающей женщины. А земледельческий труд отождествлялся с актом зарождения жизни, где вспахивающее орудие труда — от заостренного кола и мотыги до сохи и плуга — постоянно сравнивался с мужским детородным органом — фаллосом, без которого немисливо никакое плодоношение земли. У народов, находящихся на низкой ступени развития, сохранилось немало древних обычаев, связанных с культом земли: возложение только что родившегося ребенка на землю, обязательное погребение детей, вынос больных и умирающих на голую землю с целью возможного исцеления и др. Многие из этих обычаев глубоко и всесторонне проанализированы в классическом труде немецкого исследователя древней мифологии *Альбрехта Дитериха* (1866—1908), который так и называется: «Мать-Земля» (1905 г.).

Одной из главных причин поклонения женщине как Великой богине явилось также и то, что именно с женщин-собирательниц плодов земли зачалось искусство земледелия, сохранение семян и выращивание растений. Все это вместе взятое и слилось в священное таинство, олицетворением коего явилась женщина-мать, роженица и рожаница — рожаящая детей и рождающая в эзотерическом союзе с землей урожай, обеспечивающая продолжение собственного рода и сохраняющая преемственность в жизни растительного (а затем и животного) царства. Она — сама царица в этом мире, она — богиня (Деметра, Кибела, Рожаница, Гея, Рея, Мать Сыра Земля).

Земля — мать всего сущего, считали эллинские мыслители: «все рождает земля и все берет она опять». Самые таинственные Элевсинские мистерии у афинян были связаны с культом Земли. Участники сакраментальных актов спускались в подземный храм Матери-Земли Деметры и тем самым превращались в ее детей, дабы подготовить в недрах подземной богини к ново-

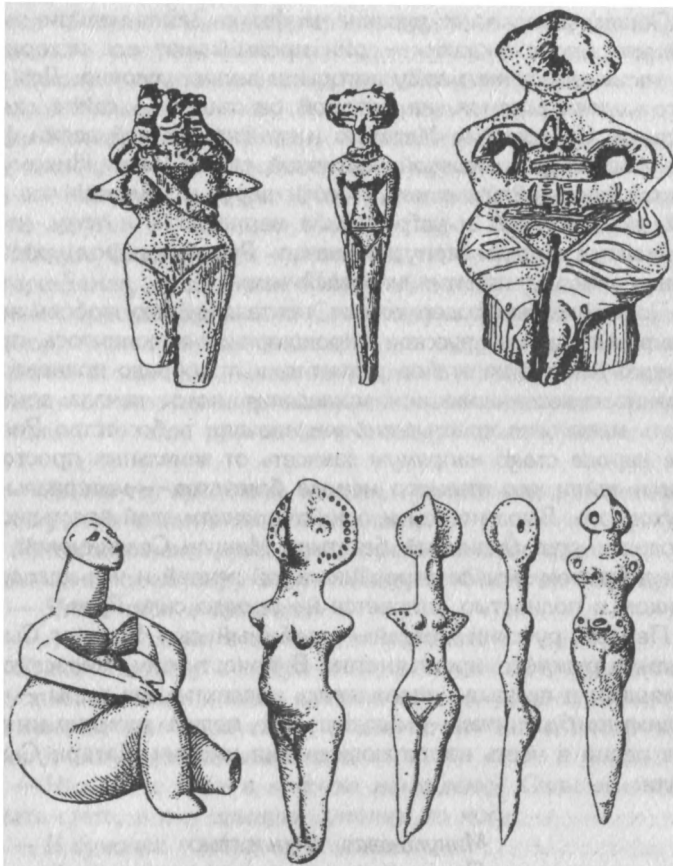

Рис. 156. Керамические изображения Великой матери

му рождению после смерти из лона божественной матери. Что именно происходило в подземельях храма Деметры, известно лишь в общих чертах⁸¹: каждый участник Элевсинских мистерий был связан обетом молчания, нарушение которого было хуже смерти — и потому никто не оставил никаких свидетельств. Элевсинские мистерии надолго аккумулировали и законсервировали в символическо-закодированной форме древнейшую память о мифическом прошлом эллинов, включая и гиперборейскую старину.

Общеславянские и русские мифы о Земле-матери очень древнего происхождения — они пронизывают все исторические эпохи, различие между которыми весьма условно. Для русского человека земля, на которой он живет, — самое святое на свете. Он зовет ее Матерью и привязан к ней всеми фибрами своей души, каждой частичкой своего тела. Никому не хочется расставаться с ней, а если вдруг и случится час разлуки, все помыслы и устремления направлены к тому, чтобы как можно скорей вернуться назад. Русский народ, родина, родная земля — понятия неразделимые.

Полнокровным содержанием, впитавшим всю любовь народа к родной земле, русское мировоззрение наполнилось, пройдя через множество этапов развития, и приобрело полновесное звучание с возникновением земледелия, когда начала доминировать идеология крестьянина-землепаша, а богатство России и ее народа стало напрямую зависеть от земельных просторов Руси и земли как главного мерил богатства — материального и духовного. Выразителем и олицетворением этой крестьянской идеологии стал былинный богатырь Микула Селянинович, чья сила в прямом смысле дарована самой землей и чья идеология целиком и полностью опирается на земную силу Руси.

Первый русский оратай — любимый сын Матери Сырой Земли и русского крестьянства. В почесть ему, милостивому кормильцу и поильцу, справлялись коллективные пиры — столованья на братчинах — микулищинах, пелись громкие микульские песни в честь наступающего дня именин Матери Сырой Земли:

*Микула-свет, с милостью
Приходи к нам, с радостью,
С великою благостью...
Мать Сыра Земля добра,
Уроди нам хлеба,
Лошадушкам овсеца,
Коровушкам травки!..*

В древней обрядовой песне этой закодированы сразу три космических символа русских крестьян — Корова, Лошадь (Конь) и Мать Сыра Земля, объединенные общим символом, к тому же выразителем Света, Микулой Селяниновичем. В литературе отмечено, что традиционный языческий праздник в честь

оратая Микулы Селяниновича впоследствии перевели на христианского святого, Николая Чудотворца. Оттого-то на Руси так Николу милостивого и почитают. Весенний праздник в честь Святого Николы (Микола) был специально приурочен к празднику Матери Сырой Земли, что любит «Миколу и его род». Вот почему на Руси сходятся два народных праздника: первый — «Микула с кормом» (Никола-великий) 9 мая по старому стилю; другой — «именины Матери Сырой Земли» 10 мая⁸².

Микула Селянинович — носитель тяги земной, то есть силы Матери-Земли. В сборнике П.Н. Рыбникова приведен прозаический пересказ былины о Святогоре и Микуле. Это удивительное и драгоценное свидетельство о древнейших космофических воззрениях наших предков. В этой былине Святогор пытается догнать на широком пути-дороге прохожего и никак не может. И тогда проговорил богатырь таковы слова:

— Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добром поле.

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и клал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор-богатырь:

— Что у тебя в сумочке?

— А вот подыми с земли, так увидишь.

Сошел Святогор с добра коня, захватил сумочку рукою, — не мог и пошевелить; стал здымать обеими руками, только дух под сумочку мог подпустить, а сам по колена в землю угряз. Говорит богатырь таковы слова:

— Что это у тебя в сумочке наложено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу.

— В сумочке у меня тяга земная.

— Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, звеличают как по изотчины?

— Я есть Микулушка Селянинович.

Микула — носитель тяги земной в прямом смысле: он несет силу Матери Сырой Земли в сумочке за плечами, легко обгоняя самого могучего старорусского богатыря Святогора. Тяга земная, заключенная в котомке, легко прикасается к своему источнику, питаясь необъятной силой Матери-Земли, чтобы затем вновь вернуться на плечи Микулы, и передается сполна крестьянскому богатырю. Но точно таким же в античной мифологии был великан Антей, сын Посейдона и Геи, который чер-

пал свою нечеловеческую силу, прикасаясь к Матери-Земле. Несомненен и общий индоевропейский источник происхождения двух казалось бы совершенно несходных образов. Функциональное сходство тем не менее практически абсолютное: оба героя черпают свою необъятную силу у одной и той же матери — Геи-Земли. Конец вот только у героев разный: Антея задушил Геракл, оторвав его от Земли и лишив тем самым силы, а равному по силе Микуле не нашлось ни среди людей, ни среди богатырей, ни среди богов.

Мать Сыра Земля всегда выступала ядром русской идеологии. Достаточно сопоставить два периода — очень далекий, связанный с предисторией Руси, и недавний, когда древние образы по-новому переосмыслились русскими мыслителями. Древний миф о Земле и Солнце сохранили для нас русские раскольники, скрывшиеся от преследования в заволжских лесах. Нижегородские легенды вдохновили А.Н. Островского на создание сказки о Снегурочке, погубленной Солнцем-Ярилой. Более древний миф о браке Земли и Солнца донес роман П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», где воспроизведен заветный текст древнерусских космогонических воззрений, передававшихся из поколения в поколение⁸³.

Вот сказание наших праотцов о том, как бог Ярила возлюбил Мать Сыру Землю и как она народила всех земнородных.

Лежала Мать Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения.

И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она, придется ли по мысли нам?»

И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали под спавшей землею. И где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло Солнце Красное.

И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света. Мать Сыра Земля от сна пробуждалась и в юной красе как невеста на брачном ложе раскинулась... Жарко пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее.

Несутся в солнечных лучах сладкие речи бога любви, вечно юного бога Ярилы: «Ох, ты гой еси, Мать Сыра Земля!

Полюби меня, бога светлого, за любовь за твою я украшу тебя синими морями, желтыми песками, зеленой муравой, цветами алыми, лазоревыми, народишь от меня милых детушек число несметное...»

Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными летами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озерами. Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр ее вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывали рыбы, в воздухе затолклись мелкие мушки да мошки... И все жило, все любило и все пело хвалебные песни: отцу-Яриле, Матери Сырой Земле.

И вновь из Красного Солнца любовные речи Ярилы несутся: «Ох, ты гой еси, Мать Сыра Земля! Разукрасил я тебя красотой, народила ты милых детушек число несметное, полюби меня пуше прежнего, народишь от меня детище любимое».

Любы были те речи Матери Сырой Земле, жадно пила она живоносные лучи и народила человека... И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярила по голове золотой возгой — ярой молнией. И от той молоньи ум в человеке зародился.

.....
Ликовала Мать Сыра Земля в счастье, в радости, чаяла, что Ярилиной любви ни конца, ни края нет... Но по малом времени красно солнышко стало низиться, светлые дни укоротились, дунули ветры холодные, замолкли птицы певчие, завывли звери дубравные, и вздрогнул от стужи царь и владыка всей твари дышашей и не дышашей.

Задумалась Мать Сыра Земля и с горя-печали оросила блекшее лицо свое слезами горькими — дождями дробными.

Безмолвен Ярило.

«Не себя мне жаль, — плачется Мать Сыра Земля, сжимаясь от холода, — скорбит сердце матери по милым детушкам».

Говорит Ярило: «Ты не плачь не тоскуй, Мать Сыра Земля, покидаю тебя не надолго. Не покинуть тебя на время — сгореть тебе до тла под моими поцелуями. Храня тебя и детей наших, убавлю я на время тепла и света, опадут на деревьях листья, завянут травы и злаки, оденешься ты снеговым покровом, будешь спать-почивать до моего приходу... Придет время, пошлю к тебе вестницу — Весну Красну, следом за Весною я сам приду».

Плачется Мать Сыра Земля: «Не жалеешь ты, Ярило, меня бедную, не жалеешь, светлый боже, детей своих! ...Пожалей хоть любимое детище, что на речи твои громовые отвечало тебе вещим словом, речью крылатою... И наг он и слаб — сгнать ему прежде всех, когда лишишь нас тепла и света...»

Брызнул Ярило на камни молоньей, облил колючим взором деревья дубравные.

И сказал Матери Сырой Земле: «Вот я разлил огонь по камням и деревьям. Я сам в том огне. Своим умом-разумом человек дойдет, как из дерева и камня свет и тепло брать. Тот огонь — дар моему любимому сыну. Всей живой твари будет на страх и ужас, ему одному на службу».

И отошел от Земли бог Ярило... Понеслись ветры буйные, застилали темными тучами око Ярилино — красное солнышко, понесли снега белые, ровно в саван окутал в них Мать Сыру Землю. Все застыло, все заснуло, не спал, не дремал один человек — у него был великий дар отца Ярилы, а с ним и свет и тепло...

Так мыслили старорусские люди о смене лета зимою и о начале огня.

Оттого наши праотцы и сожигали умерших: заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А после стали отдавать мертвецов их матери — опуская в лоно ее.

Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники те совершались в долгие летние дни, когда солнце, укорачивая ход, начинает расставаться с землею. В память дара, что даровал бог света, жгут купальские огни. «Что Купала, что Ярило — все едино, одного бога звания».

В народном мировоззрении образ Матери Сырой Земли сливался с образом Богородицы, что давало основание официальным представителям церкви постоянно говорить о двоеверии русского человека. Русские люди вполне резонно считали, что Богородица и есть Мать Сыра Земля (и наоборот). Об этом говорит, к примеру, в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (ч. 1, гл. 4) безымянная старица в рассказе про свою жизнь Марии Лебядкиной — тайной жены Николая Ставрогина. Оба образа действительно тождественны, точнее было бы даже говорить о двух ипостасях одного и того же образа Великой матери, ведущего свое происхождение из неза-

Рис. 157. Богоматерь-Оранта (Софийский собор в Кремле)

памятных времен общечеловеческой культуры. Богородица была всегда объектом поклонения русских людей, а еще раньше — их праславянских и общеарийских предков под тем же именем. Лишь впоследствии христианство приспособило к испокон веков существовавшим традициям новую идеологическую концепцию и евангельскую историю о Марии — матери Иисуса Христа.

Новая Богородица впитала в себя многие черты, которые всегда характеризовали Великую мать. Даже каноны иконографии остались прежними, нисколько не меняясь (рис. 157). Особенно это характерно для изображения Великой матери — Великой богини — Богородицы с распростертыми для благословения руками (рис. 158). Изображения, точнее их код, были одними и теми же и у древних египтян: богиня Исида (рис. 159), и на русских вышивках, воспроизводящих Великую богиню

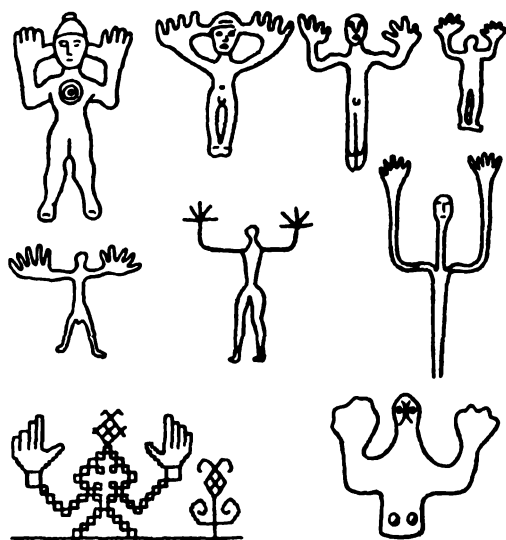

Рис. 158. Различные изображения Великой Богини с распростертыми руками

безотносительно к ее религиозной принадлежности, и на русских православных иконах (рис. 160).

Здесь кончается предыстория Матери Сырой Земли и начинается история ее жизни в русской литературе и философии. Нет, пожалуй, никакой другой языческой темы, которая бы так ни притягивала разных русских мыслителей и писателей, красной нитью проходя через все русское мировоззрение.

Образ Матери Сырой Земли в русской литературе и философии восходит к древнейшим дохристианским верованиям и устному народному творчеству. В известном духовном стихе «Как расплачется и расступится Мать Сыра Земля перед Господом...» Земля исповедывается перед Богом о тяжести своей доли — быть покровительницей грешного рода людского. В другом духовном стихе «Уж как каялся молодец сырой земле...», напротив, человек исповедывается Земле-Матери в совершенных грехах.

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть потрясающее своим гуманизмом место, когда Мать-Земля перед Куликовской бит-

Рис. 159. Богиня Исида с распростертыми руками

вой плачет о детях своих — русских и татарах, которым только еще предстоит погибнуть в кровавой сече. Один из сподвижников князя Дмитрия Донского — тоже Дмитрий Волынец — приник к земле правым ухом и услышал «землю рыдающую двояко: одна сторона точно женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень»⁸⁴.

В поэтизированном представлении русского человека Земля всегда выступала подлинной матерью и покровительницей всех людей: она не только забирает их после смерти, но и является источником всего живого. «Земля, земля, мати сырая! Всякому человеку земля отец и мать!» — говорится в одном из духовных стихов. А Голубиная книга расшифровывает:

Рис. 160. Богородица на русской иконе

*Телеса наши от сырой земли,
Кости крепкие от камня,
Кровь — руда от Черна моря
Наши помыслы от облак небесных.*

Земля-заступница дает человеку силу и могущество, стоит только к ней прикоснуться. Сказочные герои, ударяясь о землю, превращаются в богатырей, обретают силу великую. Земля одновременно и судья, искупительница грехов. Клятва землею — одна из самых древних, страшных и крепких. При этом землю целовали и даже ели. Первый русский мыслитель-экономист *Иван Тихонович Посошков* (1652—1726) в своей знаменитой «Книге о скудости и богатстве» приводит факты, когда крестьяне, поклявшись землей (с дерном на голове), не сдержавшие данного слова и уличенные во лжи, умирали прямо на меже.

В народе говорили: «Не лги — земля слышит»; «Грех землю бить — она наша мать». Или: «Питай — как земля питает, учи — как земля учит, люби — как земля любит». Отсюда же строжайший запрет до 25 марта вбивать в землю кольца — иначе она отомстит засухой. Народное благоговение перед землей вдохновенно выражено в двух тютчевских строках:

*Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, Мать-Земля!*

Софийно-соборное мировоззрение практически всех русских мыслителей было всегда сориентировано на глубинно-народное почитание Матери-земли, предстающей в творчестве конкретных философов и писателей в разных обликах. Традиции почитания Матери Сырой Земли восходят к эпическому и лирическому фольклору, отчасти к летописанию, но главное — к исконным верованиям, сохранившимся до наших дней. Чувство почитания Матери-Земли, сближение ее с Богородицей и Софией чуть ли не генетически заложено в русских людях и передается ими от поколения к поколению.

Н.В. Гоголь серьезно и глубоко интересовался народным мировоззрением, он отмечал: «Мать-Земля была искони священной у славян. В земле соединяются и смерть и плодородие. Она самая близкая проповедница человеку, и питательница, и его погребательница. Славяне воспитаны на земледелии, с

принятием веры христианской святые церкви на место языческих богов становятся покровителями земледельческих занятий...»⁸⁵.

Одним из первых русских космистов, кто облек традиционные воззрения в поэтическо-философскую форму, был Владимир Соловьев. Уже в его софийных стихах образ Софии-Премудрости проявляется в образе Земли-владычицы:

*Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.*

.....
*И в явном таинстве вновь вижу сочетание
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.*

В другом стихотворении Соловьев продолжает ту же тему:

*Владычица-земля! С бывалым умилением
И с нежностью любви склоняюсь над тобой.
Лес древний и река звучат мне юным пеньем...
Все вечное и в них осталось со мной.*

.....
*И призраки ушли, но вера неизменна...
А вот и солнце вдруг взглянуло из-за туч.
Владычица-земля! Твоя краса нетленна,
И светлый богатырь бессмертен и могуч.*

Не надо думать, что перед нами — всего лишь поэтический образ. Во-первых, в творчестве Соловьева поэзия неотделима от философии. Во-вторых, те же мысли проводятся и в сугубо теоретических работах. Так, в статье «О причинах упадка средневекового миросозерцания» философ пишет: «...Пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землею, спасти ее от омертвения, чтобы и себя спасти от смерти»⁸⁶.

Точно так же и Сергей Булгаков, разрабатывая софийную космогонию, в прямом смысле спускается с небес на землю, обращаясь к Матери-Земле. Начало начал (оно же — София) оказывается самым близким для каждого человека понятием,

объединяющим Мать и Землю и превращающимся в Великую Матеря-Землю. «Материя-матерь, меон есть необходимая основа бытия, возникновения и уничтожения. Если что-либо бывает, то необходимо ему из чего-либо возникать и куда-либо возвращаться, ибо безвоздушная область чистого небытия остается за пределами досягаемости. Необходимо материнское лоно, которое есть одновременно и ложесна, <...> и могила. Иначе говоря, это — Великая Матерь Земля, лик которой греки чтит под именем Деметры; это — та Земля, которую сотворил Господь «в начале», при создании мира (вместе с «небом»). Быв засемена творческим *да будет*, она изводит из своего лона все существующее и обратно приемлет в меональные недра свои все, что «есть земля», из нее родилось»⁸⁷.

В пронзительных исповедальных воспоминаниях Булгаков увязывает в одно целое софийность Матери-Земли и софийность Матери-родины. «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей...»⁸⁸.

Посвящая главный труд своей жизни «Столп и утверждение истины» — Всеблагоуханному и Пречистому Имени Девы и Матери, Павел Флоренский обращается также и к соответствующей символике Софии-Премудрости: ее венеч — это «обычный признак Земли-Матери в ее различных видоизменениях, выражающий, быть может, ее покровительство человечеству, как совокупному целому»⁸⁹.

Сходные идеи высказывались и другими русскими философами, в особенности Николаем Бердяевым, Львом Карсавиным и Василием Розановым (последний доводил образ Матери-Земли до образа Матери-Вселенной⁹⁰).

Земля — частица Вселенной. Через слияние с ней, а значит и со всем Космосом происходит духовное прозрение и физическое укрепление человека. В русской литературе носителем и выразителем данного мировоззрения стал Алеша Карамазов в одном из кульминационных эпизодов романа Ф.М. Достоевского, где отказу Алеши от иночества предшествует его прямое обращение к Космосу и Матери-Земле. «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих

сияющих звезд. С зенита до горизонта явился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. ...Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков... О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился иступления своего». Как будто нити ото всех этих бессмысленных миров божьих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным»⁹¹.

Между прочим, русская церковь считала грехом для «мужей и отроков» бросаться на землю ничком или «лежать на чреве»: в этом усматривалась имитация полового соития, а само действие приравнялось к оскорблению или обиде родителям. В древнерусском епитимейнике (перечнях грехов) говорится: «Аще отцу или матери лаял или бил или, на земле лежа ниц, как на жене играл, 15 дни (епитимья)»⁹².

Сходная по своему идейному звучанию сцена есть и в «Преступлении и наказании», где Мать-Земля становится судьей убийце Раскольникову. Измученный угрызениями совести, переходя Сенную площадь, он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!». Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможности этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем...»⁹³.

«Богородица великая мать сыра земля есть», — говорит Достоевский устами героини другого романа — «Бесы», что вполне соответствует действительной сути Богородицы, ее земным и одновременно вселенским корням.

Общность судьбы и происхождения у всех народов образа Матери-Земли и Богоматери неоднократно подчеркивал *Николай Клюев*:

*Но это было! Было! Было
Порукой — лик нездешней силы
Владимирская Божья Мать!
В ее очах Коринфа злать
Мемфис и пурпур Финикии
Сквозят берестою России...*

.....
*Со стен, где олова прослой
И сколы золота, как рои,
По ульям кварца залегли,
То груди Матери-земли.*

Эти строки из поэмы «Песнь о Великой Матери», недавно найденной в архивах бывшего КГБ, — апофеоз поэтического настроения русской души, не мыслящей самой возможности своего существования вне единения с родной землей, то есть родиной.

В «Песне о Великой Матери» образ реальной матери поэта соединен с родиной (Русской землей), и Софией на семи столпах, что смежила солнечные очи. Точно так же и в одном из писем из Сибири, написанном незадолго до расстрела, Клюев обращается к весеннему Солнцу и к Матери Сырой Земле⁹⁴. В этом обращении как бы содержится последний поклон и завет всем, кто остался жить на нашей земле.

«Материя» и «мать» — слова одного корня. Они взаимно связаны и взаимообусловлены не случайно-этимологически, а закономерно-генетически. Материя в нынешнем философском понимании соответствует древнейшему мировоззренческому понятию Мать Сыра Земля. В прошлом она означала не просто Землю-кормилицу и Матерь всего живого, но и начало всего сущего, включая и мир образов и понятий. В языческом миропонимании Земля становится Матерью потому, что соответственно является женой (любовницей) богов — причем именно многих и разных. Результатом этого (естественного для пра-славян) группового брака появляются на свет (рождаются), непрерывно сменяя друг друга: Весна, Лето, Осень, Зима. В по-

этическом сборнике «Славянские боги» (вышедшем в Ровно в 1936 г.) Александр Кондратьев писал:

*Земля прекрасная, любовница богов,
Для каждого из них меняешь ты наряды
Лишь пробудят тебя весной Дажбога взгляды,
Ты сбрасываешь свой белеющий покров
И ризой в зелени пестреющих цветов
Пленяешь божий взор. Веленьям властным Лады
Покорная, любви внушаешь все отрады
С небесным юношей. Но вот из облаков
Златобородый царь свой лик покажет смелый
И страсти молнией нежданно опалит,
И для Перуна ты приемлешь новый вид —
Убранства желтые, как нивы колос спелый.
А там зима идет, и стан твой вновь обвит
Для князя сумрака одеждой снежно-белой.*

Подытоживая тысячелетний путь формирования и развития русского мировоззрения, Сергей Булгаков напрямую указывает на сродство и генетическую преемственность между традиционным народным понятием Мать Сыра Земля и философской категорией материи. При этом скупые строки абстрактно-теоретического анализа непроизвольно переходят у о. Сергия в боговдохновенный поэтический гимн Земле священной:

«Великая мать, земля сырая! В тебе мы родились, тобою кормимся, тебя осязаем ногами своими, в тебя возвращаемся. Дети земли, любите мать свою, целуйте ее иступленно, обливайте ее слезами своими, орошайте потом, напойте кровью, насыщайте ее костями своими! Ибо ничто не погибнет в ней, все хранит она в себе, немая и память мира, всему дает жизнь и плод. Кто не любит землю, не чувствует ее материнства, тот — раб и изгой, жалкий бунтовщик против матери, исчадие небытия. Мать земля! Из тебя родилась та плоть, которая соделалась ложеснами для воплотившегося бога, из тебя взял Он пречистое Тело Свое! в тебе почил Он триневен во гробе! Мать земля! Из тебя произрастают хлебный злак и виноградная лоза, коих плод в святейшем таинстве становится Телом и Кровью Христовыми, и к тебе возвращается эта святая плоть! Ты молчаливо хранишь в себе всю полноту и всю лепоту твари»⁹⁵.

ЧАСТЬ 4

ЗДРАВСТВУЙ, ГИПЕРБОРЕЯ!

Теоретическое осмысление гиперборейской проблемы и сугубо кабинетные изыскания, которые велись на протяжении не одного года, закономерно привели меня к необходимости искать подтверждение имевшихся к тому времени гипотез и выводов *на практике*. В августе 1997 года была организована первая научно-поисковая экспедиция «Гиперборея», начавшая свою деятельность с Кольского полуострова. Отправная точка была избрана не случайно — хотелось пройти по следам экспедиции А.В. Барченко, побывать на священном Сейдозере, увидеть все собственными глазами.

Древняя Гиперборея, исчезнувшая с лица Земли, — это вся современная Арктика и большая часть евразийского и американского Заполярья. Кольский полуостров — всего лишь осколок гиперборейской периферии, игравший исключительно важную роль в качестве трамплина древнейших этнических миграций и моста, связывающего цивилизацию Гипербореи—Туле с другими великими цивилизациями Древнего мира. Мы полагали, что работа на Мурмане (так испокон веков именовалась эта древняя русская земля) не затянется надолго и продлится от силы два-три года. Но действительность оказалась совершенно иной, а жизнь, как всегда, внесла свои коррективы.

В 2005 году мы выехали на Кольский полуостров уже в восьмой раз (и думаю, мне, — не в последний). Конечно, параллельно были выезды и в другие регионы (например на Ямал, в Карелию, на Урал и в Западную Сибирь), но они не отвлекали нас от «генеральной линии». Одновременно гиперборейские изыскания развернулись на базе Русского географического общества, организовавшего несколько экспедиций в Хибины, на Соловки и другие острова Белого моря. Ими так же, как и нами, за истекшие годы были получены впечатляющие результаты.

Петербургская экспедиция Русского географического общества и научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» под руководством автора настоящей книги работают в тесном взаимодействии. В сентябре 2003 года они вошли в число учредителей Международной научной общественной организации «Северная традиция», организованной на базе Международного клуба ученых; сайт в Интернете: <http://www.shaping.ru/MKU/>

Кроме того, ежегодный обмен научной информацией происходит на конференции «Гиперборея — Арктида — Арьяварта: Истоки цивилизации?» и других мероприятиях, ежегодно проводимых в Санкт-Петербурге Международным клубом ученых. Эти форумы, на которые съезжаются исследователи проблемы со всей страны и из-за рубежа, стали заметными событиями в жизни тех, кто отдает все силы для установления исторической истины.

В марте 2004 года ежегодная петербургская конференция прошла под названием «Гиперборея, ты существуешь!». На первом заседании, состоявшемся 19 марта, группе ученых в составе В.Н. Демина, С.В. Жарниковой, С.В. Голубева, В.В. Токарева в торжественной обстановке и на основании сделанных докладов были вручены свидетельства, удостоверяющие, что этими исследователями было подтверждено существование и территориальное расположение древнейшей на Земле цивилизации — Гипербореи. Естественно, заслуга в том не только четверых названных человек, но также и многих десятков поисковиков, входивших в состав разных экспедиций и изыскательских групп. Тема очередной конференции, состоявшейся в 2005 году, — «Гиперборея: взгляд из XXI века». На ней были намечены направления дальнейших теоретических исследований и экспедиций.

Ниже дается сводка результатов научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» с 1997 по 2004 год (научный руководитель — В.Н. Демин; заместитель — Е.С. Лазарев).

1997 ГОД

...Дорога через перешеек тянется прямо к священному самскому Сейдозеру. Она, действительно, как бы мошенная: редкие булыжники и плиты аккуратно утоплены в таежный грунт.

Сколько же тысяч лет ходят по ней люди? Или, быть может, десятков тысяч лет? «Здравствуй, Гиперборея! — говорю я. — Здравствуй, Утро мировой цивилизации!» Слева, справа наливается мириадами рубинов брусничник. Ровно 75 лет назад здесь прошел отряд Барченко-Кондайна. Навстречу неизвестности. Теперь идем мы — экспедиция «Гиперборея-97», четыре человека.

Места заповедные. «Снежный человек? Да на него тут кто только не наталкивался, — говорит проводник Иван Михайлович Галкин. — В прошлом году совсем рядом детвору до смерти напугал: загнал в избушку да еще в окна и двери всю ночь толкался. Пока егеря поутру не подоспели. Но стрелять не стали — человек ведь...» Позже то же самое подтвердили и «профессионалы», по многу лет выслеживающие реликтового гоминоида. А бабушка-лопарка отреагировала совсем буднично: «Да отец мой одного такого много лет подкармливал». Среди нас тоже оказались «очевидцы». Еще в июне Женя Лазарев пытался в одиночку добраться до Сейдозера через заснеженные перевалы, но наткнулся на непроходимые — рыхлые и почти по грудь — нестаявшие снега. Да еще мороз нежданный нагрянул — градусов эдак под десять. Пришлось повернуть назад. На всем пути, однако, попадались отважному смельчаку следы, похожие на босую человеческую ступню, клочья рыжей шерсти, экскременты, лёжки и т.п.

Еще не доходя Сейдозера, видим на обочине хорошо обтесанный камень. На нем едва проступают загадочные письмены — трезубец и крест. Стоит безветренная солнечная погода: теплынь, как на юге. Через два дня все резко изменится, пойдет холодный проливной дождь, на горы опустятся низкие свинцовые тучи. Но пока вперед — туда, где нас ждет тайна!

Вот и Сейдозеро — спокойное, величавое и неповторимое в своей северной красоте. По гребням гор одиноко маячат сейды — священные саамские камни-менгиры. Хорошо разглядеть их удастся только в бинокль или подзорную трубу. На ум тотчас же почему-то приходит миф о Сизифе, который вкатывал на гору тяжеленный валун (правда, в античном мифе камень тотчас же скатывался вниз).

Если подняться повыше в горы и побродить по скалам и осыпям, обязательно встретишь пирамиду, искусно сложенную из камней. Повсюду их множество. Раньше они попадались и

внизу, по берегу озера, но были уничтожены (разобраны по камешку) где-то в 20—30-е годы, во времена борьбы с «переложками темного прошлого». Точно так же были уничтожены и другие лопарские святилища — сложенные из оленьих рогов.

Прежде чем что-либо предпринять, нужно задобрить духов — невидимых хозяев гор, лесов, озера. Так научили старожилы-саамы. Белые монеты бросаются Хозяину воды, желтые — Хозяину земли, и мысленно произносится соответствующее заклинание. Иначе — беда. (В 40-х годах здесь почти одновременно погибли две геологические экспедиции: одну завалило камнями в ущелье, другая утонула на лодке.) Несчастий и неприятностей — даже небольших — никому не хочется, потому свято соблюдаем все древние и не нами придуманные обычаи. И тем не менее коварство природных стихий вскоре не заставило себя ждать: окончание экспедиции ознаменовалось жесточайшим штормом на озере, и, возвращаясь назад, катер налетел на невидимый подводный камень, поломал винт, и пришлось грести на веслах (проводник, плававшая здесь 27 лет и зная каждую мель, ни с чем подобным никогда не сталкивался).

Наша первая цель (пока Солнце благоприятствует фотографированию) — гигантское человекоподобное изображение на отвесной скале на противоположной стороне вытянутого на 10 км озера. Черная, трагически застывшая фигура с крестообразно раскинутыми руками. Размеры можно определить лишь на глазок, сравнивая с высотой окрестных гор, обозначенной на карте: метров 70, а то и поболее. Добраться до самого изображения на почти абсолютно вертикальной скальной плоскости можно разве что со специальным оборудованием.

При лобовом солнечном освещении таинственная фигура заметна уже издалека. Менее чем с половины пути она отчетливо из разных точек предстает перед изумленным взором во всей своей загадочной непостижимости. Чем ближе к скале, тем грандиозней зрелище. Никто не знает и не понимает, как и когда появился в центре Русской Лапландии гигантский петроглиф. Да и можно ли его вообще считать петроглифом? По саамской легенде это — Куйва, предводитель коварных иноземцев, которые чуть было не истребили доверчивых и миролюбивых лопарей. Но саамский шаман-нойд призвал на помощь духов и остановил нашествие захватчиков, а самого Куйву обратил в тень на скале.

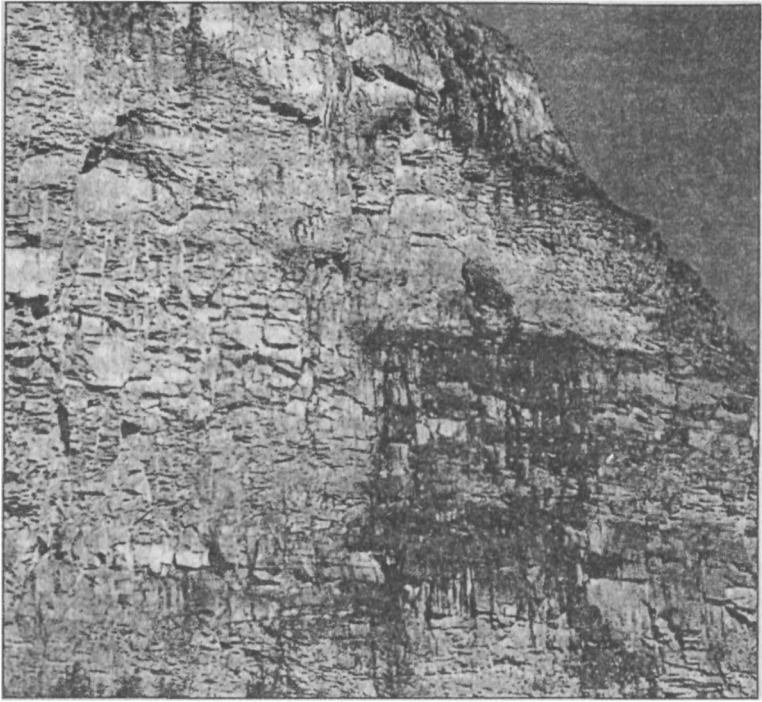

Рис. 161. Великан Куйва распротер свои руки над Сейлозером
(Фото Александра Гурвица)

Спутники ждут моего объяснения, но я медлю: оно может оказаться еще более неправдоподобным, чем саамское предание. Суть же возможного истолкования такова. «Вспомните, — говорю я, — похожая фигура, но только гораздо меньшей величины есть в музее атомной бомбардировки Хиросимы: тень человека на бетонной плите — все, что осталось после ядерного взрыва и сверхмощной огненной вспышки. Аналогичная картина и здесь, на скале Куйвы. Остается определить, что за существо таких гигантских размеров могло когда-то обитать на земле и каким оружием оно было уничтожено. Ответить на второй вопрос сегодня не представляет особого труда: превратить любую биомассу в бестелесную тень можно с помощью не только ядерной вспышки, но и с помощью лазерного ору-

зия, основанного на принципе ядерной накачки. А еще — при помощи пучка молний.

Последнее представить помогает гиперборейская история, события 10—20-тысячелетней давности. В мифологическом оформлении искомый сюжет известен как Титаномахия или Гигантомахия. В позднейшей античной традиции оба разных сюжета слились в один. (Борьба богов и Гигантов запечатлена, кстати, на всемирно известном Пергамском алтаре.) Бессмертная поэма Гесиода донесла до нас некоторые опозитизированные подробности древней битвы, события которой разрывались в Гиперборее:

*Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела,
И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный.
Почва кипела кругом. Океана кипели теченья
И многошумное море. Титанов подземных жестокий
Жар охватил, и дошло до эфира священное пламя
Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
Жаром ужасным объят был Хаос...*

Уточнение одно: таких Титаномахий и Гигантомахий могло быть много, в разных местах и в разное время. Впоследствии все они могли слиться в общий и нерасчлененный образ одной-единственной битвы (подобное, судя по всему, произошло и с индийской «Махабхаратой»). Сыны человеческие на протяжении долгого времени боролись с расой великанов, некогда населявших Землю. Победили люди. Перипетии былой конфронтации нашли отражение в мифах, сказках, былинах, легендах.

Итак, вполне возможно, что фигура над Сейдозером — испепеленный огнем молний гигант. Или титан. Титаны, согласно наиболее архаичным мифам, вообще обитали на Крайнем Севере. Здесь они и остались после Олимпийского переворота, продолжали жить на Островах Блаженных (один из географических коррелятов Гипербореи), где царил Золотой век. А то, что события другой великой битвы — Гигантомахии — также происходили в гиперборейских краях, недвус-

мысленно свидетельствуют античные источники. Перед решающим сражением боги-Олимпийцы попросили Солнце, Луну и Утреннюю Зарю три дня не показываться на небе. Подобное возможно, но только в приполярных областях. Что и требовалось доказать.

Правда, начальник краевого оперативного штаба нашей экспедиции Николай Борисович Богданов склонен поддержать несколько иную (но тоже гиперборейскую) версию происхождения Куйвы, настаивая на «летательной интерпретации»: гиперборей — первопокорители воздушного пространства, они владели невыясненной пока техникой полета, да и плоские вершины Ловозерских тундр (тундры по-саамски — горы) вокруг Сейдозера напоминают посадочные площадки с ориентирами-сейдами. Великан же Куйва — сбитый огнеметательной пушкой гиперборейский самолет, плашмя врезавшийся в скалу и навеки оставшийся на ней в виде «молниевых следов». Описания древних летательных аппаратов, наподобие следов на скале Куйвы, сохранились в «Калевале» (см. Пролог).

Описанный разговор состоялся поздно вечером по возвращении на базу. А на другой день (это случилось 9 августа 1997 г.) русский офицер Игорь Боев, поднявшись на гору Нинчурт («Женские Груды») к языкам нарастающих снегов, на полпути к вершине *нашел руины Гиперборей!* Целый культурный очаг, выветренный, полузасыпанный скальным грунтом и тысячекратно проутюженный наледями и стоками лавин. Циклопические руины. Останки оборонительных сооружений. Гигантские отёсанные плиты правильной геометрической формы. Ступени, ведущие в никуда (на самом деле мы пока просто не знаем, куда они вели двадцать тысячелетий тому назад). Стены с пропилами явно техногенного происхождения. Просверленные неведомым суперсверлом глыбы. Ритуальный колодец. «Страница» каменного манускрипта со знаком трезубца и цветком, напоминающим лотос (точно такой же знак был на чашеподобном талисмানে экспедиции Барченко — Кондиайна, но, к сожалению, в запасниках Мурманского краеведческого музея следы той реликвии не отыскались).

И наконец, пожалуй, самая впечатляющая находка. Остатки древнейшей обсерватории (и это в безлюдных горах за Полярным кругом!) с 15-метровым желобом, уводящим вверх, к небу, к звездам, с двумя визирами — внизу и вверху. По виду и возможным функциям он похож на большой, утопленный в

землю секстант знаменитой обсерватории Улугбека под Самаркандом. Однако, глядя на обнаруженные развалины, вспоминается прежде всего описанный Диодором Сицилийским храм Аполлона в Гиперборее, имевший не только культовое, но и астрономическое предназначение. Оттуда, по словам античного историка, «Луна видна так, будто бы она близка к Земле, и глаз различает на ней такие же возвышенности, как на Земле». (Здесь явный намек на какой-то неизвестный Диодору прибор, «приближающий» Луну к наблюдателю.)

Не исключено, что найденные руины несут на себе и следы вселенского катаклизма, память о котором сохранилась в преданиях многих народов. В том числе и саамов — древнейших аборигенов Севера, хранителей осколков знаний о седой старине. Согласно лопарской космогонической легенде, «когда злорадная людская усилилась», центр земли «дрогнул от ужаса, так что верхние слои земли провалились, и многие люди упали в эти пещеры, чтобы там погибнуть». И Юмбел, верховный небесный бог, спустился на землю... Его ужасный гнев вспыхнул, как красные, синие и зеленые огненные змеи, и люди прятали свои лица, и дети кричали от страха... Разгневанный бог говорил: «Я переверну этот мир. Я заставлю реки течь вспять; я заставлю море собраться в огромную, как башня, стену, которую обрушу на ваших злобных земных детей и таким образом уничтожу их и всю жизнь».

*Юмбел вызвал дующий штормовой ветер
и разъяренных воздушных духов...
Вспененная, быстрая, подымавшаяся до неба
пришла морская стена, сокрушая все.
Юмбел одним сильным ударом
заставил перевернуться землю;
потом он снова выровнял мир.
Теперь горы и возвышенности
не могут быть увидены Лейве-Солнцем.
Наполнена стонами умирающих людей
была прекрасная земля, дом человечества.
Не светил больше Пейве в небесах.*

В лапландском эпосе мир был разрушен ураганом и морем, и почти все люди погибли. После того как морская стена обрушилась на континент, продолжали катиться гигантские

волны, и мертвые тела стремительно неслись по поверхности темных вод...

В целом найденные нами и обследованные руины напомнили всем заброшенные высоко в южноамериканских Андах каменные индейские города доинкской цивилизации. Но это так — для сравнения, так как памятники доколумбовой эпохи в Новом Свете известны очень и очень многим, а найденные экспедицией «Гиперборея-97» руины гораздо более древней культуры пока не известны никому.

Почему же так случилось? Ведь хотя Сейдозеро и относительно труднодоступно, ежегодно здесь бывают сотни людей, а по вершинам и гребням Ловозерских тундр пролегают туристские маршруты. Однако культурогенный уровень оказался вне досягаемости геологов, охотников и туристов. Он находится в «нетипичном» месте, как бы в стороне от традиционных троп, в полукилometре от уровня озера и метрах в 100—200 от наиболее удобных путей прохождения. Кругом крутизна, осыпи. Короче, вблизи проходили многие, а сюда практически никто не заглядывал. Нам же помогли точный адресный расчет, природное чутье и удача.

Я знал, что найду Гиперборею, и мы ее нашли! Все — точка! Начинается новый отсчет времени. Остается внести необходимые коррективы в писаную историю (а если уж быть совсем точным — заново переписать ее). История России отодвигается на тысячелетия в глубь времен. В принципе можно было бы и возвращаться назад. Но мы еще не реализовали всех замыслов. Очень бы хотелось отыскать таинственный и священный для лопарей проход (лаз) под землю, у которого побывала и даже сфотографировалась когда-то экспедиция Барченко — Кондияйна. Недобрая слава идет об этом в общем-то опасном месте. Приближаясь к нему, люди (в особенности если пренебрегли положенным магическим ритуалом) испытывают чувство повышенной тревоги и страха. Один старожил рассказал: когда он приблизился к загадочному лазу, ощущение было таким, как будто с него живьем сдирают кожу.

Точных координат у нас нет — только общее направление: где-то за Щучьим озером, рыбного нерестилища, соединенного протокой с Сейдозером. И вот, перейдя под проливным дождем топкое болото, упираемся в крутой скалистый склон горы. На вершине нестаявший и в августе снег. Внизу — непролазные завалы из деревьев: сходы лавин ровными просе-

ками прорезывают ловозерскую тайгу, как бритва, оставляя за собой нагромождения поломанных, точно спички, могучих стволов. Идти трудно — что вверх, что вниз, что вдоль по склону. Хорошо, что попалась лосиная тропа. Но она вывела всего лишь к укромной лежке зверя — красавца здешних мест. Спасаясь от комарья, лоси забираются повыше в горы.

Вокруг уникальный ландшафт. Под нами ураноносные и редкоземельные руды. Неудивительно, что именно здесь Барченко начал искать ответ на вопрос, владели ли древние секретом расщепления атомного ядра, что, в свою очередь, вызвало повышенный интерес со стороны органов госбезопасности и личную поддержку Дзержинского. По утверждениям геологов, район Сейдозера представляет собой геотермальную аномалию. Потому-то и микроклимат здесь заметно отличается от других мест Кольского полуострова. Нам довелось встретить даже лозу дикого винограда (о чем не подозревают даже ботаники) — лишнее подтверждение, что в гиперборейские времена климат здесь был совершенно иной, пригодный для возделывания винограда. Однако никаких признаков загадочного лаза. Так мы его и не отыскали. А на завтра были уже совсем другие планы.

Хотелось внести ясность и в вопрос по поводу болотной пирамиды, вокруг которой в 20-е годы развернулась публичная полемика между Барченко и академиком Ферсманом. Последний отрицал искусственное происхождение чего бы то ни было в окрестностях Сейдозера. Я специально выкроил время, чтобы побывать у спорного пирамидального камня и даже, дабы легче было сравнивать, сфотографировался на нем. Высота — чуть ниже человеческого роста. Покрыт такой плотной коростой мха и лишайников вперемешку с наносным грунтом, что наверху сумела вырасти и закрепиться карликовая березка. Поблизости еще одна плита — правильной геометрической формы, как в горах, где были найдены гиперборейские руины. На плите пирамидальный камень. В Лапландии камень на камне — это почти всегда сейд.

Болото, на котором находятся два пирамидальных знака, пользуется дурной славой. Лопари боятся туда ходить и пугают приезжих. Запреты соблюдаются слабо. Мое первое впечатление совпадает с выводом Ферсмана: пресловутая болотная пирамида естественного происхождения. Но потом все-таки засверлила крамольная мысль: за десятки тысяч лет любой ис-

кусственно обработанный камень мог подвергнуться такой деформации и выветриванию, что все следы человеческих рук стерлись начисто.

Итак, Гиперборея (точнее — один из ее центров) найдена! Я ни на минуту не сомневался, что так оно и будет! Но вряд ли бы это произошло, если бы нас не взяло под свое покровительство само Провидение. Интуиция и трезвый научный расчет подсказали мне, где и что нужно искать. Вопреки другим предложениям настоял, куда именно нужно ехать, где остановиться и что делать дальше. И не ошибся. Сразу же попал в самую «десятку». Судьбе было угодно дать мне спутников, которые помогли успешно довести до конца задуманное в тиши кабинета дело. Да, видно, так было угодно Богу и благосклонному Хозяину Земли, что не одно тысячелетие ревностно хранил тайны Гипербореи.

1998 ГОД

Как и предыдущая, комплексная научно-поисковая экспедиция «Гиперборея-98» состоялась на добровольной основе и условиях полного самообеспечения. В ней приняло участие несколько десятков человек всех возрастов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Мурманска, Североморска, Мончегорска, Оленегорска, Апатитов, Ловозера, Электростали Московской области и ряда других мест. Специалисты различного профиля обследовали обширную территорию горного массива Ловозерских тундр и расположенных тут же трех заповедных озер — Луявра, Сейдявра и Умбьявра. Цель одна: развить успехи прошлогодней экспедиции, найти новые памятники, свидетельствующие о существовании здесь в далеком прошлом древнейшей северной цивилизации, названной античными авторами «гиперборейской» (дословно — «находящейся за Бореем — Северным ветром»). Поставленные задачи были с лихвой выполнены. Обнаружены материальные следы, подтверждающие глубокую древность процветавшей здесь некогда самобытной культуры, вполне вписывающейся в общую линию развития общемирового исторического процесса. Независимые эксперты подтвердили глубокую древность найденных памятников. Ниже публикуются два этюда, написанные по горячим следам проведенных исследований.

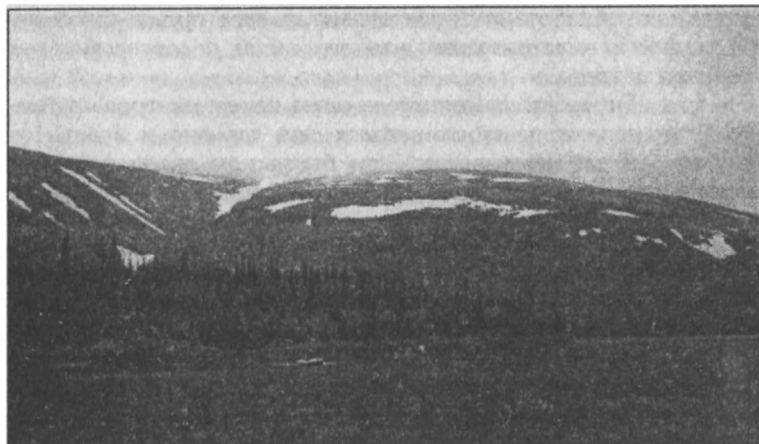

Рис. 162. Гора Нинчурт (Фото Валерия Демина)

ПОД СЕНЬЮ АНДРЕЕВСКИХ КРЕСТОВ

Точно спящая голова перед Русланом, на таежной поляне возникает замшелый холм. Сквозь звездчатые узоры мха и лишайника смутно проступают притертые друг к другу, как брусчатка на мостовой, темные булыжники.

Достаточно прилечь на теплый растительный ковер — усталость снимет как рукой. Под утрамбованными мхами и лишайниками постепенно превращающимися в торф — *сейд* знаменитая лапландская святыня, которой аборигены Севера — лопари-саамы — поклоняются испокон веков, считая духов камня главными Божествами природных стихий, дарящими удачу и благосостояние (или же напротив — наказывающими тех, кто нарушает гармонию природы). Дух, заключенный в камне, способен не только принести пользу или вред, но и перенести сейд — свое обиталище — с места на место или спрятать его от любопытных глаз.

Вековая короста на обнаруженном нами в лесной глуши сейде столь толста и плотна, что трое человек, наваливаясь всей тяжестью тела и усиленно помогая ногами, с трудом ее отдирают. Постепенно обнажается кладка. И вот она предстает во всей своей первозданной красоте — усеченная северная пирамида, сложенная из здоровенных валунов. На влажных

камнях едва проступают процарапанные знаки: трезубец, стрела и ожидаемый *косой крест*.

Кресты здесь повсюду. Они и высечены на камнях рукой человека или рукотворно выложены на вершинах гор, но также и проступают, как бы просвечиваясь изнутри, на некоторых валунах — результат игры природы, которая пишет свои письмена-трещины по законам геохимии и кристаллографии.

Даже просеки в поросших лесом горах подчас образуют косые пересечения.

Говорят, это — следы схода лавин, но как-то не верится, что снежная масса может прочерчивать столь длинные (сотни метров!) и идеально прямые линии да еще и под косым углом. Скорее, речь идет об очередной аномалии, которыми просто перенасыщен сей заповедный и благословенный край.

Как и в прошлом году, экспедиция разбила свой лагерь на берегу священного саамского Сейдозера. Мы ищем остатки гиперборейской цивилизации, история которой уходит в глубь тысячелетий. Но почему же тогда повсюду натыкаешься на Андреевский крест — типичный христианский символ? Он и на флаге экспедиции с эмблемой: на пересечении голубых полос — карта Гипербореи, начертанная когда-то Герхардом Меркатором. Объясняется все просто: христианский *косой крест*, на котором, по преданию, был распят апостол Андрей Первозванный — провозвестник христианского учения на Руси, — воспреемник архаичной символики и орнаментики, где кресты разных конфигураций были чрезвычайно распространены и несли важную смысловую нагрузку. (Об архаике креста см.: Ошар П. Символ креста // Атеист. 1927. №16. Есть отдельный оттиск, изданный в виде брошюры «История креста».)

Косой крест, как, впрочем, и простой, некогда олицетворял хорошо всем знакомую *пирамиду* в ее проекции сверху. А пирамида, в свою очередь, — это священный символ индоевропейской Мировой горы Меру, расположенной на Северном полюсе. Так ее изобразил и Меркатор на знаменитой карте Гипербореи.

Между прочим, по сведениям, просочившимся из ранее закрытых источников, неподалеку от Северного полюса на дне Ледовитого океана действительно расположена высокая гора, вершина которой чуть-чуть не доходит до панциря льдов. Данный факт — лишнее доказательство гибели легендарной Гипербореи-Арктиды, опустившейся на дно океана в результате гло-

бального катаклизма и последовавшего вслед за ним всеокрушающего потопа и резкого похолодания. (Причиной всемирной катастрофы могло послужить, как считал еще Ломоносов, изменение угла наклона земной оси, но такое объяснение не единственно возможное.)

Культура пирамид и ее символика возникла и укоренилась еще тогда, когда прапредки всех современных индоевропейских и других народов земли обитали на Севере, объединенные в единый пранарод с общим праязыком, мировоззрением и верованиями. Согласно полярной концепции происхождения человеческой цивилизации, она, зародясь на Севере, длительное время существовала в границах исчезнувшего ныне Арктического материка (Арктиды), именовавшегося у античных авторов Гипербореей (или Туле). После резкого изменения климатических условий прапредки современных этносов вынуждены были мигрировать с Севера на Юг. Данный процесс растянулся на века и описан в священных книгах ариев — Ригведе и Авесте (а также мифологических текстах — устных и письменных — других народов — шумерийцев, египтян, ассирио-вавилонцев, евреев, эллинов, славян, китайцев, индейцев обеих Америк и др.). Содержащиеся здесь факты и свидетельства позволяют выявить и реконструировать исходные точки отсчета мировой истории и предыстории.

Классическим исследованием подобного рода является книга выдающегося индийского ученого и общественного деятеля Б. Тилака «Арктическая родина в Ведах», где путем скрупулезного текстологического анализа доказано: в священных книгах древних индийцев и их прапредков описаны не южные, а северные реалии — полярное звездное небо, полярные день и ночь, полярные зори и сияния. (Впервые на русском языке наиболее существенные фрагменты книги Тилака в переводе Н.Р. Гусевой были опубликованы в тематическом номере журнала «Наука и бизнес на Мурмане» (1998, № 3), посвященном Гиперборее. По расчетам специалистов, растянутые утренние и вечерние зори, как они описываются в гимнах Ригведы, вполне соответствуют тому, что наблюдается сегодня на широте Мурманска и Русской Лапландии.

Индоарии на Мурмане — не правда ли, звучит экстравагантно? Их длительное пребывание на Крайнем Севере запечатлено навечно и в многочисленных топонимах и гидронимах, то есть в названиях мест, гор, озер и рек. Именно на совре-

менном Русском Севере во множестве встречаются древние названия с корнями «инд» и «ганг» — прямые свидетельства пребывания здесь индоевропейцев. Когда народы уходят (переселяются или вообще исчезают), прежние названия остаются (а в местах нового обитания они переносятся и на новые географические объекты). Дабы убедиться в этом, достаточно взглянуть на современную карту Кольского полуострова или открыть Географический словарь Мурманской области. *Индварь* (возвышенность), *Индель* (озеро, река, населенный пункт), *Индера* (река), *Индерка* (ручей), *Индерские озера*, *Индицьок* (река), *Ганга* (остров), *Гангас* (залив, возвышенность), *Гангасиха* (залив), *Гангос* (гора, озеро) — вот лишь некоторые из топонимов и гидронимов, на которых лежит явная печать далекого индоевропейского прошлого и которые поддаются результативному анализу посредством метода археологии языка и реконструкции смысла.

Сказанное — лишнее подтверждение в пользу историсофской концепции А.В. Барченко, сформулированной им в 20-е годы XX столетия, в соответствии с которой в момент катастрофического климатического катаклизма, повлекшего за собой смещение земной оси и серию «потопов», — исход ариев с Кольского полуострова возглавил их вождь и будущий культурный герой Рама — впоследствии канонизированный как главное действующее лицо великой эпической поэмы Рамаяна. Не случайно, видимо, на карте Мурманского края в память о той эпохе сохранились названия *Рамозеро* и *Рамутайвенч* (возвышенность). Позже я поинтересовался у специалистов (проф. Н.Р. Гусева): насколько символика креста в целом и косоугольного креста в частности распространена в индийской орнаментике. Оказывается, индоарии восприняли данную символику у предшествующей цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы.

Действительно, полный каталог, относящийся к археологическим памятникам протоиндийской культуры, дает полную палитру всех конфигураций крестов; среди них немало косых. Напрашивается один вывод: предшественники арийских племен на Индостанском полуострове сами когда-то пришли сюда с Севера.

Уход индоариев из полярных и приполярных областей под воздействием резкого похолодания совпал с завершением длительного исторического периода, известного в преданиях многих

народов как *Золотой век* — эпоха справедливости, благоденствия и процветания первобытных людей, живших в мире и достатке, не знавших голода и болезней. Античные авторы однозначно связывали «золотое время» человеческой истории с северной Гипербореей и гиперборейцами — сильными, счастливыми, не ведавшими невзгод и болезней.

Продолжительность Золотого века определяется по-разному. А.В. Барченко называл цифру в 144 000 лет. В соответствии с индуистскими канонами Золотой (Благой) век, или *Критаюга* — царство всеобщего равенства и процветания, продолжался 1 728 000 лет.

В памяти северных народов смутные воспоминания о Золотом веке сохранились в форме разного рода мифологем, и в частности, образа-символа карело-финских народов — волшебной мельницы *Сампо*. В «Калевале» ее выковывает кузнец Ильмаринен для Лоухи — хозяйки Страны Мрака — Похьелы (другое название — Сариола) в уплату за невесту-лопарку. Сариола — это архаичное название Лапландии. Значительная часть «Калевалы» описывает события, которые в незапамятные времена как раз и происходили в краях, где работала экспедиция «Гиперборея-98». К тому же корневая основа «сар» — одна из архаичных лексем, присутствующих во многих языках, древних топонимах и именах богов, например, ведийских богинь Сарасвати и Саранью. В средневековой хронике Иордана «О происхождении и деяниях гетов» приводится имя одного из вождей славяно-русов, боровшихся против германской оккупации — Сар, который смертельно ранил последнего властителя готской империи Германариха (некоторые исследователи, в частности — В.И. Щербаков, считают, что именно отсюда ведет начало русское слово «царь»).

В русском фольклоре также сохранились отзвуки о чудесной мельнице — символе вечного изобилия и счастья. Это — известный сюжет о волшебных жерновках, которые герой сказки добывает на небе, взобравшись туда по стволу и ветвям огромного дуба (коррелят Мирового Древа). Что касается самого Золотого века, то в русском фольклоре сохранился образ Золотого царства, рассказ о котором предваряет присказка о месте, где текут молочные реки с кисельными берегами (см.: сборник Афанасьева, №130). Мифологема «молочные реки» присутствует и в классических описаниях Золотого века у античных авторов:

*Не отдыхая, поля колосились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.*

Это — Овидий. Ранее Гесиод описывал Золотой век еще детальнее:

*Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен...*

Картина блаженной жизни из Гесиодовых «Трудов и дней» чуть ли не дословно совпадает с описанием счастливого народа — гиперборейцев, данным в «Естественной истории» Плиния Старшего: «<...> Там не известны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью». Похожие характеристики Золотого века и его привязку к северным регионам можно обнаружить в других первоисточниках. Священная книга древних иранцев — Авеста — рисует царство Первопредка Йимы, где не было ни зноя, ни холода, ни боли, ни смерти. Фирдоуси в «Шахнаме» уточняет: «Не знали в ту пору ни смерти, ни зла». Индоевропейская общность тогда еще не была расчленена.

Впоследствии грянули морозы и сковали землю, они-то и заставили прапредков современных иранцев мигрировать в южном направлении. Но и в сопредельных культурах Евразии и других континентов сохранились воспоминания о счастливом прошлом. К таковым в значительной мере относится и образ Сампо, объективно выступающий символом Золотого века.

Такова была жизнь древних аборигенов Севера (включая и индоариев) на обширных землях Гипербореи, в число культурных очагов которой входил и нынешний Мурманский край — священная земля древнего языческого Солнцебога Коло. Безмятежная жизнь «золотовекцев», вне всякого сомнения, не только выражалась в приспособлении к окружающей среде, но и материализовывалась в рукотворных объектах и сооружениях. Академик Б.А. Рыбаков высказал оригинальную и вполне обоснованную мысль, что в «Калевале» описывается никакая не

мельница, а древняя каменная зернотерка, символически олицетворяющая счастье и благоденствие. На Севере такую глубоко закодированную смысловую нагрузку как раз и несут самские сейды (см.: Рыбаков Б.А. Сампо и сейды // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984, С. 73). В ходе экспедиции «Гиперборея-98» было обнаружено множество таких сейдов-Сампо, в том числе и никогда ранее не описанных. Среди них упомянутый выше, выражающий не только бывшее благоденствие Золотого века, но и единство женского и мужского начал — по аналогии со знаменитой китайской пиктограммой, раскрывающей космическое единение двух главных первоначал Вселенной — *инь* и *ян*.

Исключительно важно понять саму философию Золотого века, дабы спроецировать ее на современные реалии — изменившийся ландшафт и возможно сохранившиеся памятники. При этом безусловно приходится учитывать множество помех на пути такого правильного понимания. Во-первых, значительная удаленность эпохи Золотого века во времени. Во-вторых, природные и климатические катаклизмы (включая смещение земной оси, повлекшее за собой Всемирный потоп), уничтожившие большую часть материальных следов.

В-третьих, возможное отсутствие подобных следов в принципе, ибо, по свидетельству античных авторов, гиперборейская цивилизация была «перьевой»: гиперборейцы облачали свое тело в легкие перья, на данной основе, видимо, покоились и их летательные способности (естественно, сохранность подобного материала в виде культурных памятников более чем ограничена). Наконец, в-четвертых, субъективное неприятие консервативно настроенных ученых самой концепции Золотого века, ее привязки к Гиперборею и активное противодействие любым исследованиям, проводимым в данном направлении.

И все же против фактов устоять трудно. Логика неумолимо приводит к неизбежному, хотя и парадоксальному выводу: *Золотой век — он же Древнекаменный*. Просто необходимо внести коррективы в бытующие представления о последнем. Между прочим понятие «каменности» отнюдь не сводится к одним лишь кремниевым рубилам, ножам и топорам; оно распространяется на всю литосферу, охватывая тем самым любые минералы и металлы, в том числе и золото. Горные массивы Русского Севера, включая Хибины и Ловозеры Кольского полу-

острова, — немые свидетели древнейшей истории России, хранящие немало тайн, относящихся к той неимоверно далекой эпохе.

В СВЯТИЛИЩЕ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Изумительному по красоте Сейдозеру издревле приписывались магические свойства. И это неслучайно. От горной жемчужины Ловозер веет матриархальным покоем. Именно — **матриархальным!** Сам ландшафт к тому обязывает. Округлая конфигурация Ловозерских тундр с озером посередине — лучшее тому подтверждение. И даже названия окружающих гор говорят сами за себя: урочища Нинчурт («Женские Грудь»), Куамдеспакк (варианты ее народного наименования — Гора Любви или Соития) и др. И так было всегда. Местные аборигены — саамы — лишь унаследовали традиции, восходящие к незапамятным гиперборейским временам. Немые свидетели тому — две скалы, вознесшиеся над устьем Чивруай и напоминающие головы исполинов; в народе они прозваны Стариками.

В глубокой древности люди поклонялись не абстрактным стихиям и силам, а простым, близким и понятным каждому явлениям, например, процессам воспроизводства себе подобных, где главную роль играет женщина-мать.

Объектами поклонения, жертвоприношения и соблюдения подчас достаточно жестоких ритуалов (см., напр.: Лукиан. О сирийской Богине) неизбежно становились природные и рукотворные феномены, выражающие женское естество: пещеры, ущелья, озера, колодцы, венки, колтыя

Рис. 163. Руководитель экспедиции В.Н. Демин у ландшафтного Святилища Великой Богини

и пр. Так сложился культ Великой Богини, распространенный по всему миру, во все времена и у всех древних народов. В русском народном мировоззрении отголоски данного культа сохранились в образе Матери Сырой Земли. Эпоха, соответствующая вечному символу, получила название *матриархата*.

Памятником древнейшей эпохи, выражающим северное осмысление «вечноженственного» и вполне соответствующее гиперборейской эпохе, может служить выявленный поисковиками нашей экспедиции культовый комплекс на горе Нинчурт, идентифицированный как святилище Великой Богини. Именно здесь, у подножия отвесной скалы в ущелье Чивруай, была обнаружена загадочная металлическая фигурка (спектральный анализ показал: сплав хрома и никеля), по форме напоминающая известные керамические статуэтки Великой Матери. Сама гора Нинчурт также напоминает материнское лоно. Именно данное обстоятельство, видимо, и привлекало сюда издревле всех, кто поклонялся Великому началу всего живого. По этому случаю, судя по всему, и было выбрано место для отправления культа с использованием ландшафтных особенностей — прямо у входа в отверстие условного «чрева». Сам культовый комплекс расположен в проеме между двумя частями горы Нинчурт и является как бы перемычкой, соединяющей обе половины священной горы.

Совсем неслучайно и расположено оно на высоте, поближе к Небу, олицетворявшему в старину весь безграничный Космос. Древние этносы видели в космическо-небесных силах первоисточник сексуальной энергии — мужской и женской. Так, согласно древнеарийским воззрениям, носителем последней, так сказать «наверху» выступала Утренняя Заря, супруга самого Неба, рожавшая после ежедневного соития Солнце, подобно птице, сносящей яйцо (именно такая причинно-следственная связь: Заря порождает Солнце, а не наоборот). Но у бескрайнего Неба была еще одна супруга, так сказать «внизу» — Мать Сыра Земля, главная носительница детородного начала, производящая из материнской утробы все живое. Для первобытного человека любые природные формы, отверстия и складки, соответствующие женскому естеству, становились сакральными символами и объектами поклонения.

Таков и обнаруженный гиперборейский культовый комплекс. Он расположен в проеме между двумя частями горы Нинчурт и является как бы перемычкой, соединяющей обе половины

священной горы. Так и видится сквозь века и тысячелетия торжественное шествие гиперборейцев, неспешно поднимающихся по склону к сакральной точке, где, быть может, когда-то и произошло соитие Неба-Урана с Землей-Геей, завершившееся рождением всей пестроцветной палитры древних исполинов — титанов (среди которых родители будущих Олимпийских богов — Крон и Рея), гигантов, циклопов и сторуких великанов *гекатонхейров*. Именно так, спустя много веков, потомки гиперборейцев — эллины — отмечали раз в году на своей новой балканской родине *Элевсинские мистерии*, посвященные таинству зарождения жизни.

Таинственное празднество происходило прямо во чреве Геи — в глубокой подземной пещере, куда медленно направлялась процессия молящихся. И не было в Древней Греции более смыслозначимого события, посвященного, как выразился Лукреций, «Матери всех богов и праматери нашего тела».

Открытые культовые святилища — без впечатляющих строений, с использованием одних ландшафтных (как правило, горных) особенностей — известны издревле. Применительно к древнеиранским верованиям их прекрасно описал еще Геродот: «...Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется; тех, кто поступает противно их установлениям, они называют глупцами. <...> Для совершения жертвы они не воздвигают алтарей и не возжигают огня; не делают возлияний, не играют на флейте, не употребляют ни венков, ни ячменя...» Но прапредки иранцев родом с Севера, их Полярная Прародина описана в Авесте, там же рассказано и о климатическом катаклизме — резком похолодании, вынудившем ариев мигрировать на юг. Следовательно, и культовые традиции они принесли с Севера — именно такие, какие прочитываются в археологических памятниках Ловозерских тундр. Кроме того, имеется известие античных авторов о том, что Зороастр — основатель древнеиранской религии — также прибыл в район нового расселения иранцев с Севера, переплыв огромное море (Ледовитый океан?), и случилось это за 6 тысяч лет до Платона (см.: *Дьяконов И.М.* История Мидии. М., 1956. С. 377).

Глядя на сказочную красоту, отражающуюся в водах Сейдозера, невольно вспоминаешь древнюю саамскую легенду о «заклятой горе», распадающейся после заклинания шамана на две половинки. Ее недра сокрыли и спасавшихся от врагов лопарей — еще один вариант чрезвычайно распространено-

го на Севере сюжета об обитателях подземного царства. Они якобы и по сей день скрываются там от посторонних глаз, свято храня величайшие тайны прошлого. Древние гипербореикие воззрения и традиции во многом были восприняты аборигенами Севера и коренными жителями Кольского полуострова и всей Лапландии — саамами. Почти до XX века на Сейдозере практиковался ритуал, уходящий своими корнями к архаичному культу Великой Богини. Раз в году шаман-нойд приводил молодежь к берегам священного озера (на свободное его посещение было наложено табу). Далее разворачивались настоящие языческие игрища, присушие многим древним и первобытным культурам: коллективная трапеза и сексуальные оргии, во время которых снимались все традиционные запреты.

Разрозненные культовые объекты вокруг древнего святилища были обнаружены еще в прошлом году: остатки фундаментов, ритуальный колодец, желоб с визирами, позволяющими производить астрономические наблюдения и расчеты, и другое. Их несомненную древность подтвердили независимые эксперты. Но лишь теперь в ходе повторного и комплексного обследования стало ясно, что все старые и вновь найденные памятники образуют стройную систему и группируются вокруг ступенчатого амфитеатра, образующего естественный центр притяжения, своеобразный алтарь, вполне соответствующий хорошо известным культовым сооружениям древности под открытым небом. На месте культового комплекса располагается мощный снежник, не стаивающий даже в самое жаркое лето и, быть может, прикрывающий доступ к другим интересным сооружениям. Тающие снега образуют мощный горный ручей (почти что речку), который лишь в самом низу вырывается из-под снежника на поверхность, устремляясь к озеру. Струясь по уступам ступенчатого алтаря, он во много крат усиливает эстетическое впечатление от святилища.

Весна в том году на Мурмане запоздала чуть ли не на месяц. Это неожиданное обстоятельство внесло серьезные коррективы и в ход наших исследований: многие объекты оказались спрятанными под толщей мощного фирна.

И все же Ильдус Каримов — командир Мурманского отряда — сумел пролезть в щель под тяжелым ледяным панцирем по ступеням, ведущим вниз. За ним последовали все остальные, включая две съёмочные группы.

И перед взором изумленных поисковиков предстала волшебная сказка: настоящий хрустальный дворец с гротами и комнатами из отесанного камня!

Сквозь полупрозрачные своды пробивались солнечные лучи, распадаясь на весь спектр радуги. Красота — не приснится во сне. К счастью, ее удалось заснять и показать в двух передачах по Мурманскому телевидению. К счастью, потому что спустя два дня под напором проливного дождя ледяные своды рухнули, а снежник сместился, обнажая новые ступени, ведущие в десятиметровую глубину.

Из-за ниспадающего водопада и угрозы дальнейших обвалов проникнуть дальше пока не удалось. Но скалолазы, участвовавшие в экспедиции, не теряли надежды...

Как выглядел храмовый комплекс в первоизданном виде? Какие сооружения покоились на мощных фундаментах, сложенных из геометрически правильных, с человеческий рост, гранитоидных брусков? Кто бросал в кольской глухомани якоря, по форме напоминающие этрусские? Чье время отсчитывали неплохо сохранившиеся солнечные часы? Сколько веков и тысячелетий прошло с тех пор?

И кто создатели этого восьмого чуда света? На последний вопрос ответить легче, чем на предыдущие. Связывая культовые сооружения с достаточно размытыми хронологически гипербореями временами, можно с достаточной уверенностью сказать, что их функционирование и уж во всяком случае угасание былой значимости приходится на период, озаглавленный ожесточенной борьбой патриархата с уступающим ему место матриархатом. Торжество и победу новой социальной формации в определенной мере символизируют все те же каменные сейды, кучно расположенные повсюду вокруг святилища Великой Богини. На горе Куамдеспак, в упор глядящей на противоположную ей гору Нинчурт, поисковая группа во главе с Евгением Лазаревым обнаружила множество подобных и доселе неизвестных сейдов.

Обе горы точно символизируют два начала всего живого — мужское и женское. Вообще же Нинчурт по форме своей напоминает усеченную трехступенчатую пирамиду, на уступах которой расположены хаотические нагромождения скальных пород. Многие из них имеют правильную геометрическую форму плит и блоков. Такие естественные сколы подчас трудно отличить от искусственных сооружений, тем более что в последних использовались и особенности ландшафта, и предлагае-

мые самой природой «строительные материалы». Аналогичным образом (только, так сказать, с обратным знаком) современные геологи, работавшие в этих местах начиная с 20-х годов, при закладке шурфов и рытье траншей использовали древние углубления и котлованы, невольно уничтожая при этом бесценные памятники.

Гору Нинчурт, где находятся остатки наиболее древнего матриархального святилища, окружают и другие культовые комплексы и иные загадочные объекты.

Внизу, на двухкилометровом перешейке, разделяющем озера Луявр и Сейдявр, есть две гряды. Здесь среди буйной таежной растительности поисковой группой были обнаружены абсолютно голые — без мха и лишайников — поля с каменными выкладками. Одна из прогалин достигает размеров 100 м в длину и 20 — в ширину. На некоторых валунах отчетливо проступают процарапанные знаки — трезубцы, косые кресты, свастики, солярные круги, рунические письмена. Было выявлено также изображение странного существа, в шутку прозванного инопланетянином. Здесь же (это высоко в горах!) глубокий — свыше десяти метров — сухой и пустой колодец: его обследовали сначала с помощью видеокамеры, а затем туда спустили и человека с фонарем. Внизу, под грядами с полями-святилищами, загадочное овальное озеро. Такое впечатление, что оно образовалось на месте падения метеорита или мощного (возможно даже ядерного) взрыва. Скальное окаймление озера — точно опалено в результате сильнейшего термического воздействия: его поверхность как бы остекленела.

На похожее овальное озеро — но только посреди обширного болота — вывел поисковую группу профессиональный экстрасенс президент московской школы гипноза Геннадий Гончаров, который руководствовался при выборе и определении маршрута не компасом, а наитием и подсказками «свыше», точнее — «изнутри». И надо прямо сказать — интуиция его не подводила: он постоянно наталкивался то на провалы в земле, то на заброшенные шурфы, то на неизвестные сейды. Он же обратил внимание на сходство священного Сейдозера с ритуальными водоемами в Центральной Америке, где наш оккультист побывал незадолго перед тем. В ответ я высказался в том смысле, что это лишний раз подтверждает происхождение всех мировых культур (включая древние американские и евразийские) из одного источника — Северной Прародины Гипербореи.

В окрестностях Сейдозера множество геоглифов (гигантских «земляных» изображений). Помимо исполинской стометровой человекоподобной фигуры Куйвы с крестообразно раскинутыми руками, на северном склоне все той же горы Нинчурт, просматривается еще более впечатляющее своими размерами полустертое изображение трезубца. Хорошо видно его лишь во время полярного дня, когда солнце светит с севера, а ориентировочные размеры — 400 м, что почти вдвое превышает величину более известного по многочисленным публикациям белого геоглифа в форме «канделябра», находящегося на Тихоокеанском побережье Перу.

Но и это открытие не самое потрясающее! Автономный московский отряд Транснациональной школы выживания «Vitalis» (руководители А.В. Иванов и А.Т. Гутин), входивший в состав экспедиции, но избравший самостоятельный маршрут, обнаружил гигантскую фигуру на дне (!) Сейдозера. Увидать ее можно только с вершины противоположной горы при хорошем солнечном освещении.

Западная часть Сейдявра достаточно мелководна, и с высоты (вот где нужен вертолет!) хорошо просматривается загадочный контур, выложенный из глыб.

Отдаленно он напоминает современную пиктограмму «радиационная опасность» с той разницей, что между треугольниками имеется крестообразная перемычка. Да и размеры не могут не поразить воображение: 200 × 100 м! Как разложить под водой тяжелые булыжники практически по прямым линиям? По мнению открывших удивительный гидрофеномен поисковиков, каменные стенки можно выложить зимой по льду, а весной они аккуратно опустятся на дно. Хотя трудно представить, кому и зачем потребовалось проделывать столь адскую работу.

Сдвинуть с места — не то чтобы перетащить на значительное расстояние — даже одну глыбу подчас трудоемкая задача для нескольких человек. А тут сотни метров ровной гряды! Да еще под водой! Правда, Евгений Лазарев не без оснований полагает, что выкладка производилась посуху. И тогда на этом месте вовсе не было никакого озера, а вода скапливалась и устремлялась к Луявру севернее, где с высоты хорошо просматривается высохший водосток. Но что же тогда собой представляет само Сейдозеро? Искусственное водохранилище? Но кто и когда его соорудил? И кто заполнил водой? Ведь по всем статьям получается, что исследуемая тер-

ритория была затоплена *специально*, дабы сокрыть то, что на ней находилось. Возможно, подземные убежища — недаром среди стариков саамов распространено убеждение: Сейдозеро имеет второе дно, куда периодически уходит рыба и где обитает какое-то таинственное существо, изредка появляющееся на поверхности. Но вопрос все тот же: кто, когда и зачем все это проделал? Остается сожалеть, что так и не доехали нынешним летом до базы экспедиции наши аквалангисты: не нашли денег на доставку громоздкого и тяжелого снаряжения. Так что у исследования загадочных подводных сооружений все еще впереди.

Не менее сложно разгадать символику циклопических изображений. Сам по себе символ треугольника соответствует женскому началу и естеству, что прослеживается в различных архаичных культурах вплоть до наших дней (например *йони* в индуизме). Но почему 3 треугольника? Число 3 также является священным во многих религиях (тримурти, троица и т.д.).

Индоевропейской культуре (в том числе и славянской) хорошо известны 3 Богини судьбы — 3 Пряхи, которые прядут нить человеческой жизни, определяя настоящее и будущее каждого из нас. Следовательно, гигантская кладка на дне священного озера, включающая 3 треугольника, — лишнее подтверждение матриархальной сущности гиперборейских памятников.

Кстати, отряд байдарочников из Электростали под руководством Дениса Махачева, который имел задание обследовать Ловозеры со стороны Умбозера, увидел на склоне горы противоположного хибинского берега примерно такой же контур из 3 треугольников и примерно тех же размеров, даже больше — не менее 300 м (переплыть на байдарках непрерывно штормившее озеро и произвести точные измерения не представлялось возможным). Похоже на посадочные знаки, особенно если рассматривать их в комплексе с подводными треугольниками. Но размеры! Гигантский трезубец на склоне горы Нинчурт — 300 м, подводный «крест» — 200 м, великан Куйва — 100 м. Невольно вспоминаются и знаменитые рисунки в южноамериканской пустыне Наска, и недавно открытое в Австралии и сфотографированное с самолета 4-километровое (!) изображение обнаженного мужчины. Откуда же все это? Что за исполины их создавали? Поневоле на ум приходят скудные сведения составителей и комментаторов библейских книг, а также свидетельство вавилонского историка Бероса (III в. до н.э.) о су-

уществовании на земле до человека и одновременно с ним цивилизации исполинов.

С этими известиями перекликаются и исследования современных авторов — Захарии Ситчина, Алана Ф. Элфорда и Эриха фон Дэнника, которые идут еще дальше и приписывают этим существам-гигантам космическое происхождение: так называемая концепция «Богов во плоти» (см., напр., недавно впервые переведенные на русский язык книги: Ситчин З. 12-я планета. М., 1998; Элфорд А.Ф. Боги нового тысячелетия. М., 1998; а также: Великовский И. Столкновение миров. Ростов н/Д, 1996). Кстати, не потому ли Сейдозеро как объект главных гиперборейских исследований в последнее время стало местом паломничества для уфологов?

Еще один загадочный объект в районе Сейдозера — *варака* (небольшая сопка, поросшая лесом). У ее подножия на просторной поляне располагалась база экспедиции и палаточный городок. Сама горушка впечатляет своими правильными округлыми формами: так и хочется увидеть на ее месте древнее городище или цитадель. Но и без этого она постоянное место притяжения поисков. Дело в том, что именно где-то здесь еще в 1922 году экспедиции Барченко был показан священный лаз под землю, при приближении к которому возникало чувство страха. Тем не менее участники той давней экспедиции сфотографировались у входа в подземное убежище, напоминающее берлогу (фотография сохранилась). Нам же вот уже второй год не удается обнаружить этот таинственный проход в «подземное царство», несмотря на то что такая задача ставится перед каждым вновь прибывающим отрядом.

Десятки людей вдоль и поперек прочесывали лес в окрестности базы, но лаза так и не обнаружили. Правда, с северной стороны сопки-вараки с выходами скальных пород были найдены несколько каминноподобных проемов. Один из них оказался достаточно глубоким — так что в нем мог поместиться и хорошо замаскироваться человек. Когда покопали вокруг, то под подстилкой из перепревшей хвои обнаружили остатки целого арсенала: стреляные гильзы, неиспользованные патроны иностранного образца, ржавый затвор от русской трехлинейки и другие детали оружия начала XX века. Стали приглядываться, и оказалось, что ранее пещерка имела продолжение, ныне плотно заваленное взорванными скальными осколками. Проверили снаружи: взорванная часть просматри-

валась метров на десять (естественно, она могла непредсказуемо уходить вглубь). Возникла версия (скорее, одна из рабочих гипотез): а не взорван ли это лаз после досконального исследования самим Барченко или чекистами, которые приходили сюда вскоре вслед за ним.

Пытались помочь нам уфологи и экстрасенсы, волею судеб оказавшиеся в зоне работы экспедиции. Очаровательная студентка Валерия, «ведьма в десятом поколении», как она сама представляла, утверждала, что видит неуловимый лаз, ведущий в обширное подземное убежище, но оттуда поступает запретительная информация: таинственные подземные обитатели дают «красный свет на продолжение поисков». Патрон «ведьмы», уфолог с мировым именем и тоже Валерий, уточняет, что там, глубоко внизу, подземная база инопланетян.

Оккультистам вторят серьезные ученые. Вадим Чернобров, прибывший со множеством хитроумных приборов из Москвы, обнаружил таинственный каменный куб и места посадок двух НЛО.

Другой ученый-москвич, эксперт-геолог, заявляет, что чувствует, как за ним упорно наблюдает какое-то неуловимое существо. Более того, таинственный незнакомец несколько раз переставлял оставленные на ночь удочки и перепутывал снасти. Однако, в отличие от уфологов, опытный ученый склонен приписать эти деяния не космическим пришельцам, а «снежному человеку» — невидимке, которого никто из участников экспедиции так не повстречал.

Конечно, в ходе летних поисков всем хотелось большего. Но иного, видимо, не следовало ожидать с самого начала. Что сохранилось от великой столицы Чингисхана — Каракорума в Монголии или столицы Золотой Орды — Сарая на Волге? Абсолютно ничего! А ведь какие-то полтысячи лет тому назад здесь находились центры, где вершились судьбы мира. Та же участь постигла столицы двух других средневековых империй на территории России — Хазарского каганата и Великой Булгарии. Применительно же к Северной Прародине человечества — Гиперборее — счет идет на тысячелетия. Немудрено, что следы тех времен смогли сохраниться лишь в виде сильно пострадавшей от катаклизмов «каменной летописи», прочесть которую до конца еще предстоит.

1999 ГОД

Экспедиция 1999 года не носила массового характера. Однако небольшие подвижные группы поисковиков расширили географию изысканий на Мурмане. Был не только повторен традиционный маршрут по Ловозерским тундрам и вокруг священного саамского Сейдозера, наиболее богатым древними памятниками, но и произведена разведка новых районов — горных массивов Панские и Сальные тундры, а также полуостровов Рыбачий и Средний. Некоторые вопросы удалось «закрыть» уже в истекшем году. Однако на их месте немедленно возникли новые, не менее таинственные...

НЕВИДИМКА ПОКАЗЫВАЕТ ЛИЦО

Загадочный фотоснимок был сделан в прошлом году в ловозерской тайге. Мурманский журналист Павел Тихоньких сфотографировал учительницу Татьяну Рыжову у подножия горы Куамдеспакк, что нависает над Сейдозером, у реликтовой ели, чьи размеры не могли не впечатлять. Одна из местных газет, опубликовавшая фото, сообщила даже, что это самая большая ель Заполярья, отличающегося, как известно, низкорослой флорой. В газетной публикации, однако, из-за низких полиграфических качеств, не просматривалась одна удивительная деталь, поразившая самих авторов и всех участников экспедиции: после проявки пленки и напечатания фото на заднем плане слева обнаружилась загадочная фигура существа, которого во время фотографирования никто из присутствовавших и в глаза не видел.

Первой же мыслью было: вот он — таинственный невидимка, чье постоянное присутствие ощущали многие из побывавших в аномальной зоне Ловозерских тундр. Так случилось, к примеру, с семейной парой — Светланой и Игорем Георгиевскими. Вдвоем они отправились к труднодоступному и непередаваемо красивому цирковому озеру Райявр. В отношении его даже высказывалось предположение, что водоем носит искусственный характер и представляет собой древний карьер, в котором в гипербореиские времена добывалась редкоземельная руда. Игорь как профессиональный фотограф тотчас от-

правился на поиски удобных точек для съемки. А художница Светлана осталась на склоне обрыва, чтобы написать этюд. Неожиданно ее охватило тревожное чувство опасности, которое быстро переросло в ужас. Подняла голову — совсем низко парили два орла и зловеще кричали. Вокруг ни души, но панический страх не оставлял молодую женщину. Когда муж через полчаса вернулся назад, он застал Свету в слезах и истерике, чуть ли не без сознания. И это далеко не первый случай, когда люди сталкиваются в Ловозёрах с подобными необъяснимыми феноменами. Откуда же исходит опасность? Из-под земли? Тогда кто там скрывается? Или что?

Так, может быть, дела обстоят и вовсе фантастичнее? Таинственный невидимка, чей пронизательный взгляд ошутил на себе не один участник экспедиции, обладает гипнотическими способностями и, наблюдая за нами, сам остается невидимым для окружающих. Но фотоаппарат не загипнотизируешь! Вот и попало неизвестное науке существо в поле зрения объектива и запечатлелось, само того не ведая, на фотоснимке. Прорисовка показывала то ли человекоподобное существо в капюшоне с нависшими над глазами длинными волосами, то ли собакоподобного зверя, но с человеческими усами и ртом. Невероятное предположение оспаривали скептически настроенные оппоненты: «А вдруг на фото обыкновенная иллюзия восприятия? Какой-нибудь трухлявый пенёк в неожиданном ракурсе? Не лучше ли еще раз перепроверить!» Но чтобы перепроверить, необходимо вернуться назад. А для этого придется дожидаться следующего лета. Все же публикацию о таинственном феномене решили отложить...

И вот я вновь у подножия горы Куамдеспакх. Великолепный водопад, что низвергался здесь в июне — июле, исчез, ибо иссяк мощный снежник, его питавший. Иду по каменистому руслу, где еще совсем недавно стремительно несся вниз прозрачный как хрусталь ледяной поток. Нахожу реликтовую ель. Валун, некогда застрявший в ее подмытых корнях, перемещен водой и лежит рядом. Но вокруг ничего! Нет никаких пней или еще чего-то такого, что могло создать обман зрения. Значит?.. Значит, в объектив год назад попал именно тот, кто меньше всего того хотел.

Кстати, примерно в то же время (но в другом месте и у другого отряда) в аналогичной ситуации фотоаппарат был по-

просто похищен. Просто так, на глазах у всех, если только последнее словосочетание применимо к данному случаю. Не успели выгрузиться на запретный остров Могильный (где и по сей день встречаются следы жертвоприношений в виде оленьих черепов и рогов), положить на видном месте аппарат «Киев» — как через минуту он исчез, точно испарился. (Между прочим, про остров Могильный — он самый большой на Сейдозере — записана саамская легенда. Будто остров тот плавающий, и когда плывет он вдоль озерных берегов, появляется на его остром мысу прекрасная Богиня вод, облаченная в лучи света. Она высматривает мужчин, соблазняет их, а затем безжалостно топит в озере.)

Не менее загадочный случай произошел с Мариной Борисенко. Она в одиночку бродила по склонам горы Нинчурт, фотографируя наскальные рисунки. Впоследствии на одном из напечатанных снимков проявилась все заслоняющая человекоподобная тень с раскинутыми руками и ромбической головой. Марина же была одна, без головного убора, а руки ее сжимали аппарат (и по этой причине не могли быть распростерты). Получается: кто-то невидимый (но не для оптики) подкрадывался сзади, возможно даже пытаясь схватить или обнять. Спустя некоторое время аппарат девушки вообще упал в воду горной речки и перестал фотографировать, но снимок-улику удалось проявить и напечатать. Сам по себе каждый из вышеприведенных фактов мог бы показаться случайным, но в общей цепи взаимосвязанных звеньев просматривается определенная закономерность.

Так кто же он — таинственный невидимка, случайно попавший в поле зрения экспедиционного фотоаппарата и оставивший свою «визитную карточку» на снимке? В древней мифологии саамов бытует легенда о подземных жителях *чахкли*, более всего напоминающих европейских гномов. Они любопытны, не вредоносны, хотя и могут наказать обидчика. Зачастую появляются на поверхности и любят подшутить над людьми. Считается, что *чахкли* становится другом, если бросить в густые заросли или ковер мха монетку и мысленно попросить о покровительстве. У основоположника саамской литературы поэтессы Октябрины Вороновой есть выразительное стихотворение на эту тему:

*Когда заскучается в доме,
Иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.*

*Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал —
Он все за тебя повторит...*

(Перевод Владимира Смирнова)

У других северных народов также распространены сказания о таинственных подземных жителях. Наиболее известные из них — ненешкие легенды о *сиртя* (*сихиртя*, *сииртя*, *сирте*). Можно ли сопрячь эти предания с имеющимися сведениями и гипотезами о «снежном человеке»? Вполне! Если даже все они — не одно и то же, то непременно и тот и другие являются последними хранителями тайн Подземного царства.

ТАНЦУЮЩИЕ КАМНИ ГИПЕРБОРЕИ

С этим непонятным феноменом мы столкнулись впервые — причем в местах, где в прошлом году производились интенсивные поиски. Есть в Ловозерских горах странные участки: на вершинах поросших буйной растительностью гряд вдруг наталкиваешься на поляны-пролысины, на которых ничего не растет. Представьте: вокруг изумрудный мох или, напротив, светлый, как неотбеленное полотно, ягель, внизу — полупроходимые тайга или болота. А здесь — утрамбованные песчаные площадки (одна — до 100 м в длину и около 20 м в ширину), усеянные крупными валунами и мелкими булыжниками. Некоторые образуют упорядоченные кругообразные фигуры типа кромлехов, на отдельных камнях — знаки и символы: косые кресты, трезубцы, треугольники, свастики. Обнаружен даже процарапанный примитивный рисунок человекоподобного существа с огромными глазами, в шутку прозванного инопланетянином (размер рисунка 19 см на камне величиной 30 см).

И вот в этом году некоторые из камней оказались сдвинутыми или даже перевернутыми. Причем по прошлому доволжно-таки четкому и глубокому следу видно, что произош-

ло данное событие совсем недавно, быть может, даже накануне. Сами вершины таинственных гряд плоские, на них нет никаких скатов воды — дождевой или снеговой, могущих иногда на своем пути сокрушить и не такие камни. На податливом крупном, как гравий, песке остаются выразительные следы человека, оленя, зайца, лисы и даже медведя. Однако вокруг сдвинутых валунов никаких следов нет вообще. Что же происходит на безмолвных ловозерских возвышенностях? Какая драма здесь разыгрывается в отсутствие людей? Недаром ведь загадочные площадки были прозваны шаманскими святилищами! И поневоле вспоминаются весьма распространенные повсюду саамские легенды о священных *сейдах* — летающих камнях. Да и вся Лапландия давно поименована образно Страной летучего камня (В.В. Чарнолуцкий). Правда, обнаруженные повсюду сдвинутые булыжники — скорее, танцующие или пляшущие камни. Вот бы подглядеть, как это происходит. Но Гиперборейя неохотно делится своими вековыми тайнами...

В сказанном мы лишний раз убедились, когда в очередной раз попытались отыскать священный лопарский лаз под землю, который в 1922 году удалось сфотографировать экспедиции А.В. Барченко. Проход в Подземное царство вызывал у приблизившихся к нему людей чувство тревоги и даже страха. На чудом сохранившейся фотографии хорошо виден проход под землю, похожий на берлогу; вокруг него на довольно-таки покатом склоне расположились участники знаменитой экспедиции. Однако наши настойчивые усилия обнаружить таинственный лаз спустя 75 лет окончились полной неудачей.

В этом году я отказался от массового прочесывания близлежащей округи, так сказать, квадратно-гнездовым способом, а стал рассуждать логически. Барченко и его люди не ходили дальше единственной большой поляны на берегу Сейдозера (их поджигали рано наступившая зима и налетевший свирепый ураган), где в те времена в полуземлянке-веже проживала лопарская семья, позднее обосновалась рыбацкая артель, а последние два года базировалась экспедиция «Гиперборейя». Значит, и священный лаз где-то совсем рядом. Единственное подходящее для этого место — венчающая поляну колоритная сопка-варака, похожая на древнее городище (именно ее в первую очередь предполагается «просветить» на будущий год гео-

физическими приборами). Когда-то покатые склоны сопки покрывали могучие ели, вроде тех, что запечатлены на фотографии Барченко. Потом их спилили, и сейчас о том времени напоминают лишь огромные пни (отдельные — в полтора обхвата). Некоторые успели превратиться в кочки, покрытые пышным мхом и черничником.

Сейчас на вараке вырос молодой лес. У ее подножия, перед самым выходом на поляну, заканчивается древняя и как бы мошенная дорога и лежит огромный, плоский и почти квадратный камень. Площадь его — 310×290 см. Чтобы определить толщину, пришлось откопать один из углов. Измерение показало 21 см. Некогда гранитоидная плита полностью возвышалась над поверхностью (сейчас утоплена в грунте), что позволило Александру Кондяйну — сподвижнику Барченко, рассчитавшему маршрут всей экспедиции, — назвать ее в своем дневнике жертвенным алтарем. Так оно, судя по всему, и было, исходя из культового характера всего окружающего ландшафта.

Другой вопрос: какая сила перенесла многотонную плиту и аккуратно уложила поперек древней дороги? Ведь в близлежащей округе нет подобных пород, следовательно с горы-вараки плита не могла сползти или скатиться. Снова невольно возникает образ летающего камня. Или, быть может, левитирующего с помощью антигравитационных эффектов? Не на подобной ли основе развили свои летательные способности древние гиперборейцы? Вполне вероятно, рассуждал я, что жертвенник как раз и связан с неуловимым лазом под землю. Какие же жертвы (и кому) приносились здесь в гиперборейские и более поздние времена? Если же лаз засыпан или взорван (такое предположение уже высказывалось), то все равно поблизости должны сохраниться какие-то следы, знаки, намеки...

Склон горы перед алтарным камнем почти в точности соответствовал тому, что запечатлено на фотографии Барченко, — только вместо старых елей молоденькие. И я стал подниматься в гору — строго перпендикулярно по отношению к придорожной плите, испытывая нахлынувшее вдруг неизвестно откуда необычайное воодушевление. Сердце учащенно забилось, грудь сдавило. Тридцать шагов вверх — и передо мной открылось заросшее мхом углубление, его конфигурация и расположение на склоне вполне напоминали засыпанный лаз. Но этого

мало. Нужны какие-то доказательства, хотя бы намеки. Да вот же они! Под ногами блеснуло белое полупрозрачное пятно — точно обратившееся в лед молоко. Я поддел мох заостренной палкой — и перед изумленными глазами открылась сахарная грань большого — величиной с кирпич — куска кварца. Еще усилие — и увесистый «кирпич» у меня в руках.

Дохнуло чем-то древним и неведомым. На одной из сторон при определенном ракурсе и освещении как бы изнутри проступали контуры человеческого лица. Вгляделся — как будто я сам, только без очков. И тотчас же из глубины памяти всплыла скрытая и самая сокровенная подщель экспедиции Барченко. Вместе с Кондиайном, еще будучи в Петрограде, они почерпнули сведения по истории Гипербореи (само античное название древней северной страны ими не использовалось). Узнали они и о содержании древнего высокоразвитого знания и основанного на нем технологий, а также о местонахождении окраинных остатков арктического континента, погибшего в пучинах океана, в каких-то секретных масонских источниках.

Так вот, согласно древними преданиям, в тех местах, куда прибыла экспедиция Барченко, должна быть сокрыта самая величайшая реликвия всех эпох и народов — священный Грааль, или *Камень с Ориона*. То, что Грааль — не чаша и не кубок, а именно «вождеденнейший камень», дарующий сокровенное знание и бессмертие, хорошо знал и понимал еще знаменитый средневековый поэт Вольфрам фон Эшенбах, который подробно описал известные ему факты в обширной поэме «Парсифаль»:

Грааль — это камень особой породы:

Lapsit exillis — перевода

На наш язык пока что нет.

Он излучает волшебный свет...

(Перевод Льва Гинзбурга)

Камень, который я держал в руках, света не излучал. Однако причастность к волшебному, точнее — к неземному не исчезала. Так что же я нашел? Весточку из другого мира, который пока что не идет на открытый контакт, но и не отрицает, что подобное в дальнейшем возможно? Не знаю, как ответить на данный вопрос. Тем не менее воспринимаю на-

ходку как смыслозначимый знак, как добрую (ни в коем случае не враждебную!) надежду на будущее продвижение вперед к поставленной цели.

Нынешний сезон ознаменовался и другими интересными открытиями. Поисковая группа во главе с археологом Александром Прохоровым (В. Деркач, А. Евдокимов, М. Маликов) обнаружила на горе Нинчурт разрушенную культовую постройку с двумя поваленными четырехгранными колоннами. Ранее такие нам не попадались: сложенные из отдельных тщательно обработанных, но сильно выветренных кусков (что само по себе свидетельствует о более чем почтенном возрасте), на земле они напоминали аккуратно нарезанный батон колбасы 3-метровой величины. Рядом — шестигранные цоколи, огромные отесанные гранитоидные брусы, образующие фундамент, и подобие ступеней, заканчивающихся ровной прямоугольной площадкой. На разбросанных вокруг плитах — следы техногенной обработки: полуовальные вырезы диаметром до 40 см, явно предназначавшиеся для перекрытий из бревен. Новонайденный памятник прекрасно вписывается в комплекс святилища Великой Богини, сосредоточенного в «межгрудье» горы Нинчурт.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЁН?..

Волны, урча, накатываются на скалистый берег, едва не достигая моих ног. Сквозь стелющийся по воде туман, как на картинах импрессионистов, едва проступают размытые очертания пустынной бухты. Я стою на берегу Баренцева моря, там оно острым языком Варангского залива (Варангер-фиорда) — точнее Малой Волковской губы — отсекает самую северную полуостровную территорию Европейской России от евразийского материка. Варангский залив, омывающий норвежский полуостров Варангер, назван так по имени русских варягов, проживавших здесь с гиперборейских времен. Между прочим, следующий на запад залив именуется Яр-фиордом: первая часть искусственного слова чисто русская и, скорее всего, связана с именем языческого Солнцебога Ярилы. Однако прошлое здесь теснейшим образом переплетается не только с настоящим, но возможно также и с будущим. Ибо еще больше века назад данное место было выбрано для постройки новой столицы России.

Идея перенести столицу Российского государства на Север, в район полуострова Рыбачий, принадлежит великому русскому мыслителю-космисту Николаю Федоровичу Федорову (1828—1903), одному из идейных вдохновителей К.Э. Циолковского. Еще в конце XIX века он вдохновенно и провидчески предсказал северную будущность России, неотделимую от геополитического, космофского и эзотерического значения Кольской земли.

Кольский полуостров, древняя гиперборейская земля — это край, где прошлое встречается с будущим. Потому-то сегодня как никогда актуально звучат провидческие слова русского мыслителя-космиста: «Для нас, отрезанных от океана, запертых в Балтийском, Черном и Японском морях, для нас есть только один выход в океан, выход в Студеном море, в никогда не замерзающих заливах Рыбачьего полуострова, в бывших владениях Троицко-Печенгского монастыря, сожженного шведами (1590 г.), основанного св. Трифоном, апостолом лопарей, на границе Западного (атлантического) <океана> с Северным, или, вернее, на первом, чем на последнем, потому что Рыбачий полуостров омывается Гольфстримом. Только временная морская столица-порт, как конечный пункт Владивосточной трансконтинентальной дороги, может нас избавить от англо-немецкого господства, надвигающегося на нас. <...> Столица, перенесенная на перешеек или волоки между Мотовскою губою и Варангским заливом, имея передовой пост на мысу под 70° северной широты (на 10° севернее Петербурга и почти на 15° от Москвы) получит многообразное значение: заменит С.-Петербург, освободит Россию от западного влияния. <...> *Перемена <в жизни> в перенесении <столицы> находит свое наглядное выражение. Как есть полюсы геометрические, магнитные, термические (наибольшего холода), так будет полюс социальный — полярная столица.*»

Вывод Федорова и введенное им понятие *социального полюса* исключительно важны, точны и обращены к нашему настоящему и будущему. В современной мировой политике и спустя столетие после написания пророческих слов утвердилось понятие *многополярного* мира, противостоящего *однополярному*, навязываемому мондалистской сверхдержавой. В данном вопросе Федоров предлагает оригинальный, более гибкий и диалектический подход: не по принципу «или—или», а с учетом исторических особенностей и закономерностей развития чело-

веческой цивилизации, начиная с ее предьистории, уходящей в невообразимые глубины тысячелетий, и вплоть до дня нынешнего. Ибо в общественном и индивидуальном сознании современного поколения запечатлены архаичные архетипы коллективного бессознательного, сформировавшегося на заре человеческого существования, у истоков во многом неведомой нам собственной предьистории.

Само понятие Севера неотделимо от космоистской философии Федорова. Ведь Север — в первую очередь понятие *космическое* и лишь во вторую, говоря словами самого Федорова, — «геометрическое, магнитное или термическое». С точки зрения обывденного сознания под Севером понимается обширная акватория и территория от Северного полюса до Полярного круга, обозначенная на любой карте или глобусе: Ледовитый океан, острова и архипелаги в нем, бескрайние высокоширотные просторы Евразии и Америки. Но ведь земная ось может сместиться, изменить угол наклона. Где тогда будет находиться Север? Территориально, то есть по отношению к земной поверхности где угодно. Чтобы проиллюстрировать это, достаточно вообразить учебный глобус, проткнутый насквозь длинной спицей. Спица — ось, ее концы — два полюса, которые могут находиться в любом месте, в зависимости от того, как проткнуть глобус. Но с космической точки зрения, то есть по отношению к Солнцу, все там же — где в зените будет стоять Полярная звезда, медленно вращаться коловоротом ковши Большой и Малой Медведицы, а дневное светило — ежегодно создавать неповторимый полярный день и леденящую душу полярную ночь.

Таким образом, Север — это *положение в данный момент некоторого участка поверхности Земли по отношению к плоскости орбитального движения планеты вокруг Солнца*. К земной оси традиционно привязаны полюса. Точка, где воображаемая ось «выходит» на поверхность, и представляет собой географический полюс — северный или южный (магнитные полюса — независимы от первых и могут гулять по земным просторам по своим собственным законам). Симметрично противоположащие полюса неизбежно вписываются во взаимодействующие поля, связанные с другими планетами Солнечной системы, самим Солнцем и другими звездами, нашей Галактикой и другими галактиками, разбросанными в бесконечной Вселенной. Все это, вне всякого сомнения, обеспечивает *направленный*

ток космической энергии, который — в соответствии с физическими и космическими законами — в наибольшей степени являет свою мощь именно в полярных областях, направленно пронизывая человека, максимально космизируя его, превращая во вселенское существо и многократно усиливая скрытые в нем творческие и иные потенции. Даже однажды полученный полярный заряд может навсегда обусловить человеческое бытие и существование. Лучшее подтверждение тому — жизнь и судьба великого русского северянина — Михайлы Ломоносова. Потому-то не случайно и космизм другого великого россиянина — Федорова неизбежно и органично смыкается с полярной тематикой.

Итак, северная будущность России, как ее понимал Федоров, произрастает из ее невообразимо далекого, но исключительно богатого прошлого. Кроме того, она имеет постоянную космическую подпитку, вселенскую запрограммированность и божественную предопределенность. Потому-то великая будущность России космически неисчерпаема, а ее северная направленность диктуется самой природой. В этом же и ключ к разгадке феномена Гипербореи, многих происходящих тут аномальных явлений.

Уже третий год научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» работает на Кольском полуострове, именно там, где Федорову виделись истоки и фундамент для великого будущего России. Мы нашли и идентифицировали множество материальных и иных подтверждений сведениям древних авторов о существовании некогда на Русском Севере в иных нежели теперь климатических условиях развитой цивилизации — праматери всей мировой культуры. Вдохновляли нас в проводимых изысканиях, разумеется, и идеи Федорова. Поэтому было бы странным не стремиться попасть в те места, где «московскому Сократу» (так прозвали современники Федорова) пригрезились площади и улицы «четвертого Рима» (но прав был, видимо, старец Филофей, что «четвертому Риму не бывать»).

И вот я наконец на берегу Баренцева моря, в той самой точке, где, по замыслу Федорова, должен был начинаться въезд в новую российскую столицу. Полуостров Рыбачий — самая северная российская оконечность Европейского материка — лишь на маломасштабной карте выглядит неким целостным образованием. На самом деле он распадается на две разновеликие территории — полуостров Средний и собственно Рыбачий,

соединенные между собой и Большой землей узкими перешейками. Здесь проходят священные границы нашей родины. Это — «родимая наша земля», как поется в известной песне военных лет, где мог быть «заложён», употребляя пушкинский оборот, новый стольный град. И прорублено здесь было бы окно не в одну Европу, но во весь мир.

Не символично ли (можно даже сказать — не мистично ли): именно на том самом рубеже, где Федоров определил место для будущей столицы, суровым летом 1941 года советские воины остановили продвижение фашистов, наступавших по всему фронту — от Ледовитого океана до Черного моря. Точно так же враг вскоре был остановлен и у стен Москвы. Вся земля эта обильно полита кровью тысяч и тысяч солдат, которые точно ощущали свою неразрывную, воистину космическую связь с краем, где некогда зародились истоки многих российских народов и прежде всего — русского. Горные егеря дивизии «Эдельвейс» так и просидели до конца войны в гранитных блиндажах хребта Муста-Тунтури: несмотря на неоднократные попытки прорвать линию обороны советских войск, нога ни одного из них не ступила на полуостров Рыбачий. Гиперборея стояла насмерть. Именно Гиперборея, ибо и эта территория насыщена древнейшими памятниками, аналогичными тем, которые были открыты в центральной части Кольского полуострова. Но они еще ждут своих исследователей...

2000 ГОД

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Архаичный праздник в честь летнего солнечного божества (у восточных славян это — Купало, а по григорианскому календарю — 7 июля) практически совпал с началом нового этапа гиперборейских поисков в центральной части Кольского полуострова, на берегах священного саамского Сейдозера. Самой таинственной и очистительной во все времена считалась ночь накануне Ивана Купалы, когда расцветает папоротник, открывается все самое сокровенное, а счастливым избранникам судьбы становятся доступны заветные места, где таятся сокровища и

зарыты древние клады. Какая же она здесь, в Заполярье, где солнце в разгар лета вообще не заходит и царит ослепительный полярный день?

К полуночи дневное светило (на Крайнем Севере летом оно с полным основанием может именоваться и ночным светилом, сродственным Луне) лишь приспускается к горным вершинам, продолжая ярко светить и ласково греть, как где-нибудь в летний полдень на подмосковной лужайке. Но душа напряжена и полна ожиданий. Кажется, что из-под земли доносятся какие-то загадочные звуки. Тени на склонах гор образуют замысловатые знаки или буквы — иногда даже можно прочесть односложные слова. Деревья за болотом складываются в причудливые картины, на которых нет-нет да проступят лики выдающихся деятелей прошлого. Что это — игра воображения или же тайный язык природы?

Забегая вперед, свидетельствую, что в дальнейшем по крайней мере троих из нас продолжали преследовать странные видения. Так, передо мной в полудреме с какой-то неправдоподобной отчетливостью и яркостью стали вдруг мелькать незнакомые человеческие лица. Были они несравнимо мельче, чем в обычном сне, с живой мимикой, во множестве возникая и пропадая, точно на киноэкране. Кроме того, перед глазами появился огромный и геометрически правильный узор, похожий на сложный китайский иероглиф, но значительно более разветвленный.

Офицеры-североморцы, участники экспедиции, решили в купальскую ночь переправиться на близлежащий остров со зловещим названием Могильный. Причина — заросли папоротника, которого, впрочем, здесь повсюду хватает, причем несравненно более рослого, чем в средней полосе, кое-где его листья достигают человеческого роста. Именно про этот остров записано древнее предание: будто плывет он иногда вдоль берега, а на переднем мысу стоит обнаженная женщина умопомрачительной красоты — сама богиня озера — и заманивает в свои страстные объятия мужчин, но, насладившись их любовью, безжалостно топит в умеренной глубине озера, откуда уже никто не возвращается. (В «Калевале», кстати, тоже есть сходный образ: дева загробного мира — Туонелы, что плавает по подземной реке и охотится за мужчинами.)

Легенды, однако, не запугали любознательных североморцев, и они отважились ступить на загадочный остров в самый

разгар купальской ночи. Остров Могильный покрыт особенно густыми зарослями папоротника. Сказочный цветок, приносящий счастье, офицеры, конечно, сорвать не чаяли, но вот густой туман таинственности, окутавший остров в представлении окружающих, чуть-чуть порассеять надеялись. И вот впечатления из первых рук. Удушающий, просто дурманящий, как наркотик, запах папоротника. И то ли от этого, то ли от чего-то другого — тревожащий и непонятно откуда доносящийся звон. Последнее впечатление оказалось столь сильным, что по возвращении исследователи сразу предложили переименовать остров Могильный в Звенящий.

Местами папоротники на острове образуют геометрически правильные квадраты — они сразу же бросаются в глаза. Что это — древние захоронения (сегодня здесь хоронить некого) или аномальные точки, которых в Хибинских и Ловозёрских тундрах предостаточно? Даже воды Сейдозера пронизаны электрическими токами: поднятые со дна металлические предметы (при условии, что они достаточно долго пролежали под водой) обязательно имеют с одного из краев дополнительные утолщения или наросты, образованные на гальванической основе и по законам электромагнетизма, в результате чего на затонувших предметах оседают и органически въедаются в субстрат содержащиеся в воде атомы железа.

И не только «металлолом» удалось обнаружить этим летом с помощью подводного миноискателя нашим ныряльщикам. Со дна озера на белый свет был поднят любопытный предмет, похожий на ритуальный топор-томагавк — явно древний (источенный временем и им же законсервированный). Воображение дорисовывает живые картины прошлого — кровавые жертвоприношения, кои, быть может, очень давно совершались на берегах священного Сейдозера. Аналогичные выводы были сделаны еще в позапрошлом году, когда в лошине «межгрудья» горы Нинчурт было обнаружено и идентифицировано ландшафтное святилище Великой Богини.

Ныряльщики обнаружили также на дне озера несколько отесанных плит разной величины — с гранями от одного до трех метров. Такие же прямоугольные плиты, похожие на строительные блоки, еще раньше были во множестве найдены на склонах и уступах окружающих гор. А одна — самая большая и, вероятно, использовавшаяся в далеком прошлом как жертвенный алтарь — лежит перед самым озером, прямо на зна-

менитой как бы мошеной дороге. Эксперты подсказывают: похожие прямоугольные и квадратные каменные плиты встречаются в разных регионах земли. Но, например, в Центральной Америке подобные плиты стоят вертикально, выступая компонентами древних святилищ. Само Сейдозеро также напоминает священные озера Америки, которым поклонялись индейцы — представители древних цивилизаций, чьи прапредки мигрировали некогда из арктической Гипербореи.

МАГИЧЕСКИМИ ПУТЯМИ ГИПЕРБОРЕЕВ

Экспедиционная работа летом 2000 года сложилась таким образом, что началась у одной сакральной святыни — гробницы святого праведного Симеона Верхнетурского чудотворца — небесного покровителя Урала и Сибири, — а закончилась у другой русской святыни — на острове Валааме. Маршрут моих летних гиперборейских скитаний также получился весьма петлеобразным. Он начался еще весной на Урале, прошел через бажовские места («владения» Хозяйки Медной горы и т.п.) и Аркаим. Затем поиски переместились на Кольский полуостров, а оттуда — на Ладугу. Однако в этих на первый взгляд хаотических движениях была своя внутренняя логика, ибо неоспоримый интерес представляют не только очаги былой гиперборейской культуры, но и пути миграции гиперборейцев. После того как их счастливая страна погибла в результате глобального катаклизма, климат в Арктике резко изменился, а оставшиеся в живых вынуждены были спастись бегством с Севера на Юг. Сейчас эту тему даже живописцы освоили.

Не вдаваясь подробно в историю вопроса, освященную в нескольких моих книгах, укажу только что основных направлений миграции было несколько. Наиболее важные для судеб индоевропейских и других народов пролегли через территорию современной России, ее северо-западную и центральную части, а также вдоль Уральского хребта и по берегам великих рек Волги и Оби. При этом гиперборейцы интуитивно (или же с помощью отработанной практики) выбирали для своего продвижения и временного расселения такие сакральные места, которые особенно активизировали и подпитывали естественную энергетику человека, а также упрощали каналы его взаимосвязи с ноосферой.

Именно к таким эзотерическим точкам относится уральская Троя — легендарный Аркаим, сделавшийся на много веков перевалочным пунктом в продвижении индоариев с Севера на Юг. Этот уникальный спиралевидный город в южно-уральской степи (Челябинская обл.) стал своеобразным символом мощи и красоты древней эпохи. Его гармонические формы и окружающий ландшафт завораживают сами по себе. Остатки самой крепости, еще в древности сожженной дотла, сейчас покоятся глубоко под землей: после археологических раскопок, проходивших здесь с лета 1987 года, и тщательного исследования памятника он (по действующим правилам в археологии) был засыпан, и теперь увидеть его можно только на рисунках и фотографиях. Нынче же над мощными некогда крепостными стенами волнуется под ветром степное разнотравье.

Но осталось поле, некогда окружавшее город, а теперь накрывшее его, как первозданные воды. В этом поле именно вся соль! Задумывался ли кто-нибудь, почему место для возведения крепости было выбрано именно здесь, посреди огромного поля, окруженного со всех сторон мелкосопочником? Ведь ближайшее месторождение железной руды, из которой плавил металл в трех тысячах печей неизвестные аркаимские металлурги, находится почти в сотне километров от «страны городов» (как прозвали заповедную территорию археологи, ибо обнаружили повсюду множество других городищ, из которых удалось исследовать лишь несколько). А регулярная доставка руды к месту ее выплавки — задача далеко не из легких.

Почему же город не воздвигли прямо вблизи железорудного месторождения? Ответ прост: место для строительства Аркаима выбрано не случайно, оно было сопряжено с сакральным местом, каковым и является Аркаимское поле. Сначала было поле и лишь затем город! Так решили вожди и жрецы (золхвы), которые привели сюда предположительно в XVIII—XVII вв. до н.э. гиперборейских скитальцев. Уловив «точку» пересечения токов космической и земной энергии, они повели: «Быть городу сему именно здесь — и нигде более!» Окружающий ландшафт, подземные энергетические токи и небесно-космические силы образуют здесь уникальный эпицентр ноосферного воздействия. Аркаимское поле — точно огромная и окаймленная невысокими горами слабоогнутая чаша или телеантенна, «тарелкой» своей направленная прямо в Космос и

обшаривающая его по мере вращения Земли. А посреди этой впадины («тарелки») — город-крепость, город-храм!

Русская история вообще тесно привязана к полям, образующим некие смыслозначимые символы русского духа: Куликово поле, Бородинское, Прохоровское, множество безымянных полей русских былин, песен, сказок... И вот еще одно — Аркаимское поле; с него-то, быть может, все и началось. Здесь много что еще предстоит познать и осмыслить. Непочатый край работы у археологов. В Аркаимском музее висят фотографии, сделанные с самолета специальной камерой: повсюду под землей находится еще несколько кольцеобразных и спиралеобразных городищ, их археологическое исследование — задача отнюдь не ближайшего будущего.

И здесь же, в музее на стенде, прорисовки потрясающих бронзовых фигурок из Сапоговского клада, найденного в Кунашакском районе на севере Челябинской области. Особенно выделяется одна: обнаженная юная дева с двумя мечами, заложенными в набедренные ножны. Перед глазами невольно предстает воображаемая картина: стремительная лавина таких уральских амазонок с поднятыми над головой мечами в обеих руках, подобно валькириям, несется на врага, сметая все и вся на своем пути. Быть может, именно такая матриархальная орда, наследница гиперборейских времен и традиций, осаждала некогда легендарный Аркаим, взяла его с помощью дьявольской женской хитрости, разрушила и сожгла.

ВАРЯЖСКИЙ СЛЕД В ГИПЕРБОРЕЕ

Напоследок хотелось бы несколько слов сказать о Ладогe, связанной с варяжским следом в Гиперборее. «Варяги в Гиперборее? — пожмет плечами иной читатель. — Это нечто новое!» Да ничего нового — они ведь сами про то говорили, когда после активного участия в событиях русской истории и в формировании российской государственности перешли где-то перед самым монголо-татарским нашествием на службу византийскому двору, где составили костяк императорской гвардии (в лучшие времена она насчитывала до шести тысяч человек). Так вот на расспросы любознательных греков, откуда, дескать, они, варяги, взялись, те отвечали по-военному прямо: «Из Тулы мы!» (данное свидетельство можно найти в ме-

муарах византийской принцессы, а впоследствии монахини Анны Комнины, известных под названием «Алексиада»).

Говоря же о Туле, варяги имели в виду не русский город в Центральной России, а древнюю арктическую Гиперборею, имевшую, по Страбону, собственное автохтонное название — Туле (в отличие от придуманного эллинами искусственного понятия Гиперборея, означающего страну «за северным ветром — Бореєм»). Отсюда в византийских географических сочинениях говорится об «огромном острове Тула», расположенном в Ледовитом океане.

Так кто же они такие в таком случае — варяги? В социальной структуре варяжского воинского братства (ордена) отчетливо просматриваются древнеарийского кастового сословия. Почему бы, скажем, не предположить, что варяги — трансформированный вариант одной из классических каст кшатриев? Ведь она как раз и объединяла правителей, воинскую аристократию и дружинников! Такая организация практически до Петровских реформ сохранялась и в структуре Запорожской Сечи, которая наверняка восприняла многое у варяжского братства, включая и знаменитые чубы (чуприны) на выбритой голове (впрочем, последние известны еще у древних ариев, что, собственно, лишний раз подтверждает высказанную здесь гипотезу). Корни Руси уходят в недостижимые глубины индоевропейского прошлого. Оно зародилось, пережило расцвет, катастрофические потрясения и упадок на Севере, где климат в те времена был иным, нежели теперь. Постепенно мигрировали на юг из-за неблагоприятных условий жизни многие индоевропейские прапредки современных этносов (индийцев, иранцев, греков, испанцев, итальянцев, армян, осетин и др). Ближе к северным широтам обосновалась часть славян, из которых впоследствии вычленилась и русская нация. Поблизости расселились и варяги.

Что же касается их этнической и языковой принадлежности, то здесь все обстоит совсем уж просто. Дело в том, что *варяги были русскими*. В «Повести временных лет» абсолютно обоснованно и закономерно утверждается: «варяги = русь» («зваху тьи варязи русь»), более того, прямо написано: «От тех варяг прозвася Руская земля». Еще в Лаврентьевской летописи, если читать по оригиналу, а не по «уточненному» (то есть по подправленному) рукописному тексту, сказано: «От тех прозвася Руская земля ноугородци ти суть людье ноугородци от

рода варяжска прежде бо беша словени». Написано, естественно, без пробелов и заглавных букв, только в одном месте «цельнолитая» строка разбита разделительной точкой. Исключительно важное свидетельство, но на него историки почему-то внимания не обращают. А зря! Здесь ведь черным по белому прописано: род варяжский изначально был славянским, и варяги вместе с новгородцами говорили на русском языке! Ибо в противном случае получится, что население Великого Новгорода (оно ведь «от рода варяжского») и до призвания Рюрика, и в дальнейшем, надо полагать, пользовалось одним из скандинавских языков (если, конечно, придерживаться тупиковой формулы «варяги = скандинавы»). Абсурд? В самом деле — другого слова не подберешь!

Почему Нестор-летописец, перечисляя через запятую «потомство Иафетово»: варяги, шведы, норвеги, готы, русь, англ, галичане, волохи, римляне, немцы, венецианцы и прочие, — не объявляет варягов шведами или норвегами (хотя в летописном перечне они названы раньше руси) и не утверждает, что варяги говорили по-шведски или по-норвежски? Да потому что для русского летописца, как и для всех русских людей той эпохи, было абсолютно ясно: варяги — никакие не шведы и не норвеги, а такие же русские, как они сами, — коль скоро даже переводчиков для общения не требовалось. Но то, что было самоочевидным еще в XII веке для Нестора и его современников, впоследствии оказалось камнем преткновения для большинства читателей и исследователей «Повести временных лет».

Но главный интерес, конечно, представляет смысл вышеприведенной сакраментальной фразы, на которой споткнулась не одна сотня великих и мелких историков и которая сделалась отправным пунктом бесславной норманнской теории. Тезис о прозвании Русской земли вмещает очень ёмкую и исключительно важную информацию. Во-первых, «от тех» относится не к варягам вообще, а к братьям Рюрику, Синеусу и Трувору, о которых речь идет в предыдущем предложении (слово «варяг(ов)» добавили позднее, и оно существенно изменило смысл всего сказанного). Во-вторых, Рюрик и его братья назвали Русской землей не всю, так сказать будущую Россию, а в первую очередь отнесли к ней новгородцев, жителей Новгорода, то есть нового города, построенного на месте старого Словенска, первой русской столицы, находившейся тут же поблизости

на Волхове и названной так по имени князя Словена — основателя стольного града. Потому-то и потребовалось уточнить, кем теперь стали новгородцы, которые «прежде бо беша словени», то есть являлись жителями (населением) города Словенска.

В-третьих, ключевыми во всей разбираемой фразе являются не упоминание о прежнем прозвании новгородцев — «словени», то есть «жители Словенска», — а о том, что они являются *соплеменниками варягов* («ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска»). Другими словами, если рассуждать, так сказать, «от противного», получается, что и сами варяги, и Рюрик с братьями были обыкновенными русскими людьми (хоть и жили в Заморье) и говорили на обычном русском языке, а не на каком-либо из скандинавских. В противном случае получится, что на норвежском, шведском или датском языке говорили новгородцы, ибо были они, как и Рюрикова семья, «от рода варяжьска». (Подробнее см. мою книгу «Тайны земли русской». М., 2000, и статьи: Варяги — русские витязи Севера // Мир Севера. 1999. № 3—4; Сколько лет Русской Земле? // Литературная Россия. 1999. № 47).

Почему же варяги сыграли столь выдающуюся роль в мировой истории — причем не разрушительную, а созидательную и объединительную? Такая задача под силу только энергонеисущей популяции, сплоченному сообществу целеустремленных людей, которых Лев Гумилев, развивая учение Вернадского о биосфере, поименовал *пассионариями*. Наделенные мощным энергетическим потенциалом и повышенной активностью, они по природе своей обречены были быть вожатыми, воодушевляя доверившиеся им народные массы на уготовленные им подвиги и волею судеб становясь движущей силой исторического прогресса.

Конечно, можно назвать варягов и племенем, но с достаточной долей условности. Скорее всего, они представляли собой особое воинское братство — прообраз и будущих рыцарских орденов, и уже упомянутой Запорожской Сечи. Были варяги хорошо организованы, обладали богатым опытом во всех областях хозяйственной жизни, торговли, государственного управления и особенно — воинского искусства. Потому-то и обратились в 862 году новгородцы к Рюрику с братьями, как бы сказали сейчас, за организационной помощью. И русские варяги быстро и охотно откликнулись, а затем

плодотворно поучаствовали в становлении Руси и российской государственности.

Но это уже другая история, ее отголоски повсюду слышны, а следы видны на Ладожском озере. Близ него, согласно Ипатьевской летописи, была построена («срублена») и первая столица державы Рюриковичей — Старая Ладога (Новгород и Киев стали стольными градами уже потом). По летописным преданиям, еще в I веке н.э. остров Валаам с материкового берега благословил апостол Андрей Первозванный, добравшийся до сих мест в своих провидческих скитаниях по Руси. Впоследствии здесь возник всемирно известный монастырь. Но еще задолго до принятия христианства на Валааме процветал языческий культ древнеславянского бога *Велеса*, по имени которого, согласно мнению многих топонимистов и этимологов, и был прозван остров (остатки по крайней мере трех языческих капищ известны здесь и по сей день).

Однако в названии острова не менее явственно слышится имя и более древнего бога, известного из Библии как Ваал. Так в грецизированном переименовании звучит имя древнесемитского Баала (Балу). Но было бы наивно полагать, что на берега Ладоги имя сие попало с Ближнего Востока. Скорее наоборот: при миграции гипербореев с Севера на Юг отдельные слова тогда еще нерасчлененного языка закреплялись по всему пути их перемещения. По той же причине этимологически и семантически родствен древнесемитскому Баалу и древнерусский Белбог (так же как, собственно, и слово «белый»). Все это знаменательно и символично: семена далекого прошлого всегда прорастают в настоящем и будущем.

2001 ГОД

Словно наверстывая упущенное в ходе предыдущих этапов экспедиции, заповедное Сейдозеро в начале июля 2001 года кишело прибывшими отовсюду аквалангистами, а его суровые берега и склоны окрестных гор непрерывно прочесывали специалисты, вооруженные самыми совершенными геофизическими приборами. Три года подряд, несмотря на предварительную договоренность, не удавалось нам ни вертолет заполнить, ни доставить к месту изысканий необхо-

димое техническое оснащение: в самый последний момент что-нибудь да срывалось (разумеется, не по вине экспедиции). На сей раз всего было предостаточно — и людей, и техники, и приборов.

Профессиональные водолазы и подводные пловцы, оснащенные не только аквалангами, но и аппаратурой для подводной фото- и видеосъемки, прибыли из разных мест. Самая большая группа, образовавшая ядро всей экспедиции и обеспечившая четкую хозяйственную организацию, — из Тулы (руководитель — Ромуальд Липовский, заместитель — Сергей Тюшев, комендант — Валентин Губарев). Нижегородских ныряльщиков возглавил известный кинооператор-подводник Геннадий Мамаев, а Москву представлял заведующий лабораторией прибрежных исследований Всероссийского НИИ рыбного хозяйства и океанографии Михаил Переладов. Основная тяжесть приборных изысканий пала на плечи главного геофизика Владимира Эсика из Центра региональных и геоэкологических исследований «ГЕОН», а наземных поисковиков возглавил Игорь Боев, офицер-североморец, принимавший участие в экспедиции с самого ее начала в 1997 году и ставший одним из первооткрывателей гиперборейских артефактов. Всего собралось 20 человек, не считая дополнительной дюжины добровольных помощников.

К сожалению, результаты работы аквалангистов, на которых возлагались особые надежды, оказались совсем не теми, что ожидались. Действительно, одной из рабочих гипотез до самого последнего времени оставалось предположение, что дно Сейдозера, являясь естественным продолжением прибрежной культурной среды, может скрывать многие древнейшие памятники, подобные тем, что были обнаружены на склонах гор, подступающих к самой озерной глади. Гипотеза так и осталась неподтвержденной, но и не опровергнутой, ибо, начиная с 2 и 3-метровой глубины, аквалангисты столкнулись с плотными и непроницаемыми отложениями придонного ила, начисто исключившего всякую возможность визуального наблюдения и, само собой разумеется, подводной фото-, кино- и видеосъемки.

Сказанное вовсе не означает, что водолазы и ныряльщики зря ехали в такую даль, привезя с собой около тонны тяжелого оборудования и прочих грузов (в том числе моторную лодку и бочку с бензином), плохо предназначенных для ручной пе-

реноски через горы и болота. Во-первых, они помогли четко и недвусмысленно определить, что нужно и что не нужно делать в дальнейшем, что можно, а что нельзя. Во-вторых, они быстро переориентировались и стали сопрягать погружение с показаниями приборов — георадара (являющегося одновременно гидролокатором) и эхолота, в результате чего удалось сделать новые замечательные открытия. В-третьих, чисто визуальные наблюдения на мелководье (а таковым является значительная часть акватории Сейдозера) также позволили приоткрыть завесу таинственности над некоторыми загадками, впрочем, тотчас же поставив дополнительные вопросы. Но лучше все по порядку...

Роскошная реликтовая поляна — единственное место на Сейдозере, где может приземлиться вертолет. Вот уж пятый год она служит базой экспедиции и главным ориентиром, куда добираются самостоятельно гиперборейцы-одиночки. Здесь же традиционно разбивали палатки проходящие туристские группы (а таких ежегодно набиралось несколько десятков, если не сотен). Сюда от Ловозера ведет знаменитая мошенная дорога, истоптанная в далеком прошлом и близком настоящем тысячами ног. Именно сюда ранней осенью 1922 года после 2-месячных приключений привел свой отряд Александр Барченко, и именно где-то здесь он сфотографировался у таинственного священного лаза под землю, напоминающего берлогу, который с тех пор никто не видел.

Кто бы мог подумать, что как-раз таки эти виденные-перевиденные поляна и дорога принесут ошеломляющие сюрпризы. Первые же замеры с помощью георадара дали сенсационные результаты: оказывается, обширное подземное убежище (или пещера), которое мы безуспешно искали на протяжении истекших лет, находится прямо под нами, то есть под поляной. Оно расположено почти по всей ее площади, начинается на глубине 4 метров с высотой сводов также до 4 метров и нередко уходит за 30-метровую отметку (предел для показаний прибора) и, судя по всему, хотя бы частично заполнено водой. Удивительно, но факт: три года назад на то же самое место указала мне молодая экстрасенка Валерия М.: по ее словам, она «видела» внизу подземное убежище, но тогда к мнению юной ведьмы многие отнеслись с понятной долей скептицизма. После компьютерной обработки полевых материалов был выявлен также засыпанный преиму-

шественно торфом туннель, ведущий от подземного убежища на противоположную сторону озера, к каким-то не менее загадочным пустотам в горе Нинчурт. Полученная «картинка» произвела фурор среди специалистов: в один голос они заявили, что с геологической точки зрения подобное невозможно.

Не исключено, что обнаруженная подземная полость и есть то самое сакральное пространство, куда вел исчезнувший священный лаз, сфотографированный экспедицией Барченко. Исчезновение же можно объяснить довольно-таки просто: проход под землю уничтожили (взорвали или засыпали) еще в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого столетия. Причина проста и одиозна: до 50-х годов поблизости размещался спецлагерь НКВД (МВД). Точнее, сам лагерь с постоянно обновляющимся контингентом заключенных находился по другую сторону озера, у входа в ущелье Чивруай, а на поляне располагались ВОХРА, вспомогательные и хозяйственные службы. Лично я склонен считать, что проход под землю был взорван еще чекистами, сопровождавшими Барченко: не могло такого быть, чтобы они вместе с руководителем отряда не исследовали подземное убежище, несмотря на то что всякий, кто к нему приближался, испытывал неодолимое чувство страха. Зря что ли и сам Барченко, как одержимый сверхидеей капитан Гаттерас, два месяца упрямо вел своих людей к заветной цели, о которой, судя по всему, ему было известно гораздо больше остальных (как и о том, что именно можно отыскать в таинственных пещерах Лапландии).

Точно такие же таинственные подземные пещеры с ведущими к ним малозаметными замаскированными входами, вызывающими чувство тревоги, переходящей в страх, отыскал недавно в Гималаях профессор Эрнст Мулдашев и рассказал о них в своих многочисленных публикациях и интервью. Мы тоже обнаружили на сакральной поляне (у входа на нее с восточной стороны лежит огромная квадратная алтарная плита размер 3х3 м) место, где, быть может, находился один из проходов в гиперборейское подземное убежище. Это — небольшая площадка, «где трава не растет», пространство площадью с кузов грузовика: здесь нет никакой растительности в окружении буйного разнотравья и подступающего вплотную леса. Мнение экспертов: скорее всего, засыпанный рыхлой породой туннель в скальном грунте как губка пропускает талую и дождевую воду,

да так быстро, что не дает на этом месте ничему вырасти. А может быть, здесь находится иная аномальная точка (не дай бог, геопатогенная!)?

Не менее неожиданный сюрприз принесла и всем хорошо известная мошенная дорога. Ее древность подтвердилась самым невероятным образом. Георадар бесстрастно констатировал, что каменная бутовая кладка ровными рядами вертикально и под прямым углом уходит на полтора метра под землю. Впрочем, стены Трои, откопанные Шлиманом, находились на глубине, вдесятеро большей. Другими словами, ни один из прошедших по таинственной мошенной дороге до сих пор не подозревал, что на самом деле он проходит по вершине некоей стены, — возможно, древнему оборонительному укреплению, полностью — естественным или искусственным путем — утопленному в грунте. Другое объяснение: здесь был полуметровый ров, заполненный впоследствии до дна булыжниками и валунами.

Геофизическое оборудование, доставленное в Ловозёры, включало множество диковинных и невиданных здесь доселе вещей. Прежде всего, в комплектацию георадара входила мини-электростанция, весившая килограмм двадцать. Слава богу, она служила для подзарядки энергоблоков, а также последующей компьютерной обработки материала, и ее не требовалось повсюду таскать за собой. Затем — антенна, более всего похожая на спортивный барьер, что перепрыгивают атлеты на стадионе во время бега с препятствиями. Этот «снаряд», весь опутанный проводами, крепился на коротких лыжах и был снабжен двумя увесистыми коробками — передатчиком электромагнитных волн и их приемником.

Очень, надо отметить, оказался полезным этот неуклюжий «барьер», потому что, увлекшись геофизическими замерами на болоте, его владелец дважды проваливался в трясину, и только деревянная рама, на которую он вовремя ложился всем телом, не давала ему с головой уйти в коварную жижу. Одновременно соскальзали и другие важные компоненты геолокатора — компьютер-ноутбук, прикрепленный с помощью особых держателей на груди, и процессор, точно заплечный рюкзак, покоящийся на спине. Забегая вперед, сразу скажу, что геофизический зондаж на болотах ничего не дал. Мы надеялись найти следы того самого затопленного города, который еще в 1887 году искала финская научная экспедиция, опираясь на

шаманские предания и какие-то тайные сведения. Правда, из пяти окружающих болот исследовать вдоль и поперек удалось лишь одно, где В.Л. Эсик чуть не утопил свой чудо-прибор вкупе с компьютером, а заодно и себя. Поэтому следующее более труднодоступное болото «просвечивалось» исключительно по безопасной кромке, а третье вообще осматривалось только визуально.

Между тем аквалангисты, сделав несколько контрольных погружений в разных частях озера, пришли к неутешительному выводу: плотный ил заполняет придонный котлован на глубину до 20 метров. Что ж: где бессильна одна техника, поможет другая. Сначала с помощью эхолота были выявлены загадочные подводные колодцы: достаточно ровное дно на мелководье вдруг обрывалось на 20—30 метров. То же самое вскоре подтвердил и георадар. Тогда было принято единственно правильное решение: если позволит погода и волнение озера, произвести фронтальное «прочесывание» его дна. Геофизическую аппаратуру водрузили на самую большую надувную лодку, тросом соединив ее с моторной, и принялись, как бороной, бороздить просторы озера. Надо всем этим фантастическим поездом вышлась фигура технического волшебника В.Л. Эсика. Не знаю, кому как, — мне лично сия невероятная для глухих лапландских просторов кавалькада напоминала выезд бога Нептуна в окружении своей языческой свиты (кстати, тульский подводный клуб, обеспечивший это бесподобное действо, носит название «Нептун»).

Электромагнитный луч геолокатора свободно проникал сквозь многометровые отложения ила и давал на экране компьютера не без помех, но все же достаточно точную картину дна — как по контуру, так и на придонной глубине. Озерное дно даже на мелководье (но не у берега) представляет собой поразительное зрелище. Куда ни глянь — точно поле застывшей лавы или грязевого вулкана: кольцеобразные каверны, похожие на лопнувшие пузыри, или даже миниатюрные лунные цирки. Глядя на них, я грешным делом даже подумал: а так ли уж и безупречна господствующая гипотеза происхождения лунных кратеров как следов бомбардировки метеоритов? Почему бы ни рассмотреть альтернативную версию: окаймленные горами цирки на нашем естественном спутнике образовались в результате вулканической деятельности и остывания горячей планетарной поверхности, покры-

той огромными лопающимися пузырями магмы, которая впоследствии покрылась «лунной пылью» (быть может, вулканическим пеплом)?

Самые удивительные открытия ждали нас в лагуне, отделенной от Сейдозера живописной косой. Высказывались даже предположения, что коса эта искусственного происхождения. Аквалангистское обследование не дало каких-то неопровержимых аргументов в пользу такой гипотезы. Зато у южного берега лагуны, там, где к ней вплотную подступает гора Нинчурт, почти нависая над водой своими мрачноватыми скалами, сначала эхолот, а затем и радар зафиксировали два глубоких «колодца». Но найти с помощью прибора — еще не значит потрогать руками. И вот один из самых активных и вездесущих участников экспедиции, молодой подводник-туляк Ярослав Зорин ныряет на глубину 16 метров (в 20 метрах от берега) и достигает первой «дырки» диаметром не менее 70 сантиметров, уводящей в неизвестность. Однако, наслышавшись о местном «лохнесском чудовище», периодически появляющемся на поверхности, он совершенно правильно поостерегся совать нос или руку в подозрительную нору.

Первоначальные восторги и всеобщее ликование быстро поостыли под натиском трезвого анализа. Дело в том, что обнаруженное Ярославом отверстие оказалось глубокой воронкой в иле. По мнению специалиста в этих вопросах Михаила Переладова, подобные «дыры» часто встречаются именно в лагунах (в азовских и черноморских лиманах, на Камчатке, в Полинезии и т.д.) и имеют сифонное происхождение. С нашей гиперборейской лагуной оказалось не все так просто. По показаниям георадара, подводный лаз уводил куда-то под гору Нинчурт, смыкаясь, возможно, с какими-то ее внутренними пустотами. Что, кстати, полностью соответствует древнему самскому преданию, согласно которому однажды в стародавние времена внутри горы, спасаясь от врагов, скрылось множество проживавших в округе лопарей (гора Нинчурт — состоит из двух половинок, согласно легенде, они могут сходиться и расходиться, обнажая внутренние убежища).

Последнюю точку в спорном вопросе поставил нижегородец Геннадий Мамаев. Он пронырнул сквозь мощный слой ила и на самом дне вручную ошупал таинственное отверстие. Илстая воронка оказалась естественным продолжением придонной «норы»: в мягком грунте (на ощупь — глина) она уводила

на недостижимую глубину, куда запустить можно разве что робота с геолокатором (снимать бесполезно — все забито илом).

Геннадий помог приблизиться к разгадке еще одной волнующей тайны. В 1998 году группа поисковиков, находясь на вершине противоположной горы, увидела на дне Сейдозера (к западу от острова Могильный) огромный (до 100 метров) знак, состоящий из трех крестообразно соединенных треугольников. Предполагалось, что там, на дне, находится какая-то кладка непонятного происхождения. Добраться до нее до сих пор не удавалось. В этом году одной из первых задач, поставленных перед аквалангистами, было — любыми путями отыскать и обследовать загадочный феномен. Тем более что, облетая Сейдозеро на вертолете, мы с высоты разглядели под водой размытые контуры каких-то геологических структур.

Геннадий Мамаев же выявил и определил совсем другое, углядев с берега на мелководье совершенно невероятную 15-метровую фигуру — то ли птицы с изяшно расправленными крыльями, то ли человека с дугообразно поднятыми руками. В отличие от поисковиков прошлых призывов Геннадий приехал на Сейдозера для подводных съемок, а потому тотчас же надел скафандр, нырнул и отправился снимать загадочный объект. Каково же было удивление, когда аквалангист обнаружил на дне не каменную кладку (как, вполне естественно, ожидал), а геометрически правильную конфигурацию, образованную все тем же илом — не размазанным по дну, но собранным в овальные сгустки величиной с кулак или картофелины. Тысячи подобных «картофелин» и складывались в пластичную фигуру. Стоит дотронуться до такого «клубня» — он моментально превращается в прах.

Но кто же автор подобных художеств? Что заставляет ил образовывать сгустки, а те, в свою очередь, — складываться в причудливую мозаику? Есть минимум два объяснения — вероятное и невероятное. Вероятное: силовые линии, энергетические токи, гидродинамические или какие-то еще (может, даже и неизвестные) закономерности. Как магнит заставляет металлические опилки выстраиваться в завораживающие контуры, а мороз — по законам кристаллографии плодит мириады изумительных по красоте снежинок или рисует на окнах сказочные картины, так и подводные рисунки из ила могут быть образованы геофизическими и космопланетарными полями, пронизывающими уникальный геологический и геокосмический феномен — горный мас-

сив Ловозерских тундр, в центре которого как недремлющее око сияет лапландское чудо — Сейдозеро.

Невероятное объяснение связано с ноосферными феноменами, которые регулярно констатируются в разных точках Земли в разные эпохи и разными людьми. Многократно описаны так называемые небесные знамения (огненные столбы, кольца, свечения и т.п.), часть из них имеет несомненное ноосферное происхождение. Неоднократно фиксировались также небесные или огненные знаки, символы, видения, среди которых важное место занимает появление связанных текстов и надписей. Самое известное из таких ноосферных явлений отражено в Библии: огненные письма, начертанные невидимой рукой на пиру последнего вавилонского царя Вальтасара и предрекшего гибель его самого и Вавилонского царства. Появление на небе смысловое много слова «рай» описано К.Э. Циолковским в неоднократно издававшемся трактате «Неизвестные разумные силы».

То, что таинственные рисунки на дне Сейдозера начертаны с помощью такого экзотического средства, как ил, ничего не значит. В конце концов, писчий мел под микроскопом представляет собой породу, сцементированную из кальцитовых скелетов древних микроорганизмов. В русле приведенных объяснений следует, вероятно, рассматривать и увиденные поисковиками три года назад подводные треугольники: их контур вполне мог быть образован сгустками придонного ила, которые со временем распались. «Автор» тот же — планетарная и космическая ноосфера.

К сожалению, как всегда, исследования пришлось прерывать и заканчивать на самом интересном. Оставалось одно — надеяться на будущее. После пяти лет разноаспектных исследований мы покидали Сейдозеро с еще большей уверенностью, что именно здесь скрывается одна из самых заманчивых тайн древнейшей истории человечества...

2002 ГОД

Еще работая над книгами «Загадки Русского Севера» и «Загадки Урала и Сибири» (так сказать с конца прошлого, XX века) я осознал чрезвычайную актуальность идей французского учено-

го XVIII века Жана Сильвена Байи для нашего времени и гиперборейских изысканий. Уже тогда была поставлена цель — во что бы то ни стало побывать в тех местах Арктики, которые французский академик считал осколками древней Атлантиды — Гипербореи. Однако задержка с завершением исследований, в течение пяти лет проводимых на Кольском полуострове, позволила осуществить жгучее намерение только летом 2002 года. Первым пунктом была избрана нынешняя территория Ямало-Ненецкого автономного округа, полуостровную оконечность которого Байи некоторым образом и чисто интуитивно отождествлял с северными Геракловыми столбами — преддверием Атлантиды — Гипербореи. Что именно навело на такую мысль друга Вольтера — предстояло разобраться на месте.

И вот я на Ямале. До этого научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» исследовала многие регионы Крайнего Севера и Евразии в целом. Ибо пути миграций гиперборейцев с Севера на Юг (после гибели их Полярной Прародины и изменения климата в сторону резкого похолодания) пролегал по разным маршрутам. Среди стартовых регионов было и Приобье, которое по тогдашним своим природным характеристикам, конфигурации русла рельефа и морских берегов могло выглядеть совершенно по-другому. С полным основанием сказанное можно отнести и к полуострову Ямал, площадью в 122 тысячи квадратных километров, что сравнимо со многими другими крупными полуостровами Земли (территория же Ямало-Ненецкого автономного округа, включающего все Северное Приобье, чуть ли не вдвое больше Японии).

История Ямала органически вписывается в гиперборейскую эпоху и закономерно сопрягается с полярной концепцией происхождения человечества и земной цивилизации. Как правило, топоним Ямал переводится очень просто: от ненецких слов я — «земля» и мал — «конец»; я + мал = ямал («конец земли»). Все, казалось бы, ясно, все прозрачно — о чем тут еще спорить. Однако спорить о чем как раз-таки и есть! Ненцы (по-старому — самоеды) появились на Крайнем Севере в первые века новой эры. По наиболее распространенной гипотезе пришли они из Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье), хотя есть и другие версии. То, что современные ненцы не слишком похожи на южно-сибирских аборигенов, не столь уж и

важно: эскимосы совсем не похожи на полинезийцев, хотя доказано, что приплыли (точнее прилетели, согласно эскимосским преданиям, на «железных птицах») в места своего нынешнего обитания именно из Океании где-то в середине 1-го тысячелетия н.э.

Однако что было на Ямале до появления здесь ненцев? Не пустовали же сии обширнейшие земли, по территории превышающие площадь современной Британии! По всему побережью Ямала археологи, вскрывая культурный слой, находят следы пребывания человека, датируемые по нижней хронологической планке 3-м тысячелетиям до н.э. Летом 2001 года на реке Полуй, в 40 километрах от Салехарда, археологи обнаружили татуированную мумию девочки, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе*, а о времени ее происхождения вообще не могли сказать ничего внятного. Следовательно, ямальские ненцы пришли не на пустое место. Сами они говорят о том, что арктическое побережье было заселено низкорослым народом сихиртья (сиртья), который переселился под землю (ненецкий вариант широко распространенной легенды о «подземной чуди»).

Но нас интересует совсем другое. Не приходится сомневаться, что, появившись на Ямале, ненцы застали здесь уже до них и без них существовавшие названия. Это относится и к реке Оби, устье которой образует обширнейшее Обское море, омывающее полуостров Ямал с востока, и к территории в целом. Название сие вполне могло быть гиперборейским, с учетом того, что Обская губа испокон веков выступала западносибирским связующим звеном между Гипербореей и остальным миром. Именно данный регион, как нам теперь хорошо известно, интуитивно привлекал особое внимание Жана Сильвена Байи.

В названии Ямала вполне могут быть отображены древнейшие индоевропейские (гиперборейско-атлантические) реалии. Прослеживаются ли они в топониме Ямал? Более чем бесспорно! Общеизвестно, что имя одного из древнейших ведийских богов — Яма. Так поименован владыка царства мертвых и од-

* См.: Санин Г., Панкратова К. Четвертая раса: Ученые из Екатеринбурга нашли под Салехардом захоронения, способные пролить свет на историю европейских этносов // Итоги. 9 октября 2001.

новременно — божество неотвратимого наказания. Санскритское слово уата означает «близнец» и все потому, что у Ямы была сестра близняшка Ями (Ямуна), которая согласно Ригведе (X 14, 1—2) соблазнила собственного брата, заставив его вступить в кровосмесительный брак. По позднейшей индуистской традиции Ями считается Царицей ночи, поэтому вполне логично предположить, что именно отсюда происходит малоупотребительное слово ямеря, означающее «сумерки» и известное из олонешского северного говора.

Не вдаваясь в дальнейшие мифологические подробности, а также родословную самих ведийских богов, отмечу только, что их имена вполне могли стать основой палеотопонима, который спустя века и тысячелетия новые мигранты — ненцы — осмыслили с точки зрения семантики собственного языка. От общеарийского теонима Яма в конечном счете произошло и русское слово «яма», по смыслу вполне сопрягающееся с функциональными особенностями владыки Подземного царства. В русском языке имеется еще одно понятие с аналогичным корнем — ям, означающее «почтовую станцию» и ставшее неотъемлемой частью русской жизни во времена татаро-монгольского ига. Отсюда произошли и другие слова — ямщик, ямской и др. Их происхождение из тюркских языков сомнения не вызывает. Но, во-первых, почтовые ямы семантически не имеют ничего общего с ямами — вырытыми углублениями в земле. А во-вторых, тюркское слово *jam* само могло произойти в рамках ностратической семьи от некоторой общей для тюркских и индоевропейских языков протолексемы. Есть же в тюркских языках слово «яман», означающее «плохо», которое кое-где даже перешло в русский язык (см.: словарь Владимира Даля). Яман, то есть «плохо», как оценочное понятие вполне сопрягается с именем бога смерти — Яма (смерть — это всегда плохо). Предложенная выше этимологическая реконструкция — никакая не натяжка, а логически обоснованный вывод, опирающийся на конкретные исторические и этногенетические реалии.

Однако при выезде моем на Ямал в июле 2002 года была поставлена совершенно конкретная цель — сопоставить гипотетические выводы Ж.С. Байи с теми реалиями, которые через два с половиной века после его переписки с Вольтером и спустя много тысячелетий после гиперборейского исхода с

Севера на Юг удастся обнаружить в приполярном и заполярном регионе, бывшем столь заманчивым и недостижимым для французского академика в XVIII веке. И на первом месте, безусловно, стояли загадочные Геракловы столбы, кои Байи отождествлял с рукотворными артефактами, относящимися к начальному периоду мировой истории.

Сидя за компьютером в Москве, априори можно было выдвинуть гипотетический тезис: раз Русский Север испокон веков, как шахматная доска фигурами, был уставлен «слепыми маяками» — гуриями, то уж более всего их должно быть в устье Оби, превратившемся в течение тысячелетий в широченный залив — Обскую губу. Для мореплавателей-первопроходцев, заново нанесших на карту эти моря и земли во времена Великих географических открытий, Обская губа, считавшаяся ими настоящим морем, была центром притяжения их нередко титанических усилий. В XVI веке английские военные и торговые парусники, искавшие северо-восточный проход в Китай и Индию, просто осаждали Полярное Приобье. Хотя, судя по всему, англичане (а также голландцы в лице Баренца) располагали древними сведениями и картами, восходящими еще к гиперборейской эпохе, на коих Северный Ледовитый океан изображался еще судоходным (по существу он таковым и был), а по Оби и Иртышу явственно обозначался проход в Китай (по крайней мере, если вести указкой или пальцем по карте).

Поездка на Ямал лишней раз подтвердила простую истину: любая теория чего-нибудь да стоит только после того, как подтверждена практикой. Вопреки ожиданиям, гуриев в этой части Российского Севера (и в частности на Обской губе) оказалось до обидного мало. Они, конечно, есть и зафиксированы краеведами — и на западном побережье полуострова, куда еще в XVII веке доходили голландские корабли, и по берегам Тазовской губы, традиционного пути проникновения русских землепроходцев к Енисею, и далее, в Восточную Сибирь. Должно быть, раньше гуриев в Приобье было значительно больше. Хотя берега Оби в ее низовьях в основном песчаные, все же подходящий камень имеется в достаточном количестве. Видимо, когда отпала необходимость воздвигать «слепые маяки» в обжитом районе, исходный материал был использован для строительных нужд. Но ключ к разгад-

ке каменных столбов, как оказалось, заключался совсем в другом.

Байи рассуждал правильно, однако ошибся в двух вещах: в координатах и происхождении полярных столбов. Огромных одиночных камней колоннообразной формы в регионе предостаточно, но основная их масса имеет естественное происхождение и находится к юго-западу от полуострова, на Урале, отроги которого вплотную подступают к устью Оби, как бы ныряя у побережья под воды Ледовитого океана, с тем, чтобы вынырнуть опять на островах Новой Земли. В Салехарде — столице Ямальского края — испещренные снежниками отроги Полярного Урала видны из любого окна, обращенного к западу. Уральский хребет, протянувшийся на тысячи километров от Полярного круга до знойных и безводных степей, — своего рода нерукотворный сварочный шов, соединяющий Европу и Азию. Близ Салехарда это чувствуешь воочию.

Быстроходные паромы в обоих направлениях непрерывно доставляют людей и грузы через Обь — красавицу-реку, раздольную, как душа народов, обживших ее берега. От Лабитнанги, расположенного на другом берегу Оби напротив Салехарда, прямо через Уральские горы проложена однопутная железная дорога, связывающая Приобье с Европейской частью России. Подобие автомобильной трассы обрывается у самых гор, точнее — прямо на ближайшей из них. Это обычная сопка высотой метров шестьсот, с которой открывается незабываемая панорама Полярного Урала, растянувшегося на тысячи километров к югу и постепенно переходящего в Приполярный и Северный Урал. Но главное было в другом: на противоположной сопке такой же примерно высоты явственно проступали контуры высоких каменных столбов.

«Так вот оно в чем дело! — возликовало все внутри меня. — Вот же они — приобские «геракловы столбы», про которые писал Байи! Только таковыми следует признать не только рукотворные каменные сооружения, но и естественные останцы-кукеры, распространенные во многих частях земного шара, и Урал здесь не исключение». По информации местных краеведов (а они, в свою очередь, опираются на сведения, полученные от геологов), каменных столбов-останцов в округе очень много, но добраться до них не так уж и просто. В одном месте

были замечены даже развалины какой-то стены, но данный факт требует уточнения. Чтобы дойти до тех столбов, которые красовались прямо перед моими глазами на близлежащей сопке, требовалось несколько часов пути туда и обратно. Таким временем ни я, ни сопровождавшие меня проводники не располагали. Поэтому было решено, что в скором времени сюда специально вернется киногруппа и в спокойной обстановке снимет все, до чего удастся добраться и что послужит материалом для будущего видеофильма, который задумала создать при моем участии телекомпания «Ямал-Регион».

В концептуальном же плане все встало на свои места. Ибо, как хорошо известно, в древности (да и не только в древности) объектами поклонения служили не только камни-останцы, но и отдельные валуны (в России такой обычай сохранился по сию пору). Но что же, в таком случае, первично — поклонение останцам или же поклонение рукотворным менгирам, искусственным столбам и т.п.? Думается, поклонение выдающимся нерукотворным камням и столбам по времени более древнее, чем впоследствии воздвигавшимся по их подобию сейдам, гуриям, колоннам, обелискам и каменным алтарям. На Севере (и в частности — на Ямале у ненцев и на Кольском полуострове у саамов) святилища сооружали еще и из рогов и костей животных. Такие во множестве существуют и в наше время. Аналогии напрашиваются сами собой: святилища из рогов и костей известны с глубокой древности и существовали по всему миру. Так, из эллинской истории хорошо известен алтарь Кератон, сделанный из скрепленных бычьих и козьих рогов.

Останцы на вершинах и высоких склонах гор обладают поразительной устойчивостью. За тысячелетия ничто не смогло поколебать их незыблемость. Такое впечатление, что их вообще установили намеренно. Кто, зачем, какими силами? Кто? — понятно и без объяснений: конечно же гиперборейцы. Зачем? — возможно, для ориентира мигрантов, спасавшихся от геофизического и климатического катаклизма. Какими силами? — Так в Гиперборее ведь существовала высокоразвитая цивилизация, коей были подвластны и техника полета, и, судя по всему, антигравитация. Такое объяснение ничуть не хуже и даже более вразумительно, чем уж совсем неправдоподобное (но странным образом исключительно живучее), что многотонные испо-

линские останцы на вершины гор забросило силой ледника или в результате его таяния.

Вполне возможно, как сие следует из Гомеровой «Одиссеи» (сейчас я это продемонстрирую), именно столбы-останцы сторожил титан Атлант, олицетворявший множество зрителей-атлантов. Как сопрягалось все это с поклонением Гераклу, в честь которого, по Байи, и были названы каменные столбы-останцы? Очень даже сопрягалось: Геракл — непосредственный участник всех перечисленных событий, и память о его деяниях в Гиперборее естественным образом запечатлелась в памяти его далеких потомков. Теперь об Атланте — отце Гесперид (как мы еще не успели забыть). Образ его в древнегреческой мифологии, поэзии и эллинском мировоззрении в целом достаточно противоречив. Сказанное недвусмысленно подтверждает характеристика, данная титану-небодержателю двумя зачинателями античной поэзии — Гомером и Гесиодом. Гесиоду принадлежат хрестоматийные строки, цитируемые бесчисленное число раз (Теогония 517—519):

*Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певичы живут Геспериды.*

Аполлодор, как мы помним, уточняет: и границы эти, и сам Атлант, и сад Гесперид с золотыми яблоками находятся «там, где обитают гиперборейцы» (II 5. 11), то есть на Крайнем Севере. Среди утраченных творений Гесиода была поэма, которая называлась «Потомки Атланта». В комментариях античных грамматиков и схолиастов от нее сохранилось несколько фрагментов. В одном из них Атлант назван «блистательным». Казалось бы, что еще можно добавить? Оказывается, очень и очень много! Ибо приведенная характеристика и эпитет, данные Гесиодом, абсолютно не совпадают с тем, что говорится в Гомеровой «Одиссее», где Атлант именуется «кознодем» (то есть «злокозненным»), а про его основное занятие, связанное подержанием на своих плечах и голове небесного свода, утверждается нечто совершенно другое и весьма любопытное именно для темы настоящей книги.

Можно не открывать «Одиссею» — я сейчас приведу интересные нас строки. Они из 1-й же главы поэмы Гомера,

которая начинается с рассказа о семилетнем пребывании Одиссея в волшебном гроте нимфы Калипсо на далеком острове Огигия (который, как мы помним из Байи, многие отождествляли с Атлантидой). Предположение вполне закономерное, ибо прекрасная нимфа была дочерью титана Атланта. Вот что говорит про нее Гомер (I 51—53):

*<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.*

Я намеренно выделил интригующие слова (иначе не назовешь) в классическом переводе В.А. Жуковского. Теперь взглянем, как тот же текст звучит в менее известном переводе В.В. Вересаева:

*<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который надзор за столбами имеет:
Между землею и небом стоят они, их раздвигая.*

Где же тут небо, лежащее на плечах или голове? Оно поκειται на столбах, а вовсе не на корпусе или руках Атланта. Титан в одном случае подпирает эти столбы, а в другом — просто выступает их смотрителем и сторожем. Ну, да бог с ним, с Атлантом, коего Гомер почему-то недолюбливал (имелись на то, должно быть, веские причины), хотя было сие полубожество (титан) дедом настоящего олимпийского бога — Гермеса, хранителя всего тайного и сакрального знания древности (а родила его мать-атлантида Майя от любвеобильного Зевса во все той же Гиперборее). Между прочим, известный эпизод, связанный с одиннадцатым подвигом Геракла — встреча с Атлантом на краю земли, где растет сад Гесперид с золотыми яблоками, и передача самому знаменитому герою Эллады небесного свода можно трактовать и аллегорически. Атлант, считавшийся первым астрономом Древнего мира, мог передать Гераклу всего лишь знания о небесной сфере, тайнами которой он обладал.

Однако в приведенных трех строчках из Гомеровою «Одиссеи» содержится гораздо более ценная и интересная информация о загадочных столбах, кои, собственно, и поддерживают небо, дабы оно случайно не упало на землю. Мне пред-

ставляется (и уверен, что не ошибаюсь): у Гомера в поэтически-искаженной форме речь идет о действительных каменных столбах, что во множестве и по сей день встречаются в разных регионах мира и в особенности — на Крайнем Севере.

2003 ГОД

На одном северном ландшафтном памятнике, наверняка связанном с Гипербореей, мне хотелось бы остановиться более подробно. Речь пойдет о пирамидальной горе Рамы в Мурманской области, а также о причинах появления за Полярным кругом топонимов, заставляющих вспомнить великий индийский эпос «Рамаяну» и его главного героя — блистательного царевича Раму. Одной из участниц научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» он даже являлся во сне — облаченный в золотые доспехи. Александр Васильевич Барченко (1881—1938) еще в 20-е годы XX столетия высказывал предположение, что семь тысяч лет назад индоарийский вождь Рама возглавил исход прапредков индоевропейских народов с Севера на Юг (о чем писал и Б. Тилак в уже неоднократно упоминавшейся книге «Арктическая родина в Ведах»). Многовековое миграционное движение протоэтносов было вызвано жестоким похолоданием, обрушившимся на северные регионы после катастрофического космопланетарного катаклизма.

Вот почему участников научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» так тянуло к горам и озерам Кольского полуострова, запечатлевшим имя Рамы: именно здесь достаточно вероятно нахождение материальных следов далекой истории Отечества и всей Евразии. Один тип древнейших реминисценций, свидетельствующих о индоарийском происхождении многих северных наименований, уже выявлен однозначно. Имеются в виду фронтальные исследования топонимики Российского Севера, проведенные Н.Р. Гусевой и С.В. Жарниковой. Они установили множество названий северных рек, озер и других географических мест, в основу которых положены архаичные лексемы «ганг» и «инд» — от горы и озера Гангос на Мурмане до полноводной реки Индигирки в Восточной Сибири.

Но вот еще одна корневая основа — «рам», общая для многих индоевропейских и неиндоевропейских языков. Не стану расплываться по всей карте Российской Федерации — сосредоточусь главным образом на Кольском полуострове. В самом сердце его, в прошлом именовавшемся Русской Лапландией, расположена возвышенность Раматауйвенч-тундра, есть озеро — Рамявр (Рамозеро) и гора Рамы (даже две, расположенных напротив друг друга). Именно она давно привлекала внимание поисковиков из экспедиции «Гиперборея» своей правильной пирамидальной формой. Гора-пирамида невысока — всего 597 метров. Зато видно сию тупоугольную нерукотворную красавицу с любой стороны. Она точно магнит притягивает своей таинственностью и сакральностью всякого, кто только ее только раз увидит.

Добраться до нее не так просто: и места труднодоступные, и примыкают они вплотную к закрытой военной зоне. Поэтому попытки самостоятельно добраться до священной горы (а они в прошлом предпринимались) до сих пор не увенчались успехом. Но вот в мае 2003 года вдруг раздается телефонный звонок: военные предлагают исследовать Рамозеро и гору Рамы на гусеничном тягаче-вездеходе. Меня уговаривать долго не нужно, и вот я уже в Оленегорске, неподалеку от которого и началось это наполненное приключениями и романтикой путешествие в глубь нехоженых земель и отечественной истории. Спасибо же преогромное военным за предложенную помощь и четкую организацию блиц-вылазки в только что освободившуюся от снега лапландскую тундру, покрытую непролазными болотными топями и усеянную тысячами валунов, многие из которых имеют явно культовое предназначение! К сожалению, не могу назвать (по вполне понятным причинам) имен, рода войск и места дислокации наших опекунов, дабы выразить им персональную благодарность.

Гусеничный тягач средних размеров (сокращенно ГТС) идеально приспособлен к любому бездорожью. Медленно, но верно он достигает таких мест, куда обычным способом вообще не добраться. По непроходимым болотюгам идет «аки по суху», бурные порожистые реки преодолевает с первой же попытки, на любую сопку (конечно, если на ней нет обрывов) вползает с упорством космического робота. Правда, за три дня и две ночи (в конце мая за Полярным кругом солнце уже не уходит за горизонт) у нас попеременно слетала

то одна, то другая гусеница. Да еще дважды садились брюхом на невидимые в воде или во мху валуны, после чего приходилось сдвигать внедорожник с «мертвой точки» при помощи домкрата.

И все же в конце первого дня путешествия по заболоченной тундре мы не только добрались до Рамозера и обогнули его по периметру, но и забрались на самую вершину горы Рамы. Нельзя сказать, что мы были первопроходцами, тем не менее наши исследовательские ожидания были вполне удовлетворены. На вершине горы — нагромождение из огромных прямоугольных блоков. Издали они напоминают короткую рукотворную стену, зато вблизи становится совершенно ясно их естественное происхождение.

На вершину горы Рамы мы поднялись с помощью гусеничного тягача 30 мая 2003 года. Есть ли основания идентифицировать находящиеся здесь скальные образования правильной геометрической формы в плане культовых объектов? А почему бы и нет! Можно увидеть в расслоенных каменных блоках и остатки древнего святилища, и навигационные ориентиры. Последние (как, впрочем, и сама пирамидальная гора Рамы) могли быть вполне пригодны для ориентации на местности древних мигрантов, устремившихся когда-то с Севера на Юг. Примечательно, что на вершине соседней горы, также носящей имя Рамы (точнее — Рамозера), симметрично располагается точно такая же каменная стенка.

Но, быть может, имеются еще какие-либо интересные «зацепки»? Оглянемся вокруг, взглянемся повнимательней в каждый камень. Вот на одном из них явственно проступают какие-то знаки. Их всего три. Надпись не надпись, но на одно слово набирается! Какое же и на каком языке? Начертание символов не похоже на графику ни одного из известных алфавитов. И способ написания необычен: не рисунок и не насечка, а как бы травление в самой породе — как будто кто-то неведомый с помощью невыясненной пока технологии выравил их на поверхности камня, изменив цветовую гамму минерала, придав ей правильное осмысленное очертание. За консультацией я впоследствии обратился по электронной почте к двум исследователям из Омска — филологу Николаю Слатину и специалисту по компьютерной графике Кириллу Макарову. Они попытались расшифровать интригующие знаки

с помощью так называемой «влесовицы» — письмен, которыми начертаны тексты на дощечках загадочной «Влесовой книги». Их истолкование таково: три знака на горе Рамы прочитываются как КРЛ. Гласные не обозначены; наиболее вероятное прочтение — КОРЕЛА (вполне возможны КАРЕЛА, КАРЬЯЛА, КОРОЛЬ, КИРИЛЬ, КАРЛ и пр.). Кроме того, один из дешифровщиков обратил внимание, что подобное же сокращение используется в карельских сайтах. Ну не чудо ли — древность сама собой смыкается с современностью!

Насколько обнаруженную символику можно увязать с древнеарийской историей, сказать наверняка пока трудно. Но мне лично почему-то сразу же припомнился один необычный полуметровый камень, найденный на вершине другой горы в Ловозерских тундрах три года тому назад. Камень был необычен своей вытянутой торсообразной формой. По существу, он и приглянулся именно тем, что живо напоминал древние безголовые женские скульптуры, обнаруженные археологами в различных точках земного шара (в том числе в Индии и Центральной Азии) и, несомненно, относящиеся к эпохе матриархата. Конечно же тогда я сфотографировал удивительную находку, но шел обложной дождь, свинцовые тучи едва не касались вершины горы, и снимок получился невыразительным...

Семантика архаичных знаков и символов, проявляющаяся также и в традиционном орнаменте, открывает значительные возможности для расшифровки, декодирования и реконструкции первичного мировоззрения. Не меньшие смысловые потенции содержат и древнейшие топонимы, нередко восходящие к самым истокам человеческой истории. Данные однажды в невообразимо далеком прошлом названия могут сохранять тысячелетиями. Народы приходят и уходят, они могут вообще исчезнуть с лица земли, а присвоенные ими когда-то названия мест, рек, озер, гор, урочищ и т.д. продолжают жить и в наши дни. Сказанное отчетливо прослеживается и на примере интересующей нас сейчас древней лексемы «рам».

И в Европе и в Азии нетрудно отыскать на карте множество названий городов, рек и озер с корневой основой «рам»: например, города Рамбуйе во Франции, Рамсгит в Англии, Рамсдорф в Германии, Рамигала в Литве, Рамади в Ираке, Рамла в Марокко и Израиле, Рамаллах на территории Палес-

тинской автономии, Рамо в Кении, остров Рам близ побережья Шотландии и др. С учетом чередования гласных «а», «о», «и» можно и имя города Рим (Roma) интерпретировать как производное от общеиндоевропейской лексемы «рам». А значит — и большую группу романских языков, в словарном запасе которых особенно много слов с той же корневой основой (взять хотя бы франкоязычные или испаноязычные имена и фамилии — Рамо, Раме, Рамбо, Рамадье, Рамон, Рамос, Рамирес и т.д.).

Нельзя не упомянуть и о чрезвычайной распространенности лексемы «рам» в Библии. Прежде всего это относится к различным горам, холмам и высотам, ибо по-древнееврейски рама означает «высота» (!). В данной связи в разных книгах Ветхого и Нового Заветов упоминается множество различных возвышенностей, а также города Рама, Рамафем, Рамафаим-Цефим, Рамат-Лехи, Рамат-Мицфа. Значение «высокий» сохранилось и в ряде библейских имен: например, Рам и Рамаи. На традиционных библейских территориях и поныне сохранились топонимы с той же сакральной основой: например Рамон — гора и одновременно русло высохшей реки. Однако древнееврейский иврит — всего лишь один в ряду языков весьма разветвленной семито-хамитской языковой семьи. Среди других языков, как известно, арабский и древнеегипетский. В последнем достаточно вспомнить наиболее распространенное имя египетских фараонов — Рамсес. Что касается арабского языка, то здесь также большое разнообразие слов с общемировой и общезыковой корневой основой «рам», которую можно обнаружить и в многочисленных топонимах, и в названии священного для мусульман месяца рамадан, и в арабском наименовании созвездия Стрельца — Рами.

Но и на русской почве прижилось и получило дальнейшее развитие множество слов с той же самой древнеарийской основой. Особенно характерны на территории России и конкретно — в традиционных областях расселения русского народа многочисленные топонимы и гидронимы с корнем «рам». Это обусловлено тем, что в русском языке в прошлом слово «рама» (а также другие производные от него понятия) было чрезвычайно распространено и многозначно. Это сегодня в обиходе под «рамой» понимается в основном «каркас для окон». В прош-

лом же, напротив, слова с данным корнем означали нечто совсем другое.

Согласно словарю Владимира Даля, «рама» (помимо «оконной обвязки») означает: «межу, границу, обвод, обход участка владения»; край, предел, конец пашни, которая примыкает к лесу или расчищена среди леса». Отсюда «рамень» (или «раменьё») — «лес, примыкающий к пашне» или же «густой, дремучий лес, черонлесье». Соответственно «раменка» означала «лесной клин или остров», а «раменный» — «лесной, боровой»*. Есть еще ряд любопытных значений: «рамо» («рамена») — «плечо, часть руки от шеи до локтя» и «рамен» («ромен») — одно из народных наименований цветка ромашки. Это всё — по Далю, который составлял свой словарь в первой половине XIX века. Великий лексикограф отмечает и переносный (а быть может, некогда и основной смысл ныне почти утраченного русского слова «рамо» — «мошь», «сила», «власть», «могучая рука» — как нельзя более подходящее прозвище для вождя, возглавившего движение ариев с Севера на Юг. При распаде некогда единого праязыка лексема «рам» в смысле «рука» претерпела фонетическую трансформацию: по-немецки и по-английски вместо «рам» говорят *arm* — буквы (звуки) оказались как бы перетасованы. (За подсказку выношу признательность моему давнему единомышленнику и соавтору — кандидату филологических наук Валерию Даниловичу Осипову.)

Смысловый диапазон слов с лексемой «рам» (который к началу XIX века уменьшился) еще более широкий: «рамяно» («рамено») — «сильно», «решительно», «громко», «быстро, стремительно», «строго, сурово», «чрезвычайно, очень»; «рамянство» — «сила, крепость»; «рамянный» — «сильный», «жестокий, тяжкий», «скорый, быстрый», «стремительный, неукротимый», «решительный, настойчивый», «великий, выдающийся, ревностный»*. Вместе с тем у русского слова «рама» ярко выраженный «лесной» смысл, и, судя по всему, именно в этом архаичном значении оно должно быть сопряжено с санскритом. Не знаю, как кому, а мне ви-

* Диалектные словари и словарь народных говоров дают примерно такую же картину: «рамень, раменье» в большинстве областей означают «большой дремучий лес», «заболоченный лес», «опушка леса» и т.п.

** См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 21. С. 268—270.

дятся в этом вербальные следы движения индоариев через лесные массивы Евразии. Отсюда неудивительно, что топонимы с такой основой чрезвычайно распространены — особенно в лесных и лесостепных областях России. По Тверской области протекает речка Рам (в 12 километрах от сакрального города Кашина). В Брянской области есть поселок Рамасуха, в Смоленской — Рамоны, в Новгородской — Рамушево, в Воронежской — райцентр Рамонь. На карте Вологодской области одноименных топонимов Рамень целых двенадцать, а есть еще Раменниково, Рамешка и Рамешки (дважды). Еще больше аналогичных топонимов в Кировской области (бывшая Вятская губерния) — не менее двадцати. (Не могу также не упомянуть город Ромодан на Полтавщине). И т.д. и т.п.

Марина Борисенко, ответственный секретарь научно-поисковой экспедиции «Гиперборея», которая давно интересуется этим вопросом, насчитала только в близлежащих к Москве областях более десятка топонимов с корневой основой «рам», включая Раменки — городской район в самой столице. Одних поселков и деревень, поименованных Рамень и Раменское, в центральных областях около десяти (в Подмосковье есть даже целый Раменский район). Безусловно, двенадцать вологодских «рамений», а также их близнецы-братья (или сестры) в других областях России (включая Московский регион) — это не прямое следствие прохождения именно здесь в далеком прошлом индоарийских племен во главе с Рамой (или почитавших его в качестве первопредка), а по большей части результат позднейших наименований. В народе, дававшим подобные названия, конечно же имели в виду месторасположение новопоселений по отношению к лесу или каким-то связанным с лесом особенностям. Никто даже и не подозревал об арийском субстрате в словах с корнем «рам» (практически никто не задумывается об этом и сегодня). Но, как говорится, из песни слова не выкинешь: раз русский язык древнейшего индоевропейского происхождения, значит в нем неизбежно имеется существенная санскритско-арийская подоплека.

Какие же еще следы оставили будущие герои «Рамаяны» на древней российской земле? В центре древнейшего эпического сюжета — грандиозная битва. Рама, его сподвижники и помогающий им сверхсовершенный обезьяний народ сражаются с сонмищем ракшасов (кровожадных демонов) и их предводите-

лем десятиглавым Раваной, похитителем Ситы — блистательной жены Рамы. В общих чертах сюжет с похищением чем-то напоминает «Руслана и Людмилу», с той разницей, что у Пушкина нет царственных обезьян, а в «Рамаяне» они играют исключительно важную роль.

Символом Полярной Прародины в арийской традиции выступала золотая гора Меру, которая располагалась на Северном полюсе и являлась центром Вселенной. Она упоминается во всех древнеиндийских сказаниях. В окрестностях Полярной горы обитали не одни только могущественные боги, но и другие удивительные существа. Среди них целый «обезьянный народ», мудростью своей и могуществом не уступавший самим Небожителям. К нему и принадлежал Сутрива* — тот самый Царь обезьян, который помог великому Раме одержать победу над демоном Раваной, дав в помощники царевичу своего главного советника — мудрейшую из мудрейших обезьян — Ханумана.

Действие «Рамаяны», как известно, разворачивается на сугубо индийской почве. Но в ней отчетливо прослеживаются многочисленные северные реминисценции, восходящие к арийскому и доарийскому периоду истории индоевропейцев. Сказанное как раз и относится ко всей «обезьянней линии» древнеиндийской мифологии. Лишним подтверждением тому может служить и известный эпизод «Рамаяны». Первоначально «обезьянный» царь Сутрива отправляет свое многочисленное войс-

* С лексемой «грива», уходящей в самые глубины индоарийского прошлого, связана масса топонимов: несколько *Грив* на Псковщине, Ярославщине и Нижегородчине, гряда *Грива* — в Ленинградской области близ станции Пери, *Кологрив* — в Костромской, Северная *Грива* в Подмосковье, *Гривка* — в Челябинской области, множество аналогичных названий в ближнем и дальнем зарубежье. Это связано с многозначностью самого понятия «грива». Обычно так называется низкая, некрутая, вытянутая гряда, пологий увал, отделенный от остальной местности ложбиной. Однако в некоторых областях «грива» имеет совершенно иной смысл: в Западной Сибири — «поле», «пашня»; «высокий хвойный лес» — в Архангельской области; «роша» — во Владимирской и Тверской; на Севере так зовут торосы льда, а на Волге — подводные каменные пороги. (См.: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Т. 1. М. 1999. С. 163—164.

ко на поиски похищенной Ситы — жены Рамы — не куда-нибудь, а на Север (!), красочно и довольно-таки точно описывая предстоящий маршрут. Сначала спасителям Ситы предстоит преодолеть область ужасного мрака (читай: область полярной ночи). За ней посреди Вечного Океана лежит Счастливая обитель света с Золотой горой Меру, где повсюду растут чудесные плоды, реки текут в золотых руслах и царит Золотой век. Любопытно, что здесь временное описание заменяется пространственным. Причем эту пространственную последовательность (сначала Царство тьмы — затем Царство света) следует и понимать во временном плане (сначала полярная ночь — затем полярный день). Таким образом, индоарийских сверхсовершенных «обезьянолюдей» приходится признать уроженцами Севера. Того же Ханумана (дословно «Имеющий (разбитую) челюсть» — из-за увечья, нанесенного ему богом Индрой)*.

Оказывается, на карте России можно выявить немало топонимов и гидронимов, имеющих, вполне возможно, арийское происхождение и связанных с героями «Рамаяны». Для примера возьмем Ситу — возлюбленную и жену царевича Рамы. В санскрите корневая основа ее имени означает «белый, светлый» или же «освещенную (светлую) половину лунного месяца». В русском языке слова с корнем «сит» имеют совершенно иное значение (ср.: «сито», «сит» — камыш, осока). Тем не менее многие российские топонимы и гидронимы имеют, скорее, древнеарийское происхождение. К несомненным гиперборейским следам можно отнести название реки Сить, протекающей по территории современных Тверской и Ярославской областей. Река с аналогичным названием известна и на Вологодчине. Здесь же зафиксирована река Ситка, озера Ситцкое и Ситково. В других областях то же: река Ситню на Псковщине, Ситные озера на Новгородчине и т.д. В конечном счете, все эти гидронимы восходят к санскритскому *sita* и, вполне вероятно, к имени Сита.

Имя другого персонажа «Рамаяны» — демона Раваны можно без труда усмотреть в названии реки Равань, что протекает по нынешним Ленинградской и Новгородской областям (на

* Подробнее о Ханумане и возможной связи этого образа с проблемой «снежного человека» см.: *Демин В.Н.* Дитя снегов, страж тайны // Наука и религия. 1998. № 8.

Новгородчине есть еще поселок Рав(а)на). А божественный мудрец Вишвамित्रа: разве не обнаруживается первая часть его имени в гидрониме Вишера? (Рек с таким названием на территории России целых четыре: все они притоки — в одном случае Волхова, в другом — Камы, в третьем — Вычегды, в четвертом — Колвы). Отца царевича Рамы звали Дашаратхи, его имя легко распадается на две составные части — лексемы «даш» и «рат». В русском языке немало слов с этими корнями: Даша (имя) (ср. также: «дача»), ратай («пахарь»), ратник («воин»), рать («войско»), ратовать («ходатайствовать»). Неудивительно, что в топонимике России множество названий, от них образованных.

Предложенный анализ можно продолжить и дальше (и в портфеле автора такое продолжение имеется), но это чересчур уведет нас от основной темы статьи и за пределы майского путешествия на Кольский полуостров. По существу, мы только начинаем осознавать глубину российской истории. Быть может, она вообще не имеет дна...

2004 ГОД

В ходе экспедиции 2004 года предстояло выяснить один важный аспект, относящийся к гиперборейской проблеме. Кольская река Титовка и прилегающий к ней регион территориально относится к 31-му меридиану, расположенному к востоку от Гринвича. На тему его особой сакральной сущности высказывались многие исследователи. Дело в том, что 31-я восточная долгота, беря свое начало на Северном полюсе и проходя через акваторию Баренцева моря (там, где ранее находилась Гиперборея, исчезнувшая в пучинах вод), проходит через несколько географических мест, сыгравших выдающуюся роль в русской и мировой истории. Достаточно проследовать по карте с севера на юг, дабы убедиться, что фактически на одной линии (точнее — на не слишком широкой меридиальной полосе) расположены древнерусские города Великий Новгород (более чем за три тысячи лет до этого называвшийся Словенском Великим), Смоленск, Киев и более молодая Одесса. Еще раньше, выше Великого Новгорода, — ладожский

остров Валаам с его всемирно известным и вселенски значимым монастырем, воздвигнутым, впрочем, на месте древних языческих святилищ.

Если же проложить воображаемую географическую линию (точнее — достаточно широкую пространственную полосу, прилегающую к меридиану) через Черное и Средиземное моря на северо-восток Африканского континента, то мы попадем как раз в район Гизы, где сконцентрирован комплекс наиболее известных египетских пирамид. Исследователь гипербореической проблематики Константин Севенард, родившийся в Египте, где его отец был одним из руководителей строительства Асуанской плотины, обратил внимание на то, что взгляд знаменитого сфинкса, находящегося вблизи пирамид, направлен на север*. В Средиземном море 31-й меридиан в аккурат проходит между островами Критом и Кипром. Случайно все это или неслучайно? Безусловно, неслучайно! Сакральность названных городов и территорий обусловлена энергетической активностью Земли, связанной как с тектоническими особенностями данных регионов, так и с их космопланетарными особенностями. Вот почему меня всегда интересовала территория Кольского полуострова, через которую проходит 31-й меридиан. В действительности это — достаточно труднодоступные и безлюдные места, добраться до которых без вертолета или спецтранспорта практически не представляется возможным. Удобного случая пришлось ждать достаточно долго. Наконец он представился...

Добраться сюда непросто даже на спортивном японском «джипе» повышенной проходимости. Северные болота засосут кого угодно и что угодно. У заморской техники одно преимущество — в случае чего она сама себя вытаскивает: цепляешься длинным тросом за ближайшее дерево или камень, лебедка, намертво закрепленная в носовой части внедорожника, начинает наматываться на барабан и постепенно вытягивает застрявший вездеход. Дороги, похожие скорее на развороченные горные тропы, сохранились здесь еще со времен Отечественной войны: их строили немцы и финны, застрявшие где-то тут на оказавшемся для них непреодолимым фронтовом рубеже.

* Севенард К.Ю. Великий сфинкс смотрит на Север // Наука и религия. 2004. № 6.

И все же цель оправдывает средства (в данном конкретном случае известный афоризм имеет вполне положительное значение). Мы — участники научно-поисковой экспедиции «Гиперборей-2004» — располагаем данными почти семидесятилетней давности, основанными на картах и донесениях Советско-Финляндской войны о том, что на склонах двуглавой горы Кучинтундра был обнаружен проход под землю и древние убежища. Правда, времени на полевые изыскания катастрофически мало. Мы планировали двое суток на дорогу туда и обратно и не менее двух дней на поиски. Как всегда, жизнь внесла свои коррективы: добираться в один конец пришлось двое суток, и на гору оставалось только 24 часа.

Путь лежал через 31-й меридиан и район, примыкающий к реке Титовке. Аномальность и непохожесть на флору Заполярья здесь чувствуется во всем: то вдруг вдоль дороги выстроятся, как гренадеры, кряжистые сосны-великаны (это здесь — за Полярным кругом!), то во время пешеходной экскурсии у самой вершины горы неожиданно наткнешься на поляну низкорослого папоротника и тотчас же припомнится до боли родное Подмосковье. Но главные сюрпризы ждали все же на горе Кучинтундра, куда экспедиция на двух «джипах» добралась с невероятными трудностями на исходе второго дня после непрерывного штурма непроезжих дорог и болот.

Реальная гора очень приблизительно соответствовала своему образу, явившемуся в воображении художника. Высота вроде бы небольшая — 578 метров над уровнем моря, но ее двуглавую вершину, взметнувшуюся среди болот и озер, хорошо видно в бескрайней лесотундре за многие десятки километров. Подъем на вершину от лагеря, разбитого у подножья, занимает чуть больше часа. Укрытые густым ягодником и вереском валуны постепенно сменяются белым — с легкой прозеленью — ковром ягеля, отчего сплошь покрытые мхом склоны кажутся поседевшими.

Седая гора, седое время — они как нельзя лучше взаимодополняют друг друга. Неожиданно среди однообразного ландшафта ярким зеленым костром устремляется к небу рошица березок, тесно-тесно прижатых одна к другой, так что даже вблизи выглядят, как одно целое. Повсюду ползучий сланик, а эти стоят горделиво и осанисто — прямые как свечи. Вдруг вдали в лучах полуденного солнца что-то сверкнуло. Подно-

шу к глазам бинокль и вижу ослепительный шар, похожий то ли на титановый зонд, то ли на обломок хрусталя. Начинаю медленно приближаться к загадочному объекту. С каждым шагом он становится все ярче и ярче, пробуждая предчувствие встречи с неземной реальностью.

И как вы думаете: чем же она оказалась? Всего лишь большой шляпкой торчащего из мха гриба-красноголовика! В средней полосе России такие обычно зовутся подосиновиками, но здесь, в Заполярье, осин нет и в помине, зато грибы, названные по имени дерева, растут повсюду — и на склонах гор, и в редколесье, и по кромкам заболоченных полян. Никогда не думал, что шляпка гриба может отражать солнечные лучи подобно зеркалу и создавать иллюзию светящейся сферы! Думается, причина кроется в физических особенностях пленки, покрывающей шляпку гриба, ее химическом составе да еще в сакральности самого места...

Все светлое время суток и утро перед возвращением назад поисковики прочесывали склоны обеих вершин двуглавой Кучинтундры. Результат оказался нулевым: проход под землю и реликтовая пещера найдены не были. За шестьдесят пять лет, прошедшие со времени последнего упоминания о проходах под землю, могло случиться все что угодно: оползень, завал, намеренный подрыв и маскировка удобного в военном отношении схрона — каково бы ни было его происхождение. За истекшее время по этой территории прокатилось две войны. На одном из склонов Кучинтундры до сих пор лежит разбившийся советский самолет (сбитый фашистами или потерпевший аварию). Омытый дождями и тальми водами, он и спустя шесть десятилетий выглядит как новенький: красная звезда на одном из отвалившихся крыльев сияет яркостью краски. Рядом поисковики, добравшиеся сюда несколько лет тому назад, поставили православный крест.

Но следы циклопических деяний и сооружений мы все же обнаружили с помощью мурманских краеведов. Для этого не надо было ехать в непроходимую глушь. Прямо в черте Мурманска возвышается всем хорошо известная Горелая гора — она отделяет старый город от нового Первомайского района, тот, в свою очередь, сливается со старинной Колой — первым русским поселением на берегу Кольского залива (фьорда). В Горелой горе есть исполинская пещера, давно приспособленная для нужд гражданской обороны. Там оборудовано противоатомное убежище,

допуск в которое, по вполне понятным причинам, закрыт. Склон горы, обращенный к заливу, усеян гигантскими мегалитами, в их расположении угадывается былая упорядоченность. С этой стороны гора считалась «поклонной» и выполняла все функции известных поклонных гор. В окрестностях Мурманска немало и других впечатляющих святилищ — наиболее известное из них Вороний камень, возвышающийся над городом и, несомненно, игравший в прошлом ритуальную роль.

Энергоинформационный аспект мурманских мегалитов — разговор особый. Часть из них являются разоренными остатками древних лабиринтов, хорошо известных на Севере (рис. 206), но по большей части разрушенных. В последние годы северные лабиринты привлекают особенно пристальное внимание отечественных исследователей и изыскателей. Сделано немало попыток разгадать их подлинную сущность и назначение. Об одной интересной версии поведал мне вдумчивый знаток и хранитель северной традиции Владислав Александрович Трошин, преподаватель Мурманского филиала Академии государственной службы.

По мнению Трошина, лабиринты, распространенные по всему миру, являются сакральными сооружениями, расположенными там, где на местах тектонических разломов прорывается на поверхность энергия земных недр. Активизируя ноосферное поле, окружающее планету Земля, спирали лабиринтов позволяют не только излечивать людей (в том числе от психических недугов), но и влиять на их сознание и подсознание, а также производить проверку честности: определять правдивость их клятв и заверений. Именно последнее назначение лабиринтов активно использовалось в повседневной жизни наших пращуров. Для проверки искренности помыслов и истинности словесных утверждений людям предлагалось произнести клятву или словесное заявление, войдя в лабиринт. Если клятва была искренней, а утверждения правдивыми, испытуемый легко преодолевал лабиринт и находил из него выход. Если намерения были неискренними, а заверения ложными, то такому обманщику никогда не удавалось выйти из лабиринта, и его ждала заслуженная кара.

Подобное «тестирование» в дальнейшем применялось и в русском обиходе. В древнем Новгороде, например, существовал обычай «хождения по мылкам». Новгородские купцы, обговаривая торговые сделки, заставляли друг друга проделывать

следующие древнейшие манипуляции. На полу в запутанной форме, напоминавшей лабиринт, расставлялись блюда, кувшины, кубки, другая посуда, а купец, чьи клятвенные заверения вызывали сомнения, должен был найти выход из такого «лабиринта», не опрокинув ни одного предмета. Всё остальное — как изложено выше...

В каком бы направлении ни двинуться от Мурманска — повсюду наталкиваешься на исполинские камни, обломки скальных пород, загадочные мегалитические сооружения. Подавляющее большинство из них явно природного происхождения, на других — отпечатки явного техногенного воздействия. Последнее, как правило, относится к сравнительно недавнему времени: например, к взрывным работам при прокладке автомобильных и железнодорожных магистралей, добыче руды и других природных ископаемых, геологическим изысканиям (геологи также оставили немало следов от своих геологических молотков и кирок). Тем не менее в пестрой минералогической мозаике постоянно встречаются и техногенные отпечатки далекого прошлого.

Иногда трудно отделаться от мысли, что это древние великана играючи расставили здесь в круги и цепочки глыбы округлых валунов или, напротив, геометрически правильных громадных камней. При этом проекция таких мегалитических комплексов свидетельствует, как уже говорилось, что находятся они по большей части на линиях или пересечениях тектонических разломов, а приборы (если удастся их достать и доставить в нужную точку) подтверждают наличие здесь высокой энергетической активности недр. В геоактивных зонах встречаются и насыпные пирамиды. В последние годы они были, в частности, обнаружены в Беломорье (экспедиция Русского географического общества) и на Кольском полуострове (научно-поисковая экспедиция «Гиперборея»). Не это ли лишнее подтверждение древних гиперборейских корней российского Севера?..

2005 ГОД

Очередная, восьмая по счету, экспедиция «Гиперборея» состоялась в июле месяце и была совмещена со съемками научно-популярного фильма о Гиперборее, которые прово-

дила мурманская телекомпания «Блиц» (режиссер и автор сценария — Марина Любителева; консультанты — Валерий Демин, Игорь Боев, Евгений Лазарев). Мы вновь посетили знакомые места Кольского полуострова, засняли объекты и артефакты древнейшей истории. Поиски следов, оставленных нашими далекими предками — гиперборейцами — продолжаются...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последнее время появилось немало добротных публикаций на тему Гипербореи и Северной Прародины человечества.

Достаточно назвать книги:

Алексеева Л.М. Полярные сияния в мифологии славян. М., 2001.

Асов А.И. Атланты, арии, славяне. М., 1999; Древние арийцы, славяне, Русь. М., 2002; Златая цепь. Мифы и легенды древних славян. М., 1998; Священные прародины славян. М., 2002.

Бурлак В.Н. Магия пирамид и лабиринтов. 2003; Хождение к морям студеным. М., 2004; Хранители древних тайн. М., 2001.

Гиперборейская вера русов. М., 1999.

Гиперборейские корни калокагатии. СПб., 2002.

Голубев С.В., Токарев В.В. В поисках Гипербореи. Кн. 1. СПб., 2004.

Гофман О.Р. Русская Атлантида. СПб., 2003.

Гудзь-Марков А.В. Индоевропейская история Евразии. Происхождение славянского мира. М., 1995.

Гусева Н.Р. Арктическая родина в Ведах // Древность: Арьи. Славяне. М., 1996; Русские сквозь тысячелетия: Арктическая теория. М., 1998; Русский Север — прародина индославов. М., 2003; Славяне и арьи: Путь богов и слов. М., 2002.

Данилов В.В. Арийская империя: Гибель и возрождение. Т. 1—2. М., 2000.

Демин В.М. От ариев к русичам. Москва — Омск, 2001.

Древние арийцы. Славяне. Русь / Асов А.И., Коновалов М.Ю., Ильин П.В. М., 2002.

Духовная культура Урала // Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1997.

Жарникова С.В. Архаические корни традиционной культуры Севера. Вологда, 2003; Золотая нить. Вологда, 2003; Мир образов русской прялки. Вологда, 2000.

Каныгин Ю. Путь ариев: Украина в духовной истории человечества. Киев, 2003.

Кикешев Н.И. Прародины и предки. М., 2003.

Макаренко В.В. Откуда пошла Русь? М., 2003.

Мулдашев Э.Р. От кого мы произошли? М., 1999.

Начала цивилизации: *Даниленко В.Н.* Космогония первобытного общества; *Шилов Ю.А.* Праистория Руси. Екатеринбург-М., 1999.

Петухов Ю.Д. Дорогами богов. М., 1998; Русы Древнего Востока. М., 2003; Тайны древних русов. М., 2001.

Рыбников В.А. Ведическая культура Руси. М., 2002.

Серяков М.Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001; Сварог. М., 2004.

Сторожевы А. и В. Россия во времени. Кн.1. Древняя история сибирских и славянских народов. Сургут — Москва. 1997.

Фомин О.В. Священная Артания. М., 2005.

Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М., 2002; Руница и тайны археологии Руси. М., 2003; Священные камни и языческие храмы древних славян. М., 2004.

Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М., 1999.

Шемшук В.А. Русь Борейская: Украденная история. М., 2001.

Шилов Ю.А. Пращуры. Киев, 2003; Прародина ариев. Киев, 1995.

Югай Г.А. Арийство и семитизм евразийских народов. Москва, 2004.

Югай Г.А. Общность народов Евразии — арьев и суперэтносов. М., 2003.

Юшин В.И. Русь от патриархов до Апокалипсиса. М., 2001.

Следует отметить также ряд важных переводных изданий, и прежде всего книги Эриха фон Дэникена и Захарии Ситчина. Кроме них:

Моуэт Ф. От ариев до викингов, или Кто открыл Америку: В поисках арктического Эльдорадо. М., 2004.

Хэнкок Г. Следы Богов: В поисках истоков древних цивилизаций. М., 1997.

Элфорд А.Ф. Боги нового тысячелетия. М., 1998.

При этом одни исследователи не решаются заглянуть дальше начала распада индоевропейской этнолингвистической общности и миграции протоэтносов с Севера на Юг. Примером такого подхода может служить исключительно интересный и содержательный сборник под ред. Н.Р. Гусевой «Древность: Арьи. Славяне» (М., 1996). Другие исследователи, напротив, пытаются беспредельно раздвинуть рамки существования человеческой цивилизации и русского народа. Так, в книге В.М. Кандыбы «История русского народа до XII в. н.э.» (М., 1995) и в других изданиях автора дается следующая — названная «ведической» — периодизация мировой и русской истории: 1. Арктический период — с незапамятных времен. 2. Сибирский — с третьего миллионолетия до н.э. 3. Уральский — с 200-го тысячелетия до н.э. 4. Арийский — с 120-го тысячелетия до н.э. 5. Троянский — с 17-го тысячелетия до н.э. 6. Киевский — с 8-го тысячелетия до н.э. 7. Смутное время — вплоть до наших дней. Однако никаких фактов, относящихся к Арктиде — Древней Прародине всех народов, Сибирской Руси, Уральской Руси, Троянской Руси, в книге В.М. Кандыбы не приводится. Автор руководствуется, скорее, внутренней интуицией и творческим озарением, столь характерными для теософско-окультистского направления русского космизма, известного по именам Е.П. Блаватской, Н.К. и Е.И. Рерихов и др.

А как же с доказательством существования Гипербореи? Конечно, хотелось бы найти новые вещественные свидетельства, материальные памятники. Но как быть, если гиперборейская цивилизация была «деревянной» или даже «перьевой»? Или же вдруг часть гиперборейцев в свое время скрылась от угрозы очередного катаклизма и из-за неблагоприятного изменения климата под землю? Сколько они там продержались? Какие следы и где сохранились? А быть может, нас вообще ждут самые невероятные сюрпризы? Ведь были обнаружены в тайных пещерах Тибета представители древних цивилизаций, находящиеся в состоянии анабиоза, как о том широко сообщалось в отечественной прессе. Вспомним, что А.В. Барченко в 20-е годы искал в Русской Лапландии то же самое, что Н.К. и Е.И. Рерихи в Тибете. Все они руководствовались одной и той же исходной информацией. И сама она, и добытые результаты по-прежнему сокрыты под покровом тайны.

В легендах народов Севера (особенно у лапландских саамов) следы всех этих событий трансформировались в сказания о «подземной (подводной) чуди», то есть о древнем народе, исчезнувшем (скрывшемся) под землей или водой. В устойчивой

вых преданиях, вне всякого сомнения, содержится некоторое «рациональное зерно». Попробуем порассуждать. Каким образом, помимо миграций из опасных мест, можно спастись от возможных природных катаклизмов — следствия, как мы помним, или смещения земной оси, или «перескакивания» магнитных полюсов (геомагнитная инверсия), или же иного космического фактора? От неизбежных в таком случае климатических катастроф (включая и похолодание), и в частности от «всемирных потопов», можно спастись по меньшей мере четырьмя способами: 1. Улететь в Космос; 2. Бежать высоко в горы; 3. Спуститься глубоко под землю; 4. Выйти на большом судне (ковчеге) в открытое море. Первый способ — наименее вероятный, четвертый — наиболее известный, так как описан в Библии.

Остаются еще два, в отношении которых допустимы различные гипотезы. В пользу горного варианта свидетельствуют колоссальные заоблачные города в южноамериканских Андах, а также высококультурные этносы, переселившиеся некогда с Севера в район Тибета и Гималаев (в священных преданиях содержится немало намеков на былую полярную родину). В пользу подземного варианта говорят высокие технологии строительства подземных храмов, дворцов, гробниц, лабиринтов, которыми владели праэтносы-мигранты (египтяне и критяне), появившиеся 7—5 тысячелетий назад в Средиземноморье. Здесь эта уже хорошо известная и неоднократно апробированная технология была успешно применена в практике строительства новых подземных сооружений, до сих пор изумляющих своей продуманностью и совершенством.

Исходные «образцы» подобных подземных комплексов как раз и следует искать на Севере, откуда мигрировали прапредки будущих строителей пирамид, лабиринтов, циклопических храмов и подземных усыпальниц. А ведь большинство из них было открыто совсем недавно и, как правило, совершенно случайно. Сказанное в одинаковой мере относится и к египетским подземным гробницам и святилищам, и к Кносскому дворцу с лабиринтом (археологические раскопки на Крите велись уже в нынешнем веке). Что же тогда говорить о труднодоступных и безлюдных районах Русского Севера, сокрытых к тому же большую часть года под снежным покровом! Тем более что речь идет о подземных сооружениях, находящихся далеко от поверхности, в скальных породах и, скорее всего, поврежденных.

Но в изысканиях Барченко был еще один аспект, связанный с его профессиональными занятиями парапсихологией. Еще

до революции он ставил удачные опыты по передаче мысли на расстояние (тогда же в научно-популярных российских журналах появились его статьи по этим вопросам). После революции и серий экспедиций его знания и опыт оказались затребованными органами госбезопасности. Здесь же, в подвалах НКВД, уже приговоренный к расстрелу, он написал свой последний и до сих пор не найденный 2-томный (!) научный труд под несколько замысловатым названием «Введение в методику экспериментального воздействия объемного энергополя». «*Объемное энергополе*» — не это ли ключ к разгадке самых сокровенных тайн природы, жизни и истории? Занимаясь разысканиями в области неизвестных физических сил и источников энергии, Барченко сформулировал взгляд на энергетическую структуру материальных вещей, значительно отличный от общепринятого. А что, если территория бывшей Гипербореи или ее недра населены совершенно неведомыми энергетическими структурами, дублирующими обычные вещественные тела и образования? Закономерности их рождения, развития, функционирования и соотношения с жизненными, информационными и мыслительными процессами — проблема, заслуживающая особого внимания.

Культурное наследие прошлого, накопленное сотнями предшествующих поколений, обретается современным человеком в виде сложившейся системы знаний, морально-эстетических ценностей, устойчивых традиций и норм поведения. Механизмы их передачи выработаны и закреплены на протяжении многотысячелетней истории человечества. Согласно концепции *Алексея Алексеевича Ухтомского* (1875—1942), лучшие доминанты, способствующие выживанию и прогрессу человеческого рода как такового, передаются от поколения к поколению посредством *слова и быта*. Не будь этого — каждому новому поколению пришлось бы начинать все сначала. Продукты материальных преобразований (орудия труда, возделанные угодья, построенные города, заводы, технические изделия и т.п.) передаются или получают при смене поколений практически в нетронутом виде. Несколько по-иному обстоит дело с достижениями духовной культуры. Они также перенимаются и усваиваются. Однако устные тексты забываются или переиначиваются, письменные — утрачиваются. Катаклизмы и войны способны в одночасье уничтожить все. Так, дважды — римлянами и мусульманами — сжигалась крупнейшая в древности *Александрия*

дрейская библиотека, где на протяжении веков аккумулировалось все знание античного мира.

Утрата веками накопленных знаний и механизмов их передачи от отцов к сыновьям и от дедов к внукам может произойти и в результате искусственного идеологического вмешательства, включая религиозную экспансию или насаждение чужеродной идеологической парадигмы. В этом смысле древнейшая история Руси потерпела особенно ощутимые и невосполнимые потери. Природные катаклизмы, уничтожившие гиперборейскую цивилизацию, принятие христианства, огнем и мечом искоренившего язычество, бесчисленные нашествия иноземцев, копытами коней и варварскими сапогами топтавшими русскую культуру, другие социальные потрясения нанесли не один сокрушительный удар по духовному наследию древнего этноса.

Логика преемственности поколений — этой важнейшей стяжки биосоциальной эволюции — уникальна. Она коррелирует, но не совпадает с логикой истории. У поколений, сменяющих друг друга и активно взаимодействующих между собой, своя, если так можно выразиться, параллельная история и свои закономерности. В призматическом зеркале поколений история как бы спрессовывается, ломается, растягивается или терется. Связь времен может оборваться между любой парой поколений на любом отрезке истории. Обычно принимается, что астрономический и исторический век вмещает 3 поколения. Следовательно, тысячелетие — это всего лишь 30 поколений. 30 поколений отделяют нас от введения христианства на Руси и около 100 — от Троянской войны. Казалось бы, как мало — просто рукой подать. Но чего только не случилось за это время, выражающееся в таких на первый взгляд смехотворных цифрах!

Если наложить на всемирную историю цепочку из сменявших друг друга поколений, то реальное летосчисление предстанет в виде следующей картины: 5—6 поколений отделят нас от вторжения наполеоновской армии в Россию и Бородинского сражения, 8 поколений — от Полтавской баталии, 19 — от Куликовской битвы, 23 — от Ледового побоища. И далее вглубь: 48 поколений прошло с момента падения Римской империи (взятия Рима Аларихом), чуть более 70 — от расцвета Афин, 150 — от начала древнейшего царства в Египте и 1260 поколений — от предположительного начала процесса расщепления праязыка и единого пранарода (40 тыс. лет до н.э.). Менее

Рис. 164. Сейдозеро с высоты птичьего полета
(Фото с вертолета Михаила Переладова)

13 сотен поколений — какой каскад народов, языков, культур возник на Земле! Сколько цивилизаций и формаций успело смениться на планете! Сколько достижений и сколько утрат! Но ничто не исчезает бесследно. Дух жив, пока жив человек. Его необходимо хранить, как хранили огонь в очаге наши предки. И как их, он непременно спасет и согреет.

Итак, пришла пора поставить последнюю точку. Неужто решены все проблемы? Напротив — комплексные изыскания только начинаются. Русский Север и Мировая Гиперборея ждут нового Шлимана. В историческом исследовании последней точки не бывает. Может быть только начало нового. И главные открытия, как всегда, — впереди! Разгадка великих тайн продолжается. Мы близки к прорыву. В прошлое!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗ РОДНИКА ЕДИНОГО

(К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКОВ МИРА)

Необыкновенное пестроцветие и непохожесть живых и мертвых языков, казалось бы, полностью исключает саму постановку вопроса об их прошлом единстве и общности происхождения. Абсолютное отсутствие археологических данных или письменных источников, похоже, делают всякие рассуждения на эту тему призрачно-зыбкими и лишенными каких-либо научных оснований. На самом же деле все обстоит по-другому: имеются совершенно неопровержимые факты, в истинности которых легко убедиться каждому, каким бы языком он ни владел. И факты эти неумолимо свидетельствуют: все языки мира — и современные, и канувшие в Лету — имеют общий достаточно хорошо просматриваемый фундамент.

Суть дела заключается в следующем. Одними из самых древних консервативных лексических пластов в любом языке выступают пространственно-указательные слова, которые в подавляющем большинстве случаев очень слабо менялись с момента своего возникновения и вхождения в речевой обиход. От указательных слов типа русских «тот», «этот», «оный», «там», «здесь» и т.п. произошли личные местоимения — общеизвестный лингвистический факт, хорошо прослеживаемый в любом языке. Прямая взаимозависимость между личными, а также определительными (типа «сам») и возвратными (типа «себя») местоимениями, с одной стороны, и указательными словами, с другой, объясняется скорее всего тем, что название 1-го, 2-го и 3-го лиц одновременно сопровождалось указанием на данное лицо (в том числе и с помощью жестов).

Отсюда совершенно естественно предположить, что некоторые общие элементы, лежащие в основе личных и указательных местоимений, а также местоименных наречий всех известных языков, и являются теми первичными (архаичными) формами праязыка, которые благополучно дожили до наших дней. Сравнительный анализ более 200 языков практически всех языковых семей (недоступными оказались данные лишь по языкам группы мунда, андаманским и ряда языковых семей индейцев Южной Америки) позволяет выделить четыре таких первоэлемента: [М], [Н], [С], [Т]. Их происхождение вполне уместно возвести к общему праязыку, где смысловое значение названных элементов, быть может, соответствовало различной пространственной направленности, принадлежности или удаленности. Не существует в мире ни одного языка, личные местоимения и указательные слова которого в той или иной степени не основывались бы на четырех перечисленных элементах.

Под праязыком следует понимать лишь самый начальный этап формирования языков, относящийся к столь раннему периоду человеческой предыстории, когда человек еще не был человеком в собственном смысле данного понятия. Первичные пространственно-указательные слова и произошедшие от них личные местоимения с течением времени, естественно, изменяли свой первоначальный вид. Тысячелетия не могли не оставить отпечаток на первоначальном фонетическом оформлении пространственно-указательных элементов. Из простого сопоставления видна эквивалентность элементов [Т] и [Д]. (Ср., напр., в индоевропейских языках местоимение «ты» = *tu* испанск., румынск., ирландск., армянск., литовск., латышск.) = *du* немецк., датск., норвежск.); или местоимение «мы» в черкесской подгруппе кавказских языков: *te* (адыгейск.) = *de* (кабардинск.). Точно так же следует принять эквивалентность элемента [С] и элементов [З], [Ж], [Ш], [Ч], [Ц]. Правомочность такого утверждения вполне видна из сравнения указательных местоимений со значением «этот» в индоевропейских языках: сей (русск.) = *sa* (готск.) = *this* (английск.) = *šis* (латышск.) = *ce* (французск.) = *co* (ирландск.) = *зэ* (бретонск.) = *sām* (тохарск.) = *so* (авестийск.) = *ацы* (ж.р.) (осетинск.); и далее — в других языковых семьях: *за* (арабск.) = *ez* (венгерск.) = *see* (эстонск.) = *эс* (грузинск.) = *со* (японск.) = *cai* (вьетнамск.) = *чжэ*, *цы* (китайск.) = *чо* (корейск.) = *џи* (турецк.) = *шу* (узбекск.).

Хотя в сравнительном анализе можно было бы ограничиться одними указательными словами современных языков, — именно сопоставление их с личными местоимениями дает возможность с уверенностью говорить о многогенезе языков мира. Во-первых, в составе личных местоимений сохранились в большинстве случаев те первичные элементы и те формы этих элементов, которые по тем или иным причинам были утрачены в указательных местоимениях и местоименных наречиях. Во-вторых, личные местоимения — это, пожалуй, единственная в своем роде категория слов, в которой запечатлена в доступной для анализа форме история развития языка от самых истоков до настоящего времени: если образование 1-го лица (дифференциация понятия «я» из древних пространственно-указательных понятий) относится, видимо, ко времени единого праязыка, то выделение 3-го лица из указательных местоимений и местоименных наречий во многих современных языках не завершено до сих пор. Наконец, в-третьих, — и это главное — 1-го лицо личных местоимений большинства современных языков можно привести к общей схеме.

Причина, по которой не всегда удается установить прямую зависимость между указательными словами и личными местоимениями в некоторых отдельно взятых языках, в принципе понятна. С одной стороны, несомненно, что в процессе эволюции первичные элементы праязыка могли развиваться (в уже обособившихся семьях) в широкую систему конкретных указательных понятий, включившую в себя и новые основы. Примеры большого числа пространственно-указательных форм в различных языках вполне подтверждают эту мысль. (Так, в эскимосском языке насчитывается 20 указательных местоимений, до десяти указательных форм имеется во многих индейских языках, больше десяти — в мальгашском языке и т.д.) С другой стороны, на определенных этапах развития языков отдельные слова и формы, напротив, отмирали. (Например, в русском языке сравнительно недавно перешли в пассивный запас слов разноосновные указательные местоимения «сей» и «оний».) Генетическая связь между указательными словами и личными местоимениями становится сразу же очевидной, если сопоставление в плане «указательное слово — личное местоимение» производить не в отдельно взятом языке, а в языковой семье или группе в целом. Впрочем, в каждой языковой семье почти всегда находятся языки, в которых взаимосвязь между ука-

зательными словами и личными местоимениями выступает непосредственно в данном языке. Для примера можно сравнить указательные слова и местоимение «я» некоторых языков:

индоевропейские языки:

индийская группа — *та—тата* (сингальск.);

иранская гр. — *ан—ман* (белуджск.);

балтийская гр. — *šis—dš* (литовск.), *šis—es* (латышск.);

кельтская гр. — *та—те* (бретонск.);

кавказские языки: вейнахская гр. — *ис—со* (чеченск.);

картвельская гр. — *һат—та* (чанск.);

алтайские языки:

тюркские языки — *манна—мин* (якутск.);

мана-мен (узбекск.);

бурушаски языки: *se—ža* (вершикс.);

китайско-тибетские языки: *цзай—цза* (китайск.);

индейские языки:

алгонкинско-вакашская гр. — *ina—nina* (фокс);

пенути гр. — *ипі—пі* (майду);

нилотские языки: *enê—nānū* (масаи);

манде языки: *апиа—па* (ваи);

семито-хамитские языки:

семитская гр. — *хунāка—ānā* (арабск.);

хауса-котоко гр. — *nan—ni* (хауса);

папуасские языки: *ande—adi* (бонгу);

мон-кхмер языки: *nih-añ* (кхмерск.);

дравидские языки: *antna—pānu* (каннада);

малайско-полинезийские языки:

микронезийские языки — *ipe—āpi* (науру);

эскимосско-алеутские языки: *уна-хуана* (эскимосск.);

тасманийский язык: *ni, ne—mi(na)*;

баскский язык: *an—ni*.

Как уже было отмечено, есть достаточно оснований предпологать, что образование личных местоимений 1-го лица относится к эпохе существования праязыка. Вероятно, на определенной ступени развития праязыка какое-то указательное слово стало выражать понятие «я». Скорее всего, даже не одно, а два указательных слова составили новое сложное понятие, имевшее, однако, на первых порах лишь конкретное узкое пространственно-указательное содержание. Это тем более объяс-

нимо, что, коль скоро образование личных местоимений 1-го лица относится к эпохе примитивного языка, а значит, и эпохе примитивного мышления, — то возникновение нового понятия вряд ли могло основываться на фонетической дифференциации первичного понятия, а, вероятней всего, возникло путем механического соединения двух уже освоенных элементов. Возможно, что понятие «я» в праязыке выражалось словом, образованным путем соединения первоэлементов [М] + [Н]. Во всяком случае, остатки такой сложной архаичной формы можно обнаружить в личных местоимениях 1-го лица почти всех современных языков. Остатки — ибо несомненно, что дальнейшее развитие отдельных языков, выделившихся из распавшегося праязыка, повлекло за собой в некоторых случаях упрощение сложной формы [М] + [Н], т.е. утрату одного из составляющих элементов [М] или [Н]. В ряде языковых семей отпечаток этого распада отчетливо сохранился до наших дней. Ср., напр., местоимение «я» в финно-угорской группе уральских языков: [М] + [Н] — *mina* (финск.) = *mina* (эстонск.) = *mon* (саамск.) = *мон* (удмуртск.) = *мынь* (марийск.); [М] — *ам* (мансийск.) = *ма* (хантыйск.); [Н] — *en* (венгерск.). То же в языковой семье банту: [М] + [Н] — *mina* (зулу) = *mi-na* (*thon*); [М] — *mimi* (суахили); [Н] — *nna* (sotho) = *nne* (*venda*) = *i-ni* (*shona*).

Трансформация первоэлементов нагляднейшим образом проявляется при склонении личных местоимений в современном русском языке: «я» — «меня» — «мне»...; «мы» — «нас» — «нам»...

В других языковых семьях, если и не встречается форм, сводимых к [М] + [Н], то существуют параллельно местоимения, в основе которых лежит или [М] или [Н] самостоятельные, например, в языках койсандских, манде, отчасти — в кавказских. В тюркских языках местоимение «я» в абсолютном большинстве случаев соответствует формуле [М] + [Н]. В семито-хамитских и дравидских языках в основе местоимения «я» лежит элемент [Н]. Однако и здесь косвенным путем можно обнаружить утраченный элемент [М], сопоставляя основы единственного и множественного числа, в которых можно установить соответствие. Чередование элементов [М] и [Н] во мн. числе 1-го лица языков группы хауса-котоко семито-хамитской семьи и в некоторых дравидских языках раскрывает такую связь. Кроме того, в древнем языке каннада (дравидская семья) для 1 лица ед. числа существовала форма *am* (*an*).

В процессе эволюции некоторых языков можно выделить и такой этап, когда в качестве местоимения «я» функционировало не одно, а несколько слов. (Напр., в истории японского языка насчитывается 17 местоимений 1-го лица. В ряде современных языков и поныне существует несколько слов для выражения понятия «я».) Возможно, что первоначально появление синонимов личных местоимений 1-го лица связано с расширением первичного примитивного пространственно-указательного значения слова «я», углублением его содержания. В дальнейшем архаичное значение местоимения «я» могло вообще утратиться. Так, очевидно, и произошло в большинстве языковых групп индоевропейской семьи. Однако там, где это случилось, в тех группах, где древняя форма была утрачена в именительном падеже, она везде сохранилась в косвенных падежах; если в им. падеже местоимение «я» имеет самые разнообразные формы, то в косвенных падежах его структура подчинена единообразной схеме [М] + [Н] или [М] самостоятельное.

Соответствие между именительным и косвенными падежами в индийской и кельтской группах индоевропейской семьи также подтверждает положение о том, что элементы [М] и [Н] — это наиболее древние формы в системе личных местоимений индоевропейских языков. Столь же очевидна картина в монгольской и тунгусо-маньчжурской группах алтайских языков, где [М] + [Н] косвенных падежей — это несомненный отголосок той первоформы, которая сохранилась в именительном падеже современных тюркских языков. Что касается собственно именительного падежа монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, то и его истоки можно найти в указательных местоимениях тюркских языков (ср., напр., «этот» — бу (турецк., азербайджанск., туркменск., татарск., якутск., узбекск., уйгурск.) и «я» — би (халха-монгольск., бурятск., калмыкск., эвенкийск., эвенск., негидальск., маньчжурск., удейск.). Результаты расхождения основ именительного и косвенных падежей местоимения «я» более существенны. Ибо, помимо простой фиксации пространственного местоположения, притяжательные местоимения уже были связаны с такими социально-значимыми понятиями (отобразившими соответствующие общественные отношения), как обладание, принадлежность, право на владение и вообще — любое право, а в дальнейшем — и собственность. Уходящие своими корнями в самые глубины предыстории притяжательные местоимения совместно с их указательными и личными словесно-понятийными пра-

родителями позволяют не только нащупать истоки первобытного мышления, но и проследить в главных чертах его структуру и механизмы развития. Однако это уже другая тема.

ПРИМЕЧАНИЕ

Данная статья, которую я написал в самом начале 60-х годов еще будучи студентом, не получила нигде и никакой поддержки и не была опубликована. Ее идеи в качестве позитива удалось включить лишь в ткань художественного произведения, написанного примерно в то же время, но опубликованного значительно позже (см.: *Демин В.Н. Ущелье Печального Дракона. Научная фантастика: роман, рассказ, повесть.* М.: Прометей, 1989).

В 1971 году посмертно был издан 1-й выпуск капитального лингвистического исследования В.М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь», где были приведены бесспорные аргументы относительно лексического, словообразовательного и морфологического сходства шести перечисленных крупных языковых семей Старого Света с анализом морфем различного лексического значения (включая личные и указательные местоимения). В данной публикации выводы относительно общего источника (праязыка) и прошлого родства шести больших языковых семей давались в самом общем плане без какого бы то ни было анализа исторических, этнокультурных и социолингвистических процессов. Возможно, что-то было опущено публикаторами или редакторами ввиду тогдашней полузапретности темы.

В 90-х годах появились публикации, подтверждающие концепцию общего происхождения языков мира на основе компьютерного анализа иных лексических основ, взятых из далеко отстоящих друг от друга языковых семей (с упором на анализ полного массива языков индейцев Северной, Центральной и Южной Америки). Ниже приводится пример сопоставления только одного общего корня со смысловым значением «молоко — глотать» из статьи: *Гринберг Д.Г., Рулен М. Лингвистические корни американских индейцев.* — В мире науки. 1993, № 1 (Таблица 1). Из приведенной таблицы наглядно

Таблица 1

ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ	ЯЗЫК	ФОРМА	ЗНАЧЕНИЕ
афро-азиатская	прото-афро-азиатский	'mɪg	«сосать, грудь, вымя»
	арабский	mij	«сосать грудь»
индоевропейская	древнеегипетский	mndy	«женская грудь, вымя»
	прото-индоевропейский	*meig-	«дойть»
	английский	milk	«дойть, молоко»
уральская	латинский	mulg-ēre	«дойть»
	прото-финно-угорский	*mäike	«грудь»
	саамский	mieiga	«грудь»
	венгерский	mell	«грудь»
дравидийская	тамильский	meiku	«жевать»
	малаялам	meiluka	«жевать»
	курух	meikñā	«горло»
эскимосско-алеутская	центральный юпик	meiug-	«сосать»
	американская	*mailq'a	«глотать, горло»
алисская	халкомелем	meiqw	«горло»
	каквава	m'ixw-'id	«разжевывать пищу младенцу»

ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ	ЯЗЫК	ФОРМА	ЗНАЧЕНИЕ
панутийская	кутенай	u'mqoih	«глотать»
	чинук	miq-w-tan	«щека»
	такелма	mūik'	«глотать»
	тфалтик	miq	«глотать»
локанская	мише	amu'ul	«сосать»
	мохаве	mai'acé	«горло»
	валлапай	maiqi'	«горло, шей»
чидчанская	акавала	miq	«шей»
	куна	murki-	«глотать»
индская	кечуа	mai'q'a	«горло»
	аймара	mai'q'a	«глотать, горло»
макро-тукеманская	иранше	moke'i	«шей»
эквадорская	гуамо	mirko	«пить»
макро-карибская	суринам	e'mōki	«глотать»
	фази	mekeli	«зашеек»
	калиман	imukulait	«горло»

семьи и в более чем одном языке из каждой приведенной здесь языковой семьи Старого Света. Вероятность той, что это сходство случайно, является бесконечно мало

СВЯЗЬ СО СТАРЫМ СВЕТОМ обнаруживается в этимологии чрезвычайно древнего корня MALIQ'A, чье значение было близко к словам «глотать» или «горло». Родственные слова присутствуют в восьми ответвлениях америндской

видно, что русское слово «молоко» («млеко») имеет общую генетическую основу со множеством языков древних и современных народов, разбросанных по материкам Евразии, Африки и Америки.

Результаты современных комплексных исследований по данной проблематике можно найти на сайте в Интернете ведущего российского компаративиста Сергея Анатольевича Старостина (проект «Вавилонская башня»): www.starling.rinet.ru. Здесь же представлены разработанные автором проекта различные сравнительные словари, углубляющие развитие *ностратической теории* в языкознании (от итал. *nostra* — «наши») — научной гипотезы, развиваемой с начала XX века рядом зарубежных и отечественных лингвистов, согласно которой на промежуточном отрезке развития языков народов мира существовала единая макросемья, включающая несколько семей и языков Евразии и Африки. Как принято считать в настоящее время, сюда относятся: индоевропейские, картавельские (кавказские), семитохамитские, уральские, тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские, дравидские, корейский, а также отчасти этрусский, чукотско-камчатские, японский, нивхский, юкагирский языки. Их иногда называют также *бореальными*, *борейскими*, а саму гипотезу — *сибирской*. Данная теория доказывает не только былое языковое единство, но также и общее происхождение народов — носителей языков.

Дальнейшая конкретизация вопросов, относящихся к моногенезу всех древних и современных языков, содержится в последующих книгах настоящей серии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В.Н. КАЛЯКИН, кандидат биологических наук

БЫЛ ЛИ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД?

(В СОКРАЩЕНИИ)

<...> Последнее оледенение, согласно господствующей на сегодня точке зрения, произошло между 20—18 и 16—15 тысяч лет тому назад. Геолог И.Д. Данилов резонно указывает, что огромные ледниковые покровы возникали, развивались и деградировали за невероятно короткое время — всего за 2—5 тыс. лет. К тому же площадь оледенения Северной Америки предполагается сверхогромной — 18 млн км². К тому же оно, в силу непонятных причин, должно было развиваться и исчезать многократно, тогда как рядом стабильно существовал Гренландский ледниковый покров несоизмеримо меньших размеров (18 млн км²), который ни разу существенно не деградировал. Нелогичность такого явления очевидна.

Каким же образом за столь незначительные промежутки времени могли формироваться ледниковые покровы, способные к тому же перемешать валунный материал до 48° северной широты (то есть южнее широты Киева)? В рамках ледниковой гипотезы ответа на этот важный вопрос нет, поскольку неясны причины многократного (в эпоху плейстоцена) изменения климата. При решении этой проблемы приверженцы ледниковой гипотезы опираются на ничем не доказанные допущения либо на различного рода ледниковые индикаторы и методы расшифровки древних климатов, интерпретация которых неоднозначна, слишком предвзята и противоречит множеству фактов. Представление о возможности катастрофически резких колебаний климата основывается на допущении, что в плейстоцене глобальный климат достиг некоего «ледникового по-

рога», при котором он находился в крайне неустойчивом состоянии. Достаточно было малейших колебаний температуры для изменения климата в сторону очередного то «ледниковья», то «межледниковья».

1. Существуют реальные механизмы, которые противоречат такого рода сценариям. Для образования любого ледника необходим определенный баланс между температурой и влажностью, от которого зависят приход и расход твердых осадков. Водяной пар, содержащийся в атмосфере, имеет крайне разную концентрацию при различных условиях. Его содержание у земной поверхности может колебаться от 3% в тропиках до 2×10^{-5} % в Антарктиде, причем с высотой оно быстро убывает. При образовании ледника последний становится мощным фактором иссушения проходящих над ним воздушных масс за счет кристаллизации влаги. Снеговая граница — это горизонталь в конкретном пункте, выше которой приход твердых осадков превышает их расход. В условиях Земли снеговая граница изменяется от уровня моря (некоторые прибрежные районы Антарктиды) до 7 тыс. м над уровнем моря (на Тибете). В условиях Арктики высота снеговой границы составляет 280—350 м на Земле Франца-Иосифа, 350 м на о. Виктория, 300—450 м на Северо-Восточной Земле, от 300 до 600 м на Северной Земле, в некоторых районах Гренландии — более 1000 м над уровнем моря. Этого достаточно, чтобы влага, поступающая с самого мощного на Земном шаре испарителя — тропической зоны Индийского океана — к предгорьям Гималаев (здесь выпадает максимальная сумма годовых осадков: местами более 20 000 мм/год), почти вся и конденсировалась бы на полосе гималайских ледников (средняя ширина этой полосы — 16 км). Но в Тибете выпадает только 60 мм осадков в год. По этим причинам формирование ограниченных по площади горных ледников на островах евразийского сектора Арктики носило явно асинхронный характер, так как для их питания в высоких широтах просто не хватало влаги. Поэтому в Антарктиде, Гренландии, на Гималаях среди окружающих льдов сохраняются — свободные ото льда и снега вершины. Вот почему формирование гигантских покровных оледенений, доходивших до широты Киева, было невозможно, так как для этого был бы необходим ультраантарктический климат.

2. По расчетам климатолога А.И. Воейкова, для того чтобы край Скандинавского ледника мог достигать юга Русской

равнины, ему необходим был купол высотой 18 км (при этом условии достигалось бы необходимое давление для его растекания). Образование подобного ледникового купола невозможно на значительно меньшей высоте в атмосфере уже нет достаточного количества влаги.

3. Неизвестно ни одного описания, в котором бы объяснялось, каким образом на многие сотни километров покровный ледник может транспортировать валуны по пересеченной местности: ведь и фронтальная часть ледника, и его подошва — это неизбежно и зоны разрушения ледника. Реальный пример: границы так называемого донского ледникового языка проводятся по наличию в суглинках донской морены мелкой гальки новоземельского, тиманского или уральского происхождения, хотя ее объемное содержание в морене в среднем не превышает 0,01%. Породы такого типа, по замечанию Ю.Н. Грибченко, не могут быть руководящими, но, несмотря на это, и он сам, и А.А. Величко (1980) интерпретируют их как морену новоземельского (!) ледника. По сути же с ледниковых позиций наличие эрратической гальки в суглинках донской морены остается необъясненным.

4. С позиций ледниковой гипотезы считается, что именно эскаррация (разрушительно-механическое воздействие ледника на его ложе) — причина усиления осадконакопления на дне морей и океанов. Для условий северо-западной Атлантики это трактуется как свидетельство деятельности Лаврентийского ледникового щита. Но такое же усиление осадконакопления в это же время отмечено и на подводных конусах выноса Амазонки, Конго и Нигера, что не может быть связано с работой каких-либо ледников.

5. Некоторые сторонники ледниковой гипотезы для определения направления движения последнего ледника используют ориентацию гальки, содержащейся в слоях соответствующей ему морены. Знакомство с реальными ледниками, существующими на Шпицбергене, Земле Франца-Иосифа и Новой Земле, дает основание утверждать, что, в отличие от модельно-виртуальных ледников, их морены состоят из гравелистой гальки, не имеющей длинных осей: она имеет форму промежуточную между кубической и сферической. Особенно интересен для нас ледник, выходящий у губы Архангельской на Новой Земле. В отличие от многих других ледников этого архипелага, он не ныряет в море и не обрывается перед ним,

а располагается на суше, которая продолжается на запад в виде полуострова Личутина. Его конечная морена — это индикатор его максимального продвижения на запад, так как ни малейших следов движения ледника по полуострову Личутина нет. Это с очевидностью показывает, что никакого невероятного по мощности ледникового купола на Новой Земле не было. В пользу этого же вывода можно привести данные съемок дна Печорского моря, не обнаруживших каких-либо ледниковых отложений.

6. Фиксируемые во многих северных районах суши современные ее поднятия трактуются сторонниками ледниковой гипотезы как гляциоэвстатические (поднятие земной коры после освобождения от тяжести ледников), но вертикальные движения литосферных блоков происходят и в тропическом поясе, что никак не может быть связано с воздействием ледников.

7. Поскольку, по представлениям гляциалистов, колебания уровня Мирового океана обусловлены формированием (при регрессиях) и распадом (при трансгрессиях) ледников, наименьший по мощности вюрмский ледник, совпавший с максимальной за плейстоцен регрессией (до $-130... -140$ м), представляет собой в рамках ледниковой гипотезы совершенно неразрешимую загадку.

8. Для ледниковых эпох (особенно для позднего вюрма), климат которых, по оценке А.А. Величко (1980), даже на Украине соответствовал современному центральноякутскому, где среднеянварские температуры не превышают -40 °С, было характерно формирование мощных толщ лёсса в полосе от 55° до 24° северной широты. В вюрме лёссовые частицы выпадали на льды Антарктиды в десятки раз интенсивнее, чем теперь. В то же время установлено, что истинные лёссы, как правило, формируются в областях со средней январской температурой до -10° и никогда в тех районах, где они ниже -20 °С.

9. Одним из доводов сторонников ледниковой гипотезы в пользу крайней суровости поздневюрмского климата является максимально далекое распространение к югу многолетнемерзлых пород. Почему же тогда при более ранних и более мощных оледенениях мерзлота не продвигалась на юг хотя бы столь же далеко?

10. Пытаясь объяснить намеченное в предыдущем пункте противоречие, А.А. Величко формулирует следующее парадоксальное утверждение: «прямой причинной связи между степе-

ную развития оледенения и интенсивностью похолодания не было. Главный пик похолодания приходится на эпоху последнего наименее развитого валдайского (вюрмского) оледенения, к тому же на его вторую половину, когда ледник находился в стадии деградации». Далее поясняется, что в условиях крайне континентального — центральнокутского — климата для образования более мощного вюрмского ледника не хватило влаги, что порождает вопросы:

— почему именно в позднем вюрме, при максимальной в плейстоцене регрессии и минимальном водо- и теплообмене между Арктическим бассейном и Атлантикой, потеплении последней и активизации испарения с ее поверхности, создался особый дефицит влаги (как уже отмечено, вопрос об иссушающем воздействии самих ледников перед гляциалистами вообще не возникает)?;

— каким бы сурово-континентальным ни был климат Центральной Якутии, для него среднеиюльская температура несколько выше (+19 °С), чем в Москве (+18 °С), а сумма годовых осадков достигает 700 мм. Несмотря на наличие мерзлых грунтов, здесь произрастает древесная (таежная) растительность, но покровный ледник отсутствует, как и в любом другом районе Земли. Гренландский и Антарктический ледники — исключение, они горные, лежат в высоких широтах, имеют более суровый климат, чем в Якутии, и на них выпадает гораздо меньше осадков — вплоть до 50—30 мм/год, которых, впрочем, хватает для льдообразования. Как же мог существовать ледник (днепровский его язык), достигавший 48° северной широты при менее суровом климате, чем поздневюрмский (аналог центральнокутского) на этой же широте? Ведь для его существования в столь южном радиационном поясе необходим был ультраантарктический климат.

11. Присутствие в фауне позднего вюрма на Русской равнине видов, ныне обитающих в тундровой зоне (лемминги, песец), многими авторами расценивается как свидетельство невероятно сурового приледникового климата, хотя в настоящее время южные границы ареалов этих животных на многие сотни километров отстоят от собственно приледниковых районов Арктики, а представители обыкновенных леммингов вообще не проникают в высокую Арктику (ареал амурского лемминга распространяется к югу до 50° с.ш.).

12. Многочисленные биогеографические данные свидетельствуют о том, что северные элементы флоры и фауны на Рус-

ской равнине и в ряде других районов, где они теперь отсутствуют, были наиболее представлены в позднем вюрме. Среди них, однако, не было видов, для нормальной жизнедеятельности которых обязательно требовались условия непосредственного соседства с громадным покровным ледником. Показательно, что и сегодня очень бедная в видовом отношении высокоарктическая фауна некоторых беспозвоночных животных фактически не выходит за пределы высокой Арктики: даже в наиболее северных тундрах отсутствуют хотя бы реликтовые ее представители.

13. По представлениям большинства сторонников ледниковой гипотезы, на освободившихся от покровных ледников пространствах весьма быстро формировались экосистемы, состоявшие почти каждый раз из флоры и фауны предшествовавшего межледниковья. Большинство гляциалистов считают, что они восстанавливались за счет миграций видов из сохранявшихся далеко на юге рефугиумов (так называемых убежищ). При этом не учитываются два очень важных обстоятельства:

— даже современная (наиболее обедненная за плейстоцен) флора — это сотни видов с весьма различными биологическими особенностями, экологическими требованиями и возможностями распространения. Как же такие представители флоры и фауны могли каждый раз столь быстро и почти без потерь восстанавливаться? Чем обеспечивалось преемственное их развитие на протяжении всего плейстоцена? Сторонники ледниковой гипотезы приводят данные о скоростях расселения различных видов растений, совершенно не соответствующие реальным (например для дуба — до 10 км/год);

— необъяснимым в рамках ледниковой гипотезы остается факт существования десятков видов растений с реликтовыми ареалами (включая эндемиков) на территориях, якобы подвергавшихся сплошному оледенению. Само существование современных достаточно богатых флор на арктических и субарктических островах (включая ряд видов хвойных) невозможно увязать с гипотезой сплошных оледенений этих территорий.

14. Представлениям о Панарктическом ледниковом шите, якобы существовавшем до конца плейстоцена и покрывавшем огромные территории всей Арктики и прилегающих северных материков, противоречат многочисленные факты: современное распространение оледенения, фауны и флоры. Это отмечено для Шпицбергена, Северной Земли, о. Врангеля, Новосибир-

ских и прилежащих мелких островов, о. Бегичева, Таймыра, устья Лены и Канадской Арктики и подтверждено многочисленными радиоуглеродными датировками. Особенно интересны материалы по Новосибирским островам с их богатейшей для столь северного района мамонтовой фауной, существовавшей 55 тыс. лет (предельный возраст, определяемый по радиоуглероду) до голоцена включительно, так и данные по фауне Северного Ледовитого океана и о палеотемпературах придонных вод у побережий Северной Земли.

15. Богатый и смешанный состав мамонтовой фауны (представленный степными, лесными, пойменными и ныне тундровыми видами) был обусловлен отнюдь не суровыми, а весьма разнообразными природными условиями вюрмских ландшафтов. Смешанный характер флоры подчеркивался и сторонниками ледниковой гипотезы. По мнению В.П. Гричука, вокруг покровных ледников Восточной Европы существовали три ландшафтных зоны: 1 — приледниковая комплексного характера с участием элементов арктической, лесной и степной флоры, где имелись древесные виды; 2 — лесостепная; 3 — степная. Особое внимание обращает на себя первая из этих зон, поскольку в настоящее время на ее северной границе нет контактов древесных видов с какими-либо покровными ледниками из-за их полного отсутствия. Ближайший аналог последних — крайний юг и юго-запад Гренландии, где березовые редколесья отмечены между 60 и 61° северной широты, а ольха, также вдоль побережья, поднимается на север до 65° северной широты. Однако вдоль этих берегов нет постоянного ледникового покрова, и они даже в зимние месяцы испытывают тепляющее воздействие Атлантики. Снеговая же граница проходит здесь на высоте более 1000 м над уровнем моря. Но мало этого. В настоящее время на равнинах между северной границей древесных видов и ледниками высокой Арктики расположены зоны тундр (южных, типичных и арктических) и полярных пустынь, протяженность которых по меридиану достигает многих сотен километров. Здесь древесные виды полностью отсутствуют, а «арктическая» растительность представлена не «отдельными элементами», а имеет зональное выражение. Почему 20 тыс. лет назад внутриматериковые покровные ледники на протяжении тысячелетий могли непосредственно соседствовать с «растительностью комплексного характера, где имелись древесные виды», совершенно непонятно, на сей вопрос у гляциалистов нет от-

вета. Более того, в позднем вюрме пыльца и многочисленные макроостатки древесных видов найдены не только у границ моделируемых ледников, но и на занимаемых ими площадях. Но и этот факт не заставляет гляциалистов переосмыслить свои представления.

16. Немалую поддержку сторонниками ледниковой гипотезы в создании ими соответствующих моделей прошлого оказывают так называемые «элементы арктической флоры». В.П. Гричук специально отметил отсутствие в пределах приледниковой зоны не только полярно-пустынных или арктических, но даже собственно тундровых группировок. Сегодня, например, представитель арктической флоры селягинелла остистая распространена на юг вплоть до Карпат и до 56° с.ш. на Урале, дриада доходит до Карпат и Британских островов, карликовая березка — до Британии, Центральной Европы, Московской, Нижегородской областей и Башкирии.

Так же ведут себя и некоторые животные, типичные для Арктики. Сохранившийся до недавнего времени на Крайнем Севере Северной Америки овцебык еще во времена скифов обитал в южных степях Евразии. Сказанное относится и к леммингам. Во Франции известны места, где их останки (время позднего вюрма) были найдены вместе с останками не только сурков, сусликов и лесных полевок, но и садовой сони и сониполчка, водяных полевок, мышовок и лесных мышей. Аналогичные данные имеются по северу Украины, Белоруссии, Владимирской области и ряду других районов. Из указанных спутников леммингов особый интерес в ряде районов представляет соня-полчок — обитатель широколиственных и смешанных лесов, основу питания которого составляют орешки бука, лещины, плоды диких плодовых деревьев. Их наличие определяет не только ее современную северную границу распространения, существенно не отличающуюся, кстати, от поздневюрмской, но и размещение зверьков и их численность внутри ареала. На Среднем Урале лемминги, вместе с другими обычными видами позднепалеолитического комплекса, обитали рядом с дикобразом Виноградова и гималайским медведем.

Перечисленных противоречий, не нашедших удовлетворительного решения в рамках ледниковой гипотезы, уже более чем достаточно, чтобы подвергнуть сомнению ее правомочность. Однако простое отрицание ледниковой концепции еще не означает ответа на вопрос: а что же стало причиной столь су-

шественной перестройки растительного покрова и животного населения в плейстоцене, особенно на его рубеже с голоценом и в голоцене? Поиск этого ответа следует искать за рамками ледниковой гипотезы...

Чтобы ответить на сформулированные вопросы, связанные с ледниковой гипотезой, уместно обратиться к твердо установленным фактам (не подвергаемым сомнению и приверженцами гляциалистических представлений), которые можно разделить на геолого-тектонические и биогеографические.

В многочисленных исследованиях ледников Антарктиды, Гренландии и в горах Евразии показано, что даже горно-долинные ледники не столько разрушают свое ложе, сколько его консервируют, предохраняя от эрозии и выветривания. В большинстве случаев нижние части ледников приморожены к ложу и не участвуют либо участвуют в наименьшей степени в пластических движениях остального льда. При более крутых наклонах долин и появлением под ледником талых вод, действующих как смазка, энергия движения ледника возрастает и осуществляется путем обтекания неровностей рельефа, так как лед не способен срезать скальные породы, значительно уступая им по твердости. Именно поэтому в областях современных ледников сохраняется альпийский рельеф с заостренными вершинами гор. Способность же к транспортировке какого-либо материала на многие сотни километров покровными ледниками полностью относится к области ненаучной фантастики.

С движением ледников «гляциалисты» связывают отложения моренного материала. Академик И.Г. Пидопличко в своей 4-томной монографии «О четвертичном периоде» (1956) приводил 32 фактора валунонакопления, включая и разрушение горных пород, перенос и накопление валунов ледниками. Он специально подчеркивал: так как в настоящее время нет ни одного ледника, который бы двигался при отсутствии уклона, то есть по горизонтальной поверхности, то уже поэтому трудно предполагать, чтобы в прошлом были такие ледники, которые не зависели от этой физической закономерности.

Большинство же факторов преобразования рельефа так или иначе связано с деятельностью различных природных вод, а наиболее дальние переносы твердых осадков, включая валуны, осуществляются сезонными льдами (в том числе донным льдом и береговым припаем) рек и морей при активном участии те-

чений и ветров. Эти же факторы, а также приборно-штормовые явления оказывают и оставляют штриховку на валунном материале и формируют различные формы «ледникового» рельефа. По сравнению даже с наиболее активно скользящими горно-долинными ледниками, перечисленные факторы производят значительно большую по объему работу. В результате многолетних работ В.Г. Чувардинского на восточной части Балтийского шита (Мурманская область) было показано, что образование форм якобы ледниковой формации имеет на самом деле тектоническое происхождение (Чувардинский В.Г. О ледниковой теории. Происхождение образований ледниковой формации. Апатиты, 1998; Он же. Дискуссия с ледниковой системой. Апатиты, 2004).

Мелкая эрратическая галька*, присутствующая в ничтожном количестве в «морене донского языка», скорее всего принесена с Урала, из бассейна Камы в один из тех периодов, когда волжско-камские воды по впадине Маныча (или Хвалынскому проливу) скатывались с сезонными льдами и твердым стоком в низовья Дона. Подобные ситуации возникали, вероятно, неоднократно. По указанному маршруту на юг могли прорываться через Печорской бассейн и воды Северного Ледовитого океана.

Любые виды речного разноса валунов и осадконакопление неизбежно активизировались при регрессиях (понижениях уровня океана). Поскольку наиболее резкое за плейстоцен (около 12—700 тыс. лет назад) понижение базиса эрозии происходило в позднем вюрме (максимум ее — 22 тыс. лет назад), именно в это время активизировались эрозия и разнос валунного материала. Несколько более активное осадконакопление происходило в позднем вюрме на северо-западе Атлантики, чем в тропической зоне в устьях крупнейших рек. Это вполне закономерно, ведь на северных территориях снос твердого стока обеспечивался и речными водами, и сезонными льдами, тогда как в тропиках последний фактор отсутствовал. Кстати, если бы действительно в Северной Америке существовал гигантский Лаврентийский ледник, твердый (ледниковый) сток на тысячелетия позднего вюрма в значительной степени оказался бы в буквальном смысле замороженным.

* Эрратическая галька, валуны — породы, перенесенные ледником на большие расстояния и состоящие из материала, отсутствующего в местах их нахождения.

К уже сказанному добавим, что для конечной морены ледника у губы Архангельской на Новой Земле, помимо отсутствия натянутых галек, очень характерно отсутствие в сколь-нибудь заметном количестве и более крупного валунного материала, тогда как обломочный материал, оказавшийся под скользящим ледником, перемалывается до состояния гравелистой гальки диаметром в несколько сантиметров. Подобную работу ледника можно уподобить обкатыванию дробы между двумя сковородами. Наличие же значительной доли выпянутых галек весьма характерно для отложений, формирующихся речными и иными водными потоками, а их положение зачастую совпадает с направлением последних. Именно окатывание текущими водами (в том числе в приливно-прибойно-штормовой зоне) идет весьма интенсивно и происходит очень быстро (на пляжах обычна и стеклянная галька).

Совершенно не согласуются с представлениями гляциалистов о ведущей роли оледенений в колебаниях уровня океана данные по амплитудам его колебаний. Так, наименее мощному вюрмскому оледенению (20—11 тыс. лет назад) соответствует наиболее выраженная за плейстоцен регрессия (понижение уровня океана). В более ранние времена, при отсутствии оледенений, регрессии достигали 300—400 м, хотя, по мнению сторонников ледниковой теории, это должно было быть наоборот. Наиболее вероятная причина более быстрых темпов колебаний уровня океана к концу кайнозоя — резкая активизация тектонических процессов: океанизации и орогенеза (горообразования), поскольку никаких данных о каких-либо оледенениях в мезозое (235—66 млн лет назад) и в раннем кайнозое (66—25 млн лет назад) нет. Обратим внимание на величины, характеризующие мегаструктуры Земли. При среднем земном радиусе 6371,032 км, мощность земной коры составляет лишь несколько десятков километров и достигает не более 0,5% земного радиуса. Объем земного шара составляет $1,083 \times 10^{12}$ км³, а Мирового океана — $1,37 \times 10^9$ км³ (около 0,1% объема Земли), современных ледников — почти 30 млн км³ (примерно 2% объема океана и 0,002% объема Земли). Такой порядок указанных величин и их соотношения дают основание полагать, что изменения емкости океана определяются в первую очередь процессами, происходящими под границей Мохоровичича, которая отделяет земную кору от мантии (глубины 20—40 км) и под которой сосредоточена масса

вещества, в тысячи раз превосходящая массу вод Мирового океана и всех остальных вод земной поверхности, включая и ледники. К тому же на протяжении примерно 9/10 геологической истории океана колебания его объема и уровня происходили при полном отсутствии каких-либо ледников. Вероятно, эти колебания обуславливаются дегазацией и дегидратацией поступающего из глубин Земли магматического материала.

О земной мантии пока мы знаем очень мало. Использование дистанционной (в том числе космической) альтиметрии показало, что нулевой уровень океана — это некая усредненная абстракция. Наибольшие положительные отклонения от него (до 68 м) отмечены в Северной Атлантике, максимально отрицательное (112 м) — в экваториальной зоне Индийского океана к югу от Цейлона, что не может быть обусловлено деятельностью ледников. Еще показательнее данные Гарвардского космического центра. Согласно им, форма земного геоида и аномалии силы тяжести никак не коррелируют ни с размещением современных ледников, ни с площадями ледников смоделированных, ни с топографией морских глубин, ни с географией горных сооружений. Не тонкая пленка литосферы оказывает давление на глубинные слои, определяет рельеф океанического дна, его емкость и уровень океана и развитие тектонических процессов в литосфере, а глубинные магматические процессы. Эндогенные факторы в недрах Земли неизмеримо мощнее, что согласуется и с новейшими представлениями геологов и геофизиков.

В позднем вюрме отмечается и максимальная активизация лёссовобразования: она является прямым следствием максимальной регрессии и углубления эрозионного вреза, что возможно при резком понижении уровня океана. При этом объем рыхлых пород, доступный для формирования лёсса, возрастал при усилении вреза на три порядка: за счет линейного роста и разветвления гидросети, углубления и расширения долин. Благодаря влиянию других факторов (повышения контрастности и континентальности климата, активизации склоновых процессов, меньшей закрепленности почвогрунтов), а также в условиях пастбищных экосистем, господствующих на плакорах, благодаря многочисленным крупным растительноядным животным, — условия для лёссовобразования становились еще более благоприятными. Поскольку этот процесс происходил в течение тысячелетий, естественно временное отста-

вание между регрессией и пиком лёссовобразования. Возникает вопрос, почему при более мощных регрессиях в более ранние времена не происходило столь мощного формирования лёссов, как в позднем вюрме. По двум причинам. Во-первых, в условиях более влажного тропического или субтропического климата обнажающиеся из-за эрозии участки суши очень быстро зарастали. Во-вторых, само развитие регрессий шло гораздо медленнее, чем в вюрме.

Не согласуются с ледниковой теорией и псевдоморфозы (ледяные жилы в грунтах), трактуемые как свидетельства былых многолетних мерзлых пород на юге Украины, во Владимирской области (стоянка Сунгирь). Они могут рассматриваться как последствия сезонных промерзаний. Условия для формирования «ледяных жил» были более благоприятными при максимальном эрозионном врезе в позднем вюрме, при более активном появлении трещин на высоких береговых обрывах, усилении склоновых процессов, континентализации климата и постоянном выпасе крупных стадных животных в условиях малоснежных зим (пастбища были круглогодичными). Но климат при этом не был экстремально суровым — этому противоречат многочисленные биогеографические данные.

Более континентальный климат при максимуме регрессии неизбежен, что не означает наличия ультразасушливой обстановки. Подобным представлениям не соответствует и общее богатство фауны, и имеющиеся данные по некоторым видам. Именно в позднем вюрме на Самарской луке, наряду с таким характерным для мамонтовой фауны видом, как желтая пеструшка, была наиболее многочисленна и выхухоль. Поскольку этот зверек населяет обычно небольшие, хорошо прогреваемые водоемы с богатой фауной водных беспозвоночных, то можно полагать, что недостатка в подобных местообитаниях не было. Именно в это время для выхухоли было весьма благоприятным отсутствие сильных паводков, которые для нее особенно губительны. В позднем вюрме местная фауна включала и такие виды, как соню-полчка и степного удавчика, которые и сегодня не встречаются севернее Самарского Заволжья.

Представления о днепровском оледенении базируются исключительно на соответствующей якобы морене с включением в нее эрратического материала скандинавского происхождения. Все другие данные, даже по мнению сторонников ледниковой

гипотезы, свидетельствуют о более мягких климатических условиях в это время (по сравнению с поздним вюрмом). Якобы ледниковый генезис «днепровской морены», образовавшейся 170—250 тыс. лет назад, на самом деле является водным и водно-ледовым и связан с громадным пульсирующим водоемом на месте современных Балтийского и Белого морей. На различных этапах своей истории это море могло соединяться с океаном либо становиться подпрудным. При возникновении последнего на регрессивной фазе переполнившие его воды при прорыве на запад сформировали типичную для водопадов ванну (ее глубина — 250 м!), переходящую далее в Норвежский желоб. Весьма вероятно, что сбросы или даже прорывы вод из указанного бассейна могли осуществляться и на юг, в сторону Черного моря, в пользу чего свидетельствует и значительное сходство соответствующих ихтиофаун.

На регрессивной фазе, при максимально углубленных и широких речных долинах, последние являлись каналами проникновения на юг более северных видов. Этому же способствовали господствовавшие на плакорах открытые и полуоткрытые ландшафты степей и лесостепей, а также периодические расширения на юг границ Балтийско-Белоорского бассейна, имевшего на определенных этапах позднего плейстоцена субарктический гидрорежим. Его климатическое воздействие могло сказываться в относительно неширокой полосе (порядка до 100 км от побережья). В настоящее время значительно севернее, уже за 68° северной широты аналогичное воздействие Карского моря проявляется на плакорах (ровных водораздельных пространствах) примерно в таких же пределах, а по долинам рек лиственничники с березой, ольхой, ивой высотой до 5 м почти достигали Байдарацкой губы (к западу от полуострова Ямал) всего около 150 лет назад, а ель и сегодня растет менее чем в 100 км к югу.

При отказе от ледниковой гипотезы перестает быть необъяснимой и преемственность развития флор и фаун на протяжении всего плейстоцена. Обедненность палеоботанических данных за счет древесных видов во время «ледниковый» объясняется тем обстоятельством, что на соответствующих им регрессивных фазах и континентализации климата плакоры действительно еще более остепнялись, а лесная растительность сохранялась по поймам значительно более глубоко врезанных речных долин. Поскольку при последующей трансгрессии скло-

новые процессы усиливались, происходило активное погребение палеорусел на фоне повышающейся эрозии, снос и разрушение большей части органики, а также ее переотложение (поэтому и при обнаружении она оказывается малоинформативной). По регрессивным фазам мы преимущественно располагаем материалами, характеризующими флору и фауну плакорных местообитаний. Изучение палеолитических стоянок (возраста 2 млн — 12 тыс. лет назад) дает искаженное представление о фауне, так как на них накапливались в основном костные останки видов, наиболее интенсивно добывавшихся древними охотниками. Более надежные пещерные находки отсутствуют на огромных площадях равнинных территорий. В пользу версии о широком распространении лесов (включая и широколиственные породы) в течение вюрма на Севере свидетельствуют данные о том, что уже около 9 тыс. лет назад на юге Норвегии были обычны смешанные дубовые леса. К тому же и поздневюрмская фауна моллюсков у северо-западных берегов Норвегии не была холодноводнее современной.

Появились и непосредственные подтверждения тому, что позднепалеолитический териокомплекс на Среднем Урале (пещера Махневская — 59°26' с.ш. 57°4' в.д. (и, вероятно, на Алтае) включал в свой состав такие виды, как дикобраз Виноградова и гималайский медведь. Сопутствующая фауна: волк, пещерный лев, мамонт, лошадь, благородный олень, лось и бизон. Фауна по всему Среднему Уралу включала еще ряд видов: донского зайца, зайца-беляка, степного сурка, песца, лисицу, бурого, большого и малого пещерных медведей, куницу, росомуху, горностаю, ласку, европейскую норку, хоря, пещерную гиену, рысь, шерстистого носорога, северного оленя, сайгу, овцебыка, ряд мелких млекопитающих: буроzubку, пищуху, суслика, тушканчиков двух родов, обыкновенного хомяка, хомячков двух родов, лесного, сибирского и копытного леммингов, желтую и обыкновенную пеструшек, водяную, лесных и серых полевок и лесных мышей. Этот комплекс в палеогеографическом отношении соответствует широколиственным лесам. Добавим, что смешанный характер фауны свидетельствует об исключительном разнообразии местообитаний Среднего Урала, несомненно включавшего и массивы широколиственных лесов, а многие составляющие ее виды, помимо вымерших, в настоящее время обитают либо севернее, либо (и таких особенно много) южнее.

Впечатляет и разнообразие позднеюрмской фауны на Новосибирских островах, что, однако, вполне естественно на фоне максимальной регрессии океана, когда создавались условия для продвижения на север многих видов. Континентализация зимних сезонов делала доступными для фитофагов (растительноядных) пастбища, а усиление летних муссонов (с прекращением водообмена с Арктикой воды Северной Пацифики отеплялись) повышало их продуктивность. В это же время расширялись на север ареалы ряда пресноводных рыб и моллюсков; расширялись также возможности для расселения различных видов через Берингию и на многие современные острова, которые причленились тогда к материковой суше: от островов Средиземного моря, Британских и Северной Земли до Японских, Филиппин и Больших Зондских.

Гетерогенный (смешанный) характер позднеюрмской фауны соответствовал максимуму регрессии и наиболее расчлененному и разнообразному рельефу, что создавало наилучшие условия для распространения по равнинам ныне горных видов флоры и фауны. Сверхуглубленные речные долины становились своеобразными убежищами для растительных комплексов менее континентальных эпох и в те периоды, когда плакоры были максимально остепнены.

Основа гипотезы гигантских покровных оледенений — представления о том, что эрратические валуны, их исчерченность и различные формы рельефа имеют исключительно ледниковое происхождение. Зародившись на материалах наблюдений геолога Луи Агассиса в первой половине XIX века и ряда его предшественников в Альпах, эта гипотеза даже в отношении оценки деятельности горно-долинных ледников оказывается чрезмерной. Ведь и в горных условиях помимо ледников постоянно работают (и гораздо активнее) совершенно другие факторы: физико-химическое разрушение горных пород, поставляющее материал для его дальнейшей обработки и транспортировки на большие расстояния постоянными и сезонными водными потоками, склоновыми процессами (оползнями, лавинами, селями), сезонными речными льдами и наледями. Кстати, срыв в сентябре 2002 г. висячего ледника в Кармадонском ущелье Северной Осетии, преодолевшего по вертикали около 3 км, наглядно продемонстрировал один из механизмов образования морен в горных условиях. Нет сомнений в том, что по мере таяния сорвавшегося ледника большая часть мо-

рены будет перемещена селевыми потоками на еще более низкие уровни. Спустя тысячелетия ее наличие вполне может трактоваться как свидетельство крайне низкого расположения ледников на северном макросклоне Главного Кавказского хребта со всеми сопутствующими элементами хорошо знакомых палеоклиматических реконструкций. Работа уже перечисленных факторов, постоянно действующих в горных условиях, суммируясь за десятки и сотни тысячелетий, в течение которых немалую роль играли также мощнейшие землетрясения и вулканические извержения, приобретает и масштабы, несопоставимые с теми, представление о которых накоплено за краткий период регулярных наблюдений. При понижении базиса эрозии на 130—140 м интенсивность работы многих факторов резко возрастала, как и размеры площадей их явного проявления. Это тем более относится к Скандинавии и ряду других прибрежных районов, где миграции горно-долинных ледников и ледничков на фоне менявшихся очертаний береговых линий были совершенно естественны.

Наличие пульсирующего (изменяющего свой уровень) Балто-Беломорского бассейна, границы которого временами были существенно южнее современных, и постоянный ледовый разнос материала разрушения горных пород из Скандинавии на европейские равнины трактовались как свидетельство деятельности очередного оледенения. В то же время многолетние работы В.Г. Чувардинского, подтвержденные данными ряда его финских коллег, убедительно показали, что в условиях восточной части Балтийского щита самые различные «ледниковые формы рельефа» на самом деле имеют тектоническое происхождение, что, скорее всего, справедливо и для всей Фенно-Скандии, а также и для Лабрадора.

Второй постулат ледниковой гипотезы — представление о событиях второй половины плейстоцена: очередное катастрофическое глобальное похолодание, причины которого до сих пор не ясны, провоцируют очередное гигантское оледенение, которое и вызывает очередную регрессию, забирая у океана необходимую для формирования ледников воду. На самом деле события развивались в иной последовательности. Последняя вюрмская регрессия начинается около 125 тыс. лет назад и достигает пика 22 тыс. лет назад, причем климат большей части этого времени по многим данным был мягче и теплее современного. Наибольшее же похолодание за плейстоцен при-

ходится на 19—15-е тысячелетия до н.э. Это мнение ряда крупнейших гляциалистов. Но последствие не может на десятки тысяч лет опережать причину. По версии гляциалистов, последнее оледенение развивается и исчезает примерно за 5 тыс. лет, хотя многочисленные биогеографические (и, как уже отмечено, геологические и геоморфологические) данные противоречат предположению о самом его существовании.

Имеющиеся материалы позволяют высказать следующее мнение о временной и причинной последовательности событий позднего плейстоцена. На фоне активизации горообразования, тектоники и океанизации в позднем кайнозое, обусловленной в основном процессами в глубинных слоях Земли, развивается очередная регрессия океана, а базис эрозии снижается за 130—140 м. Это приводит к увеличению площади материков за счет частичного осушения шельфов, активизации и углублению эрозионного вреза, нарастанию континентальности климата, вызывает изменение соотношения площадей плакоров и гидросистем, местами некоторое увеличение массы горнодолинных ледников и, особенно, распространение подземного оледенения в наиболее северных и континентальных районах. Такова последовательность и причинная обусловленность событий на регрессивной стадии, а не наоборот.

На трансгрессивной стадии последних примерно 20 тыс. лет события развивались вспять, но в пять раз быстрее: площади материков сокращались, климат становился мягче и менее контрастным, преобладающими в развитии рельефа на огромных территориях становились процессы аккумуляции. Биогеографические события — последствия этих перемен происходили не в столь широких масштабах и не так стремительно, как это представлялось еще совсем недавно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ДРЕВНЕЙШИЕ КОРНИ РУССКОГО ИМЕНИ

Бытующее представление о греко-римско-еврейском происхождении подавляющего большинства современных русских имен считается чуть ли не каноническим. Безусловно, такая связь налицо. Однако у этого вопроса есть и другая сторона. Дело в том, что с введением христианства на Руси библейские имена не просто вытеснили старый ономастикон, но зачастую ассимилировались, подстроились под прежние самобытные имена и прозвания. Точно так же церковь приспособилась и к древним языческим праздникам. Во многих же случаях сохранилось двух- и даже трех-четыrehимение, например: Александр — Саша — Шура — Саня. Следовательно, вполне допустимо попытаться выявить древние протославянские и проторусские основы современных имен.

Такой подход не нов. Еще один из основоположников русской этнографии *Владимир Васильевич Пассек* (1808—1842) считал, что многие из коренных славянских имен сблизилась по созвучию с еврейскими, греческими и римскими. Пассек провел целое исследование, установив, к примеру, такие зависимости: имя Игнат сблизилось со старорусским прозвищем Огнян, Петр — с Перо (Перун), Даниил — с Данко (Дан), Василий — с Веселин и т.д. и т.п. (см.: *Пассек В.В. Славянские имена // Очерки о России. Т. 4. М., 1840*).

ЮРА (ЮРИЙ)

Исторические метаморфозы имени Рюрик дают повод для следующего одного отступления, касающегося подлинных генетических корней ряда исконно русских имен. Одно из них

Юрик, которое, быть может, породило оваряженную (норманизованную) форму Рюрик, хотя вполне обоснованно и другое объяснение исконно русского имени Рюрик (от общеславянского слова «рерик» — «сокол»). Но теперь нас будет интересовать не Рюрик, а его возможная праформа — Юрик. Что это за имя?

Обычно его истолковывают как уменьшительное от слова Юрий — древнейшего и исконнейшего русского имени. Но что означает само имя Юрий и откуда оно взялось? Считается, что имя Юрий является сокращением греческого христианизированного имени Георгий (в таком тандеме оно и фигурировало в обозримом историческом прошлом, начиная с первых летописей и вплоть до нынешних дней). В свою очередь этимологи поясняют, что сама усеченная форма имени — Юрий появилась на Руси вместе с варягами и первоначально звучало как Гюрги (см.: Лаврентьевская летопись под 1174 г. и др.). Естественно, что чисто варяжское имя Гюрги могло приобрести русское звучание и превратиться в Юрия. Однако представляется более правдоподобным, что варяжское имя слилось с исконно русским именем Юрий, которое бытовало на Руси задолго до появления там каких бы то ни было варягов.

Юрий — литературная форма, применяемая первоначально только к князьям. В простонародье использовалась другая, первичная форма — Юрик, что означало «юркий». От прилагательных слов образованы многие русские имена (нынче вышедшие из употребления): малый — Мал (Малюта), Малуша; гордый — Гордей; любый — Любим, Любава; жданный (ребенок) — Ждан, Ждана; нежданный (ребенок) — Неждан, Неждана и т.д.

Лексическое гнездо с древнерусским корнем «юр» — пестро и обширно. Беда только в том, что мы не ценим и быстро теряем богатства собственного языка. Достаточно открыть словарь Владимира Даля — многие слова, начинающиеся на «юр», современному русскому человеку покажутся по меньшей мере диковинными. Само слово «юр» означает «открытое бойкое место, где народ юрит, где всегдашняя толкотня»; «юр реки» — «стрезень», «быстрина», а также «водоворот». Кроме того, в Смоленской губернии «юр» означал «ярость», «похоть», «вожделение». Дальше следует целый набор ныне практически забытых слов:

«юра» («юрила») — «беспокойный человек», «непоседа», «егоза»; кроме того, в Архангельской губернии «юра» означает «косяк сельдей», а в Новгородской — «шило» (есть версии, что с учетом общего смысла от слова «юра» образовалось другое — всем известная «юла»);

«юрага» — «сыворотка», «остатки от сбитого масла»;

«юрда» — «вареный конопляный сок»;

«юрик» — «вышка рыбаков на сваях для подъема сетей»;

«юрчина» — «сходня с юрина в море»;

«юрить» — «метаться», «суетиться», «спешить», «торопиться» (отсюда, по Далю, происходит слово «юлить»);

«юрка» — «бойкий мальчишка», а в Архангельской губернии — «моржовый ремень»;

«юркать» — «греть»;

«юркнуть» — «спрятаться», «скрыться», отсюда междометие — «юрк» («юрк — и спрятался»);

«юркий» («юровый») — «бойкий», «резвый», «быстрый»; от этого прилагательного образуется целый каскад родственных по смыслу слов: «юркой» — «круто наклонный», «покатый»; «юркость» — «зыбкость», «неустойчивость», «шаткость»; «юро» — «косяк рыбы», «залежка тюленей или моржей»; а также «пора, когда тюлень приносит потомство» (кроме того, «юро» означает «след за кормой плывущего судна», а в Псковской губернии — «омут»; «юроватый» — «расторопный»);

«юровиха» — «резвая девка»; «юровая» — «праздник рыбаков и охотников — 30 октября, первая пороша»;

«юрок» — «юро тюленей (до семи штук)»; «снятая с тюленя шкура» вообще — «куча», «кипа», «пук», «связка», «косяк», «стая», «вихорь» — «заверт волос»; «приспособление при прядении»;

«юрок» («выюрок» — «горный воробей»); в Московской губернии — мелкая птица «дубровка».

В этот ряд, казалось бы, напрашивается слово «юродивый», но, согласно господствующей точке зрения, оно происходит от слова «урод», которое в старославянском произношении звучало как «юрод». Впрочем, не исключена этимологическая близость и этой группы слов с лексическим гнездом «юрика». Как не исключена глубинная этимологическая связь на уровне праиндоевропейской общности языков с основой латинского слова *jūris (jūs)* — «право», откуда происходит современное понятие «юридический» и все образованные от него слова. В свою очередь латинское *jūris (jūs)* происходит от *urgo*, что одновремен-

но значит и 1) «браниться», «ссориться», «ругаться» и 2) «судиться». К первому смыслу данного латинского слова близко значение русского «юр» («место, где всегда толкотно и шум», а значит, и ссоры, требующие, чтобы их рассудили). Морские же смыслы, которых немало в русских словах с корнем «юр», сближают их с латышским словом *jūra* — «море».

Как видим, богатства форм и смыслов одной-единственной корневой основы «юр» не занимать. Именно оно и послужило базой для возникновения древнего и исконно русского имени Юра, которое приобрело облагороженную форму Юрий, было сопряжено с христианизированным именем Георгий, в котором полностью растворилось варягизированное имя Гюрги и от которого, возможно, и произошло оваряженное имя родоначальника первой исторической русской династии Рюриковичей — русского князя (Р)юрика.

ВАРЯ

Женское имя Варя, уменьшительное от Варвары, так же как и рассмотренные выше и далее, несет отпечаток древних славянских корней и понятий. Как и в предыдущем случае, оно лишь впоследствии было совмещено с соответствующим христианским именем (в переводе с греческого означающим — «иноземка», «варварка», «дикарка»). Ничего общего с этими «варварскими смыслами» не имела древнерусская Варя. Словарь В. Даля дает три значения собственно слова «варя»: 1) «варево», «варка», «порция сваренного»; 2) «толпа», «куча», «тьма», «множество» (так говорили в Рязанской и Тамбовской губерниях); 3) «весь стан человека», «рожа» (происхождение спорное). М. Фасмер в своем Этимологическом словаре дает еще одно значение: «варя» — «вес» (из северных говоров). Но имя Варя скорее всего связано с самым первым значением, вытекающим из древнейшего слова «варить» и производными от него словами и функциями. Русский язык насчитывает десятки слов с корнем «вар» (и фонетически близким ему корнем «вор»). Корень этот выходит к индоевропейской общности языков и системе космогоническо-божественных понятий: отсюда проистекают слова, означающие «творение», в том числе «сотворение мира и человека», а также имена богов — индийского Варуны и русского Сварога.

Несомненный интерес представляет и сопряженность имени Варя и этнонима «варяг». Пресловутый «варяжский вопрос», но только в этимологическом аспекте. После более чем двухвековых дискуссий возобладала пронорманистская концепция: варяги были призваны на Русь в 862 году из Скандинавии, и само слово — тоже скандинавского происхождения (*vāringz* от *var* — «верность», «порука»)*. Ни та ни другая точка зрения — как и вся так называемая норманнская теория критики не выдерживает — и, надо сказать, в последнее время активно оспаривается.

Начнем с этимологии. Вообще представляется, что «варяжский вопрос» — это прежде всего лингвистическая проблема. В русском языке (см. словарь В. Даля) «варяг» — это «мелкий торговец», «разносчик товара», синоним «офени» и «коробейника» (в украинском языке слово «воряг», по Фасмеру, означает еще и «борца», «крепкого рослого человека»). В несколько ином звучании «варяг» имеет значение: «проворный», «бойкий», «расторопный» (человек). Поэтому нет никаких оснований настаивать на иноземном происхождении слова «варяг». Издревле оно означало «торговый гость», «купец». Классическими русскими варягами были новгородский Садко и былинный Соловей Будимирович.

Итак, *варяги* — это торговые люди вообще. И это нисколько не противоречит летописи. Согласно Повести временных лет, среди варягов (читай: купцов, торговых людей) были и шведы, и норвежцы, и англичане, и готы. Были и русские купцы-варяги, собиравшие когда-то с новгородцев дань и, говоря современным языком, занимавшиеся посредническо-торговыми операциями и транспортировкой товаров. К этим-то русским варягам и обратились посланцы Новгородского веча с предложением навести порядок в Новгороде. Откликнулись три брата-варяга. Были они русскими купцами, старшего звали (Р)юрик, и, согласно северному преданию, был он родом из Приднепровья.

* Аргументы в пользу фонетической невозможности перехода древнескандинавского слова в древнерусское. См.: Черных П.Я. Этимологические заметки: Варяг // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1958. №1. Автор истолковывает попытку вывести русское слово из скандинавского корня как неуклюжую натяжку норманистов-русофобов.

Предложенная здесь «чисто русская» версия происхождения варягов — одна из возможных; она зеркально противостоит «чисто скандинавской». И аргументов у русской версии ничуть не меньше, чем у альтернативной. Есть, впрочем, свои аргументы и у «промежуточных» истолкований, выводящих Рюрика и варяго-русов из балтийско-славянских племен, обитавших в районе современной Дании (см.: *Кузнецов Е.В.* Откуда есть пошла Руськая земля... Послесловие к историческому роману Г. Петреченко «Рюрик». — Нижний Новгород, 1994). Некоторые, отстаивая «датскую версию», считают и Рюрика и варягов датскими викингами (см.: *Войлошников М.* Рюрик: легенда получает прописку; *Крутицкий Б.* А был ли Рерик? // *Техника молодежи.* 1993. № 11). Кроме того, народная этимология сближает слово «варяги» с понятием «вор», образуя от него «воряги», «ворюги».

ШУРА

Употребляемое одновременно для мужчин и женщин имя Шура в настоящее время закрепилось как уменьшительное от имени Александр. Само по себе это достаточно необычно: если два других производных от этого имени — Саша и Саня — фонетически связаны с основным, то в уменьшительном имени Шура такая фонетическая производность практически отсутствует. Это позволяет предположить, что имя Шура было вначале самостоятельным и лишь впоследствии оказалось в поле притяжения христианизированного имени Александр.

Но что же тогда означает такое имя Шура? В русском языке оно созвучно слову «шурин», означающему «брат жены». Видимо, с факта их лингвистической родственности и следует начинать, что возводит имя Шура в область понятий, означающих родственные связи вообще.

В русском языке немало и других слов с корнем «шур». Вновь обратимся к словарю В. Даля, опуская заимствованные понятия, вроде немецкого «шурф» — «разведочная яма», «колодец»; или «шуруп», также заимствованного из немецкого языка:

«шур» — «дождевой червь»;

«шура» — 1) «вязкая глина»; 2) «мелкий лед на реке» (по весне); 3) «птица шур»; 4) «женские гениталии»;

- «шураль» — «истопник», «кочегар» (от: «шуровать»);
 «шуранец» — «деревянный шар»;
 «шурга» — «вьюга», «метель», «буран», «пурга»;
 «шургать» — «проваливаться ногами»;
 «шурдабурда» — 1) «мутная смесь»; 2) «беспорядок», «пута-
 ница»;
 «шуринка» — «тонкое полотенце» (ср. «ширинка»);
 «шуркать» — 1) «шаркать», «скрести», «производить шорох»;
 2) «шмыгнуть», «прокрасться», «юркнуть»;
 «шурник» — «топка стекловарной печи»;
 «шурнуть» — «сказать на ухо»;
 «шуровать» — «мешать кочергой»;
 «шурка» — «взъерошенная курица»;
 «шурубара» — «болтун»;
 «шурубарка» — «гречневая каша размазня»;
 «шурубарки» — «мятные варенечки», «пельмени»;
 «шурукать» — «шептаться», «шушукать»;
 «шуршать», «шурчать» — «производить шорох»;
 «шурыга» — «непутевый человек», «негодяй», «мошенник».

Кроме того, имеются еще отлагольные слова, вроде «шур-ум-бурум», «шуры-муры». Итак, перед нами опять лексический кладезь, в недрах которого и могло родиться древнерусское (дохристианское) имя Шура.

Но и это еще не все. Если обратиться к истокам индоевропейского словообразования, то непременно бросится в глаза санскритское слово *çura* (читается: «шура», «шюра») — 1) «мужественный», «отважный»; 2) «герой»; 3) «воин». Прямых аналогий между русским именем Шура и санскритским «шура» вроде бы не наблюдается. Однако последнее слово происходит от корневой основы *çur* (читается: «шур», «шюр») — «бить», «ударять». И сразу же в памяти встает заветное русское слово «чур». В таком случае ныне игровые или же полусуштливые заклинания типа «чур не я!», «чур чура!», «чур меня» в далеком прошлом могли иметь гораздо более серьезное значение: «чур чура!» и «чур меня!» — «не трогай меня, не бей, не убивай»; «чур не я!» — «я не участвую в драке», «я никого не трогаю». Этот вопрос был уже затронут выше.

Отсюда вытекает второе истолкование слова «чур» — «граница», «рубеж», «межа», «мера» (пределы последней и обозначены в слове «чересчур»). Учитывая отсутствие достоверных, в том числе и фольклорных данных, позволяющих подроб-

но охарактеризовать функции Чура, — трудно настаивать на какой-то одной трактовке. О древности и распространённости слов с корнем «чур» свидетельствуют также фамилия известных русских купцов Чуриных и имя одного из младших былинных богатырей — Чурилы Пленковича, образ которого в сопоставлении с функциями бога Гермеса был скрупулёзно проанализирован в 1-й части в разделе, посвящённом русским былинам. Вариантом имени Чур является Щур (некоторые видят в нём самостоятельное божество); исключительно по лексическому и этимологическому смыслу можно догадаться о некоторых дополнительных функциях Чура-Щура. Во-первых, корень «щур» входит в состав слова «пращур» («предок»), учитывая чрезвычайную важность данного понятия в родоплеменных отношениях, можно предположить, что в системе мифологических воззрений наших предков Чур-Щур занимал далеко не последнее место. Во-вторых, от корня «щур» образовано живое слово «щуриться», что наводит на мысль: одним из отличительных качеств бога Чура-Щура была функция, связанная со зрением, глазами (которые только и могут щуриться). Из славянской мифологии известно аналогичное божество. Это Вий — враждебное мифическое существо (в одной из сказок из афанасьевского сборника он отождествлен с Чудом-Юдом). У Вия огромные тяжёлые веки и всегда закрытые глаза, откроешь их (а для этого потребуются по меньшей мере вилы) — и чудовище умертвит все вокруг себя. Имя Вий происходит от близких по своему происхождению слов «ведать» и «вежды», происходящих от древнеарийского и общиндоевропейского понятия «Веды». Вполне обоснованно связать в единую этимологическую русско-санскритскую цепочку и слова «чур-щур-щур» (шюр). Другое дело, что за тысячелетия самостоятельного развития языков и обособленных народов смыслы близкородственных слов могли значительно измениться.

КОЛЯ

На первый взгляд не должна вызывать каких-либо сомнений производность уменьшительного имени Коля от исходного Николай: налицо вроде бы полное совпадение корня «кол» в полной и сокращённой формах. Но в том-то и дело,

что в исходном греческом слове-имени корень не один, а два: «ник» и «лай», и само имя означает «победитель народов». Созвучность второго корня с чисто русским словом «лай» (собаки) привело к тому, что старообрядцы вообще отвергают форму Николай (как якобы собачье имя) и признают только Николу.

Но в данном случае интересен иной аспект. Коля — несомненно древнее имя, бытовавшее среди русских людей задолго до введения христианства. Имя Коля связано с Солнечным Коло древних славян и созвучно знаменитому языческому празднику Коляде. Лингвистическая часть данной проблемы подробно рассмотрена в 3-й главе, в разделе, посвященном Космическому колесу — Коло.

По затронутой теме существует обстоятельнейшее монографическое исследование, специально посвященное историко-лингвистическому анализу русского культа Николы в сопоставлении его с языческими верованиями. (Б.А.Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей // Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982). Однако маститый автор — крупнейший специалист в области отечественного языкознания и культурологии — почему-то полностью обходит вопрос о связи между древнерусским, протославянским и общеиндоевропейским (вспомним хотя бы древнее название Шотландии — Каледония) культом Солнца-Коло и тождественным ему по вокализации дохристианским именем Коля, которое можно «перевести» как «Солнышко».

Вполне возможно, что и женское имя Оля того же происхождения, если последовательно придерживаться русских преданий о святой княгине Ольге, согласно которым она — обыкновенная русская девушка с исконно русским именем, а никакая не варяжская Хельга (откуда почему-то стремятся вывести имя Ольги).

Вместе с тем совершенно очевидно, что в свое время церковь удачно совместила христианского святого Николая Чудотворца с традиционно почитаемым русскими земледельцами Микулой (Селяниновичем). Праздники старый (языческий) и новый (христианский) полностью совпали и пришлись на 9 мая по старому стилю. Совпали практически в народном переосмыслении и имена: Николай превратился в Миколу, что почти равнозначно Микуле.

ВОЛОДЯ

Уменьшительное имя Володя образовано от исконно русского Володимира (Владимира). Здесь никаких этимологических подвохов нет. Имя В(о)лдимир составное, образованное из двух слов — «волод» и «мир» (что означает: «владеющий миром» — «миром» и в смысле «согласия», и в смысле «людей», и в смысле «Земли-Вселенной»). И все-таки не похоже, что так было изначально. Маловероятно, что имя сразу появилось как сложносоставное. Скорее всего, оно долго циркулировало в укороченной, простой форме, пока к нему не привыкли. Тем более что корневая основа данного слова древнейшая, и породила она интереснейшие лексические цепочки.

Исходной основой следует считать глагол «володеть» — «владеть», «властвовать», «править» и существительное «волость» — 1) «сила», «могущество»; 2) «власть»; 3) «территория», «округа», «область», «государство». Корень «вол» лег в основу таких разносмысловых понятий, как «вол» — «бык», «крупная скотина», «волос» — «растительность на теле»; Волос (Велес) — «скотий бог» у древних славян, хотя имя Волоса (Велеса) скорее объединяет оба смысла: первоначальный — «сила», «могущество» и тот, что относится к крупному рогатому скоту; «волхв» — «жрец», «колдун», «чародей»; «воля» — «целеустремленность» и др.

Корень «вол» путем чередования гласной трансформировался в другой не менее продуктивный корень «вел». Сама дифференциация корней произошла в период распада индоевропейской общности языков — при сохранении единого смысла (ср.нем. *Welt*: 1) «мир», «свет», «вселенная»; 2) «мир», «человечество», «люди»; 3) «сфера», «среда»). В русском языке оба корня нередко выступали как равнозначные: ср. «волос» — «Велес», «волот» — «великан», «воля» — «веление». В ряде случаев корень «вел» играет вполне самостоятельную роль: «вельми» — «сильно», «очень»; «великий» — «очень большой» и «превосходный»; «величать» — «превозносить»; «вельможа» — «сановник» и т.д.

С точки зрения расшифровки закодированных древних смыслов и раскрытия корней древнего русского мировоззрения значительный интерес представляет имя одного из старших былинных богатырей — Вольга. Впрочем, во многих текстах былины, записанных в разных местах, он именуется Волхом, что дало серьезное основание большинству интерпретаторов считать имя Вольги-Волха образованным от наречения славянских

жрецов волхвов. Волх — значит волхв. Представляется, однако, что в имени Волх (Вольга) скрыт еще один более глубокий пласт, связанный со старославянским названием «великана» — «волот» (оба слова — однокоренные). Волх Всеславич он и волхв, и волот (Великан). Это многое проясняет в этом весьма загадочном былинном образе, естественно вписывающемся (вместе с исполином Святогором) в общекультурную концепцию и легендарную историю, согласно которой в древнейшие времена на земле обитала особая раса людей-великанов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского, в двенадцати томах. Т. I. М., 1989. С.31.

² См.: Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды. Догадки. Протогипотезы XVI—XVIII в. СПб., 1996.

³ Третьяковский В.К. Полное собрание сочинений в трех томах. Т.3. СПб., 1849. С. 378.

⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб, 1766. С. 13.

⁵ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч.I. М., 1876. С. 217.

⁶ См.: Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С. 8.

⁷ Учение. Пятикнижие Моисеево. Серия «От Бытия до Откровения». М., 1993. С.66.

⁸ Вишну-Пурана. СПб., 1995. С.12.

⁹ См.: Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976; Шилов Ю.А. Мифы о «космических странниках» и календарная служба Европы V—I тысячелетия до н.э. // Историко-астрономические исследования — 1991. М., 1992. Он же. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев, 1995.

¹⁰ См.: Розанов В.В. Из восточных мотивов // В мире неясного и неразрешенного. М., 1995. С. 346.

¹¹ Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 284.

¹² Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. М., 1995. С. 359.

¹³ Вернадский Г.В. Древняя Русь. М., 1996. С. 283.

¹⁴ Цит. по: Лосев А.Ф. Теогония и космогония // Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 784, 786.

¹⁵ Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 11.

¹⁶ Генон Р. Символы священной науки. М., 1997. С. 53.

¹⁷ См.: Посев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 403.

¹⁸ Цит. по: Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960. С. 378.

ЧАСТЬ 1

¹ См.: Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993. С. 39.

² См.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. СПб., 1862. С. 18.

³ См.: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897. С. 118.

⁴ См.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. СПб., 1862. С. 18, 19.

⁵ См.: Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. I. М., 1995. С. 226, 204, 205, 243.

⁶ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 349.

⁷ См.: Елачич Е.А. Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910. На рубеже XX и XXI веков были наконец-таки переведены на русский язык и изданы основополагающие исследования зарубежных авторов, где аргументированно обосновывается арктическая концепция происхождения человечества и мировой цивилизации: Б. Тилак. Арктическая родина в Ведах. (М., 2001); У. Уоррен. Найденный рай на Северном полюсе. (М., 2003); Ж.С. Байи. Письма об Атлантиде и о древней истории Азии // Атлантида и Гиперборея. М., 2003.

⁸ См.: Струнина М. Где жили гиперборей? // Техника — молодежи. 1984. № 10; Нейман В. Арктида — легендарная страна // Там же; Темкин Г. Колыбель под семью звездами // Дорогами тысячелетий. Сб. исторических очерков и статей. Кн. 2. М., 1988; Дугин А. Гиперборейская теория. М., 1993; Генон Р. Атлантида и Гиперборея; Асов А. Времена Святогора; Константоновский А. Златые крылья прародины; Лазарев Е. Желанный берег изгнанных из рая; Рыжов Э. Огненный меч с юга // Наука и религия. 1994. № 9;

Струнина М. Где Атлант небо держал; Гришков В. Гибель Седьмого континента // Чудеса и приключения. 1995. № 2; Жарникова С.В. Древние тайны Русского Севера // Древность: Арьи. Славяне. М., 1996; Громов В.Е. Вавилон найден. На Севере // Российская газета. 1996. 18 октября; Сапрыкин И. Колыбель всех индоевропейских народов обнаружена на Кольском полуострове // НГ-Наука. 1997. № 2; Валентинов А. Когда мы умели летать... // Российская газета. 1998. 20 февраля; Кузнецова С. И снова Гиперборея // Полярная правда. 1998. 14 мая; Гиперборею нашли в тундре // Аргументы и факты. 1998. № 29; Головина Е. В поисках утерянного рая // Московская правда. 1998. 25 июля; Гурвиц А.Б. На подступах к Северной Шамбале // Чудеса и приключения. 1998. № 1; В биогене Сейдявра // Турист. 1998. № 1; Лазарев Е.С. Руны грааля над Белым морем // Наука и религия. 1998. № 10; Молитва гипербореев // Там же. 1998. № 9; Здесь молились Богине Зари и Бессмертия // Там же. 1999. № 2; Эльфийская твердыня на Русском Севере // Там же. 1999, № 8; Воистину есть... // Там же. 2000. № 2; Вехи Алмазного Города // Там же. 2000. № 8; Молитва, сокрытая снегом // Там же. 2000. № 10; Мегалитам миллионы лет; взыскуемая твердыня // Там же. 2003. № 8; Нить Ариадны в лабиринте тайн. Там же. 2005. № 3; Лазарев Е.С. Беловодье на Русском Севере // Дельфис. 2000. № 3; Чернобров В.А. Снежный ужас сказочной страны // Труд. 1998. 7 августа; Возрождение Арктиды // Свет. 1999. № 1; Страна за Северным Бореем // Тайная власть. 1999. № 7; Глиер И.Р. В поисках Гипербореи // Медведь. 1998. № 34; Гиперборея — новые следы // Не может быть. 1999. № 2; Глоба П. Возрождение Гипербореи // Президент. Парламент. Правительство // 1999. № 5, 6; Рзаев Д.А. Гиперборея на Кольском полуострове, или Еще раз об арктической гипотезе // Полярная правда. 1999. 23, 24, 25 июня; Дворещкая Г. А кремль перенести на Рыбачий... // Мурманский вестник. 1999. 31 июля; Прохоров А.А. Следы потерянного рая // Путешествие вокруг света. 1999. № 7—9; Он же. Забытая прародина // Совершенно секретно. 2001. № 1; Зеленцов С.Н. Обсерватории 15 тысяч лет // Наука и религия. 2000. № 1; Барышев И. Священные камни у Белого моря // Там же. 2000. № 8; Каменченко П. Секретные материалы ОГПУ // Версия. 2000. № 30; Охота на йети //

Там же. 2000. № 35; Новгородов Н. Третья Русь — Томское Лукоморье — Таймыр — Гиперборейя // Приложение 3 в кн.: Демин В.Н. Загадки Урала и Сибири. М., 2000; Лехмус Кристина (Финляндия). Хрустальные призраки Божьей горы // Наука и религия. 2001. № 1; Кочемасов Г.Г. Молчащие стражи гиперборейских святынь // Наука и религия. 2001. № 1; Ядыкин И.А. Прародина человечества // Красная звезда. 2001. 13, 27 февраля, 20 марта; Черкасский Я.Н. Гиперборейя! Имя дико — но душу радует оно... Русская Германия. 2001. № 32 (268). 13. 08. — 19. 08; Дятлов В. Куда исчезла Арктида. Итоги. 2001. № 49 (287); Гурвиц А. Судьба полярной цитадели // Наука и религия. 2002. № 11; Борисенко М. Был город золотой... // Наука и религия. 2003. № 1; Кривошеев С. Последние из гиперборейцев // Итоги. 2004. 8 июня; Голубев С.В., Токарев В.В. В поисках Гиперборейи. СПб., 2004; Чувардинский В. — Лазарев Е. О чем поведали «ледниковые руны» // Наука и религия. 2004. № 1; Лоскутов Ю. Рубежи полярной прародины // Там же. № 2; Севенард К.Ю. Куда смотрит Великий Сфинкс? // Там же. № 5. И др.

А также — многочисленные публикации автора настоящей книги: Откуда ты, русское племя? М., 1996; Гора Меру — прообраз Вселенной // Чудеса и приключения. 1996. № 8; Тайны русского народа: В поисках истоков Руси. М., 1997; Здравствуй, Гиперборейя // Наука и религия. 1997. № 11; Гиперборейя — праматерь мировой культуры // Мир Севера. 1998. № 1; Русь гиперборейская // Чудеса и приключения. 1998. № 1; Гиперборейя — утро цивилизации // Наука и бизнес на Мурмане. 1998. № 3; Загадки Русского Севера. М. 1999 [Переиздание — исправленное и дополненное. 2005]; Священная летопись Севера // Наука и религия. 1999. № 1; Тайна осталась на Севере // Мир Севера. 1999. № 1—2; Гиперборейя — приближение к тайне // Гороскоп. 1999. № 3; Гиперборейя — шаг из прошлого в будущее // Золотой лев. 1999. № 5—6; Гиперборейя — северная прародина // Варвары: Сборник статей по истории Древнего мира и средневековой Европы. М., 1999; Три шага к тайне // Наука и религия. 1999. № 10; Америка, которую мы потеряли // Мир Севера. 2000. № 2; Древние карты — жизнь или смерть? // Там же. 2000. № 3; Зачем Русь на Югру ходила? // Там же. 2000. № 5; Владычица Севера. Найдена Золотая баба? // Там же. 2000. № 6;

Арктические боги у стен Белокаменной // Наука и религия. 2000. № 2; Магическими путями Севера // Там же. 2000. № 9; К полярному Китеж-граду // Там же. 2000. № 12; Тайны Земли Русской. М., 2000 [Переиздание — исправленное и дополненное. 2004]; Загадки Урала и Сибири. М., 2000; Гиперборей: Исторические корни русского народа. М., 2000. Загадки русских летописей. М., 2001; Гиперборей: шаг из прошлого в будущее // Мир Севера. 2001. № 4; Открытия продолжают-ся // Наука и религия. 2001. № 8; У врат Туонелы. Там же. № 9; Двойное дно Сейдозера теперь уже не легенда: Постскрипtum к сенсации // Там же. № 11; К древним тайнам Туонелы // Инженер. 2001. № 10; Заветными тропами славянских племен. М., 2002; Звездная судьба народов России. М., 2002; Загадки российской цивилизации [В соавт.] М., 2002; Русь Гиперборейская. М., 2002 [Переиздание — исправленное и дополненное. 2005]; Русь летописная. М., 2002; Русь сакральная. М., 2004; В поисках Геракловых столбов ... на Ямале // Мир Севера. 2002. № 3; Перед лицом тайны // Там же. 2003. № 2—3; Загадки Русского Междуречья. [В соавт.] М., 2003; Древнее древности: Российская протоцивилизация. [В соавт.] М., 2003; Атлантида — Гиперборей. М., 2003; Гиперборей обрета-ет историю // Наука и религия. 2003. № 3; Свидание с Рамой // Там же. 2003. № 8; Тайны Арктики. (Иллюстриро-ванный календарь на 2004 год). М., 2003; В поисках колыбе-ли цивилизации. М., 2004; Тернистыми путями титанов. М., 2005; Гиперборейские тайны Евразии. М., 2005; Русь норди-ческая. М., 2005. И др.

⁹ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех то-мах. Т. I. М., 1961. С. 80, 92—93; Святский Д.О. Под сво-дом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. СПб., 1913. С. 39.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т.31. М., 1968. С. 11.

¹¹ Цит.по: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее истори-ческом развитии. М., 1957. С. 405.

¹² См.: Леббок Дж. Доисторические времена, или Перво-бытная эпоха человечества. М., 1876. С. 33—35.

¹³ Страбон. География. М., 1994. С. 106.

¹⁴ Древнегреческий текст Сивилиных книг и перевод стихов 97—157, где приводится история титанов, даны в Приложе-

нии I к кн.: Гаркави А.Я. О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов. СПб., 1872. С. 113—118. Известны иные — более поздние и христианизированные — версии знаменитых книг (см.: Книги Сивилл. М., 1996).

¹⁵ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981 С. 14, 72.

¹⁶ Плутарх. Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977. № 4. С. 243.

¹⁷ Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861. С. 82.

¹⁸ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. (Статьи, переводы и комментарии). Харьков, 1956. С. 139.

¹⁹ Цит. по: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. С. 420.

²⁰ Бурцев А.Е. Обзор русского народного быта Северного края. Т. 2. СПб., 1902. С. 103.

²¹ Ломоносов М.В. Избранные произведения в двух томах. Т.1. М., 1986. С. 424.

²² Цит. по: Хэнкок Г. Следы богов. М., 1997. С. 15—16.

²³ Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). М., 1984. С. 196—197.

²⁴ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 124—125.

²⁵ Чертков А.Д. О языке пеласгов, населявших Италию, и сравнении его с древле-словенским // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 25. М., 1857, С. 58—59.

²⁶ Пиндар. Геракл Гиперборейский // Оды. Фрагменты. М. 1980. С. 20—21.

²⁷ См.: Лукиан. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.-Л., 1935. С. 328—329. В жизнеописаниях Пифагора содержатся намеки о его связях с Гипербореей: Пифагор общался с гиперборейцами, а ученики именовали его Аполлоном Гиперборейским (см.: Ямвлих. Жизнь Пифагора // Человек. 1997. № 3.).

²⁸ См.: Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М., 1957. С. 63—86.

²⁹ См.: Толстой И.И. О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки Русского археологического общества. СПб., 1888. Т. 3. Вып. 3/4.

³⁰ См.: Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3.

³¹ См.: Мифы индейцев Южной Америки. СПб., 1994. С. 155—157, 305.

³² Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып.4. М., 1862. С. 17.

³³ См.: Срезневский И.И. Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848. С. 29.

³⁴ См.: Денисова И. М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.

³⁵ См.: Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 245—285.

³⁶ Костомаров Н.И. Славянская мифология. Киев, 1847. С.41.

³⁷ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 3. Петрозаводск, 1864. С. 321.

³⁸ См.: Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» // Древности. Труды Московского археологического общества. Т.14. М., 1890. С. 232—233.

³⁹ См.: Эрбен (Ербен) К.Я. О славянской мифологии. (Письмо к А.Ф. Самарину). // Русская беседа. 1857. Кн. 4. С. 82.

⁴⁰ См.: Афанасьев А.Н. Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями // Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996. С. 206—207, 391.

⁴¹ См.: Ларин Б.А. Об архаике в семантической структуре слова (*яр — юр — буй*) // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 90—91.

⁴² См.: Афанасьев А.Н. Языческие представления об Острове-Буяне // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 9. М., 1851; Он же. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 132—133.

⁴³ Соболев А. Обряд прощания с землей перед исповедью (заговоры и духовные стихи). Владимир, 1914. С. 17—24.

⁴⁴ См.: Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897. С. 209.

⁴⁵ Русские заговоры. М., 1993. С. 125.

⁴⁶ Те немногие былины, которые удалось записать в Малороссии, посвящены «младшим богатырям» и близки к исто-

рическим песням (См.: Веселовский А.Н. Южнорусские былины. Т. 1—2. СПб., 1881—1884).

⁴⁷ Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М.-Л., 1964. С. 194. Более поздний сокращенный вариант, записанный в тех же местах, интересен изменением и самого имени героини — Снежурочка (см.: Песни и сказки пушкинских мест. М., 1979. С. 183—184).

⁴⁸ Мережковский Д.С. Атлантида — Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 194—195.

⁴⁹ См.: Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

⁵⁰ См.: Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. СПб, 1863. С. 78—92.

⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т.6. СПб., 1853. С. 88—89.

⁵² Клюев Н.А. Письма к Н.Ф. Христофоровой-Садомовой, Томск, сентябрь — начало октября 1936 г. // Новый мир. 1988. №8. С. 196.

⁵³ См., напр.: Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: Опыт классификации // Советская археология. 1970. № 1.

⁵⁴ См.: Святский Д.О. Соловецкие лабиринты и культ Солнца. // Мироведение, Т. 17. 1928. № 2. С. 114—115.

⁵⁵ См.: Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т. 1. Вып.1. С. 348.

⁵⁶ См.: Фролов Б.А. Происхождение календаря. // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 17, 36.

⁵⁷ См.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 192, 210, 211, 233, 245, 425 и др.; Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 19, 40, 267, табл. VII и др.

⁵⁸ Гурина Н.Н. Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982. С.105.

⁵⁹ Священник А. Грандильевский. Родина Ломоносова (в доисторические времена) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 12. С. 39.

⁶⁰ См.: Стингл М. Индейцы без томогавков. М., 1978. С. 141—142.

⁶¹ См.: Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 38, 137, 139, 141 и др. Здесь же приведены

тамги в виде трезубцев (С. 41, 179) и свастики — еще одного древнего сакрального символа Солнца (С. 114, 115, 165). Последнее, кстати, вопреки утверждениям фашистских идеологов, неопровержимо доказывает неарийское (неиндоевропейское) происхождение свастики, широко распространенной также у саамов (лопарей), единственного непришлого северного народа, издревле живущего за Полярным кругом с доисторических и гиперборейских времен.

⁶² См.: Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1963. С. 464—473.

⁶³ См.: Фробениус Л. Детство человечества. СПб., 1910. С. 303.

⁶⁴ Генон Р. Символы священной науки. М., 1997. С. 137—141.

⁶⁵ См.: Цицерон. О природе богов // Философские трактаты. М., 1985. С. 175.

⁶⁶ См., напр.: Кёйпер Ф.Б.Я. Космология и зачатие // Труды по ведийской мифологии. М., 1986; Слинггер П., Дуглас Н. Тайны пола. М., 1993.

⁶⁷ См.: Блок А.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 36.

⁶⁸ Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994. С. 15—16.

⁶⁹ См.: Иловайский Д.И. Собиратели Руси (Московско-литовский период, или Собиратели Руси). М., 1996. С. 165—166.

⁷⁰ См.: Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 40.

⁷¹ См.: Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 51.

⁷² Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 22—23.

⁷³ См.: Никольский Н.М. Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. Минск, 1947. С. 168—169.

⁷⁴ См.: Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С. 34.

⁷⁵ См.: Фурдуй Р.С., Швайдак Ю.М. Прелесь тайны. Киев, 1992. С. 9—37.

⁷⁶ Никифоров А.И. Просто о Севере: Впечатления. Думы. Встречи // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 524.

⁷⁷ См.: Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // Записки императорского археологического общества, Т. 3. СПб., 1851. Норцов А.Н. Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям. Тамбов, 1901. Уваров А.С. Сведения о каменных бабах (с 40 рис.) // Сборник мелких трудов, Т. 2. М., 1910.

⁷⁸ См.: Сумцов Н.Ф. Культурные переживания: 186. Религиозно-мистическое значение каменных баб // Киевская старина. 1890. № 7.

⁷⁹ См.: Казанский Н.Н. К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 54—58.

⁸⁰ См.: Гусева Н.Р. Арктическая родина в Ведах // Древность: Арьи. Славяне. М., 1996. С. 8—9.

⁸¹ Цит.: Тураев Б.А. Бог Тот: Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры. Лейпциг, 1898. С. 95.

⁸² Б.А. Тураев приводит список из 170 (!) различных эпитетов Тота-Гермеса. См.: Там же. С. 167—175.

⁸³ См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 50.

⁸⁴ Плутарх. Моралии // Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 239.

⁸⁵ См.: Церен Э. Лунный бог. М., 1976. С. 208—209.

⁸⁶ Цит. по: Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995. С. 53.

⁸⁷ См.: Ермолов А.С. Народное погодоведение. М., 1995. С. 264, 265 и сл.

⁸⁸ См.: Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Т. 2. Л., 1939. С. 130.

⁸⁹ См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т.1. М., 1995. С. 498—500.

⁹⁰ Цит. по: Рабинович Б.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 323. И далее следует философская расшифровка: «4. Солнце — его отец. Луна — мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его. 5. Единое, и только оно, — первопричина всяческого совершенства — повсеместно, всегда. 6. Мошь его есть наимошнейшая мошь — и даже более того! — и явлена в безграничии своем на земле...» (Там же. С. 324).

⁹¹ См.: Гомеровские гимны: III К Гермесу // Античные гимны. М., 1988.

⁹² Платон. Тимей // Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 463.

⁹³ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 39.

⁹⁴ Цит. по: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 385.

⁹⁵ См.: Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

⁹⁶ См.: Болсуновский К.В. Жертвенник Гермеса-Световида: Мифологическое исследование. Киев, 1909.

⁹⁷ См.: Зелинский Ф.Ф. Гермес Трижды Великий // Из жизни идей. Т. 3. СПб., 1907. С. 90.

⁹⁸ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М. 1992. С. 99.

⁹⁹ Мюллер М. Сравнительная мифология // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. С. 75.

¹⁰⁰ Буслаев Ф.И. Волот Волотович // Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т.1. СПб., 1861. С. 455—469.

¹⁰¹ Младшая Элда. Л. 1970. С. 24—25.

¹⁰² Бессонов П.А. Калики переходные. Ч. 1. Вып. 2. М., 1861. С. 340.

¹⁰³ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков. М., 1991. С. 36.

¹⁰⁴ См.: Максимович М.А. В каком веке жил Илья Муромец? // Собрание сочинений в трех томах. Т.1. Киев, 1876. С. 123—126.

¹⁰⁵ Илья Муромец. М., 1958. С. 13.

¹⁰⁶ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. 307—309.

¹⁰⁷ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. 2-е издание. Т. 1. СПб., 1894. С. 5.

¹⁰⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 2-е издание. Т. 1. М., 1909. С. 9.

¹⁰⁹ Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994. С. 15.

¹¹⁰ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 1-е издание. Ч.1. М., 1861. С. 40—41.

¹¹¹ См.: Стасов В.В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. № 3. С. 225—262.

¹¹² Бессонов П.А. Заметка // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. М., 1861. С. СXXX.

¹¹³ Бессонов П.А. Заметка // Песни, собранные П.В.Киреевским. Вып. 4. М., 1862. С. СХХІХ.

¹¹⁴ См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. М., 1995. С. 195.

¹¹⁵ См.: Янчук Н.А. К вопросу об отражении апокрифов в народном творчестве // Известия отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). 1907. Т. 12. Кн. 1. С. 138—143.

¹¹⁶ Цит. по: Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 203—204.

Часть 2

¹ См.: Чаттопадхья Д. Локаята даршана: История индийского материализма. М., 1961. С. 327.

² Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 593.

³ Цит. по: Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т.3. Одесса. 1894. С. 153.

⁴ Цит. по: Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906. С. 76.

⁵ См.: Барсов Н.И. К литературе об историческом значении русских народных заклинаний // Русская старина. 1893. № 1. С. 217.

⁶ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1981. С. 291.

⁷ См.: Миролюбов Ю. Риг-Веда и язычество // Собрание сочинений. Т. 4. Мюнхен, 1981. С. 138—139, 173.

⁸ См.: Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 142.

⁹ Глинка Г.А. Древняя религия славян // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 112.

¹⁰ Касторский М. Начертания славянской мифологии. СПб, 1841. С. 121.

¹¹ См.: Эпштейн М.П. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // Логос. Л., 1991. С. 245—252.

¹² См.: Сторожевы А. и В. Россия во времени. Кн.1. Древняя история сибирских и славянских народов. Сургут — Москва. 1997. С. 21.

¹³ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 29.

¹⁴ См., напр.: Махабхарата. Книга третья. Лесная (Аранья-капарва). — М., 1987. С. 22—23.

¹⁵ См. напр.: Плутарх. Застольные беседы. М., 1990. С. 198, 488.

¹⁶ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Т.2. М., 1876. С. 291.

¹⁷ См.: Васильев М.А. «Хорс жидовин»: древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazaro-Slavica // Славяноведение. 1995. № 2.

¹⁸ См.: Срезневский И.И. Об обожании Солнца у древних славян // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 51. 1846. С. 36—37.

¹⁹ Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 4—6.

²⁰ См.: Шепинг Д.О. Мифы славянского язычества. М., 1849.

²¹ См.: Русские Веды. М., 1992. С. 298. Баженова А.И. Солнечные боги славян // Предисловие к кн.: Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 13.

²² Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 246.

²³ См.: Иванов Вячеслав. Прологомены о демонах: Лик и личины России // Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 245.

²⁴ См.: Ошар П. Символ креста // Атеист. 1927. № 16. Оттиск данного номера журнала, содержащий тематическую подборку из нескольких переводных статей, обосновывающих в том числе и «огненные корни» символа креста, был также издан в виде отдельной брошюры под названием «История креста». См. также: Генон Р. Символика креста. М., 2004.

²⁵ См.: Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Слово и миф. С. 290—291, 296, 299.

²⁶ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 70.

²⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978. С. 186. (Интересно, что Моравия — это название исторической чешской области и река Морава — производные от того же общеиндоевропейского корня «мор», от которого образовано и слово «Морена»).

²⁸ Цит. по: Иванов И. Культ Перуна у южных славян // Известия Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). 1903. Кн. 4. С. 152.

²⁹ Сумцов Н.Ф. О народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал министерства народного просвещения. Ноябрь, 1880. Ч. 212. С. 92—93.

³⁰ См.: Кейпер Ф.Б.Я. Космогония и зачатие // Труды по ведийской мифологии. М., 1986.

Аналогичные выводы получены в результате новейших психологических исследований с помощью ЛСД (см.: Гроф С. За пределами мозга. М., 1993; Он же. Области человеческого бессознательного. М., 1994).

³¹ См.: Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994. С. 15—16.

³² См.: Телегин С.М. Мифология восточных славян. М., 1994. С. 25.

³³ См.: Зарубин Л.А. Сходные изображения Солнца и зари у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 72; Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 23.

³⁴ См. илл. в кн.: Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. М., 1973. С. 388—389.

³⁵ См.: Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян. СПб., 1869. С. 9.

³⁶ См.: Элиаде М. Космос и история. С. 66 и последующие.

³⁷ Отсюда же вытекает понятие значительного временного отрезка — «Эра» (из латинского языка) и представление о воздушной стихии, откуда через греческую основу «аэр» возникло множество словесных новообразований, начинающихся с «аэро-».

³⁸ См.: Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М., 1994. С. 287.

³⁹ См.: Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. Ростов н/Д, 1996. С. 82—91.

⁴⁰ См.: Шилов Ю.А. Прародина ариев: История, обряды, мифы. Киев, 1995.

⁴¹ См.: Шилов Ю.А. Космические тайны курганов. М., 1990. С. 255—257. Автор проводит аналогии между шумерскими представлениями о мироздании и сходными (по композиции) изображениями на стенах могильника кургана Солнца и шумерских печатях. Не вызывает сомнения общность космологических представлений. Кроме того, имеются бесспорные свидетельства о прямых контактах, в частности при раскопках в

южнорусских степях были обнаружены предметы шумерского происхождения.

⁴² См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1869. С. 196—197.

Часть 3

¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1869. С. 206—207.

² См.: Сумцов Н.Ф. Религиозно-мифическое значение малорусской свадьбы. Киев, 1885.

³ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879. С. 269.

⁴ Рукописи графа А.С. Уварова. Т. 2. СПб., 1858. С. 122—123.

⁵ См.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 163—164.

⁶ См.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М., 1957. С. 456.

⁷ Надеждин Н.И. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской // Русская беседа. 1857. № 3. С. 5.

⁸ Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т. 2. СПб., 1893. С. 178.

⁹ Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 341.

Подобные вопросы были распространены не только в индоевропейской, но и в иных культурах. Так, в знаменитых «Вопросах к небу» древнекитайского поэта Цюй Юаня (IV—III вв. до н.э.) спрашивается:

Каков был довременный мир —

Чей может высказать язык?

Кто Твердь и Землю — «Верх и Низ» —

Без качеств и без форм постиг?

Во тьме без дна и без краев

Свет зародился от чего?..

¹⁰ Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988. С. 301—302.

¹¹ См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 41—42.

¹² Уоллис Бадж Е.А. Путешествие души в царстве мертвых: Египетская Книга мертвых. М., 1995. С. 197—198.

¹³ Франк-Каменецкий И.Г. Адам и Пуруша: Макрокосм и Микрокосм в иудейской и индийской космогонии // Памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л., 1938. С. 466—467.

¹⁴ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 448.

¹⁵ Песни русских сектантов-мистиков // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 35. СПб., 1912. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 119.

¹⁷ См.: Панов И. Ересь жидовствующих // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Ч. 189—190 (январь — март); Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси. М.-Л., 1955.

¹⁸ См.: Соболевский А.И. Литература жидовствующих // Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903; Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы. Ч. 1. Кн. 2. СПб., 1911; Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 1—2. СПб., 1902; Сперанский М.Н. История древней русской литературы. М., 1914; Тихонравов Н.С. Древняя русская литература // Сочинения в трех томах. Т.1. М., 1898.

¹⁹ Цит. по: Соболевский А.И. Указ. соч. — С. 409—410.

²⁰ Святский Д.О. Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XV века. — Мирозведение, 1927. Т. 16. С. 68.

²¹ См.: Башем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 513—515.

²² См.: Воеводский Л.Ф. Канибализм в греческой мифологии. СПб., 1874. С. 281.

²³ Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1988. С.110.

²⁴ См.: Сумцов Н.Ф. Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 91.

²⁵ См.: Сумцов Н.Ф. Писанки. Киев, 1891. С. 32—36. Автор, известный русский профессор-этнограф, отмечает повсеместность распространения пятиконечной звезды (пентаграммы) в прошлом у различных народов: на Каролинских островах пятиугольные звезды выкалывались в виде татуировок; в Марокко используются как амулеты; лопари в тундре метят звездами оленей; в Древнем Риме и Византии их выбивали на щитах; находят пентаграммы и на доисторических мечах. Точно так же свастику, помимо индоарийцев, использовали монголы, тибетцы, финикийцы, этруски, финны. Выводы ученых прошлого века подтверждаются и дополняются современными исследованиями. Так, израильский историк А. Голан, издавший свод древнейшей

символики, приводит многие десятки изображений свастики из культур эпохи неолита, энеолита, бронзы и железного века, а также взятые из различных периодов истории народов Индии, Ирана, Кавказа, древней Азии, Европы, Сибири, доколумбовой Америки и т.д. Аналогичным образом пятиконечная звезда встречается у древних народов Малой Азии, Шумера, Крита, Египта, Ирана, Грузии, Осетии, Испании, Чехии, Словакии, Венгрии, России. Примерно тот же ареал распространения и у шестиконечной звезды, которая, по мнению израильского исследователя, стала специфическим еврейским символом сравнительно недавно; он был заимствован иудейскими идеологами и стал использоваться как самостоятельный еврейский символ не ранее XII—XIV вв. (см.: Голан А. Миф и символ. М., 1893. С. 119—122; 148—153; рис. 212—234; 316—327).

²⁶ Цит. по: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 535—536.

²⁷ См.: Коробко Н.И. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. 1909. Т. 14. Кн. 4. С. 185.

²⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Издание второе. Т. 3. М., 1910. С. 186.

²⁹ Цит. по: Сумцов Н.Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 23. Аналогичную космогоническую легенду, но из другого списка приводит А.Н. Афанасьев во 2-м томе «Поэтических воззрений славян на природу». С. 463.

³⁰ См.: Смоленский этнографический сборник (составил В.Н. Добровольский). Ч. 1. СПб., 1891. С. 229—230.

³¹ Там же. С. 235.

³² Этнографическое обозрение. 1909. № 2. С. 171—172.

³³ См.: Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космологические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909.

³⁴ Украинские сказки в двух книгах. Кн. 2. М., 1993. С. 14.

³⁵ См.: Веселовский А. К вопросу о дуалистических космогониях // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 43.

³⁶ См.: Уваров П.С. Алконост // Сборник мелких трудов. Т. 1. М., 1910. С. 304—305.

³⁷ См.: Словарь античности. М., 1989. С. 264.

³⁸ См.: Успенский Б.А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: почему дьявол может говорить по-сирийски? // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 49—50.

³⁹ Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 476—477.

⁴⁰ Соколов М.И. Феникс в апокрифах об Енохе и Варухе. СПб., 1904. С. 8—9.

⁴¹ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 150.

⁴² Лосев А.Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии // Труды Московского государственного педагогического института. Т. 72. Вып. 3. М., 1953. С. 47.

⁴³ Подробнее о древнерусских свастиках, восходящих к доиндоевропейским временам, см.: Жарникова С.В. Древние тайны Русского Севера // Древность: Арьи. Славяне. М., 1996. Старожилы Севера рассказывают, что в годы войны специальные уполномоченные НКВД добирались до самых глухих деревень с единственной целью: изъять и уничтожить традиционные рубахи, передники, полотенца и т.п., на которых испокон веков вышивались свастика.

⁴⁴ См.: Бобринский А.А. О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области. М., 1902.

⁴⁵ См.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 469.

⁴⁶ См.: Миролубов Ю. Собрание сочинений. Т. 6. Русская мифология. Мюнхен, 1982. С. 51—52.

⁴⁷ См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Т. 2. М., 1993. С. 297—299.

⁴⁸ Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и северные обряды. Вып. 2. М., 1838. С. 68—69.

⁴⁹ См.: Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913. С. 181—182.

⁵⁰ См.: Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 57.

⁵¹ Цит. по: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. С. 125.

⁵² См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 231, 242.

⁵³ См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. М., 1995. С. 314—315.

⁵⁴ См.: Гумилев Л.Н. Бон (древняя тибетская религия) // Древний Тибет. М., 1996. С. 274.

⁵⁵ См.: Славянский фольклор: Тексты. М., 1987. С. 184.

⁵⁶ Плотин. Эннеады, III 8, 10 // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 551.

⁵⁷ См.: Костомаров Н.И. Славянская мифология. М., 1995. С. 5.

⁵⁸ Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чунсю». М., 1990. С. 40, 47.

⁵⁹ См.: Двойрин Г.Б. Единая голографическая информационная теория Вселенной. СПб., 1996. С. 17—18.

⁶⁰ Цит. по: Королева Э.А. Ранние формы танца. Кишинев, 1977. С. 9—10.

⁶¹ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 49; Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2.

⁶² Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 348—349.

⁶³ См.: Шарль де Бросс. Оракул Додоны // Шарль де Бросс о фетишизме. М., 1973.

⁶⁴ См.: Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 245—309.

⁶⁵ См. фото в кн.: Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 124.

⁶⁶ См.: Иванов В.И. Дионис и прадионисийство, СПб., 1994. С. 188—191.

⁶⁷ См.: Никольский Н.М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929. С. 12.

⁶⁸ Цит. по: Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 40.

⁶⁹ См.: Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990. С. 95.

⁷⁰ См.: Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Г. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985. С. 37.

⁷¹ См.: Барсов Е.В. Об олонекских древностях // Древности (труды) Московского археологического общества. Т. 7. М., 1878. С. 229—230.

⁷² См.: Шаповалова Г.Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.

⁷³ См.: Сумцов Н.Ф. Тур в народной словесности. СПб., 1887. С. 14.

⁷⁴ Цит. по: Бернштам Т.А. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх «ящер» и «олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 32.

⁷⁵ См.: Белорусский сборник. Вып. 3. Витебск, 1887. С. 292—295.

⁷⁶ Колесница Солнца. Восемь тетрадей индийской классической лирики в переводах С.С. Северцева. М., 1991. С. 5.

⁷⁷ Авеста; избранные гимны. М., 1993. С. 54.

⁷⁸ См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 631.

⁷⁹ Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 3.

⁸⁰ См.: Русская сказка: Избранные мастера. Т. 1. Л., 1931. С. 224—236. Сказка об Иване Кобылине сыне имеется и в сборнике И.А. Худякова.

⁸¹ См.: Лауэнштайн Д. Эливсинские мистерии. М., 1996.

⁸² См.: Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 6. СПб., 1909. С. 4—5.

⁸³ Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 7. СПб., 1909. С. 256—258.

⁸⁴ Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 169.

⁸⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1952. С. 421.

⁸⁶ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1989. С. 355.

⁸⁷ Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 166.

⁸⁸ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 7.

⁸⁹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1. М., 1990. С. 375. См. также: Флоренский П.А. София // Богословский вестник. 1911. № 6. С. 598.

⁹⁰ См.: Розанов В.В. Люди лунного света. СПб., 1913. С. 31.

⁹¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 14. Л., 1976. С. 328.

⁹² Цит. по: Смирнов С.И. Исповедь земле // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 249. М., 1914.

⁹³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. Л., 1976. С. 405.

⁹⁴ См.: Клюев Н.А. Письмо Н.Ф. Христофоровой-Садомовой от 5 апреля 1937 г. Новый мир. 1988. № 8. С. 200.

⁹⁵ Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 166.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975.

Бадер О.Н. Элементы культа светил в палеолите // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Бобринской А.А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. М., 1902.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.

Болсуновский К.В. Жертвенник Гермеса-Световида. К., 1909.

Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.

Бьювел Р., Джилберт Э. Секреты пирамид. М., 1996; В стране легенд. М., 1972.

Виноградов Н. Соловецкие лабиринты, их происхождение и место в ряду однородных памятников. Соловки, 1927.

Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.Вс. История происхождения индоевропейских языков // В мире науки. 1990. № 5; *Голан А.* Миф и символ. М., 1993.

Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.

Гусева Н.Р. Индуизм: История формирования. Культурная практика. М., 1977.

Гурина Н.Н. Время, врезанное в камень: Из истории древних лапландцев. Мурманск, 1982.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995.

Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология. 1960. № 4.

Доронин А.И. Руси волшебная палитра. М., 1992.

Древние цивилизации. М., 1989.

Древний мир на Юге России: Изборник источников. М., 1918.

Древности Прикамья. М., б/г; Древность: Арьи. Славяне. М., 1996; Древняя Сибирь. Л., 1976.

Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Зарубин Л.А. Солнце и зори в праславянском и славянском изобразительном искусстве // Советское славяноведение. 1975. №1.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале // Фантастика и наука. Вып. 25. М., 1992.

Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970.

Иллюстрированная история религии в 2-х томах. М., 1992.

Иллюстрированный мифологический словарь. СПб., 1994.

Культура Русского Севера. Л., 1988.

Лёббок Дж. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества. М., 1876.

Липинская Я., Маршняк Я. Мифология Древнего Египта. М., 1983.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.; *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата., 1985; 1996.

Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. М., 1956.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Ч.1. Алма-Ата, 1979.

Морозов И.В. Таинственным путем Гермеса. Минск, 1994.

На Непрядве. М., 1980; Наука и религия (журнал). 1991—1997.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Никитин А.Л. Распахнутая земля, или Путь через лабиринт. М., 1973.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь, 1988; Образ — смысл в античном искусстве. М., 1990.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3; Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XIX века. М., 1992.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Саватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Словарь античности. М., 1989.

Толстой И.И. О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки русского археологического общества. Т. 3. Вып. 3/4; СПб., 1888.

Филип Ян. Кельтская цивилизация. Прага, 1961.

Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1977.

Чарнолусский В.В. В краю летучего камня. М., 1972.

Чаттопадхьяя Д. Покаята даршана: История индийского материализма. М., 1961.

Шилов Ю.А. Прародина ариев: История, обряды, мифы. К., 1995; *Он же.* Космические тайны курганов. М., 1990.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

ДЕМИН Валерий Никитич (1942—2006) — ученый и писатель; доктор философских наук. Окончил философский ф-т МГУ (1968). Докторская диссертация — «Философские принципы русского космизма» (1997). С 1968-го — на преподавательской работе, с 1981-го — на научной, с 1997-го — на литературной и экспедиционно-исследовательской. Член Союза писателей России. В последние годы, являясь руководителем научно-поисковой экспедиции «Гиперборея», активно занимается изыскательской работой в области истории и предыстории России, результатом чего стали открытия на территории Русского Севера артефактов, связанных с древнейшей цивилизацией, и многочисленные публикации на данную тему. Автор более 100 работ научного, научно-художественного и беллетристического содержания, среди которых свыше 30 книг.

В работах по русскому космизму выявляются его предпосылки, уходящие в народное космическое мировоззрение, устанавливаются литературные и философские источники, утвер-

ждается методологическая и творческая неисчерпаемость космоистской философии. Космизм рассматривается как явление духовной жизни, означающее научно-теоретическое, эмоционально-личностное и философско-эвристическое отношение к Космосу, «вселенскость» познающего субъекта, которая предполагает всеохват разумом настоящего, прошлого и будущего.

В книгах и статьях, посвященных гиперборейской тематике, отстаивается и развивается полярная концепция происхождения народов России в контексте истории и предыстории мировой цивилизации. Аргументация основывается на системе доводов, заимствованных из археологии, языкознания, этнографии, мифологии и фольклора, свидетельствующих в пользу существования в древнейшую эпоху на Крайнем Севере (в иных, нежели теперь, климатических условиях) архаичной культуры, традиционно именуемой гиперборейской, которая частично исчезла, а частично растворилась в традициях, обычаях и верованиях современных народов Земли.

Соч.: Книги: Ушье Печального Дракона. Научная фантастика: роман, рассказ, повесть. М., 1989 (роман в сокращении ранее опубликован в сб. «Фантастика-81»); Мироздание постигая... [В соавт.] М., 1989; К звездам быстрее света: Русский космизм вчера, сегодня, завтра. [В соавт.] М., 1993; Откуда ты, русское племя? М., 1996; Тайны русского народа: в поисках истоков Руси. М., 1997. [Переиздание — исправленное и дополненное. 2005]; Гиперборея — утро цивилизации. М., 1997; Тайны Вселенной. М., 1998; 100 великих книг. [В соавт.] М., 1999; Загадки Русского Севера. М., 1999. [Переиздание — исправленное и дополненное. 2005]; Тайны Земли Русской. М., 2000. [Переиздание — исправленное и дополненное. 2004]; Загадки Урала и Сибири. М., 2000; Гиперборея: Исторические корни русского народа. М., 2000; Загадки русских летописей. М., 2001; Тайны биосферы и ноосферы. М., 2001; Заветными тропами славянских племен. М., 2002; Звездная судьба народов России. М., 2002; Загадки российской цивилизации [В соавт.] М., 2002; Русь Гиперборейская. М., 2002. [Переиздание — исправленное и дополненное. 2005]; Русь летописная. М., 2002;

В.Н. ДЕМИН

Загадки Русского Междуречья. [В соавт.] М., 2003; Атлантида — Гиперборея. [В соавт.] М., 2003; Древнее древности: Российская протоцивилизация. [В соавт.] М., 2004; Русь сакральная. М., 2004; В поисках колыбели цивилизации. М., 2004. Тернистыми путями титанов. М., 2005; Драконы: Мифы и реальность. М., 2005; Русь нордическая. М., 2005; Северная прародина Руси. М., 2005; Гиперборейские тайны Евразии. М., 2005; Циолковский (ЖЗЛ). М., 2005; Бакунин (ЖЗЛ). М., 2006.

Научно-популярное издание

Демин Валерий Никитич
СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА РУСИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *С.И. Смирнова*

Компьютерная верстка *М.А. Виноградов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Г.Н. Фадеев*

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 9.03.2007. Формат 84 x 108¹/₃₂.

Гарнитура «AG_Souvenir». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 18.

Тираж 3000 экз. Заказ № 5318.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тулская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Откуда ты, русское племя? В разное время на этот вопрос отвечали по-разному. Мнения современных ученых также не совпадают. Доктор философских наук В.Н. Дёмин отстаивает и развивает концепцию Полярной прародины человечества. В книге приводятся разносторонние аргументы и факты в пользу существования в далеком прошлом на Севере высоко развитой цивилизации, называемой гиперборейской. Полученные выводы были подкреплены сенсационными открытиями в ходе экспедиций на Кольский полуостров.

ISBN 978-5-9533-2152-5

9 785953 321525

